Цена договорная Индексы: Роспечать 73274, Почта России П4254

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первой половине 2021 года журнал “Наш современник” планирует опубликовать:

— роман Александра ПРОХАНОВА “ЦДЛ”;
— роман Андрея УБОГОГО “Моя хирургия”;
— повесть Игоря ЦИРКУНОВА “Выживальщик”;
— повесть Наталии ЛЕСЦОВОЙ “Путешествие к чудесному полю”;
— рассказы Владимира КРУПИНА, Дмитрия ЛИХАНОВА, Михаила ЧВАНОВА, Сергея МУРАШОВА, Светланы ЛУЧКИНОЙ, Евгении САМАИ, Исы КАПАЕВА, Олега РЯБОВА, Валерия ХАЙРЮЗОВА и других авторов;
— прозу “новых традиционалистов” Андрея АНТИПИНА, Андрея ТИМОФЕЕВА, Юрия ЛУНИНА, Ирины МИХАЙЛОВОЙ, Елены ТУЛУШЕВОЙ, Александры ЯКОВЛЕВОЙ;
— стихи Евгения СЕМИЧЕВА, Валерия ФОКИНА, Елизаветы МАРТЫНОВОЙ, Марины АХМЕДОВОЙ, Дианы КАН, Николая КОНОВСКОГО, Марии ЗНОБИЩЕВОЙ;
— окончание книги Станислава КУНЯЕВА “К предательству таинственная страсть”;
— статьи Александра КАЗИНЦЕВА под рубрикой “Дневник современника”;
— материалы Сергея ШАРГУНОВА “Стоны страны. Депутатский дневник”;
— статьи Александра БОБРОВА, Алексея ВАСИЛЬЕВА, Анатолия ГРЕШНЕВИКОВА, Михаила ДЕЛЯГИНА, Бориса КЛЮЧНИКОВА, Юрия КОЗЛОВА, Владимира ОВЧИНСКОГО, Владимира ОСИПОВА, Лидии СЫЧЕВОЙ;
— окончание исследования Александра БЕЛОНЕНКО “Шостакович и Свиридов: к истории взаимоотношений”;
— продолжение книги Сергея КУНЯЕВА “Вадим Кожинов”;
— статью Сергея ПЕТУНИНА “Искусство легких денег: новый роман Виктора Пелевина”
— работу Александра СМЫШЛЯЕВА “Время полярных бродяг” о писателях-геологах;
— интервью Юрия ТАТАРЕНКО с Михаилом ТАРКОВСКИМ;
— статьи Александра ВОДОЛАГИНА, Бориса КУРКИНА, Марка ЛЮБОМУДРОВА, Юрия ПАВЛОВА, Яны САФРОНОВОЙ, Михаила ХЛЕБНИКОВА.

Дорогие друзья, не забудьте подписаться на журнал “Наш современник”!

“Наш современник”, 2020, №11, 1–288

НАШ СОВРЕМЕННИК

№11 2020

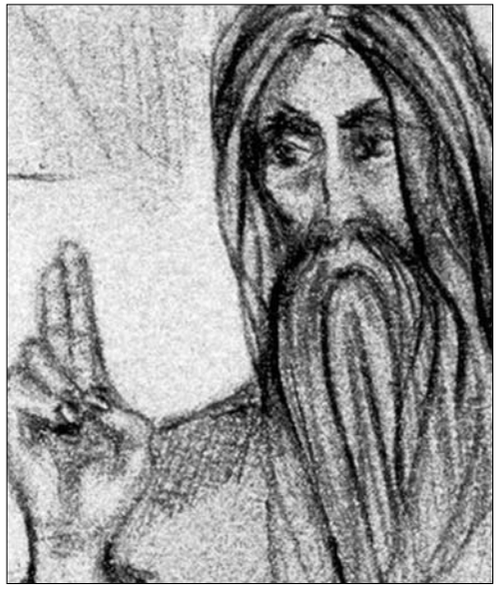
ISSN 0027–8238

НАШ СОВРЕМЕННИК

Журнал писателей России

№11 2020

АВВАКУМ — 400 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ



Аввакум и старообрядцы отстаивали идею преемственности русского взгляда на церковное устройство, освящённое Стоглавым Собором. Отсюда совершенно особое место в русской историософии обретает это событие 1551 года, отринутое церковными реформаторами. “Ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков”. Что протопоп Аввакум проявил себя как последовательный русский националист, обратил внимание уже в советские годы писатель Всеволод Никанорович Иванов. Тоже, как и Арсений Несмелов, эмигрант (впрочем, вернувшийся потом из Китая; есть версия, что разведчик). Его очерк “Оправданный Аввакум” входит в сборник “Огни в тумане: Думы о русском опыте”, увидевший впервые свет в Харбине в 1932-м. В нём такие слова: “Причина этого двухсотпятидесятилетнего пренебрежения к страданиям протопопа Аввакума со стороны русского общества лежит в том, что протопоп Аввакум не был революционером. Более того. Он был страстным убеждённым русским националистом. Вот почему имя его отсутствовало до сих пор в синодиках русской общественной истории”. Потрясения всегда заставляют обернуться назад. Смотреть не в будущее, а в прошлое: “Мы видим, что, в противность настоящему, в прошлом мы имели крепкое, сильное слаженное государство, и это преисполняет нас уважением к тем деятелям этого государства, которые его создали, и тем, кто держал тогда высоко стяг русского национального дела”.

Читайте статью Виктора Боченкова
“Мятежный пастырь, книжник дикий” на стр. 255.

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ЛОБАНОВА

“Как в жизни, так и в литературе больше всего хранится в памяти людей то, что затрагивает сокровеннейшие чувства человека, связано с тем, что принято называть “нравственным законом в сердце человека”. — Это отрывок из статьи М. П. Лобанова, которая впервые публикуется сегодня, из его последней автобиографической книги. Этическое начало — “от сердца к сердцу” — стало основополагающим принципом в произведениях самого писателя — участника Курской битвы (стрелка́), кавалера боевых орденов, выдающегося русского мыслителя, профессора Литературного института им. М. Горького, свыше полувека руководившего там творческим семинаром прозы. Весь его более чем шестидесятилетний творческий путь вобрал в себя главную тему его книг — *этическую, нравственную — в контексте истории России, её культуры, её созидательных ценностей, сопротивления нигилистическим, разрушительным силам*. Ещё в 1960-х живое творческое слово этого “признанного патриарха отечественной патриотической мысли” действенно противостояло тем, кого он назвал “разлагателями национального духа”, “литературными распространителями духовных вирусов”. В его публикациях отразились симптомы, предчувствие того, что произошло впоследствии, расцвело махровым цветом с “перестройкой-революцией”. Так, в своей нашумевшей статье “Просвещённое мещанство” 1968 года (в журнале “Молодая гвардия”) Лобанов прямо писал, что в будущем “рано или поздно смертельно столкнутся между собой… две непримиримые силы — американизм духа и нравственная самобытность” народа.

75 лет отделяет нас от торжества Великой Победы, а книги солдата Победы, стойкого воина духа Михаила Лобанова по-прежнему участвуют в борьбе *на передовой идеологического фронта*. Они помогают нам стоять в духовном стержне и сегодня, когда грозовые тучи, кажется, со всех сторон обложили Россию, а внутри страны, в той же информационной среде, как в мутной воде, вольготно *распространителям* новых и новейших духовных вирусов, растлевающих, по Лобанову, наше национальное сознание, ввергающих Россию в пучину бедствий под беспощадной властью денег, людоедской морали.

Новые размышления о литературе и жизни М. П. Лобанова — публикацию подготовила вдова писателя Т. Н. Окулова — читайте на стр. 238.

Памяти наставника посвящена статья (на стр. 228) писателя, выпускника лобановского семинара прозы в Литинституте 1990-х В. В. Килякова.

Наш современник 2020 № 11

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Содержание

Проза

Николай ИВАНОВ
Реки помнят свои берега.
Роман (продолжение) **11**

Лидия СЫЧЁВА
Новейшая история. *Рассказы* **62**

Александр ЛЕБЕДЕВ
Роза и Саша. *Рассказ* **81**

Поэзия

Юрий ПЕРМИНОВ
Ничего от сердца не отрину... ..... **3**

Александр НЕСТРУГИН
Бесстрашно, молодо, светло **7**

Николай КОНОВСКОЙ
На вселенском роковом просторе... ..... **56**

Иван АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
Но музыка всюду... ..... **59**

Наталья ТАГОРИНА
Имена **76**

Юрий ТАТАРЕНКО
Небо октября **79**

Магомед АХМЕДОВ
По русскому полю **86**

Очерк и публицистика

Сергей ШАРГУНОВ
Стоны страны.
Депутатский дневник **89**

Владимир ОВЧИНСКИЙ
Доморощенные джихадисты Европы **94**

Юрий КОМАРОВ
Хрущёвские реликвии Москвы **102**

Валерий БАДОВ
Метаморфоза сбитого лётчика **121**

Александр БОБРОВ
Неумолчная израильская канарейка **129**

Игорь ТЮЛЕНЕВ
Хайпа у Огрызки не получилось **134**

© “Наш современник”, 2020

МОСКВА

16+

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
***первый заместитель главного редактора* —**
(495) 625-01-81

С. С. Куняев —
***заместитель главного редактора, зав. отделом критики* —**
(495) 625-02-81
ns-kritika@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
***зав. отделом прозы* —**
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
***зав. отделом поэзии* —**
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

Я. В. Сафронова —
***редактор отдела критики* —**
(495) 621-48-71

Е. Н. Евдокимова —
***зав. редакцией* —**
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
***гл. бухгалтер* —**
(495) 625-89-95

Сергей ДМИТРИЕВ
Персидская струна русской поэзии 136

Тамара КУПРИНА
Было у матери пять сыновей 159

Вадим ЯКУНИН
Уроки Великой войны..... 164

Слово читателя

Спасибо Вам за "Наш современник" 170

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 180

Марина ЛИТВИНОВА
"Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.." 197

Василий КИЛЯКОВ
Предстояние 228

Михаил ЛОБАНОВ
Благословенно всё доброе на Земле, всё сострадающее и милосердное 238

Критика

Александр ВОДОЛАГИН
Всевластие огня..... 249

Виктор БОЧЕНКОВ
"Мятежный пастырь, книжник дикий" 255

Наталья ЕГОРОВА
"Из глубин бытия до горящей звезды доставая..." 276

Патриотика

Яна САФРОНОВА
Музей журнала "Наш современник" 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**
Сайт в интернете: **www.nash-sovremennik.ru,** эл. почта**: n-sovrem@yandex.ru**
Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".
Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова
Подписано в печать 05.11.2020. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №2340-2020. Тираж 3800 экз.
Отпечатано в АО "Красная Звезда", 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

НИЧЕГО ОТ СЕРДЦА НЕ ОТРИНУ...

* * *

Ночь прошла... Собачью перебранку
дождь сменил — не прыткий ни на грамм.
...Открывает лавку спозаранку
человек по имени Ваграм, —
говорят, всем сердцем он прирос к нам.
...Сколько надо, денег положу
на прилавок, дабы тем барбосам,
что не спят, купить по лавашу.

День — открыт... Ненастье — в заголовке,
что потом — отсюда не видать,
но пока у нас и в околотке
тишь и гладь, да Божья благодать.

Мой сосед с утра пустой, как бубен,
от похмелья — тяжко на душе...
Даже он жалеть Ваграма будет,
разорись тот в прах на лаваше!

Мы тут знаем: жизнь — не бакалея,
Ну, а сахар — даже не еда...

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 году в Омске. Автор двенадцати стихотворных сборников, двух книг эссе. Лауреат Большой литературной премии России и др. Секретарь Союза писателей России. Главный редактор альманаха "Тобольск и вся Сибирь".

...Никого на свете не жалея,
выжить можно,
но — не навсегда.

* * *

Про то, что нет пути другого,
наш долгожитель — дед Матвей —
поёт настойчиво и строго,
сверкает взгляд из-под бровей!

Играет с чувством он (сноровка
осталась), радуя народ.

В том, что в коммуне остановка,
что паровоз летит вперёд,
нам, поселковым, нет изъяна,
хотя и до́жил слух доднесь,
что, кроме старого баяна,
у старика винтовка есть.

* * *

Почти что через дерево — кормушка
для зимних птиц... Простое, как рядно,
светлеет небо.
День за днём церквушка
растёт в посёлке Солнечном...
Давно

он это имя носит, небогато
живёт, и нет особенных красот...
И что с того? — Своё порой горбато,
но мило (никогда — наоборот).

Как никогда, предзимний ветер ко́лок.
Снег, погрузив к началу ноября,
надолго вжился в Солнечный посёлок
(а есть и Светлый, к слову говоря).

Почти как всех, года посёлок старят,
но говорят же люди, что вот-вот —
на Параскеву — маковку поставят:
таджики — обязательный народ.

И мы живём на честные полушки,
в трудах, не зарекаясь от сумы...

Ну, и никто не скажет, что кормушки
для зимних птиц построили не мы.

* * *

Очевидно — вполне вероятно! —
на посёлок
окраинный
наш —

с утреца — как школяр, аккуратно —
наточу свой простой карандаш.

Основательно снежные сети
на деревья наброшены,
крут
колотун преждевременный; дети
могут дома сидеть, но идут
в нашу старую школу...
Будильник
сердца вызвонил грустный вопрос
(неожиданный, как подзатыльник
от жены): навсегда ли мороз?

Выйду жителям нашим навстречу,
через дерево — снега скирда...

Про мороз ничего не отвечу,
про посёлок скажу: навсегда.

* * *

Ничего от сердца не отрину,
никого уже не разлюблю...
Догола, до ягодки рябину
птицы доклевали к февралю.

Погрущу тихонько под гармошку...
Ночь темна, как будто собрала
звёзды Матерь Божия в ладошку,
точно крошки хлеба со стола...

* * *

Встревожилась к но́чи душа, как голодная рыбка
в аквариуме, но осталась пока что при мне,
бродящем по комнате в тапках с китайского рынка;
и непредсказуемо, точно ружьё на стене,
мой город молчит: ни случайного вопля, ни песни,
ни смеха, ни плача...
Молчащему — трудно помочь:
ведь что-то случилось — печальное — с городом, если
никто из людей не запел в новогоднюю ночь.

Ни скрипа, ни вздоха... И дни — переходят на шёпот.
Сосчитаны крошки во всякой чужой бороде...

И кажется мне: обязательно выстрелит что-то
на днях или после. Не важно — откуда и где.

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ

Время шло — страница за страницей,
экономно тлел ночами свет...

Прочитал, доехав до столицы,
“Бесов” Достоевского сосед

по купе. “На то они и черти...” —
заглянул в нетленный вещмешок,
первача — навскидку если — четверть
фляги проглотил на посошок.

На Казанский прибыл поезд скорый:
путь в Москву — не долог, но не мал...

Мой попутчик — там, где выход в город, —
долго и растерянно стоял...

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

БЕССТРАШНО, МОЛОДО, СВЕТЛО

* * *

Я замечал: леса чернеют,
Вмерзает в лёд пустой причал...
А то, что руки коченеют,
Я даже и не замечал.

То листобой ходил парадом,
То иней мир мой величал...
А то, что никого нет рядом,
Я даже и не замечал.

Не шут, не карлик в чьей-то свите,
Я сам свои снега встречал.
А то, что мне — уже не выйти,
Я даже и не замечал...

НЕСТРУГИН Александр Гаврилович родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Стихи и эссе публиковались во многих литературных изданиях России и зарубежья. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии им. В. Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии "Имперская культура" им. Э. Володина (2008), международного литературного конкурса им. А. Платонова "Умное сердце" (2012). Член Союза писателей России. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

* * *

Обыденность со стынущим обедом,
За полу не хватай меня, уйди!
Грачи кричат на языке победном,
И что-то обрывается в груди...

Бессонницам моим, снегам, обидам
И чьей-то лодке, краем вмёрзшей в лёд,
Грачи кричат на языке забытом —
И никому не нужен перевод!

И день стоит, растроган и расхристан,
Сугроб подталый на затылок сбив.
И многоточьем после вечных истин
Чернеют гнёзда в сучьях старых ив...

* * *

Жар-птицы есть, но мало.
Есть люди. И они
Как встарь, из краснотала
Ещё плетут плетни.

Над жёлтою горою,
Над поймою донской
Плетни горят зарёю —
Своею, хуторской!

Да, есть важней ремёсла...
Зато в любом дворе
Мальчишка ставит вёсла
Сушить
внаклон —
к заре!

МАНОК

А. Бровашову

Вещица — так, пустяк, игрушка,
Похожая на детский горн.
Но откликается послушно
Олень...
Ведь у оленей — гон!
И треск ветвей — всё ближе, ближе...
К чему таиться и кружить?
Забыто напрочь слово “выжить”,
И бьётся, бьётся слово “жить”!
Трещит орешник, гнутся ивы
И расступаются терны.
Глаза, что отроду пугливы,
Каким огнём озарены!
Он слышал зов!
И вот, как в клетке,
Он мечется в лесу большом!
А егерь делает пометку
Химическим карандашом...
В лесу учёт.

Манок — уловка,
Вреда не сделавший пустяк.
Но знаешь: всё-таки неловко...
Ведь и с людьми порою — так...

ЗНАК

Провинция...
Какая скука!
Куда нести её, кому?
Какая медленная мука:
Сгорать бесследно одному!

Хоть не бездомник, не гуляка,
Выходишь в сумерках к холму,
И сердце, вопреки уму,
Ждёт отклика, ответа, знака!

Ответа нет.
Собака лает.
Задуло фонари село...
И Млечный Путь опять пылает —
Бесстрашно, молодо, светло!

ОХОТА

Слезлив стал...
Да, видимо, возраст,
Хоть вроде и рано о том.
А может быть, осень...
Задумчивый воздух,
Осина с багряным листом...
Давно не случалось такого вот лёта —
Стреляют с обеих сторон.
Но медлит, как будто припомнивши что-то,
К стволу поднесённый патрон.
И ветер мышонком, забравшимся в сенцы,
Шуршит в побелевшей куге...
Наверное, осень...
А может быть, сердце,
Что было сродни пустельге:
Глядело далёко, летало высоко,
Не мучилось зряшной виной.
И падало долго, как маленький сокол,
Задетый дробиной шальной.

ТЕТРАДЬ

Памяти А. Прасолова

Удивлялись: "Ты, глянь, исхитрился, попал!"
Все гадали: "И как же сумел?"
А в тетрадке его, что в сельпо покупал,
Вырос лес — и листвой зашумел!

А в тетрадке его — то ли бог, то ли бес
Верной ночью ему подмигнул —
Под ветрами шумит, колыхается лес,
И до звёзд занимается гул!

Не заоблачный гром, не полночный набат —
Этот гул не похож на земной.
Но расслышав его — и куда все глядят? —
Даже взгляд, даже облик иной.

И зачем все глядят в белый свет, в синий дым,
В запредельные дали-края...
Даже те, даже те, что глумились над ним,
Что кружили — черней воронья,

Что сходились, как тьма, что смыкались стеной:
Мол, бродяга, и втёмную пьёт.
И клеймили сельпо наше чёрной виной,
Что тетрадки таким продаёт...

* * *

Я предисловия читаю после...
Там лес не свищет, вьюга не поёт,
Там некто в чёрной рясе с рожей постной
Поэту индульгенцию даёт!

Там некто — пусть лишь с виду — важный, сытый
По полочкам разложит боль и страсть.
Как будто мир мятежный, как проситель,
Кому-то вправду может в ноги пасть!

А голос служки величав и зычен,
Он, этот служка, знает, что почём:
От всех грехов, от всех своих язычеств
Мятежный дух отныне отлучён...

И я кричу, кричу: “Замолкни, дурень!
Не место там лукавому льстецу —
В стихах его, где резкий ветер дует
И ветки вётел хлещут по лицу...”

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

РЕКИ ПОМНЯТ СВОИ БЕРЕГА

РОМАН*

Часть вторая

КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ

Глава 1

— Оставим всё как есть. А тебя перебросим на другой участок.

— Нет.

Начальник Оперативного управления снова вчитался в рапорт Егора, словно в нём могли появиться какие-то новые объяснения по поводу его увольнения из налоговой полиции.

Сам Егор отрешённо глядел в окно. Оно располагалось ниже бетонного забора, выкрашенного в жёлтый цвет, и капитан поймал себя на мысли: а ведь это тупик. За последние два года он успел побывать и рядовым бойцом в Персидском заливе, и диверсантом в Колумбии, и политическим вредителем для Прибалтики, и охранником у Президента, и почти Героем несуществующей ныне страны. А теперь вот скатился до "семёрочника" с их легендарным, но слишком уж специфичным ДОФУ[1]. И вынужден сидеть за жёлтым, как в психушке, забором, пряча лицо даже от сослуживцев по Маросейке. "Групповых фото не делать, из полиции дружбу ни с кем особо не заводить, потому что в любой момент можем пойти по следу какого-нибудь "оборотня", — не уставал повторять розыскникам начальник управления.

Итог жизни и службы?

— Не хочу. Не моё, — повторил в который раз Егор.

— Мы ещё долго будем встречать своих друзей, знакомых и даже родственников в самых неожиданных местах при самых невероятных ситуациях, — словно для самого себя тихо проговорил генерал, не обратив на заклинание капитана никакого внимания. Налил в чашку кипятка, но не для чая, а чтобы согреть на ней руки. Объяснился: — Потому что мы не сбежали, остались в стране, а в ней каждый выживает, как может. Время паскудное, всех жалко, но если останемся благородненькими, потеряем не только друзей, но и государство.

Егор усмехнулся. Но не словам генерала, а дежа-вю: ещё совсем недавно его точно так же уговаривали остаться служить в ГРУ и в "девятке" —

---

* Журнальный вариант. Продолжение. Начало см. в №10 за 2020 год.

[1] ДОФУ: "Дмитрий" – досмотр квартир негласный, "Ольга" – прослушка, "Фёдор" – фото скрытой камерой, "Ульяна" – сбор компромата.

и неизменно в интересах Отечества. Он оставался, служил, но что толку, если и страны, по большому счёту, уже нет.

— На "гражданке" нам без нормальной профессии только два пути, — продолжал размышлять генерал. — Первый — самому пойти в бизнес, что автоматически означает криминал. Второй — лечь под кого-то. Третьего ларца не откроется.

— Пробьёмся, — не согласился с обоими вариантами Егор. Он не намерен ни под кого ложиться. Позвонит "кап-разу" и уйдёт к нему в охранники.

— Это твоё дело, но... жаль. Мы бы сработались, — не уловив в голосе подчинённого сомнений, подвинул к себе рапорт генерал. Ещё мгновение подарил Егору на раздумье, отвинчивая колпачок на чернильной авторучке. Потом столько же — выбирая место для подписи. И, наконец, примериваясь к ней. Ну же, не стоит трепать нервы...

Треплет!

Резким движением начальник отодвинул рапорт. Повернувшись в кресле, открыл дверцу стоявшего за спиной сейфа. Взял лежавшую сверху прозрачную папку с парой листочков внутри. Похоже, они касались Егора, потому что генерал улыбнулся ему:

— Тут из администрации Президента прислали твоё представление на Героя. Уважаю. Но... Поскольку этого звания уже нет, есть предложение представить тебя к ордену "За личное мужество". Не против?

Егор нервно, коротко хохотнул. Отыскалась пропажа. В таком усечённом виде? Только если не Герой, то и другого не надо.

— Я понимаю, не равноценно, но от паршивой овцы...

— Я не паршивым овцам служил, товарищ генерал! Родине.

— Извини. Ты прав.

Генерал собрал в одну стопку и наградные листы, и рапорт, отправил в сейф. Зато оттуда извлеклась пухлая, едва удерживаемая тесёмками, очередная папка. Приподнял её, чтобы посторонний не смог увидеть ни одной строчки. Всё правильно, Егор теперь — посторонний...

— Здесь всё о фигурантах, которых ты вёл. Но, как понимаешь...

— Я пока при погонах.

Однако генерал раскрывать папку не стал по другой причине: знал содержимое наизусть. Подвинул чистый лист бумаги, набросал на нём несколько квадратов, соединил их стрелами.

— Это — бумажный магнат Швеции. Это — карельский целлюлозно-бумажный комбинат, который даёт продукцию не хуже шведской и является, естественно, первым конкурентом в регионе. Шведы знакомятся с главным лесничим Карелии... Чему улыбаешься?

— Мой отец — тоже лесничий. Охраняет чернобыльский лес.

— Ну-у, с ним вряд ли кто станет знакомиться, Чернобыль никому не нужен. А тут после знакомства лесничий выкупает несколько акций комбината и убеждает рабочих, что если на комбинат придёт иностранец, то он модернизирует производство, найдёт заказы, пойдут зарплаты — короче, набор дежурных обещаний для попадания в рай. Так в России появляется некий господин Карл Оберг, который женится на русской... А теперь рассказываю инструкцию, как грабят Россию.

Генерал и впрямь достаточно подробно изучил карельское дело, потому что без запинки принялся раскладывать по полочкам аферу:

— Новое руководство остановило комбинат якобы на профилактику. Прекратив попутно подачу горячей воды в город.

— А что, на город одна котельная?

— Одна, потому что он и строился вокруг комбината. Наступила осень, и замерзающие жители принялись бунтовать. Одним из условий возобновления работы котельной швед потребовал ни много ни мало — аренду лесных участков, где были сосредоточены основные запасы сосновой древесины. Плюс право её рубки без оплаты лесных податей. Плюс пятикратное сокращение численности рабочих.

— Зачем? — на этот раз искренне удивился Егор. — Ведь добыча-то увеличивается.

— А лес пошёл в Швецию, им на переработку, — как перед маленьким, который ищет спрятанную конфетку, развёл руками генерал. — Зато на самом комбинате под лозунгом замены оборудования начинался его полный демонтаж. Вместе с разборкой самого здания. Но!

Тут оперативник сделал театральную паузу, давая единственному зрителю понять, что только теперь он приступает к самому главному. А чтобы ничего не упустить, всё же подвинул к себе суфлёра — папку с документами:

— Демонтировалась одна из самых современных бумагоделательных машин, — одна стопка документов из папки перекочевала на правый угол стола. — Под ликвидацию также попали две установки непрерывной варки, — вправо отправился ещё один документ. — Разобрали здание гидролизного завода. Корпуса, где изготовлялась сухая целлюлоза. Остановилась станция для сжигания отходов и получения пара, необходимого для производства бумаги, — документы перемещались на столе конвейером. — Цех по производству бумажных мешков, способный производить до миллиарда штук в год, сворачивал производство до двадцати миллионов.

Две стопки оказались почти равными, в левой наверняка хранился компромат на шведа, который требовалось получить через Иру. Но Егор попробовал если не защитить её, то хотя бы разделить на всех ответственность за произошедшее:

— А куда мы смотрели?

— А кто ныне разрешит даже нам, налоговой полиции, смотреть в чужой двор? Да ещё иностранный? Недемократично и не по-рыночному, иначе ты враг перестройки. Единственная зацепка, по которой мы могли работать, — это добыть документы и доказать, что всё делалось по злому умыслу и предварительному сговору.

— А… швед давно на крючке?

— Как только заполучил комбинат.

Значит, после отъезда Иры. А если тень падёт и на Олича? Или брат за сестру не отвечает? Какие нынче времена за окном? Где сам Максим, на каком "холоде"?

— К нам пришла информация, что новое руководство снизило требования к качеству продукции. А это мгновенно дискредитировало комбинат на мировом рынке, — продолжил генерал, дав подчинённому время обдумать услышанное. — Снизилась выручка, и буквально за несколько недель комбинат стал работать в убыток. И это при том, что управленческие расходы увеличились в десятки раз — то есть деньги уходили в наличку. Наша бумага, которая давила конкурентов на Лондонской бирже, фактически сошла "на нет", оставив на рынке только шведов. Единственное, что сохранилось в рабочем состоянии, — это варочное, вредное производство.

"Господи, чем я занимаюсь? Какого чёрта мне всё это надо? — с тоской глянул Егор в окно. Узкая полоска серого неба над жёлтым забором… Ничего не изменилось, ничто никуда не исчезло… — Почему я вообще здесь, в этой системе? Я, разведзверь! Превращаюсь в ищейку?"

— И что дальше с вредным производством? — спросил, лишь бы мысли о прошлой службе не задавили полностью.

Ответить не дал телефонный звонок. Однако генерал даже не обернулся на тумбочку с телефонами, посчитав разговор с Егором более важным:

— А под него шведы планируют получить международный кредит. На решение экологических проблем края. Эти документы вы тоже должны были добыть в поезде у курьера. Потому что вопросы экологии уже "решены": Оберг сумел договориться с международными и нашими экологическими организациями, что к комбинату штрафные санкции применяться не будут. То есть деньги — снова себе в карман, а экология Карелии — по боку. Всё. Отчёт закончен. Чай будешь? А я с семи утра, как студент перед зачётом, — хлопнул ладонью по стопке книг по бухучёту. Сделал глоток остывшего чая. — А возвращаясь к нашим баранам, то есть к шведам, — думай,

насколько тебе постыдно пресекать такой бандитизм в отношении собственной страны.

Генерал оглянулся на телефоны, но они молчали. Кивнул на сейф, поглотивший рапорт Егора:

— А с этим давай всё же повременим. А тебя и впрямь перебросим на какое-нибудь другое направление. Хочешь сталью заняться? Или рыбой? Нефтью? Везде бардак, и везде всё мимо кассы. Сутки на размышления. Иди.

Егор ни настаивать на своём, ни просить о чём-либо не стал. По мере того как ему раскрывалась афера с лесом, терялась единственная зацепка за гражданскую жизнь: он не пойдёт служить к "кап-разу", которого самого впору вытаскивать из клоаки. А в первую очередь всё же надо оградить от шведа Иру. Даже несмотря на то, что у них будет ребёнок…

В свой кабинет не стал возвращаться, толкнул дверь на улицу. Когда-то она не хотела открываться и впускать его в здание. Как невнимательны мы к приметам!

Ветер выворачивал зонты у прохожих, заставлял втягивать головы в плечи. Холодный дождь замыкал людей в себе, горизонт для них заканчивался если не козырьком собственной шляпы, то всего лишь пятками впереди идущего человека. Однако не успел Егор сделать несколько шагов в сторону метро, как через дорогу наперерез машинам к нему перебежала Оля. Уже приставлена следить за ним? Есть и такой способ — демонстративная слежка, с давлением на психику…

— Привет.

Оля покраснела, опустила взгляд: ни для кого не секрет, что мужчина начинает ненавидеть ту женщину, которая увидела его слабым. Но пересилила себя и спросила:

— Тебе чем-нибудь помочь?

— Мне?

Подобного участия Егор Буерашин не ожидал. Слёзы, истерика, ненависть, презрение — первым в патронташе оставленной женщины лежит именно этот арсенал. Оля не такая? Собственно, он её и не оставляет. Оставить можно то, что тебе принадлежало. А стоявшая перед ним девушка — просто случайная знакомая. Которая, тем не менее, своей самоотверженностью заслуживала большего к себе уважения. А обиды он мог оставить при себе…

— Слушай, а как ты сегодня после работы? Давай хоть раз поужинаем вместе. Вон что-то рыбное напротив, — кивнул на вывеску с варёными раками.

У Оли имелось свободное время и сейчас, но она чутко уловила: на данную минуту Егор хочет остаться один. А вечером — так вечером. Улыбнулась, кивнула и исчезла, растворилась среди толпы одиноких прохожих. Добрый человечек, добровольно ставший серой мышкой…

"И при этом никто не тянул за язык", — вздохнул Егор, потому что вечером уж тем более он не хотел бы ни с кем встречаться. Ему надо думать, что делать с Ирой. Она обещала позвонить, не разрешив проводить себя с вокзала. Куда уехала на такси? К бывшему мужу? Максима ведь нет в Москве… Или передавать документы? Пошла ли за ней другая "наружка"?

Тронулся в сторону метро, увёртываясь от зонтов, выставленных щитами. Ах, Москва, Москва… Умеющая единовременно быть и убогой, и величавой. Чванливая к одним и готовая делиться последним с другими. Возвышающая людей и уничижающая их до пыли под подошвами чиновников. Город-мечта и город-проклятие. Место, где среди многомиллионной толпы можно испытать страшное одиночество и где невозможно остаться наедине со своими мыслями.

— Разрешите, — попросили его обогнать две девушки, боявшиеся оторваться мизинчиками друг от друга.

Разрешает. Всем всё разрешает. А сам ступает с узкого тротуара в лужу…

Но и в ней не нашлось покоя: паркующийся джип помигал фарами — освободи местечко. Хоть обратно лети в Колумбию, в пещеру, где он был нужен всем.

Ноги промокли, и он возвратился в здание. В кабинете на столе лежала оставленная напарником бумажка с написанным телефоном. Ира! Позвонить мог кто угодно, но он почувствовал — она. Если бы сосед знал, какая женщина звонила, он бы выводил каждую циферку каллиграфическим почерком.

Схватился за трубку.

— Егорушка, милый.

Егор обомлел. Так его ещё никто не называл с детства. Но испугался другого — нутром почувствовал, что у Иры уже что-то произошло. Оттянул ворот рубашки с удушливой петлёй галстука, обреченно готовясь услышать подтверждение догадке.

— Я могу попросить тебя о встрече?

— Куда подъехать?

— Давай просто погуляем после работы. На "Пушкинской".

"Около "Пушкинской" газета "Известия", — машинально отметил Егор. — И первый в стране "Макдоналдс".

Нет, это была не машинальность — он прятался за известные ему штрихи, чтобы не думать о том, что могло произойти с Ирой. А думать придётся…

И только выбежав уже в сумерках из здания и увидев на противоположной стороне Олю, вспомнил о своём обещании ей поужинать креветками. Стал как вкопанный. Влетел. Сразу четырьмя колёсами в такую выбоину…

Оля, вначале легко махнувшая рукой, настороженно замерла, увидев, как Егор с усилием заставляет себя переходить дорогу. И едва он оказался рядом, сложила в мольбе руки:

— Прости, но… меня бросают на передовую. Кто-то из девочек заболел…

Егор не смог скрыть просветления на лице. Неужели не придётся выкручиваться?

— Ну вот… Тогда, может, завтра?

— Давай сначала посмотрим, что будет завтра, — не стала торопить события Оля.

— Хорошо, — охотно согласился и с этим Егор. Не сдержавшись, посмотрел на часы — Ира начинает собираться на встречу. А с Олей он обязательно сходит поужинать. В лучший ресторан. Таким женщинам, как она, должно доставаться всё самое лучшее.

— До завтра, — словно почувствовав его нетерпение и спешку, отпустила Оля.

Когда Егор, торопливо кивнув, исчез за прохожими, горько усмехнулась. Подошла к телефону-автомату. Кусая губы, медленно набрала номер.

— Это я. Уговорили: я выхожу сегодня в ночь.

— Но ты только что…

— Всё течёт, всё меняется.

— Ладно, меня уговаривать не надо. Но как только тебе потребуется день… Или ночь… И не будем смешить ничьи подковы.

— Не потребуются, — оборвала Оля и нажала на рычажки. — Не потребуются, — повторила для себя и, не выдержав наигранности, расплакалась.

Улыбка сошла и с лица Иры, когда она увидела идущего к ней по лужам, тараном сквозь толпу, в распахнутой ветровке Егора. На что-то решившегося. А ей не нужно сейчас никаких резких движений. Никаких! "Умоляю!" — поспешила выбросить ему навстречу то ли белый флаг, то ли щит. Не заметил, прошёл сквозь женскую мольбу и попросил сам:

— Бросай всё и всех, будь со мной.

Ответ безошибочно прочёл в потухшем взгляде Иры: идти в девятиметровку общежития с общим коридором и общим туалетом? В ситуации, когда неизвестно, как пройдут роды? Часами бегать по Москве за пакетом молока?

Скорее всего, было ещё что-то в этом потухшем взгляде, но Ира умоляла больше не теребить её сердце. Потому что… потому что она боялась поддаться чувствам, забыв про разум. И тогда… Нет-нет, заглядывать за черту

опасно, за ней размоется сознание, а похмелье окажется горьким. Не по восемнадцать лет обоим. Просто не там бродили их ножки по стёжкам-дорожкам в юности, если не соприкоснулись. А сейчас слишком поздно что-то менять…

Прикрыл глаза и Егор, гася свою вспышку. С этим теперь надлежало как-то жить — Ира никогда не станет его. Она, собственно, и не была никогда его…

— Отдохнула хоть?

— Домой заезжала, — она сама заговорила о неприятном, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос. — Поговорили с мужем. Он… простил. Понял и простил. Всё хорошо. Всё хорошо? — попросила подтверждения, дёрнув за рукав.

— Хорошо. Но можно попросить тебя…

— О чём? Ну, — поторопила Ира, когда Егор умолк, не решаясь подступиться к главному. Если швед посылает беременную жену в качестве курьера — это не есть "всё хорошо". Но как сказать об этом? Где грань между намёком и служебной тайной? — Ну же! — ей не терпелось перевести разговор, а в голосе Егора мелькнули спасительные нотки.

— Обещай, что до родов больше не будешь никуда ездить.

— Да я прекрасно себя чувствую.

— Прошу тебя. Умоляю. Поклянись.

— Что-то случилось? — вновь насторожилась Ира. Слишком настойчива мольба…

— Нет-нет, я… Ты мне очень дорога. Поэтому умоляю. Дай слово. Прошу.

— Хорошо, даю.

Скосил глаза на пакет в её руках:

— А у тебя ещё какие-то дела есть в Москве?

— Особо нет. Передать вот эти бумаги Карла его партнёрам — и свободна. Кофе попьём?

— А… когда встречаетесь? — не упускал главного Егор.

— С партнёрами? Так вот и идём к памятнику Пушкину.

Но Егор застыл. То, что о месте передачи бумаг известно на Маросейке, сомнений не вызывало. Эх, Юрка-Юрка, тащил в налоговую на интересную службу и хорошие деньги, а получилось, что на эшафот…

— Слушай, а можно… мне переговорить с ними? Командир мой увольняется со службы, ищет себе работу, а вдруг у них какое место для него подвернётся?

Ира посмотрела недоверчиво, но Егор скосил глаза на кругляш уличных часов.

— Я скажу, что ты задерживаешься. А я бежал в эту сторону, посодействовал, — нашёл совсем уж детскую причину для "неожиданной" встречи Егор и сам усмехнулся её несерьёзности. И чему учили в "наружке"? — А ты меня подождёшь вон в том кафе, займёшь столик.

Сделав вид, что поверила, Ира протянула пакет.

Ах, Пушкин, Пушкин, несчастный Александр Сергеевич!.. Сколько встреч и разлук свершилось у твоего пьедестала, сколько цветов несли сюда, но не тебе, а маленьким, не дотягивавшимся даже до твоего постамента, женщинам. Впрочем, ты сам любил их и посвящал им лучшие строки, вознося до неземных высот.

Егор выглядывал двух мужчин, поэтому вместо букета держал в руках пакет с бумагами. Документы представляли оперативный интерес, были архиважны для полиции, и группа захвата их не упустит. Зато Ира останется юридически чиста: контакта с партнёрами не произойдёт, в её руках ничего нет. Зато никто не простит измены ему, и генерал первым вытащит из сейфа рапорт. Или напишет собственный. Где его опера? Под какую баночку сока или фару в автомобиле закамуфлированы их видеокамеры?

Оглядел подступы к памятнику. Ни врозь, ни в парах крепких ребят из физзащиты не выявил. "Прочистил" лавочки: в большинстве своём девушки

ждут, волнуются, теребят сумочки, поглядывают на часы, подслеповато разглядывают себя в зеркальцах. Впрочем, всё то же самое проделывала бы и "наружка". А вон и двое в клетчатых кепках, с дипломатами. Явно выискивают нужный объект. Но Иры нет. И не будет. Ей рожать, а не сидеть в СИЗО за шпионские игры мужа.

Вроде никто из окружающих не дёрнулся при появлении джентльменов, если не считать, что одна из дамочек спрятала зеркальце. Наверняка наблюдала через него приближение шведов. Да или нет? Забросила ногу на ногу. Сигнал? Всё же мудры оказались организаторы налоговой полиции, поселив "наружку" изолированно от всех: никто её не видит в коридорах Маросейки, 12 и не знает в лицо. Так "да" или "нет"? Да или нет — уже без кавычек, потому что времени не остаётся даже на них...

— Извините, вы ждёте Иру от господина Оберга? — стремительно подошёл к мужской парочке Егор.

Едва те недоуменно кивнули, протянул им пакет. Но ещё раньше — на мгновение, ровно на время, пока задавался вопрос, с лавочек вспорхнули девицы — и та, с зеркальцем, тоже! Женская группа — ждали Иру. Ближняя, отбросив зонтик, в прыжке перехватила руку шведа с полученным пакетом. За спиной незнакомцев выросли-таки крепкие парни, до этого устанавливавшие рекламный щит. А когда Егор легко вывернул руку из девичьего захвата, его тут же подбили сзади по ногам, завалили на землю. Воткнули лицом в мокрый, исполосованный шрамами от скребков и лопат, изъеденный оспами выбоин асфальт. А он и не стал сопротивляться. Лишь бы Ира не прибежала на помощь!

— Кино снимают, — послышалось чьё-то недоверчивое предположение. — Вон камера.

Однако его развеял знакомый голос Вани-холостяка:

— Зря ты это сделал. Не надо было смешить ничьи подковы.

Глава 2

На Суземку падал непонятно откуда взявшийся в апреле снег. Старец-морозец из последних силёнок исхитрился ночью прихватить землю, и белое покрывало ложилось ровно, незримо нарастая невесомым пухом.

Вера смотрела на него из окна больницы. Оксана после капельницы уснула, и хватка, которой она впилась в её руку, ослабла. Можно было потихоньку собираться домой, но лучше посидеть в тепле, чем танцевать в лёгких полусапожках на остановке.

— Начинается "тихий" час, надо освободить палату, — подошла медсестра.

Возраста она была одинакового с Верой, но медицинский халат позволял распоряжаться, и Вера безропотно высвободила руку из ладошки сестры. Вышла в полутёмный коридор.

— Центральную дверь уже закрыли, выйдешь через "Скорую помощь".

"Скорая помощь" должна принимать, помогать, а тут — выпроваживает...

На лестничной площадке от них испуганно отшатнулся врач: похоже, он уверовал в "тихий" час и тайно покуривал в неположенном месте. Возможно, сам же и гонял персонал за подобные прегрешения, потому что покраснел, начал торопливо кивать обоим свидетелям, выискивая оправдание:

— Мне... э-э, поговорить с вами, — увидел спасение в Вере.

Медсестричка безоглядно исчезла в коридоре, окурок ловкостью фокусника растворился в одной из щелей подоконника. Вера напряглась перед известием.

— Вы, наверное, замечали, что ваша сестра... э-э, стала утомляться, ей недоставало дыхания, появилось головокружение, — теребя нос, начал издалека врач. Только Вере и этого оказалось достаточно, чтобы замереть. Это что, ей припишут плохой досмотр за ребёнком? Она виновата в болезни Оксаны? Но никакой одышки, никаких головокружений не проявлялось...

— У вашей сестры... э-э, компенсированные, скрытые симптомы...

— Что? — выдавила из себя Вера.

— …порока сердца. Подобное проявляется… э-э, в период полового созревания. Хорошо, что вовремя спохватились и привезли.

— Что делать? — вытаскивала клещами информацию Вера. Ведь это же не страшно? Было бы серьёзно, уже везли бы в больницу в Брянск.

— Между двумя плоскостями сердца есть клапан, — продолжал разжёвывать врач, и это уже становилось страшно. При пустяшной болячке так анатомию по полочкам не раскладывают. — Левое даёт… э-э, БКК — большой круг кровообращения, правое — гонит кровь в лёгкие… У сестры же клапан перестал выполнять свою функцию и погнал венозную кровь… Короче, нужна по возможности… э-э срочная операция по замене клапана.

— Я согласна, — встрепенулась Вера, хотя никакого согласия под ружьём бы не подписала. Важно было отрезать пути отступления врачу, чтобы не оставил без присмотра сестру. А потом уже разбираться дальше.

Врач с лёгкой усмешкой вновь постучал пальцем себе по носу, хотя мог бы, наверное, и около виска: откуда ты, девочка? В какое время живёшь? Социализм кончился…

— Сейчас это… э-э, дело платное.

— Дорого?

Врач оглядел Веру, вздохнул. Так вздыхают риэлторы, оценивая покупательскую способность своих клиентов: ваших сбережений хватит на один метр в кухне. В доме на самой окраине города.

— А… очередь? Очередь же какая-нибудь есть? — не хотела верить в безнадёжность Вера. Тронула за халат доктора — не молчите!

— В очереди можно стоять до светлого будущего.

От его "светлого будущего" пахнуло таким холодом, что Веру передёрнуло. Врач развёл руками — извините, я обязан говорить правду. Но попробовал дать маленькую надежду, прекрасно осознавая, что её нет:

— Вы зайдите ко мне… э-э, завтра утром, я ещё раз просмотрю кардиограмму, анализы…

Вера закивала: да-да! Конечно, завтра. Потому что сейчас он говорит, не выверив до конца диагноз. Просто спасает таким образом своё реноме борца с курением. А завтра всё окажется по-другому. Или надо сменить врача, потому что они ошибаются даже чаще учителей…

— Но деньги всё равно надо… э-э, искать. И срочно. И много. Извините.

Едва Вера вышла из больничных ворот, из припорошенных машин-скворечников голодными птенцами высунули головы таксисты-частники. Не усмотрев в поникшей фигурке денежной стати, нырнули обратно в тепло. Интересно, сколько они зарабатывают в день? Сколько надо им наездить, чтобы набрать нужную Оксане сумму? Её тоже скажут завтра?

Около остановки сидела вечная, как женские страдания, рябоватая бабуля, на этот раз торгуя парой старых галош. Может быть, даже снятыми с собственных валенок, покорно застывших в наметённых сугробиках. А сколько галош надо продать, чтобы набрать на операцию? Если б хватило, она согласна сидеть рядом и торговать…

На Веру торговка повела одними глазами, но узнала:

— Нынче до Журиничей не добежишь, застынешь. Так что жди автобуса.

Ей хотелось поговорить, она даже чуть стряхнула с плеч снежные, явно доросшие до генеральских погоны. У Веры настроения к разговору не было, оглянулась на железнодорожный вокзал. У его входа вывешивали пограничные флаги и указатели, и это вдруг потрясло Веру, зримо дало понять: Советского Союза и в самом деле больше нет, если зелёные фуражки теперь не в Бресте, а здесь, в центре страны. Поэтому и Оксашка оказалась беспомощной перед болезнью?

— Грустная ты, детка, — не отставала торговка. — Может, подсоблю каким советом? Я тут всех знаю. Что у тебя в Журиничах?

— Пионерские организации закрыли, — начала Вера с самого дальнего. — Должность в школе сократили.

— Это да. Это лопату с топором ещё никто друг у друга не вырвал, а вот кресла свои начальники будут защищать, как Брестскую крепость, — старуха

смахнула варежкой снег с галош. Может, всё же спросить, сколько выручает за день? — Я вон сижу на двух гнутых копейках весь день, а в селе хоть и трудно, но продержаться можно. Ты только руки не опускай.

"Я-то что, я могу. Тут об Оксанке речь", — вздохнула Вера. Но поскольку продавщица оказалась первым человеком, поинтересовавшимся её положением, не сдержалась, поведала и другую причину грусти:

— У меня сестра с братом на опекунстве. Не будет работы — отберут снова в детдом. Такие законы.

Про самое страшное — болезнь сестры и деньги, не заикнулась. Это развеется завтра. Ещё посмеются с Оксаной над ошибкой врача.

— Тогда "ой", — признала тяжёлыми даже услышанные проблемы галошница. — Ходить теперь тебе, милая, по начальству. Пусть помогают. Замуж за богатого бы посоветовала, да нетути их нынче свободных. А нормальных... На кладбище надысь наведывалась, у мужа прибраться к годовщине, так будто на дискотеку попала — одни молодые вокруг лежат.

Вера кивнула, сразу со всем соглашаясь и благодаря за участие. Пошла к вокзалу — пересидеть время в тепле.

— Вера Сергеевна. Вера Сергеевна!

К ней разлаписто, напоминая деда, бежал Васька, подъехавший, скорее всего, на разворачивавшейся около хлебного магазина машине. Слава Богу. Не одна!

— Здравствуйте, Вера Сергеевна. А я с крёстным. Он по делам, а я собрался в больницу зайти. Как там?

— Там сейчас "тихий" час, не пустят.

Васька хоть и вытянулся выше неё, но Вера притянула его к себе, как маленького. А на самом деле, — сама припадая хоть к одной родной душе, так вовремя оказавшейся рядом.

Васька почувствовал эту беззащитность, неловко и стыдливо погладил учительницу по спине. При этом сам попытался сжаться, сделаться незаметнее — не хватало ещё, чтобы кто-то увидел его телячьи нежности.

Рядом остановилась машина крёстного, Никита кивнул из открытого окна — залезайте в тепло. Неужели и впрямь хоть здесь повезло, и они доедут до Журиничей засветло? И на билете сэкономит...

— Я сбегаю хлеба купить, — оставил её одну Васька.

— Что с сестрой? — поинтересовался Никита, едва Вера устроилась на заднем сиденье — кожаном, чистом, благородном даже на вид. Близким знакомством похвастаться они не могли, но когда человек спрашивает о твоей боли, откроешься. Вон, бабуле почти всё рассказала...

— Порок сердца, — впервые произнесла Вера страшный диагноз. И надо быть готовым к тому, что утром он не изменится.

— Плохо, если так, — пробормотал Никита, с тоской оглянувшись на исчезающего в магазине Ваську. Вере показалось: пожалел, что ввязался со своим сердобольством в чужие неприятности. Только она никому не собирается навешивать на шею свои гири. А до дома может доехать на автобусе, всё равно эти билетные копейки не спасут.

Тягостное молчание нарушил Васька, прибежав с двумя батонами в руках. Увидев слёзы в глазах учительницы, испуганно замер. И тогда крёстный поднял руки, призывая к вниманию:

— Есть предложение. Мы с Василием покрутимся по своим делам, а тебя на время доставлю к своему товарищу. Его дома нет, не бойся, — успокоил Веру, хотя та сидела отрешённо, не способная ни в чём сопротивляться. — А завершим всё — и в Журиничи. Пойдёт?

Не дожидаясь согласия, тронул машину и через пару минут затормозил около огромного кирпичного особняка на окраине Суземки. Похоже, Никита слыл здесь своим, потому что охранник, вышедший на гул мотора, приветственно поднял руку.

— Вера Сергеевна побудет здесь, а часа через полтора я вернусь, — отдал ему Никита распоряжение.

Вера никогда не бывала в подобных хоромах. Огромный холл с телевизором на стене, просторнейшая кухня с раздвижными дверьми, винтовая

лестница на второй этаж. Это сколько денег надо иметь, чтобы выстроить подобное? На операцию точно бы хватило и половины…

— Ждёшь нас здесь, — отдал приказ Никита. А когда она, не соглашаясь, подалась назад, придержал: — Чай на кухне. Вскипяти и для нас, — попросил, видя, что вожатая не тронет здесь и маковой росинки. — Мне надо встретиться с одним человечком тет-а-тет, но не оставлять же тебя на улице мёрзнуть!

Мёрзнуть не хотелось, и, пока Вера оглядывалась и примерялась к дому, сам выскользнул за дверь.

— Освоится, — успокоил Василия, мнущегося у крыльца. — А ты чего толстеешь? Тельняшка уже на пупок не налазит.

— Да я уже… турник поправил, начал заниматься.

— Давай, держи себя. А теперь на переговоры.

Крестник хотел сказать о больнице, но вспомнил про "тихий" час. Нащупал в кармане шоколадку. Нет бы вместо "Алёнки" назвать её "Оксанка"…

Крёстный остановился недалеко от милиции, к ним тут же подскочил на своём мустанге Борис. Никита прошёл к нему, заглянул внутрь машины, с кем-то поздоровался. Кивнул Василию — подойди.

Лучше бы не подходил. В джипе Бориса сидел, отрешённо разглядывая нож с козлиным копытцем, их участковый. Васька покрылся испариной: нож он потерял во время пожара в лесу…

— Не знаешь, случаем, чей это? — показал ему находку Околелов.

Крёстный и фермер переглянулись перед ответом, и Никита, не давая крестнику соврать, потянулся за ножом. Взвесил на руке его приятную лёгкую тяжесть.

— Такую вещь грех держать взаперти. Сколько стоит выкупить?

— Это вещдок, — улыбнулся Околелов, не сводя взгляда с Василия. А тот облизывал пересохшие губы: так вот зачем крёстный и Борис звали его в Суземку. В милицию! Но ведь это они же и заставляли его поджигать деревья…

— Иди в машину, — приказал крёстный.

Участковый не возразил, и Василий на ватных ногах вернулся на своё место. А может, Никита с Борисом как раз и выручают его? Иначе разговор вёлся бы в кабинете. Только бы не в тюрьму. А он больше ни словом, ни ногой, ни ноготком с фермером. Ни за что и никогда. Только бы пронесло сейчас!

Пальцы продавили корку в буханке хлеба, он отломил кусок, стал машинально жевать. А если ещё и дед узнает…

Хлопнула дверца в машине Бориса. Лучше не поворачивать головы, не поднимать глаз. Какой же он дурак! А они ещё подхваливали. Только кого много хвалят, тех сороки уносят.

— Держи, — крёстный протягивал ему нож. Как и положено, рукояткой вперёд. — Держи, держи, вопрос закрыт.

Давая крестнику время отдышаться, вернулся к Борису. Попрощался с вцепившимся в полевую сумку, словно в кошелёк, Околеловым. Проводив его усмешкой, повернулся к Борису:

— С ним всё ясно. Но я не понимаю другого: у тебя в доме одиноко сидит принцесса, а он с нами и каким-то Околеловым…

— Какая принцесса? В чьём доме? — не понял Борис.

— А у тебя что, ещё одни хоромы есть? Только учти, мы скоро будем там же. Что успеешь, то — твоё.

Вера так и не сделала ни одного шага вглубь комнат. Как присела на лавочку около раздевалки, там её Борис и застал. Возможно, он уже догадывался о гостье, тем не менее постарался сделать удивлённое лицо:

— Ты?

— Я… меня… — подхватилась Вера. — Я ничего…

Уж она-то никак не предполагала, что хозяин дворца — Борис. Хотя, почему бы и нет, если есть возможность разъезжать на такой машине.

— Так и хорошо, что здесь. Раздевайся. — Борис протянул руки принять пальтишко, и Вера впервые в жизни приняла подобное, как в кино, ухаживание. Никита с Васькой ведь сейчас приедут? — Тапочки любые, все

новые. Пошли, пошли, — подтолкнул девушку. — Здесь ещё убираться и убираться, а... некому. Чай, кофе?

У Веры глотка простой воды во рту не было с утра, и она закивала, соглашаясь на что угодно. Присела у круглого обеденного стола, хотя следовало, конечно, помочь хозяину. Но она здесь никто, а в чужом доме столом не распоряжаются.

Борис принёс пакеты с конфетами, печеньем, глубокую тарелку под них, прихваченные за ручки-хвостики чашки. Вера улыбнулась мужской непритязательности, перехватила угощения, принялась сервировать стол. Только бы не повторилось то, что при первой встрече, в машине. Но столько времени уже прошло. И где-то рядом Никита с Васькой.

Поймала взгляд замершего рядом хозяина:

— Вы... что?

— Что-что. Красивая. И хочу что-то сказать.

Вера пожала плечами. За комплимент, конечно, спасибо, но общих новостей у них с Борисом нет. А что было в машине и в лесу — то хотя и не забыто, но и не на первом плане. У мужчин руки раньше ума выросли.

— Оставайся у меня. Навсегда.

Подошёл, обнял сзади за плечи. Бережно. Вера, тем не менее, выскользнула на волю. И что значит "навсегда"?

— Никита сказал про сестру. Если ты будешь здесь, у меня, мы ей поможем быстрее. Давай вместе...

Закончить предложение не дали — с улицы протяжно засигналили.

— Давай вместе...

Сигнал раздался вновь, словно пытаясь отрезвить обоих. Борис нервно подошёл к окну, отдёрнул штору, резко махнул рукой — уезжайте. Вера поняла жест, но препятствовать, сопротивляться не стала. Борис сказал о главном — о помощи Оксашке. Он хочет, чтобы она работала у него здесь уборщицей? Убирала дом? Она согласна. А до дома и впрямь доедет на автобусе...

— Погоди, здесь не хватает кое-чего, — Борис метнулся на кухню, вернулся с бутылкой вина и двумя рюмками. Дунул в них, убирая пыль, и Вера опять улыбнулась мужскому качеству чистоты. Пить не станет, но рюмку подняла в надежде, что Борис повторит про помощь. Сколько станет платить за уборку? Даже если как в школе, и то хорошо. А она ещё и по начальству пойдёт, права снежная бабуля на остановке. У порога ляжет, а пусть Оксане помогают. Советской власти нет, но совесть-то должна остаться.

— За тебя.

Вера кивнула, но рюмку отставила.

— А лучше давай за твою сестру. За то, чтобы выздоровела. И не будем оставлять на дне обид.

Первым опрокинул рюмку, показал пустое дно Вере. Та, вздохнув, зажмурилась и тоже опрокинула в себя оказавшееся сладким вино. Скосила глаза на тарелку с вкусностями, стащила с края печенюшку. Борис подал чашку с чаем, но лучше был бы кофе, который так приятно пахнет из банки.

— А... а когда выходить? — ей не хотелось оставлять разговор об Оксане неоконченным. — В школе ещё неделю отрабатывать надо.

— Куда выходить? — не понял Борис.

— Ну, убираться.

— Что убирать? — продолжал недоумевать хозяин дома, и Вера испуганно взглянула на него: неужели пошутил насчёт помощи? — Что убирать? Я не понимаю.

— Ну, в доме. Вы сказали — убираться некому...

Борис захохотал, откинувшись на спинку стула. Снова налил по рюмке.

— Если надо, я найму на уборку кого угодно.

— Но я готова. Если будет работа...

— Давай за здоровье сестры, она важнее сейчас, — поднял вино Борис, так и не ответив. Но ведь не забывает про Оксанку! А вино и впрямь, как виноград...

— А может, лучше всё же кофе? — продолжал угадывать её желания Борис.

Ушёл на кухню, вернулся оттуда уже без пиджака и галстука, но с чистой чашкой. Приподняв чайник, длинной струёй взбил кофе в пенку. Запах притянул к себе, и Вера даже наклонилась к столу, чтобы окунуться в его густой настой.

— А это — бальзам, кофе пьют с бальзамом, — плеснул в чашку из маленькой плоской бутылочки тягучую, сиропную, сладкую даже на вид, жидкость.

Она перебила запах кофе, добавила ненужную горчинку, но Вера сделала вид, что коктейль понравился. Улыбнулась Борису, боясь показаться неблагодарной. Если он по-человечески с ней, то она сто раз в ответ с уважением. Лишь бы и впрямь помог Оксане. И не пролить бы из чашки, пенка в ней с горкой, от души.

— Я не про уборку тебе говорил, — подвинулся к ней со стулом Борис. — Я говорил, что в этот дом нужна хозяйка.

— Конечно, нужна. Дом держать надо.

— Я и хочу, чтобы ты была в нём хозяйкой.

Кофе всё же выплеснулся от резкого движения, Вера схватила салфетку, принялась промокать жёлтое пятно. Это Борис серьёзно говорит? Но хозяйка — это жена. А её в жёны не звали. И она не сказала бы, что видит в спутниках жизни сидящего уже почти рядом Бориса.

— Ты бы сначала пожила здесь, присмотрелась…

В голове плыло, мысли не могли собраться воедино, выстроиться в логическую цепочку. Прикрыла глаза, спряталась за веками. Они показались тяжёлыми, их не хотелось открывать, но надо что-то говорить, как-то отказываться…

На голову легла рука Бориса — ладонь широкая, тяжёлая. И не надо гладить её по волосам. Она ещё ничего не ответила, она пока не понимает, что за чем цепляется в предложении фермера.

— Иди ко мне, — прижал её к себе Борис. И не вывернуться ведь. Но она не хочет так… — Всё у нас будет хорошо. И с Оксаной тоже…

Зачем он всё время вспоминает её? Так нельзя, так он заставляет быть обязанной. Но какие же сильные руки!

— Когда скажут окончательный ответ по ней?

— Завтра утром.

— Так и оставайся здесь на ночь. Места — море. Что мотать впустую километры? Пойдём, покажу, где будешь спать.

Спать и впрямь хотелось. В последние двое суток вместились и разговор с директором по сокращению должности, и последующая бессонная ночь, предутренний вызов "скорой" для Оксаны. А тут ещё выпила на голодный желудок, ноги совсем не держат. Но с Борисом нельзя расслабляться. Это не Егор.

Всплывшее в памяти имя вызвало улыбку. Села на широкую кровать, но под напором ладони Бориса легко повалилась на подушку. Хорошо, что Женьку отправила ночевать к Фёдору Максимовичу, можно не переживать. А утром и впрямь было бы здорово отсюда в больницу. И не надо рано вставать и ждать автобус…

— Сними свитер, жарко.

Вера замотала головой, сцепила руки на груди. И спать она здесь не останется. Немного полежит и уйдёт. Зачем выпила?

Борис легко развёл её руки. Словно маленькую, приподнял, привычно сдёрнул вверх свитер. Вера принялась одёргивать блузку, с ужасом припоминая, что тогда, в машине, она была в ней же: ещё подумает, что нечего больше надеть.

— Не бойся, я просто рядом полежу, — вдруг оказался рядом на подушке Борис, придавливая рукой её сопротивление. Пальцы его сделались жёсткими, причинили боль, и она вскрикнула.

— Ничего, ничего, — шептал в ухо Борис. — Я только поласкаю, только поласкаю.

— Не-ет, — пыталась увернуться из-под тяжести Вера, хотя силы тонули в мягком матрасе.

Какая же она дура! Разве можно верить мужчине, не добившемуся однажды своей цели? Он навек останется в засаде и то ли хитростью, то ли жалостью, то ли посулами, но будет приближать свой желанный час.

— Всё будет хорошо, хорошо, — продолжал шептать Борис, ломая её последние силы. — А потом подумаем, как сестре помочь. Хочешь ей помочь? Не бойся, в жёны возьму, хозяйкой будешь в этих хоромах.

— Не надо, — умоляла Вера. — Я не хочу.

— Только поласкаю, только поласкаю. Не трону, не бойся. Какая же ты красивая! Пусти.

Руки Бориса проникли уже всюду. При этом он легко бросал пуговички на блузке, когда Вера прогоняла его от груди, потому что руке тут же находилось место на её коленях. И так колесом, на опережение — если не колени, то грудь, если не она, то бёдра, — сколько же запретных, оказывается, на женском теле мест! Потому оно манит мужчин? Но мужчина должен быть в радость, ожидаем и любим…

Не успевая реагировать, понимая, что сдаётся, Вера завыла. Борис какое-то время не обращал на это внимание, ещё вгрызался в её тело, ставшее совершенно безжизненным. Именно в этот момент с Верой можно было делать всё, что заблагорассудится. Но когда вой перерос в рыдания, остановился. Посмотрел отстранённо на уже раздетую женщину. Вера не шевелилась, слёзы обречённо текли в подушку, подбородок с нижней губой некрасиво дрожали, и он продолжил путь ниже, сминая колготки, трусики. И лишь достигнув рукой всего, чего хотел, резко встал с кровати.

— Одевайся.

Вера открыла глаза. Скрестив на груди руки, Борис рассматривал её обнажённое тело. Во взгляде читалось не то что презрение, но превосходство человека, сумевшего не позариться на второй сорт. Стыд заставил Веру укутаться в одеяло, отыскивая на ощупь в его складках одежду.

— Я хотел тебе помочь, — с усмешкой произнёс Борис, продолжая наслаждаться своим всесилием, — хотел — и мог овладеть. Не захотел — легко отказываюсь.

И теперь ты, девочка, майся, что строила из себя недотрогу. А он освобождает себя от всех обещаний. По сестре в первую очередь.

Вера понимала, что её выгоняют из дома. И что помощи Оксане не будет. Наверное, ещё можно было что-то исправить, но она, торопливо набросив на себя одежду, прошмыгнула мимо стоявшего глыбой Бориса. От стола уловился запах кофе, глаза ухватили гору сладостей и полупустую бутылку вина. Быстрее, быстрее из этого дома. Ни женой, ни хозяйкой, ни уборщицей, ни любовницей она здесь не будет. Прости, Оксашка.

— Когда станет невмоготу, сама приползёшь.

Не застегнувшись, хлопнула дверью. Сумрак уже накрывал землю, пахнуло холодом от начинающего таять снега. Автобус ушёл, и теперь требовалось где-то переждать ночь. А утром в больницу. Оксана вцепится в руку, а врач опять скажет про деньги…

Прикрыла грудь — не от холода, а поймав взгляд охранника, копошившегося в гараже. За спиной же, за дверью было тепло, там ей обещали деньги. Борис казался единственной соломинкой, которая могла спасти Оксану. Но за что ей так — провести первую ночь с нелюбимым мужчиной и за деньги? Почему всё сразу обрушилось на неё? Чем провинилась перед небесами? Мало перенесла страданий после смерти родителей? Надо добить её до конца?

Хмель выветрился, но ноги всё равно не держали. Опустилась на ступеньки, обхватила голову руками. От бетона шёл холод, но её начала бить внутренняя, нервная дрожь. Она словно первой почувствовала подспудное решение Веры вернуться. Потому что из тупика выхода нет. И она никого не предаст, если вернётся в дом. Никому не сделает больно. Только себе. Но и сестре никто, кроме неё, не поможет. Значит, такова её доля. Её крест лежит сейчас здесь, на этих холодных ступеньках. И ничего не остаётся, кроме как поднять его и встать. Правда, кто-то оставил на ступеньках ещё и шоколадку “Алёнка”. Васька? Но сладкая жизнь — для других. Поэтому, если Борис сейчас выйдет из дома, она вернётся.

Но Борис не выходил, и тогда она сама, отвернувшись от высунувшегося из гаража, как собака из будки, охранника, встала перед дверью. Расстегнула блузку. На улице ещё не совсем темно, в дверной глазок можно будет всё рассмотреть.

Постучала.

Она согласна. Но никогда не простит.

Глава 3

Оля плакала. Не стыдясь, не сдерживаясь. Возможно, слишком долго несла боль в себе, прятала её, замалчивала, втайне надеясь на иной исход.

Но он был ясен. Изгнанный из полиции Егор Буерашин стоял перед ней с двумя парашютными сумками, в которые вместился весь его скарб. И сейчас, на перроне Киевского вокзала, они расставались окончательно. Оля могла уже и не приходить к поезду, но женщина, полюбив, не верит в разлуку до последнего.

— Прошу, не плачь, — неумело утешал Егор, при этом зачем-то кланяясь.

Ему следовало хотя бы приобнять девушку, потому что она оказалась единственной, кто остался рядом в самые тягостные минуты жизни. Но прекрасно понимал: приникни он к Оле, обоим потом будет не оторваться. Для любви ведь не время нужно, а чувства, которые раздуют пожар. Влечение к Оле как к женщине было, он же не евнух, но стать единым целым не получилось. Чего-то не хватило. Вечными холостяками становятся, когда хватает сил не ответить на безоглядную женскую любовь.

— Не плачу. Само плачется.

— С меня толку как… как с козла молока, — попробовал спрятать за грубостью собственную растерянность Егор.

— А я… полюбила этого козла. И уверена, нам бы обоим было лучше, если бы…

Не договорила. Из века в век женщина завоевывала себе великое право — делать выбор среди мужчин. Но, получив его, тут же утеряла возможность самой предлагать руку и сердце: общественное мнение вынесло это за скобки совестливости и порядочности. А сколько ожидать, когда у любимого мужчины хватит решительности произнести желанные слова?

У Егора они теплились на губах, и он сильно не погрешил бы против истины, произнеси их. Только и цена тому признанию будет не любовь, а жалость. И чтобы не произошло непоправимого, он торопил электронные цифры на перронных часах, маневренный тепловозик, подтаскивавший состав, проводников, слишком долго протиравших поручни вагонов перед началом поездки.

— Всё у тебя будет хорошо, — искренне, но ни за одну букву из сказанного не отвечая, произнёс Егор. — Езжай домой, уже поздно.

— Мы об этом потом очень пожалеем, — решилась выговориться до конца Оля. А когда Егор ничего не ответил и на этот прямой упрёк, в отчаянии возложила на него всю ответственность за происходящее: — И, в первую очередь, пожалеешь ты. Хотя и я буду страдать. Прощай, Егор Буерашин. От тебя уходит женщина, с которой ты был бы счастлив. Потому что она тебя безумно любила.

Оставила ровно секунду, чтобы Егор мог образумиться. Однако тот развёл руками: что поделать…

Развернувшись, Оля пошла прочь от вагона. Пелена застилала ей глаза, она спотыкалась о тележки, задевала пассажиров, но торопилась уйти, раствориться среди людей: одиночество больнее в толпе. Для неё заканчивалась, так по-настоящему и не начавшись, любовь к Егору. Так, промелькнула красивая звезда, да только что с неё толку, ежели она недосягаема и холодна к тебе. Любовь — это обоюдное притяжение. Но Егор всё равно виноват!

— Ничего, всё образуется, — успокоили и его.

Егор вяло повернулся на знакомый голос Юрки Черёмухина. Вчера, зайдя попрощаться, Егор ни словом не обмолвился о причинах увольнения. Юрку вытащила за уши служба собственной безопасности: рекомендовал

товарища — отвечай! Как же невпопад всё сложилось! Или наоборот, как удачно. Для Иры. Окажись на его месте другой опер, сидела бы сейчас в СИЗО и давала показания…

— Обустраивайся в своих брянских лесах и сразу дай о себе знать. — Юрка оказался осведомлён и о конечном пункте поездки. Истинный архивариус. И очки стали сидеть уверенно, вцепившись в переносицу. — Выгонят меня, приеду к тебе агрономом. Поднимем колхоз и станем героями социалистического труда.

— Прости.

— Я знаю главное: ты не подведёшь. Не теряйся. И думай иногда о нас.

Сто лет он не ездил в плацкарте, однако будущая жизнь денег не сулила, и сэкономил на билете. Теперь пожалел. Пространство вагона вместе с людьми и сумками плотно утрамбовывалось запахами еды, пота и проникающего из тамбура сигаретного дыма. Канючили дети. В его отсеке дородная хохлушка собирала со столика в кулёк из газеты яичную скорлупу и куриные косточки. Отхлебнув чая, сытно вздохнула, мгновение раздумывала, но не устояла, вытащила тарань и впилась, как в десерт, в её хребет зубами. Молоденькая девчушка напротив пыталась читать, но тусклый свет, треск раздираемой тарани и храп соседа сверху заставлял её поминутно отвлекаться и посматривать с испугом на Егора: а чего ждать от вас?

В полутёмном зале ожидания батареи уже отключили, и пассажиры, которых ночь застала в вокзале, пытались дремать, уткнувшись носами в одежды. Всё правильно: птица не болеет потому, что засовывает во время сна клюв под крыло и дышит воздухом одной температуры с телом. Зверьё тоже по возможности утыкает нос в живот или прикрывает лапой. Людям в этом плане сложнее. Калачиком свернуться, конечно, можно, да только с некоторых пор и лавки на вокзалах стали огораживать, дробить на сиденья, чтобы не разлёживались.

Егор прошёл в дальний, тёмный угол. Устроившись, погрузился в не завершённые ни в Москве, ни в поезде думы. Одно дело — приехать в село почти героем и на день-два, а другое — жить там и зарабатывать на эту самую жизнь. Кем? И что он понимает в деревенском быте и сельском хозяйстве? Искать работу в Суземке? Где-то здесь Васькин крёстный чем-то промышляет, тот же военком подскажет что-либо на первых порах. Или Журиничи — это просто отлежаться на дне, собраться с духом и вернуться в Москву? Эх, не успел получить квартиру, очередь подходила со дня на день…

Женщина в углу смотрела на него из-под капюшона, и Егор слегка улыбнулся и ей: а вам курить вредно. Жаль, не работают камеры хранения, глядя в зал пустыми железными глазницами. Не успевают, что ли, жетоны для них печатать? А когда-то казались верхом прогресса: поставил вещи, код набрал, пятнадцать копеек опустил — и гуляй сутки с пустыми руками. Сколько сейчас стоят эти пятнадцать копеек?

Женщина выпростала из-под себя ноги, отбросила капюшон. Как ни было в зале сумрачно, Егор встрепенулся: Вера? Ноги запутались в ремнях сумки, женщина улыбнулась его беспомощности, встала навстречу сама. Она! Вера! Учительница-постоялица! Но почему здесь?

Стараясь не привлекать окружающих, она прошла к Егору. Тот, одной рукой освобождая ноги, второй взял за рукав: не исчезай, я сейчас, присядь.

— А я смотрю: вы, не вы? Здравствуйте.

— Здравствуй. Вот не ожидал! Ты что, всю ночь здесь?

— Всю. Опоздала на автобус.

— И никто не украл такую красивую?

Шутливый вопрос почему-то вызвал у Веры горькую усмешку, она отвернулась, и Егор, наконец-то освободившийся от пут, усадил девушку рядом. Она, хотя и беззвучно, уже плакала. Сколько же могут плакать женщины? На вокзале, провожая, плакала Оля. Сошёл в мало кому знакомой Суземке — здравствуйте, слёзы у Веры. Слава Богу, хоть здесь ручьи текут не из-за него.

— Что-то у Оксанки с Женькой?

Кажется, спросил и вовсе некстати: у Веры задёргались плечи, и она уже сама, заглушая плач, воткнулась в него лицом.

— Сейчас всё расскажешь. Сначала успокойся — и расскажешь, что тут у вас без меня произошло. Договорились? — прижал девушку к себе Егор. Надел ей набекрень свой берет. — А потом будем думать. Мои в порядке?

Вера кивнула:

— Васька только через пень-колоду ходит в школу.

— Понятно. Как работается? Пионеры слушаются?

Похоже, опять затронул больное, потому что снова пришлось приглушать плач, прижимая учительницу к себе. Когда-то они сидели так под дождём в палатке. А потом он вернулся в лагерь и… и ушёл! А теперь она плачет.

— Конфету будешь?

Да что ж это такое — даже этот безобидный вопрос заставил Веру напрячься. Что ей вспоминается? Чем сладости-то горчат?

— Всё, всё. А то всех разбудишь своим шмыгающим носиком. Давай сначала: тебя кто-то обидел?

Вера вымученно улыбнулась:

— Уже всё хорошо. Просто утром идти в больницу к Оксанке.

В больницу пришлось идти с вещами. Суземка просыпалась медленно, люди если и торопились, то лишь в госучреждения и магазины — единственное, что ещё работало в райцентре. Вера немного успокоилась, а то, что в больницу шла не одна, давало силы преодолеть дорогу и вселяло надежду на ошибку врача.

Однако перед его кабинетом силы оставили, и Вера опустилась на лавочку рядом с дверьми. Глянула затравленно на спутника: я боюсь.

— Постереги сумки, — попросил Егор и постучал в дверь сам.

Вере страшно было оставаться и одной, но отсроченный приговор давал возможность пожить несколько минут в мире, который существовал до болезни сестры. Да и удар по касательной менее страшен, чем прямой в сердце.

Но оно оборвалось в очередной раз, когда увидела опущенный взгляд Егора, вышедшего от врача. Тот и сам выглянул в коридор, но, увидев Веру, щелкнул себя по носу и исчез обратно. Егор сел рядом, опустил руки. Вера впилась взглядом в выглянувший из-под рукава ветровки циферблат часов. Для времени люди придумали колесо, запустили его по кругу, закольцевав в часы и минуты недели, месяцы, годы. А ведь оно — самая прямая нить за горизонт…

— Думаю, надо сделать так, — принял на себя командование Егор. — Мы сейчас едем в Журиничи, к Оксане всё равно пустят только после обеда. Отдохнёшь, оденешься потеплее. И… и будем думать. Пошли.

Подчинилась. Она вообще не представляла, что бы делала, не окажись рядом Егора.

— А вы… надолго?

— Как Родина прикажет. Может статься, что и навсегда.

— Что-то случилось?

— Разберёмся. А вон тот джип, случаем, не нас караулит? — кивнул Егор на иномарку, застывшую через дорогу от больницы около пожарки. Глаз отметил эту дорогую для здешних мест машину, едва они вышли из здания вокзала, потом она плелась вместе с ними к больнице. Такая же крутилась на “Пионерских кострах”, просто была по крышу в грязи…

Вера, увидев джип, замерла на месте. Значит, ошибка исключалась — старый знакомый, местный фермер. Но как он угадал искать Веру на вокзале? Или потому она и оказалась на станции, что…

— Я не хочу его видеть, — попросила защиты Вера.

Он, собственно, тоже.

Не успел Егор повернуть голову в сторону частников, сразу из всех кабин выпорхнули голодные со вчерашнего дня галчата. Очереди на клиентов, похоже, не существовало, пассажир сам выбирал машину по своему желанию, и Егор направился хоть и к побитой, но иномарке.

— Сначала по магазинам, потом в Журиничи.

Помогая сесть Вере, оглянулся из-под руки на джип. Машина слегка дёрнулась — так снимают её с ручника. Ну что же, господин-товарищ Сергованцев, в Журиничи с нами?

Глава 4

В больничном коридоре медсестра ловила пацанёнка. Тот увиливал, ухитряясь подбегать к выходящим после уколов больным и шлёпать их по заду. Пациенты взвизгивали от нежданной боли, мальчишка — от радости, медсестра — от бессилия.

— Снять с него штаны, сразу успокоится, — посоветовал кто-то.

Общими усилиями мальца схватили, затолкали в палату, сдёрнули брюки. Из соседней на шум выглянула Оксана. Радостно замахала рукой Вере.

Обнялись.

— Васька был, — торопливо прошептала в плечо сестре Оксана.

Похоже, её счастью было совершенно безразлично, где произошло первое свидание — под звёздами в деревне или в больничной палате.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально. Может, заберёшь меня? Хотела с Васькой…

— Я тебе заберу! Надо полежать, обследоваться до конца.

Сколько лежать и где обследоваться, Вера не могла представить. Щёлкавший себя по носу врач ничего нового не сообщил, но и от старого не отступился: нужна операция. То есть деньги.

Только и это сегодня оказалось не последней грустной новостью. В школе директор зачитала приказ о сокращении должности пионервожатой, а это значило, что органы опеки и впрямь получают право отобрать ребят. Потому как нет источника доходов на их содержание…

— Вот тут тебе печеньице. И пакетик молока успела захватить, на мне закончилось, — вытащила из сумки подтекающий сине-красный треугольный пакетик.

— Пусть как-нибудь и Женька приедет. Соскучилась. А к “Кукушкиным слёзкам” готовитесь? Без меня не начинайте! — Болезнь дала Оксане право выдвигать условия.

Сразу на всё согласившись, Вера посмотрела на часы. Их тоже можно продать и выгадать несколько рублей, хотя и память о родителях. Дарили на окончание школы…

Торопилась не к автобусу, а чтобы остаться одной, забиться в какой-нибудь угол и завыть во весь голос. Ещё вчера было всё, а сегодня…

Сегодня около больничных ворот, возвышаясь над приплюснутыми машинами таксистов-частников, опять стоял джип Бориса. Сколько он будет преследовать её?

Фермер распахнул дверку. На землю не спустился, то ли посчитав это ниже своего достоинства, то ли побоявшись испачкать туфли. А скорее всего, просто напоминая: я ведь говорил, что ты приползёшь ко мне сама. Но она не приползёт. Ни за что!

Рядом с джипом, как сама печаль, стояла засохшая ракита. Она ещё могла куститься, но кто-то срезал кору кольцом по её стволу. Противостоять такому смертельному пояску оказались бессильны и крона, и корни, и сам ствол. А Вере вновь тоска: подпоясывает жизнь подобным образом и её, венчая с безысходностью. Но она всё равно не пойдёт к открытой дверце. Свой шаг к унижению она сделала прошлой ночью, да Господь, видать, уберёг, не отворил двери. Сегодня она не пойдёт сама. Но почему так вышло, что лишь в этом случае возможно спасение Оксанки?

Частникам она тоже показалась ненужной, и машины проводили её погасшими от усталости, придремнувшими фарами. Если бы кто знал, как устала она, как ей тоже хочется выспаться. Рада будет и лавочке на вокзале. Да надо ехать домой. Там хоть какой-то угол. И Егор. Может, что-то подскажет. Подсознательно надеялась, что он поедет с ней, но… В честь чего ему тратить время и нервы на постороннего человека? И за чьи грехи она расплачивается?

Старенький жёлтый “пазик” с маршрутной табличкой у лобового стекла Борис Сергованцев перехватил около поселкового кладбища. Сигналя, прижал машиной сбавивший скорость автобус к обочине. Разглядев за мутными от старости стёклами худого крючконосого водителя, поманил его. Тот, пожимая плечами и заранее виновато улыбаясь, вытолкнул расхристанную дверь, спрыгнул на землю.

— Микола, привет. Отобедал? — немногочисленных водителей автобусов в районе каждый знал в лицо и по имени. А тем более Летуна, однажды обогнавшего на своей колымаге “Волгу” секретаря райкома партии. Вот за батю сейчас и ответит…

Водитель приблизился к иномарке, наклонился к опустившемуся стеклу, откуда ему едва ли не в лицо воткнулись купюры:

— Вот тебе твои миллионы, но ты сейчас в Журиничи не поедешь. Скажешь, что сломался.

— Дак люди ждут, — не согласился водитель, не сводя глаз с денег.

— Я их довезу на своей.

— Не, если начальство узнает…

— Слушай, тебе твоё начальство выдаёт зарплату?

— Откуль. Пятый месяц на запись работаем.

— Тогда держи наликом и разворачивайся.

— Не, я так не могу. Написано ехать, я и еду.

— Ты что, не понял? — сменил тон Борис. — Или хочешь, чтобы у тебя оказались проткнутыми колёса? А заодно и брюхо? — вместо исчезнувших купюр из джипа показалась заострённая отвёртка.

Шутки кончались, и водитель огляделся. Улица пуста. Рядом — могильные ограды. Только ведь и маршрут в путевом листе написан по-русски: “Суземка — Журиничи”.

— Не, всё равно надо ехать, — не сдался ни посулам, ни угрозам Летун, разворачиваясь к автобусу.

“Вот чёрт крючконосый”, — подивился Борис несговорчивости Летуна. Добавил бумажек.

— Ладно, уговорил: ещё столько же.

Чтобы не соблазниться на деньги глазами, водитель не стал оборачиваться, просто замотал головой. Значит, не жадный, а тупой. Но такому надо стучать по темечку, чтобы зарубил на носу: Борис Сергованцев не любит непонятливых. Очень не любит.

С тем и вышел из машины, приблизился к “пазику”. Молча вонзил отвёртку в истёршуюся змейку протектора. Резина попыталась отпружинить, да только куда ей, стёршейся и потрескавшейся от старости, тягаться с заострённым железом? Тут гвоздь поймаешь — и конец жизни.

Кровь из колеса не брызнула, и стона не раздалось, но едва отполированное жало выдернулось обратно, автобус на глазах стал клониться на передний скат. Летун застыл от неожиданности, и Борис едва сдержался, чтобы не сунуть деньги в его открывшийся рот. Бросив бумажки на испускающее дух колесо, предупредил:

— Следующий раз будешь слушать. А если вякнешь — спалю.

Вернулся в машину. Взял Летун деньги или оставил на колесе, роли не играло. Важнее увидеть учителку в момент, когда не придёт по расписанию автобус.

А Вера словно была готова к тому, что на неё свалится очередная напасть. Выслушав по сарафанному радио новость о сломанном автобусе, попутчики потянулись в здание железнодорожного вокзала. У Веры же оставаться на вторую ночь в холодном зале ожидания сил не было, и безропотно пошла на край Суземки. Песни петь, конечно, не будет, но зато и сумок никаких в руках и за спиной. Дойдёт. С такими думами, как у неё, теперь только и бродить по дорогам. На половине пути будут Алёшки, там передохнёт и двинется дальше. Прошлый раз подвёз Борис. Вроде как повезло, да только аукается до сих пор, потому что свой путь надо проходить до конца самой.

День хотя и клонился к закату, но и весна спешила к лету, отодвигая горизонт и обещая продержать в небе солнце минимум до Алёшек. Было бы

счастье на всю жизнь, найди она сейчас на дороге денежки. Много. Чтобы сразу на операцию. Бедные столько не потеряют, у них таких денег нет, а богачу пропажи незаметны. А Оксане бы помогли…

И вновь пришло невольное сравнение: первый раз шла по этой дороге, распевая задорные песни, теперь бредёт, мечтая о копеечке под ногой. Что будет уготовано на третий раз?

За спиной начал нарастать надрывный гул мотора. Вихляя по всей дороге, тащил за собой тележку худой, кашляющий сизым дымом "Беларус". Скорости не сбавлял, хотя Вера и взмахнула рукой.

Поняла водителя, когда тот проехал мимо. В кабине громоздились два белых мешка то ли с мукой, то ли с сахаром, а в тележке возили навоз, остатки которого ошмётками плюхались на дорогу.

И всё же "Беларус" остановился. Тракторист, вывернув шею, прокричал в открытое заднее стекло:

— Я в Алёшки. На тележке поедешь?

Поедет. Ничего страшного, что в навозе. Сорвёт травы, подстелет, зато половина пути — долой.

С тем и тронулись. Поначалу Вера пыталась удержать под собой травяную подстилку, но очередная ухабина заставила проехаться кофтой по грязному борту, и пришлось вцепиться в него. Ничего. Не в маникюре. Отмоется. Зато едет.

Хотя тут же пожалела, что согласилась сесть: мимо них, длинным гудком требуя уступить дорогу, промчалась красная легковушка, помигав лампочкой в разбитом заднем фонаре. Может, она бы подобрала? Что за день? Ни копеечки не нашла, ни нормальной машины не подвернулось. Надо смириться…

— Зато доехала, — крикнул в окно тракторист, когда остановились перед Алёшками.

Вылезти из кабины и помочь из-за мешков он не смог, дождался, когда Вера спрыгнет на землю сама. Чтобы не касаться навозными руками одежды, отряхнулась гусыней и поспешила к луже на обочине. Может, тракторист и остановился специально около неё.

Дальше шла веселее. Первым делом попросится у директора остаться в школе техничкой, полы ведь тоже кому-то мыть надо. Или даже истопником вместо Пятака, который из водки не вылезает. А потом разберётся. Пока же просто дойти до дома, нагреть воды и отмыться…

Головы от дороги не поднимала и потому испугалась, увидев стоявших на обочине около дубков двух парней. Они курили, явно ожидая её, и Вера остановилась. Рассмотрела и красную машину, загнанную в кусты. Значит, это те, которые обогнали трактор. Ждут её? Или всё же сломались? Могли и просто свалиться в кювет, вон ведь как неслись…

Стояла она, не двигались парни. Если пойдут навстречу, она побежит назад, в Алёшки. Но шли бы лучше к своей машине!

Нет, присели на корточки, начали раздавать карты. Дают понять, что она их не интересует? Или, наоборот, играют на неё? Жутко! Бежать назад? Подождать, пока выкурят сигареты и закончится игра? Неужели посмеют тронуть? Нет же, свои ведь, из одного района. И ей домой надо.

Сделала шаг вперёд. Парочка, конечно, усмехается, видя её страхи, но попробовали бы сами оказаться вечером в поле среди незнакомцев!

Ей махнули рукой — проходи, не бойся. А она и не боится. Но поосторожничает. И никакой палки на обочине не валяется, хотя бы на всякий случай…

— Чем помочь? — крикнула издалека. Голос свой не узнала, но молчать было ещё томительнее. — Вы из Суземки?

Ей не ответили, зато затушили об асфальт окурки. Нет, надо уходить. Побегут за ней? Тогда снять туфли…

Не успела. Бросив карты, парни рванулись к ней прямо с корточек, сорвали с дороги. Покатились в кювет, хрипя каждый от своего усилия. Насильники в четыре руки срывали с неё одежду, прижимая голову к сырой, ещё ночью снежной земле.

— Какая же ты вонючая! — прохрипел с презрением один из нападавших.

Сорвал с Веры кофту, одним движением обмотал вокруг её головы, ослепляя и не давая дышать. Какое-то время Вера ещё колотила ногами воздух, потом прижали и их. Сил не осталось, и она, затихая, просто завыла, предчувствуя страшное.

Глава 5

— Дядя Егорка, не приехала. Автобус из Суземки вообще не пришёл, — Анна прошептала тайну, выманив Егора в сенцы. — Бегала и к Женьке, но он не хочет идти к нам спать. Говорит, раз сестра обещала приехать, то приедет. У них, у сирот, слово крепкое.

Про то, что сама без родителей, Аня не помнила.

— Васька куда исчез?

— Сначала искал фонарик. Потом поел — аж ложки глазами моргали, и побежал к клубу.

— Ты сама не исчезни. Видишь, дедушке плохо было. Будь рядом.

— А ты куда?

— На кудыкину гору.

— Ладно, можешь не говорить, сама всё догадаю. Только скажи, что дальше: кудыкина гора или куда Макар телят не гонял?

— Семнадцать. Это точно дальше, — племянницу можно было остановить только неразрешимой загадкой.

Не давая ей, онемевшей, прийти в себя, подтолкнул в хату. Отцу, слава Богу, заметно полегчало, он уже крутился по хозяйству, но бережёного Бог бережёт. "А не бережёного — конвой стережёт", — вспомнил свою недавнюю одиссею.

И какой же она показалась далёкой... Сколько событий налегло друг на друга после возвращения в Союз... Впрочем, и Союза уже нет. И не вернулась Вера. Не пошёл автобус, и она осталась снова ночевать на вокзале? Или прав Женька — возьмёт и пойдёт пешком? Тогда надо брать велосипед и ехать навстречу.

Село готовилось ко сну. Гремели подойники, детей зазывали по домам. Тянуло дымком — выжигалась прошлогодняя трава, высвобождая огороды под пахоту. В небе появлялись звёзды, отбивая женихов у царствующей на небосводе Венеры. Да, садиться на велосипед и ехать в Суземку. Но сначала зайти к Женьке, подбодрить пацана, и вперёд. За час-полтора управится, и вместе с пропажей домой.

Дойти до Женьки не успел, позвали от озера:

— Егор!

Татьяна? Что ж она всё время лезет под руку? Поджидала, что ли? А она уже отделилась от ракиты, выпустившей свои длинные космы прямо в воду, махнула рукой: я тут.

— Не спится? Мне тоже. Муж где-то с кем-то гуляет по Москве, а я вот тут, с собакой и лягушками...

Сразу обо всём и сообщила, и за всё возможное в будущем оправдалась. Танька-Танька, хорошая ты девка, но им лучше не соприкасаться. Не ворошить прошлое. Слышишь, как квакают лягушки? Хуже, чем вороньё. И на воде пусть и блестящая, но ломаная тень от полной луны. Бесы в полнолуние свадьбы справляют. Веди лучше свою собаку домой, ей вредно в таком возрасте по ночам шастать...

— А помнишь, Егор, эту ракиту? — Татьяна похлопала по выгнутому к воде стволу. — Здесь ты мне и изменил, целовал после восьмого класса Райку-москвичку. Помню. Помню всё наше. Я даже хотела спилить её, вот, зазубрина от пилы осталась, — потрогала один ей известный шрам на стволе. — А меня так не хочешь поцеловать? Я, может, слаще...

— Ты замужем, — попытался деликатно отрезать прошлое Егор. Чтобы не ходить с пилами к новым ракитам...

— На сегодня — нет, — торопливо успокоила та и подалась навстречу, схватив Егора за руки. — Я, может, тебя всю жизнь жду. Замуж вышла, а ни разу не целовалась. Ни разу, чтоб сладко стало. Муж пристаёт,

а я вру, что не люблю целоваться. А тут бах — ты приехал, разбередил. Зачем?

Затормошила Егора, потом сама приникла к его груди, выражая радость от своего же "зачем".

— Не надо, — отстранил девушку Егор.

Да только разве Танька своего упустит? Оторвётся от мёда, которого всю семейную жизнь хотелось? Сама отыскивала губы Егора, сама водила его рукой по своему телу, вызывая собственную дрожь. Егор, как мог, сдерживал её порыв, понимая и оправдывая несостоявшуюся невесту, но не давая своей холодной отстранённостью надежд на будущее. Таня не могла не чувствовать этой отчуждённости, но и остановиться было свыше её воли. А огонь вспыхивает и от трения…

На дороге послышались шаги, и Егор сам увлёк девушку в темноту на радость собаке, которой представлялась возможность спокойно полежать. Это днём в деревне можно пройти голым и никем не замеченным, а ночные встречи рано или поздно становятся достоянием всех.

Не хотела, чтобы её видели, и вернувшаяся в село Вера. В изодранном платье, с распухшими губами, в единой корочке от навоза, грязи и крови на коленях, она шла к озеру обмыться, чтобы не испугать своим видом Женьку. И около первой же ракиты услышала голос Егора. Что ему "не надо"? Кому говорит? Точно он?

Присела, не зная, хватит ли сил встать обратно. Страшнее, если Егор увидит её и подумает, будто она следит. Никогда не занималась этим и не будет. Хотя если бы поехал, как обещал, с ней в больницу, ничего бы не случилось. Но, видать, кто-то оказался важнее. Пусть! Только отныне и она никому ничего никогда не простит. И ни во что не поверит.

— Ну, поласкай, поласкай же. Хочешь ведь, — донёсся от ракиты женский голос.

Татьяна!

Закрыв уши, Вера побежала прочь от озера. Пусть даже увидят и подумают что угодно. Ей всё равно.

Ворвалась в палисад, распахнула, вырывая оставшиеся пуговицы, кофту на груди. Осела на ступеньки крыльца. Последняя опора, к которой она брела от дубков, на которую надеялась, оказалась миражом. Теперь точно хоть в петлю головой. И разом всё закончится. Тогда и Оксане как круглой сироте могут сделать операцию бесплатно. А она не хочет жить. Незачем жить. И Женька не пропадёт, уже большой…

— Вера Сергеевна, — послышался от калитки шёпот. — Вера Сергеевна, можно к вам?

Над штакетником вертелась кудлатая голова Васьки. К ней можно, Вася. Пока можно. Ты один оказался надёжен на этом свете. Не оставь потом Оксанку…

Ни поправлять одежду, принимая более пристойный вид, ни вставать навстречу не стала. У нее нет сил держать на своих плечах небо, даже на коромысле Млечного Пути. Предлагают живой водицы из своих ковшей и Большая, и Малая Медведицы, да стоит на страже, прямо над Васькиной головой, с луком Стрелец-кентавр. По астрономии помнит — центр Галактики. И натянута тетива в луке. На первое же её движение к спасению отпустит стрелу…

Опустила голову с неба на грешную землю. Хотя не земля грешна, а люди на ней.

Васька замер от её вида, но от расспросов воздержался. Сказал о самом главном:

— Вера Сергеевна, я знаю, где достать деньги для Оксаны.

— Вер, это ты? — раздался из сеней голос Женьки.

— Я, Женя, я. Сейчас зайду, — крикнула, не обернувшись, лишь бы не потерять Ваську из виду. Не пропустить слова, которые тот говорит. Но где он достанет деньги? Разве их можно найти в таком количестве? Но, если что, она и часы продаст, и туфли школьные. Всё равно они теперь не нужны!

Не хотела, а подхватилась к калитке, припала ухом к Васькиным губам — самой ни словечка не пропустить, другим не дать их услышать. Кентавр, как ни привставал на своих копытах, потерял её из своего прицельного прищура. Густые деревья растут в Журиничах! Высокие. Партизанские. Спрячут. Уберегут. И кивала согласно на всё, что шептал-предлагал Васька. И сразу поверила в чудо. Это та копеечка, о которой молила по пути из Суземки. Найдись она раньше, может, и не случилось бы встречи у дубков. Или наоборот? Не произойди она, может, не пришёл бы Васька. Дала глоток Большая Медведица?

Весь план дня завтрашнего, спасительного, обсудить не успели. От дороги послышались шаги, тень обрисовала Егора, и Васька нырнул в крапиву около ограды.

— Вер, — опять позвал Женька, на этот раз распахнув дверь.

Свет из сеней осветил её, и подошедший Егор, повторяя племянника, замер от неожиданности. Значит, и впрямь у неё вид не самый радужный.

— Что… что с тобой?

На этот раз Веру подкосила не усталость, а обида. Облокотилась на калитку, одновременно закрывая вход, но Егор легко отодвинул преграду. Повернул Веру к свету. Всмотрелся в разбитые, припухшие губы, царапины на шее.

— Кто?

— Не знаю, — честно ответила Вера и с вызовом посмотрела на Егора: а тебе-то какое дело? Иди к реке, ласкай недолюбленных.

— Тебя… обидели?

Вера усмехнулась, скосила глаза на бурьян, в котором таился Васька. Промолчала.

— Вызываем милицию!

И вновь горькая усмешка стала Егору ответом: ты хочешь, чтобы обо мне судачило всё село? Дети в школе показывали пальцем? В деревне насилие прячется глубже, чем измена. На то, скорее всего, и рассчитывали встретившие её на дороге. Лучше бы вы, товарищ капитан, поехали в Суземку, как обещали…

— Что-нибудь запомнила?

Вера намерилась отмахнуться и от этого, но Егор мог начать задавать при ребятах совсем уж откровенные вопросы, и она оглянулась на замершего в проёме дверей Женьку: иду.

— Красная машина. Задний фонарь разбит. Правый. Я пойду.

Волоча кофту и ноги по земле, пошла в дом. Обняла перепуганного брата, закрыла дверь. Егор от отчаяния вбил кулак в штакетину, та легко переломилась на лаге, даже не успев спружинить. Поднял оторвавшуюся от кофты пуговицу и быстрым шагом направился к своему дому.

Вылез из первой, а оттого самой жгучей крапивы Васька. Снимая тельняшку и с ожесточением расчесывая тело, бросился в противоположную сторону — к озеру, остудить в воде горящие ожоги. Лишь Стрелец, в одночасье растерявший все цели, остался на прежнем месте — в точке зимнего солнцестояния. Ему не было нужды суетиться: эти грешники не последние, ещё ни один человек на земле не спрятался от созвездий, от своих знаков зодиака. И уже через несколько минут под его прицел попал Егор, выехавший на велосипеде в сторону Суземки. Выстрелить из лука в него сразу или поиграться? Какая у него судьба по звёздам? Луна пусть и блекло, но освещала дорогу своим пузатым брюхом, и спицы на колёсах сливались в сплошной матовый круг. Значит, ехал быстро. Но тоже ведь никуда не денется. Земля-то круглая.

В Суземке, стараясь миновать даже редкие фонари, Егор первым делом проехал к станции, потом к больнице в поисках машин — их скопления он отметил утром именно там. Быстрого успеха, как и опасался, не достиг, и потому стал просто зачищать улицы, по возможности заглядывая во дворы. Гаражами Суземка похвастаться не могла, так что, если машина не загнана на века в какой-нибудь сарай, рано или поздно он найдёт её.

Время перевалило за полночь, прохожие практически не встречались, но Егор продолжал держаться тени: велосипедист слишком запоминающаяся

фигура в ночном посёлке. Что он сделает с машиной и её обладателями, не придумалось и за двадцать километров пути. Но то, что покусившиеся на Веру сотни, тысячи раз пожалеют о содеянном, он мог гарантировать. Уничижительный, полный разочарования и презрения взгляд Веры, её холодные односложные ответы дали ясно понять, кого винит в происшедшем. Самое страшное, что она права…

Проходил улица за улицей, закуток за закутком — как же расхристанна и самоуправна оказалась в своём устроении Суземка. Одно благо для разведчика — песчаные дороги позволяли пристальнее исследовать дома, к которым вели машинные следы. Те дворы, в нутро которых не смог заглянуть, помечал на перепроверку в составленной схеме.

— Найдём, — в который раз вслух успокаивал себя Егор. — Не сегодня, так завтра.

И когда уже намеревался переждать на вокзале остаток ночи, чтобы с утра продолжить поиски, около одного из самых крайних особняков увидел то, что искал. Красный "жигулёнок" с разбитым задним фонарём пришибленным телком стоял около джипа, который Егор бы узнал из тысячи. Сергованцев! Почему сразу не подумал о нём? Случившееся мгновенно получило и мотивацию, выстроило логическую цепочку. Машины рядом. За ними, стыдливо прячась от соседства с нищетой и роскошью, козликом задрал зад милицейский "уазик". В доме горит свет. Милиция каким-то образом уже вышла на след насильников?

За воротами, почуяв чужака, зашлась в лае собака. На веранде включили лампочку, но Егор не тронулся с места: мощного ствола тополя, растущего напротив особняка, хватало для укрытия. А собака привыкает к тем, кто не убегает.

— Фу, — послышался голос. Не Борис. Правильно, не царское это дело — вести псарню. Всегда найдутся нукеры, которые на свист бегут быстрее гончих. — Ешь.

Пёс недовольно, но переключился с чужих шагов на угощение: если хозяева спокойны, то с домом всё нормально. Ворота отворились, показалась фигура с нимбом из милицейской фуражки. Над ним поднялись сжатые в братском рукопожатии руки.

— Да посидел бы ещё, — попробовал уговорить гостя невидимый за воротами Борис.

— Не последний раз, — успокоил милиционер.

"Козлик", словно его отрывали от стойла с сеном, лишь с третьего рывка выполз задом на дорогу. В кабине заиграли восточные мотивы, водитель включил магнитофонную запись на полную мощь и потрусил на своём ишачке в центр.

Егор пытался спокойно оценить увиденное. Запрета водить дружбу, с кем пожелается, Борису нет, а "уазик" мог оказаться совершенно случайно в одном месте с меченым "жигулёнком". Но в том, что участники вечеринки имеют покровительство в милиции, сомневаться не приходилось.

Едва зачах где-то в центре милицейский "козёл", Егор перебрал содержимое поясной сумки. Что-то осталось от старых спецназовских запасов, что-то собрал у отца в чулане. Остановился на элементарном — жгуте и зажигалке. И не забыть родной закон: сначала исследовать пути отхода.

Пошёл вдоль небольшого озерца в сторону психоневрологического диспансера, замаскировал велосипед в кустах под его забором. Среди психов искать вряд ли хватит ума.

Свет на веранде продолжал гореть, но собака лишь порычала на повторное приближение Егора, и он вошёл в тень от джипа. Присел, открыл в "Жигулях" лючок от бензобака. На крышке висел игрушечный замочек, и он легко сковырнул его ножом с козлиным копытцем, некогда подаренным Ваське. А тут самому пригодился. Опустил жгут в бензобак. Демонстративно положил замок рядом с колесом. Насильники должны знать, что поджог — не случайность, что их начали преследовать. И отныне пусть боятся собственной тени. Потому что вряд ли, как и Вера, пойдут заявлять в милицию, где вольно или невольно, но вынуждены будут искать причину мести.

Впрочем, милиция прискачет на пожар сама, если прикормленная. Но есть дела, огласки которых не желает ни одна из сторон. Только он, капитан Буерашин, сторона третья. И по силе возможности воздаст каждому по делам их.

Прикрыв огонёк от зажигалки, поднёс его к пропитавшемуся бензином жгуту. А теперь можно слегка пробежаться.

Взрыв услышал около дамбы. Над улицей взвился огненный гриб, салютуя самому себе россыпью искр. Зашлись лаем собаки, которых в Суземке оказалось бессчётное множество. Но Егор спокойно замер у береговых деревьев. Делал ли он неправое дело? Да. Мучился ли сомнениями и угрызениями совести? Нет. Могло быть всё иначе? Да, не застань в одной компании с бандитами милиционера. Будет мстить дальше? Несомненно. Побитый "жигулёнок" не стоит гнутой копейки в судьбе Веры.

Ни гордости за сотворённое, ни злорадства от мести не чувствовал. С ним и с Верой пересеклись не враги, а уроды. Пока не убивает, но наказывает единственно возможным в данной ситуации способом. Так что гори всё синим пламенем. Как и положено при взрыве бензина.

Дождался, когда побегут на пожар люди, смешался с ними.

— У Сергованцева, у Сергованцева что-то взорвалось!

— Машина вроде.

— Там с вечера гуляют.

Оказались среди любопытных и велосипедисты, что порадовало Егора больше всего: теперь не окажется белой вороной. Подтянулся вслед за мужиками к горящему факелом "жигулёнку". От него, ломая высаженные вдоль забора ёлочки, с поджаренной молнией уходил джип. Два парня, взмахивая руками, носились вокруг огня, призывая на помощь, но народ не рвался рисковать. И только таджик-охранник бесполезно бегал с ведром за водой во двор.

Вернулся отогнавший на безопасное расстояние свою машину Борис. Люто, с огненными отблесками в зрачках, оглядел собравшихся. Егор задвинулся за соседа. Теперь можно и уходить, пока не подъехали пожарные и милиция, не стали выискивать свидетелей и подозрительных.

Глава 6

— Плохо встречаем, гражданин Буерашин.

— Здравствуйте. Лейтенант Околелов.

Вошедший в дом милиционер оглядел стены, прошёл к столу, бросил на скатерть запутавшуюся в ремнях офицерскую сумку. Побарабанил по ней пальчиками с кустиками чёрных волос на фалангах: ты у меня здесь, и я всё про тебя знаю. Так что зря не бежал к калитке, не спешил распахивать дверь, не склонил повинно голову и не предлагаешь присесть. Жаль. Но на этот случай есть в ментовке лозунг: кто не с нами — тот у нас.

Егор в ответ откровенно усмехнулся. Не хватало ещё в собственном доме стоять навытяжку перед лейтенантом. Грехи, за которые составляются протоколы, надо ещё доказать. А они недоказуемы из-за отсутствия улик. Так что ведите себя адекватно, товарищ лейтенант. Случаем, не вы были вчера ночью в доме Сергованцева?

Сел на диван сам:

— Я слушаю.

— Слушать буду я, — не согласился Околелов, усаживаясь за стол без приглашения.

Распахнул сумку, в слюдяном окошке которой мелькнула нарисованная от руки схема района. Она напомнила Егору кабинет "Кап-раза", где при бросках "на холод" они изучали карты, на которых вмещалась половина земного шара. Как всё скукожилось…

— Итак…

— Итак… — эхом повторил Егор, требуя внятных объяснений. Они у вас есть, товарищ лейтенант? А заявление о поджоге тоже есть? Вряд ли…

В кухонном окошке мелькнул отец, проверявший грядки. А вот это плохо. Незачем ему волноваться по пустякам. Надо выяснить всё до его прихода…

Милиционер сам поторопился:

— Вы сегодня ночью уезжали из села?

— Вы имеете право об этом спрашивать?

— Раз в форме, то имею, — явно наслаждался своими полномочиями лейтенант. Достал схему, принялся глубокомысленно, но без дела изучать на ней линии, квадратики и деревца. А страны и континенты слабо? — Итак, где вы провели ночь?

— Дома. Сначала у озера, потом пришёл домой.

— Это кто-то может подтвердить?

— Возможно... Кого-то встречал, с кем-то разговаривал. Потом лёг в подвале, почитал. Онуфрия де Бальзака, — скосил глаз на Околелова. Тот спокойно проглотил исковерканное имя француза. — И вот только недавно проснулся.

Где там отец? Прислушивается к разговору? Не может быть, чтобы так быстро вычислили возможного кандидата в поджигатели. Или просто больше некого? Берут на испуг?

— Хорошо, если это так, — кивнул Околелов, но выражение на лице не сменил: ваше дело вешать мне лапшу на уши, наше — снимать её по одной макаронине. Важно, кто потом из них суп сварит...

Отец загремел в сенцах вёдрами. Сейчас расставит их в ряд на лавке и войдёт в хату.

— А что, собственно, случилось? — вынужденно пошёл на ускорение событий Егор, лишь бы прекратить игру в гадалки.

— А ты не знаешь? — хлопнул ладонью по столу лейтенант.

Увидел, почувствовал, что противник в какой-то момент дрогнул, пошёл на попятную, и потому можно было прекратить чистоплюйство...

— Нет.

— Отец? — кивком на дверь поинтересовался Околелов, и стало ясно, что унижался Егор зря: лейтенант ждал именно его появления.

И не факт, что сделал это из вредности или потому, что выпало ему жить с такой фамилией. Ума хватило проанализировать: раз подозреваемый боится присутствия отца, значит, тот и должен стать ключиком, который откроет нужные для следствия секреты.

Не обманулся в ожиданиях. Фёдор Максимович при виде гостя в погонах настороженно посмотрел на Егора.

— Интересуюсь вашим сынком, — сокрушенно начал Околелов, взывая к состраданию: у меня и так забот полон рот по всему району, а из-за вас пришлось добираться в несусветную даль. Но тут же едва не взял Егора за грудки: — Ну, будешь рассказывать или подёргать за одно место?

У Фёдора Максимовича подкосились ноги, и Егор не нашёл лучшего способа привести отца в чувство, как заставить его что-то делать:

— Подай воды, пожалуйста.

При любом раскладе тот не должен слышать про поджоги. И стало ясно, почему люди ненавидят ментов. Потому что те взаимно презирают всё остальное человечество, оставшееся без погон.

— Подай, подай, — разрешил отцу, когда тот стал ждать указаний от участкового.

А Околелову всё равно хорошо. Когда подозреваемые начинают нервничать при свидетелях, значит, они созрели. Пора трясти грушу.

Однако едва затворилась дверь за отцом, Егор сбросил шкуру послушной овцы и надвинулся на Околелова так, что тот вдавился в стул:

— Слушай сюда, лейтенант. Говорю один раз.

Перемена подозреваемого заставила милиционера испуганно бросить взгляд в окно, на оставшегося у машины напарника.

— Я не знаю, с чем ты приехал, но вякнешь в этих стенах и при отце хоть ещё одно неуважительное слово, я сам подвешу тебя за все места сразу. Вот на этой матице, — кивнул, не глядя, на потолок. Помнил: там вбит крюк, на котором колыхалась и его зыбка.

— Да кто ты... Да я тебя... — схватился за планшетку, как за бронежилет, лейтенант. Волосики на побелевших пальцах вздыбились, на лице начали загораться красные пятна. — Да ты не знаешь...

— Знаю, — начал обретать всё большее спокойствие Егор. Это не отец забыл, что у него сын офицер. Самому важно не переставать чувствовать на плечах капитанские погоны. Пусть и снятые. — Я знаю и свои права, и твои обязанности.

— Пожалеешь, — попробовал улыбнуться Околелов, но лишь сгримасничал.

Оставил планшетку, но лишь для того, чтобы расстегнуть кобуру. Пистолет вытаскивал так торопливо, а значит медленно, что Егор мог несколько раз перехватить трясущуюся руку противника. Лейтенант же, ребром ладони пробив листву герани на подоконнике, распахнул створки окна, только вчера освобождённые после зимы от вторых рам. Крикнул напарнику:

— Зайди сюда. Быстрее.

Дело, при всей его абсурдности, приобретало не совсем радужный для Егора оттенок: человек, доставший оружие, перестаёт искать выход из ситуации. Грани дозволенного стёрлись, и любое неосторожное движение могло привести к выстрелу. С последующей записью в объяснительной записке: "Оружие применено в целях вынужденной самообороны".

Или показать мальчику, как красиво, смешно и глупо можно лишиться оружия? Хотя это уже применение силы против милиции, которая в данный момент при исполнении…

— Убери пистолет, — как можно спокойнее посоветовал Егор, усаживаясь на лавку.

— Здесь я командую! — не согласился лейтенант, вновь обретая счастье от всевластия.

Как быстро, оказывается, из-за ерунды люди способны возненавидеть и уничтожить друг друга! И испытать при этом удовольствие. А у Околелова оно стало полным, едва увидел на подоконнике, рядом с цветочным горшком, журнал со статьёй о колоколах, испещрённой пометками. Облегчённо улыбнулся:

— Тронешься — отстрелю все пять конечностей.

"Себе", — мысленно уточнил Егор, зорко следя за милиционером. Как говорят ниндзя, пожалей врага своего, который вышел на тебя войной. Ибо он ещё не знает, что уже мёртв…

Окончательное напряжение Околелову снял вошедший долговязый напарник с заправленной в брюки рубашкой. Вытаращил глаза на пистолет. И лейтенант в первую очередь ему как потенциальному свидетелю, а заодно для будущего протокола отчеканил все формулировки, которые припомнил из милицейской практики:

— За оскорбление представителя правоохранительных органов, за угрозы, за неподчинение приказам, нежелание отвечать на вопросы по существу — вы задержаны до выяснения всех обстоятельств дела. Следуйте в машину!

— Мне нечего было отвечать, так как вы не объяснили причину ваших угроз, — не тронулся с места Егор, тоже переходя на официальный тон. Долговязый сержант худо-бедно, но одновременно служил свидетелем и для него. — Взаимно требую чёткого и безусловного выполнения ваших служебных обязанностей и внятного объяснения, в чем конкретно я, капитан Егор Буерашин, подозреваюсь.

Говорил не только для протокола. Очень хотелось выяснить степень осведомлённости милицейского десанта о ночном происшествии, чтобы по пути в Суземку обдумать дальнейшее поведение.

Как ни странно, напоминание о воинском звании помогло.

— Вы подозреваетесь в воровстве деревенского колокола, — смог, наконец, сформулировать претензии Околелов. И с улыбкой помахал "Техникой — молодёжи" с закладкой как раз на странице о колоколах: уголовка от тебя в любом случае никуда не денется.

— Что?

По мере того, как до Егора доходил смысл обвинений, он улыбался всё шире и шире. Значит, не поджог? Абсурд в обвинении Околелова был полный, но кто мог позариться на колокол? Зачем? И как смогли снять и незаметно увезти из села такую громадину? Когда? Тоже сегодня ночью? Или

это ответный удар лично по нему таким изуверским способом? Недооценил противника? Ведь и впрямь говорил Сергованцеву, что цены ему нет. Только кража применительно к нему вообще недоказуема. Хотят показать свой оскал, свои возможности? Ничего не получится, у крокодилов кожа толстая. А брюхо он прикроет…

— Пойдёмте, — с лёгким сердцем направился Егор к двери.

А вот Околелов замешкался. Видел, кожей чувствовал: хозяин чего-то боится. Даже если и не в колоколе причина, тем не менее что-то происходило с Буерашиным сегодняшней ночью, если повергло его в смущение при упоминании о ней. Потому требовалось ковырять, ковырять ранку, пока потенциальный клиент не взвоет от безысходной боли. Нужен результат. Звёздочки старшего лейтенанта на погон просто так не падают, а они пообещались досрочно. Не говоря уже о гонораре от Сергованцева, который сообщил о пропаже набатника и дал наводку…

— Куда? — подался в сенцах к Егору отец. Увидев, что оказался на пути с пустым ведром, со звоном опустил его на пол — чур, не нас!

— До района и обратно, — как можно спокойнее ответил Егор. Несмотря на плохую примету, с чистым сердцем смог пояснить причину: — Говорят, колокол наш украли. Желают поинтересоваться.

— Колокол? Как украли? Кто? А ты при чём здесь?

— Вот там и надо это объяснить. Скоро буду. Что в магазине купить?

Фёдор Максимович не поверил в игривый тон сына. Да и как поверить, если ему в спину наставлен пистолет. Что произошло с Егором там, в Москве? Почему сняли погоны? За какие прегрешения? Местная милиция бы не позволила себе так беспредельничать. Значит, политика? А колокол — это всего лишь повод?

— Недоразумение, пап. А ребята просто не наигрались в детстве в войнушку, — кивнул за спину, на пистолетик Околелова.

Участковый усмехнулся недобро: будет тебе войнушка. Кто не с нами, тот у нас. И плевать, кто какие погоны носил вчера. Новый день рождает если не новых командиров, то уж конвоиров — точно.

Призывать лейтенанта к уважению или хотя бы к простому исполнению своих обязанностей было бессмысленно, и Егор сам заторопился на улицу. Милиция, слава Богу, состоит не из одних околеловых, так что через час-другой проблема останется лишь в том, как добираться из райцентра обратно. Неужели всё-таки Сергованцев вычислил возможного поджигателя и зашёл с другого бока? Но колокол-то при чём?

В “уазике”, едва он взялся за спинку сиденья, запястье тут же сцепили наручники, приковали к металлической дужке. Бред. Колумбия. Посреди отцовского партизанского леса. Как же он поставит во фронт этого милицейского заморыша, когда всё закончится…

Посмотрел в окно. Из-за соседского забора, словно пионерская зорька, тут как тут показался дед Степан. Отец оседал у палисадника, хватаясь за почерневший от старости штакетник, и Егор дёрнулся наружу.

— Сидеть! — навёл с переднего сиденья любимую игрушку лейтенант.

— Ты что, не видишь? — кивнул на отца Егор.

— А у меня такое кино каждый день, — Околелов поддел стволом козырёк фуражки. — Поехали.

Водитель неодобрительно глянул на старшего, но подчинился. Лейтенант дотянулся до приёмника, и Егор услышал знакомую восточную мелодию. Всё-таки Околелов! Он был у Сергованцева. Никакой случайности в аресте нет.

На стекло упали, разбившись вдребезги, несколько капель дождя. Развозя грязь, заработали дворники. К отцу спешил Степан, и это сдержало Егора. Он, к сожалению, не Рэмбо, он просто вернулся в родное село…

— Чему ухмыляешься? — не вынес Околелов усмешки над ушами. — Лучше думай, что станешь рассказывать, — кивнул на журнал как основную улику.

— Если и расскажу, то не тебе, — откровенно послал лейтенанта Буерашин.

У него железнейшее алиби — он просто не воровал колокол. А история с Верой и машиной — это их внутреннее дело, в котором государство, к сожалению, помочь не может. Нет защитной статьи в Уголовном кодексе на порядочность. Поэтому всё остальное он берёт на себя.

Околелов отстегнул наручники, лишь когда заехали во дворик отделения милиции.

— Вымётывай свою задницу.

Егор из кабины оглядел перевалившиеся из частного сада через забор мокрые ветки яблонь, притулившийся в уголке туалет с покосившейся зелёной дверкой.

— Я что-то неясно сказал? — повысил голос Околелов.

— Но ты же приказал это самому себе.

Оказаться оскорблённым во дворе собственной крепости Околелов не ожидал. Понимая, что в одиночку со строптивым клиентом не справиться, побежал по узенькой, в одну тротуарную плитку, извилистой змейке к двухэтажному зданию. Водитель, предугадывая последствия, демонстративно подтянул брюки и поспешил к туалету — и от греха подальше, и к удовольствию ближе. А Егор сам ступил на землю. Потянулся, разминаясь. Надо думать, как добираться обратно.

Но в момент, когда захлопнулась туалетная дверь, распахнулась точно такая же перекошенная в милиции. С автоматами наперевес, на ходу вбивая в их открытые подбрюшья магазины с патронами, во двор вырвались трое милиционеров. Тротуарчика на всех не хватило, и бежали цугом, как на штурм рейхстага. С такой же отвагой, не давая Егору опомниться, сбили с ног. В живот воткнулся ствол автомата, оружие резко повернули, наматывая на мушку вместе с рубашкой и кожу. На горло наступили ботинком. Проворные руки привычно прошлись по карманам, выдернули из брюк ремень. Ничего нового для арестанта в этом подлунном мире, хоть в какой его точке находись.

— Убежать хотел? — послышался довольный голос Околелова, набиравшего всё новые и новые очки в свою пользу. — Буянить вздумал? В пресс-хату его. До понедельника.

Вышедший из туалета водитель осторожно обошёл место, где только что лежал подозреваемый. Оглядевшись, проворно собрал выпавшие монетки. Валявшуюся там же женскую пуговицу вдавил ботинком в мокрую землю — здесь ничего не было и лично он ничего не видел…

Глава 7

Васька задерживался, и Вера в нетерпении и тревоге прислушивалась к звукам. Тишина на селе. Никто нигде не идёт и не едет. Неужели всё сорвалось? Она клянётся, что как только соберёт деньги, уедет с ребятами отсюда навсегда. Не оставив ни следов, ни памяти. Только бы…

За кладбищем, прижившемся на самом высоком взгорке между селом и границей с Украиной, послышался негромкий рокот. Бросилась в огород. Фары не светят, но об этом предупреждали. Она всё понимает и осознаёт преступность задуманного Васькой, в другой раз бы сама уши надрала, но сегодня на кон поставлена жизнь Оксаны. И если во всей стране некому помочь человеку, то остаётся или безропотно идти на заклание, или помочь себе самому.

Натужный от усилий, но не надрывный, не привлекающий к себе внимания, гул мотора приближался к её дому. Такой если и услышишь, то через мгновение к нему привыкнешь и перестанешь воспринимать. Мало ли кто из ребят катает девчонок по полям.

Передёрнула плечами. Не от озноба, оделась вроде плотно. Значит, волнение. Как же быстро способна переворачиваться песочными часами судьба. Но, может, у дубков истекли слезами её последние песчинки горя, и отныне будет прибывать только удача?

Машина тем временем остановилась за несколько метров от огорода, а вскоре показался и Васька. Словно чувствуя нетерпение сообщницы, он

бежал по меже, и его уверенный бег успокоил: значит, границу пересекли нормально. Теперь задача быстро разгрузиться. Сарай, чулан и подвал вычищены, тюки не испачкаются. А если контрабандисты и впрямь будут выдавать обещанные суммы, хватит трёх месяцев, чтобы спасти Оксанку. Все первого сентября в школу, а они — на операцию. И тогда на Ваську молиться до конца дней.

— Я здесь, — окликнула его.

— Всё нормально? Заезжать?

— Никого.

Парень метнулся обратно в поле. Вскоре, мягко переваливаясь по пахоте, крытая тентом "газель" с раздутыми, словно у коровы, боками подъехала к воротам. Из кабины выскочил Васька, на ходу сбрасывая свитер. С другой стороны показался худощавый небритый мужик неопределённого возраста. Скосил глаза на хозяйку, оценивая её надёжность в деле, открыл борт.

— Куда? — спросил шёпотом, взваливая на спину тюк, обвитый, словно лианами, жёлтой липкой лентой.

Вера шмыгнула в сарай, указала на сенник. Васькины родители обустраивались основательно, намереваясь держать скот, и потому под сено отвели много места. Если надо, "газель" сама войдёт вместе с товаром.

Хотела помочь в разгрузке, но Васька оттёр в сторону, крепеньким мужичком снуя от машины к сараю. У кого родилась идея переправлять товар с Украины в Россию через неохраняемый чернобыльский лес, ему самому неведомо. Но намедни именно к нему подошёл на делянке горелого леса незнакомый мужик. Подманил.

— Буерашин? Васька?

— Я самый, — удивился осведомлённости незнакомца Василий.

— Дело есть. Пойдём покурим.

Работавшие на лесоповале мужики скосили на пришельца взгляд, но вмешиваться в чужие интересы не стали. Им платили за вырубку леса, а Васька местный, мало какие и с кем дела мог иметь. Да ещё крестник начальника.

— Заработать немного хочешь? — с ходу заговорил о главном незнакомец.

— Хмыз продать? — смекнул Васька, посмотрев на сваленные в кучу обрубленные ветки. Это запросто, всё равно жечь.

Незнакомец усмехнулся мелочности желаний:

— Есть люди, которые хотели бы перебросить с Украины в Журиничи одну-две машины товаров. Ты бы подсказал, где его можно подержать ночь? А утром машины с брянскими номерами малыми партиями их бы и вывезли. Тебе навар, нам — отсутствие проблем на таможне, к которой надо еще делать крюк в полторы сотни километров.

— А…

— С погранцами договор есть, они дадут нам коридор на полтора часа. Расчёт сразу по разгрузке. Подумаем? Через денёк в это же время подойду вон к тем берёзкам.

Думать, если честно, Васька не хотел. Хватит с него страхов, что натерпелся, попав в ловушку с поджогом и потеряв нож. Обойдётся тем, что платят на пилораме.

Да только в тот же день узнал новость про операцию и деньги Оксане…

— Всё, бывайте, — кивнул шофёр и по старому следу начал выводить машину на дорогу.

Вера тревожно обернулась на Ваську — а деньги? Тот сам с недоверчивой улыбкой показал пачку. Неужели и вправду вот так, за несколько минут, можно получить столько деньжищ? Получилось? И завтра приедут опять?

Женька не мог не заметить днём её уборку в сарае, но Вера, ничего не объясняя, усадила его делать уроки. На риск она пойдёт одна, ей есть что терять. А Васька… Ваське спасибо. До конца дней. Если одни подталкивают к пропасти, то всегда находятся и те, кто протянет руку. Васька протянул.

— Держите, — на данный момент Василий протягивал ещё и деньги.

— Нет, не все же, — отступила Вера. — Ты всё делал.

— Это Оксане, — счастливо улыбнулся Василий, зримо и весомо ощущая личную помощь невесте. — На завтра обещали сразу две машины.

— Хорошо бы, — Вера даже представила, насколько большая сумма окажется в пачке. Деньги стали смыслом жизни, её продолжением. А чем больше машин, тем лучше. Она и подвал подчистила на всякий случай, и погреб…

— Спасибо тебе. Иди, отдыхай.

— Ага. А то первым автобусом хочу поехать в Суземку. К Оксане зайду и про дядю Егора что-нибудь попробую узнать.

— А что дядя Егор? — замерла Вера. Она ничего не знает!

— Как забрала милиция, так до сих пор и нет, — удивился незнанию главной новости в селе Василий. Видя, что недоумение у Веры Сергеевны искреннее, пояснил: — Колокол же украли! Подъехали ночью под треногу, спилили автогеном и увезли. В милиции, дураки, говорят, что это дядя Егор сделал. Вроде перед этим он у людей узнавал, сколько тот может стоить. А я не верю!

Вера нащупала лавку. То, что арест Егора связан каким-то образом именно с ней, сомнений не вызывало: она говорила ему про машину. Или ради Оксаны всё же глянул на колокол?

— А что милиция?

— Дед звонил туда. Говорят, задержан до выяснения обстоятельств.

Из-за неё!

— Я еду с тобой. Мне тоже к Оксане.

— Вера Сергеевна, вам надо ждать машины под развоз товара, — Василий кивнул на сарай. — А я что узнаю, сообщу сразу же. Побегу. А то дед наверняка ждёт.

Фёдор Максимович рассеянно собирал рюкзак. Запасные портянки, рубаха. Кружка. Нож завернуть в полотенчик. Еда. Соль в спичечном коробке. В лекарствах разбирался слабо, но от давления, головы, живота и сердца нашёл. Опять портянки под рукой. Вторые или забыл положить? Спички для надёжности завернул в пакет. На вошедшего Василия обернулся недовольно:

— Куда фонарик дел?

Глаза внука забегали, и чтобы не заставлять его врать, приказал:

— К утру чтобы лежал на столе.

— Я хотел утром в Суземку. Узнать про дядю Егора.

Фёдор Максимович оторвался от рюкзака, посмотрел на внука. Протянул руку, усадил рядом на диван.

— Дядя Егор не мог этого сделать.

— Я знаю. А ты куда собрался?

— Похожу по сёлам. Не может быть, чтобы никто ничего не видел. Не иголка же в кармане. А ты веди дом.

— Может, пусть милиция…

— Я это сделаю быстрее. Потому что если они не поверили Егору, то я не верю им. А Буерашины чужого никогда не брали, Васятка.

— Да народ почти и не верит…

Фёдор Максимович хлопнул внуку по колену: вот именно — "почти". А он не привык ходить по селу с опущенной даже по наговору головой…

Рано утром, не увидев фонарик, тем не менее не стал будить ни Ваську, ни Анютку. Переложив из холодильника в рюкзак пакет с едой, вышел из дома. Проверил велосипед, постучав им о землю: прыгает, шины накачаны. В щели забора мелькнул неизменным глазом сосед. Цепляться за разговор не хотелось, но попросил:

— Степан, я тут на день-два отлучусь… по своим лесным делам. Если что, глянь за ребятами.

Над забором показалась кепка, глаза под ней срезали взглядом двор, экипировку соседа.

— Я тут что подумал, — козырёк почесал лоб. — У нас во всей округе до Брянска церквей нет, колокол не пристроишь, — Степан, зная характер соседа, безошибочно угадал, куда и зачем тот собрался. — И металлолом нигде не принимают. Думаю, так: если увезли, то на Украину.

Про такой вариант Фёдор Максимович даже не подумал. Вроде как граница. Но там и впрямь легче запутать карты. А вот следы от машины должны остаться, не на крыльях же перенесли такую громадину через лес. И он не в каждом месте пустит через себя транспорт. Так что если идти опушкой, то на след наткнёшься рано или поздно. Но в таком случае придётся идти пешком, велосипед через бурелом не протащишь. Но спасибо, сосед, за наводку.

— Присмотрю, — благословил Степан.

Фёдор Максимович кивнул в благодарность, загнал обратно велосипед в сарай и заторопился, желая выйти из села, пока оно безлюдно. Васятка прав, многие не верят про Егора, но он не вернётся домой, пока не докажет полную невиновность сына. И пусть опустят головы те, кто вздумал вместе с милицией усомниться в порядочности Буерашиных.

Устроив рюкзак за спиной, привычно, как делал это десятки лет, направился к лесу. Тот, в отличие от людей, не предаст. Укрыл в войну, подскажет путь и к правде. Не думал только, что на старости лет придётся искать её.

Отыскивая машинные следы, Фёдор Максимович осознал, насколько зарос, покрылся буреломом лес. По прежним временам его как лесничего уже давно вызвали бы на ковёр вместе с секретарём райкома, не обеспечившим чистку. А тут зарастай хоть до самого Киева: лесников сократили, у районного начальства обязанности следить за порядком отменили. Да что лес, поля стоят заросшие, и ни один чиновник ни в Москве, ни в Брянске не заругался.

Вспомнилось, как водил по колхозным полям своего бывшего партизанского командира. Первое, что сделал Евсей Кузьмич, став секретарем райкома партии, — это купил резиновые сапоги и обошёл все районные угодья. Сила была у обоих. А сейчас командир совсем плох, зубило в руках не держит, всё больше по пальцам молотком бьёт. Но ничего, немца разбили, а лепёшку тем более сковырнут. Только придётся эти дни Евсею Кузьмичу попотеть одному.

Опушка, вдоль которой шагал Фёдор Максимович, упёрлась в Неруссу. Весенний паводок сошёл, река вновь вошла в искусственное русло, и этот факт почему-то расстроил. Совсем недавно они стояли здесь с Егоркой, тогда героем. Что с него требуют сейчас? Извинятся хоть, когда выяснится, что Егор не причастен к пропаже? Надо было позвонить военкому. Не додумал немного, поторопился бежать в лес. Но пропажу всё равно надо искать. И скорее.

Отдых дал себе у стоянки юнармейцев. В этом году "Партизанские костры" уже не планировали, потому как ликвидировали пионеров. Значит, угли ребячьих костров затухли навек. Поля с лесами заросли, костры погасли, благовест украли, невинных людей сажают. Вот и вся выгода от новой власти в Журиничах. Любить её?

Присел на чурбачок, оставленный ребятами с прошлого сбора. То ли от быстрой долгой ходьбы, то ли от волнения пошли стучать в висках уже узнаваемые молоточки, и он торопливо полез в рюкзак за лекарствами.

Запил таблетку экономно, одним глотком. Вспомнил фронт: самым надёжным солдатом у командира считался тот, кому можно было доверить нести последний глоток воды. А самое страшное на войне — отдавать в окружении свои боеприпасы другим. Не зная, с чем и в какой обстановке окажешься сам…

Откинулся на рюкзак, высвобождая грудь. На верхушках деревьев, словно плюшевые пушистые котята, сидели облачка. День разгуливался на тепло, и это единственное, что радовало Фёдора Максимовича. А давление восстановится, дыхание придёт в норму. Дел ещё вон сколько — внуков выучить, родник доосвободить, совсем чуть-чуть осталось. Куцелапого выследить, хоть и притаился после зимы. Егора, опять же, дождаться. Колокол найти. Некогда руки складывать на груди.

Едва полегчало, встал, взглядом отмерил новый отрезок пути. И едва отошёл от пионерского лагеря, удача словно сама упала под ноги. Примятая трава, оставленная грузовиком, вела на Украину, и Фёдор Максимович, успокаивая заколотившееся сердце, поспешил по следу в заросли орешника. Знал, верил, что лес не даст пропасть. А машина ехала дважды, туда и обратно. Кто же позарился на чужое? Ясно, что колокол больших денег стоит,

но разве можно продавать книгу по страницам? Он ведь — это целая история села. Целый роман. А точку в нём хотят поставить на его сыне. Герое. Он не даст.

Хватанул воздух ртом. Как же мало его в лесу, в этих зарослях. Быстрее бы опушка.

— Ну, что там опять, что... — прошептал Фёдор Максимович, расстёгивая рубаху на потной груди. — Нам надо идти. Тут недалеко, за следующим поворотом.

Память не подвела. Между наклонившихся над старой дорогой ветвей показался просвет, и он сцепил зубы. Доволок ноги до края леса. Яркое украинское солнце, пристальным пограничником всмотревшееся в глаза чужаку, заставило зажмуриться, и Фёдор Максимович вслед за отяжелевшим рюкзаком опустился к жёлтым колокольчикам первоцвета.

Глава 8

Прежде чем войти в палату, Околелов, едва сдерживая себя, процедил:

— Сгною.

Его бывший подследственный лежал на койке у окна. Толстушка-медсестричка проворно управлялась с капельницей. Увидев милицейскую форму, одарила посетителя интересом. Форма привлекла внимание и грузного старика с угловой койки, читавшего устроенную на животе книгу. Зато сам Егор остался совершенно безучастным к гостю. Значит, милицейский гость ему не родственник и не знакомый, гостинцев не ждать.

— Мне к Буерашину, — сообщил вошедший.

На милицейском языке это означало, что посторонние по возможности должны оставить их наедине. Медсестра поправила марлевый беретик и, несмотря на довольно большой проход между кроватями, исхитрилась коснуться посетителя грудью. Старик, запомнив страницу, сунул книгу под подушку и отвернулся к стене. Это не очень устроило лейтенанта, но дежурный врач предупреждал, что в палате лежит послеоперационник. Хорошо, что ещё двух пациентов увели на перевязку.

— Я, собственно... здравствуйте...

Буерашин еле заметно кивнул в ответ: то ли ответно “здравствуйте”, то ли “я вас слушаю”.

— Начальство сказало — извиниться... Такое дело.

Извинять Околелова после всего, что было сделано им в пресс-хате, Егор не собирался. Но и увещевать — себе дороже. Одно радовало, что не пошёл в милицию искать там защиту для Веры. С такими защитниками ещё неизвестно, что могло бы статься с ней самой.

— Собственно, всё, — Околелов побарабанил волосатыми пальцами по металлической дужке кровати. — Если прокуратура поинтересуется, я приходил...

Егор кивнул: приходил. А теперь уходи.

Но натура у милиционера взяла верх. Наклонившись над кроватью, прошептал только для одних ушей:

— Станешь вякать, достану из-под земли.

Насколько хватало силы воли, настолько Егор и старался безучастно смотреть в потолок. На нём у двери сгустилась тень. А может, просто потемнела краска. Над плафоном щупальцами спрута распластались трещины. Сколько лет здесь не производилось ремонта? В вентиляционной решётке трепещет бархатистая пыль. А говорят, в больницах всё стерильно...

Не уловив реакции собеседника ни на просьбу о прощении, ни на угрозу, лейтенант вышел, посчитав нужным хлопнуть дверью. Когда вдогонку за его шагами простучали каблучки медсестры, старик отвалился от стены, устроил сверху себя живот, успокоил его колыхание руками и лишь после этого вернул на место книгу.

— Что-то не очень радостная встреча у вас получилась, — проговорил с одышкой. — Где-то схлестнулись?

— В пресс-хате.

— В библиотеке?

— Да нет. Это где прессуют.

— Бумагу? — никак не доходил иносказательный смысл до соседа.

Живот помешал ему повернуться, поворота головы оказалось недостаточно, чтобы видеть соседнюю койку, и потому ухмылки Егора он не рассмотрел.

— В пресс-хате — щёлочка под крышей вместо окна. Три шага от стены до стены. Каменный пол, на который наливают воду, чтобы не садился. Часа через два-три в воду начинают подбрасывать хлорку…

Чтобы удостовериться в правдивости рассказа, старик всё же перевалил живот на бок. Земляной вид новичка, капельница и целый ряд белых пластмассовых наперстков с таблетками на тумбочке убедили его в достоверности услышанного.

— Изверги.

— И это я им не прощу, — пообещал Егор скорее себе, чем вдогонку Околелову.

В дверь палаты постучали, но поскольку милиционеры и медперсонал этим себя не утруждают, можно было ждать только желанных гостей. Кто и к кому?

Едва в проёме показался посетитель, Егор принялся судорожно поправлять вокруг себя одеяло. Вера?!

Опережая учительницу, первым в палату на правах родственника протиснулся Васька. Одетый в чистое, с застёгнутой у самого горла пуговицей на рубашке, он цепко оглядел палату и застыл. Он знал своего дядю сильным, недосягаемо геройским, жизнерадостным, а сейчас перед ним лежал опутанный трубочками от капельниц бледно-серый больной.

— Здорово, брат, — подбодрил племянника Егор и приподнял свободную руку, призывая ближе к себе. — Здравствуйте, Вера Сергеевна.

— Вам здравствуйте, — растерянно проговорила она, и Егор понял, что выглядит он и в самом деле не совсем презентабельно. Только лучше бы Вера не приходила совсем. Или одна…

В дверь протиснулась ещё и Оксана. Вера задержала сестру, но лишь для того, чтобы прикрыться ею, как щитом. Скорее всего, она сама и позвала ребят, чтобы не появляться в палате одной.

— Вам плохо? — вывел Егора из небытия тихий голос Веры.

— Нет. Просто… немного неудобно лежу.

Это заставило Веру заботливой медсестричкой склониться над Егором, помочь приподняться. Оглянувшись на сестру и Ваську, раскладывающих на тумбочке гостинцы, прошептала:

— Я сказала в прокуратуре, что в ту ночь мы были вместе. И что у вас нет грузовой машины…

Егор коснулся губами синяка у запястья Веры. Девушка вспыхнула, пряча рукавом халата следы насилия, сосед заворочался, Васька подозрительно замер. Увидели? Это уже не суть важно. Он любит эту женщину. Ни Танька, ни Оля, ни Ира — никто не зацепил так, как она. Когда умирал в “пресс-хате” от ядовитых паров хлорки, прощался с ней.

Васька кашлянул, показал на тумбочку:

— Тут Анька гостинцев собрала.

— Я в коридорчике посижу, а вы поговорите. До свидания, — ухватилась Вера за возможность уйти, уводя с собой и щит-сестру.

Она выразила свою признательность за всё, что Егор сделал для неё, но и не забыла озера. Тайна близких, дорогих людей — это яд.…

А Егор, не знавший о подсмотренной встрече, обмяк: неужели больше не заглянет? Ведь не договорились, когда придёт ещё и одна.

— У нас всё в порядке, — вновь напомнил о доме Васька. — Дед пошёл по лесам, уже третий день нету. К вечеру ждём, еда должна вся кончиться.

— Не отпускай его больше никуда одного. Что Анютка?

— У неё ноги дома не живут. Бегает, женихается.

— С кем?

— А там любого в селе бери. Она ж у нас неотразимая.

— Поссорились, что ль?

— Больно нужно трогать эту цацу.

— Ясно. Ты, Васька, начинай смотреть на жизнь по-взрослому. Видишь, что со мной вдруг случилось. И с дедушкой накануне. Так что…

— Поправишься.

— Само собой. Но я всё равно должен знать, что ты — сила и надёжность!

— Кое-что можем, — согласился держать марку племянник. — Ладно, я пойду, а то врач запретил долго с тобой разговаривать.

— Анютке привет. И пусть Вера Сергеевна заглянет. Насчёт Оксанки.

Вера заглянула, но не тронула расстояние, какое заложили строители от двери до окна.

— У Оксаны всё нормально. Нас выписывают, едем домой. Выздоравливайте и вы. Я на тумбочке газетку районную оставила, посмотрите.

Отрываясь от потускневшего взгляда и протянутой руки Егора, прикрыла дверь. А он прикрыл глаза: не простила. Подобное, наверное, и не прощается. Причём одинаково как насильникам, так и тем, кто не уберёг от надругательства.

Вернулись уходившие на перевязку соседи. Принялись разбираться в мензурках с разложенными в них таблетками, а Егор дотянулся до газеты. Фломастером была обведена колонка происшествий о ночном поджоге красных "жигулей". Вера обвела именно этот материал. О чём-то догадывается? Не надо, ей ничего не нужно ни знать, ни предполагать, чтобы не оказаться втянутой ещё и в эту историю. В руки к околеловым ей попадать нельзя. Лучше бы пришла ещё. И одна…

Но Вера с ребятами уже подходила к автобусной остановке. Оксанка с Василием отстали, она же непроизвольно оглядывалась по сторонам. Призналась себе, что боится увидеть джип Бориса. Или хозяев сгоревших "жигулей". Она не уверена, что сможет узнать их в толпе, но если вдруг случится… Что произойдёт дальше, Вера тоже не знала. Лишь бы не трогали больше её. И чтобы Егор никого не трогал. Они вон что смогли сделать даже с ним…

— Вер, скажи ему, чтобы не дразнился, — с обиженным видом попросила подбежавшая Оксана, счастливо улыбаясь.

Ей хотелось коснуться своей девичьей радостью окружающих, её счастью стало тесно в светлом одиночестве двоих. Не увидела, что чёрная полоса Веры не входит в семь цветов её с Васькой радуги.

— Вера Сергеевна, а пусть она слушает старших, — не остался в долгу Васька.

Пусть. Тебя можно слушать, Василий. Лишь бы всё получилось с операцией.

Молодёжь всё же почувствовала её отстранённость, но не усмотрела в ней вселенского горя и вновь отстала, зашушукалась. На автобусной остановке Вера кивнула, как старой знакомой, торговке калошами, вновь собирающей на своих плечах и голове голубей. Та порадовалась: вот видишь, и ты можешь успевать. Доброй дороги.

Проезжая дубки, Вера опустила голову и прикрыла глаза. Она и впрямь не хочет жить здесь, и после операции Оксане они уедут куда угодно. Страна большая, и должен найтись в ней уголок, где живёт и её счастье. Или хотя бы где ничто не будет напоминать о том страшном вечере.

Около дома Фёдора Максимовича ходил от тополя к тополю сосед Степан. Увидев автобус, замахал Летуну рукой — тормози. Васька, почуяв недоброе, припал к стеклу, и сосед замахал: жду тебя, выходи. Вслед за Васькой заторопились к двери Оксана с Верой, остальные вывернули шеи, стараясь распознать новость.

Степан, только что бегавший взад-вперёд, обмяк перед пассажирами:

— Тут того… звонили из района. А к ним с Украины. Деда твоего, Василий, Фёдора Максимовича… того…

— Что "того"? — отступил Васька.

— Тромб оторвался.

— Какой тромб? Где? — одинаково боялся и торопить, и оставаться в неведении Василий.

— Где… В организме. Короче, Фёдор Максимович наш, того… помер. Нашли в лесу. Ещё вчерась. Но позвонили только что.

Васька и Вера Сергеевна, непроизвольно поймав друг друга руками, немо смотрели на Степана. Тот, судя по всему, сказал все новости и смог лишь повторить:

— Из района, короче. А туда — с Украины. Надо ехать забирать.

Ваське оказалось мало руки учительницы для опоры. Прислонился спиной к тополю, сполз по его стволу. Однако внизу, в одиночестве оказалось совсем страшно, и он выпрямился, вновь уставился на соседа: это что, правда? Не верю.

— Говорил, колокол пойдёт искать, — сообщил Степан больше для учительницы, обнявшейся с сестрой, поскольку Васька замер истуканом.

Привела всех в чувство Анька. Она вырвалась из дома с рёвом, с разбега воткнулась в брата:

— Д…д…дедушка, д…д…дедушка…

Вера с Оксаной растерянно переглянулись, не зная, как утешить осиротевших во второй раз ребят. Но материнское, бабье чувство укрывать и защищать детей поднялось из генетических глубин, и Вера оторвала Аню от Васьки, прижала к себе. Зашептала что-то на ухо — не задумываясь, не выстраивая нить. Про то, каким был хорошим её дедушка, как они ходили к "Пионерским кострам", что скоро будут "Кукушкины слёзки" и что дедушка мечтал подсмотреть за ними хоть одним глазком. Насколько он был любознательным, много чего знал и много читал. Что сегодня она заберёт её с Васькой ночевать к себе. И как бы гордился дедушка, если бы увидел её невестой…

И когда уже добилась своей цели, и притихла Аня под мерное журчание добрых слов, со своего края улицы с причитаниями показалась баба Маня. Возможно, она не верила до конца в страшную новость, но, увидев около дома свата людей, заголосила. В селе горе приходит не в дом, а сразу на всю улицу.

Аня зарыдала снова.

— Пойдёмте в дом, — вдруг приказал Васька.

Все безропотно подчинились. На подбежавшую со вскинутыми руками бабу Маню Василий тоже так глянул, что та осеклась, обняла одну внучку. Василию, в одночасье оказавшемуся старшим в доме, предстояло средь женского плача решать первоочередные задачи для похорон. А память кусками выхватывала дела второстепенные, которые могли подождать, но почему-то торопились заявить о себе: столб в углу палисадника сгнил и валит штакетник, пора перебирать оставшуюся в погребе картошку, во дворе провисла калитка, надо под нижнюю петлю подложить гайку и таким образом приподнять… То, мимо чего до нынешнего дня пробегал не глядя, в одночасье стало его заботой, его ответственностью. С этим теперь предстояло жить.

Не ведал пока главного — как привезти с Украины деда. И дядя Егор не вовремя в больнице.

— Запряжём Орлика и привезём, — подсказал дед Степан.

— Баб соберу — обмоем, — подключилась к скорбным делам баба Маня. — И место для могилки показать надо копачам.

Хотя что показывать — место на кладбище у Буерашиных уже родовое получалось, а Фёдор заранее обнёс оградой своё будущее место рядом с женой.

— Егору как-то сообщить, — продолжала проговаривать вслух, чтобы ничего не упустить, баба Маня. — Кутью я сварю, изюма немного осталось.

— Свадьбу только не собирать, — посоветовал обойтись малым кругом приглашённых Степан.

— Кто придёт, тот придёт, — поставил точку Васька.

Его опять послушались, и собственная взрослость вдруг испугала Василия: а вдруг что-то забудет или сделает не так? Анька больше соображает в поминальных делах, но она сейчас не помощник.

Баба Маня первой уловила, как опустились плечи внука, как он сжался от непосильной ноши. Притянула к себе и его. Василь не стал сопротивляться, и это наполнило её сердце новой горечью: какой ещё дитя! А жить

теперь пусть перебираются к ним с Петром: смерть Фёдора сама распорядилась, где и с кем быть внукам.

— Ночевать пойдём к нам, — прошептала внуку.

Васька замер. Смерть деда меняла им жизнь с Анькой, и то, что вчера считалось само собой разумеющимся, сегодня требовало принятия решений. Что же ты наделал, дедушка!

— Дядю Егора подождём, — нашёл надежду оставить всё по-прежнему.

— Я пошёл за Орликом, — по солнцу прикинув время, сообщил Степан.

— Заедь за Петром, — попросила баба Маня. — Вдвоём сподручнее будет.

Конь бежал, легко вспоминая дорогу до Середина-Буды. Украинский городок для Журиничей был вдвое ближе Суземки, потому все магазины, поезда, больницы — только через Украину. Районный центр оставался лишь для получения справок да проводов в армию.

С распадом СССР дорогу перекрыли пограничники, она без колёс сначала превратилась в две колеи-тропинки, потом и вовсе заросла. Как бы не получилось, что выпало Орлику бежать по колено в траве здесь последнему. Даже если вернётся советская власть и границы уберут, дело не исправится: лошадей в селе почти не осталось.

— Хороший человек был Федька. Замысловатый, но не вредный, — нарушил молчание управлявший вожжами Степан.

Сказал искренне, не под смерть, и Пётр согласно закивал головой, хотя отношения сватьёв секретом ни для кого в селе не являлись. А может, поддакнул всего лишь одному слову — "замысловатый". Но не дано знать мысли соседа, даже если едешь с ним в одной телеге.

— Может, срежем наискосок? — кивнул Степан на дальнюю украинскую трассу, с середины пути побежавшую параллельно их заросшей дороге. Орлику, конечно, придётся потрудиться, выбираясь к ней по бездорожью, зато потом покатят по асфальту.

Пётр и на этот раз безропотно согласился. Они со сватом больше гыркались или вообще не замечали один другого, но оттого и печали больше на сердце, что не смогли за жизнь одолеть вражду. Интересно, а запряг бы Фёдор Орлика, случись подобное с ним?

Уверенности не проявилось, и Пётр вздохнул. Они хоть и во вражде, но пожили на свете. Жалко внуков. Росли они, конечно, в Федькиной хате, он был им ближе и роднее. Только это вовсе не значит, что он любит ребят меньше. Просто не имел права выказывать свою трепетность к ним, а когда удавалось прижать детские тельца, помнил потом эти объятия месяцами.

— Давай, Орлик, давай, милый, — подхлестнул коня Степан, когда тот встал перед крутой дорожной насыпью.

Конь скосил сливовый глаз, перебрал в неуверенности ногами, и мужики спрыгнули с телеги. Пётр взял лошадь под уздцы, потащил за собой наверх, Степан упёрся в телегу сзади. В натяг, все трое припадая на колени, но взяли украинский рубеж. Повторить такой же подвиг с телом Фёдора вряд ли получится, опрокинут. А это грех несусветный, чтобы живые роняли мёртвых. Возвращаться придётся официально, через пограничный пост.

Город знали, как собственные Журиничи, разыскали морг без подсказок. Там их заставили расписаться в какой-то бумажке и открыли дверь в прохладный, матово освещённый барак: забирайте, который ваш.

Фёдор лежал на крайнем топчане, аккуратно одетый и причёсанный. Заострившийся нос, выступивший вперёд подбородок и впавший рот изменили его облик, но не настолько, чтобы не узнать или засомневаться. Затоптались вокруг топчана, примеряясь, как подступиться к покойному. Толстенький санитар, не дождавшись подношения, демонстративно отвернулся и наседкой замер над остальными топчанами. Авось на каком-то и снесётся золотое яичко на обед…

— Бери за ноги, — скомандовал Степан.

Стараясь не смотреть на лицо свата, Пётр взялся за резиновые сапоги. Они скользили, одеревеневшие ноги Фёдора норовили хотя бы ещё раз коснуться земли. На телеге порядок заранее не навели, и пришлось расправлять

сбитую попону уже под умершим, чтобы ехалось ему домой мягко, без неудобств. От любопытных глаз прикрыли тело покрывалом и тронулись.

Покрывало отбросили пограничники. Сверили Фёдора с фотографией на паспорте, бдительно и проворно ощупали сено под покойным, долго созванивались по телефону, и в конце концов дали от ворот поворот:

— Вы нигде не переходили границу официально, а тело, — кивнули на телегу с умиротворённо лежащим Фёдором Максимовичем, — должно идти уже как груз. Через таможню. Надо декларировать.

— Да вы что, ребята? Домой же везём. Человек умер, — опешил Степан. Был сосед семьдесят лет Фёдором, а в одночасье превратился в тело…

— А откуда мы знаем, где и как умер? Может, контрабандой занимался. Может, возите специально, выведывая секреты, — стояли на своём пограничники.

— Какие секреты? — простодушно не понял и Пётр.

— Ну, аэродром военный рядом. Да мало ли что задумали. Давайте назад, пока лошадь не конфисковали. Ищите какие хотите справки. Назад.

Из машин, стоявших в очереди на пересечение границы, недовольно засигналили. Орлик нервно загарцевал, пытаясь развернуться с оглоблями в узеньком, огороженном бетонными блоками, коридоре.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Степан, стыдясь своей нерасторопности при всеобщем внимании.

Пётр тоже прятал глаза. А вот с лица Фёдора Максимовича покрывало сползало раз за разом, позволяя ветерку легонько перебирать седые волосы. И уж, наверное, больнее всего было смотреть сверху на эти мытарства душе партизана. Она не могла бы точно вспомнить, сколько раз хозяин беспрепятственно ходил и ездил в Буду без всякой таможни. Или водил отряды Ковпака через некогда единый, а ныне располовиненный лес, чтобы бить общего врага. Как навещал Ивана на аэродроме, который не являлся секретным для отца лучшего молодого лётчика в полку. Произошло нечто более страшное, чем развал Советского Союза. И это "нечто" было пока недоступно для понимания неприкаянно витающей в небе души: отчего нужно разъединять людей, леса, поля настолько, что даже мёртвым нет права попасть в родной дом иначе, как в виде таможенного груза?

Грустно от подобного расклада и живым — понурым вместе с Орликом возницам…

Подъехав к месту, где утром выбирались с русского поля на украинскую дорогу, остановились. Степан стал поправлять сбрую на Орлике, выжидая, когда освободится от машин трасса. Хотя следовало поторопиться: над лесом нахлобучивалась туча, потянул свежий ветерок, будоража лошадь. Они такие, они грозу ноздрями чувствуют.

Пётр, боясь остаться с Фёдором наедине, тоже спрыгнул с телеги, принялся искать пологий спуск. Нашёл меж придорожных кустов машинный съезд. Не по нему ли вывезли колокол? Оглядели со Степаном место, но тот помотал головой не хуже Орлика, отбивавшегося от слепней:

— Перевернём. И к Алалылихе ходить не надо. Придётся на руках.

Замешкались, не помня, головой или ногами нести тело с насыпи. Попробовали боком. Заскользили, путаясь в будыльях старой травы. Как ни старались удержать Фёдора на весу, а уронили. На трассе заурчала машина, и пришлось, не сговариваясь, накрыть "контрабанду" собой.

Подняли головы, лишь дождавшись тишины на дороге.

— За нас умер, — вдруг произнёс Степан. Пётр недоумённо поднял голову, но напарник упрямо кивнул: — За нас. Мы жили — а он работал. Горел. Не было лучше соседа…

Степан словно просил прощения у покойного за все споры и насмешки, случившиеся на долгом соседском пути-житии. Можно было промолчать, никто не требовал оценок и подведения итогов, но это на похоронах, при стечении народа можно укрыться за спинами других, а когда остаёшься один на один с умершим, совесть беспощадна и заставляет каяться.

— От совести умер, — подытожил Степан.

Пётр примерил услышанное к свату. Глаза и рот у того от тряски приоткрылись, и Пётр наложил ладонь на веки родственнику. Затем оторвал лентой низ у своей рубахи, подвязал челюсть. Дела скорбные, но житейские, и кому-то требовалось заниматься и этим. Он, Пётр Соломатин, проводит в последний путь истрепавшего ему все нервы родственника с честью и достоинством.

— Веди Орлика, я побуду с ним, — отпустил Степана.

Ему было о чём поговорить со сватом. И про его непрощение, не давшее ни разу вздохнуть свободно за всю жизнь после войны. Про то, что прощает всё и сам просит прощения. Что не оставит ребят и сделает так, чтобы они берегли светлую память о нём…

Вернулся Степан, и пока поднимали Фёдора, зашелестели в голос придорожные кусты. Ветер, разогнавшись по полю, упруго ударил в спины. Они препятствием не служили, ему бы мчаться дальше, но происходящее на границе России и Украины ему чем-то не понравилось, и он закрутился юлой вокруг людей, лошади, телеги, психом расшвыряв из неё соломенную подстилку. Вмиг почерневшее небо раскололось пополам. Орлик тревожно задёргался в оглоблях, и Степан, преодолевая сопротивление вихря, продавился к нему, обнял за шею, унимая и свою, и его дрожь. Пётр навалился на телегу, вцепился в свата, — то ли как в последнюю опору на земле, то ли не позволяя ветру вознести умершего сразу на небеса, без погребения на земле. Сечкой полоснул дождь, загромыхало, потемнело вокруг, завыло…

Сколько продолжалось светопреставление, осознать, наверное, мог только Орлик. И то потому, что стоял на земле четырьмя ногами. Он и пришёл в себя первым — зафыркал, очищая забитый пылью рот. Подняли головы и старики: что это было? Знак какой или мщение? Кому и за что?

Домой, домой, надо скорее в родные стены, под родную крышу. Дома даже на кладбище спокойнее.

Глава 9

Лето пришло в Журиничи уже измождённое майской жарой.

— Вера Сергеевна, а правда, что дождь обходит наше село потому, что колокол не уберегли?

— Дядя Егор обещал новый достать. Или отлить. Не отставай. Глянь, как Оксанка с Зойкой пятками сверкают.

Степенно поправив платок на голове, Аня возвела к белёсому небу глаза: это надо до “Кукушкиных слёзок” дожить, уже грудки выпирают как “здравствуйте вам”, а всё ещё прыгают по оврагам козочками. Иногда надо и своим умом жить.

— Причитания все выучила?

— Не споткнусь на ровной ямке. Главное, чтобы Женька мою куклу не нашёл. А то придётся целоваться, — от возможного ужаса Анька мечтательно расплылась в улыбке и с тайной надеждой оглянулась.

За деревьями прошмыгнули ребята, желающие подсмотреть за девичьим таинством прощания с детством. Интерес, конечно, понятный, но баба Маня учила: близко никого не подпускать, праздник не на их улице. Но авось глазастые…

— А правда, что и из соседних сёл приедут на нас смотреть?

— Пусть смотрят, не жалко. Не жалко ведь?

— После нас, первых — все не Гагарины!

Шли к озеру. Там, на поросшем муравой Рымкином берегу, уже собирались со своими куклами те из девчат, кому исполнялось двенадцать лет. Вера Сергеевна несла пучок кукушкиных слёзок — тоненьких длинных стебельков с дрожащими наверху бусинками-слёзками. Из них и требовалось сплести фигурку, обрядить её в лоскутки и ленты, чтобы затем под ритуальное пение и захоронить. После этого приходит черёд прятать любимые домашние куклы — то ли от ребят, то ли для них. Потому что кто чью похоронку усмотрит и найдёт, у того появляется право победителя для первого поцелуя.

Сладко и страшно представить — чтобы прилюдно, законно тебя целовали…

От озера им уже махали собравшиеся на берегу девочки, наряженные в длинные платья. На следующий год можно пошить с орнаментом, под русскую старину. Только вот где будет встречаться следующее лето…

Вера встрепенулась, отгоняя грустные мысли. Оксана бежит впереди, деньги спрятаны под матрацем. Сегодня опять придут две машины. Всё наладится. А к озеру и впрямь собираются взрослые, пожелавшие посмотреть на старинный обряд. Между ними главным распорядителем ходила баба Маня, одна и сохранившая в памяти рассказы своей дореволюционной бабушки.

К Ане подбежала Зойка Алалыхина, схватила за руки. И хотя Аньке не очень хотелось вступать с ней в родство-кумовство, первенство в игре решила не уступать никому. Запела вместе с ней:

— Кукушечка, рябушечка, пойдём в лес — сплетём венец.
Покукуемся, помилуемся. Покумуемся, поцелуемся.

Лес был далеко, и баба Маня предусмотрительно заняла место около двух берёзок, связав их ветви. К ним и подошли с двух сторон Аня и Зоя. Положили своих кукол на связанные качели и, баюкая их, как в колыбели, запросили:

— Покумимся, подружка, с тобой, покумимся,
Чтобы век нам с тобой не браниться, не ссориться.

Протянули друг другу в подарок ленты, под улыбки взрослых расцеловались трижды: вот и бежит время, каждая из девчонок ещё вчера сидела в коляске, а сегодня крёстных для своих будущих детей выбирает. Хотя по обрядовым правилам раскумиться можно в течение месяца, до Троицы…

Улыбалась игре Вера, выплетая общую куклу. Да забыла, что травато — из "слёзок"…

В какой-то миг усмотрела среди гостей Татьяну. Правду говорят, что если мужчина по запаху найдёт лишь кухню, то женщина — соперницу.

Не обманулась.

Татьяна не сводила глаз с противоположного берега, где возле заброшенной кузни сидел Егор. Даже не сидел — полулежал, издали наблюдая за праздником. Выписали из больницы или опять сбежал, как на похороны отца? Доехал на чём, ведь автобусу ещё рано? Что со здоровьем?

Татьяна размышляла меньше. Не оставляя никому надежд, всё убыстряющейся походкой пошла вдоль берега к кузне. Около Веры негромко напела:

— На горе растёт лопух.
Чтоб ты, миленький, опух,
Чтоб ты руки обломал,
Когда другую обнимал...

Егор словно услышал частушку. Намерился подняться и уйти, но со стороны это выглядело бы, наверное, смешным бегством, и остался на месте. Татьяна присела рядом, бесполезно попыталась натянуть юбку на колени. А скорее, лишь делала вид, потому что оставила их выпирать белыми игривыми яблоками. Даже погладила — выручайте, соблазняйте.

— Гав, — разрешила добредшая вслед за хозяйкой собака.

— *Прощай, наша милая кукушечка, прощай…*

Девочки, уложив сплетённую куклу на покрывало, понесли хоронить её под ракиты. Торопились, потому что после этого предстояло разбегаться в стороны и прятать по кустам уже свои, домашние куклы. Выглядывали: пришли ли те, желанные, кто бросится на их поиск? Выпячивать захоронку, конечно, нечестно и некрасиво для девушки, но и не прятать же любимицу так, чтобы никто не нашёл!

Вера, как ни сопротивлялась, не смогла не повернуться к своей "захоронке", уже найденной, к сожалению, другой. И улыбнулась: рядом с Егором сидел Пятак. Наверняка просит денег на выпивку, но спасибо ему, спасибо, что заставил Татьяну встать и отойти к воде. Пробуй, пробуй ногой воду в озере, строй из себя тонкую натуру…

— Вера Сергеевна, огонь разводить, — отвлекла от ревности баба Маня.

Щепочки и полешки были заготовлены заранее, кирпичи под самую большую в селе сковороду выставлены. Задача для деревенских девчат пустяковая, но знаковая: в конце игры приготовить яичницу и накормить ею всех присутствующих, показывая, что они уже умеют вести хозяйство и никого не оставят голодными.

Вера присела к костру, подсунула газету, продолжая из-под локтя выглядывать другой берег. Пятак вроде хочет подняться, но Егор осаживает его, и Татьяна от досады бьёт ногой по воде. Брызгам сложиться бы на солнце в радугу, но разве можно нарисовать её чёрным карандашом? Хотя какое, собственно, Вере дело до отношений двух влюблённых? Хочется им гулять — кто же мешает?

Подула легонько на уже вцепившийся в щепочки своими лапками огонёк. Вот точно так же пусть разгорается всё, что не касается её и Оксанки. А они уедут, сразу уедут, как только соберутся деньги. И не убеждает она себя в этом в сотый раз, а лишь констатирует факт.

— Пошёл отсель, бесстыдник, — раздался незлобливый голос бабы Мани.

К костру пробирался Васька. Ему, скорее всего, нужна была Вера, но прибежавшие на помощь бабе Мане девчата завизжали на чужака, как на коршуна. Вера успела лишь вопрошающе вскинуть голову: что-то с машинами и грузом? Только не сейчас!

— Я нашёл, нашёл, — раздался на весь берег голос Женьки.

Он прыгал с высоко поднятой куклой, и девчата сбились в стайку, похихикивая и тайно высматривая, кому выходить из круга на прилюдный поцелуй. Уже одёргивала сарафан Анька, но, гордо оглядев подруг, пошла навстречу замершему победителю Зойка Алалыхина. Женька отпрянул, недоверчиво посмотрел на куклу. Зойке, возможно, тоже хотелось бы поцеловаться с кем-нибудь из ребят повзрослее, с тем же Васькой, но первенство сегодня шло к ней само и уступать его она не собиралась. Подмяла пацана, и голову подняла уже королевой, ставшей в один миг повзрослевшей девицей. Усмехнулась Ваське: ждёшь свою городскую тихоню? Смотри, пропустишь вообще всё, пока с малявками милуюсь!

Анька плюхнула в сковородку несколько яиц, бросила веером соль: на чужом пиру можно и не усердствовать в кулинарном искусстве.

Первым к сковородке подскочил Васька. Это был лишь повод вновь оказаться рядом с учительницей, но он торопливо отчекрыжил коркой хлеба кусок яичницы, отправил, обжигаясь, бутерброд в рот. Закатил глаза то ли от блаженства, то ли от ожога, но неожиданно для Аньки и остальных перевернул всю приготовленную сестрой порцию себе в руку. Запрыгал от боли, но тем не менее принялся жадно, уткой глотать пищу. И только тут Анька дала волю чувствам — заревела, замахнулась опустошённой сковородкой на брата. За нелюбимую куму, за перехваченного Женьку, испорченный праздник. Не стесняясь слёз, побежала с берега. Увернулась от Веры Сергеевны, попытавшейся поймать её. Вот тебе и праздник похорон детства. Жизнь только начинает выкаблучиваться…

— Ты чего сестру родную на люди выставляешь, — замахнулась на внука берёзовыми веточками баба Маня. — Она же не для одного тебя, чурбана нетёсаного, готовила.

Васька согласно закивал, но оглянулся: нет ли чужих ушей?

— А она пусть сначала научится готовить. Пересолила так, что нутро горит, — постучал себя по груди. — Что, было бы лучше, если б чужие плевались?

Ветка в поднятой руке бабы Мани замерла, потом стала разгонять комаров. А Васька боком-боком, но переместился, наконец, к учительнице.

— Что? — встревоженно спросила та.

— Менты что-то заподозрили.

Огляделись одновременно, словно машины с мигалками уже окружали озеро. Хуже ментов оказалась Танька, выжившая Пятака и подсевшая всё ж таки к Егору. Но не это сейчас главное. Сейчас нет ничего важнее и страшнее Васькиной новости.

— Откуда знаешь?

— Они одну нашу машину, что развозила товар, задержали.

— И? — Вера обмякла.

— Надо прятать оставшиеся тюки.

— Так надо бежать... — Вера обессиленно опустилась на траву. А Егор, оставив Татьяну, направляется в их сторону. Только бы ничего не узнал, от стыда не спастись!

Нашла силы встать. Стараясь не оглядываться, поспешила к дому. В сарае тюков двадцать, под кровать не спрячешь. Говорят, не бери чужое! Но ведь ради Оксанки... Если с Егором в милиции обошлись так, что попал в больницу, то с ней вообще церемониться не станут.

Испуганно оглянулась: почему не идёт следом Васька? Что-то объясняет Егору, вытирая тельняшкой пот со лба. Даже если и про контрабанду, пусть. Вдруг что-то придумает, выручит. Если не её, то хотя бы племянника. А им отсюда давно надо было бежать. Счастье, если оно и есть где-то для неё на земле, находится где угодно, только не в Журиничах. Название села придумывалось триста лет назад, будто специально для неё...

Сзади топот. Что, Вася, что, милый?

— Сказал дяде Егору. Он сейчас подойдёт.

— Ругался?

— По шее дал. Я боюсь, что это крёстный...

— Что крёстный? — хваталась, пугаясь, за каждую новость Вера.

— Я ему сказал, что мы... возим.

— Заче-е-ем?

— Чтобы помог нам.

Знает крёстный — знает Сергованцев. Знает тот — рядом Околелов. Эх, Васька, Васька...

Снова шаги. А вот теперь Егор. Как же стыдно поднимать голову!

— Тележка какая-нибудь есть? — спросил тот у племянника. Конечно, не она хозяйка...

— В дровянике без колеса.

— Бегом к нам за велосипедом.

Нет! Она не хочет оставаться наедине с Егором. Лучше она за велосипедом...

Васька услышал не её мольбу, а приказ Егора. Хотя бы ещё пару шагов к дому. Ещё! В туристических походах считаются именно пары-шаги.

— Как Оксанка?

— Сам как? — не стала объяснять очевидное.

— Победим! — сразу на всё ответил Егор.

Дом уже выглядывает крыльцом из-за колодца. Сруб над ним недавно новый поставили, покрасить лишь не успели. Но хорошо, что у Егора решительный шаг, сжатые губы и твёрдость в голосе. И пусть чья-то кошка перебежала дорогу — то глупости, потому что рядом Егор. Ей ничего от него не надо, только помочь избежать позора, милиции и тюрьмы...

Во дворе он сразу прошёл в сарай, потрогал тюки и взвалил один себе на плечи.

— Пусть Васька грузит на велосипед и везёт за кладбище, к силосным ямам.

Вера чем могла помочь — так это распахнуть калитку в огород и проводить грузчика взглядом.

— Я здесь, — услышала шёпот Васьки.

Он пытался устроить на велосипеде сразу два тюка. Вера суетливо поискала верёвку, прихватила, как могла, груз. Еле протиснули "ослика" в калитку, и Васька, упираясь, покатил его за горбатившимся между картофельных грядок Егором.

"Пронеси", — подняла глаза к небу, боясь молиться, Вера.

Но беду требовалось отводить на земле, и она принялась вытаскивать баулы из сарая. Зацепилась подолом за торчавший в стене гвоздь, надорвала клок, заставив затрепетать его белым флажком капитуляции. Нет-нет, она не сдаётся! Вот только сбросить туфли, чтобы не мешали…

— Не таскай, тяжело, — остановил её вернувшийся Егор.

Она осмелилась поднять на него глаза. Небрит, круги под глазами. Ему бы отлежаться в каком-нибудь санатории…

— Здравствуй, — вдруг неожиданно сказал Егор и коснулся пальцами её щеки.

Как хотелось податься навстречу! Но по улице, заставив завалиться под забор Ивана Шанечкина, промчался мотоцикл без глушителя. Потом, всё потом. Сначала избавиться от тюков. И нужно ли вообще это "потом"? Оборвать всё и сразу!

— Извини, — прошептала в придавленную тюком спину уходящего Егора.

Милицейский "уазик" подъехал, едва за Васькой закрылась калитка с последней поклажей. Давая ему время пробежать огород, Вера закрыла собой вход в палисадник.

— Лейтенант Околелов. Мне необходимо осмотреть ваш дом, — с улыбкой козырнул милиционер: светила, теперь уже реально катилась на погон ещё одна звездочка…

Чтобы не оказаться в стороне от успеха и премии, торопливо оббежал пыльную морду "уазика" водитель. Поддёрнул брюки, кивнул Вере: то ли здравствуйте, то ли воистину "необходимо осмотреть".

Как там Васька? Страх за него дал Вере силы обрести наглость.

— А что случилось? — вытирая потные ладони о платье, но не тронувшись с места, поинтересовалась у милиционеров.

Только кто же остановит падающую звезду?

— Пройдёмте в дом и узнаете, — надвинулся лейтенант.

Только и у Веры грудь не только для похотливых мужских рук. Ещё немного, ещё хотя бы малость выстоять. Грядки в огороде по тридцать метров. Потом уже можно Ваське свернуть с них и скрыться за вишнями…

— На каком основании?

Нет счастливее улыбки, чем у человека, чувствующего своё превосходство. И не перед угрозами — перед ней, презрительно-снисходительной, отступила Вера. Лихорадочно соображая, что надо гостей пригласить сначала в дом. Окошко на огороды в нём только в кухне, и если не пускать туда…

Но не пожелал Околелов идти в дом, сразу направился в сарай. Но ведь вывезли тюки, вывезли! Успели же! Только всё равно почему-то подкашиваются ноги!

Лейтенант перешагнул через валявшиеся посреди двора её туфли, скрылся в темноте сарая. Водитель юркнул следом. Нет, не должно ничего затеряться. Сама выталкивала последний тюк. Пусто там!

— Вера Сергеевна, что тут у нас буровится? — ворвалась во двор Аня.

Вместо распахнутых объятий учительницы попала в руки появившегося сбоку Околелова. Ласково, еле сдерживая себя, улыбнулся.

— Здравствуй, девочка. Ты здесь живёшь? А что тут у вас в сарае хранилось сегодня ночью?

— В сарае? — Аня подергала рукой, вырываясь. Да только от Околелова ещё никто не уходил. По крайней мере, далеко. Да и те остались на прицеле…

— Да, в сарае. Что привозили сюда в последнее время? Ты ведь пионерка? Или ещё октябрёнок? Взрослым надо говорить правду, да? Ну?

— В сарае у нас всегда куры, дяденька милиционер. Знаете, их если не пугать, то буйные яйца несут, хорошие.

Как легко, будто хворостинку, мог переломить детскую ручку Околелов.

— Я никого не величала так за свою жизнь, как кур, — продолжала откровенничать Аня. — Не яйца, а битки. На Пасху даже в церковь ношу: мне не жалко, а Богу в подарок.

Увидев приподнявшиеся волоски на пальцах милиционера, Вера подалась к девочке: после такой наивной язвительности хрустнуть могли не только ручки, но и ножки. Наседкой укрыла девочку, только что не клюнув лейтенанта. Ищите, что хотите.

Искали. Околелов в доме, сержант вызвал Веру в чулан.

— Как полицаи, — прошептала из сенец Анечка.

— Они скоро уедут.

Первым закончил греметь прошлогодними закрутками-банками водитель. Стараясь не смотреть на хозяев, поддёргивая брюки, просучил ножками к машине. Вышедший из дома лейтенант вытащил из сумки листок. Ткнул в него пальцем:

— Пиши, что претензий не имеешь. Или имеешь?

Смотрел исподлобья, но по Вере — лишь бы побыстрее уехали. Вот-вот зайдут с огорода Васька с Егором…

Расписалась одной закорючкой, как в школьном дневнике: домашнее задание выполнили, а теперь катитесь прочь.

Катиться лейтенант не пожелал. Дошёл до "уазика" вальяжно, на сиденье усаживался долго, не закрывая дверцу и не спуская глаз с Веры. И лишь когда Аня, нырнув в сарай, вынесла оттуда яйцо и понесла в подарок, махнул сержанту рукой — вперёд!

Вера бессильно опустилась на ступени крыльца. Это конец. Позор на все Журиничи, на весь район. Ведь никого другого — её обыскивали как последнюю воровку. Кому какое дело, что ради Оксаны, ради… В ужасе подхватилась, бросилась в дом. Деньги!

Матрац на кровати был сдвинут, и она, холодея, просунула под него руку. Заранее начиная голосить, не желая верить в свершившееся, стащила, перевернула подложенные для мягкости на доски старые одеяла. Свёрток с деньгами исчез…

— Вера Сергеевна, Вера Сергеевна, — подскочила Анечка, но куда ей было удержать оседающее тело учительницы.

Даже вбежавший Егор не успел подхватить её. Прислонилась к железной ножке кровати, безучастно посмотрела на Егора, заглядывающего в комнату Ваську.

— Что?

— Деньги пропали.

Первым движением Егора было рвануться вслед за "уазиком", но Вера покачала головой:

— Я подписалась, что претензий не имею…

Анечка, не до конца понимая намёки, требовательно заглядывала в глаза взрослым, но Вера просто прижала её к себе. Прильнувший ласковый комочек не давал потеряться, остаться одной в этом страшном, злобном мире. Вот тебе и кукушкины слёзки…

С улицы коротко посигналили, Васька выскочил из хаты, и Егор проследил за ним в окно. Белая обшарпанная "буханка", некогда служившая автолавкой, прижалась к самой калитке, водитель выслушивал объяснения Василия. Дело явно касалось товара, за которым он приехал из Суземки, и Егор вышел на улицу. Заговорщики умолкли, но он властно указал шустренькому, с бегающими глазками водителю:

— Чтобы духу твоего больше здесь не было.

— Могу и так, — кивнул тот. Юркнул в кабину, готовый включить передачу. Но выставил условие: — Только сначала надо вернуть товар. За него уплочено.

Васька кивнул — вернуть надо. "Уплочено". Хату спалят или на нож возьмут — у "контрабаса" свои законы.

— Милицейский "уазик" навстречу попался? — успокоившись, стал подчищать ситуацию Егор.

— Н…нет.

А для Егора будто мигнула красная лампочка: на месте Околелова он бы сам использовал "буханку" в роли живца.

— Не видел, — поторопился более надёжно заверить автолавщик. — Может, куда свернул?

“Свернул”, — согласился Егор. Значит, Околелов ждёт в засаде. При этом и товар отдать надо, и не позволить лейтенанту взять водителя с поличным. А дорога в район одна. Остальное буераки…

— У нас товара не было и нет, — наученный собственным опытом, продиктовал для будущих показаний Егор. — Но я случайно видел, где его сгрузили.

Кивнул Василию — иди в хату, ты вообще в этой ситуации ни при чём. Сам сдвинул водителя на место пассажира, а когда тот попытался возразить, сцепил пальцами его худое колено так, что показалось — сдавили горло. Сжался ещё больше, когда выехали на кладбищенскую дорогу. Она, конечно, просматривается Околеловым издалека, “буханка” слишком приметна, так что времени на раздумья и раскачку нет. А тут то ли во благо, то ли на беду, пророкотал гром. Как много в этом году его. В дождь по буеракам на “буханке” особо не поездишь, но и “уазик” — не бронетранспортёр. И “Кукушкины слёзки” не только и не столько девичье детство провожали — страна прощалась со временем, когда происходящего ныне и в помине не могло быть.

— Выпрыгивай, — приказал Егор, затормозив рядом со рвом, в котором вместо силоса связанными скотчем пленными валялись тюки.

Дважды повторять не пришлось: над коленом вновь замерли тиски-пальцы, и водитель выскользнул наружу. Огляделся в намерении бежать, но понял бессмысленность затеи. Егор уже раскручивал проволоку на ручках задней дверной распашонки. Пыли внутри салона легло на два пальца, но ломать веники и выметать её времени не имелось.

— Первый пошёл, — отдал команду Егор.

Сам замер. В разведке сначала ощущаешь, видишь, потом слышишь. Здесь последовательность обратная: услышал поющих соловьёв. Странно, когда был на могиле отца, ничего не слышал. Значит, они, оставшиеся жить, ещё не в аду?

Вдвоём управиться с грузом, конечно, было сподручнее, но до груза при свидетеле Егор решил не касаться. Несмотря на то, что на суземской дороге показалась-таки зелёная блошка “уазика”. Шевелись!

Едва водитель вбросил последний тюк внутрь салона, Егор подтолкнул его следом внутрь, захлопнул дверцы, обернул проволоку вокруг ручек, впрыгнул в кабину.

— Держись! — крикнул через окошко в салон.

Врубил передачу, дал газ. Пыль укажет направление бегства, но в лесу можно скрыться. Как же неразумно вляпались дети. Ещё не ведают: всё лёгкое охраняет вороньё…

Мчался вдоль кромки только-только проросшего кукурузного поля. Где там занятия по “наружке” с их требованием не оставлять ни одной зацепки, ни одной приметы? В городе — да, серым неприметным мышкам в толпе раздолье. Но попробуй остаться серой мышкой в чистом зелёном поле… Только за пыльной завесой.

Пылил нещадно, виляя ради этого колесами. Терял, конечно, скорость, но зато и слепил преследователей. Смирившийся со своей участью водитель болтался среди тюков, а Егор простреливал взглядом опушку леса: куда уходить дальше? Вглубь, к чернобыльскому пятну? Но осталась ли туда дорога, не упрёшься ли в тупик? Правее есть колея на Украину, скорее всего, как раз от контрабандистов, но там могут перехватить или даже расстрелять за неповиновение пограничники. Остаётся мчаться вдоль опушки в сторону Неруссы и партизанского аэродрома. Там уж точно вариантов больше. Запетляет.

Ударили первые капли дождя. Вот тебе и праздник, вот и кукушкины слёзки. Вот и повернулась жизнь так, что его, разведзверя ГРУ, гоняют, как зайца, по родным просторам. Неужели теперь это его доля? Грустно и смешно. Вязкий, никак не заканчивающийся сон…

Лес стремительно приближался. Не имея возможности отбежать в сторону от мчавшейся на него “буханки”, он мог лишь дрожать каждым листочком в ожидании столкновения. Надежда была на ров, отделявший лес от поля и тщательно замаскированный бурьяном. В него и влетела “буханка”, едва не выбив себе не передние зубы, но колёса. Егор, получив удар рулём

в грудь, застонал, но справился и с болью, и управлением. Помчался вдоль опушки, сметая ветвями орешника пыль с кузова. И если до этого дорогу милиции обозначал пыльный столб, то теперь за "буханкой" оставалась примятая колея. Легче было бросить машину, но это давать в руки Околелову вещественные доказательства. "Уазик" мелькает в зеркальце, никуда не делся, особо не отстал.

— Прикройся тюками, — крикнул в салон на случай стрельбы.

Водитель опасность понял, принялся втискивать себя меж тюков с лопнувшими от тряски животами. Дождь уже барабанил по крыше, мутнил стекло. Скорость пришлось сбросить, чтобы не перелететь на очередной рытвине через стекло и собственную голову. Благо, ровно такие же условия были и у милиции.

К Неруссе подъехали при сплошном ливне. Старое русло, как и при походе на "Партизанские костры", наполнялось водой, скрывавшей неровности и торчавшие коряги. Что и требовалось доказать.

Выбрав пологий спуск, Егор спустил машину вниз. Течение усиливалось, и на изгибе русла Егор остановился. Высунулся под ливень, высматривая преследователя. Околелов, умница, не отставал, спускался по его следам. А вот теперь, милая Нерусса, вспомни свои берега. Вернись в них окончательно, родная. Ты уже показала при прошлой грозе, что умеешь это делать. Но прежде дай вырваться самому.

— Держись, — опять не забыл про несчастного пассажира.

Вода прибывала, и, заставив дрожать "буханку" от вгоняемой в её душу мощи, начал плавно отпускать сцепление. Разогнаться уже не получалось, но скорости всё же хватило вцепиться колёсами в берег, вскарабкаться на него прежде, чем захлебнулся мотор не переваренной горючкой. Сзади сквозь шум грозы слышался не менее надсадный рёв "уазика", но не в натяг, а с завыванием: так пытаются вырваться из трясины. Да. Да! Пробуйте, голубчики. Сильнее! Каждый ваш нервный рывок — это закапывание в песок.

Егор вылез из машины. Вода в русле уже шумела, пенилась, набирая силу. Слышались голоса милиционеров, но такие не утонут, такие ценой собственной жизни технику спасать не станут. Поэтому выберутся.

Развязал проволоку на дверце, отворил темницу.

— Едешь по берегу до старого аэродрома. Оттуда выберешься.

— Понял, — закивал пленник, торопливо занимая водительское место.

А Егор вышел на берег. Зверино оскалясь, вслушался в крики посреди реки. Намерился зашагать прочь, но увидел в волнах разливающейся Неруссы бумажные клочки. Не сразу дошло, что это деньги. Пока раздумывал, броситься за ними в воду или нет, в волнах показался Околелов. Вместо того чтобы спасаться, падая и захлёбываясь, он ненасытно хватал и хватал бумажки. Падал и хватал, падал и хватал…

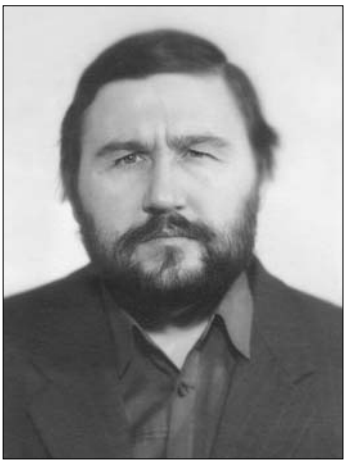
День уже перевалил за вторую половину, когда Егор подошёл к селу. Около дома Веры увидел военкомовскую "Волгу". Околелов запряг? На крыльцо выходить никто не торопился, а он тоже никуда теперь уже не спешит. Только и в ловушку замкнутого пространства заходить не собирается.

Сел на ступеньки у крыльца. Подновить бы надо, да и покраска просится, от прежней одни коричневые пятнышки остались. И почему-то начали зудеть шрамы от колумбийских кандалов. Чуют российские наручники?

В сенцах послышались шаги, за спиной распахнулась входная дверь. Как всё же неприятно встречать неизвестность спиной…

(Окончание следует)

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ



НА ВСЕЛЕНСКОМ РОКОВОМ ПРОСТОРЕ...

НАД РАВНИНОЙ ДУБЫ...

Весь табун — на дыбы!
Разметав смолезвонные гривы,
Над равниной дубы
Тёмной бурей возносятся криво.

Вечереет. Гроза
Приближается свежестью острой.
И трепещут глаза,
И вдыхают зелёные ноздри.

На отшибе земли,
Из сгущённого мрака и гула
Чем-то беглым вдали
Через весь небосвод полоснуло...

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в 1955 году в Белгородской области. Служил в армии, работал на заводе, стройках, в охране РЖД. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Печатался в журналах "Наш современник", "Москва", "Молодая гвардия", других центральных и региональных изданиях. Автор многих поэтических книг, среди которых "Равнина" (1990), "Твердь" (1990), "Зрак" (2004), "Врата вечности" (2005), "Тростник" (2010), "В отблеске горнем" (2015), "Келья" (2017), "Лирика" (2018), "Божья коровка" (2019). Лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского Александро-Невской лавры, лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. С. Есенина, премии СП России "Слово". Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Ливнем рушится высь,
Обращённая в блеск и дрожанье...
Озарись
Безысходностью этого ржанья!

ЗАБВЕНИЕ

Отрадно как, когда людьми забыт,
Но на вселенском роковом просторе —
Хоть дикой тенью призрачной побыть
У дышащего смертной тайной моря,
Что отдалится, словно в забытьи,
Иль набежит и грозно с ног сбивает,
И свирепеет!..
И слова свои,
Изверженные в гневе, забывает...

ДНИ ЗОЛОТОГО УСПЕНЬЯ

Вышнее благословенье,
Внятный до боли ответ —
Дней золотого Успенья
Ровен струящийся свет.

Сенным витающим тленом
Дышит прозрачная весь.
В запахе этом блаженном
Что-то щемящее есть, —

В этой желтеющей чаще,
В сонно текущей реке,
В этом тревожно сквозящем
Зыбком живом сквозняке...

Света певучего волны,
Солнцем пронизанный лог...
На душу незамутнённо
Тайным предчувствием лёг

Разъединяющий руки,
Чуждый, бессмертный, родной —
Запах небесной разлуки,
Запах разлуки земной.

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Видишь ли горнее пламя,
Мертвенный чувствуешь лёд?
То за горами-долами
Мается сердце моё.

Пусть и остались далече
Вёсны в забытой стране,
Благословеннее встречи,
Даже хотя бы во сне.

Вижу, как с дивной тоскою,
Лета приемля дары,
Нежной срезаешь рукою
Ты золотые шары...

Снова вздымается ветер.
Грозы в окно моё бьют...
Ярко ли солнышко светит?
Что тебе птицы поют?

ВОССТАВШИЙ ДЕНЬ

Всё зримей даль в краю суровом
И выше сень.
О, как медлителен и ровен
Воскресший день!

И твердь, и ветви краснотала,
И плеск волны —
Всё как бы нехотя восстало
Из тишины.

Хор, вспыхнувший по перелескам,
Хвалу ль творит?..
И всё дробится влажным блеском,
И всё горит!

И сердце просится, ликуя,
В стозвонье, в блеск,
Как будто чувствует благую
О встрече весть.

В светящихся глубинах лета
Ясней всего
День благостный, где кроме света,
Нет ничего...

.....

Редакция журнала сердечно поздравляет нашего давнего друга и постоянного автора с юбилеем!

ИВАН АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

НО МУЗЫКА ВСЮДУ...

* * *

Когда я с тобой наиграюсь,
Невольная память моя,
Я цепью ворота сарая
Свяжу, никого не таясь,
Рукой, как обычно, соседу
С улыбкой махну без труда
И, словно по делу, уеду
Отсюда уже навсегда
В безродной пародии Ялты
С судьбою играть в поддавки,
Где вечно на привязи яхты
Качаются, как поплавки;
Под стук молотка в приговоре
В беззвёздную выпаду ночь,
И прах мой холодное море
С брезгливостью вытолкнет прочь,
А твой крепко спутанный кокон
Напрасно спасения ждать
Оставлю в сарае без окон,
Где без толку звать и стучать,

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Иван Александрович родился в 1977 году в Москве, в многодетной семье. Окончил Московский государственный агроинженерный университет им. В. П. Горячкина по специальности "инженер-механик", с 1998-го по 2001 год — аспирантуру ГОСНИТИ, к. т. н. В настоящее время работает в компании по производству печатной и наружной рекламы. Живёт в Москве.

В углу, где царит беспорядок
Из мифов, вещей и обид,
Где лук мой рябиновый спрятан
И детская шпага стоит...

* * *

На чёрных ветвях — ни листочка,
Но воздух, как в школе, звенит,
И каждая, каждая точка
Пространства тебе говорит

О чём-то простом и понятном
Деревьям, земле, валунам
На древнем наречии внятном,
Доступном когда-то и нам.

Верзила к доске без указки
Поставлен за всех отвечать.
Все разом щебечут подсказки,
А я растерялся опять.

* * *

С дальнего берега тёмной реки звон соловьиный
В клетку ракиты из клетки ольхи неуловимо
Перелетает, не зная преград. Странное дело,
Клетка, пустая минуту назад, сладко запела.
Та же, в которой, казалось, живёт музыка света
Вечная, вдруг потемнела, её песенка спета.
Ты, соловей, не читал, что поют только на воле?
Сам выбираешь неволю свою — речку и поле,
Лунное зеркальце, пиршество глаз, песня в кормушке.
Сколько ты сможешь удерживать нас в этой ловушке?
От Иоанна мы знаем, что дух дышит, где хочет.
Вот огонёк задрожал и потух в холоде ночи.
Тени сгущаются, как облака. Что же осталось?
Только безмолвие, тьма и река.
Нет!
Показалось...

* * *

Рыбак глядит на паука...
Паук похож на рыбака.
И, хоть в достатке рук и ног,
Он также нищ и одинок.

И тот, и тот — рабы узлов,
Бесславны их занятья.
В бессильной ярости улов
Им шлёт свои проклятья.

Вдвоём о тяжести тенёт
Мечтают на рассвете,
А после — каждый жизнь клянёт
И починяет сети.

За годом год, за нитью нить
Они в бессменной вахте.
Других легко перехитрить.
Себя — ума не хватит.

* * *

Не слушая слухов, не видя видений,
На воле реального мира
Я прожил как будто не больше недели
За годы, прошедшие мимо.

Но музыка всюду: то громче, то тише,
И образы память тревожат.
Так мальчик, в толпе потерявшийся, ищет
Родные черты у прохожих.

И всё повторяет приметы и песни,
Что пели ему, напевает.
Но люди сочувствуют, словно болезни,
И места такого не знают.

Мне грустно, и всё-таки я не в обиде;
Найдутся, откроются двери
Туда, где я столько прекрасного видел,
Что сам бы себе не поверил.

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

РАССКАЗЫ

Три власти

Ветреный, сизый вечер. Осень, стынь. И всюду — свинцовый цвет: в низко насупленном небе, брусчатке Красной площади, решётках Александровского сада, в шинелях ладных и вежливых военных, что проверяют документы у Троицких ворот.

Сергей спрятал паспорт во внутренний карман пиджака, и не спеша — время у него было — зашагал по мосту, ведущему в Кремль. Он остро досадовал на себя, на свою неловкость, непривычность к подобным процедурам — был он, кажется, слишком суетлив, когда подавал документ и приглашение в конверте, напечатанное на отличной, очень плотной бумаге цвета топлёного молока: “Уважаемый… Имеем честь… Будем рады видеть Вас на приёме… Сбор гостей…” Впрочем, другие приглашённые, как он заметил, тоже чуть волновались, нервничали. Сердце его билось радостно, беспокойно — будто в ожидании чуда, которое обязательно должно с ним сегодня произойти.

Сумерки быстро сгущались. Он миновал куб из стекла и бетона — здание Дворца съездов — и, повинуясь интуиции (спросить не у кого, другие гости давно его обогнали, да и стыдно было бы признать себя здесь нович-

---

СЫЧЁВА Лидия Андреевна публицист и прозаик. Окончила Литературный институт имени Горького. С 1998 года – главный редактор журнала “МОЛОКО”, который основала вместе с однокурсниками Литинститута. В 1995-2002 гг. работала корреспондентом, редактором отдела школ “Учительской газеты”, участвовала в освещении второй чеченской кампании. Автор нескольких книг. Лауреат премий имени Дельвига, “Умное сердце”, премии “Зодчий” им. Дм. Кедрина (за общественную деятельность в литературе).

ком), повернул направо. Дул резкий, пронизывающий ветер, было зябко, словно ранним утром, когда из тёплого дома выходишь на неприветливую улицу. Тьму пространства разрезали толстые, мощные лучи прожекторов. Свет падал мягкий, тепло-золотистый. Ноги сами вели его в нужном направлении — и Сергей вдруг узнал, угадал Соборную площадь, столько раз виденную им в учебниках истории, в документальной хронике и даже в кино.

Он оказался один, совершенно один на этом небольшом квадратике кремлёвской земли, стеснённой древними соборами, где, как он помнил, покоились древние государи земли русской.

Ветер внезапно стих, контуры храмов тёмными громадами вырисовывались в небе, и что-то таинственное, древнее, грозное, много больше, чем человеческая жизнь, неожиданно явилось перед ним.

Сергей ошеломлённо сделал несколько шагов и, наконец, застыл в центре площади. И вдруг он со страхом, а после с ликованием услышал, как бьётся сердце великой страны. Он мог поклясться — эти глухие, размеренно-тяжёлые удары, кажется, доносились из тьмы веков; они были могуче-основательными, глубинными, но (он повёл плечами — так жутко ему стало) иногда будто замирали, пропадали, и всё равно услышанные тоны казалось величественным, прекрасными. Глаза его мгновенно стали влажными.

Он был, конечно, взвинчен, взволнован, восприятие его было слишком нервным, острым. "Боже мой, — вихрем пронеслось у него в голове, — неужели, ощутив то, что сейчас почувствовал он, можно чего-то бояться?!" В смысле — бояться умереть, пострадать за это великое сердце, чтобы оно билось дальше и дальше, всегда?!

Ему казалось, что он мчится на лыжах с огромной горы, и душа его трепещет — он должен сейчас разбиться, погибнуть, но он всё летел и летел... "Так вот, — успевал он думать, — неужели, почувствовав свою призванность владеть и властвовать, можно ещё чего-то хотеть?!" Смешными в этот миг — вроде детских игрушек — казались ему мирские сокровища: дворцы, яхты, счета в банках, экзотические острова... Все они будто лежали у его ног, а он предпочёл им вечность... Он вдруг почувствовал себя Иваном Грозным, Македонским, Цезарем, и ему казалось, что это он правил настоящим, прошлым и будущим разноплемённой империи.

Перед тем, как пройти в зал приёма, нужно было зарегистрироваться у симпатичных молодых людей (они называли номер столика, Сергею достался 21-й), и этот церемониал собрал даже небольшую очередь — человек в 10—15. От резкого запаха стойких духов, от чужих обострённых энергий, которыми, казалось, была переполнена атмосфера просторного и роскошного помещения, у него закружилась голова. Сергей старался, чтобы взгляд его не был пристальным, он чувствовал в себе особую собранность, ясность и чёткость в движениях, которая когда-то появлялась у него перед горнолыжными соревнованиями (теперь он забросил спорт — жаль, конечно). Он пытался смотреть мягко, вести себя раскованно, естественно, но был напряжён и видел то, на что в обычные дни совсем не обращал внимания.

Были здесь дамы после сорока, одетые по-женски, но с такими закаменевшими лицами, что он понял — множество государственных или деловых обязанностей давно поглотили их пол, и они даже не подозревают о радостях физической любви; были богачи, миллионеры (или даже миллиардеры), они вели себя как завсегдатаи, их "статус" выдавали не бриллиантовые запонки, а многолетняя привычка к дорогой одежде и "светскость", с которой они вели беседы с себе подобными; были растерянные новички со свежими, как правило, плохими причёсками, в неуклюжих нарядах; были чиновники — "кувшинные рыльца" — от сидячей работы у них сильно обвисала та часть тела, откуда растут ноги. "Странно, что таких физических явлений не наблюдается, допустим, у водителей автобусов", — подумал Сергей. Были здесь и иностранцы — с авангардизмом в одежде и чувством глубокой растерянности и непонимания на лицах, они фотографировали интерьеры на мобильные телефоны, и никто их не останавливал, не мешал им.

Сергей мучительно узнавал лица, что когда-то видел по телевизору (образы — экранный и реальный — сильно разнились). На приём пригласили и трёх его коллег — учёных-физиков, но это были "мэтры", светила, к которым он никогда бы не решился подойти. Они смотрели на происходящее без всякого ликования, скорее устало, будто пришли не в Кремль, а на очередное заседание кафедры, и это удивляло, ранило Сергея.

Наконец, всех пригласили в Георгиевский зал. Высоко, на балконе, оркестр играл классическую музыку, сияла позолота, официанты в белых перчатках скромно стояли у стены. Стол Сергея был почти рядом с "президиумом", но вместо Первого лица приём открыл малоизвестный человек из администрации, с некрасивым телом, которое не скрывал дорогой костюм, с ассиметричным, неприятным лицом. Он говорил в микрофон простые, обыденные слова, явно стараясь понравиться собравшимся, и его речь усиливала акустика сводчатого потолка (новички всё озирались вокруг, созерцая кремлёвское великолепие). Сергей внимательно вслушивался в "послание": может быть, вещал человечек, облечённый властью, жить следует для того, чтобы однажды оказаться в этом зале... Слова перевирали, переворачивали вверх тормашками то чувство, которое Сергей испытал на Соборной площади, и ему стало остро-больно. "Не так, не так!" — упрямо шевелил он губами.

Бело-золотой зал, белые скатерти, белая посуда, белые стулья. И — сияние хрусталя в огромных люстрах, в резных бокалах. За столом — они постепенно все познакомились — оказались несколько сотрудников МИДа (это были обычные протокольные люди с брюшками. "Может быть, в юности за рубеж их звала не романтика дальних странствий, а возможность купить вне очереди шкаф или машину", — думал Сергей. Были и "простые смертные" — молодой наивный парень, лауреат конкурса "Учитель года"; пожилой сельский врач, тоже с заслугами; скромная, с узкими плечами девушка-виолончелистка, стипендиатка фонда "Надежды России". Были и две немки, кажется, бизнесменши. Одна из них постоянно улыбалась, похоже, она не прочь была завести знакомство с загадочными русскими, другая — задорная, лохматая, напоминала ласкового мопсика. Они не знали языка, но МИДовцы перевели: дамы предложили, когда наступила их очередь произносить тост, выпить "за этот великолепный зал". Официанты подливали вино в бокалы (крепких напитков не подавали). "Прекрасное "Бордо"!" — несколько раз повторил, качая головой, один из дипломатов. "Учитель года", родом, кажется, из Вязников, листал меню (на двух языках, несколько страниц кремовой бумаги наподобие грамотки было скреплено витой золотой веревочкой) и тихонько ахал: "Камчатские крабы с муссом из авокадо... Филе бранзины с овощным ризотто в соусе "шампань"..." Сергею, несмотря на "прекрасное "Бордо", стало грустно. Он почти ничего не пил, не ел.

Потом был концерт. На небольших подмостках пела крупная женщина, сильно декольтированная, у неё были густые и пышные чёрные волосы, на ослепительно-белых её ключицах — таких нежных и сильных — замечательно блистали тёмно-коричневые камни колье, и платье тоже было насыщенного, тёмно-коричневого цвета. У неё был партнёр, учтивый пожилой баритон с круглым и мягким голосом, и когда он пел, то чувствовалось, что он знает все возможности своего "инструмента": голос его слушался, и казалось, что солист управляет знакомой, хорошо объезженной лошадью, и давно уже не ждёт от неё никаких неожиданностей.

Холёный конферансье, скрывающий за безупречными манерами лёгкое пренебрежение к собравшимся, объявил очередной номер. Женщина в декольте осталась одна. И с первых звуков знакомого, многократно слышанного романса время будто замедлилось, стало глубже, и с каждым новым словом поток иного мира, иной жизни всё сильней захватывал Сергея. Он вдруг забыл, где он, что он... Он слышал только историю любви, которую рассказывала ему певица, и чуть не заплакал от переживаемого потрясения — в её голосе была большая и трагическая власть, и странно было чувствовать эту

волю и силу от обычной, в общем-то, женщины. В сознании его мелькнула Соборная площадь. “Как же так, — мысленно удивился он, — за певицей не было ни тысячелетней Руси, ни космических войск, ни глухих закоулков сумрачной страны с полуразрушенными избами...” Был только её дар, её голос — голос простой смертной женщины, но в эти минуты он готов был стать перед ней на колени. Он не мог оторвать от неё глаз — на певицу хотелось смотреть и смотреть, слушать и слушать, пить это божественный голос, в котором тонуло его сердце. Он подумал: “Неужели где-то есть мор, голод, болезни, несчастья, смерть, безденежье?” Только красота, чистота, только эта райская музыка напоминала о том, что есть на свете страдание, но и страдание было неземным, возвышенным — женщина пела об угасающей неразделённой любви. Она пела... Неужели это что-то изменило в мире, что-то качнуло, сдвинуло в душах людей?!..

Под впечатлением музыки он быстро и нервно шагал по Троицкому мосту; власть трагического и покоряющего искусства захватила его совершенно, целиком.

Он вошёл в подземный переход, ведущий к метро. Пахнуло спёртым, несвежим воздухом, и он внутренне сжался, закаменел, предчувствуя встречу с обыденной и горькой жизнью: нищими старухами, что, трясясь от болезней и старости, будут просить сейчас деньги на жизнь, калеками, которые, шокируя жуткими увечьями, собирают средства на протезы, бомжами, выглядывающими из-за тёмных киосков, как существа иного, потустороннего мира...

Но в переходе было пустынно, малолюдно, и только лысый музыкант играл на скрипке “Полонез Огинского”; играл привычно, “заезженно”, одной техникой, думая, наверное, о чём-то другом, а не о “прощании с родиной”. Сергей поспешил мимо, чтобы не растерять своего настроения, как вдруг заметил мальчика, может быть, лет пятнадцати, который чуть в стороне потрясённо слушал скрипача.

Это был обыкновенный, русый подросток с простым, румяным лицом. Глаза его блестели, рот полуоткрылся в удивлении. Вся гамма чувств — от высокой печали до возвышенной радости — тенью пробегала по его лицу, в руках мальчишка судорожно мял чёрную вязаную шапчонку, которую стащил с головы. “Как в храме”, — подумал Сергей.

И вдруг он понял, угадал, что мальчик впервые в жизни слышит эту музыку, и ему стало нестерпимо жаль эту обворованную душу; а потом он остро позавидовал его радости, его потрясению и благодарно взглянул на скрипача.

После чопорно-богатого, сияющего позолотой зала приёмов метро и люди в нём казались Сергею припорошёнными угольной пылью. Все они были одеты будто в робы — в чёрные, большей частью, одежды, лица их виделись определёнными и грубыми, наполненными внутренним отчаянием. В глаза бросилась застарелая вагонная грязь, а реклама вдруг поразила запредельным убожеством и крикливостью. Он с удивлением, по-новому взглянул на картинки, где улыбающиеся девицы предлагали майонез, толстяки в очках — кредиты, семейка с оскаленными зубами — бульонные кубики. Ему стало страшно — все эти рекламные образы хотели разорвать его, засосать внутрь своих торговых сетей, использовать и выбросить. Сергей зябко повёл плечами. Он с сожалением оглянулся вокруг: нет, никто из пассажиров не замечал опасности! Народ устало дремал или читал лживые газеты или некрасивые, дешёвые книги. Вагон чуть покачивался, гремел, стучал... И вдруг он увидел, узнал, сначала радостно, потом разочарованно, а после уже восхищённо — женщину, которая только что пела в Кремле.

Она ничем не выделялась среди обитателей метро — джинсы, короткая чёрная куртка с капюшоном. Он смотрел на неё и не мог оторвать взгляда: она была не роковая красавица, а почти дурнушка, с круглым, простым лицом; но он-то знал её власть и силу, знал её право покорять — с первых звуков, с первых тактов; и теперь он был сражён её будним преображением, но оттого она стала ему ещё дороже, родней. Она принадлежала этим

людям, "припорошённым пылью", этому грязному вагону, залепленному уродливой рекламой, и было в этом что-то трогательно-возвышенное, настоящее. Рядом с ней стоял пожилой баритон, её партнёр, они говорили, и по выражению их лиц Сергей понял, догадался, что они не только хорошо понимали друг друга, они любили. Они вышли на следующей остановке, что-то негромко обсуждая, и двинулись рядом, близко, и в этом было много тайного и радостного.

...Да, была ещё одна власть — власть любви (наутро он думал об этом), и вдруг он понял, что она, любовь обыденная, мирская, для него ничего не значит по сравнению с той глубинной властью, которую он ощутил вчера. В России возможно только самодержавие, он почувствовал это явно, сильно и знал, что если бы ему принадлежала такая власть, он не отдал бы её никогда, никому.

Сергей вышел на улицу. День было пронзительно-солнечный, и после холодной ночи ярко голубело небо, по чёрным тротуарам тут и там лежали огромные кленовые листья, оранжевые, жаркие. Природа словно на время отодвинула громаду города, и главным сегодня было это слепящее солнце, эти огромные, будто надутые изнутри кучевые облака, удивительно белые, эти стойкие стройные клёны, трепещущие в предчувствии неизбежной зимы.

Потом он быстро шёл, потом почти бежал — легко, не чуя под собой ног — на свидание, потом он любил и целовал женщину, которой давно, страстно и мучительно желал; и после, когда они шли рядом, сидели в кафе, когда говорили и не могли наговориться и когда он с радостью и приязнью снова и снова смотрел в её глаза и слушал её признания, он вдруг подумал, что все царства мира, все венцы кесарей он бы сейчас отдал за то, чтобы никогда, ни на минуту не разлучаться с ней. Он, волнуясь, высказал это ей вслух, а она улыбалась, качала головой, гладила его по руке, и говорила, что не верит...

Вера Могучая

...Мы с детьми подходили к дому ночью, стремительно наступавшей, и давно — уж и не вспомнить, когда — я не видела таких больших и ярких звёзд, как будто это были не звёзды, а глаза неведомых зверей, живущих во Вселенной; звери эти были добрые, мирные и далёкие.

— Смотри, — говорили мне звёзды, — как прекрасен мир, какая тёплая синяя ночь вокруг, и по ней плывёт лодочка растущей луны, а на дне моря — силуэты цветущих вишен (май только начинался), а на подходе — и черёмуха, и яблони, и груши...

— Смотри, — говорили мне звери, — вы сыты, обуты. У вас есть дома́, машины, у вас есть день и ночь, росистое утро, зовущий вечер, почему же вы не можете устроить свою короткую жизнь так же красиво, как мы устроили для вас мир? Зачем вы обижаете друг друга? Ко́пите лишнее богатство, увлекаетесь глупостями? И не видите главного, ради чего вас сюда ненадолго позвали?..

Мы ехали на медленном, старом и потому осторожном автобусе, крутые подъёмы давались ему тяжело, двигатель натужно гудел.

Всё для меня было как в первый раз — и это небо, и это дерево, и трава, и первые звёзды, и путь, и дрожащие огни печальных деревень...

Мы остановились там, где узкая боковая дорога подходила к трассе, и в этом "рукаве" стоял старый "Жигулёнок". Из машины вышли отец и мать — встречали кого-то из нашего автобуса (кого именно — сына или дочь — я не увидела). Я смотрела на отца, высокого, поджарого, в спортивных штанах и клетчатой рубашке; голова его была седа, руки — большие, изработанные. Следом, отстав, медленно шла мать — в мягких чунях, тёплых носках, байковом халате; фигура её была тяжеловатой, чуть оплывшей. Наверное, уже и гипертония у неё есть, и другие болячки... До́ма она, конечно, всего настряпала, и как же, наверное, счастлив будет гость, когда

увидит эти хлопоты, когда вернётся в милый быт — такой привычно-неизменный, с родными запахами маминых пирожков, с кустом смородины у крыльца и путающимся под ногами котом (ластится, знает, что ради праздника обязательно перепадёт ему что-то редкостно вкусненькое!).

Дом! Какое же это счастье!.. Оно — как вода и воздух, как солнце и сон, как любовь и ласка. Настоящая любовь никогда не разрушит дом, никогда ни у кого ничего не отнимет...

Тополь у дома, кажется, что зацветает — тело его бело-серебристое, и набухающие почки — бело-серебристые. Сказочное дерево! Я смотрю на него, и любуюсь его зрелостью, основательностью, устойчивостью. Царь-дерево!..

Но что же я замечаю вдруг? Поодаль, через несколько метров, через дорогу, там, в дебрях терновника, поднялось и окрепло ещё одно дерево — тоже тополь. Молодой, выросший незаметно. Дерево по росту почти достигло родителя, но, конечно, оно не такое мощное и серьёзное. Тянется вверх, ветви его не так густы, ствол — не так строен. Но ведь это — то же самое дерево!.. Корень могучего тополя, пущенный вбок, только и мог спрятаться в терновнике, там сохраниться, пробиться, и вот теперь расцвести и явить себя.

Молодой тополь будто чуть стесняется, что вырос тайно, что не так строен и основателен. Но тело его — такое же белокожее, как у родителя, с лёгким оттенком изумрудности. Молодой тополь чуть склоняется в сторону старого — строго говоря, он и не дерево вовсе, а ветка серебристого тополя, пробившаяся через тернии к свету.

Большое дерево питало малое, стоящее поодаль, и вот уже малое превратилось в дерево взрослое, вроде бы даже "отдельное", вроде бы даже выросшее — на посторонний взгляд — само собой.

Этой весной ветви старого и молодого дерева соединились, образовав арку. Летом, когда серебристая листва окутает кроны, как красив будет этот удивительный, волшебный, триумфальный свод нашей любви!

Мы — одно целое, одно дерево. Ты и я.

В густых ветвях старого тополя жили птицы. Мне они казались райскими (может быть, это были обыкновенные сойки, не знаю). Но так плавно они кружили в небе, так проворно исчезали в кроне, так красивы были их распущенные веером хвосты, что, наверное, это всё-таки были волшебные птицы.

Яблонька цветёт так ясно, так яростно, будто это последний день её жизни. Вот так и мне хочется рассказать о своей любви: ликующе-безнадёжно! Да, чтобы я не сказала, мне не повторить застенчивого, сладкого и чистого аромата этих цветов, синь ещё холодного неба, ясные, прямые, неиссякаемые лучи солнца, от которых вспыхнули на земле золотые жаркие одуванчики. "И на этой, на земле огромной, счастлив тем, что я дышал и жил". Я знала эти строки наизусть с отрочества, но всё равно переписывала их в заветную тетрадку — чтобы они всегда были у сердца. Мне казалось, так будет верней — стихи никто и никогда не сможет у меня отнять.

Цветущий сад всегда прав. Красота, как цветущий сад, всегда права.

— А что бы ты делала, если бы узнала, что тебе жить осталось полгода?

Дети наши насмотрелись страшного иностранного кино (про "нравственный выбор"), взволнованны.

— Ну, я бы всем рассказала, что, мол, всё, жить осталось полгода.

— А потом?

— Жила бы точно так, как сейчас, — смеюсь я.

Проснулась утром, и первая мысль: как же люди живут без любви? Думаю: надо обсудить с тобой. И тут же расхохоталась: так я же сама без неё жила! Правда, я всё время искала любви. И готова была найти её в самом ничтожном предмете. И Бог, видя мою беспомощность, смилостивился.

Каждый человек, я верю, несёт громадный заряд готовности любить. Почему же это чувство даётся только единицам? К чему эта награда обязывает? (Страшно и подумать!) Или царский дар — без отдачи?!

Ой, не знаю…

И в том, как фырчит ёж у тропы, как цветет вишня и летит стриж, как растёт чеснок на грядке, как охорашивается малинник, одевая голые ветки густой листвой, как просыпается виноградная лоза у ограды — нет, не погибла она в окаянную, с оттепелями и морозами, зиму! — как застенчиво серебрится ландыш среди плотных тёмно-зелёных листьев-ладоней… Так вот, во всём этом — моя любовь к тебе, моя неповторимая радость, невысказанная от того, что передать её невозможно.

— Кто вы? — восхищённо выдохнул продавец рыбы. — Можете и не брать ничего, с вами и поговорить счастье! Приходите почаще, прошу вас!

— Ну уж! — остужаю его пыл. — Кто? Гражданка РФ, электорат. Налогооблагаемая база. Давайте мне без лишних восторгов три честных хвоста подешевле. Хек серебристый, например. Давно уж пора ему приплыть в хорошие руки.

Я всегда в хорошем настроении, когда я с тобой, пусть даже только мысленно — но с тобой.

Уходя с рынка, поправила продавца:

— Не “кто вы?”, а “чья вы?” — правильный вопрос.

…Серебристый хек был приготовлен на славу. Пообедали неспешно, с аппетитом и тщанием, тут и пошли родительские воспоминания:

— Раньше, бывало, камсы привезут, очередь страшная в магазине, всем охота попробовать.

— По полкило в руки давали.

— Каждому ж охота рыбки съесть.

— А до войны у кого хлеб без макухи, те считались богатыми.

— 37-й год, 38-й, 39-й — у нас желуди добавляли в муку.

— А в колхозе на трудодень в Сталинградской области давали по килограмму зерна, а у нас — по двести грамм.

— Батяня рассказывал: пришёл агитатор партейный, стал в колхоз загонять. Федя Рябый размечтался: “А как мы мёд будем есть? Ложками, ложками!”

— Хе-хе.

— А теперь всё есть в магазинах!

— Да…

— Всё есть, а радости нету. Раньше идём с поля, уморенные, а песни как заведём!.. Откуда и силы брались?!..

Варю ли я борщ, сажаю ли огород, веду ли необязательные беседы, живу ли вынужденной жизнью, любовь моя всегда со мной. Но всё же самое сладостное в ней — когда мы рядом.

Дедушку с бабушкой, кота и кур, яблоню и сад, старый дом и новый забор я оставляю на наших детей — майские праздники они проведут здесь, на родной земле. Беспечные, они не понимают её ценности и силы.

Дети натягивают гамак между грушей и сливой. Здесь, в краю вечного крестьянского труда, они обустраивают “европу”.

Я же возвращаюсь в большой и тяжёлый город, но на самом деле — к тебе.

В день отъезда я проснулась рано, и — высокое чувство захватило меня. Будто бы не надо никуда спешить, и что-то радостное, чудесное ожидает меня; может быть, плеск тёплой волны или поющий птицами лес, или пологая тропа на кручу, с которой я увижу мир до самых туманных горизонтов, в общем, это была заветная минута — наступившее ясное утро.

Я мысленно просигналила, что отдаю утро только тебе. Всю эту заполошную неделю я мало думала, потому что мешали заботы. А, в сущности, зачем они, если нет любви?! Без любви жизнь теряет краски, превращается в чёрно-белый, печальный и ненужный рисунок.

И я стала мечтать, как мы встретимся, как я буду говорить тебе эти слова, и голос мой будет сбиваться (от волнения), и как ты будешь улыбаться, и хмуриться — ты всегда строг к форме, всегда стремишься к совершенству; и радуешься, когда у меня получается хорошо, а за мои "сбои" переживаешь сильней, чем за себя.

Если бы не наше с тобой чувство, то гигантские цунами накрыли бы землю, или пробудился бы вулкан и засыпал пеплом свет, или солнце послало нам убийственный огонь; в общем, это мы держим планету на плечах; без нас мир давно бы погиб, или — что точнее — мы бы погибли, если бы не встретили друг друга.

Нежность соединила нас. Это как цветущая черемуха или спящий ребёнок. Нежность! Мы заботливо "прикрывали" друг друга от грубости жизни. Тот, кто не знает нежности, не знает настоящей любви.

Я думала о тебе, а ты был в отъезде, по работе, там даже спутниковая связь не берёт. Но я-то знала: нежность — как первый снег, как ласка матери, как лепестки ромашки; я знала, ты меня хорошо слышишь, и мы ещё обнимем друг друга!..

Ах, как жаль, что раньше я была слишком послушна обстоятельствам, не дерзила им, исправно отдавая "должное" — работодателям, чужим людям, условностям; старалась "быть вполне хорошей" для всех — в ущерб нашей любви; как жаль, что раньше мне не хватало отваги быть собой. По праву рождения — точно так, как есть права у растущей травы, поющей птицы или звенящего листьями могучего тополя.

Да, тот, кто познал любовь, всегда будет по ней тосковать и ни на что её не променяет!..

Возвращалась я на перекладных, на попутных машинах, и дорога эта была лёгкой и радостной.

Мы летели на шикарном авто по дну древнего моря.

Меловые горы — это донные отложения многомиллионнолетней давности. В наших местах решили открыть гранитный карьер. Могучие экскаваторы снимали сорок метров мела, и вот, почти добравшись до камня, рабочие ахнули, увидев чудо-юдо — огромного моллюска, окаменелость.

Но владелец будущего карьера не стал разводить "романтику", а скомандовал:

— Ребята, дави его трактором! Иначе набегут учёные, начнут раскапывать, разнюхивать, и — всё, конец бизнесу. А я деньги заплатил немалые, чтобы откупить участок.

И ребята стали утюжить окаменелость скрепером. Уцелела только огромная часть стенки моллюска, больше метра длиной, и водитель Александр, с которым я сейчас ехала, спрятал находку в багажник (якобы "на память"), а на самом деле тайно отвёз осколок в Москву, в Палеонтологический музей.

И наука узнала, что в здешнем древнем море водились невиданные миру существа.

Любознательный Александр поведал мне эту историю, и я по-другому посмотрела вокруг. Чернозём — это высохшие древние "болота", песчаные отмели — давние берега.

Земля жила, двигалась, ворочалась, вздымая пласты.

...Но по-настоящему я ощутила скорость и время, когда распрощалась с Александром и пересела на "семёрку" ("Жигули").

— Десять лет машине, ни разу меня не подвела, тьфу-тьфу-тьфу, — хвалил водитель.

Мы летели, как на "Формуле-1": мотор ревел, полотно мелькало под колёсами, трепетали флаги пирамидальных тополей, и только однажды нас обогнали, и то — с нарушением правил.

Через двести километров пути мы свернули на заправку. Здешние сотрудники носили униформу, на груди — таблички с именами. Уборщица, моложавая пенсионерка, подметала асфальт у колонок. Увидев её имя, я оторопела:

— Извините… Вы — Вера Могучая?!

— Ой, да это моего чёрта фамилия! — зачастила она. — Мы с ним давно разошлись! Ничего с ним не нажила, кроме фамилии! Польстилась на имя. Буйный был, и поколачивал, и гонял, без руля и ветрил.

— Вера — человек славный. Невеста на выданье, — разъяснил её напарник, улыбчивый старик с метлой, с зелёным пластиковым совком на длинной ручке. — Я вот ей говорю: выходи за меня! Я — свободный, смирный. Будешь мне кашу варить, штаны стирать. А она: "Вот ещё! За Шпундикова не пойду!" Вишь, как своё звание бережёт!

— Всё вы сочиняете, Николай Ефимович, — зарделась Вера. — Люди неизвестно что подумать могут… Счастливого пути, доброй дороги вам!

Итак, сюда, в эти заповедные края, привозила я свою любовь! Здесь, на дне океана, она зародилась — я ещё не знала, что мы встретимся и будем счастливы, — так, как это пытаются показать в кино. Но ничего рассказать о любви не получается — наглядные искусства слишком грубы. Остаётся, впрочем, музыка, которая всегда звучит во мне, когда я думаю о тебе. Мелодия поющего света.

В день перед отъездом я стояла у дерева — тополя-родителя — и чуть стыдилась своей праздности. Вдали шагал сухощавый, жилистый мужик с рабочим чемоданчиком — в таких носят инструменты — дрели, например; он кивнул мне — я на него смотрела так пристально, что он принял меня за знакомую.

О чём я думала? Женщина даёт силу или отнимает её, женщина — это та же земля, территория; женщин берут или завоёвывают, покоряют; или — словно выходя на цветущий луг — прежде неведомый — присоединяют к себе, к своим владениям. Женщину возделывают, как землю, и она — плодоносит, озарённая светоносной энергией.

От радостного этого труда рождаются дети, стихи, картины, музыка, виноград, зерно; зреют плоды, поднимаются травы и цветы. "Боже, как я тебя люблю!" — говорит земля, и расцветает день, а ночью, при ярких и крупных звёздах, земля спит; спят её птицы и звери, цветы и деревья, отдыхает солнечный свет, и вырастает за ночь новый день, новая, бесконечная жизнь.

Так думала я, и обещала сказать тебе всё при встрече, сказать "спасибо" за эту неутраченную и неразгаданную связь. Пройдут миллионы лет, в толще застывшей породы найдут окаменелости нынешних механизмов и машин, что-то уцелеет, сохранится для пытливых потомков. Странные, необъяснимые предметы из чужой и далёкой жизни.

А мы будем в звёздном мире, уже неразлучаемые; будем благословлять цветы и травы, птиц и зверей, ручьи и водопады; будем зажигать звёзды в небе; будем новыми царями нашей вселенной.

Так говорю я, женщина с земли, и, пожалуй, многие подумают: фантазия эта — возможна. Всё — в нас, и всё — вне нас.

Вот такую "телеграмму" — в век мгновенных сообщений и коротких чувств — я отправляю тебе. В ней сказано, конечно, не всё — главное останется между строк.

Новейшая история

Лил дождь. Весь вечер, всю ночь и весь следующий день. Что удивляться, если стояла осень. Октябрь 1995 года. Дождь — слёзы земли, это были освобождающие, горестные слёзы. По навсегда ушедшему и, наверное, умершему миру. Было что-то величественно-мощное в этом оплакивании. Тёмное, беспросветное небо. Громада областного театра — бетонного здания, влажно черневшего в ночи. Блеск трамвайных путей — они уходили в ночь и терялись там, будто вели в иную, искусственную реальность. Транспорт ходил плохо, и на остановке скопилось порядочно народу. В чёрном, коричневом и сером. Почти неразличимые лица людей. Пахло тёплым хлебом — рядом с остановкой была булочная, и многие вечером

после работы заходили в магазин. Работа ещё была, хотя за неё уже ничего не платили.

Что меня поразило — на остановке, в толпе, было несколько бомжей, опустившихся людей. Один из них лежал на скамейке. Другой, пьяный, качался возле мусорной урны. Третий, в фуфайке, в засаленных ватных штанах, заношенной шапке-ушанке, на ногах — нечто вроде онуч и грязнющие войлочные ботинки, лежал поодаль на небольшом асфальтовом возвышении. Дождь хлестал, а он закрывал лицо ладонью… Но эти бомжи не были изгоями среди мрачной, ждущей трамвая толпы. Никто над ними не смеялся, не плевал в них. Помню, старушка с характерным местным выговором объясняла кому-то, что вот, мол, человек притомился и лежит. У меня было смешанное чувство отвращения (к грязи, к пьянству, к безволию) и жалости. Да, в сущности, мы все были безродинными бомжами в те годы. Родина была украдена, отнята безвозвратно. Кем? На этот вопрос и нынче ответить трудно (при всей его очевидности). Наверное, она была украдена чертями, бесами — если трактовать события метафизически.

Днем тоже шёл дождь, хотя и не такой сильный. Мы ездили по области (дороги оставляли желать лучшего) на "козле-уазике", штурмуя размокшие колеи. Разговор шёл про школы, про власть, про деньги. Про то, что детям нечего есть. По пути встречались нищие, бедные селенья с заплаканными окнами домишек, с облупившейся голубой краской на ставнях, с могучими берёзами в палисадниках, с аккуратными поленницами дров — народ был готов к зиме… Нет, всё-таки родина ещё была жива, она пряталась за деревенскими занавесками в старых домах, набиралась сил в приземистых, дореволюционной постройки сельских школах, отдыхала, будто странница, у здешних погостов, тогда ещё не расцвеченных дорогущими помпезными памятниками бандитов, погибших в криминальных войнах.

Потом мы были в школе, где голодали учителя, требующие зарплату за несколько месяцев. Это были женщины, молодые и старые. Голод сделал их всех похожими друг на друга, страдающе-тихими. Учитель — значит, неудачник. Это было ясно уже тогда, потому что учитель пытался работать на будущее, то есть — в никуда. А надо было жить настоящим, хватать, жрать, вырывать куски у ближних, отрекаться от тех, кто составлял ещё вчера плоть и кровь родины… Да, это бесы вселились в тела многих и многих, помрачили сознание, сделали лживыми уста, ослепили, лишили слуха, парализовали волю. Ну что ж, надо было жить в условиях духовной оккупации. Это, конечно, легче, чем под немцами на Смоленщине. Там людей сжигали целыми сёлами, давили танками, изощрённо, садистски пытали, травили газами, детей увозили в Германию, чтобы их кровью питать солдат рейха.

Но у нас ничего такого не было. Травили всего лишь растлительным телевидением, детской кровью "омолаживали" не чужаков, а богачей и представителей власти, если и давили танками — то только в Чечне, если и пытали — то лишь в междоусобных войнах между "братками" и бизнесменами, если и жгли, то выборочно — интернаты, школы и дома престарелых, если и взрывали — то всего несколько многоэтажных домов… Люди на Смоленщине знали, кто их враг, верили, что помощь придёт, и воин Красной армии положит конец мучениям. Нам же не на кого было надеяться — родина была сдана вся. "Родина-мать зовёт" — плакат времён Великой Отечественной, с седой женщиной, со словами величественной музыки в душе: "Вставай, страна огромная…" — всё это было попрано, осмеяно. Матери нечем было гордиться и не на кого надеяться — её сыновья были пленены или рассеяны.

Реванш рогатых и хвостатых наступил. Спасала ли Церковь? Не знаю. Она учила смирению, а не бунту, вере, а не уму. Отовсюду звучали клише: "Какое общество, такая и армия… Какое общество, такая и тюрьма… такое и телевидение… такая и Церковь… такая и жизнь". Церковь — не заповедник. Там тоже говорили, что богатство — не грех, а ответственность, и батюшка в мерседесе — не соблазн, а почитание, и что молитва сильней меча. А Бог говорил нам: настало трудное время, когда вы можете надеяться только на себя. На своё дело. На свою душу. На свою жизнь.

И прошло семь лет. Я снова приехала в этот город, где так тесно переплелись моя личная история и история родины. Личное было в том, что в прошлый приезд я горько плакала над увиденным — это было больше, чем жалость к бомжам или сочувствие к педагогам. (Хотя, может быть, было бы правильней сокрушаться о своей конкретной, весьма неустроенной, искорёженной и раздёрганной жизни, а не об абстрактной "родине", — шепчет сейчас бесёнок.) Духовно не сотрудничать с оккупантами — вот в чём тогда виделся смысл. Беречь свою личную "автономию", сидеть "в лесах", в партизанах, внешне будучи на виду. И — по возможности не озлобиться. Сохранить память сердца. Бороться за истину, пусть даже на малюсенькой, крошечной площадке.

Иногда казалось, что это мне удаётся. И в те часы и дни пела душа, щедро благодарила природа. Помню, как я шла с вокзала в гостиницу "Советская". Был январский вечер, мягкий, тихий и снежный. Я не стала ждать трамвая — на рельсах лежали снеговые шапки, и они уводили в сказочную даль, в которой — уж конечно — есть место чуду и былинному подвигу. Кажется, это был один из святочных вечеров, а в такое время — я заметила — особенно тепло и радостно сердцу. Но красота вокруг была словно дохристианская, языческая — огромными, пушистыми хлопьями падал снег — с неба летели белые растрёпанные курицы или гуси-лебеди — целая стая, а из-за ёлок, укутанных в пухово-снежные одеяла, выглядывали седобородые волхвы, и где-то вдали стучал своим посохом Мороз-воевода, а люди племени Берендеев сидели в белых-белых, украшенных резными снежинками избах, греясь у длинных горящих свечей, таких, как на картинах Константина Васильева. И мягкий, рассеянный свет от немногих фонарей, заключённых в дымчатые круглые плафоны, тоже был снежно-торжественным, и он манил, убаюкивал, обещал счастье и радость; а на самом деле всё счастье жизни и умещается вот в такие миги, и хорошо, если за жизнь их наберётся несколько дней.

На следующий день была научная конференция, на которой выступали два приглашённых из-за рубежа высоких гостя — канадец и англичанин, оба рассказывали, что "Запад поможет России построить демократию", что для этого выделены деньги и что образование в стране нужно перестраивать. Гости обещали гранты и поездки за рубеж, бесплатные научные пособия и технологии. Канадец агитировал экспрессивно (по методике протестантских пасторов), махал руками, улыбался в 32 отбелённых зуба, рассказывал притчи-анекдоты; англичанин был сухо-скучен и упирал на то, что "России следует вступить в цивилизованную семью народов", для чего следует "хорошенько потрудиться".

На улице от вчерашней красоты не осталось и следа — была плюсовая температура, на тротуарах снег превратился в серую жидкую грязь, сугробы оплыли и потемнели, деревья стояли влажные и мрачные. "Дикие мы, дикие. Так оставьте нас в покое, — в раздражении думала я. — Чего вы сюда лезете со своими миссиями?" Впрочем, им, наверное, было приятно ощущать себя богатыми и умными в сравнении с нами — бедными и больными. Разве они пришли сюда выкорчёвывать наших чертей? Нет, они пришли их потеснить, чтобы застолбить и для себя кусочек оккупационных земель.

Вечером — это было смешно и грустно — я наблюдала "цивилизационный проект" в действии. На первом этаже гостиницы, возле весьма скромного буфета, группа из трёх путан живописно восседала на зелёном сукне бильярдного стола. Особенно эффектна была гипюроногая дама в розовом парике "каре". Она курила длинную сигарету, далеко отставляя наманикюренную руку, пускала струйки благоуханного дыма, презрительно щурясь; она сидела, выставив напоказ крепкие, полные, плотные ножки в чёрных колготках, где много выше колен были помещены широкие гипюровые вставки. Пресловутые "ножки Буша" после у меня стойко ассоциировались именно с этим торговым телом.

Коллега её была здоровой бабой таких могучих статей и выправки, будто она служила в спецназе. На фоне этих двух выжиг несколько терялась третья — сравнительно молоденькая женщина в кожаной кепке, нутриевой длинной шубе, сапожках на низком каблучке.

Замотанная буфетчица уже распродала лежалые сосиски и теперь советовала посетителям брать яйца под майонезом. Кроме меня, в зале сидели только два мужика-работяги (семейные, в байковых рубашках и спортивных штанах), командированные, наладчики газового оборудования. Выпили водочки, закусили. На выходе один из них, тот, что побойчее, раскованно положил руку на плечо красотке в розовом парике:

— Гуляем, девочки?

Та презрительно передёрнула плечом, а её мощная коллега прогудела угрожающим басом:

— Только без рук.

Но видя, как неопытные кавалеры сразу сникли, стушевались, неуклюже-кокетливо добавила, моргнув коровьими, сильно накрашенными очами:

— Купите лучше девочкам шоколадку…

Было что-то жалко-наивное в этой демонстративной попытке разврата — и со стороны начинающих "профессионалок", и уж, тем более, со стороны семейных работяг. Люди искали новые "ниши" своего бытия, новый досуг, новые смыслы… Ты — человек, живёшь один раз, тебе всё разрешено, долой границы (всё равно у тебя нет родины, её границы открыты для турецкого текстиля, европейского просроченного продовольствия, грузинского синтетического спирта, американских пищевых добавок…). Это и есть твой "звёздный час" — немного разврата в казённом доме. Есть деньги — плати за любовь. Всё, как на Западе.

И прошло ещё семь лет. Ещё один круг жизни, ещё одно кольцо, ещё одно вращение светил… Может быть, действительно, в этом нет ничего случайного — что я опять здесь, в этом городе, и снова прислушиваюсь к своему сердцу. Может быть, и впрямь, есть на свете Бог, это Он меня сюда привёл (а не случайная "комбинация событий"), привёл, чтобы я что-то могла понять. Ну, например, что тактика "партизанских отрядов", наверное, была лично для меня ошибочной. Что оккупацию уже не победишь. Что жить надо для себя, для "личного успеха". Что души у человека нет или что она ничего не значит. Ведь и впрямь мир изменился фантастически. Общалась тут со своим товарищем Костей (он специалист по компьютерам), говорит, что весной у него образовалась целая очередь из машин — "железо" сходит с ума! Техника всё сложней, всё тоньше, и она болезненно реагирует на погоду — почти как человек. А в мегаполисах давно уже правит бал электроника — везде камеры, датчики, чипы, мобильники, излучения, волны. Большой город равнодушен к своим жителям, он перемалывает их, как мясорубка — на фарш. Причём всех — и богатых, и бедных. Разница только в степени комфорта. К нему-то и стоит реально стремиться. А всё остальное — романтика прошлых веков.

Что ж, в чём-то он прав. Я и по себе вижу — сердце моё остывает. (А может, просто срабатывает инстинкт самосохранения?) Наступила весна, мир в предчувствии обновления, но… И когда лил дождь, оплакивая прежний мир, и когда шёл снег, напоминая о вечности красоты, всё это волновало меня необыкновенно. А теперь — да, умеренно солнечный день, "хорошая погода", даже птички чего-то галдят. Но пусто и горько в душе.

А город отстроился, посолиднел. Особенно в центре. Новое здание Сбербанка, Пенсионного фонда, Налоговой инспекции. Магазины, опять же. Иномарки. Кафе с дворянскими именами — "Шереметьев", например. Не зря семь лет жили — работали, трудились.

Голова гудит. Только что вышла из ледового дворца (тоже новодел), где проходил показательный молодёжный спортивный праздник. Старшеклассники, студенты вузов. Семьсот человек. Все в новой спортивной форме — разноцветные футболки, майки с надписью "N-ский университет", яркие трусы, кимоно. Спонсор мероприятия — Инвестбанк. У многих парней в руках флаги правящей партии, и они должны ими размахивать по команде организаторов. Гремит музыка, ужасная акустика сводчатого потолка отражает звук, он мечется в замкнутом пространстве, и вместо "Единая Россия" получается "иди на оси на"… Потом уже получается просто "Иди на… Иди

на... Иди на...". После звучит песня "Дети солнца", и девчушки (лет по 8-9) с мученически улыбающимися лицами изображают "счастливое детство". Всё это похоже на "историческую реконструкцию" давних советских праздников, но карикатурную, механическую. Лица парней мертвы, когда они машут флагами и пытаются перекричать музыку заданными речёвками. Лица ничего не выражают, кроме покорности, того, что "так надо", так принято. Вспомнился советский Первомай — тоже вроде бы принудительный праздник, демонстрации, а всё же в его атмосфере было что-то живое, наивное и человеческое.

Наконец, под какофонию марша высокие гости, для кого и задумана показуха, покидают трибуну. Ди-джей меняет музыку — звучит нечто ритмически-рэповое, истерически-кричащее. И, о чудо! — как преображаются эти лица! Мёртвые, механически-покорные, они вдруг оживают, словно их разбудили голосом инстинкта, доисторического зова. Дети визжат, орут и прыгают — в озверении, в бесовстве. Так, наверное, древние люди отпугивали злых духов или заряжались энергией перед смертельно опасной охотой. Неолит — древний каменный век. Глаза расширены, челюсти отвисли. Древний человек вышел из Африки, не так ли? Туда же мы и вернёмся...

А здесь, на улице, у элитного колледжа, куда сейчас приедет федеральный министр Алексашенко, тихо и пусто — милиция оцепила окрестности. Только пресса толпится у порога, да старушка деловито катит по тротуару самодельную тележку, в которой покоятся два мешка, набитых пустыми бутылками, а грязная тара, которая в мешки не вошла (тяжело же ей достались эти бутылки!), лежит на тележке россыпью. Старушка худая, костистая, привычно (не в первый раз) упирается, катит свой убогий транспорт.

— Серёга, сними бабушку, вот тебе и "Лики России", — иронично советует фотографу столичного журнала его коллега-корреспондент. "Лики России" — парадно-патриотическая рубрика, где можно увидеть фото крестных ходов с тучными батюшками, молодожёнов у дверей загса, сытых депутатов на охоте, членов правительства на лошадях или с любимыми собаками. В общем, все признаки державного возрождения.

Серёга вяло отмахивается.

А вот и министр — инфантильно-изнеженный, артистически-нелепый, изломанно-хрупкий. В его бледном лице с глубокими голубыми тенями и синюшными губами есть что-то из иного, вампирско-загробного мира. Нежить — особый разряд духов. "Это не пришельцы с того света, не мертвецы, не привидения и не чертовщина, и не дьявол, нежить не живёт и не умирает", — лучше Даля не скажешь.

Нежить садится в президиум, складывает руки, похожие на перепончатые лапки гигантской летучей мыши. Слабая равнодушная улыбка гуляет по синим губам. Нежить благосклонно кивает залу.

И начинается *аллилуйя*... "Ваши пять лет правления стали самыми плодотворными, самыми успешными в отрасли", — это ластится местный чиновник Кузьмичёв, похожий на гигантское дрессированное насекомое. "Если бы ту критику, которую обратили против вас, направить на созидание, мы бы давно совершили мировой прорыв", — а это подобострастная лесть кругленького Егорова, ректора N-ского университета. Он умильно-детского вида, такой добрый, безвольный, и всё пытается сказать умно, солидно, "на уровне", как это и полагается учёному, работнику высшей школы. "Вот интересно, — думала я, — неужели у этих проституток есть семья?" И была ли семья у гейш из гостиницы "Советская", которых я там видела в свой прошлый приезд? Хотя... Сейчас так нетрадиционно устроена жизнь, что всё возможно...

Все в стране, включая Кузьмичёва и Егорова, отлично знают, что деяния нежити Алексашенко безумны и вредны. Но нас несёт поток селевой грязи, мы не можем остановиться, зацепиться за твёрдую почву, удержаться.

У нас теперь новый пантеон, новые боги. Главный из них — это Страх. Ему поклоняются все, от клерка в муниципалитете до первых лиц властного Олимпа. Страх проник в каждый дом, в каждую душу. Страх потерять работу, деньги... Что ещё? Так больше ничего и не осталось. Дети развращены,

молодёжь — *потерянное поколение*. А те, кто сохранился, уцелел в "партизанских отрядах", спас свои семьи — их мало. Электронный прогресс добьёт их. Потому что главное утрачено — родина и душа. Будущего нет, потому так и хочется держаться за щепку, за настоящее.

Ещё один бог — это Ложь. В форме лести, умолчания и просто вранья. Страх не может править без Лжи — это как Карл Маркс без Фридриха Энгельса.

Таково духовное развитие человечества — от примитивных духов до оккупационных кумиров — Страха и Лжи.

Но — довольно. Это всего лишь калейдоскоп жизни, в котором причудливо сложились три коротких временных отрезка, три "сильных впечатления", три болезненных воспоминания. Почему-то они сложились — будто кадры хроники — в одну "ленту". Я продолжаю, страшно сказать, дело самого летописца Нестора!.. Не впасть бы в гордыню. Да и в уныние тоже...

Была осень, зима, весна... Настанет и лето. Оно наступит, как всегда, внезапно. Лужайки, светлые берёзы, синие зеркала речушек (от синего неба) и пронзительно зелёная, мягкая, шелковистая, молодая трава. Мне кажется, что я вижу всё это сверху, что я чуть-чуть лечу нам миром, неумело, как молодой птенец. Если бы я стала умирать, о чём бы я жалела? Вот о такой природной земле, а не об искусственной жизни, созданной человеком.

Было лето, и было воскресенье, и старый красный храм, потерявшийся среди огромных тополей, и душное, щедрое цветение трав, отчего испытываешь мгновенное и острое — до слёз — чувство благодарности жизни.

В храме девять маленьких ангелов ждали крещения. Молодые родители держали их на руках. Кудрявые и почти безволосые головёнки, маленькие ручки и ножки, наивные удивлённые глаза, лепет, гуление. Светлые, беззащитные дети.

А сверху, сквозь цветное витражное окно, смотрел на них всемогущий Христос. Родители верили, что силы небесные спасут и защитят их детей, когда они сами уже будут не в силах им помочь.

В храме было светло, надёжно и радостно. Ангелы безмятежно улыбались, а грешники на иконах торопливо попрятались за спины святых...

НАТАЛЬЯ ТАГОРИНА

ИМЕНА

ЧИТАЯ ДАЛЯ

Триптих

1

— Шорох, стрепет, верезг, резкий свист!
Это в хлещущем, слепящем вихре —
Бабочки слетаются!.. Но лист
Словаря переверну — и стихли...

Лишь дрожит — и невесом, и груб,
И искрист, и нежен до мерцанья, —
Тонкий отзвук, мотылёк у губ,
Крылышка упругое касанье...

2

Смыслами полнится жаркая мгла.
Чёрная кровь омывает ладони.
Жизнь остановлена на перегоне,
В спящий плацкарт, за скорлупку стекла

Бездна глядит — неподвижен зрачок.
Пахнет полынь первобытно и горько.

ТАГОРИНА (ПАРОТИКОВА) Наталья Васильевна родилась в г. Коряжма Архангельской области. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет. Автор книги стихотворений «Конверт с листьями» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Нет никого в диком космосе, только
Бабочки просверк — слепой огонёк...

3

Речь моя — таинственный оплот...
Как твоя мерцающая плоть
Прорастает сквозь мою — в гортани,
В глубине? В трепещущие ткани,
До тишайших клеток — сладких сот...

Речь моя! На чью беду ответ —
Ты проснулась, солнечная сила?
Плоть и кровь, дыхание и свет —
И пространство два крыла раскрыло:

Покачнулся горизонт — лети!
Окрыляй воздушные потоки!
Оживляй неведомые строки.
Наполняй глубинные пути.

* * *

Заснежена твоя клеёнка
На парапете у метро.
Промёрзло нищее добро —
Салфетки, вязанные тонко.

И руки дряхлые дрожат,
И снегопаду уступают,
И кружево не успевают
Отряхивать. А снегопад

Тебя молчаньем охватил,
Удерживая, как младенца,
Как переполненное сердце,
Истаивая до светил...

Он светом увлекает вверх —
И в тесноте его высокой
Стоишь фигуркой одинокой,
Уже отделена от всех.

Но каждый божий человек,
Невидимо идущий мимо,
Тебе знаком необъяснимо.
И так — превозмогая снег,

Со всеми в перекличке тайной
На этом голом пятачке —
Стоишь смиренно, налегке,
С беспомощным своим вязаньем.

Так — словно на недолгий срок
Во всезвучащем разговоре,
В его космическом узоре
Ты — самый важный узелок.

КАЗАНСКОМУ СОБОРУ

На тебя даже трудно смотреть, если из-за угла
Вдруг покажешься весь, в безупречные грани мороза
Словно вплавлен громадой тепла, — эта львиная поза
И песчаный горячий окрас. Я тебя поняла,
Разгадала тебя лишь сейчас. В заповедном лесу —
Я в лесу твоём строгом так долго и трудно блуждала,
И тебя не звала, и как будто и вовсе не знала,
Что от века к тебе беспокойное сердце несу.
Но теперь по-другому. Теперь мы с тобою — вдвоём.
И с солдатской шеренгой твоей колоннады шагая,
Я взглянуть на тебя не решаюсь, но всё-таки знаю:
Мы одно на двоих это детское сердце несём.

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО

НЕБО ОКТЯБРЯ

ДМБ-88

Завязывать шнурки как можно туже
Учили нас на Кубе и в Афгане...
Сыграй мне осень, Сретенка — и тут же
Тебе я тихо подшуршу ногами.

Ну, что ж ты, ведь мелодия простая!
Ну, ладно, жги без аккомпанемента!..
Деревья сквозь предзимье прорастают —
И это днём особенно заметно.

И жалко, что игрушечную "Волгу"
На день рожденья мне уже не купят.
Я человек, контуженный тревогой
О том, что осень завтра не наступит.

Отменно зашнурованы кроссовки...
И, как приказа ждал, я жду полгода
Автобус на трамвайной остановке,
Но, как назло, нелётная погода.

ТАТАРЕНКО Юрий Анатольевич родился в 1973 году в Новосибирске. Поэт, автор четырёх книг стихов. Член Союза писателей России. Публиковался в журналах "Сибирские огни", "День и ночь", "Байкал", "Южная звезда", "Огни Кузбасса", "Бийский вестник", "Литературная учёба", "Начало века", "Ликбез", "Красная бурда", в "Литературной газете" и др.

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Облака в закатных блёстках.
Стихли вопли пацанов.
В чистом во поле берёзка —
Как загадка в книге снов.

Одинокая берёзка —
Лета светлая печаль.
За свои пять лет Бориска
Белоствольней не встречал!

В жарких сумерках берёзка
С умным видом шелестит:
“Ласкам не хватает лоска...
Пастухи придут к шести...”

За телегою повозка
Прячется в туман густой.
Деревенская берёзка
Одарила берестой.

Опустела у киоска
Кривобокая скамья...
Одинокая берёзка —
В небо
Лестница
Моя.

ПРИВАЛ

Мне хорошо с тобой и без тебя,
Мой листопадный дорогой товарищ...
Покрошишь сахарку для муравья
И чай покрепче в котелке заваришь.
А голубое небо октября
Напитывает лес осенним светом...
И станет ясно, что живёшь не зря
И что напрасно сомневался в этом.

ИЮНЬ

Ошалели бабочки
От жары:
Не в цветы пикируют —
На вихры.
Ах ты, перелётная
Седина —
Наливному облачку
Ты нужна.
Одичала травушка
Без причин.
Нам не переменных бы
Величин —
Бесконечно летнего
Вдоль реки,
Где нахальней бабочек —
Мотыльки.

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

РОЗА И САША

РАССКАЗ

Впервые Саша увидела свою прабабушку в пять лет. До этого во время коротких наездов в Калининград родители, ссылаясь на различные причины, к бабе Розе не наведывались. Старый, немецкой постройки, крытый черепицей дом оказался пуст. Бабу Розу нашли в огороде. Стоя на коленях, она пропалывала огурцы. Саша была разочарована. Она увидела согнутую в пояснице, опирающую на палку, одетую, несмотря на май месяц, в ватник, старенькую морщинистую женщину, которая, прикрывая ладонью от солнца глаза, вглядывалась в неизвестно откуда появившихся гостей.

— Кто это ко мне пожаловал? — спросила она неожиданно низким хрипловатым голосом.

— Я, баба Роза, твой внук Эдик с женой и дочкой.

— Прости, внучек, не признала, редко бабку навещаешь, да и глаза слезятся. Проходите в дом, коли приехали, чайку попьём, побеседуем.

— Торопимся мы, баба Роза, как-нибудь в другой раз.

— До следующего раза ещё дожить надо. Ну, как знаете, насильно мил не будешь, — с обидой произнесла баба Роза.

Саша, пока ехали в машине, замучила отца вопросами:

— Почему бабушка такая старенькая?

— Почему она спину не может выпрямить?

— Почему у неё глазки плачут?

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках "Антология калининградского рассказа", "Балтийский флот", в журналах "Балтика", "Параллели", во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

— Почему на ней такая старая одежда?

В общем, не впечатлила прабабка правнучку. Следующее свидание состоялось через пять лет. Баба Роза совсем не изменилась: всё так же возилась в огороде, одета всё в ту же замасленную телогрейку. Только видеть стала хуже да ходить тяжелее. Остались ночевать. Саше постелили на раскладушке в комнате бабы Розы. Прабабка, кряхтя, улеглась на кровать, поворочалась и обратилась к правнучке:

— Не спишь, Александра?

— Нет, баба Роза.

— Хочу тебе о своей жизни рассказать, отец-то, небось, ничего обо мне не говорил?

— Он и сам мало что знает, — заступилась за родителя Саша.

— Тогда слушай, а то, чует моё сердце, не свидимся больше. Надоест бабкина болтовня, скажи, не стесняйся. Я ведь не всегда старухой была да в земле ковырялась. Без малого полвека учительствовала. Перед войной мне семнадцать годков исполнилось. Семья наша жила на окраине маленького белорусского городка. Отец мужчина был видный, рослый. Вот только зрение подвело — видел плохо, из-за этого его и в армию не взяли. Он плотницкой бригадой руководил. Они срубы ставили. Мама — маленькая, юркая, словно живчик. Всё хозяйство на ней да трое детей в придачу. Мы, конечно, помогали: старшая сестра Настя за живностью ухаживала, на мне огород, младший брат Ванюшка — по дому. Война нас быстро накрыла, правда, бои в стороне шли. Ухо к земле приложишь, и слышно, как гул стоит. Самолёты немецкие в небе появлялись. Летели плотно, будто стая чёрных птиц, на восток и назад возвращались. Родители надумали ехать к родственникам на Урал. Раздали соседям скотину, птицу, попросили их за домом присматривать. Окна заколотили, на крылечке посидели, всплакнули и отправились на вокзал. Там уже собралось несколько десятков семей, которые тоже решили вглубь России пробираться. Сутки просидели в ожидании поезда, а дождались немцев. Они быстро свои порядки установили: комендант, бургомистр, полиция. Жителей собрали, разъяснили, что можно, а что нельзя, и жизнь потекла размеренно, буднично, будто ничего не случилось. Люди притихли в ожидании. Ругать немцев пока вроде бы не за что, но душа к ним не лежала, чужие они по духу, по воспитанию. Советская власть, какая-никакая, а своя. Отец корм для скота заготавливал, картошку копал — впереди зима. В городке церковь православная открылась. Прежде там склад был. В церковь народ потянулся, кто по не утраченной ещё привычке, кто батюшку послушать, с товарками поговорить. Зимой несколько улиц обнесли колючей проволокой и переселили туда евреев. Остальные жители поволновались и успокоились. Но вскоре дело дошло и до них. Начались отправки в Германию. Отбирали крепких, здоровых, не старых. Родители и я с Настей в списках на отправку оказались. Ванюшку брать не разрешили — годами не вышел. Отец ходил к бургомистру, тот и слушать не захотел. Мать в слёзы. Я и говорю: "Давайте Ванюшку в чемодан спрячем и с собой прихватим". Мама засомневалась: "Где мы такой чемодан найдём? Вдруг заметят?" Отец меня поддержал: "Права Роза. Нет у нас, Мария, другого выхода". Сколотил он из фанеры чемодан, насверлил в нём дырок и чёрным сатином обтянул, чтобы видно не было. Когда погрузились в вагоны, тронулись, Ванюшку на волю выпустили. На остановках — вновь в чемодан. Как до Германии доехали — и таиться перестали. Выгрузили на железнодорожной станции неподалёку от Голландии, прибыли "покупатели" и стали себе работников отбирать, как на невольничьем рынке. Родители с Ванюшкой попали на услужение графам, жившим в отдельной усадьбе. Меня и ещё двоих определили к супругам, у них два сына воевали против нас, а третий в Кёнигсберге на судоремонтном заводе докмейстером работал. Старшую сестру Настю отправили на крестьянский хутор. Моя хозяйка — фрау Эльза — в свои шестьдесят пять лет три раза в день меняла наряды и строго следила, чтобы работники ходили в чистой одежде. Даже корову доили в белом переднике. На мне была работа по дому. Я, кроме борща, картошки, каши и яичницы, и готовить ничего не умела. Фрау Эльза всему научила: и готовить, и стол сервировать, и подавать. День по минутам расписан. И попробуй не успеть. Вначале все работники

питались вместе с хозяевами, но однажды пришёл полицейский инспектор, который следил за людьми, угнанными в Германию, и сказал "Nein! Das ist keine Ordnung". После этого мы стали столоваться отдельно. Я старалась, и хозяйка относилась ко мне по-доброму, обучала немецкому языку и постепенно доверила покупку продуктов. В магазины ездила на велосипеде. Неподалёку от нас находился концлагерь. Однажды увидела колонну военнопленных, возвращавшихся с работы. Одежда на них грязная, рваная, головы вниз опущены, многие ранены. Сердце у меня от жалости зашлось. Неделю собирала остатки пищи, на чердаке прятала, в корзине. В воскресенье отпросилась съездить к сестре, сама корзинку в багажник, на велосипед и к концлагерю. Подъехала, территория большая, колючей проволокой огорожена. За проволокой бараки, никого вблизи не видно. Пошла вдоль забора, гляжу, на пригорке паренёк сидит. Форма на нём наша, красноармейская, только без погон. Сам худющий, кожа да кости, на левой согнутой ноге правая лежит, глаза закрыты, лицо солнышку подставил. А лицо-то детское совсем. Не знала я, что судьба это моя. Окликнула его. Паренёк вздрогнул, вскочил неловко, поморщился. Рана оказывается, на правой ноге ещё не зажила. "Как тебя зовут?" — спрашиваю. "Слава, — отвечает, — а тебя?" "Роза", — говорю. Так и познакомились. Подаю через проволоку узелок с едой. Он руку протянул, но затем отдёрнул и головой мотает: "Спасибо, не надо, не хочу", — а сам голодную слюну глотает. "Бери, коли дают, и гордость свою спрячь подальше. Тебе выжить нужно, с немцами поквитаться, домой вернуться. — А как же остальные? — Ну, весь лагерь я не прокормлю. Сколько смогу, буду приносить. Хочешь, делись, это твоё дело. Я над тобой шефство беру". Разговорились. Друг другу о себе рассказали. Родом он оказался из-под Пскова. Так и говорил: "Мы псковские". Оба родителя учителя. Он единственный ребёнок в семье. Долгожданный. Мать родила в сорок лет, уже и не надеялись на своего ребёнка, в детском доме девочку присматривали. Славу призвали перед войной. Служил в охране приграничного аэродрома. Повоевать толком не успел. В первый утренний воздушный налёт немцы уничтожили все самолёты. Аэродром перепахали бомбами вдоль и поперёк. Славу ранило, контузило и засыпало землёй в окопе. Чудом выжил, немцы подобрали. Очень сильно за родителей переживал. До середины войны режим в лагере был нестрогим, и мы виделись почти каждое воскресенье. Я перекидывала через забор узелок, ждала, когда Слава рассует еду по карманам, говорила: "Давай сам перекуси!" — и отходила в сторону, понимала, что ему неудобно перед девушкой жевать. Потом делились новостями, мечтали:

— Это же надо тротуар перед домом каждый день мыть. Фрау Эльза в туфлях на каблуках щеголяет, а моя мамка, сколько помню, в кирзовых сапогах. У них в коровнике чище, чем у нас на кухне. Вместо забора покосившегося — кустарник вечнозелёный и цветы с ранней весны до поздней осени глаз радуют.

— Ты скоро и сама немкой станешь, вон как шпрехаешь и одеваешься по-ихнему. Нравится здесь?

— Кому в неволе хорошо? Я же понимаю, что эта аккуратность и вежливость не мешает им наших ребят убивать и с нами обращаться, как со скотиной бессловесной. Конечно, мне грех жаловаться.

— Немцы-то прут и прут вперёд, так и до Сибири доберутся.

— Отпрыгались, под Сталинградом дали фашистам прикурить. Хозяева похоронку на младшего сына получили. Старуха в трауре, впервые накричала на меня, правда, потом извинилась.

— Жалко, отсюда не убежишь. Наверное, война без меня закончится?

— Нашёл чем расстраиваться!

— Ты хоть с родителями изредка видишься, а я и не знаю, что с моими, живы ли. И они обо мне вестей не получают, — глаза у Славы повлажнели.

— Ты о хорошем думай, легче будет, — посоветовала я.

— Я о тебе вспоминаю, — признался Слава и покраснел.

Я тоже засмущалась. До этого мы о своих чувствах, симпатиях ничего не говорили, но будущее друг без друга уже не представляли. Как-то нашу беседу прервал полицейский.

— Was machen Sie? — спросил он меня и схватил за плечо.

Слава вскочил, кинулся к ограждению, схватился за проволоку руками и закричал:

— Не сметь, скотина!

— Славик, не волнуйся, иди в барак, всё будет нормально, смотри, ты ладони в кровь разодрал, — успокоила я его и обратилась к полицейскому по-немецки:

— Господин полицейский, это мой земляк. Мы ничего не нарушили. Я работаю у господ Зигертов, вот мой документ.

Полицейский внимательно посмотрел, нехотя произнёс: "Gut", — однако не опустил автомат до тех пор, пока Вячеслав не скрылся в бараке. Мы и не предполагали, что больше не увидимся. Немцы прекратили отправлять пленных на работы и не выпускали на прогулки. Может быть, боялись побегов. Я по-прежнему приезжала и ждала, надеялась на чудо. Но чуда не произошло: в очередной мой приезд ворота лагеря оказались открытыми, а бараки пустыми. Не помню, как я вернулась в усадьбу, забралась в коровнике на сено и разрыдалась. Очнулась, когда почувствовала, что кто-то гладит меня по голове. Я открыла глаза, передо мной стояла фрау Эльза.

— Что произошло? — спросила она и добавила: — Только не обманывай, я знаю, куда ты ездишь по воскресеньям.

— Славку моего угнали, теперь мы никогда не встретимся, — призналась я и опять заплакала.

— Глупая, плачут по умершим, а он живой, и от вас зависит, встретитесь вы или нет.

Вскоре хозяева получили известие о гибели второго сына. Фрау Эльза заперлась в своей комнате и не впускала даже мужа, который стучался и грозился выломать дверь топором. Появилась она через двое суток, впервые не причёсанная и не накрашенная. Я попросила разрешения навестить родителей. Хозяйка молча кивнула и почему-то перекрестила меня. Повидалась с родными, будто свежего воздуха глотнула, и во второй половине дня собралась назад, но объявили о воздушном налёте. От налёта спрятались в подвале. Взрывов не было слышно, только земля дрожала. Я порывалась уехать, однако дисциплинированные немцы заставили сидеть до отбоя тревоги. Вернулась, а чистенький, аккуратный городок наполовину разрушен. Железнодорожная станция горит. Дымятся огромные воронки. Зачем американские лётчики сбрасывали бомбы на мирных жителей? Не знаю. На месте коровника — развалины. Окна особняка выбиты, черепица посечена осколками. Перед крыльцом лежали фрау Эльза и её муж. То ли они не слышали тревоги, то ли специально вышли из бомбоубежища? Никто не знает, кроме них. Я вызвала полицию, собрала испуганных, растерянных работников. Они, торопясь и путаясь, рассказали, что произошло. Тела хозяев увезли в морг. Мы остались жить в доме, благо запасов хватало. Никто не обращал на нас внимания. Жители кто прятал добро, кто собирался уезжать на запад к союзникам. Так же неожиданно, без выстрелов в городке появились американцы. Они не стали разбираться с угнанными из Советского Союза, погрузили в вагоны и отправили в советскую зону оккупации. Наша семья вновь соединилась. Если бы ты видела, как мы радовались: и смеялись, и скакали, и обнимались. Все несчастья, казалось, позади, а я вспоминала Славика, и слёзы наворачивались. После недолгой проверки посадили в вагоны, и мы оказались в Восточной Пруссии, в Инстербурге, теперешнем Черняховске. Здесь проверка была более долгой и тщательной. К этому времени уже появились первые переселенцы из России. Родителям предложили остаться. Домов тогда много пустовало — выбирай, какой хочешь: с мебелью, посудой, скотиной. Отец съездил в Белоруссию и убедился, что там всё разграблено, растащено и изба сгорела. Так мы и остались. Обустроились немного, и пошла я в комендатуру. Дежурный офицер посмеялся надо мной. Действительно, поди, найди рядового Вячеслава Волкова, когда кроме имени и фамилии ничего не известно, даже точное местожительство. До сих пор не пойму, как я догадалась, промолчала о том, что познакомились мы в Германии, да и офицер занят был. Только и сказал, улыбаясь: "Жди, коли любит, найдёт".

— Ты не уснула, Александра?

— Конечно, нет, баба Роза, мне очень интересно, — ответила Саша. — Нашёл вас Слава или нет?

— Нашёл, иначе и дед твой на свет Божий не появился бы, — баба Роза молодо засмеялась, надолго закашлялась и продолжала:

— Он действительно меня нашёл. Сначала вернулся на Псковщину. Вместо деревни — одни печные трубы памятниками торчали, родителей расстреляли. Потом в Белоруссию, отыскал наш городок, улицу, где мы жили. Соседи сказали, что недавно приезжал отец и уехал в Кёнигсберг. Вячеслав бросился туда. Обошёл все комендатуры. И, наконец, в Инстербурге на вопрос, стоит ли на учёте семья Тарасевичей или девушка по имени Роза, дежурный не стал листать журнал, а сам спросил:

— Ты, часом, не Славик Волков?

— Он самый, — открыл от удивления рот Вячеслав. — Вы откуда знаете? Я вроде документы не показывал.

— Комендатура всё знает. Документики-то предъявите. Ты вроде бы в плену был?

— Никак нет, товарищ капитан, видимо, что-то напутали.

— Ну, ну, вот адрес, беги, девушка тебя заждалась.

Потом я узнала, что Вячеслав каким-то образом у себя на родине сумел сделать документы, в которых не было отметки о плене. Вскоре свадьбу сыграли. Через год сестра Настя замуж вышла и стала Зайцевой. Так в одном большом немецком доме и жили три семьи: Волковы, Зайцевы и Тарасевичи.

— Дальше что было? — спросила Саша.

— Через год родилась дочка, и мы от родителей переехали поближе к Калининграду. Слава устроился на судоремонтный завод в док. В то время здесь и русские работали, и немцы, пленные и те, которые остались на заводе. Наши-то к порядку не приучены, а у них всё по инструкции, по полочкам. Особенно надоедал и придирался докмейстер, Гансом его звали. Рабочие его не любили. Слава за него заступался, доказывал, что требования справедливые, иначе нельзя. Я мужу с собой всегда поесть давала. Как-то в обеденный перерыв он увидел, что Ганс пустой хлеб жуёт, и предложил перекусить вместе, тот отказался, но попросил пару варёных картофелин и кусочек сала для сыновей. Я стала для мальцов отдельный узелочек собирать. Слава Гансу рассказал, что я в Германии работала. Немец поинтересовался, где, у кого. И, не поверишь, оказалось, что хозяевами моими были его родители. О смерти их он ничего не знал. Очень переживал. Мы семьями подружились. Ганс женился поздно, жена сирота, двое ребят, погодков шесть и пять лет. Уезжать не хотели, никто их там, в Германии не ждал, да пришлось. Насильно эшелонами вывозили.

— Ни разу с ними не виделись?

— Не довелось, может, что случилось, может, забыли, и так бывает. Адрес-то я помню. Отец твой собирается по Европе на машине прокатиться, вот бы и заехали, привет передали, если, конечно, есть кому. Не перебивай, доскажу, потом вопросы задавать будешь.

После дочки у нас сын родился, дед твой, Лёней назвали. Вырастили детей, в люди вывели. Только внуков Слава не дождался. После военной контузии он ногами маялся. Одну не уберёг, отрезали. На костылях прыгал, да недолго, умер рано, до пятидесяти не дотянул. Одна считай уже тридцать годков, задержалась, пора и мне на покой. Вот такую жизнь прожила твоя прабабка, хорошую ли, плохую — Бог рассудит. Теперь и ты обо мне, почитай, всё знаешь. Что молчишь?

— Можно, я к тебе переберусь?

— Не побрезгуешь со старухой под одним одеялом спать?

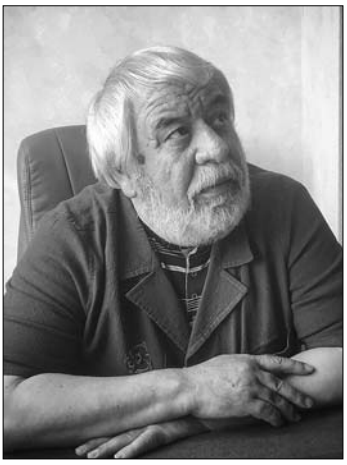
— Не со старухой, а с прабабушкой.

Саша перебралась на кровать.

— Я тебя люблю, баба Роза, — сказала она тихо.

— Спи, не болтай глупости, — баба Роза обняла правнучку и украдкой смахнула слезу.

МАГОМЕД АХМЕДОВ



ПО РУССКОМУ ПОЛЮ

ПЛАЧ СЛЕПОГО ОХОТНИКА

Я — старый охотник... Я выбился просто из сил,
Бродя по ущельям, одежду стирая в отрепья.
Последнего тура я нынче в горах застрелил,
А пуля вернулась... Попала в меня... И ослеп я...

В глазах потемнело... И сделались дали пусты.
И солнце шепнуло: "Тебя я навеки покину..."
За годы скитаний я столько убил красоты,
Что не отличить мне теперь от низины вершину.

Был взгляд мой намётан... В стрельбе я не знал неудач.
И падали туры, склоняя пронзенные выи.
И только ослепнув, вдруг понял — я только палач...
А где эти души, а где эти души живые?

На шелест, на шорох умел я мгновенно стрелять,
Мой выстрел являлся предвестником смертного часа.
Куда всё девалось? Я это не в силах понять,
А сердце похоже на турье сгоревшее мясо...

АХМЕДОВ Магомед Ахмедович родился в 1955 году в селении Гонода Гунибского района Дагестанской АССР. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (поэтический семинар Ал. Михайлова). Народный поэт Республики Дагестан, переводчик, критик и публицист. Пишет на аварском и русском языках. Член Союза писателей СССР с 1984 года. Лауреат Государственной премии Республики Дагестан, премии "Золотой Дельвиг", Международной премии имени Расула Гамзатова, премии Н. С. Лескова, премии М. Ю. Лермонтова. Председатель Правления СП Республики Дагестан. Живет в Махачкале.

Я так ликовал, если, выстрелом сбитый моим,
Катился подстреленный тур вдоль глухого ущелья.
И кровь закипала... И был я Аллахом храним,
Но кровь моя сделалась черной, как мутное зелье.

Тяжелое солнце стекало в межгорный провал,
И скалы пугались вот этого лютого смеха,
Когда я, убивший, от радости долго скакал,
И сердце гудело в груди, будто горное эхо.

А нынче Всевышний забрал мой прищуренный взгляд.
Во тьме засыпаю... Во тьме просыпаюсь и каюсь...
И только в мозгу моем выстрелы снова звучат —
От них просыпаюсь... От выстрелов я просыпаюсь.

Последний мой выстрел... Тур падает, громко храпя,
А сердце опять наполняет шальное веселье.
Я снова стреляю... И вновь попадаю в себя,
Подстреленным туром летя в грозовое ущелье.

РУССКОЕ ПОЛЕ

О, русское поле... Снега и снега.
Душа оживает от снега и света.
Старею... Но ты, как была, дорога́ —
Поныне дороже мне женщины нету!

Любимая, где ты? Кого мне винить?
Как жить без тебя мне с бесцельною целью?
Неужто метель так смогла закружить
Тебя?.. И ты сделалась белой метелью?

Любимая, где ты?.. Позёмка кружит,
Неспетую песню уносит далече.
А сердце без песни болит и болит,
А снег всё летит — на виски и на плечи.

Снежинка легка, но так больно плечу,
Когда, под седлом ослабляя подпругу,
Я всадником белым сквозь вьюгу скачу —
По русскому полю... Сквозь русскую вьюгу...

Всё чудится — ты заблудилась в пути,
Две наши дороги сойтись не успели...
И конь мой к тебе понапрасну летит
По русскому полю, средь белой метели...

* * *

Есть час в ночи, длиной в одно мгновенье,
Когда ты просыпаешься в поту,
Грехи тебя зовут, зовет прозренье,
Вопросы задают сквозь немоту.
Как ты живешь и что другим оставишь?..
Не покривить душой, не промолчать...
И музыка в душе... А из-под клавиш
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Ты робким подмастерьем
Стоишь... Ты свой не выучил урок.
Ты всё забыл, во что недавно верил,
А что запомнил — то тебе не впрок.
И всё гадаешь — что решит Всевышний?
Позволит ли он думать и дышать?
Всё остальное лишним будет, лишним...
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Его, как мост Сиратский,
Лишь одолеет чистая душа.
Грехи же вниз потянут... В пламень адский,
Но как пройти по жизни, не греша?
И ты идешь, гонимый черным веком,
На лбу сомнений горькая печать.
Но если ты остался человеком —
Придет строка, чтоб мучить и звучать.

Перевел с аварского
Анатолий АВРУТИН

.....

Редакция от всей души поздравляет нашего дорогого автора
Магомеда АХМЕДОВА с 65-летним юбилеем!

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

СТОНЫ СТРАНЫ

ДЕПУТАТСКИЙ ДНЕВНИК

“В коридоре – ординаторская, документы и трупы...”

Письмо от тех, кто рискует потерять работу за сам факт такого обращения. Но одновременно рискует потерять здоровье и жизнь. От врачей. Многие из них до этого, обращаясь ко мне, просили не называть их имён. Теперь никто себя не скрывает. То, о чём они пишут, требует разбирательства – справедливого и подробного – вместо насмешливого равнодушия. И помощи.

Эти врачи доверяют мне, и больше им не к кому обратиться. Надеюсь на внимание прессы. То, что требуется от меня как от депутата, сделал и продолжу делать (лично переговорил с руководством Минздрава и отправил запросы).

А пишут мне вот что: “Вынуждены обратиться к вам всем коллективом отделения анестезиологии и реанимации ГБУЗ МО Видновской РКБ. Наш коллектив измотан условиями труда... С 17.06.20 мы ждём начала ремонтных работ на территории АРО и оперблока, но работы не проводятся, чему есть доказательство в виде фото-видеоотчёта... Отключали кислород, в оперблок резервную линию не проводили, хотя круглосуточно делаем операции в условиях анестезии... Больные скучены – повышен риск перекрёстного инфицирования, есть большие трудности при обработке и уходе за пациентами, отсутствует санитарная комната... Два месяца работаем в невыносимых условиях: ординаторская находится в коридоре, там же проводится работа с документацией, туда же вывозятся трупы, и всё это при высоких летних температурах воздуха. Повышен риск заражения сотрудников. Просим вас разобраться в сложившейся невыносимой ситуации, прямо нарушающей приказы Минздрава...”

Молодцы, что не скрывают имён. Но это ведь не от уверенности в своём положении, а от отчаяния.

Жду. Жду реакции государства. Не надо издеваться над врачами. И пациентами.

Крепостническая опека

Делаю запросы. Сделаю телепередачу. Но очевидно, что это ещё и вопрос законодательства. Опять озверевшие “органы опеки”...

Эти самые органы заставили 47-летнюю москвичку Марину Волхонскую отдать своих четверых детей в социальный центр из-за беспорядка в доме. По словам женщины, в случае отказа чиновники угрожали лишить её родительских прав. Всё это время дети живут отдельно от матери, и, несмотря на сделанный в доме ремонт, ей не собираются их возвращать.

“Я не пью, устроилась на работу, но они всё равно меня в покое не оставляли, – рассказывает Марина про чиновников. – Я одна воспитываю четырёх, это тяжело. Бывает, я действительно не успеваю всё по дому сделать. Конечно, дети бегают, шалят, обои изрисовали, но это же не повод, чтобы родных детей забирать”.

Во время совещания, на котором решался вопрос о возврате детей, заместитель начальника ОСЗН “Медведково” по вопросам опеки заявила, что лучше бы “прописали закон” о запрете родов для таких, как Марина... Мол, если денег мало – и детей не надо.

Это занятно сочетается с заклинаниями чиновников о важности поддержки рождаемости в стране. Опека, как видим, в очередной раз не опекает, а совершает нечто противоположное.

А почему бы не объявить Волхонскую матерью-героиней и не помочь максимально? Нет? Слабо?

Между тем психолог центра, где сейчас находятся дети, свидетельствует, что они очень сильно привязаны к матери, тоскуют по ней, хотят домой.

Дома всё нормально. Подключились волонтёры. Не бросят, всегда помогут с едой, одеждой. Добровольцы, но не чиновники. Последние продолжают хамить. Наверное, по той причине, что чувствуют себя безнаказанными.

Уволить бы, а ещё лучше – привлечь к ответственности нескольких обнаглевших “опекунов”, наверняка остальные бы присмирели. В России нищих – десятки миллионов. И что, по этой причине они – крепостные? Разрушать семьи, разлучать с родными, издеваться над бесправными и бедными – одна из форм новейшего жестокого крепостничества.

Будем возвращать детей. Не сомневаюсь: получится. Но это большая беда. Справиться с ней возможно, только осознав её масштабность.

P. S.: Удалось победить – детей вернули. Но когда начнут отвечать новоявленные крепостники?

Это подлое слово “подвоз”

“Сергей, ура-ура! Удалось сдвинуть с места вопрос по Пяткову Логу. Школа будет работать. Спасибо Вам!” Радостно читать такие письма. Но в то же время грусти хватает. Бороться за сохранение школы, которую уже решило закрыть начальство, очень сложно. Ведь система неохотно даёт задний ход.

На днях проводил “личный приём граждан” на Алтае. Сирота без жилья; пенсионеры, вынужденные переплачивать за жульнический капремонт; рабочий, у которого, как и у остальных его товарищей, удерживали часть зарплаты, а когда возмутился, уволили; люди с вредным химическим производством под окнами, нигде официально не зафиксированным; и наконец, ходоки из села по имени Новокраюшкино. Родители и учителя. Их прислал ко мне сельский сход. Они просят не отмалчиваться – помогать им через запросы, статьи, телесюжеты. Они судятся с администрацией района. И поддержка им нужна прямо сейчас.

Школа в хорошем состоянии. А без неё селу не устоять. В привезённом мне народном обращении сказано: “Школа проходила все положенные проверки каждый год и никаких замечаний не было. Педагогами школа укомплектована полностью. Очень многие наши выпускники поступают в высшие учебные заведения”.

Из того же письма: “Многие по своему опыту знают это подлое слово “подвоз”, когда на морозе ждёшь автобус, а потом часами трясёшься по бездорожью на уроки, ночью возвращаешься домой, не попадая ни на кружки, ни на внеклассные занятия, учёба вспоминается, как мучительная каторга...”

Да, теперь с подачи районной администрации дети должны ездить в посёлок Северный. Дороги зимой тут чистят крайне нерегулярно. И дети могут либо не доехать, либо – что страшнее – застрять среди снегов. В темноте. Всё дело в давнем желании чиновников “оптимизировать” школу и на этом сэкономить. А ведь эта школа – ещё и место проведения многих праздников и встреч.

Людей вынуждают семьями бросать родные места. Узнав о решении властей, уже четыре семьи покинули село немедленно. Другие пока не сдаются, судятся, составляют отчаянные, трогательно-лиричные исковые заявления, направляют ходоков к депутату.

Не молчим и не сдаёмся! Какой будет Россия – зависит от способности сочувствовать.

Истории ограбления

Историями ограбления занимаюсь с весны. Врачи поликлиник, воспитатели детских садов, нянечки – жертвы коронавируса, вернее, изъятия у них положенных денег. Речь о нищенской зарплате, которую и ту решили урезать. Экономия!

По президентскому указу на время карантина работодатели обязаны были сохранить зарплату сотрудникам. Но в самых разных регионах случился настоящий грабёж.

"А за что платить?" – нагло ответствовали некоторые чиновники.

Стоп. Деньги бюджетные. Платите по закону. Или вы получили повод для "освоения средств"? Или просто привыкли держать людей в безропотном бесправии?

...Посыпались письма отчаяния врачей, воспитателей, нянечек (в основном женщин).

Это не значит, что во время карантина все они сидели дома. Их перевели на другие работы, оплачиваемые гораздо меньше. Из поликлиник города Рыбинска врачи писали о сокращении зарплат до 2/3 ставки.

"Нянечки шьют маски. Направлены на мытьё корпусов", – бодро поясняли в департаменте образования Ярославля.

"И что? – спросил я. – Теперь их можно обворовывать?"

Написал в прокуратуру. Началась прокурорская проверка. Вот некоторые результаты – в письме прокурора Ярославской области.

"Рассмотрено Ваше обращение о нарушениях трудового законодательства в отношении медицинских работников".

Врачей не просто обдирали, при этом загружая новыми, более тяжёлыми обязанностями – им не выплачивали или не доплачивали "стимулирующие" за эти особые условия труда, за дополнительную нагрузку, за работу с больными коронавирусом и пациентами из групп риска.

"Установлено, что в ГУЗ Ярославской области "Детская больница № 3? и ГУЗ "Угличская ЦРБ" стимулирующие выплаты произведены несвоевременно и не в полном объёме".

А в ещё одной больнице вообще ничего не платили, там этого у начальства даже в мыслях не было: "В ГАУЗ "Клиническая больница № 9" не определены перечень должностей, имеющих право на их получение, и сроки перечисления".

Ну, а в детсадах сотрудников ставили перед фактом, отправляя в неоплачиваемые отпуска и даже не уведомляя о происходящем центры занятости. Перечень таких мест в прокурорском ответе велик, например, детсад № 3 "Ромашка", детский сад № 5, детский сад № 4, детский сад № 2 города Любима...

Людям не только наконец-то выплачивают у них украденное, но и начался спрос с виновных. Одного уже даже штрафанули.

"Руководителям названных учреждений внесены представления, а главный врач ГУЗ Ярославской области "Угличская ЦРБ" по постановлению прокурора привлечён к ответственности в виде штрафа. В отношении руководителей образовательных учреждений возбуждены дела... Виновные должностные лица привлечены к дисциплинарной и административной ответственности".

И это хоть что-то. Надо бить по рукам, которые лезут в худые кошельки врачей, воспитателей и нянечек.

Ад? Да, ад

Некоторое время назад обратился в Прокуратуру после страшных сообщений из центральной районной больницы села Карабиха Ярославской области. Женщина, попавшая в этот госпиталь с пневмонией, рассказала в письме, что чудом выжила.

По её словам, там почти не лечили, ни кардиограмму, ни рентген не делали, таблетки никто не носил, их приходилось выпрашивать. По коридорам из медиков ходил только какой-то мальчик-студент, который делал уколы.

Развозить еду было некому. Вода из крана холодная: тёмного цвета и вонючая. В коридоре, в пяти метрах от кровати, складировали трупы, которые "стояли десятками". "Не переживайте, они не встанут", – успокоили пациентку сотрудники стационара.

С женщиной в палате находилась бабушка, которой только один раз поменяли памперс, но ни пить, ни есть не давали. "Она умерла от бездействия у меня на глазах. Кто-то сказал, что надо в реанимацию, но так никто и не пришёл... С соседом по палате пытались кричать, стучать, не нашли ни одного медика. От безысходности мы рыдали".

ЦРБ в Карабихе не захолустный сельский стационар. Это серьёзный госпиталь неподалёку от Ярославля. Увы, сообщённое в письме получило подтверждение и других людей, попавших туда.

И вот – пришёл ответ на мой депутатский запрос от прокурора области. Проведена проверка.

"Зафиксировано несоблюдение требований к организации оказания медицинской помощи пациентам и проведению внутреннего контроля качества и организации медицинской деятельности".

За этими сухими словами – боль и трагедия. Установлено "наличие дефицита медицинского персонала, отсутствие необходимого количества коек для проведения искусственной вентиляции лёгких, неисполнение порядка маршрутизации больных". Прокуратурой внесено представление правительству области "об устранении нарушений закона".

Делом "о смерти пожилой женщины в результате бездействия медицинского персонала" занялось управление Следственного комитета по Ярославской области. Хочется думать, что сейчас в этой больнице стало лучше – мне сообщают с места, что среди прочего именно проверка заставила чиновников начать наводить там порядок. Может быть, хоть так удалось спасти чьи-то жизни...

Понимаю, что после подобных проверок (запросов, статей, телесюжетов) у меня среди начальства не прибавится симпатизантов. Начальство злится. Но это моя работа, какой её вижу, – отзываться на стоны, долетающие отовсюду. Помогать бесправным и беззащитным – всем, кому возможно, во всех регионах без исключения. Такая работа.

Затопление горем

Некоторое время назад пришло письмо из Ярославской области. От вдовца Антона Владимировича, военнослужащего, у которого на руках осталось четверо деток. Для кого-то – частная история, для него – крушение всей жизни. Всё это не экзотика, не исключительное стечение кошмарных обстоятельств, а типичная беда простого человека в русской провинции.

Как написал мне Антон Владимирович, его жене вовремя не оказали помощь, не спасли. Почему?

Причины можно называть разные: "оптимизация" и деградация медицины, отфутболивание пациентов в разгар коронавируса, а может, и повсеместное торжество безразличия и безнаказанности.

"Мы потеряли мать четверых детей. Женщина в возрасте 38 лет с жалобами на боли в позвоночнике, а позже и в голове в течение месяца обращалась к врачам, но ей не помогали и не госпитализировали, ссылаясь на коронавирус. Наконец, после нескольких вызовов "скорой помощи", когда она уже не могла есть и терпеть боли, теряла сознание, нашу Марию положили в Ростовскую ЦРБ Ярославской области в неврологическое отделение с предварительным диагнозом "остеохондроз".

Мы настаивали на переводе в областную больницу в Ярославль, поскольку в Ростовской ЦРБ нет ни оборудования, ни нужных специалистов. В неврологическом отделении Ростова ей была взята пункция спинного мозга, и мы услышали новый диагноз: "менингит". Время тянули и тянули, анализы показывать отказывались... Из-за отёка мозга ей стало ещё хуже, и нам удалось на коленях, с плачем, уговорить врачей перевести тяжелобольную в Ярославль.

А ещё через день из реанимации, когда она уже почти не видела, не шевелила ни руками, ни ногами, с полным отсутствием глотательного рефлекса, с дикими болями, её вернули назад в Ростовскую ЦРБ, прописав множество

таблеток вместо внутримышечных или внутривенных. Она не ела, хотя ей очень хотелось, не пила (всё выходило через нос и рот), а нас заверили, что "больная идёт на поправку".

Ну, а в Ростовской ЦРБ помощи мы не дождались, и через три дня наша Маша умерла... Умерла, оставив шестимесячного ребёнка, ребенка трёх лет, пяти и двенадцати лет. После смерти жены я обратился в Следственный комитет, в департамент здравоохранения (и в ответ на письмо о её смерти чиновники пообещали проследить за ходом лечения!!!), в СМИ, к различным депутатам, медийным персонам – везде нулевой результат..."

Разумеется, получив это обращение, я немедленно направил депутатский запрос в прокуратуру. И вот – пришёл ответ прокурора Ярославской области. Признано, что больной, которую можно было спасти, вовремя и должным образом не помогли.

"Установлено, что при лечении Третьяковой М.Н. ГБУЗ ЯО "Областная клиническая больница" и ГБУЗ ЯО "Ростовская центральная больница" оказали медицинскую помощь с нарушением требований качества", и далее о "выявлении нарушений уголовно-процессуального законодательства", представлении, внесённом главврачам, о проверке и возбуждении дел.

Я не выношу приговор. Но моё дело – добиваться честного расследования. Оно не вернёт жизнь Марии. Но в следующий раз может спасти кого-то ещё, кто попадёт в эти больницы. Конечно, многое зависит не только от наших прокуроров и следователей, но и от общества, от читающих меня журналистов.

И ещё из письма вдовца: "Обратился за детскими пособиями в пенсионный фонд – на двух детей старше трёх лет оформили, а другим детям отказали. Сказали, что обратиться может только мать лично, но мамочка наша умерла. Мне сказали: ничего сделать не можем, показали на дверь. Это что же получается, младенцы мои не люди, что ли?"

Опять-таки благодаря депутатскому запросу удалось разобраться с этим безобразием. Больше того, теперь прокуратура занялась руководителем пенсионного фонда в Ростове Ярославской области. Пусть знают оборзевшие, что на них найдётся управа! И правильно было бы уволить тех, кто нахамил вдовцу и лишил его малышей выплат вопреки закону.

И ещё одно горе этой же семьи – жильё. Типичное горе. Все ютятся в однушке. И по этому поводу тоже стараюсь помочь.

ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ДОМОРОЩЕННЫЕ ДЖИХАДИСТЫ ЕВРОПЫ

Начиная с 2019 года в Европе нагнетается страх перед джихадистами, которые уже вернулись или возвращаются в Старый Свет после разгрома ИГИЛ и других террористических организаций в Ираке и Сирии. Проблем здесь, действительно, немало. Но жизнь показывает, что ещё больших проблем следует ожидать от европейских джихадистов, которые никуда не выезжали, не собирались выезжать, но которые нацелены на джихадистский терроризм у себя дома – в самой Европе.

Полиция и службы безопасности европейских государств это прекрасно понимают и направляют усилия на выявление подпольных ячеек джихадистских террористов. Например, *22 марта 2019 года в ходе полицейских операций в Германии были задержаны 11 человек в возрасте от 20 до 42 лет, относящихся к салафитам. Они установили контакты с торговцами оружием, арендовали большой автомобиль и организовали сбор средств на подготовку теракта. По данным следствия, у подозреваемых было изъято 20 тысяч евро наличными, несколько ножей, наркотики, большое количество документации и электронных носителей информации.*

Европейские уголовники на пути к джихадизму

Институт политики ЕС по программе GLOBSEC (Глобальная безопасность) провёл исследование "Кто такие европейские джихадисты?"

Полученные результаты подтверждают гипотезу, утверждающую, что значительное число джихадистов перед тем, как включиться в террористические организации и сети, имели за плечами либо преступную деятельность, либо участие в политическом насилии. Примерно 1/3 джихадистов ранее привлекались к уголовной ответственности за совершение преступлений либо имели суровые административные наказания за участие в демонстрациях и политических событиях, связанных с насильственными действиями.

Самая высокая доля преступников среди джихадистов во Франции – более 50%, затем идёт Великобритания – 32%, Италия – 7,4% и Испания – 6,4%.

В среднем на каждого джихадиста-преступника в Европе приходится 2,07 преступления. Тщательное изучение характера этого движения позволило прийти к выводу, что с джихадистским террором в Европе связана, прежде всего, мелкая уличная, низкоуровневая преступность, и лишь во вторую очередь – серьёзная организованнная. При этом 33% преступлений было совершено джихадистами, осуществлявшими кражи, кражи со взломом, хранение

наркотиков или торговлю ими, мошенничества и т. п. В то же время 67% преступлений, совершённых джихадистами, относится к категории тяжёлых, осуществленных в составе уличных преступных групп. Таким образом, статистический анализ показывает, что всё более укрепляющаяся связь криминал–террор идёт, прежде всего, по линии интеграции терроризма с низкоуровневой, уличной и традиционной преступностью, не затрагивая в основном связи с высокотехнологичной преступностью и серьёзными ОПГ, за исключением преступности, связанной с незаконными миграционными потоками.

Примерно 4 из 5 джихадистов имели за плечами криминальные или административные нарушения, а также прямые связи с преступным европейским подпольем до тех пор, пока не были арестованы за терроризм или не погибли в ходе террористических актов.

Первостепенное значение имеет вывод о прямой связи джихадизма с нахождением преступников в местах тюремного заключения. Согласно данным, 70% джихадистов, имевших за плечами криминальную карьеру, провели два и более года в тюрьме. Важность данного вывода состоит в следующем: ***в отдельных странах тюрьмы выполняют роль рассадника преступности и способствуют налаживанию тесных контактов между уголовными преступниками, джихадистами и другими политическими террористами.***

В отличие от Соединённых Штатов, в государствах ЕС подавляющая часть джихадистов отбывает сроки в тюрьмах общего режима, где основной состав – уголовники. Поскольку джихадисты выделяются на тюремном фоне не только доминированием, не только наличием устойчивых связей за стенами тюрьмы, не только получают лучшие и большие передачи, чем обычные уголовники, они, как многие исступленно верующие люди, отличаются особой стойкостью и независимостью. Соответственно такие люди привлекают обычных преступников, прежде всего из числа молодёжи, которая тянется к ним и становится на путь джихадизма.

Средний тюремный срок, исключая четыре случая, когда осуждённые получили пожизненные сроки, для джихадистов составляет в среднем 8 лет 7 мес. При этом, лица, осуждённые непосредственно за участие в террористической организации, в среднем получили 9 лет и 6 мес.; осуждённые за подготовку к нападению – в среднем 8 лет и 9 мес., за членство в террористической организации – 7 лет и 4 мес., получившие срок за содействие и поддержку терроризма – 6 лет и 4 мес., и, наконец, за попытку присоединиться к террористической организации за рубежом – в среднем 4 года.

Количественный анализ данных по арестованным террористам позволяет прийти к следующим выводам. Из общего числа арестованных террористов примерно треть оказалась в заключении по причинам принадлежности к террористическим организациям. 14% были арестованы и получили уголовное или административное наказание за пропаганду терроризма в сети. 12% получили сроки заключения за участие в террористических актах и атаках. Ещё 11% были распознаны как боевики террористических организаций, участвовавшие в боевых действиях на Среднем Востоке.

Если в 2012–2014 годах террористическое подполье концентрировалось в крупных джихадистских группировках, сформированных обычно вокруг мечетей, что особенно характерно для Франции, Германии и Бельгии, то в настоящее время ситуация изменилась. В результате эффективных действий разведывательных агентств и полицейских органов, а также развития международного сотрудничества по борьбе с джихадизмом террористы стали рассредоточиваться. ***По состоянию на 2018 год наиболее типичными являются квазисети джихадистов, состоящие из небольших оперативно-боевых групп – от 4 до 10 человек в каждой.*** Эти группы действуют в значительной степени независимо друг от друга и опираются не на общие материально-техническую и финансовую структуры террористической организации, а на собственные материально-технические, военные и кадровые ресурсы на той территории, где функционирует террористическая группа.

Возраст и пол европейского джихадизма

Средний возраст арестованных джихадистов – 30,3 года. Это не подтверждает высказанную ранее несколькими исследовательскими центрами во Франции и Германии гипотезу, что европейские джихадисты – это по преимуществу

молодёжь в возрасте до 28 лет и даже подростки. В целом, 43% попавших в поле зрения правоохранительных органов джихадистов родились в 80-е годы и 27% – в 90-е годы. В то же время ещё 20% родились до 1980 года. Иными словами, значительная часть активной террористической среды в Европе состоит из лиц среднего возраста. Что же касается подростков и молодёжи, то, как правило, они являются основными посетителями сайтов, ведущих пропаганду онлайн джихада. Их можно отнести к особой категории сочувствующих и готовых при наличии соответствующих организационных и материальных условий вступить на путь джихада.

Молодёжь, сочувствующая джихадизму, – это, прежде всего, обитатели зон временного содержания легальных и нелегальных мигрантов, а также жители мусульманских анклавов немецких, бельгийских, французских и других городов. Средний возраст сочувствующих джихадизму колеблется от 18 до 21 года.

Согласно данным Европола, джихадистский терроризм в государствах ЕС – это, как и следовало ожидать, явление преимущественно мужское. Тем не менее, женщины, активно участвующие в джихадистских группировках, составляют в государствах ЕС значительные 13% от общей численности. При этом средний возраст мужчин европейских джихадистов составляет 29,9 года, женщин – 32,8 года.

Образовательный уровень и профили занятости европейских джихадистов

Почти 40% джихадистов были безработными. Только 28% были трудоустроены. Из них подавляющее большинство было занято физическим трудом в строительстве, на транспорте и в городском хозяйстве.

Пока не удалось получить достоверных фактических сведений о том, что в число активных действующих джихадистов входят в государствах ЕС люди с высшим образованием или занятые в высокотехнологичных отраслях экономики. Ни одного подобного случая ни правоохранительными органами государств ЕС, ни Европолом установлено не было. Возможно, некоторые из них являются сочувствующими или выполняли когда-либо для террористов работу по бизнес-модели “преступление как услуга”, но ни одного документально установленного случая такого рода по состоянию на 2018 год, когда опубликованы доклады, установлено не было.

Европейский джихадизм по-прежнему остаётся уделом преимущественно безработных и лиц, занятых физическим трудом или мало престижными работами.

Данные Европола говорят о том, что в составе нелегальных мигрантов, хотя и невелика, но имеется – не более 10% – доля лиц с высшим образованием или занятых в технологических и высокотехнологических секторах экономик. Однако учитывая, что общая численность нелегальных мигрантов в государствах ЕС в 2017 году составляла более 1 млн человек, угроза прихода в джихадизм людей, обладающих профессиональными знаниями и навыками в сфере высоких технологий, потенциально является опасной. При этом пока достоверных подтверждений этого процесса нет.

Что касается джихадистов, которые имели за плечами тюремные сроки, не связанные с террористической деятельностью, то доля безработных среди них ещё выше, а именно 52%.

В противовес многим научным и медийным публикациям, европейские джихадисты и террористы плохо образованы. Менее 10% имеют среднее образование. Только 2%, по которым существуют данные, закончили бакалавриаты европейских учебных заведений. Что же касается террористов с криминальным прошлым, то высшего образования не имел ни один из них, а среднее в полном объёме получили только 5%.

Эти данные существенно расходятся с выводами большинства докладов, в которых на первый план выдвигалась идейная основа терроризма, побуждающего граждан государств ЕС с нормальным среднеевропейским уровнем образования идти в террористы. ***Европейские джихадисты – это относительно молодые, но не юные граждане, многие из которых имеют криминальный опыт и лишь единицы получили среднее образование.***

Как финансируется европейский джихадизм?

Казалось бы, низкий образовательный уровень и отсутствие серьёзных профессиональных навыков предполагают, что европейские джихадисты склонны финансировать свою террористическую активность за счёт нелегальных и преступных источников. В академических исследованиях неоднократно высказывались предположения о всё большем слиянии традиционной преступности с джихадизмом в части финансирования терроризма.

Однако, похоже, в реальности дела обстоят иначе. Европейский джихад финансируется из различных, но, по большому счёту, легальных источников. Более того, выяснилось, что преступники-джихадисты, т. е. джихадисты, имевшие за плечами судебные сроки, связанные с традиционной преступностью, становясь джихадистами, стараются финансировать свою деятельность за счёт легальных средств. Наибольшую группу составляют джихадисты, которые обеспечили своё существование и соответственно террористическую деятельность либо за счёт зарплаты, либо пособием по безработице (16%). Другая группа (примерно 10%) старались поддерживать свою жизнедеятельность и террористическую активность за счёт комбинации пособий по безработице и поступлений от различных благотворительных организаций, в том числе неисламской направленности. Не более 1/5 джихадистов жили и осуществляли деятельность полностью или частично за счёт преступных доходов. И только ничтожно малое число джихадистов жили и вели свою противозаконную деятельность исключительно за счёт преступных источников. Они включают в себя торговлю людьми, наркотиками и контрабанду сигарет.

В целом можно говорить о том, что бóльшая часть европейских джихадистов отторгается традиционной организованной преступностью. Происходит это не по каким-то идейным соображениям, а по голому расчёту. По оценке организованной преступности, сочувствующие джихадистам, а тем более сами ***джихадисты – боевики – входят в группы с неприемлемо высоким уровнем риска разоблачения со стороны полиции и потому являются токсичными для европейских ОПГ***.

Случаются, правда, исключения. В 2017 году была распознана, а затем арестована группа из 10 человек, которая использовала смесь легальных и незаконно полученных средств для финансирования террористической деятельности. Парадоксальным образом все 10 человек участвовали, с одной стороны, в насильственных грабежах, а с другой – получали пособия от германского государства по линии социального обеспечения и дополнительные средства на профессиональную переподготовку.

В 2013–2015 годах ни один гражданин государств ЕС, арестованный по джихадистским статьям, не входил в состав известных в соответствующих странах организованных преступных группировок. Если джихадисты использовали незаконные средства, то добывались они в рамках низкоуровневой уличной преступности. ***Более того, можно сделать вывод: чем крупнее и диверсифицированнее бизнес ОПГ, чем более продвинутые технические средства он использует, тем больше он чурается даже кратковременных контактов с джихадистами.*** Даже во время миграционного европейского кризиса 2015-2016 годов ОПГ, особенно в исторических государствах ЕС – Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Испании, – преступники, занимаясь нелегальным транзитом беженцев, стремились избегать связей с джихадистами. Европейские ОПГ для обеспечения транзита взаимодействовали с оборотнями из турецких, сирийских и иных разведывательных и дипломатических органов, но не с джихадистами. ***Слишком часто джихадисты в Европе проваливаются, а это смертельно опасно для преступного бизнеса с его огромными оборотами.***

Как европейский джихад обращается к радикальной идеологии

Впервые тема мотивации терроризма была поставлена в центр обсуждения работников правоохранительных органов и исследователей после взрывов в Мадриде в 2004 году, совершённых ячейкой Аль-Каиды. Особенно эта тема обострилась после известных террористических актов в Бельгии и во Франции. Господствующей точкой зрения является, что главным в мотивации для вступления в террористическую группу и осуществления террористических

актов является идеология, а в случае джихадизма – воинственный радикальный ислам. ***По мнению большинства наиболее известных и авторитетных мусульманских богословов, джихадизм сам по себе базируется не на исламском вероучении, а на версии исламизма, специально приспособленной для целей политического насилия и психологической манипуляции, предполагающей фанатичное принятие идеологии.***

Имеющиеся в докладах статистические данные, при всей недостаточности выборки, свидетельствуют о том, что идеологическое обоснование джихадизма является далеко не единственным, а возможно, даже не главным. ***Факторы, подпитывающие или провоцирующие радикализацию в форме джихадизма, могут быть вызваны и вызываются не только идеологическими, но и личными проблемами, а также социально-адаптационными факторами.***

Определённую роль в радикализации сторонников ИГИЛ и других террористических организаций играют родственные связи. Полученные результаты совпадают с данными исследователей из Канады и Германии. Более чем в 1/4 случаев радикализация была спровоцирована либо семьёй, либо ближайшими друзьями. Более чем в половине случаев друзья джихадистов были либо причастны, либо хорошо знали об их террористической деятельности: хотя бы один член семьи террориста либо участвовал в террористической организации, либо содействовали террористу в его деятельности, не выходя на других членов организации. Соответственно это означает, что, ***как минимум, в половине случаев джихадизма терроризм оказывается семейным занятием***.

Фактически это означает, что подавляющая часть джихадистов была инфицирована радикальной версией ислама именно в родственно-семейной среде. По сути, их обращение произошло внутри диаспоры. В большинстве европейских стран в последние 20 лет наблюдается стремительный процесс самозамыкания этноконфессиональных групп в самодостаточные диаспоры, стремящиеся полностью сохранить свою культурную идентичность и существовать как фрагменты привычного мира в чуждой европейской реальности.

В противовес бытующему мнению об эффективности рекрутерской работы для вовлечения в джихад, данные исследования показывают иную картину. Лишь 8% террористов-джихадистов стали таковыми в результате усилий активных рекрутеров, в том числе чуть более 5% – в результате работы в мусульманских диаспорах в государствах ЕС, и всего менее 3% по итогам интернет-рекрутинга. Роль наставников, якобы оказывающих огромное влияние на радикализацию будущих джихадистов, подробно и детально была расписана в большом числе публикаций. Однако фактически это не так. Анализ показывает, что только каждый десятый европейский джихадист – это новообращённый в радикальный ислам, который стал таковым в результате разрыва своих прежних социальных связей и перехода в новое культурное поле. Каждый десятый – это на удивление малая доля. Радикальный ислам в государствах ЕС – это по-прежнему в подавляющей части не результат обращения в радикальную идеологию граждан ЕС, а следствие существования замкнутых на себя радикально-исламистских общин, появившихся в Европе только в XXI веке в результате политики мультикультурализма. В этих общинах молодым людям практически невозможно отделить друг от друга друзей, родственников и старейшин. Диаспора, организованная вокруг мечетей, – это полностью замкнутый мир, который скорее представляется родосемейной структурой, нежели типичным европейским меньшинством.

В 45% радикализация была спровоцирована жизнью в территориально локализованной общине, а не онлайн-рекрутингом, который играл вспомогательную роль.

Наряду с соседской общиной, как уже отмечалось, второй точкой сбора и местом интоксикации стала тюрьма. Более 46% лиц, которые находились в тюрьме, где установили контакты с радикальными экстремистами, поддерживали этот контакт и после выхода из тюрьмы. 54% впервые познакомились с радикальной идеологией и заинтересовались ею именно в местах отбывания наказания. Не менее 30% отметили, что стали разделять радикальную идеологию не по идейным, а по вполне материальным причинам. Исламисты в тюрьмах имели гораздо лучшую, чем другие заключённые, систему поддержки с воли, включая помощь родственникам попавших в заключение людей,

и адвокатскую поддержку заключённых. ***При том, что ОПГ по возможности минимизирует любые контакты с джихадистами, именно тюрьмы по-прежнему продолжают играть заметную роль в качестве места, где преступники принимают для себя решение перейти к политическому насилию и присоединиться к джихадизму.***

По крайней мере, с 2004 года, то есть после мадридских взрывов, в Европе ведутся острые дебаты о происхождении джихадистского терроризма. В настоящее время общепринятым стало мнение, что ***подавляющее большинство европейских террористов являются доморощенными, то есть гражданами той страны, где они совершают джихад, либо же являются гражданами ЕС***.

Европейский кризис мигрантов 2014–2016 годов, а также сведения Европола о том, что ИГИЛ в рамках нелегального антропотока удалось контрабандой вернуть в Европу значительную часть европейских джихадистов, способствовали возобновлению острых дебатов о происхождении европейского джихада.

Выходя за рамки упрощённого, ошибочного и расистского заявления "все беженцы являются террористами", некоторые авторитетные исследователи и практики, а также офицеры правоохранительных органов различных стран сделали вывод, что ***происходит замещение доморощенных джихадистов радикальными исламистами с Ближнего и Среднего Востока***. Более того, стала высказываться точка зрения, что процесс замещения доморощенных террористов импортными является не только европейской и, более того, не только западной чертой, а характерен для терроризма в целом, включая евразийское измерение.

Беспрецедентный рост глобальной транспортной доступности, превращение планеты в единую телекоммуникационную сеть, а также скачкообразный рост легальных и нелегальных антропотоков привёл ряд исследователей и даже представителей официальных органов к позиции, согласно которой ***разделение терроризма на доморощенный и транснациональный больше невозможно***. Согласно этой точки зрения, ***весь современный терроризм в форме экстремистского ислама или джихадизма носит трансграничный характер***.

Действительно, следы такой трансконтинентальной взаимосвязи несложно найти при анализе современных сетей джихадизма. В них как важный элемент присутствуют люди, мотивированные на нанесение удара по Европе или США как ответ на спровоцированный, по их мнению, извне конфликт на Ближнем Востоке.

Тем не менее, авторы докладов, принимая во внимание транснациональный и трансконтинентальный аспекты европейского джихада и признавая необходимость глобального видения, решили более тщательно изучить страны происхождения террористов в рамках того набора данных, который является на сегодняшний день единственной достоверно подтверждённой базой данных по европейскому джихаду.

Имеющиеся данные показывают, что 73% террористов провели большую часть жизни в рамках ЕС. Это позволяет сделать вывод, что терроризм в Европе не является побочным продуктом миграционного кризиса. ***Европейский джихадизм по-прежнему остаётся доморощенным явлением, так как террористы, арестованные, убитые или высланные из ЕС, жили в государствах Евросоюза задолго до того, как примкнули к террористическому подполью и начали экстремистскую карьеру.***

Доля тех, кто провёл большую часть жизни в ЕС, ещё выше среди преступников, ставших террористами. Таковых 86%. В общем и целом, 51% джихадистов родились и всю жизнь прожили в странах ЕС. Ещё больше – 72% – являются гражданами ЕС и прожили в государствах ЕС не менее 10 лет. В эту группу входит подгруппа, составляющая 9% лиц с двойным гражданством. Все они приходятся на французских алжирцев и марокканских испанцев. Данные также показывают, что 11% джихадистов составляют натурализованные мигранты в первом поколении. Последняя большая категория – это граждане государств, не входящих в ЕС, не рождённых в ЕС, не получавших гражданства ЕС и не живших более 3 месяцев в ЕС. Эта группа включает всего 17%.

Опираясь на эти данные, авторы докладов приходят к выводу, что ***европейский джихад по своей природе является доморощенным, базирующимся на европейских маргиналах, людях с деструктивными наклонностями или***

биографией, а также проблемами в личной и профессиональной судьбе. При этом авторы докладов не отрицают вклада в джихад лиц, которые лишь недавно натурализовались в ЕС, а также иностранцев, прибывающих в ЕС исключительно для совершения терактов.

Джихадизм за рубежом

С 2015 году, когда началась гражданская война в Сирии, проблема иностранных боевиков или отдельных лиц, отправляющихся на ближневосточный театр боевых действий, стала одним из важнейших факторов, обуславливающих интенсивность этой гражданской войны. Практически все отправившиеся из государств ЕС на Ближний Восток джихадисты или сочувствующие радикальному исламу оказались, в конечном счёте, либо в рядах ИГИЛ, либо Аль-Нусры – сирийского филиала Аль-Каиды.

Европейские исследователи и СМИ логично предположили, что рано или поздно ***значительная часть джихадистов, получивших боевое крещение в Сирии и Ираке, вернутся в ЕС и радикализируют джихадистское подполье и европейскую сеть сторонников радикального ислама***. Эта сеть отличается от джихадистского подполья, легально существуя в государствах ЕС. Это существование обусловлено тем, что опорными точками сети являются мечети (хотя далеко не все), расположенные в государствах ЕС, и проповедующие там радикальные версии ислама муллы и шейхи.

Из общего числа изученных джихадистов 26% до ареста, смерти в результате террористической атаки или высылки за пределы ЕС имели опыт участия в боевых действиях на Ближнем Востоке, прежде всего, в Сирии и в меньшей степени – в Ираке. В основном это были мужчины. Их средний возраст составлял 26,4 года, что примерно на 4 года меньше, чем средний показатель по всем джихадистам. Самая большая когорта участников боевых действий в Сирии была из Франции.

Из числа бойцов 36% имели криминальную историю до ареста. Большинство из этих бойцов начинали как мелкие преступники, занимаясь в основном кражами. Лишь 5% бойцов до участия в боевых действиях совершили тяжкие преступления, включая вооружённые грабежи, незаконную торговлю оружием и наркотиками, но опять же в основном в составе небольших банд, а не мощных ОПГ.

С одной стороны, европейский джихад, несмотря на все обстоятельства, остаётся по критерию происхождения преимущественно доморощенным феноменом. С другой стороны, джихадизм, несомненно, носит глобальный трансграничный характер. Это выражается в значительном числе граждан государств ЕС, принявших участие в боевых действиях на Ближнем Востоке на стороне террористов.

Фактически можно говорить о том, что не ближневосточные сети являются донорами европейского джихада, а, напротив, европейское радикальное подполье является источником пополнения бойцов для джихадистских военных и регулярных подразделений на Ближнем и Среднем Востоке.

Является ли европейский джихадист одиночкой?

Тем не менее, учитывая переход ИГИЛ к бесструктурному управлению, когда центр не организует ячейки джихадистов, а призывает всех и каждого сочувствующего внести свой посильный вклад в осуществление террористических акций, авторы докладов считали необходимым установить, действительно ли европейский джихадизм меняет лицо, либо по-прежнему он остаётся уделом “одиноких волков”. В этих целях авторы особо тщательно проанализировали данные по террористам, которые были арестованы в ходе конкретных дел, а не в процессе масштабных контртеррористических акций. Следует отметить, что ***среди террористов, совершивших реальные масштабные террористические акции, не было ни одного одиночки. Все подобные акции совершались сплочёнными группами в составе 7 и более человек.***

В то же время, согласно данным выборки, 29% террористов были арестованы исключительно за одиночные действия. Это может свидетельствовать

о двух противоположных обстоятельствах. Либо они действительно осуществляли противозаконные действия в одиночку, либо, несмотря на все усилия правоохранительных органов, так и не сдали никого из своих подельников.

Основываясь на данных обстоятельствах, авторы докладов полагают, что ***европейский джихад более не является исключительно сферой действия "одиноких волков"***. В то же время факты говорят о следующем. Если раньше Аль-Каида и на первом этапе ИГИЛ старались самостоятельно разворачивать инфраструктуру материально-технического снабжения терроризма в том или ином регионе, а конкретно – в Европе, то сегодня политика изменилась. По крайней мере, ИГИЛ перешло к ***бесструктурному управлению***. Это означает, что террористы и им сочувствующие должны вести свою деятельность на основе самофинансирования, не только изыскивая ресурсы, но и обеспечивая сами себя инструментами для проведения террористических актов. Эти акции, по мнению ИГИЛ, должны осуществляться не в результате сложных многофункциональных операций специально подготовленных групп, а в результате инициативы небольших команд – от 3–5 до максимум 10 человек. Есть основания полагать, что в ближайшие годы вместо сложных в управленческом и логистическом аспектах операций, типа террористических нападений на аэропорты, стадионы, правительственные здания и т. п., носящие по очевидным причинам разовый характер, упор будет делаться на своего рода низкоуровневый доморощенный терроризм. Например, джихадист, работающий водителем-дальнобойщиком, будет использовать свой автомобиль для террористического акта в виде наезда на толпу, а сочувствующий радикальному исламу рабочий станции водоснабжения вполне может отравить не десятки и сотни, а тысячи человек.

Наиболее вероятным в ближайшем будущем исследователи считают терроризм малых групп, когда орудием террора выступает не взрывчатка, пулемёты и ракеты, а вполне повседневные средства повышенной опасности – от автомобиля до дрона, от яда до ножа.

ЮРИЙ КОМАРОВ

ХРУЩЁВСКИЕ РЕЛИКВИИ МОСКВЫ

На Руси проблема жилья стояла остро всегда. Страна с суровым климатом хуже некуда, где почти полгода держится отрицательная температура на большей её территории, где, несмотря на огромные запасы леса, строили избы с низкими потолками, маленькими окнами, да ещё со слюдяным заполнением. Чтобы пройти через дверной проём, нужно непременно склонить голову. Стоит вспомнить только суриковскую картину "Меньшиков в Берёзове": если светлейший встанет во весь рост, то упрётся головой в потолок.

Может, эти климатические условия или что-то ещё не позволяло предкам думать не только о внешнем, но и о внутреннем обустройстве своего жилья. Столетиями ставили срубы-пятистенки, экономя на каждом венце и не задумываясь о возможностях пропиленных дверных проёмов, высоте потолков, сносе самой избы в связи с проездом экипажа императрицы или её приближённых сановников. Пятистенки и сейчас бы ставили, да и ставят на Руси, но прогресс и глобализация сотворили своё дело – появились многоэтажные здания, которые разошлись по всему миру.

После Первой мировой войны, когда нехватка жилья заставила всю послевоенную Европу заниматься поиском быстрого и дешёвого решения жилищной проблемы, революционная Россия увлеклась конструктивизмом, да так, что и сегодня московские власти не знают, что делать с этими разваливающимися шедеврами архитектуры с минимальным применением основных строительных материалов – кирпича и цемента.

Главной идеей, овладевшей умами западных архитекторов, стало полносборное строительство на базе плоских железобетонных панелей.

Претендентов на первый в мире проект крупнопанельного дома было много – практически вся Европа, кроме СССР. Поэтому за образец пришлось брать заграничные разработки – было рекомендовано воспользоваться кварталами французского функционализма, а *крёстным отцом* их был небезызвестный Ле Корбюзье. Именно этот архитектор в 20-е годы XX века озаботился проблемой массовой застройки. Такие дома должны были быть функциональны, легки и быстры в сборке. К 1925 году в Германии они получили довольно широкое распространение, когда местные архитекторы разработали систему строительства домов из сборных элементов – платтенбау. Сталин, проводя

КОМАРОВ Юрий Тимофеевич родился в 1940 году в Москве, окончил УДН им. П. Лумумбы (1966), получил диплом инженера-строителя и переводчика. Работал в проектных организациях в России и за рубежом. С 1985 года — в системе управления в Госстрое СССР и Госстрое РФ. Почётный строитель России. Печатался в журналах "Наш современник", "Москва", "Знамя". Лауреат премии журнала "Москва" за 2019 год.

политику индустриализации, на знакомство с прогрессивными решениями Запада денег не жалел. На всех более-менее значимых площадках советские архитекторы и инженеры побывали, но мы везде выступали в роли догоняющих.

Первые полносборные крупноблочные дома заводского производства появились в Москве ещё до войны. Применение блоков значительно ускоряло строительство, а отсутствие "мокрых" процессов (укладка бетона, нанесение штукатурки) позволяло собирать дома круглогодично. Но только в 1950 году в районе Хорошевского шоссе начинается строительство целой серии экспериментальных каркасно-панельных домов.

1

Поскольку генеральный план Москвы 1935 года не был выполнен по известным причинам, то после войны был разработан новый вариант генплана, рассчитанный на 25 лет.

В середине июня 1949 года предложенный генплан Москвы обсуждался на Политбюро ЦК ВКП(б). Понимая всю сложность положения, Сталин обратил особое внимание на проектирование жилья: "Очень много предлагается строить пустых зданий: домов пионеров, юных техников, юных автомобилистов и т. д. А у нас сейчас большой кризис с жилой площадью. Мы и по предыдущему плану отставали в жилищном строительстве. Гимнастические залы, дома пионеров, площадки и т. д. – всё это может пока подождать. Детские сады тоже можно не очень размахивать. Нам надо напереть на жилищное строительство, на строительство школ и больниц. Надо больше строить жилых домов, чтобы расшить жилищный кризис, он ещё не изжит, он даже стал острее".

К 50-м годам нехватка жилья превратилась в острейшую проблему. Согласно данным статистики, к 1952 году в Москве при общей численности жителей столицы 5 млн в бараках проживало 337 тысяч человек, а по всему СССР – близко к 4 млн, 54% городского населения жили в домах без водопровода, а 59% – без канализации. Коммуналки в то время составляли 90% жилищного фонда столицы.

Откладывать решение проблемы жилищного строительства было невозможно. Как раз к этому времени пришёл конец сталинской эпохи, и любому руководителю, пришедшему к власти, будь то Л. Берия, Г. Маленков или Н. Хрущёв, вольно или невольно должно было бы заняться этой проблемой. Волею судеб решение жилищного вопроса пришлось на долю Н. С. Хрущёва. Он и его правительство понимали её масштаб и затраты.

2

Политическую платформу развёртыванию жилищного строительства обеспечило принятое в 1954 году ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановление "О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства". История пятиэтажек началась с 1955 года, когда Н. С. Хрущёв подписал постановление "Об устранении излишеств в проектировании и строительстве", при осуществлении которого стройкомплекс грубо подмял под себя зодчих и одномоментно завершил эпоху советского монументального классицизма. К числу излишеств отнесли арки, портики, башни, скульптуры и "недопустимо завышенные площади передних, коридоров и других вспомогательных помещений".

Постановления Правительства СССР 1954–1957 годов повернули строительную политику на 180 градусов, ознаменовав переход от индивидуальных проектов зданий к типовому проектированию и промышленному методу их возведения. Стало ясно, что жилищная проблема послевоенных и тем более последующих лет в масштабе страны могла решаться только через массовое индустриальное строительство жилых зданий, типовое проектирование и экономию всего и вся. Была поставлена задача разработать типовые проекты быстровозводимых панельных домов. Уже к сентябрю 1956 года архитекторы должны были представить типовые проекты максимально удешевлённого жилья – без лифтов и мусоропроводов, но непременно с водопроводом и санузлами, с минимальными размерами площадей передних, коридоров и других нежилых помещений.

Проектировщики думали не о комфорте, а об удешевлении, чтобы сделать жильё как можно более доступным, – такую задачу перед ними поставил Хрущёв. Экономили каждый килограмм стали и кубометр бетона и древесины, дверные полотнища из дерева заменили на картон, а жилую площадь увеличивали всеми правдами и неправдами, выжимая каждый квадратный метр. Дошло до того, что архитекторы ввели понятие "заём" – чтобы не уменьшать жилую площадь устройством коридора, нужно было пройти 1,8 м из прихожей в кухню через комнату, но этот проход являлся уже частью гостиной и относился к жилой площади.

Крупномасштабная кампания по борьбе с излишествами обернулась резким возвратом к утилитаризму авангарда и низведением архитектуры до обслуживания инженерии, что резко понизило статус архитектора. По сути, речь шла не об архитектуре здания как такового, а об инженерном сооружении – "машины для жилья", как её определил Корбюзье. Таким образом решалась задача восстановления и роста жилищного фонда страны.

3

Тогда, в 50-е годы, внедряя идею сборного домостроения, все жилые дома и объекты социальной инфраструктуры должны были быть малозатратными и обеспечивать минимальную площадь на каждого проживающего.

Обращаю внимание на ключевые слова – "минимальную площадь". Для обеспечения экономичного решения при строительстве жилья уже через три года – в 1958 году – были внесены изменения в нормы, а их пишут, чтобы ими руководствовались. В конце концов, для проверки соблюдения норм существует экспертиза, основной задачей которой у нас всегда было, есть и будет уменьшение стоимости рассматриваемого проекта, экономия бюджетных денег. Но экспертиза отвечает за экономию, а не за её последствия. Такую форму приобретала борьба с архитектурными "излишествами", а по сути, с архитектурой. Что поделать? Сталин как творческий человек любил архитекторов, Хрущёву как исполнителю были ближе строители. Вспомним, например, рокировочку из хрущёвских времён: переименование журналов "Архитектура и строительство" в "Строительство и архитектура", "Академии архитектуры" в "Академию строительства и архитектуры" с последовавшим её упразднением в 1964 году.

Анализ представленных проектов массовой застройки показал, что денег на всё не хватит.

Ещё не высохла типографская краска на только что введённых в действие с 1955 года СНиПах, как были минимизированы параметры жилья: уменьшена минимальная площадь кухонь с 7 м^2 до пяти, высота потолков с 3,0 м до 2,5 м, площадь общей комнаты с 16 м^2 урезана до 15 м^2, в жилых комнатах с 9 до 8 м^2, а в 3-5-комнатных квартирах одна из комнат могла иметь площадь вообще 6 м^2; наименьшая ширина лестничного марша уменьшена с 1,3 м до 1,05 м, соответственно уменьшалась и глубина лестничной площадки (гл. II – В. 10 СНиП "Жилые здания", 2-е издание, 1958 год). Заметим кстати, ныне действующими "актуализированными" нормами минимальная площадь кухни увеличена всего лишь на 1 м^2 по сравнению с нормой 1955 года и равна 8 м^2, а площадь общей комнаты – 16 м^2, как и в СНиПе 1955 года. Это к тому, что в условиях затяжного кризиса никакой обещанной лишней площади в 20–30% при реновации, к тому же финансируемой из бюджета города (да ещё хватит ли его?), москвичи, скорее всего, не получат. Ведь реновацию начали с переселения в дома, построенные для продажи.

В 1999 году в перечень приговорённых к сносу домов было включено 1722 панельные пятиэтажки. Планировалось их демонтировать за 10 лет, но процесс не закончен и по сей день. В программу сноса входили пятиэтажки серий К-7, II-32, II-35, а также серий 1605-АМ, 1МГ-300, которые строились ещё в конце 50-х – начале 60-х годов. Но были и удачные варианты. К таким проектам следует отнести наиболее приемлемые "хрущёвки" с одинаковой планировкой: панельные серии I-515, блочные серии I-510 и кирпичные – I-511. Они были отнесены к несносимым сериям.

Попытаюсь представить картины домов так называемых первых сносимых серий, за которые взялся мэр Москвы, в то время прочно стоявший во главе Правительства Москвы. Приоритет, в первую очередь, отдавался экономии

затрат, ведь квартиры выдавались бесплатно, а следовательно, должны были обходиться государству как можно дешевле. Поэтому и жильё не позволяло разместиться в нём с комфортом, но такая задача перед архитекторами и не ставилась. Себестоимость строительства 1 м^2 жилой площади в безбалконных домах серии К-7 составляла 119 рублей (в ценах 1961 года) – самая низкая среди московских серий, наряду с домами серии II-32, которые москвичи сразу узнавали по балконам на ножках-подпорках. Все разработчики стремились вплотную подойти к отметке 100 руб./м^2 (в ценах 60-х годов). Советские власти никак не хотели руководствоваться принципом барона Ротшильда: "Я не такой богатый, чтобы носить дешёвые вещи", – они искали дешёвого решения жилищной проблемы.

4

Застройка новых районов типовыми зданиями для быстрого обеспечения людей жильём была оправданной с экономической и социальной стороны, но зачастую вела к примитивному подходу в образности архитектуры. Архитектор становится на долгие годы шестерёнкой в строительном механизме советской системы, такую же роль он играет и до сих пор.

Меня всегда удивляла роль советского архитектора, зажатого в прокрустово ложе типового проектирования. Полагаю, ради исключения типового проектирования Союзом архитекторов России (САР) и был разработан законопроект об архитектурной деятельности 1995 года. Сейчас норма об исключении повторного применения проекта оказалась в Градостроительном кодексе РФ (ст. 1294) и весьма иезуитски используется при приёме молодого архитектора на работу, принуждая его отказаться от авторского права. Закон исключает или, по крайней мере, ограничивает типовое строительство, которое возрождается сегодня с новой силой. Сейчас, когда от закона об архитектуре остались лишь рожки да ножки, подготавливается новый законопроект. Какова будет его участь? Когда же, наконец, отечественный архитектор избавится от давления девелопера, или это наша ментальная данность, выросшая на нашей вековой бедности?

Поначалу, в тучные для экономики годы до 2007 года первая волна реновации осуществлялась девелоперами по инвестконтрактам с городом: они расселяли пятиэтажки, строили новые дома, в которых 30% квартир отдавали под переселение, а остальное продавали. Пик сноса пришёлся на 2006-2007 годы, когда расселили 680 "хрущёвок". Реновацию притормозил кризис 2008 года, и уже в 2010 году со сменой руководства снесли всего 48 домов, а в 2011 году и того меньше – 31 дом, а там грянул следующий кризис... В итоге осталось снести 36 пятиэтажек. Завершить работы, рассчитанные на десять лет, и это при благоприятных условиях для российской экономики, в полном объёме не смогли и за двадцать. Оставшиеся 24 дома обещают расселить в 2021 году. Отсюда опосредованно можно судить и о темпах предстоящей второй волны реновации, о которой объявили в начале 2017 года.

Сергей Собянин до последнего времени делал вид, что таких планов у правительства Москвы не существовало: город в преддверье выборов просто собирается пойти навстречу гражданам, и его программа является чем-то вроде блага для жителей города, и был явно ошеломлён волной недовольства. Реальные жители, которые выступили на встречах с чиновниками, застигли их врасплох.

5

Кроме выборов мэра, 2017 год не предвещал никаких новых поворотов в развитии Москвы, тем более осуществление мегапроектов в условиях стагнации экономики страны.

По данным Росстата, ВВП в 2016 году по сравнению с 2015 годом снизился на 0,2%, реальные доходы населения сократились на 5,9%, строительство – на 4,3%. На этом фоне понятно уменьшение в стране объёмов производства строительных металлоконструкций на 4,6%, цемента на 8% при падении на него спроса на 14,4%, а изделий из бетона, гипса и цемента на 12,9%.

При таких показателях застройщики и риелторы отмечают падение спроса на недвижимость, что привело к номинальному снижению цен на первич-

ном рынке и сокращению ввода жилья на 6,5%. Единственное исключение – Москва. Столичное жильё продолжало дорожать, цены застройщики стремились держать до последнего, но и они уже дошли до такого уровня, что стали отпугивать риелторов: в итоге жильё в Москве в 2016 году подешевело на 1,3%, а в 2017 году общий уровень цен в Москве опустился ещё на 1,2%.

При этом, как сообщает Росстат, в Москве в 2016 году снизился ввод в эксплуатацию нового жилья почти на 14% – с 3,87 млн м^2 в 2015 году до 3,34 млн м^2.

Падение в Москве происходило уже не первый год: в I квартале 2017 года в столице введено жилья на 59% меньше, чем в I квартале 2016 года, – 322 900 м^2. Это на 27,3% меньше, чем годом ранее (тогда ввод составил 1,836 млн м^2), что явилось серьёзным ударом по стройкомплексу – ведь многие застройщики обременены иностранными кредитами, ставшими после падения рубля начиная с 2014 года особенно разорительными.

Возведённые в чистом поле, оторванные от инфраструктуры и коммуникаций микрорайоны сегодня, в условиях стагнации, перестали представлять интерес для людей, готовых влезать в ипотеку и платить именно за "московское", а не за непонятно какое жильё.

В московском регионе в 2017 году квартир, которые были неинтересны покупателям, было 8%, в 2018 году – 12%, а сегодня невостребованных квартир уже 20%. Аналитики исследовали, что такого жилья больше всего в новостройках бизнес-класса – 60%. Рефинансировать их, или улучшить кредитные условия не представляется возможным из-за санкций, наложенных на Россию. Даже последняя наивная надежда на возможность полной или частичной отмены санкций в связи с приходом к власти в США Дональда Трампа не оправдалась.

Всё это не вселяет оптимизма. Но что поделаешь! Таковы издержки авторитарной системы и ручного управления экономикой в условиях кризисных обстоятельств.

6

И вот, подобно римскому полководцу Катону Старшему, завершавшему каждую свою речь в Сенате словами: "Карфаген должен быть разрушен", – два тысячелетия спустя муниципальные и региональные депутаты Москвы объединились под девизом "Снести все панельные пятиэтажки!".

Нежданно-негаданно в течение десяти дней (7, 13 и 16 февраля 2017 года) Совет муниципальных депутатов, Мосгордума и Общественная палата Москвы выдвинули требование по развёртыванию второй программы сноса пятиэтажек. Однако хранившуюся вплоть до февраля 2017-го в тайне программу второй волны – "таких планов у правительства Москвы не существует" – Собянин и городские власти захотели представить как желание пойти навстречу гражданам. Подготовка москвичей к такому мероприятию была упакована в изящную форму: инициатива шла не от мэра, а "снизу" от "народных избранников", а следовательно, от простых горожан. По сути – отличная идея, а по факту – очень странная вещь. Но есть и другое мнение – в основе реновации лежит не проблема развития и обновления города, а лишь контроль за финансовыми потоками. И если эта гипотеза верна, то основными интересантами реновации являются не только строительное, но и в большей степени финансовое лобби, централизация финансовых потоков и контроль за ними.

Расходы российской столицы уже давно превышают соответствующие показатели бюджетов Парижа, Берлина или Лондона и почти сравнялись с бюджетом Нью-Йорка.

Доходы Москвы на 1 жителя в 2 раза выше, чем в Санкт-Петербурге и почти в 12 раз выше, чем в Омске с населением 1 165 тысяч человек (на 2019 год).

Разрыв в бюджетных доходах Москвы и других городов России всегда был очень большим. Городские программы развития были уже не в состоянии аккумулировать эти средства. Даже если будешь менять плитку 2 раза в год, деньги останутся. При таком развитии ситуации московские власти обеспокоились, что рано или поздно встанет вопрос о перераспределении доходов Москвы в пользу Федерации, а это означало бы потерю огромных финансовых потоков. Именно это и послужило главной причиной внезапного объявления плана реновации Москвы. Действительно, у Минфина в начале 2017 года

были виды на изъятие части доходов регионов-доноров и, в первую очередь, Москвы, в федеральный бюджет. Инструментом противостояния руководство столицы решило сделать хитрый манёвр: объявить о новом социальном мероприятии – втором этапе реновации, хотя новая программа сноса – вторая волна – начала готовиться ещё в середине 2014 года, а к августу 2016-го она обрела окончательные очертания. Тогда и решили назвать её "программой реновации" с планом в 400 млрд рублей на 4 года. Именно эти расходы сделали столичный бюджет из профицитного дефицитным. Идея Минфина провалилась.

Сначала муниципальные депутаты и Мосгордума потребовали сноса и расселения всех старых пятиэтажек. Затем Общественная палата Москвы призвала снести не подлежащие капремонту пятиэтажки. Причины необъяснимого единодушия и поразительной одновременности выступления депутатов и представителей общественности приходится лишь додумывать.

Основания требовать перейти к новой волне сноса пятиэтажек "несносимых" серий у депутатов были.

Ресин в 2003 году так представлял в своей книге "Москва в лесах" перспективы капитального ремонта после первой волны сноса: "Пятиэтажные здания, которые ломать не будем – надстроим, утеплим, заново облицуем фасад, в окна вставим стеклопакеты. Дома обзаведутся лифтами и мусоропроводом, новыми балконами".

В марте 2015 года об упаковке такого мероприятия ещё не думали, что позволило Лёвкину заявить: "После сноса домов первого периода индустриального домостроения, указанных в 608-м постановлении Правительства Москвы, в рамках государственной программы "Жилище на 2014–2018 гг." запланирован второй этап реновации жилищного фонда, состоящего из пятиэтажных домов, не отнесённых к "сносимым" сериям. Надо помнить, что под реновацией подразумевается не только снос, но *реконструкция и капитальный ремонт* (курсив мой. – Авт.). Отмечу, что финансирование проектов развития застроенных территорий будет осуществляться в основном за счёт средств инвесторов". Кажется, всё продумано, взвешено, логично, разве что не могли предвидеть в полном объёме политические и экономические последствия такого акта, как "Крымнаш".

7

Но вместо реконструкции и капитального ремонта на повестку дня муниципальные депутаты выдвинули снос будто бы нереконструируемых зданий. К ним присоединились влиятельные члены Общественной палаты Москвы: её председатель и главный редактор "Независимой газеты" С. К. Ремчуков, покинувший свой пост ради руководства предвыборным штабом Собянина; главный редактор "Эха Москвы" и председатель комиссии по развитию гражданского общества А. А. Венедиктов; ректор ВШЭ и член комиссии по городскому хозяйству и жилищной политике Я. И. Кузьминов, которые, не являясь специалистами в вопросах строительства и капитального ремонта, дружно уверяли своих коллег по Палате и жителей пятиэтажек в своевременности и необходимости сноса "хрущёвок".

Какую же аргументацию о необходимости тотального сноса пятиэтажек и невозможности их отремонтировать подготовили власти? "Всё, что было построено, носило временный характер и за пятьдесят лет безнадёжно устарело. Если их не снести сейчас, то через десять лет пятиэтажный жилой фонд станет аварийным". Да, диалектика материализма за семьдесят лет овладела нашими умами, но вот что делать дальше?

Основная и самая популярная версия о 25-летнем временном жилье, вброшенная властью и подконтрольными СМИ, связана с Программой КПСС, которая продекларировала в 1961 году, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Этой версии придерживался и бывший вице-мэр М. Хуснуллин: "Раз мы пошли на такое панельное домостроение, быстрое, массовое, мы сказали: через 25 лет будут новые дома. Почему через 25 лет, мы стали выяснять. Потому что тогда была доктрина, что мы через 25–30 лет будем жить в коммунизме". Возможно, он не знаком с историей КПСС, но тогда какие же документы изучали наши руководители, где они прочитали, что панельные пятиэтажки должны простоять до построения

коммунизма. “Задача панельных домов с проектным сроком годности в 25 лет была чёткой – достоять до построения коммунизма”, – утверждают и другие апологеты второй волны реновации. До чего же сильна коммунистическая доктрина, что может повлиять на прочность зданий! К таким апологетам этой версии следует отнести и С. Собянина. Он наверняка изучал материалы XXII съезда КПСС не только в институте, но и просматривал их в 1986 году перед вступлением в партию, однако с уверенностью докладывал другому бывшему члену КПСС: “Эти пятиэтажки были построены на срок “до строительства коммунизма”. Как Хрущёв говорил, он предполагал, что, наверное, коммунизм наступит через 25, максимум – 50 лет”. Кто бы мог подумать, что эквилибристика со строительством коммунизма и сроком службы пятиэтажек может так слиться в одно целое и интенсивно внедриться в умы граждан!

Что бы ни говорили инициаторы сноса, но, согласно нормам, эксплуатационный срок пятиэтажки ориентировочно составляет 50 лет, хотя ресурса может хватить на целых 100 лет. Главное заключается в том, что пропущено целых два срока положенного капитального ремонта через каждые 25 лет. По крайней мере, к 1980 году их нужно было не сносить, а капитально ремонтировать с отселением. Что-то подобное и было сделано в Москве, но в микроскопическом масштабе – страна готовились к Олимпийским играм, средств на всё, как обычно, не хватало.

Проектирование жилых зданий с 1 января 1955 года регламентировалось частью II СНиП, раздел В, гл. 10 “Жилые здания”. По совокупности признаков капитальности и эксплуатационных качеств жилые здания в СНиП подразделили на три класса. Жилые здания I класса могли проектироваться любой этажности, здания II класса – не более 5 этажей, а здания III класса – не более 2-х этажей. О каких-либо нормах на строительство временных жилых зданий, на которые ссылаются наши московские руководители и СМИ, не было и речи.

Минимальный срок службы жилого здания вытекает из долговечности конструкций. Так как наши пятиэтажки попадают во II класс, то их долговечность не должна быть ниже II степени. Согласно гл. 4 “Нормы проектирования ограждающих конструкций” для II степени долговечности установлен средний срок службы ориентировочно от 50 до 100 лет. Про попадание “хрущёвок” в I класс говорить не приходится – для этого класса установлена I степень долговечности с повышенным сроком службы ориентировочно более 100 лет, да и в III класс они попасть не могли, поскольку в этом кластере здания не могли превышать двух этажей. Все эти цифры и требования нам, учащимся Московского архитектурно-строительного техникума, вложили в конце 50-х годов наши преподаватели. Какие знания получили лидеры нынешнего строительного комплекса, можно судить по их выступлениям и обоснованиям в передачах ТВЦ и других федеральных каналов телевидения.

Даже сегодня национальный стандарт ГОСТ Р 54257-2010 “Надёжность строительных конструкций и оснований. Основные положения и требования”, определяющий общие принципы обеспечения надёжности конструкций зданий и сооружений, устанавливает для них при массовом строительстве в обычных условиях эксплуатации примерный срок службы не менее 50 лет. Как видим, за 55 лет строительная наука не убавила, но и не прибавила годы службы зданиям массовой застройки.

8

Вопрос: зачем внушают? Как говорят американцы: когда непонятно, о чём речь, значит, речь, скорее всего, о деньгах. Здесь, надо думать, речь о деньгах строительного комплекса и, в первую очередь, громадных ДСК, которые должны клепать панели и строить, строить, строить... Но ведь строительство было локомотивом экономики в индустриальном обществе, и сегодня, в цифровой экономике, его место не столь значимо. Да и правительство не может найти того “прорывного” направления, которое могло бы вывести экономику на успешное выполнение национальных проектов, заявленных в майских указах. Однако промоутеры строительного комплекса считают необходимым, что им нужно расчистить место. Чтобы воткнуть туда “окна в окна” как можно больше высоченных монстров. Ещё во время президентства Д. А. Медведева в своём распоряжении от 9.04.2012 на территории Новой

Москвы он предлагал строить в основном малоэтажное жильё, и "поэтому нужно привлечь к проектированию ведущие архитектурные компании мира, чтобы проектировать по существующим современным европейским нормам". Его никто не услышал.

Новое жильё "сносникам" в домах от 6 до 14 этажей обещал и мэр Собянин. Ранее схожие слова произнёс и главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов. Он заявил, что высота новостроек для переселенцев из хрущёвок составит от 10 до 14 этажей, при этом три четверти домов, построенных в столице в рамках программы реновации, будут не выше 14 этажей, следовательно, высоток будет не больше четверти. С этим соглашался и Марат Хуснуллин. В июне 2017 года он заявил, что средняя этажность новых домов составит от 6 до 14 этажей. "Возможно, где-то и чуть выше. Но совершенно точно никаких небоскрёбов возводить не станем. Тем более что небоскрёбы – это здания выше 100 метров, то есть этажей так 27-28", – сказал тогда вице-мэр. Однако соблазн построить как можно больше квадратных метров заставил Хуснуллина изменить своё мнение, и он допустил, что в отдельных районах возведут новостройки и в 20 этажей, а при застройке кварталов будет возможно строительство "отдельных высотных доминант". Он объяснил это дефицитом стартовых площадок. Теперь же, как оказалось, речь идёт уже о панельных домах в 25 этажей и выше. Этажность новостроек растёт как на дрожжах. 40–50 этажными домами уже никого не удивишь. К сожалению, такими комплексами застраиваются многие спальные районы Москвы. Так, в районе Измайлово доминантой должен стать 33-этажный 110-метровый общественный центр на пересечении Вернисажной улицы и Сиреневого бульвара. В Бутырском районе планируют построить 40-этажный дом высотой до 135 метров. В октябре 2019 года стало известно, что в районе Покровское-Стрешнево предполагают возвести 255-метровый небоскрёб в 72 этажа. Новый тренд: имплантация небоскрёбов внутри Садового кольца. Обсуждается проект высотки в районе Чистых прудов рядом с домом Центросоюза великого Ле Корбюзье. И в этом есть некий исторический парадокс: с одной стороны, соседство с высоткой коренным образом изменит контекст, обесценит одно из самых знаменитых московских зданий XX века. С другой – именно Корбюзье почти сто лет назад предложил концепт радикальной перестройки Москвы со сносом практически всего исторического центра города: француз посчитал ценным лишь Кремль и ещё ряд построек.

Хуснуллин дал поручение главному архитектору Москвы не обращать внимания на инсоляцию по причине сложности строительства в Москве. Стало ясно, что силуэт города и высотность застройки определяет не главный архитектор города, а заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства. Лет через двадцать, к окончанию реновации появятся новые гетто типа "китайской стены" – длинные, стоящие на расстоянии 20 метров друг от друга 100-этажные человейники. Что будет с городом?..

Хуснуллин на заседании Мосгордумы 23 октября 2019 года дал ещё одно объяснение: строительство небоскрёбов по программе реновации в отдельных районах Москвы связано с необходимостью быстрее переселить жителей сносимых домов. "Подход банально простой. Если жители не согласны, мы показываем количество стартовых домов и сроки их переселения. Если жители говорят: "Не стройте здесь "старты", мы готовы здесь жить ещё 15 лет и не переезжать никуда, давайте пересматривать решения!" Вопрос плотности и этажности застройки прямо связан с волной переселения. "Чем больше квартир на участке мы построим, тем быстрее расселим район", – сказал он, назвав строительство высотных домов вынужденной мерой. Однако участки вдоль новых магистралей застраиваются с космической скоростью. Нет, застройщики не хотят подстраиваться под строителей и строить около новой дороги единственный дом, да это и не экономично. И возводят огромный комплекс из высоток. А потом оказывается, что на этот комплекс не хватает дорог и коммуникаций, надо строить новые – замкнутый круг, прямо как у А. Аверченко: "Прогнали зелёного змия – пришла зелёная скука, прогнали зелёную скуку – пришёл зелёный змий".

Лакомые кусочки – это участки возле магистралей и транспортных узлов – всё чаще застраиваются именно высотками. И не только в Москве, просто в столице это заметнее. Сейчас доля высотных домов в структуре предложения составляет 95%. Уже подсчитано, что за год средняя высотность

в Москве вырастает на два этажа – с 18 до 20 этажей, в основном, за счёт удалённых от центра районов.

Дело в том, что московский стройкомплекс всегда был нацелен на экспансию, ему нужно строить, а не восстанавливать и санировать. При новом строительстве гораздо меньше проблем и намного больше прибыли. При санации всё наоборот: с каждым отдельно взятым жильцом масса хлопот, нужно включать мозги на каждом переделе, на внедрении новых технологий, а прибыли заметно меньше. Побывав во многих странах, могу с уверенностью не верить ораторам, уверяющим, что "весь мир живёт в многоэтажных домах!", что "пятиэтажки морально и физически устарели" и всей прочей пропагандистской чепухе. Во многих европейских и азиатских городах их жители предпочитают жить в домах не выше 5–7 этажей.

У нас же первый пилотный дом, отданный переселенцам, на 5-й Парковой уже имеет 18 этажей, что даже выше домов серии П-44, которыми застроено пол-Москвы. И обнаружив около себя небоскрёбы, москвичи винят архитекторов: "Они что, с ума посходили?" Однако от архитектора в современном российском городе мало что зависит. Возьмём Москву. Но чего мы хотим, если градостроительством рулил экономист М. Хуснуллин, Москомархитектуры – юрист Ю. Княжевская, а главным архитектором назначен визуализатор С. Кузнецов, который занимался объёмным проектированием и к градостроительству отношения не имел?.. Можно сказать, с уходом последнего главного архитектора Москвы А. В. Кузьмина ушли и функции главного архитектора города. Такого унижения статуса архитектора за последние сто лет не было. Понятно, почему мы имеем такую слабую в архитектурном смысле градостроительную политику, направленную не на общественное благо, а на увеличение возможностей получения прибылей девелоперами всех мастей и, в первую очередь, строительным комплексом.

Государство экономически слабо, и потому они могут строить, где хотят и что хотят. Они не собираются говорить об архитектуре здания, какая у него планировка. Главное – с минимальными издержками построить и по максимальной цене продать квартиры. При этом 70% покупателей столичных новостроек – ипотечники. Им не так важны архитектура и эстетика дома, в котором они живут или собираются жить, – главное, чтобы на квартиру хватило. Их больше волнуют квадратные метры, перманентно возрастающая стоимость их приобретения и услуг ЖКХ, сроки сдачи в эксплуатацию этих метров или возможность оказаться обманутым дольщиком. Им гораздо важнее удобство и безопасность. А задел этой концепции мы видим в реновационном строительстве башен в 30–40 и более этажей.

Московские архитекторы бьют тревогу: при сносе пятиэтажек и возведении новых домов плотность застройки может вырасти в несколько раз. В результате неизбежно сократится необходимое по нормативам пространство для скверов, парков, детских и спортивных площадок, социальных объектов. При уплотнении застройки и её повышении будет уменьшена освещённость жилья и дворовых территорий, ухудшены экологические и эпидемические показатели, продолжится наступление на Лосиный остров и другие зеленые массивы, повысятся риски пожарной опасности и ЧС, концентрация автомобилей превысит допустимые нормы...

9

В середине ноября 2019 года по программе реновации в Измайлове на востоке Москвы началось строительство многоквартирных домов, один из которых оказался 100-метровым 31-этажным небоскрёбом, хотя в памяти ещё не стёрлись обещания мэра и его зама не строить таких высоких зданий по этой программе. На запрос депутата, как такое могло случиться, ему ответила Москомархитектура, что "при разработке проектов планировок территорий возможно увеличение высотности зданий в целях формирования современного облика города за счёт архитектурных доминант". И хотя С. Кузнецов обещал не устраивать "жилой Манхеттен", заместитель мэра взял его функции на себя, и возглавляемый им строительный комплекс победил...

И уж совсем неожиданный козырь появился у строителей в конце прошлого года: решение Президента России В. В. Путина о переходе в крупных городах от генерального плана к альтернативному документу, "определяющему

стратегические направления градостроительного развития города". Под этим подразумевается сокращение сроков градостроительной подготовки участков при реализации государственных и муниципальных программ, и отмена генплана рассматривается как снятие ещё одного барьера на пути увеличения скорости застройки. С ликвидацией генплана города, который утверждается его законодательным органом, муниципальные депутаты и общественность лишаются важного инструмента влияния и контроля за развитием города, и, безусловно, застройка станет ещё более хаотичной.

По поводу упразднения генплана города экс-президент Союза архитекторов России А. В. Боков сказал: "Генплан Москвы 1971 года был современным документом с самыми передовыми идеями своего времени: полицентризм, хорды, зелёные клинья, идущие из области к центру города. По уровню сознания его разработчики ничем не уступали авторам Большого Лондона или Большого Парижа... Советские города не были прекрасными. Они были аскетичными и не очень комфортными. Но они были хорошо организованными. А то, что мы видим сегодня, — это результат бесконтрольности и неспособности организовать пространство".

План нужен для управления государством, городом, компанией или собственной жизнью. Но если мы не можем по плану предсказать и управлять погодными условиями (хаотичная система второго порядка), то из этого не вытекает, что государственные структуры не могут управлять канализацией города и инвестициями с целью её развития. Решение системы канализации является стратегической задачей развития города, и она решается в генеральном плане, в то время как удаление талых и дождевых вод с конкретной улицы и от зданий, на ней расположенных, служит тактической задачей, решаемой в процессе проектирования конкретного объекта. Для этого и существует генплан города. С отменой генплана мы приходим к замене планирования на метод проб и ошибок.

По мнению президента фонда "Институт экономики города" Н. Б. Косаревой — это политический выбор: "Чего мы хотим? Слабое градостроительное регулирование? Тогда готовьтесь к многочасовым пробкам. Хотите комфортную среду? Тогда нужно жёсткое градостроительное регулирование... Большинство крупных мегаполисов выбирают комфортную среду". Специалисты склоняются к тому, что упразднение генпланов городов в рамках либеральной градостроительной политики приведёт к негативным последствиям, и точечная застройка и вставки в виде 30-этажных башен будут правилом, а не исключением.

В то время как в мегаполисах мира основной тренд — малоэтажное жильё, мы за последние годы интенсивно развиваем строительство высотных зданий. Это и комплекс "Москва-Сити", и 60-башенная программа "Новое кольцо Москвы", приостановленная в 2012 году (но семь-то зданий уже построено!), "Лахта-центр" в Санкт-Петербурге и другие объекты.

Недавние исследования Сбербанка показали, что люди в крупных городах России предпочитают жильё не выше 10-го этажа. Данные исследования свидетельствуют, что не более 21% людей желают жить выше 10-го этажа даже в крупнейших городах России (Москва, Петербург, другие города-миллионники), что указывает на "очевидное противоречие между потребительскими предпочтениями и практикуемым в России форматом точечной застройки". Исследованиями установлено, что в Москве 40,3% людей хотят жить не выше 5-го этажа, в Петербурге — 43,2%, в миллионниках — 52,3%. При этом в столице на долю тех, кто заинтересован в жизни в квартире не выше 10-го этажа, приходится ещё 30%, в Петербурге — 29%, в других крупных городах — 22%.

На наш взгляд, основная застройка должна быть до 14 этажей (42–45 м), что является залогом комфорта и устойчивого развития местности в современном мировосприятии (в Париже высота зданий ограничена 36,9 м). Отдельные высотные жилые и общественные здания городу необходимы, но это не должно превышать 10% застройки. Высотки вносят разнообразие в образ района и заодно обеспечивают квартирами любителей жить над городом, но если делать всю застройку высотной, а судя по заявлениям представителей мэрии, грядёт именно такой тренд, то район превращается в каменные джунгли и создаёт депрессивное настроение у их обитателей. Конечно, без доминант мегаполис существовать не может, но ему противопоказаны

и каменные гетто. В этих условиях обеспечение безопасности жилья приобретает большое значение.

Пожары были и будут, они происходят каждый день, и высотные здания горят не чаще, чем остальные. Просто именно высотки привлекают особое внимание обывателей, и не без оснований. Именно пожары в таких зданиях представляют собой большую опасность и из-за особенностей их конструктивно-планировочных решений уносят десятки жизней. Эти здания являются технологически сложными сооружениями и относятся к объектам повышенного риска. У многих на памяти ужас пожара во Владивостоке в 2006 году, когда люди выбрасывались из горящих этажей и, падая на бетон, разбивались на глазах пожарных, МЧСовцев и зевак. Этот пожар напугал и шокировал всю страну. В 2003 году в Москве произошёл пожар в общежитии Российского университета дружбы народов, унёсший жизни 44 студентов. В Лондоне в 2017 году почти полностью сгорел 24-этажный жилой дом, жертвами стали 71 человек...

Наличие средств спасения из высотных зданий – это ответственность и руководителей города, и застройщиков. Москва обладает единственным и самым высоким в России подъёмником в 101 метр, он может дотянуться до 33-го этажа. (В мире таких подъёмников чуть более ста). В московском гарнизоне находятся ещё два 90-метровых подъёмника. А подъёмных механизмов выше 100 метров не может существовать: они из-за своего веса просто теряют мобильность. Вся надежда на вертолёты. Но приобретение новой техники с длиной лестниц более 50 метров необходимо уже сегодня. Обычные пожарные автолестницы выдвигаются всего на 30 метров и достают лишь до 9-го этажа. Это историческая данность 70-х годов, когда основной объём строительства приходился на 9-этажные здания. Но Госдума готовит закон о реновации для всей страны, и, если не будут установлены нормы этажности, вопросы безопасности встанут во весь рост. Отсюда дилемма: либо ограничение этажности, либо принятие действенных мер по обеспечению безопасности при пожаре.

10

Но глобализация подбросила ещё одну проблему. Кьелл Нордстрем, профессор Стокгольмской школы экономики, пришёл к выводу, что государства умирают как структуры. По его мнению, через 50 лет вместо 219 стран будет 600 городов с мировой экономической активностью в 95–99%. Через 30 лет большинство (80–85%) жителей Земли будет жить в этих 600 мегаполисах. Развитие данных процессов уже можно наблюдать в Австралии, США и Китае. На смену мультинациональным корпорациям приходят мультигородские. Города чувствуют мощь и независимость. Так, недавно Лондон после "Брекзита" высказался за то, чтобы остаться в ЕС. А Лос-Анджелес после победы Трампа поднял вопрос об отделении от США.

Действительность это подтверждает быстрым процессом урбанизации. Например, в Лондонской агломерации уже проживают около 20 миллионов человек, треть населения Великобритании. В Сеульской агломерации – 25–27 миллионов, половина жителей Южной Кореи, а Китай вообще замахнулся на создание в дельте реки Чжуцзян города в 120 млн человек, в который будет входить и Гонконг вместе с Макао и Чжухаем. На этом фоне такая периферия, как небольшие города со своей историей в стороне от экономических центров, обречена на деградацию. Про сёла и деревни и говорить уже не приходится.

У нас впервые тему форсированного развития агломераций в начале декабря 2011 года озвучила Э. С. Набиуллина, бывшая в то время руководителем Минрегионразвития. Прозвучало предположение, что "в ближайшие 20 лет 20 млн человек вынуждены будут переехать из малых городов в мегаполисы". По сути, страна переселяется в мегаполисы, оставляя деревни, сёла, малые города... Это ли не новая парадигма для российского градостроительства? Осталось выбрать точки на карте страны и адресно направлять туда средства... Только найдутся ли эти средства? По имеющейся информации, проекты конгломерации уже разрабатываются в Екатеринбурге, Красноярске, Новосибирске. Эта политика компактного государства, или, как его ещё называли, "поляризованного развития", малыми порциями стала воплощаться

в жизнь – саммит АТЭС на острове Русском во Владивостоке, зимние ОИ-2014 в Сочи, ЧМ-2018 по футболу в европейской части России и, наконец, реновация в Москве как логическое продолжение этого ряда.

Летом 2017 года на 7-м Московском урбанистическом форуме (МУФ) и была в том числе презентована новая урбанистическая концепция московских властей. Исходная идеологическая установка МУФ – интеграция Москвы в избранный список глобальных (или мировых) городов. Речь шла ни больше, ни меньше, как о превращении древней российской столицы в гигаполис – "регион-государство", что позволит ей эффективно влиться в мировую экономику. Нас там только и ждали. Так называемая городская наука при мэре Москвы постоянно ссылается на опыт островных государств – Японии, Гонконга, Сингапура. Обращаю внимание, что инициатива создания мегаполисов с предельной концентрацией населения исходит от исследователя, представляющего островное государство, отличающееся необычайной теснотой и скученностью населения. Чисто островная теснота возводится во всеобщий принцип, который должен исповедоваться и Москвой, да и всей необъятной нашей Родиной.

Собирая людей в мегаполисы и оголяя огромную территорию самой большой страны в мире, мы понижаем свою безопасность, независимо от интенсивной программы перевооружения армии. В кошмарном сне не представишь себе наихудшее развитие событий: уничтожение крупных мегаполисов России в результате массированного ядерного удара или не менее плотной пандемии. Ведь это намного проще осуществить, чем уничтожить одновременно небольшие города и сёла...

11

Проекты реконструкции жилых домов запускались в России задолго до нынешней московской программы реновации. В конце 1990-х – начале 2000-х в Москве, Московской области и ряде других городов России был реализован ряд проектов по надстройке мансард к уже существующим пятиэтажкам (Москва, Мишина 32; Химкинский бульвар, 4; Томск, Комсомольский проспект, 71; появился шестой этаж у пятиэтажки по ул. Будёновской в Новочеркасске; дом 23 по ул. Агалакова в Челябинске; в ряде городов Московской области; дома по Ленинскому проспекту в Калининграде). Реконструкция здания проводилась без отселения жильцов, что лежит на совести строителей, и позволяла одновременно проводить капремонт, а скорее – реконструкцию, с целью улучшения технического состояния дома с минимальным вмешательством в быт жителей.

Вот что говорил по этому поводу в марте 2015 года Лёвкин: "С пилотным проектом по домам "несносимых" серий можно ознакомиться на улице Мишина. Этот пример показывает, что одним из способов улучшения условий проживания может стать реконструкция с надстройкой. Особенность проекта в том, что он реализуется за счёт средств жителей, без отселения. Самое главное условие для начала реконструкции – согласие большинства (2/3 голосов) собственников жилья. Такое решение должно быть принято голосованием на общем собрании собственников. Со своей стороны, город готов оказать организационную и методическую помощь инициативным группам, желающим пойти по этому пути. И такая работа уже ведётся. Специалисты нашего департамента встречаются с жителями, рассказывают им о методах реконструкции, организационно-правовой модели, финансовой схеме реализации подобных проектов". Именно такая система реновации была бы благоприятно воспринята москвичами. Теперь эти идеи заложены в проект разрабатываемого федерального закона "О реновации жилищного фонда в Российской Федерации".

Сегодня же руководство Москвы – мэр, его аппарат, депутаты разных уровней – безапелляционно утверждают: только снос "хрущёвок" и возведение на их месте новостроек. Откуда-то взялись обоснования, что это обойдётся значительно дешевле, чем проведение капитального ремонта всех пятиэтажек. Однако немецкие специалисты утверждают обратное. В Германии модернизированные старые объекты обходятся на 70% дешевле, чем строительство новых зданий; там было реконструировано примерно 22 тысячи домов, всё это организовано без отселения жильцов. И без таинственных интересантов. Разное мышление, разные экономики, разные мэры, разная ментальность...

Но всё равно остаётся непонятным, какими расчётами руководствовались московские чиновники? Да были ли эти расчёты? И с какой целью вообще запускается реновация в Москве? Тем более что основные несущие конструкции этих пятиэтажек в большинстве случаев прочные и прослужат 100 и более лет, поэтому достаточно их модернизировать, оставить голые стены, всё вычистить, выполнить перепланировку, надстроить 2–4 этажа, устроить лифты и мусоропроводы, сделать новые фасады и т. д. Получается прекрасное современное жилье, в котором жить даже престижно. Зачем ввели дополнительный налог на недвижимость в виде сбора на капитальный ремонт, который власти не могут осуществить, и почему не пошли по пути реконструкции, о чём не хочет слышать руководство Москвы, – это отдельный разговор.

Заявленная цель программы – улучшение жилищных условий 1,6 миллиона человек, – была лишь прикрытием "благотворительной" акции Правительства Москвы накануне выборов Президента РФ и мэра Москвы. Отсутствие в России законодательного регулирования лоббистской деятельности не позволяет выяснить, участвовал ли кто-то из застройщиков в принятии решения о реновации. Однако не секрет, что в разработке предложений по сносу пятиэтажек принимал участие предводитель "старого клана" столичных девелоперов, многолетний заместитель мэра Москвы, а ныне депутат Госдумы Владимир Ресин, единственный активный участник в области градостроительной деятельности среди авторов законопроекта.

И вариант реализации анонсируемой программы тоже единственный – построить новые дома на месте снесённых пятиэтажек. Но чтобы снести и построить, надо сначала людей переселить. Но куда? Где хотя бы строительные площадки, не говоря уже о построенных в пределах муниципального округа зданиях? На сегодня, по утверждению мэрии, подобрано более трёхсот стартовых площадок, где можно построить 3,6 млн м^2 жилья. В основном это участки в городской собственности, занятые парковками и пустырями. Но горожанам в феврале 2018 года как объект реновации был представлен единственный дом на 5-й Парковой, и тот готовился для очередников. Архитекторы и строители в приватных беседах заявляют – никаких площадок нет. А то, что появилось в рамках точечной застройки, уже распродано по рыночным ценам.

Так для кого же строят? В угоду каким идеям расстраивают город, раздувая его до неимоверных размеров вопреки здравому смыслу? Часть ответа лежит на поверхностности – коммерческие интересы строительного комплекса. Но когда принимается столь стратегическое решение, как тотальная замена крепкого жизнеспособного жилого фонда в столице на – скажем так – "скороспелый" и втрое превышающий прежние объёмы, нужно взвешивать всю совокупность факторов – политических и экономических, которые неизбежно приведут к концентрации в Москве приезжего населения. Это что, реализация планов Набиуллиной по "поляризованному развитию"?

Эксперты утверждают, что экономика России неустойчивая (шесть лет идёт её падение), в стране кризис, который усугубляется санкциями, введёнными Западом. Разумно ли затевать такую дорогостоящую программу, как реновация жилищного фонда Москвы? По мнению многих критиков, московский строительный бизнес, в первую очередь, жаждет дорогих городских земель, и реновация является лишь предлогом для того, чтобы "очистить" гектары земли в каждом районе и приступить к массовому выгодному для стройкомплекса строительству при спонсировании правительством Москвы. Вытягивая из городов и весей амбициозных и квалифицированных людей, эти мегаполисы Набиуллиной не оставят надежды для регионов на строительство собственной экономики и городской среды.

12

Но есть и ещё одна социальная проблема: отношение регионов к Москве. Люди в глубинке живут не в кирпичных или панельных "хрущёвках", а в деревянных 2-3-этажных бараках, 40 млн человек не имеют даже санузла в доме, стены разошлись, и потолок протекает. А ведь такого жилья в регионах осталось ещё очень много. Основные фонды изношены более чем на 60%, в том числе котельные – на 55%, тепловые и канализационные сети – на 63%, коммунальные сети водоснабжения – на 65%, водопровод и очистные сооружения – на 54%, электросети – на 58%. Жизнь людей в провинции зависит от

того, выдержат ли ветхие сети напор хоть какое-то время или рванут уже завтра. Реновация московских пятиэтажек только генерирует проблемы неравномерного развития России. Сколько негодования и ненависти к Москве выплеснулось после 21 февраля 2017 года! Более 70% населения нашей страны, наблюдавшего за проектом городских властей по сносу "хрущёвок" в Москве и переселению людей в новые дома, считают, что провинция нуждается в такой программе больше, чем Москва. За постсоветские годы Москва переиграла всю страну в борьбе за лидерство, не оставляя каких-либо шансов периферии на экономическое и социальное развитие. Курс столичных властей на создание из Москвы гигантской агломерации – это серьёзная ошибка и абсолютно не государственный подход.

Только по данным Минстроя РФ, лишь в 14 регионах завершено переселение из аварийного жилья, хотя говорить о решении проблемы не приходится, так как в аварийное состояние жильё переходит постоянно; в 18-ти программа выполнена менее чем на 70%. А сколько при этом регионов так и не попало в программу, хотя ситуация там не менее бедственная: 7% семей проживают в аварийном жилье, а, по мнению населения, почти в три раза больше, чем сообщают официальные источники. Поэтому московское решение по реновации всё больше противопоставляет столицу регионам, укрепляя в народе мнение, что Москва – это не Россия. И власть российская (имея в виду её безразличие к исполнению единых для всей страны стандартов) получается – не российская.

За полвека существования пятиэтажек в большинстве из них ни разу не были обновлены инженерные коммуникации. Между тем, согласно нормам, как указывалось выше, капитальный ремонт следует проводить каждые 25 лет. Однако и сейчас оставшиеся пятиэтажки "несносимых" серий (I-510, I-511, I-515, II-07, I-335, I-447 и их аналоги – всего около 8000 домов в Москве) в большинстве своём находятся в неплохом состоянии, они совсем не ветхие и тем более не аварийные. Критерии для отнесения к категории аварийного жилья установлены постановлением Правительства РФ от 28.01.2006 № 47. Кстати, правовое определение понятия "ветхий дом" в нормативных документах отсутствует. Его просто прибавляют при упоминании аварийного жилья – это как вишенка на торте – для эмоционального смягчения сложившейся ситуации в случае признания дома аварийным или каких-либо с ним манипуляций. А решение об отнесении дома к категории аварийного и его в дальнейшем сносе определяет межведомственная комиссия по совокупности изношенности основных строительных конструкций – прямых норм по отнесению зданий к категории аварийных не существует. В конце 90-х годов специалисты Москомархитектуры провели анализ состояния пятиэтажек – удельный вес конструкций с 60% физического износа составил менее 2%.

Москва, в отличие от практики зарубежных стран (где акцент делается на выбор решения, удовлетворяющего требованиям оптимизации расходов и удобства для населения), принимает, по сути безальтернативное решение об окончательном сносе пятиэтажек, выгодном только крупным строительным корпорациям. Сложно оппонировать заявлениям при отсутствии в них аргументов. Что можно сказать об исследованиях, которые не проводились, хотя обе стороны – защитники пятиэтажек и их противники – приводят данные, взятые с потолка. Если раньше представители власти говорили о пятиэтажках как о временном жилье, то теперь противники реновации аналогично говорят о новых домах для переселенцев. Обследование основных конструкций типовой трёхсекционной пятиэтажки (фундаменты, стены, перекрытия, балконы, кровля) стоит около 150–200 тысяч рублей. В каком состоянии находятся здания, судьбу которых сейчас решают их жители? Актуальной информации о степени их технического износа сейчас нет, потому что с 2015 года управляющие компании не обязаны публиковать эти данные. Но по состоянию на конец 2014 года менее чем у 10% зданий, попавших в список, технический износ превышал 50%. Сомнительно, чтобы управляющие компании проводили серьёзные обследования, но такие данные содержатся в их отчётах, опубликованных на сайте Фонда содействия реформированию ЖКХ. У 65% домов в первоочередном списке для голосования износ составляет от 40 до 50%, у остальных – ещё меньше. В итоге средний износ домов из списка под снос – 40,8%, что говорит о возможности дальнейшей эксплуатации зданий.

Безусловно, есть дома, которые требуют срочного сноса, потому что находятся в ветхом состоянии или из-за сильно изменившейся вокруг инфраструктуры. В этом случае никакая реконструкция не поможет – только снос.

Но руководство Москвы упорно внушает: все резервы исчерпаны, надо сносить, и только сносить, дома будут аварийными через 10–20 лет.

13

Зарубежные страны уже на протяжении длительного периода времени прибегают к программам реновaций, поэтому было бы нелишним изучить их опыт. Вся Восточная Европа: Германия, Венгрия, Финляндия, Польша, – где в своё время выявлено подобное жильё, его не сносит. Притом, что обеспеченность жильём в этих странах в 2-3 раза выше российского уровня (24 м^2), да и доходы граждан не сравнить с нашими. В Европе, которая начинала индустриальное домостроение раньше нас, приступив к решению проблемы реновации, пришли к выводу, что жилые здания выгоднее реконструировать, чем сносить, памятуя об утилизации снесённого в малых по сравнению с Россией государствах, снос будет стоить так дорого, что становится невыгодным. По оценкам Российского союза строителей, реконструкция пятиэтажек в 1,5 раза дешевле, чем новое строительство. По данным, предоставленным немецкими специалистами, для того, чтобы добиться соответствия стандарту энергоэффективности в Германии, на реконструкцию достаточно потратить лишь 30% от суммы, необходимой для сноса и последующего возведения новых домов. Затраты на полную модернизацию однокомнатной квартиры составляют примерно 23 тысячи евро, из них 8,5 тысячи направляется на обеспечение показателей энергоэффективности квартиры и здания в целом. Поэтому в Германии бывшие пятиэтажки, включая землю, отдали инвесторам, которые эти дома реконструировали, надстроили мансардные этажи, снесли балконы, поскольку это, действительно, слабое место пятиэтажек, и сейчас это престижное жильё. В центре Берлина (восточного) стоят пятиэтажки, на них любо-дорого смотреть, да и люди там прекрасно себя чувствуют. А ведь как наши власти любят ссылаться на западный опыт! Но почему-то именно в этом вопросе идут в противоположном направлении. Потому что за санацию жилья там платят жильцы – члены ТСЖ, а не государство. И, соответственно, ТСЖ в полной мере отвечают за свои решения. Ежегодно жильцы вносят на капитальный ремонт 1,5% от стоимости здания. Органы власти в эти финансовые дела не вмешиваются. Если размеры взносов оказываются слишком низкими, и накопленных резервов нередко не хватает для назревшего ремонта, то среди собственников проводится целевой сбор средств. К определённой дате каждая квартира скрепя сердце перечисляет в банк свою долю, рассчитанную на основе метража.

Пожалуй, самая близкая нам по устройству социального жилья с её минимизированным жилым пространством – это Япония, но страна капиталистическая, входящая в G7, социально неориентированная, как Россия согласно ст. 7 нашей конституции. Во время моего пребывания в Токио в 2017 году я видел эти пятиэтажки, расположенные, в основном, на окраинах столицы. Эти аналоги “хрущёвок” здесь называются “данти”. В 50-е годы квартиры в этих домах разыгрывались в лотерею или продавались региональными властями по приемлемой цене горожанам с учётом социального фактора. С первого взгляда они отличаются от наших пятиэтажек – вместо балконов вдоль всего здания расположены галереи на все пять этажей, на которые выходят кухня и совмещённая с ней не превышающая 12 м^2 гостиная. В кухне минимально необходимое оборудование (мойка и плита). К XXI веку стало ясно, что моральный ресурс “данти” исчерпан.

В настоящее время в Японии “данти” составляют треть всего многоквартирного жилья – 5 тысяч комплексов, состоящих из 2 млн домов. До 2002 года никаких реконструкций “данти” не проводилось – закон содержал норму, по которой дом с приватизированными квартирами можно реконструировать при согласии 100% собственников, чего достичь было невозможно. И только восемнадцать лет назад в закон внесли поправку о согласии 80% жителей для перестройки дома, находящегося в коллективной собственности. Сегодня уже можно увидеть “данти”, реконструированные под современные требования качества жизни. Мне повезло увидеть на месте старых “данти” только

что отстроенный квартал. Как мне рассказал мой друг по УДН Хитоси Кавай, переговоры о реновации шли с 1991 года, юридические препятствия удалось устранить к 2006 году, и ещё четыре года ушли на переговоры с отдельными жильцами о необходимости строительства новых зданий и согласования с ними деталей проекта. В итоге решение о строительстве было принято в 2010 году, а в 2013-м оно было завершено. Теперь самое интересное. При переселении в новый дом жильцы бесплатно получили квартиры площадью на треть меньше прежних (!). Те, кто не хотел терять привычные для них метры или хотел увеличить метраж, должны были доплачивать по рыночной стоимости (от $4000 за 1 м^2), что примерно в два раза дороже нашего эконом-класса. Нужно помнить, что Япония — страна дорогая, и $4000 — начальная зарплата специалиста.

У нас такой вариант реновации не пройдёт. В условиях отсутствия гражданского общества атомарная разобщённость жильцов не позволяет принимать рациональное решение при голосовании. Далеко не в каждом доме большинство жителей согласилось бы на реконструкцию без переселения, которая требовала определённой коллективной солидарности и взаимопомощи при перенесении невзгод, связанных с производством строительных работ, да ещё при завораживающем обещании мэрии предоставить дополнительно квадратные метры при переезде в новые квартиры. А квадратные метры — это наше всё. Поэтому большинство москвичей скорее обрадовалось бы обещаниям властей получить при сносе дополнительные метры, чем оказаться обманутыми дольщиками.

14

21 февраля 2017 года В. В. Путин на встрече с С. С. Собяниным порекомендовал мэру снести все пятиэтажки в столице, тем самым значительно расширил предложенную мэром программу. Президент отметил, что сноса ожидают жители города, но снос и строительство новых домов следует выполнить с учётом интересов людей: “Я ожидаю именно такой организации работы, при которой всё, что мы делаем, идёт на пользу людям, улучшает их жизнь. А здесь возникают вопросы, связанные с расселением, с районами будущего места жительства. Нужно сделать так, чтобы это всё людей устраивало”. Собянин заявил, что московские власти полностью с ним согласны, все финансовые вопросы они решат самостоятельно, но просят оказать содействие в изменении существующей нормативной базы, инициировании специального закона.

Однако многие эксперты сходятся во мнении, что Москва не столько нуждается в правовой поддержке, сколько в деньгах на такой масштабный проект. Полный и окончательный снос хрущёвок с переселением их жильцов в новые квартиры они, по самым скромным подсчётам, оценивают в 3-4 трлн рублей, что составляет 18–35% расходной части бюджета страны. Затраты на строительство нового жилья взамен “хрущёвок” составят 1,5-2 трлн рублей. А чтобы обеспечить эффективность всей программы сноса и расселения, понадобится 4,2 трлн рублей, то есть два годовых бюджета Москвы. И это при себестоимости строительства 1 м^2 в 80 тысяч рублей. Однако следует понимать, что все эти цифры выглядят весьма условно, если речь идёт о программе, предполагаемой к реализации не менее чем за 20 лет и в условиях продолжительной экономической изоляции.

Поскольку обследования не проводились, Собянин в своём докладе президенту никаких цифр приводить не стал, а перешёл к показу визуального ряда: “Хочу показать, в каком виде они находятся: балконы, которые провисают и, кроме как их срезать, больше их никак не отремонтируешь. Центральное отопление вмонтировано прямо в стены домов, и чтобы их отремонтировать, надо выломать все стены, либо разместить отопление внутри жилых помещений, что уменьшит и так небольшое пространство. Канализация вмонтирована в стены между квартирами. Чтобы её отремонтировать, надо снести перегородки между квартирами или вынести стояк. Но выносить некуда, потому что это уже купленное пространство. Стены находятся в очень плохом состоянии. Те, которые в хорошем состоянии, боюсь, что через 10 лет они тоже будут в таком же состоянии. Фасады: швы разошлись, стыки. Печальное зрелище”.

Следует подчеркнуть, что некоторые замечания Собянина при всей их важности уже были решены при реконструкции пятиэтажек и в последующих сериях типового жилья.

По сути, сказанное мэром не содержит объективных доказательств действительно ветхого или предаварийного состояния этих домов. Доказательством не могут являться ни слова мэра, ни фотографии потрепанных временем труб, балконов, фасадов и т. д. Ни один специалист не примет решение о тотальном сносе, опираясь на подобные "факты" износа жилья.

15

С самого начала всё пошло не так, как замышлялось. Законопроект о реновации, составленный строительным комплексом, встретил в обществе серьёзное сопротивление, что заставило В. В. Путина в апреле 2017 года, за год до выборов президента РФ, выступить с резким заявлением, что, в случае принятия закона Госдумой, он его не подпишет. В итоге, как сказал один из авторов законопроекта о сносе пятиэтажек, баллотировавшийся в мэры Москвы от ЛДПР, а теперь ещё и. о. губернатора М. Дегтярёв, "берём микрорайон и обводим" — не получилось, а строить в квартале один-два новых монстра строительным компаниям невыгодно.

Бытует мнение о прямой чиновничьей выгоде. Одну из побуждающих причин грядущей столичной реновации следует искать в том, что идея с застройкой Новой Москвы в основном провалилась. Квартиры на присоединённых территориях раскупаются из рук вон плохо, даже несмотря на их сравнительную дешевизну. И если застройщикам любой бизнес выгоден, то жителям не нужны коробки без инфраструктуры и рабочих мест, находящихся поблизости. А поскольку у многих из чиновничьей братии есть в сфере строительства свои интересы, то было принято решение повернуть стройки вспять, в старые границы города.

Между тем депутатов Мосгордумы не смущало то, что программа получается "сложной" и даже "гигантской". Строительные компании стояли на своём: при комплексной реновации необходим снос пятиэтажек всего микрорайона. Они уверены, что рано или поздно такая программа состоится, напирая на принятое властью безосновательное утверждение, что пятиэтажки катастрофически устаревают "физически и морально". Их не раздирают внутренние противоречия. У них есть общий интерес — продвигать любые выгодные им проекты подальше от лишних глаз. Более того, они, как считается, находятся ближе к верховному средоточию московской, да и российской власти, чем любой, кто захотел бы управлять по-иному. Как видно, они оказывают большее влияние на принятие решений, чем московское правительство. Но риелторы, положа руку на сердце, признают, что объявленная инициатива сноса московских пятиэтажек не вызывает у них никакого доверия.

Кто будет финансировать новостройки? Неужели бюджет Москвы? А снос и утилизацию демонтированных зданий? Большая часть материалов, оставшихся от разрушения хрущёвок, должна вывозиться на полигон твёрдых бытовых отходов. Объём строительных отходов четырёхподъездной пятиэтажки в "рыхлом теле" после сноса составляет 5-6 тысяч м^3. Стоимость сноса 1 м^3 пятиэтажки — от 300 рублей, а всего только подготовительная работа по программе реновации 8 тысяч пятиэтажек (70 млн м^3) к их сносу потребует для выполнения всей программы 150–200 млрд рублей.

Где Москва найдёт, а руководство Подмосковья, Владимирской или Архангельской областей рискнёт выделить площадки для утилизации строительного мусора, памятуя массовые выступления местных жителей? Таким образом, к огромному количеству бытового мусора добавится огромное количество строительного, а он относится к четвёртому и пятому классу опасности. Во-первых, в стране, да и в других технологически развитых странах нет приемлемых малозатратных способов его переработки. Конечно, можно металл отделить от бетона, дерево от стекла и т. д. Арматуру отправить в металлолом, из деревянных перекрытий наштамповать топливные брикеты, из бетона и кирпича сделать щебень и снова использовать в строительстве... Но это обойдётся в копеечку. Во-вторых, заявив реновацию как неизбежность, её авторы даже не осознали проблемы утилизации строительного мусора, и мэрия только будет думать, как её решить, что само по себе говорит об уровне подготовки самой идеи, доложенной президенту.

За 15–20 лет подобные расходы могут привести к заморозке многих других, не менее важных проектов (например, моста через Лену в Якутске), и всё это будет проходить в условиях полной экономической блокады России, что уже сейчас признаёт её руководство. Но это всё досужие рассуждения, которые не несут в себе серьёзных аргументов. Напомним, что программа реновации была утверждена столичными властями в августе 2017 года. В список под снос из 8000 домов вошли около 5175 общей площадью 16 млн м^2 – это примерно 350 тысяч квартир, в которых проживает 1 млн человек.

16

У властей предержащих стало традицией не интересоваться мнением специалистов по таким судьбоносным решениям. Как при принятии решения о Большой Москве, так и по вопросу реновации ни институты РАН, ни Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) не привлекались, да и позиция РААСН нигде официально не была заявлена. Академик РААСН, глава ГУП "Моспроект-2", президент Национального объединения проектировщиков и изыскателей М. Посохин-младший заверил, что не существует "домов сносимых или несносимых серий: это всё одинаковый жилой фонд плохого качества, изначально рассчитанный на 25 лет эксплуатации... Все их системы катастрофически требуют замены. Даже если сейчас что-то ремонтировать, то через 5 лет точно всё это нужно будет сносить". (Едва ли сын союзного министра бывал хотя бы в одной из "хрущёвок"...).

Представленный официальный тезис, что дешевле сносить и строить новое, бездоказателен и не аргументирован. Как это было принято раньше: приводится анализ имеющегося опыта, и на его основе выдвигаются предложения. В данном случае альтернативные предложения не рассматривались, так как они и не выдвигались. Отсюда понятно, что кроме того, что новый мегапроект, не имеющий альтернативы, весьма неоднозначен, он несёт ещё и массу рисков.

У архитекторов, членов совета САР по градостроительному развитию Москвы и Академии архитектурного наследия, сложилось такое корпоративное мнение – решение о сносе не обосновано, так как не учитывает "градостроительные, социальные, экологические последствия. При разработке законопроекта о реновации не учитывалось экспертное мнение, не привлекалось профильное экспертное сообщество". Также в программе сноса не учтён опыт реконструкции пятиэтажек в странах Европы (прежде всего, Германии) и в самой Москве. В частности, не проанализированы экономические и социальные результаты реконструкции малоэтажных домов. Поэтому актуальность осуществляемого проекта вызывает огромные сомнения.

До того, как не подготовлена соответствующая часть проектных работ, ни о каких серьёзных обещаниях, а тем более цифрах говорить не приходится. Но и отсутствие хотя бы каких-либо иных проектов кроме сноса не способствовало развёртыванию какой-либо позитивной дискуссии со столь значимыми для отечественной экономики миллиардными затратами в условиях кризиса с непредсказуемыми последствиями. Авантюризм подобной предложенной реновации только на первых порах может поднять настроение в среде защитников проекта. Это так напоминает майские указы, но и их пытаются откорректировать и привести в реальное русло. А что будет потом?

Можно ли говорить о том, что мэрия предлагает снести не самые ветхие дома? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Дело в том, что Москва не предоставляет данных о домах, признанных аварийными, объясняют знающие люди из Федерального фонда содействия капитальному ремонту. Таких зданий очень мало, уверяют несколько городских чиновников. Но точных данных они не приводят.

Каково количество ветхих зданий в Москве, не знает никто, потому что масштабных исследований не проводилось, сведённых данных о состоянии домов практически нет, констатирует директор Центра градостроительных компетенций И. Ирбитская: "Сложно с уверенностью сказать, какое жильё в городе хуже хрущёвок. Но точно можно сказать, что некоторые из пятиэтажек прочнее тех домов, которые строятся сейчас".

Лишившись пятиэтажек, город изменится. Конечно, можно сказать, что программа реновации убивает отдельные районы города, как он складывался в течение последних шестидесяти лет. Ведь город – это не только здания, пусть даже такие убогие с точки зрения архитектуры, как хрущёвские пятиэтажки, но и дворы, окружающая среда, соседи, привычный ландшафт и т. д. Всё это будет стёрто, уничтожено – *унесено ветром*, исчезнет дух города, к которому мы привыкли. А ведь он, дух города, существует, он витает вокруг нас, хотя его невозможно материализовать или выразить в цифрах.

В книге "Хозяйство и общество" один из основателей современной социологии Макс Вебер значительную часть посвятил анализу бюрократизации общества и типам государственного управления. В одной из европейских правительственных программ по региональной политике встретилось объяснение различий западного и российского городов – "наличие у населения предпринимательского духа". Мы на подобные мелочи внимания не обращаем, поскольку ориентируемся на наше начальство, которое априори лучше знает, что надо населению. Так и здесь: в связи со сносом пятиэтажек массовое переселение убьёт дух города, дух горожанина и гражданина, создаст новый тип homo moscovus. Это мы уже проходили.

И ещё об одном факторе – о потере идентичности. Москва всё больше теряет своё лицо, превращаясь в глобализированный город, повторяя не лучшие приёмы крупных городов Запада. Замена асфальта на гранит мостовых, европеизированные фасады зданий уничтожают её архитектурное и градостроительное своеобразие, хотя это становится европейским трендом. К этому можно прибавить снос старых зданий, хотя и не являющихся памятниками, но это же архитектурная среда, формирующая город. Ведь утрата как отдельного памятника архитектуры, так и исторической городской среды – это катастрофа для города. Не скажу, что раньше Москва была лучше. Но её масштабы были более человечными, что ли... Дома прятались за зеленью, а небо не засвечивалось ночными гирляндами огней. Из Москвы уходит подлинность старого русского города с очень интересными напластованиями истории. Каменные джунгли – вот что получит в результате реновации Москва.

Мы теряем Москву! В медицине есть понятие – фантомные боли после ампутации. Москва их уже ощущает, эти фантомные боли от истории, которую ампутируют "умные люди". И будет ощущать до тех пор, пока живы те, кто помнят "ту" Москву.

"Хрущёвки нужно сохранить не как архитектурное, а как культурное наследие", – предлагает заслуженный архитектор РФ Сергей Ткаченко, – необходимо сохранить лишь один-два квартала и музеефицировать их: устроить временное жильё-апартаменты, как поступили с домами конца 1920-х годов в Берлине, создать студенческие общежития – как в Осло, предоставить жильё эконом-класса как "первое" жильё для молодых семей, запретить перепланировки, сохранить первоначальные габариты квартир как память о важном для нашей культуры периоде".

Задуманная реновация едва ли станет широкой магистралью революционных скачков и организационных "тектонических сдвигов". Хочется понять, почему мы не замечаем, что вместе с реновацией в Москве за последние годы уничтожено множество памятников архитектуры разных эпох. Сколько уникальных памятников архитектуры гибнет, не дождавшись реставрации, или искажены перестройкой, упорно называемой реставрацией. Это что, тоже некая колея эволюции, если угодно, часть теории малых дел, близкая к обнулению целых микрорайонов под снос, которого многие горожане вовсе не желают? Не лучше ли для начала продолжить совершенствование реконструкции пятиэтажек, ориентируясь на немногочисленные уже осуществлённые проекты, но не повторяя их? На этом пути никто из нас не заслужит лавров великих реформаторов. Однако идти вперёд во имя сохранения национальной идентичности столицы необходимо. Ибо иного в самом деле не дано...

ВАЛЕРИЙ БАДОВ

МЕТАМОРФОЗА СБИТОГО ЛЁТЧИКА

Господствовать над варварами, используя их самих.

Пан Чао

Икона американского патриотизма сенатор Джон Маккейн – агент влияния Пекина? “Умница Генри” – госсекретарь Киссинджер – погубитель Pax-Americano? Спорные гипотезы авторов геополитических расследований “Летальные игры стратегов. Ледяное дыхание огненного дракона”*.

...Сенатор Джон Маккейн, сын адмирала Джона Маккейна, внук адмирала Джона Маккейна, писал в своём прощальном обращении к соотечественникам: “...Мы ослабляем наше величие, когда путаем патриотизм с родоплеменным соперничеством, которое сеет обиды, ненависть и насилие во всех уголках земного шара. Мы ослабляем его, когда... сомневаемся в силе наших идеалов, а не полагаемся на то, что они станут великой силой перемен, которой они всегда являлись... Не отчаивайтесь из-за наших трудностей. Мы всегда верили в потенциал и величие Америки. Американцы никогда не опускают руки. Мы никогда не сдаёмся. Мы творим Историю. Да благословит вас Бог и благословит Бог Америку”.

Ну, чем не скрижаль! Вдохновенное, как на духу, завещание страстного патриота и ратоборца соотечественникам.

Лётчик ВМФ США Джон Маккейн сбит советской ракетой “Двина” во время налёта на Ханой. Шёл октябрь 1967 года... В плену, по канонической легенде, Маккейна заточили в одиночку. И “специально приглашённые кубинцы” выведывали у пленного военные секреты. Маккейн был непреклонен, стойко выдержал муки. Вместо фамилий своих сослуживцев на авианосце назвал полный состав игроков футбольной команды “Грин Бэй Пэфекс”.

По иной версии, вьетнамские спецслужбы с дальним умыслом пробовали обхаживать, приголубить знатного отпрыска военной элиты Соединённых Штатов. И даже предлагали пленному досрочное освобождение. Но Маккейн отверг милость врага. Предпочёл разделить участь других пленных американцев.

После пятилетнего плена Маккейн вернулся с увечьями. И однажды на костылях переступил порог Белого дома. На глазах всей Америки президент Ричард Никсон чествовал героя.

---

* Латыпов Н., Вассерман А., Тушев С. Летальные игры стратегов. М.: Вече, 2019.

Загнать под лавку Барака Обаму...

Масс-медиа превратили Джона Маккейна в живую икону казённого американского патриотизма. Олицетворение несгибаемого, храброго, дерзкого янки. Карьера Маккейна "на гражданке" стремительно шла в гору. В 1982 году героя избрали в Конгресс США. А пятью годами позже он уже влиятельный сенатор от штата Аризона. Пик карьеры сбитого лётчика грянул, когда Конвент Республиканской партии выдвинул его на пост президента США. Популярному, с харизмой настоящего янки-ковбоя, острому на язык, Маккейну удалось заручиться десятками миллионов голосов обитателей американской глубинки. Но, увы, бравому "стопроцентному американцу" не выпал шанс загнать под лавку соперника – мягкотелого выскочку Барака Обаму. "Тёмная лошадка", выдвиженец "Партии Осла", ещё восемь лет будет по-семейному принимать в Белом доме влиятельных "глобалистов", "мультикультуристов", "граждан мира" и прочих отступников от заветов Отцов-Основателей американской демократии.

Праведник в "собрании нечестивых"

После поражения на президентских выборах неуёмный Маккейн и не помышлял уходить в тень. И со временем превратился в одного из красноречивых спикеров правого крыла Республиканской партии на Капитолийском холме.

Однако с президентом Трампом с его патриотическим воззванием "Сделаем Америку вновь великой!" странным образом Маккейн оказался на ножах. Даром, что в Белом доме надолго обосновался однопартиец, которого не жаловали в "глобалистском" крыле Республиканской партии. Но ведь и Трамп, и Маккейн – оба ставленники могущественного военно-промышленного истеблишмента Америки? Вспоминается, как случайный спутник штурмбанфюрера СС Штирлица генерал вермахта обмолвился: "Мы с вами хлебаем из одного котелка!" Маккейну не с руки, казалось бы, вовлекаться в кампанию оголтелой травли президента Трампа, а он будто зарок дал вывести Большого Дональда на чистую воду. Как если бы тот и впрямь якшался тайком с Кремлём. И будто к избранию Трампа президентом и впрямь приложил руку Кей-Джи-Би!

Покойный Маккейн был фигурой слишком уж знаковой, осанистой, самодостаточной в политическом истеблишменте. Усобица властей Америки, клинч двухпартийного устройства государственности США подрывают её историческую роль лидера западного мира. Не мог же Маккейн закрывать на это глаза? Тем удивительней его участие в разжигании распри между Конгрессом и Белым домом.

Авторы "Летальных игр стратегов" занялись поиском скрытых мотивов неистовства Маккейна на всем протяжении "домашней" ссоры в истеблишменте. И собрали по крупицам объёмное 100-страничное досье на Маккейна и мотивы его неуёмных страстей. И, глядишь, незримые нити потянулись в... Пекин, сплелись в чёртов клубок.

Мыслимо ли, чтобы Джон Сидни Маккейн – воинственный шовинист, лояльный гражданин Америки, отпрыск высшей военной касты – вёл двойную игру? Один из столпов Великой Старой партии – "агент влияния" (кавычки, быть может, лишние?) коммунистического Китая?

Да ни в жизнь!

Про "Карамору"...

У Максима Горького есть поразительный рассказ "Карамора". Герой – беззаветный борец с тиранией Романовых, самоотверженный боевик-подпольщик и ...тайный осведомитель охранки. Писатель тонко раскрывает потаённое сумеречной природы *двойничества*. Воистину, чужая душа – потёмки. Напасть двойничества неисповедимым образом перевоплощает личность незаурядного человека в обстоятельствах, угрожающих погибелью, небытием. Такая вот немилость судьбы, развилка на краю бездны...

Не привиделось ли гипотетическое второе дно демаршей Маккейна на Капитолийском холме? Авторы судят без пристрастия. И ответ на "неполиткорректный", но интригующий вопрос остаётся открытым. Лишь через многие поколения станут известны достоверные ответы, оправдания либо обличения. Это когда за давностью лет падут покровы секретности архивов спецслужб.

Досье на Маккейна авторы собрали из открытых источников. "Информация к размышлению..." Тут и психологический портрет личности Маккейна, противоречивый и загадочный.

Расследование аналитиков-волонтёров по делу *"гражданина вне всяких подозрений"* – дело заведомо рисковое и неблагодарное. Но ведь на каждом шагу обнаруживаются улики, недомолвки, "странности", умолчания, которые вместе дают косвенные основания гипотезе, что правофланговый Республиканской партии разыгрывал потаённую "китайскую партию".

Помилуйте, Маккейн вёл стратегическую игру в интересах великого Китая? Любезные, да "этого не может быть, потому что не может быть никогда"! Этот простенький софизм не раз был опровергнут в мире большой политики, макиавеллевских интриг, людских слабостей и честолюбий. Наглядный пример – "зеркальное" для казуса Маккейна двойничество адмирала Канариса – главы германского абвера. "На чьей стороне был Канарис?" – название отдельной главы книги "Летальные игры стратегов". Однако в этот раз авторы опираются на неопровержимые документы и расследования историков спецслужб.

Ярый германский шовинист, адмирал Канарис, оказывается, был завербован британской разведкой ещё в 30-е годы. Тогда он был младшим офицером флота. За плечами у него – участие в сражениях на море в Первой мировой. Авантюрный склад характера, свои понятия о чести и долге. К нацистам Канарис примкнул не по принуждению, не только из карьерных соображений. И всё-таки глава военной разведки рейха решился на опасную двойную игру. У него имелись каналы связи и сотрудничества с властями и спецслужбами Великобритании, Ватикана, Италии. В его окружении – единомышленники-сообщники, которые чудом оказались не изобличёнными всевидящим гестапо до самого покушения на Гитлера в 1944 году. Есть версия, что ещё раньше рейхсфюрер Гиммлер получил уличающие Канариса донесения, но не дал хода расследованию... Как бы то ни было, Великобритания многим обязана Канарису. Глава абвера представил Гитлеру фальсифицированные разведданные о мощи сухопутных войск Англии, способных якобы отразить вторжение на острова через пролив Ла-Манш. И операцию высокой степени готовности Гитлер отменил. Другая услуга Канариса британцам – отмена захвата вермахтом Гибралтара, что могло обрезать коммуникации снабжения Британских островов ресурсами колоний.

...Очерки "Летальные игры стратегов" предназначены для пытливого читателя. Авторы чужды досужей "конспирологии". Гипотеза "Маккейн – агент влияния Китая" – вовсе не самоцель. "Казус Маккейна" – лишь одна из острых граней, углов зрения, аналитических подходов к искомой содержательной теме под символическим обозначением "Треугольник Киссинджера". Вот уж этот "треугольник" – притча во языцех в масс-медиа! Этакий геополитический "кубик Рубика"...

"Треугольник Киссинджера" – подобие голограммы. Не плоская фигура, в которой все углы остроконечные... В толковании авторов, в когнитивном ключе нелинейного мышления иные углы треугольника – тупые, а не острые. И эта противоречивость, подвижность, двусмысленность смыслового пространства "треугольника Киссинджера" таковы, что упаси Господь ошибиться, принять видимость за сущее.

Ведь одна из сторон "треугольника" – Россия, все мы, современники, и наши потомки.

Стратагема номер 16

Вернёмся, однако, к невероятной метаморфозе сбитого лётчика – любимца "одноэтажной Америки". Что за тень ходила за удачником Маккейном не одно десятилетие, но так и осталась неугаданной, нераспознанной под зорким взглядом многочисленных недругов в истеблишменте?

Вот несколько прямых изобличений неблаговидных дел, проступков сенатора Маккейна, на которые авторы взглянули пристально. Некоторые "тёмные" пятна запечатлелись в заголовках газет: "Маккейн – предатель!" Но не только не разрушили его репутацию честного малого, героя и мученика, но словно поддали жару его мифологическому образу.

Вот краткая фабула косвенных улик.

Издатель журнала "Американ консерватив" Джон Уиц в начале 2000-х годов дал новый завод давней истории, когда Маккейна в самом деле заподозрили в "предательстве". Худая молва прокатилась по СМИ по возвращении героя из плена. История и впрямь мутная... Достоверно известно, что Маккейн не единожды выступал в контрпропагандистских передачах "Радио Ханоя". И в самом деле признал себя "военным преступником", бомбившим гражданские объекты Вьетнама.

Но ведь "под пытками", чего уж там...

Эрих Хоппнер, прослуживший в ВМФ и в разведке тридцать лет, дознался, что "геройские" обстоятельства поведения Маккейна в плену вымышлены. Ветераны вьетнамской войны в открытую обвинили Маккейна-сенатора в преднамеренном "сокрытии" информации об американских военнопленных во Вьетнаме, так и не возвратившихся домой. После Парижских мирных соглашений Вьетнам освободил 591 пленного американца. И – вопрос закрыт... Однако генерал-лейтенант ВВС Юджин Тигл, возглавлявший военную разведку (DIA), оспорил официальную позицию Пентагона относительно оставшихся на чужбине живых американских пленных. Военное ведомство напрочь отрицало их существование. Но упрямец Тигл заявил, что у разведки есть противоположные сведения. Не кто иной, как сенатор Маккейн, выступил яростным противником Тигла. Правдолюбца отправили в отставку...

Родные без вести пропавших предприняли самостоятельные расследования. Стучались в двери Конгресса, ездили во Вьетнам в поисках каких-то следов и свидетельств.

Исследователь из Гарварда Стивен Моррис в 1993 году работал в московском архиве и случайно наткнулся на документ – стенограмму доклада вьетнамского генерала Куанга на Политбюро. Из него следовало, что Ханой удерживал 1205 американских военнопленных. И многие из них оставались до конца войны в качестве "рычага" получения Вьетнамом репараций от США. Московские архивариусы заверили, что документ подлинный.

Наконец, ветераны вьетнамской войны впрямую обвинили сенатора Маккейна в том, что тот пустился во все тяжкие, чтобы наложить законодательный запрет на разглашение любой информации о пропавших без вести американских военнопленных во Вьетнаме.

"...Конечно, Маккейн, будучи в "обойме", членом элиты, имел определённые корпоративные обязательства", – оговариваются авторы книги "Летальные игры стратегов". Но столь ревностное отношение Маккейна к засекречиванию нераскрытых обстоятельств, драматических страниц вьетнамского плена имели "личный окрас". Мотив известен – расследование закончено, забудьте... Таким образом, многие загадочные подробности пребывания Маккейна в плену так и остались неизвестными. Например, что его, единственного, навещали в узилище высокопоставленные вьетнамские генералы. О чём велись беседы?.. Есть и неподтверждённые толки о "подходах" к Маккейну китайской военной разведки. Их можно отринуть как голословные. Однако... Народно-освободительная армия Китая была союзником Вьетнама на поле боя. Китайские разведчики имели свободу рук. И без препон могли принять участие в судьбе сына командующего Тихоокеанским флотом США.

Оказывается, был у Маккейна период в плену, когда он оказался спрятанным "за стенами". И никто не знал, где он обретается, подмечают авторы. Речь идёт о загадочной лакуне во вьетнамской "саге" героя.

Китайская стратагема номер 16 гласит: "Если хочешь кого-нибудь поймать, сначала отпусти". Исследователь стратагем Харро фон Зенгер прямо утверждает, что "Мао Цзэдун воспользовался этой стратагемой в отношениях с попавшими в плен солдатами, офицерами противника Гоминьдана". Смысл стратагемы – иносказательный, метафорический, но в самую точку. Возможно, стратагема номер 16 и была применена к Маккейну, и это подоплёка вовлечения его в роль "спящего агента влияния" по возвращении в родную Аризону.

Маккейн и Бэббиты

Если допустить, рассуждают далее авторы, что стратагема номер 16 сработала и Маккейн вернулся в Америку потенциальным агентом влияния, то всё становится на свои места. Ловцы душ из китайских спецслужб, предположим, нашли ключ к гордецу Маккейну, но что побудило его держаться уговора с противником? И что это был за уговор, который не оскорблял совесть, не перечёркивал убеждения Маккейна – империалиста-янки? Вот как толкуют эту головоломку авторы: "...Чем больше мы узнаём и анализируем..., тем выше в наших глазах вероятность того, что через Маккейна сработала большая стратегическая игра. Ставка высока – рассорить две сверхдержавы – США и Россию. И руками одной сверхдержавы дожать другую, слабеющую".

Здесь мы сталкиваемся с инаковым, не подвластным образу мышления европейца стратегическим мышлениям, гибкостью. парадоксальностью китайских стратагем. Они работают "в долгую". Маккейну отводилась роль ключевого исполнителя замысла. "До плена он не был столь бешеным русофобом. Маккейн сумел, однако, заразить синдромом слепой лютой русофобии немалую часть истеблишмента Америки".

Напористый, красноречивый сенатор Маккейн предпринял всё мыслимое и немыслимое, чтобы перекрыть для российского руководства дорогу к переговорам, к "наведению мостов" с Белым домом. И, контрапунктом, вынудить Москву теснее сотрудничать с КНР. "Два в одном!"

Маккейн достиг немалого, нагнетая русофобию, безголовую ненависть узколобых Бэббитов, недалёких провинциалов к России, которая при президенте Путине избрала путь самоопределения, выдворила советничков и консультантов-янки. При Ельцине они попросту кишели во всех министерствах и департаментах.

Любопытная, настораживающая подробность: в США не принято покрывать затраты на выборные компании кандидатов на высшие посты в государстве за счёт мошны близкой родни. Маккейн, женатый вторым браком, имел тестя- мультимиллионера, который щедро оплачивал весьма дорогостоящую выборную президентскую кампанию зятя. Как знать, не был ли тесть лишь прикрытием китайского финансового участия, анонимного взноса в избирательную кампанию Маккейна. Между тем засвеченные щедрые денежные подношения чужеземцев в благотворительный Фонд будущей кандидатки в президенты Хиллари Клинтон сошли ей с рук...

Домыслы? Возможно, и так. Но что в сухом остатке? Антироссийская кампания Маккейна из года в год становилась всё более ярой, а жар загребали в Пекине. И это уже не домысел, а явь.

Как получилось, что Джон Маккейн оказался в одной компании с бывшими супротивниками – "клинтоновскими" демократами-отступниками, "глобалистами" всех мастей? Да вдобавок голливудскими лицедеями-кликушами. Всеми теми, кого консерватор Патрик Бьюкенен в памфлете "Смерть Запада" прозвал "партией измены". И заодно с ними сенатор Маккейн осуждал Трампа, который порывался наладить прагматичные взаимовыгодные отношения, сугубо в национальных интересах США, с геополитическим противником – Россией.

"...Мы не на той стороне воевали, сынок!" – сокрушался вылитый американский Бэббит за стойкой бара на Манхеттене, прознав, что Красная армия штурмом взяла Берлин и остановилась на Эльбе.

Маккейн тоже своего рода Бэббит?

Отчаяние Стивена Бэннона

"...Те же самые люди, которые говорили об упадке Америки и неизбежном превосходстве СССР, сегодня утверждают то же самое об усилении Китая. И обе эти концепции появились с подачи одного человека – Генри Киссинджера", – излагает своё твёрдое убеждение консерватор, традиционалист и апологет американских "синих воротничков" Стивен Бэннон. "Белая ворона" американского истеблишмента, незаурядный мыслитель, сильный политтехнолог и геополитик. Лучшего советчика и сподвижника Большому Дональду, новичку в политике, было не сыскать. Бэннон победоносно провёл выборную кампанию кандидата-аутсайдера Трампа. Ведущий идеолог "трампизма",

Бэннон ревностно отстаивал первоначальную политическую линию президента. Но из-за интриг в Белом доме и кадровой чехарды покинул особняк на Пенсильвании-авеню и ушёл на вольные хлеба. При этом он вовсе не хлопнул дверью. Нынешнее окружение Трампа Бэннону и в подмётки не годится. И тем интереснее читать его развёрнутое интервью французской правой газете "Фигаро", в котором он осмысливает всё, происходящее в Ойкумене.

И вновь сыр-бор вокруг уже упомянутого "треугольника Киссинджера". На фоне "говорящих голов" Си-Эн-Эн и скудоумных колумнистов "Вашингтон пост" Бэннон попросту светоч, образец высокой политологии, системного мышления. Ничего удивительного, что с Трампом его дороги разошлись. Как говаривал один высокий советский руководитель: "Я-то сам не по этой части..." Вот Трамп и мечется теперь из стороны в сторону.

Бэннон излагает жёстко, как гвозди забивает: "...Россия как угроза меркнет по сравнению с Китаем. Её экономика сравнима по размеру с экономикой штата Нью-Йорк. Китайцы – самая большая угроза для международного порядка. Их режим и финансовая модель приведут нас к куда более серьёзному кризису, чем в 2008 году. Их поддерживает западная элита, которая немало заработала на подъёме Китая, хотя он вовсе не был неизбежным и привёл к деиндустриализации Запада".

"Фигаро": Вы хотите сказать, что Трамп ведёт с Китаем экономическую войну, которую может выиграть?

Бэннон: "Китай вот уже 25 лет ведёт с нами экономическую войну. Трамп всего лишь сказал: "Проснитесь, Уолл-стрит и Вашингтон. Китайцы использовали всю силу своего государства, чтобы подорвать экономику США". Сегодня они напуганы таможенными пошлинами Трампа, потому что не могут перейти в контрнаступление... Устанавливаемые нами сегодня пошлины находятся на невиданном ранее уровне. Трамп довёл их до 500 миллиардов! Деиндустриализация лишает наших рабочих смысла существования. Именно поэтому Трамп пытается вернуть в страну рабочие места на производствах. Действия китайцев куда страшнее кражи интеллектуальной собственности. За десять лет они добились передачи технологий на 3,5 триллиона долларов! Инновации – основа западной экономики (40 процентов), наша главная ценность. Но китайцы заставляют нас передать эти технологии. Их лозунг "Сделано в Китае 2025" нацелен на доминирование в области искусственного интеллекта, робототехники, инженерии. Трамп собирается дать Китаю отпор".

Бэннон исполнен гнева и отчаяния: "В Давосе Си Цзяньпин в своей речи призвал углубить глобализацию... Он не уточнил, что эта система вредна и она превратит людей в пепел. Напротив, он подчеркнул центральный момент, который Китай должен принять в новой глобализации... Вся элита Давоса громко аплодировала ему и восклицала: "Си – наш спаситель!.."

В гневной филиппике Стива Бэннона сквозят нотки отчаяния. Упадок, а потом и крах американской экономики, рухнувшее благосостояние семей, деградация жизни англосаксонского ядра нации его глубоко ранит.

И все эти необратимые геополитические утраты для США, по Бэннону, – расплата за эпохальные свершения "умницы Генри" – госсекретаря Киссинджера – непререкаемого стратега администрации Никсона и наставника последующих президентов.

"Треугольник Киссинджера", по мысли авторов, – авантюрная геополитическая геостратегическая "комбинация – принёс неисчислимые внешнеполитические дивиденды Белому дому и огромные барыши транснациональным компаниям, но оказался погибельным, по гамбургскому счёту, для верховенства американской нации.

"Меттерних", да не тот...

Генри Киссинджер – ума палата – мнил себя, наверное, новым Меттернихом, который искусно выстроил равновесные отношения европейских монархий после наполеоновских войн. И так ловко построил, что мирный период в Европе продлился целых полвека.

"Американский Меттерних" тоже далеко смотрел, но конечный результат, по Бэннону, оказался плачевным. По мысли авторов "Летальных игр стратегов", Киссинджер совершил два роковых просчёта.

Первый. Безоглядная догматическая убеждённость, что "Китай – вещь в себе" отныне и присно. Весь мир "рыжих варваров" за Великой Китайской стеной по тысячелетней традиции китайских императоров – чужд, неинтересен и искать в нём нечего.

Второй просчёт: прагматик Никсон с подачи Киссинджера уверовал, что ему выпала неслыханная удача переманить враждебный коммунистический Китай на сторону Америки. Отворить ворота Заповедного Города в Пекине. Найти лазейку для американского капитала в автократическую экономику Китая. И освоить неохватный рынок Поднебесной. (Впоследствии Дэн Сяопин и в самом деле провозгласил экономическую политику "открытых дверей".) И тихой сапой содействовать "рыночной" метаморфозе экономики и общества маоистского Китая.

Грядущее показало, что зря Дик и Генри обхаживали Мао. И не могли нарадоваться встречным геополитическим инициативам руководства Китая сколотить альянс с Америкой, направленный против "экспансии" СССР на Востоке и Западе...

Так, в тайне от всего мира, закладывался геополитический "треугольник Киссинджера", остриём направленный против другой сверхдержавы – СССР.

Никсону и Киссинджеру следовало держать ухо востро, но у них, наверное, дух захватывало от открывшихся перспектив сепаратного альянса с Пекином. Между тем, визит американского президента в Пекин пришёлся на самый разгар вьетнамской войны, ковровых бомбардировок Северного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Сговор Вашингтона и Пекина и в самом деле определил всю мировую повестку дня на десятилетие вперёд. Москва оказалась вынужденной пойти на огромные траты ресурсов, чтобы создать мощные укрепрайоны на границе с Китаем. Ввиду уязвимости Транссиба проложить севернее Байкало-Амурскую магистраль. Да, на коротком, по меркам истории, "треке" Киссинджер мог торжествовать. Америка сорвала геополитический куш. Довольны были на Уолл-стрит. Крупнейшие американские монополии спешно перенесли производства в свободные экономические зоны Китая. "Спокойно всё пока, пока всё мило..." – облегчённо выдохнул стихотворец. Но прав-то оказался Стив Бэннон! Киссинджер и его приспешники в вашингтонском истеблишменте потерпели сокрушительное поражение. Итог Большой Игры: Китай – восходящая сверхдержава. Экономика КНР по паритету покупательной способности – первая в мире.

Сталин видел Мао насквозь

Стратагемы Срединного царства, стратегическое мышление китайских элит испокон веку были тайной за семью печатями для окружающего мира. Трактат военного стратега Сунь-цзы был широко известен в России и в Европе ещё с прошлого века. Но интерес был скорее умозрительный. Потому что стратагемы плохо сочетались с менталитетом русских, немцев, англичан...

Попытки подобрать ключи к китайским коммунистам предпринимались при президентах Рузвельте и Трумэне. Ещё в то далёкое время, когда штаб председателя Мао обретался в пещерах Яньяни. А уж когда союзник Америки Гоминьдан был изгнан с континента, попытки "обольщения" Жёлтого Дракона возобновились. Делались щедрые посулы экономической помощи. Но в 1949 году – году основания КНР Мао сделал стратегический выбор в пользу Советского Союза. Но не только пролетарский интернационализм был основой союза стран-соседей под оптимистический марш "Москва-Пекин". Мао Цзэдун и Дэн Сяопин – политические кровники, оба были последовательными китайскими шовинистами. И они пользовали старинные китайские стратагемы в противостоянии и с друзьями, и с врагами Китая.

Авторы "Летальных игр стратегов" по-своему уподобили развёртывание китайских стратагем после 1949 года полёту многоступенчатой ракеты. "Первая ступень – союзничество и экономическая помощь СССР. Кремль вложился в индустриализацию Китая так, как не вложилась ни одна другая страна. Разразившаяся "холодная" война и угроза атомной бомбардировки городов СССР американскими ВВС существовали наяву. Иосифу Сталину нужен был на Востоке союзник с 500-миллионным населением и... милитаристским настроем

власти". Сталин видел Мао насквозь – ханьского шовиниста с красной звездой на военного образца фуражке.

...Мао рассорился с Хрущёвым, оспаривал позицию лидера Коммунистического движения. Невероятным коварством Мао вынудил Хрущёва передать Китаю технологии и целые заводы ракетно-ядерного цикла. И впрямь то, чего СССР добился в атомном проекте невероятным напряжением сил, маоисты заполучили за здорово живёшь.

"Вторая ступень ракеты – стратегическая сделка Мао с Никсоном". "Треугольник Киссинджера" – оселок. Его жало направлено против северного соседа. Мао верно рассчитал, что янки не поскупятся передать самые современные военные технологии в качестве залога необратимости разворота СССР к Западу. Мао затеял вооружённую провокацию – кровопролитие на Даманском, – чтобы дядя Сэм повёлся.

Америка проторговалась!..

Американский истеблишмент, как зачарованный, глядел, как стремительно Китай наращивает своё экономическое, оборонное индивидуальное могущество. И своекорыстная роль глубинного государства в этом попустительстве – как Каинова печать. Под кумачовым знаменем в Китае создана экономическая модель, в которой плановое и рыночное начало образуют единство.

Непоправимые, горькие плоды авантюрной стратегии Генри Киссинджера не всем очевидны так, как Бэннону. Исследователь Игнасиус, апологет Киссинджера, на голубом глазу утверждает, что спустя 40 лет Америка пожинает плоды "дальновидной" китайской стратегии "вашингтонского Меттерниха". Но уже нет таких, кто сказал бы всуе: "Китай – вещь в себе".

В завершение красноречивый факт. На петербургском экономическом форуме шанхайский аналитик Кун День недвусмысленно заявил: "Подходы в выработке стратегии у наших цивилизаций разные".

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

НЕУМОЛЧНАЯ ИЗРАИЛЬСКАЯ КАНАРЕЙКА

Больше всего языком человек принадлежит своей нации... Язык не есть только говор, речь; язык есть образ всего внутреннего человека; его ума, того, что называют сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных...

Иван ГОНЧАРОВ

Великий поэт и мыслитель, цензор и тайный советник Фёдор Тютчев, влиявший на государственную политику (где сегодня такие у трона?) писал в июле 1866 года Эрнестине Фёдоровне: “Я только что провёл три дня между Ораниенбаумом и Петергофом, ведя политические прения со всеми членами августейшей семьи, которые все разделены своими немецкими симпатиями и антипатиями... Единственное, что совершенно отсутствует, – это русская точка зрения на вопрос...” Сегодня симпатии-антипатии – самые разные, к ним добавились шкурные интересы на Западе, но русская точка зрения сплошь и рядом отсутствует. Потому-то мы и проигрываем информационную войну.

Президент России Владимир Путин неожиданно призвал США к восстановлению сотрудничества в сфере международной информационной безопасности (МИБ). Заявление российского лидера было опубликовано на сайте Кремля. По словам Путина, один из основных вызовов современности – это риск масштабной конфронтации в цифровой сфере. Ответственность за её предотвращение лежит на ключевых игроках в этой области: “В этой связи хотели бы вновь обратиться к США с предложением одобрить комплексную программу практических мер по перезагрузке наших отношений в сфере использования информационно-коммуникационных технологий”, – говорится в его заявлении. Он также предложил всем странам договориться о политических обязательствах о ненанесении первыми удара с использованием информационно-коммуникационных технологий друг против друга.

Не знаю, как удастся договориться с США (пока они игнорируют обращение!) и другими атакующими в гибридной войне странами о “ненанесении удара”, но убеждён, что самые страшные и коварные информационные удары наносятся изнутри, и чем более совершенствуются технологии, тем они сокрушительнее. Особенно если учесть, что Минцифры, Ростех и Роснано, несмотря ни гигантские вливания, безнадёжно проигрывают в технологической сфере,

поскольку многие платформы – от учебных до коммуникативных – зарубежные. Когда Путин обратится к ним? Наконец, когда призовёт всех, отвечающих за культурно-информационную политику, укреплять духовно-исторические основы, отстаивать русскую точку зрения, а не попирать национальные интересы?

Они есть не только в сфере геополитики, но в области культуры, языка во всех странах, особенно находящихся во вражеском окружении, как Россия. Вот ярчайший пример: как бухарская еврейка Дина Рубина в любви к Израилю ни признаётся – не переводят её на новой родине и всё тут: "Мои книги в Израиле не переводят. Это противно, конечно, но нормально. В любой стране существует некая плотина, затвор, высокий забор против нашествия чужаков. Культура любого народа очень чувствительна к подобным вещам. Тем более такая новая культура, как в Израиле. Израильской литературе сколько годков? Всего ничего, она ещё на тонких ножках..." Ну, а русская литература, думает Рубина и ей подобные, и не такие нашествия выдержит – у неё ножищи, как у владимирского тяжеловоза. Или наша культура не так чувствительна "к подобным вещам"? Или у нас нет никаких "плотин и заборов", ну, хотя бы в виде великих традиций классической литературы?

Заветы классика Ивана Гончарова бессовестно попраны! Сначала коллеги из Ульяновска, а потом и русская литературная общественность остолбенели! Накануне Рождества Богородицы – 20 сентября – губернатор Ульяновска г-н Морозов вручил диплом Международной премии имени И. А. Гончарова в номинации "Мастер литературного слова" Дине Рубиной за роман "Наполеонов обоз". Сразу вспомнилось, как долго это готовилось, нагнеталось. Например, выступая перед читателями Иркутска, советник президента Владимир Толстой похвалил сдержанно нескольких писателей современности (хорошо, что вспомнил как мастера Виктора Лихоносова), но про Рубину в преддверие Года литературы сказал весомо и кратко: "Почти каждая книга Дины Рубиной – это прорыв" (Ольга Олёкминская. Литературные вечера "Этим летом в Иркутске", 2014). Сильно! Но лишь одно смущает: она столько книжек напекла, что устанешь прорываться.

Штампуют огромными тиражами. Например, книга рассказов "Медная шкатулка" (это вам не какая-нибудь малахитовая) вышла тиражом аж 50 000 экземпляров – только макулатура теледетективщиц может соперничать. А нам внушали, что книги рассказов не раскупаются. "Литературная газета" сразу поместила в №6 рецензию на очередной том, где автор панегирика под каким-то издевательским названием "Аппетитный супчик" Сергей Казначеев признаётся: "Давно уже я просил редакцию дать мне на рецензию текст, который не за что ругать. Хотелось написать положительную, добрую рецензию, но как-то всё не удавалось, приходилось ругать, и было за что. И вот, наконец, подфартило по-настоящему"... По интонации это напоминает заключительные рассуждения Шарика у Булгакова: "Вот свезло мне, так свезло, – думал он, задрёмывая, – просто неописуемо свезло". Но подфартило ли поклонникам Гончарова, наследникам его традиций? Приведу цитату целиком из эпиграфа: "Больше всего языком человек принадлежит своей нации. Религия христианская есть общее достояние всех образованных наций, она может разделяться на вероисповедания – и люди разных исповеданий часто близки друг к другу. Различие языков никогда не допустит до совершенного, интимного, искреннего сближения. Язык не есть только говор, речь; язык есть образ всего внутреннего человека; его ума, того, что называют сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных..." Какой нации принадлежит навязываемая нам Рубина, какие нравственные силы выражает?

Понятно, что она всегда пишет про своих единокровцев и обретённых соотечественников, но почему с позиции унижения русских? Вот и роман на русском языке, за который её наградили в Ульяновске, не стал исключением. В нём царят устоявшиеся клише: евреев гнобят, притесняют, но они стойкие, талантливые, необыкновенно умные и непобедимые. Один недостаток – тяга к социальной справедливости. Русские сплошь состоят из недостатков, вот и здесь: Кутузов – проходимец, казнокрад и абсолютный военный бездарь. Понятно, что это не Кутузов, не русская армия и поднявшаяся *дубина народной войны* (что понимал Лев Толстой) разгромили французских оккупантов, а ему (Кутузову, а потом и Гитлеру) весьма пособил "генерал Мороз". Ну, как

за такую историческую, западническую и местечковую "концепцию" не дать премию?

Хочу добавить, что Рубина унижает любую национальную культуру и ментальность, кроме размытой еврейской. Почему размытой – ну, по характеристике приятеля Рубиной Игоря Губермана:

В евреях легко разобраться,
отринув пустые названия,
поскольку евреи не нация,
а форма существования.

Эта "форма существования" почему-то часто принимает агрессивные формы – против других, с осмеянием культур и традиций другого народа. В конце 90-х годов Дина вместе со своим вторым мужем и двумя детьми репатриировалась в Израиль. Любимый писатель – Куприн. Именно благодаря ему, по красивой версии, Дина Рубина попала в Израиль. Точнее, из-за его письма издателю Батюшкову, которое, как повторяет она в интервью, "ошеломило меня безоглядной неприязнью к евреям, помните? – "...и не подпускайте их, ради Бога, к русской литературе, они обоссут её и сами не заметят". Она решила опровергнуть слова классика или демонстративно подтвердить их своим творчеством? Я так до конца и не понял...

Помню, купил перед поездкой в любимую Испанию книжку "Последний кабан из лесов Понтеведра", а уж "Воскресная месса в Толедо" не нужна стала. Мне и первой, обос...шей всю испанскую литературу с культурой, хватило. Поразился, какой злой и ядовитый ветер долетел от Израиля до Пиренеев, как нравится он русскоязычным соплеменникам в разных концах света, которые презирают любую истинно народную культуру! Неужели можно так – через века – воспринимать все красивые народные традиции от фламенко до яркого зрелища корриды? Или эта какая-то затаённая месть циничной Таисьи – типичной героини романа Дины Рубинной? А ведь купил книжку этой неимоверно раскрученной писательницы только из-за романтичного подзаголовка: "Испанская сюита". Сама Рубина устами своей главной героини признаётся, что не была в Испании, зато там живали и бывали другие персонажи: "Она танцует фламенко, подумаешь! – говорила Таисья. – Фанданго-ебанго... В прошлом году мы были со Шварцем в Испании, поверь – это всё дутые мифы, красивые легенды. Точно, как здесь у нас. Взять эту корриду... Сколько о ней написано, Боже! Ну, были мы со Шварцем на корриде. Противно вспомнить. Ничего героического. Забой быков и всё. Мой дядя Фима сорок лет работал на Бакинском мясокомбинате в забойном цехе, и никто не считал его тореадором. Знаешь, как выглядит эта их всеми воспетая коррида? Выходят несколько дюжих мужиков и тычут пиками в бедное животное, которое ссыт от страха и боли. Потом минут сорок, а то и больше бык бегает туда-сюда по арене, пытаясь спастись, – язык вывален, ноги заплетаются, – а они его догоняют и добивают. Спектакль перед забоем. Огромный театр в проходной мясокомбината – вот что такое их Испания, ну, поверь мне", – страстно уговаривает еврейка из Грозного новую подругу – еврейку из Средней Азии.

Обе они работают в израильском культурном центре для эмигрантов, которым руководят испанские евреи, пытающиеся сохранить обычаи, обряды и легенды первой родины. Но не тут-то было! Директор музыкальной школы Таисья их всех развенчает, как развенчивала она, должно быть, горские обычаи, живя на Кавказе, или читая яркие страницы про Кавказ у русских классиков. Рубина восторгается прямотой и образностью Таисьи: "Так, описывая внешность неприятной ей особы, она добавляет мимоходом: "А волос на голове – что у телушки на мандушке". Когда однажды я попробовала заступиться за провинившегося и грозно казнённого педагога, Таисья, сверкнув глазами, сказала:

– Ну ты, Плевако! Не долби мне "Муму", для этого есть Герасим..."

Вот и коррида для неё – *муму на мясокомбинате.*

А тореро — крестьянский парень.
Полуграмотный, лёгкий, везучий парень.

В этой нищей прекрасной земле туристов
Он такой один деревень на триста.

Всё в этом стихотворении моего учителя по Литинституту Льва Ошанина и сегодня остаётся правдой, на наш русский взгляд, кроме зачина: "В этой нищей стране..": бюджет этой страны почти без полезных ископаемых куда больше российского. С тех пор вся Европа сделала рывок вперёд – только наделённая великими природными богатствами Россия никак не выйдет из перманентного кризиса и снова увеличила количество нищих до 20 млн! Но наши бывшие сограждане умеют сосать две матки. Вот и Дина Рубина – "неумолчная израильская канарейка", как называется её книга, постоянно бывает в России, пишет книги на незабытом русском и издаёт их одну за другой, получая отзывы, похвалы и премии как русский писатель. *Израильская канарейка* поёт постоянно и весьма успешно вне зависимости от сезона, в каждый приезд интернет заранее переполнен анонсами, на какой литературный сайт ни зайдёшь – сбоку анонс вываливается: "Концерт Дины Рубиной в Доме учёных состоится такого-то". Почему концерт, а не встреча? А потому, наверное, что билеты 1 200–2 500 руб. Как-то стыдно в демократическом особняке на Пречистенке такие деньги за литературный вечер ломить. Хотя бенефициантка использует еврейский фольклор в книге "Вот идёт Мессия!.." и, может быть, споёт на сцене старую шутку из неё:

"– Здравствуй, дедушка Мороз – борода из ваты! Ты подарки нам принёс, пидорас проклятый?

– Я подарки не принёс, – пробубнил Рабинович виноватым басом, – денег не хватило.

На что Доктор резонным тенорком заметил:

– Что же ты сюда приполз, ватное м...ило?"

Ну, как? – впечатляет дворовой пошлостью, которую цитировал ещё Станислав Куняев на телеканале "Анна"...

"Напрасно ждал Наполеон", – в России это произнёс Пушкин. В премированном романе "Наполеонов обоз" у Рубиной именем Пушкина назван... кот главной героини романа. Любимица губернатора Морозова уделяет животному-тёзке с десяток страниц. На одних можно встретить выражения: "Пуушкин-и-ин, с-с-собака", "Пушкин, паскуда-а-а! Пу-у-ушкин, падла чёр-ная!". На других покруче: "Бл...дь!! Чтоб ты сдох!!" Губернатор, выпятивший себя как поклонника русской словесности, конечно, был растроган... Его подчинённые тоже в восторге: мат, выходит, по мнению министра культуры Ульяновской области Евгении Сидоровой, которая, кстати, училась в Московском государственном институте культуры (!), вносит "вклад в развитие традиций реалистической литературы"? Поэтому поклонники мата могут обращаться к министру: она со знанием дела оценит его, но как тогда объяснять школьникам, что сквернословить нельзя?

Сотрудники музея и местные писатели, входящие в комиссию по присуждению премий имени И. А. Гончарова, отвергли этот роман. Однако Юлия Володина – пожилой директор краеведческого музея, местные чиновники и двое из других городов отдали голоса Рубиной, можно сказать, протолкнули роман на премию. Как же им не совестно мимо памятника Гончарову каждый день проходить? Рубина не приехала из Израиля на торжество, осчастливила видеообращением. Присутствовавшая интеллигенция Ульяновска и чиновники во главе с губернатором пришли в восторг от этой речи, чуть не бросились экран целовать, как пишет литератор В. Родин.

Сайт "Улпресса", сообщив о вручении премии, напомнил, что в 2013 году глава региона заменил в своём регионе текст "Тотального диктанта" авторства Дины Рубиной на фрагмент из очерка Василия Пескова о художнике Аркадии Пластове. Тогда Морозов, ещё не познавший тонких политических игр, заявил, что "творчество писателя, активно использующего в своих произведениях ненормативную лексику, не соотносится с концепцией "Тотального диктанта", акция, прежде всего, выступает за чистоту русского языка, за повышение культуры письма". За минувшее семилетие он многое усвоил в кремлёвской культурно-информационной политике, ну, и с матом, выходит, свыкся. Для нормального человека русской культуры – это просто наваждение и нездоровое явление современной литературы, а для чиновника высокого ранга – сигнал. Он принят.

А для плебса есть другие указания. Президент России Владимир Путин, не устающий говорить о воспитании патриотизма, выдвинул как один из пяти главных национальных проектов развитие информационных технологий. Чиновники, министерши культуры от Ольги Любимовой до Евгении Сидоровой вообще-то понимают, что это такое? Они, наверное, полагают, что декларируемое развитие — совещания онлайн да закупка технологий и гаджетов, а это выстраивание действенной, здоровой цифровой среды с обратной связью, с учётом новаций, народного настроения и мнения. Именно на непонимании требований времени и погорел Александр Лукашенко. Знаю, что в администрации президента наказали проводить во властных кабинетах мониторинг социальных сетей, прислушиваться к цифровому и живому мнению народа. И что? Наберите "Памятник Потоцкого в Замоскворечье": возмущение поголовное кипит: кто одобрил, разрешил установку? Почему без всякого конкурса и обсуждения москвичей, без учёта мнения писателей и художников? Факт не просто литературный и художественный, а политический, антидемократический, вопиющий! Но НИКАКОГО официального ответа, в том числе и на наше коллективное письмо участников вечера в честь 125-летия Сергея Репина министру культуры и мэру Собянину нет. Откровенное хамство чиновников!

Наберите "Премия Гончарова — Дине Рубиной" — море нелестных комментариев, открытых писем к губернатору Морозову. На конференции по творчеству Виктора Лихоносова в Краснодаре несколько выступлений было посвящено этому возмутительному факту. Литераторы Ульяновска, протестовавшие против такого вручения, написали коллективное письмо. Ответила министр Сидорова, где начала увиливать: это, мол, решение жюри премии, а Рубина, дескать, награждена премиями Израиля и фонда Олега Табакова (за какой-то рассказик). И что — это индульгенция для всего последующего русофобского творчества?

Но меня-то больше волнует другой вопрос: а кто и почему её выдвинул? Как она вообще попала в число трёх писателей для окончательного голосования, да ещё с нарушением положения о премии — там ведь речь идёт об ОДНОМ произведении, а здесь аж трёхтомник разных творений плодовитой *израильской канарейки*, которая с ним и в шорт-лист Большой книги затесалась. Ну, кругом успевает! И потом, разве в положении не оговорено: кто, на каких творческих условиях и с соблюдением каких гончаровских традиций выдвигается? Сделали премию международной, чтобы именно Рубиной вручить 400 000 бюджетных рублей? Сама Рубина нашла смешное и циничное объяснение своей связи с творчеством Гончарова: мол, классик писал свой роман "Обрыв" на чешском курорте Марианские Лазни, и она там же "Наполеонов обоз" накатала. Теперь остаётся ждать вручения премии Достоевского какому-нибудь русофобу, который тоже игорный клуб в Монако посещал. Чем не аргумент?

А теперь личное поползновение: у соседей на даче есть плодовитая чёрная кошка. Взять, что ли, от неё кошечку пострашней, назвать её "Дина" и кричать на все участки "Московского литератора": "Дина, скотин-а-а-а!" Или ещё звучнее в рифму...

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

ХАЙПА У ОГРЫЗКИ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Видимо, Огрызко, главред малотиражной “Литературной России”, решил недавно хайпануть на имени Станислава Куняева! Русского классика и главного редактора легендарного журнала “Наш современник”. А какова причина? Да что вы – причина, Огрызку вообще не волнует причина, как говорят, главное – ввязаться и побузить, а иначе кто тебя заметит в малотиражной газете? Ты же не поэт, не прозаик, а так, погулять вышел...

То Огрызке не нравится, что Куняев – главный редактор популярного журнала, то не нравится, что Куняев незаменим, то, что авторитет его непоколебим. Не зря же Станислав Юрьевич возглавляет журнал уже 30 лет, принял его от Викулова в сложнейшие времена, когда не только журнал, но и сама Россия стояла на краю пропасти, откуда уже шёл смрад и запах серы.

А ведь Станислав Юрьевич не только редактор, но ещё и прекрасный поэт! Помню, как Юрий Кузнецов восхищался его стихами и даже наизусть читал мне стихотворение Куняева “Кони НКВД”. Ну, не всем же критикам дано чувствовать поэзию... Юрий Кузнецов говорил мне про одного известного критика (не стану называть имя, дабы не обидеть):

– Игорь, ну, он совершенно не разбирается в поэзии...

“...ясен творческий метод Огрызко. Одних авторов он именует “графоманами”, произведения других объявляет “блестящими”, и почти обо всех хлёстко сообщает какие-то неожиданные подробности. По сути, Огрызко оставляет от писателей лишь огрызки”, – ещё в 2010 году писал известный ныне писатель и депутат Госдумы Сергей Шаргунов.

А вот об Станислава Куняева скандалист Огрызко зубки-то и обломал, как-никак уже самому седьмой десяток пошёл – физиология, брат, зубы или расшатаны, или уже выпали, а может, и выбиты, учитывая его неугомонный характер...

А Станислав Куняев переживёт и это. Самое страшное, когда тебя предают ученики, а поэта предавали любимые ученицы. Это произошло совсем недавно, на последнем писательском съезде!

Вот как Станислав Юрьевич писал об “ученицах”: “Сколько благоуханной нежности вылилось на мою седую голову в дни моего 85-летия особенно из женских уст. Светлана Сырнева из Вятки, Надежда Мирошниченко из Сыктывкара, Людмила Владимирова из Одессы”... А потом всей троицей и предали своего учителя.

А Огрызко – далеко не любимая “ученица” Станислава Куняева!

Я не стану даже разбирать статью Огрызки – ему же главное поскандалить, почитайте его любые статьи, в которых полно проколов и огрехов, если времени не жалко. Но более всего меня раздражает в Огрызке это непочтение

к старшим. У меня мама с Северного Кавказа, а там о таких “неучтивых джигитах” говорят: “А кто его родители?”

И такая фраза бросает пятно на весь род!

Я благодарен Станиславу Куняеву за его пристальное внимание к моему творчеству. Все лучшие стихи свои я напечатал в “Нашем современнике” и даже дважды становился лауреатом ежегодной премии журнала, чем очень горжусь. Станислав Юрьевич, лёгкий на подъём, приезжал к нам в Пермь, где он жил в детские годы. Был он и в области, и в этнографическом музее реки Чусовой. Выступал и в городских библиотеках. В Перми поэту и публицисту в Доме учителя был вручён орден Достоевского первой степени.

Принимая орден Достоевского, Станислав Куняев сказал:

– Я счастлив получить эту награду именно в Перми по двум причинам: в 1936-1937 годах моих родителей направили сюда работать в физкультурный техникум. Мы жили около Красного сада, и если сейчас я проеду мимо этого сада (ныне это парк имени Горького), хоть я и был в ту пору четырёхлетним мальчиком, сердце забьётся у меня погромче... Но есть и вторая причина, по которой орден Достоевского мне дорог. Без прочтения Достоевского многого бы в ходе русской жизни я не понимал...

Станислав Юрьевич проиллюстрировал сказанное двумя своими стихотворениями, озвученными в Доме учителя.

В них, в частности, были такие строки:

А если уж Алёша Карамазов
Взроптал, то мы у бездны на краю...

Тема русской бездны и стала определяющей в лекции главного редактора “Нашего современника”, прочитанной им позднее в библиотеке имени Пушкина и озаглавленной так же, как и одна из книг его публицистики: “Стас уполномочен заявить...”. Зал библиотеки был полон, люди стояли даже у дверей. И приводимые лектором примеры, касающиеся силы, парадоксов и отличительных черт русского национального сознания, для некоторых слушателей, может быть, звучали впервые. Спасибо ему за то, что он просвещал наш либеральный край!

А завершить свою небольшую заметку хочу словами публициста Сергея Климковича, которые являются отличным предупреждением нашим врагам и внутри страны, и снаружи: “Бойтесь разбудить русского. Вы не знаете, чем кончится для вас его пробуждение. Вы можете втоптать его в грязь, смешать с дерьмом, насмехаться, унижать, презирать, оскорблять. И тот момент, когда вам покажется, что вы победили русского, уничтожили, ошельмовали на веки вечные, стёрли в порошок, вдруг произойдёт что-то необыкновенное, удивительное для вас. Он придёт к вам в дом. Устало опустится на стул, положит на колени автомат и посмотрит вам в глаза.

...Но он будет в вашем доме. И тогда русский задаст вам вопрос: “В чём сила, брат?” И именно в этот момент вы тысячу раз пожалеете, что вы не брат русскому. Потому что брата он простит. А врага – никогда. Французы помнят. Немцы знают... Русский живёт справедливостью. Западный обыватель – лживыми брифингами и лукавыми пресс-конференциями. Пока жива в его сердце справедливость, русский поднимется из грязи, из мрака, из ада. И вы ничего с этим поделать не сможете”.

г. Пермь

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

ПЕРСИДСКАЯ СТРУНА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

от Державина до Серебряного века

Ликуй, Иран! Твоя краса —
Как отблеск радуги огнистый!
Земля цветёт — и небеса,
Как взоры гурий, вечно чисты!

Так возлюбил тебя Аллах,
Иран, жемчужина Востока,
И око мира, падишах,
Сей Лев Ислама, меч Пророка!

Л. А. Якубович

Дело в том, что я в настоящее время Гафиз, то есть читаю и перевожу эту прелестную розу Ирана.

Из письма А. А. Фета А. В. Дружинину

Предуведомление читателям

Поразительно, но, отправляясь в 2009 году впервые в Иран, я и представить себе не мог, что меня ждут ещё 5 поездок в эту страну, что я сильно увлекусь исследованием жизни Александра Грибоедова, написав о нём несколько книг, и что всё это подвигнет меня в итоге к погружению в нераскрытую и увлекательную тему влияния персидской темы на русскую поэзию. Пёстрый персидский мир, его история и культура широко открылся перед русским миром более двух веков назад, и оказалось, что, начиная с Грибоедова, Персия влекла к себе мощным магнитом многих русских поэтов, "болевших" страстью к путешествиям. Прав был великий Саади, утверждавший: "Выгоды путешествия велики: путешествуя, радуешь сердце, извлекаешь выгоды, видишь разные диковины, слышишь о чудесах, расширяешь образование и познания, умножаешь богатство и состояние, знакомишься с людьми и испытываешь судьбу".

В круг русских поэтов, так или иначе очарованных "волшебством персидского мира", было вовлечено огромное количество мастеров рифмы: если провести серьёзные подсчёты, то получится, что в "персидский плен" разной силы попало не менее 100 поэтов России XVIII–XXI веков. С какими другими струнами русской поэзии может сравниться *персидская струна?* С *итальянской струной*, вызванной очарованием Рима, Венеции, Флоренции, Милана

и других мест Италии или следованием путями великих Данте, Петрарки и Боккаччо? С *немецкой струной*, навеянной творениями Гёте и Гейне или сумрачными приметами германских земель? С *английской струной*, рождённой картинами туманного Альбиона или попытками идти по следам Шекспира и Байрона? С *французской струной*, оживавшей от соприкосновения с Парижем, Тулузой, Лионом, Лазурным берегом или поэтами этой притягательной страны? А может, с *кавказской, польской, японской, американской* или какими-либо другими струнами? Не будем гадать и погружаться в подсчёты. Для точного ответа на этот вопрос потребовалось бы написать несколько полновесных книг. Выскажем лишь мнение, что *персидская струна* обязательно должна была бы попасть в первую тройку *иностранных струн* русской поэзии, а *персидский магнит* был одним из самых сильных и притягательных в истории отечественной лирики.

Такой вывод будет особенно явным, если учесть, что из более чем 100 русских поэтов, писавших на персидские темы, немногие сумели посетить эту удивительную страну. С другими странами – Италией, Германией, Англией, Францией – было совсем по-другому: их посещало значительно большее количество русских поэтов, которые часто жили там подолгу, в том числе в эмиграции, и не могли не воспевать их.

Начиная разработку этой темы, я и представить себе не мог, какое огромное воздействие оказала Персия, её история и культура на русскую поэзию и её выдающихся представителей. Причём это не зависело от того, удавалось ли самим поэтам воочию увидеть персидский мир. Вспомним, какие яркие стихи оставили о Востоке и Персии так и не побывавшие там В. Жуковский, А. Фет, Ф. Тютчев, И. Бунин, В. Брюсов, К. Бальмонт, М. Волошин, Н. Гумилёв и особенно С. Есенин! Лишь нескольким поэтам удалось когда-то прикоснуться к персидской земле, и, конечно, первым среди них навсегда останется "персидский странник" Александр Грибоедов, которому суждено было не только более трёх лет своей короткой жизни провести в Персии, но и погибнуть в её столице. Грибоедов стал тем незабываемым примером, который, как магнит, притягивал к Персии многих шедших по его "восточным стопам" поэтов – и Пушкина, и Лермонтова, и Есенина.

Глубокое погружение в выбранную тему принесло много открытий. Оказалось, что в этой стране побывали не только **Александр Грибоедов** (1819–1822, 1827–1829 годы) и **Велимир Хлебников** (1921 год), что довольно широко известно, но и такие писатели, как **Василий Каменский** (1906 год), **Николай Клюев** (предположительно в начале XX века, но это не подтверждено документами), **Владимир Тардов** (1909, 1920, 1921–1928 годы, работал дипломатом в Иране, специалист по фарси), **Лев Василевский** (до 1912 года, работал судовым врачом, написал цикл стихов "Персидские мотивы"), **Юрий Терапиано** (1913 год), **Евгений Яшнов** (1914 год), **Сергей Городецкий** (1916–1917, 1921 годы), **Эдуард Багрицкий** (1917–1918 годы), **Виктор Шкловский** (1917–1918 годы), **Александр Чачиков** (1918, 1921 годы), **М. С. Альтман** (1920 год), **А. О. Моргулис** (1921 год), **Вячеслав Иванов** (1921 год), **Григорий Санников** (1925, 1956 годы). В советское время и позднее в Иране побывали **Алексей Сурков** (1946), **Вера Инбер** (1946), **Расул Гамзатов, Тимур Зульфикаров, Михаил Синельников, Сергей Маркус, Аида Соболева и... автор настоящей статьи.**

До 1906 года, когда в Персии оказался Каменский, там побывал из отечественных поэтов только один Грибоедов. С 1906 по 1925 год Иран посетило не менее 15 поэтов. При этом важно отметить, что большинство из них увидели только северные районы Ирана и не посещали ни Тегерана, ни Исфахана, ни Шираза. Потом последовали довольно отрывочные посещения Ирана советскими поэтами, а ещё через некоторое время, уже после распада СССР, начались поездки в эту страну поэтов новой России...

Отдельных статей о влиянии Персии на творчество поэтов достойны А. Грибоедов, А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Бунин, Н. Гумилёв, К. Бальмонт, С. Есенин, В. Хлебников. То же самое можно сказать и о Серебряном веке, и о советской поэзии: они достойны отдельного подробного освещения, которое можно сделать впоследствии. В настоящей же статье предлагается обратиться к рассмотрению "персидской струны" русской поэзии с самых её истоков и до начала Серебряного века, не затрагивая при этом упомянутых выше титанов отечественной поэзии.

От самых истоков

Когда же интерес к Персии впервые проявился в русской поэзии? Неужели только в Золотой век отечественного поэтического слова, в начале XIX века? Или намного раньше, когда соседство России с Персидской империей не могло не сказываться на глубоком и неподдельном интересе россиян к "персидскому миру"? Ответ может быть однозначным: начиная с "Хожения за три моря" тверского купца Афанасия Никитина, который на пути в Индию познакомился с Персией более 500 лет назад, постепенно персидская тематика становилась всё более "горячей" в общественном сознании России.

Известно, к примеру, что ещё в первой половине XVII века участником одного из посольств царя Михаила Фёдоровича в Персию стал стряпчий и поэт **Алексей Саввич Романчуков**, который в своих дорожных стихах не мог не записывать свои впечатления, хотя они и носили поверхностный характер. В 1636 году Романчуков был назначен сопровождать Голштинское посольство в Персию и одновременно царским посланником или "малым послом" к персидскому шаху. В сентябре этого года он прибыл в Астрахань, а вернулся туда из Персии в конце 1638 года. Русская миссия путешествовала вместе с голштинской, секретарь которой, Адам Олеарий, записал в дневнике, что Романчуков "был лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку". Во время путешествия Романчуков, благодаря голштинцам, овладел латинским языком почти в совершенстве и так пристрастился к математике, что беспрестанно занимался изучением астролябии и делал математические вычисления.

Поэтическое наследие Романчукова совсем невелико. Поэт скончался вскоре после возвращения из Персии. Ходили слухи, что это было самоубийство и что якобы Романчуков отравился, узнав о неудовольствии на него царя за действия его в Персии или излишнее увлечение науками.

Особенно персидская тематика начала выходить на первый план в эпоху Петра Великого, когда не только появилась пресса и стало активно развиваться книгоиздание, но и противостояние двух империй – Российской и Персидской – дошло до прямой военной борьбы во время Персидского похода Петра I в 1722 году. В этом походе принял участие офицер **Павел Степанович Львов**, который на берегу Каспия, южное прибрежье которого тогда впервые перешло к России, сочинил знаменитую поныне песню, которую можно считать одним из первых творений с "персидским оттенком":

Уж как пал туман на сине море,
А злодейка-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.

К счастью, раненый автор этого шедевра не погиб, а вернулся домой, обзавёлся семьёй и долго вспоминал свои персидские приключения. В ту пору русская поэзия делала только самые первые свои шаги, расцвет был ещё впереди, но уже тогда стали проявляться её лучшие качества. "Дайте русскому мальчику карту звёздного неба, и на следующий день он вернёт вам её исправленной", – эти иронические слова из романа Достоевского "Братья Карамазовы", казалось бы, не относятся напрямую к поэзии, но они прекрасно демонстрируют ту важную черту русского национального характера, которая проявлялась и не единожды во многих областях человеческой деятельности: от подвигов первопроходцев и географических открытий до научных исследований и прорывов в сфере искусства. Выходить за пределы доступного, искать неведомое, постигать скрытое от взглядов – эти качества проявляли и многие русские поэты, особенно в эпохи "времён Очаковских и покоренья Крыма", первых русских кругосветных путешествий, Отечественной войны 1812 года и последующих постоянных войн за укрепление российской державы. Поэты всегда старались не отрываться от происходившего в стране, и, конечно, всё это проявлялось и во время их странствий и путешествий по России и миру.

Однако в XVIII веке "поэтическое познание" мира находилось в России в зачаточном состоянии, и дело заключалось не только в постепенном формировании русского поэтического языка, накоплении им богатств, опыта и традиций, но и в том месте, которое поэзия занимала в общественной жизни. Она ещё не заняла то положение, которое подарил ей Золотой век русской поэзии, и оставалась в подчинённом, вторичном положении в культурном и общественном пространстве. Занятия поэзией были не совсем профессиональными, в том смысле, что они, как правило, лишь дополняли основную деятельность поэтов, в большинстве своём служивших на государственных постах разного рода. И получалось, что поэзия оказывалась часто продолжением этой службы, и в ней во весь голос звучали именно гражданские мотивы.

До 80–90-х годов XVIII века в русской поэзии почти безраздельно господствовал классицизм, которому были свойственны идеи рационализма, превосходства разума, обращение к высоким общественно-воспитательным функциям искусства, к возвышенной истории с игнорированием всего случайного, индивидуального и мелкого. Эта направленность подкреплялась следованием строгим канонам и определённым жанрам поэзии, имевшим конкретные признаки и чёткую иерархию. К высоким жанрам относились ода, трагедия, эпопея, а к низким – комедия, сатира, басня. В ту пору почти отсутствовал жанр небольших по объёму лирических стихотворений, посвящённых переживаниям и впечатлениям поэтов. А отсюда вытекало, что, перебрав всё, написанное поэтами XVIII века, мы найдём очень мало стихотворений, посвящённых конкретно "персидским мотивам". Географическая тематика неизбежно растворялась тогда в исторических одах, пафосных эпопеях или более лёгких комедиях и баснях. Тем более что география путешествий русских поэтов XVIII века не шла ни в какое сравнение с такой географией Золотого века, а тем более века XX: заграничные путешествия были тогда большой редкостью, и, конечно, в Персию никто из поэтов просто так не попадал.

Однако одно имя здесь следует всё-таки упомянуть. Одним из первых произведений на персидскую тему в русской поэзии является трагедия поэта и драматурга, актёра и режиссёра **Петра Алексеевича Плавильщикова** (1760–1820) "Тахмас Кулыхан", под именем которого автор изобразил захватившего персидский престол жестокого завоевателя Надир-шаха, разграбившего Дели, столицу Великих Моголов. В пьесе тиран домогается любви плённой жены Великого Могола Зальмиры, но терпит поражение. Его обличает воин Арбелам, думающий о благе Персии:

Ты троны мог себе со славой покорить,
Почто ж отечество ты медлишь защитить?
Ты в лаврах в Индии, но персов ток кровавый
Мрачит гремящия твоей блистанье славы.

Но Тахмас непреклонен в своей страсти к завоеваниям и тиранству, что даёт автору повод изобличить такое поведение монархов в "просвещённый век":

Пойду во все места искать себе побед,
Чтоб сердца моего отмстить ужасну жертву,
Или в отчаянье пред ним мне пасти мертву
Свирепыя войны в пылающем огне.

Г. Р. Державин – провозвестник взлёта русской поэзии

Именно в ключе интереса к истории Персии следует оценивать обращение к "персидской теме" **Гавриила Романовича Державина** (1743–1816), знаменитого поэта-государственника, одного из немногих русских мастеров рифмы, который сочетал в себе поэтическое творчество и служение на высоких государственных постах губернатора (Олонецкого и Тамбовского наместничеств) и министра юстиции. Державин постоянно интересовался восточными сюжетами, не раз вспоминал в своих стихах Аллаха и Пророка ("Прошу великого Пророка, // Да праха ног твоих коснусь...''), Зороастра (Заратустру) (Екатерина Великая, согласно поэту, давала подданным законы, опершись

“на Зороастров истукан”) и питал особую страсть к индийской поэзии. Он даже обратился в 1810 году к индологу Г. С. Лебедеву с просьбой познакомить его с принципами стихосложения индийских поэтов.

А в 1797 году в оде “На возвращение графа Зубова из Персии” Державин вспомнил о знаменитом “персидском походе” в эпоху Екатерины Великой.

Сравнивая Зубова с покорителем Персии Александром Македонским (“По духу войск, тобой веденных, // По младости твоей, красе, // По быстром персов покоренье // В тебе я Александра чтил!”), Державин описал то, что тому пришлось увидеть и пережить:

О юный вождь! сверша походы,
Прошёл ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с рёбр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чёл их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесясь, смотрит в тёмный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Да, мы можем наблюдать, что здесь стиль ещё не совсем “золотого века” русской поэзии, но как бьётся мысль поэта! Напомним, что это именно Державин сказал то, что перефразировал позже в “Горе от ума” А. С. Грибоедов: “Мила нам добра весть о нашей стороне: // Отечества и дым нам сладок и приятен”. В этих словах поэт, по сути, выразил главную идею всяческих путешествий: именно они позволяют почувствовать тоску по Родине, и даже знакомый с детства “дым Отечества” – “дым трагедий, неустроенности и былых пожарищ” нам становится “и сладок, и приятен”. Державин выступает здесь поэтом-пророком, которые в России были всегда, и он не случайно стал зримым мостиком к “золотому веку” русской поэзии, передав свою эстафету юному А. С. Пушкину, и где? – именно в Лицее, в Царском Селе, которое Гавриил Романович любил и воспевал в своих стихах.

Интерес к Востоку и рождение Золотого века

Отметим здесь особо, что именно в конце XVIII века интерес к Востоку в России резко возрос. В стране в тот период и чуть позднее стали появляться многочисленные переводы произведений восточной тематики: сказки “Тысячи и одной ночи”, стихотворения Саади, Хафиза, Фирдуоси, “Персидские письма” Монтескьё, “Задиг” Вольтера, “Волшебные сказки” А. Гамильтона, “Персия, или Картина управления, религии и литературы этой страны” А. Журдена. А в петербургских театрах тогда были очень популярны оперы и балеты на восточные темы.

Ещё более явный поворот внимания к Персии, к иранской истории и культуре произошёл в России в начале XIX века и в связи с географическим соседством с восточными странами, и в связи с частыми войнами с народами мусульманского мира. В 1804 году в российских университетах было введено преподавание восточных языков – арабского и персидского, а в 1818 году в Петербурге был организован Азиатский музей, где хранились восточные рукописи.

Все эти перемены совпали с постепенным появлением на свет такого уникального культурного явления, как Золотой век русской поэзии. Рождение и развитие Золотого века совпало с победой романтизма, который пришёл на смену классицизму и сентиментализму со следующими своими чертами: внимание к душевному миру человека, его чувствам, изображение ярких, зачастую сильных, страстей и характеров людей, показ страданий и эмоций героев; культ природы.

Именно с 1820-х годов XIX века в поэзии утверждается традиция конкретного и реалистичного описания поэтами тех или иных мест, увиденных собственными глазами, без пафосных преувеличений и избыточных восторгов, столь свойственных более ранней поэзии. Достаточно обратиться к "Евгению Онегину" и узнать, что "Москва Онегина встречает // Своей спесивой суетой, // Своими девами прельщает, // Стерляжьей потчует ухой", что в Нижний Новгород "жемчуг привёз индеец, // Поддельны вины европеец, // Табун бракованных коней // Пригнал заводчик из степей", что в Астрахани героя поэмы "Как жар полуденных лучей // И комаров нахальных тучи, // Пища, жужжа со всех <сторон>, // Его встречают", и что в Пятигорске поражает "...Зеленеющий Машук, // Машук, податель струй целебных; // Вокруг ручьёв его волшебных // Больных теснится бледный рой..." Реальные приметы жизни и самых разных просторов с этой поры уже навсегда обретут свою прописку в русском поэтическом слове.

Золотой век русской поэзии интересен тем, что именно в эти годы русские поэты начали активно путешествовать за границу, открывая одну страну за другой.

Под влиянием Персии: 20 поэтических имён

"Персидский магнит" притягивал к себе не только русских поэтов "самой высшей пробы" от Грибоедова и Пушкина до Хлебникова и Есенина. Его притяжение включало в свою орбиту, по крайней мере, с начала XIX века по 20-е годы XX века почти весь поэтический мир России. За 100 с лишним лет, которые вобрали в себя и Золотой, и Серебряный век русской поэзии, трудно найти даже нескольких поэтов, которые хотя бы косвенно, хотя бы мельком не коснулись "иранской темы", будь то подражание персидским лирикам, переводы их творений или просто восточные напевы. Попробуем бегло пробежаться по летописным вехам русской поэзии.

В 1805 году к теме персидской истории обратился недооценённый современниками поэт **Семён Сергеевич Бобров** (1763–1810), который долго жил на юге России, был некоторое время в центре общественного внимания (его произведения знали Грибоедов, Пушкин, Вяземский). В поэме "Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсоне Таврическом" он писал о Персии,

Где царствовали Шах-Аббасы
В объятиях спокойных мира,
Где Кулыханы разъярённы
В себе открыли тех бичей,
Каких Бог сил послал на землю
Карать трепещущи народы?..

В 1806 году рано ушедший из жизни, забытый сегодня поэт **Фёдор Иванович Ленкевич** (1780-е?-1810), принадлежавший к радищевскому кругу поэтов, обратился одним из первых к учению Зороастра (Заратуштры), в котором его заинтриговало противоборство добра и зла и предрасположенность к победе первого. В стихотворении "Два Зороастрова гения" он отразил это таким образом:

Ты истину изрёк, о мудрый Зороастр!
Вселенна двух духов во власти:
Один дух злобы и коварств,
Влекущий за собой напасти...
Другой есть ангел-покровитель,
Народов и царей хранитель...

Но правда держит царствий вес —
И зло добра не побеждает...
Благого благость воссияет,
Как Феб на высоте небес;
А злобы дух в своём стремленье,
Крутясь, крутясь, исчезнет вмиг...
Рекут народы в изумленье:
“И всё губил... и сам погиб...”

Иранская мифология привлекала и несчастного, сосланного на Кавказ, разжалованного в солдаты и фактически замученного позднее телесными наказаниями **Александра Ивановича Полежаева** (1804–1837). В своём стихотворении “Демон вдохновения” (1832) он обратился к образу Аримана (Ахримана), бога тьмы – олицетворению всего злого в маздаизме, противника Ормузда (Ахура Мазды). Подданные этого “властителя духов” преклоняются перед его силой и жестокостью:

О Ариман! О грозный царь
Теней, забытых Оризмадом!
К тебе взывает целым адом
Твоя трепещущая тварь!..
Мы не страшимся тяжкой муки:
Давно, давно привыкли к ней
В часы твоей угрюмой скуки,
Под звуком тягостных цепей...

Ариман является перед всеми в “громе, и в блеске”, в “тройной короне из чёрных змей”, твёрдо утверждает при этом “власть своей руки” и вдруг исчезает “на троне среди теней”... И это вызывает у поэта, потерявшего “демона вдохновения”, тоску и одиночество (не подействовал ли он этим образом на М. Ю. Лермонтова, создававшего в то же время своего Демона?):

Всё тихо!.. Страшные виденья,
Как вихрь, умчались по стене,
И я, как будто в тяжком сне,
Опять с своей тоской сижу наедине...
Зачем ты улетел, о демон вдохновенья!

Другой почти забытый сегодня поэт “пушкинской поры”, дебют которого приветствовал и Пушкин, и Баратынский, **Андрей Иванович Подолинский** (1806–1886) также обратился к иранской мифологии, когда в довольно объёмной поэме “Див и Пери” (1827) показал противостояние и одновременно сосуществование в персидских пределах Дивов – падших ангелов, превратившихся в злых демонов, – и Пери – тоже падших ангелов, но стоящих на страже добра. В этой поэме, насыщенной приметами иранской жизни, колорит Востока ощущается так, будто автору удалось всё-таки посетить Персию:

Из пределов Сегестана
К дальним рощам Хорасана
Пери лёгкая неслась.
Тень ложилась на равнины...
И безмолвны те долины,
Где когда-то кровь лилась...
Тот предел перелетая,
Видит Пери: чуть мелькая,
Между камней цвет ночной
Блещет радужной росой;
И склонясь под сенью древа,
Как задумчивая дева,
Дремлет в неге, — и сквозь сон
Ароматом дышит он.

И к нему, благоуханьем
С высоты привлечена,
Мчится Пери, и дыханье
Пьёт душистое она.

В завершение поэмы автор переходит к обобщению о том, что и ныне Дивы и Пери летают над землей, творя свои деяния:

Дни бегут, лета мелькают
Неизменною чредой:
Каждый год рука с рукой
Див и Пери посещают
Край за краем. Над землёй
Льются их благодеянья —
Их достойные деянья
Человек благословлял;
И об них воспоминанье
Он потомству завещал.

Подолинский и позднее продолжал обращаться к персидским мотивам, написав стихотворение "Фирдуси" (1828) и ещё одну мифологическую поэму "Смерть Пери", которая так же, как и первая его поэма на восточные темы, была написана в манере модного в то время Томаса Мура.

Персидская лирика, попадая на русскую почву, своей пестротой, яркостью и необычностью будила у поэтов новые образы и сюжеты. Так, **Дмитрий Петрович Ознобишин** (1804–1877), талантливый поэт, путешественник и общественный деятель, кстати, рвавшийся попасть в состав грибоедовского посольства в Персию, но не добившийся своего, а потому проживший долгую жизнь, придумал даже для себя особый псевдоним Делюберадер, что по-персидски означало "Сердце брата" (не Грибоедова ли?). Ознобишин знал несколько языков, среди которых был арабский и фарси, составил первый персидско-русский словарь, переводил восточных поэтов, в том числе Низами Гянджеви, и много писал на иранские темы, не забывая и любовные ноты. В превосходном по своей красоте стихотворении "Рождение перла" (1828) он описал историю любви "степного духа" к прекрасной деве:

Степей полнощных дух могучий
Младую деву полюбил,
Для ней он радостные кущи
Ирана светлого забыл.

Чертог из пышного коралла
За поцелуй дарил он ей;
Но дева гордо отвечала:
"Как беден дар твой, дух степей!"

Долго-долго "степной дух" подносил красавице разные дары, но всё было тщетно, до тех пор, когда он "на поверхность океана // слезу блестящую сронил", и "та слеза вдруг перлом стала, // каких не зрели средь зыбей!" Красавица сдалась, дух "стал счастлив". А Ознобишин пафосно закончил своё творение:

Прекрасны утренние розы,
Когда на них заря горит;
Но вы, любви живые слёзы, —
Ваш блеск ничто не затемнит!

Как перл, на дне зыбей сокрытый,
Вы льётесь сладостно в тиши, —
Как в перле блеск и нежность слиты,
Так в вас — все радости души!

Дмитрий Ознобишин не случайно примерно в эти же годы обратился к переводам персидских лириков Саади и Хафиза, одним из первых в русской поэзии воспроизведя газели – особый вид иранской поэзии. И ему удалось это сделать талантливо и оригинально:

Без красавицы младой,
Без кипящего стакана,
Прелесть розы огневой,
Блеск сребристого фонтана —
Не отрадны для души!

Без напева соловья
Скучны роз душистых ветки;
Шёпот сладостный ручья
И ясминные беседки —
Не отрадны для души!
(1826)

А вот так Ознобишин перевёл одну из од Хафиза:

Блестящую чашу наполни вином,
Пусть светлое в чаше играет!
Рви розы, бросай их на землю кругом,
Лишь глупый заране вздыхает.
Так в утренней песни звучал соловей:
— Что, розочка, скажешь о песни моей?
(1829)

Следует особо подчеркнуть, что, начиная с конца 1820-х годов и позднее, переводами персидских лириков занимались и многие другие поэты. Достаточно назвать имена и произведения **Алексея Степановича Хомякова** ("Из Саади"), **Михаила Ларионовича Михайлова** ("Из Саади", "Из Руми"), **Леонида Николаевича Трефолева** ("Песня дервиша", "Из "Гюлистана"), **Дмитрия Николаевича Цертелева** ("Из Зенд-Авесты", "Отречение Кира").

А известный участник Отечественной войны 1812 года, автор "Писем русского офицера", долгожитель-поэт **Фёдор Николаевич Глинка** (1786–1880) обратился со своим вольным переложением к "Гюлистану" несравненного Саади, чтобы прославить в стихотворении "нетленные глаза" благодетельного восточного царя.

В это время после "Подражаний Корану" Пушкина священная книга мусульман стала по-настоящему "модной" книгой, а "восточный стиль" превратился в одну из ведущих примет романтизма. Позднее Фёдор Достоевский в своей знаменитой речи на пушкинском юбилее скажет об удивительном проникновении поэта в самую суть ислама: "Разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная сила её?" Мусульманские герои и праведники заполнили тогда стихи поэтов-современников Пушкина, которые оставались христианами, но их вдохновляло мужество и преданность вере представителей исламского мира.

Упомянем лишь несколько имён и произведений: **Александр Вяземский** – "Мухамед", **Андрей Николаевич Муравьёв** (1806–1874) – "Песнь дервиша" и "Бахчисарай", **Владимир Григорьевич Бенедиктов** (1807–1873) – "Калиф и раб", "Подражание персидскому"...

Приятель Пушкина, служивший на Кавказе и создавший в Тифлисе цикл стихотворений "Восточная лютня", **Александр Ардалионович Шишков** (1799–1832), племянник известного адмирала и министра народного просвещения А. С. Шишкова, уловил в грузинской жизни приметы долгого персидского владычества и также, как ровно через 100 лет С. А. Есенин, как будто бы перенёсся с помощью своей фантазии в Персию (таким сильным был уже тогда магнит восточной, незнакомой страны):

Я дев прелестных видел там:
И бег был лёгкий бег джейрана;

Спускалась дымка по грудям
С лица до стройного их стана. —
Оне пышней гилянских роз,
Приятней сладкого шербета!
Не так любезен в полдень лета
Для нимф прохладный ток Гаета
И страстных гурий нежный взор,
Всегда приветный, вечно юный
Небесных Пери звучный хор,
И Сади ропщущие струны.

Некоторое время в Тифлисе жил и замечательный поэт **Яков Петрович Полонский** (1819–1898), который так же, как и Шишков, наблюдал в грузинской столице "персидские реалии". Так, стихотворение "Сатар" (1851) он посвятил известному в Тифлисе иранскому певцу, поразившему его своим "диким" пением:

Сатар! Сатар! твой плач гортанный —
Рыдающий, глухой, молящий, дикий крик —
Под звуки чианур и трели барабанной
Мне сердце растерзал и в душу мне проник...

Не знаю, что поёшь, — быть может, песнь Кярама,
Того певца любви, кого сожгла любовь;
Быть может, к мести ты взываешь — кровь за кровь, —
Быть может, славишь ты кровавый меч Ислама —
Те дни, когда пред ним дрожали тьмы рабов...
Не знаю, — слышу вопль — и мне не нужно слов!

Полонский вообще часто обращал свой взор к Востоку, он написал драматическую поэму "Магомет", цикл стихов на исламские мотивы, а также поэму "Н. А. Грибоедова" – о любви Нины Чавчавадзе и Александра Грибоедова, воспев историю драматических судеб двух влюблённых, навечно связавших своим примером два народа – русский и грузинский.

Андрей Николаевич Муравьёв (1806–1874) – русский литератор, путешественник и религиозный деятель – был хорошим знакомым А. С. Грибоедова. Они повстречались в Крыму в 1825 году и несколько раз подолгу общались. Позже Муравьёв утверждал: "Многим обязан я Грибоедову...". И, вероятнее всего, именно тот повлиял на будущие паломнические путешествия Муравьёва именно по направлению на Восток, где поэт вдохновлялся вот такими строками:

Аллах даёт нам ночь и день,
Чтоб прославлять его делами;
Светило дня — Его лишь тень —
Виновных обличит лучами.
Аллах керим! Аллах керим!

Член "Общества любомудрия", оригинальный поэт, которого ждала слишком краткая жизнь, **Дмитрий Владимирович Веневитинов** (1805–1827) собирался, подобно А. С. Грибоедову, отправиться послом в Персию и там "на свободе петь с восточными соловьями". Тем более что он, как и Грибоедов, служил некоторое время в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел.

Алексей Константинович Толстой (1817–1875) в своих "Крымских очерках", устав от тягот и забот, поминал Аллаха:

Всесильной волею аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Четырдаха
Благополучно на ночлег.

Особо следует упомянуть о **Платоне Григорьевиче Ободовском** (1803–1861) – писателе, педагоге, драматурге и путешественнике, почти

совсем забытом в наше время. Однако он ещё в 1825 году, задолго до многих других поэтов, затронул "восточную тему" в своём "Персидском романсе":

Приди под шёлковый намет,
Усни на мехе неизмятом!
Здесь скорпионов вредных нет,
Здесь розы дышат ароматом
И в чаше искрится шербет;
Взойди на светлый холм со мною,
Окинь глазами пышный сад!
В нём роскошь с милой простотою
Твой прояснят суровый взгляд.
Коль скучно средь зеркал гарема!
Возляг при зеркале ручья!
Послушай песни соловья:
Он Сади сладостный эдема.
Его живителен напев,
И звуков томных переливы
Отрадней для души тоскливой,
Чем песнь пленительная дев...

В "Отрывках" из персидской повести "Орсан и Лейла", в которых чувствовалось влияние В. А. Жуковского, поэт вспомнил и об Исфахане, и о дворце персидского шаха, и о "райских вратах":

Преданье было в Испагане,
Что души праведных царей
И всех, умерших в царском сане,
В час обновления луны
Изходят из гробницы мирной
В врата с восточныя страны,
Одеты ризою эфирной;
С луной по небесам плывут
В предел безоблачного края;
И Персы те врата зовут
Вратами радостного рая.

Ободовский, как и многие другие поэты до него, и многие после, уносился в своём воображении в персидские дали, в Шираз, к гробнице поэта Хафиза (стихотворение с показательным названием "Персидский вечер"):

Знойный день не пламенеет
На прозрачных небесах;
Погляди, — лазурь темнеет,
Звёзды искрятся в водах...
И в гостиницах Шираза
Сонных персов не живит
Звук чудесного рассказа
И кальян не веселит.
Все уснули за шербетом
На узорчатых коврах;
Вот взошёл над минаретом
Месяц в сребряных лучах.

Поэт **Лукьян Андреевич Якубович** (1805–1839) — один из ярких представителей ориенталистской струи в русской поэзии, написавший много стихов о Кавказе, так же, как и Ободовский или Полонский, обращался к Корану и "улетал" в своих мечтах в Персию, ведь ему не посчастливилось много путешествовать. Ему принадлежит настоящий гимн стране великой истории и поэзии под названием "Иран":

Ликуй, Иран! Твоя краса
Как отблеск радуги огнистый!

Земля цветёт — и небеса,
Как взоры гурий, вечно чисты!

Так возлюбил тебя Аллах,
Иран, жемчужина Востока,
И око мира, падишах,
Сей Лев Ислама, меч Пророка!

Твой воздух амброй растворён,
Им дышит лавр и мирт с алоем;
Здесь в розу соловей влюблён,
Поэт любви томится зноем.

А в своём "Подражании Саади" (1836) Якубович вот так пересказывает одну из притч знаменитого персидского лирика:

Молвил я однажды другу:
— Сделай мне одну услугу,
Приложи к устам печать,
Научи меня молчать.
И добро, и зло бывает
В разговорах наших сплошь,
Враг всё злое замечает,
От злоречья как уйдёшь?
"Друг! — заметил мне приятель. —
Терпит злых и Сам Создатель,
Любишь мёд — люби и сот;
Из врагов же лучший тот,
Кто добра не примечает,
Видя в нас один порок:
Чрез него-то получает
Человек прямой урок!"

Василий Жуковский и Персия

В том же ряду поклонников Востока следует назвать и **Василия Андреевича Жуковского** (1783–1852) – "первого романтика" в русской поэзии, чья звезда блистала ещё в допушкинский период. Именно ему Пушкин посвятил свои пламенные строки:

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Жуковский был первым, кто явил читателю русский язык в его истинной певучести, звучности и музыке стиха. Но при этом, будучи образованнейшим человеком, обладавшим несравненным даром переводчика, поэт сделал доступными для русских читателей многие лучшие образцы мировой литературы, будь то немецкая и английская поэзия или перевод "Одиссеи" Гомера (недаром Пушкин называл поэта "гением перевода"). В этом же ряду стоят и восточные поэмы Жуковского, такие как индийская поэма "Наль и Дамаянти" и стихотворная повесть "Пери и ангел", которая была написана поэтом в 1821 году и представляла собой перевод второй части "Рай и Пери" из поэмы Т. Мура "Лалла Рук".

В поэме Мура, стилизованной под восточную поэзию, рассказывалось о путешествии индийской принцессы Лаллы Рук из Дели в Кашмир к её жениху, бухарскому принцу Алирису. В пути Алирис, испытывая невесту, сопровождает её под видом певца Фераморза и рассказывает ей различные поучительные истории. Одним из таких рассказов и является "Рай и Пери". Как

объяснил Жуковский, "Пери – воображаемые существа, ниже ангелов, но превосходнее людей", которые "не живут на небе, но в цветах радуги... и подвержены общей участи смертных". В своей повести он воспроизвёл многие пёстрые приметы восточной жизни, вспоминая и Персию. "Я знаю тайны Хильминара..." – так писал он о развалинах Персеполя – древней столицы этой страны. Краткая цитата из начала повести может показать, как под пером поэта рождалась "восточная стилизация" на русской почве:

Однажды Пери молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине;
Ей слышалось: в той стороне,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райские ключи.
И неба райского лучи
Лились в полуотверзты двери
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О том, что рая лишена.

В период работы над поэмой Жуковский создал ещё стихи "Лалла Рук" (здесь он раньше Пушкина выразился так: "Гений чистой красоты...") и "Явление поэзии в виде Лалла Рук".

В последнем он признался в своём влечении к Востоку:

К востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые там
Явилась в блеске над землёю
Обрадованным небесам.

Как утро юного творенья,
Она пленительна пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.

А в 1846–1847 годах поэт написал, как он сам это обозначил, "Персидскую повесть, заимствованную из царственной книги Ирана (Шах-наме)" под названием "Рустем и Зораб" с подзаголовком в оглавлении "Вольное подражание Рюккерту". Эта поэма представляла собой переложение перевода немецким поэтом Фридрихом Рюккертом (1838) одного из эпизодов поэмы "Шахнаме" (или "Шахнаме") великого персидского поэта Фирдоуси. "Шах-наме" или "Книга царей" – это грандиозная эпопея иранской истории, основанная на народных преданиях и письменных источниках. В ней рассказывается о сменявших друг друга династиях, о царях и богатырях, о различных иранских народах. В качестве главной в поэме проходит тема борьбы иранцев против туранцев, воинственных племён, живших на северо-востоке от Ирана, что олицетворяло свойственное учению зороастризма понимание извечной борьбы двух начал – добра и зла, света и тьмы, Ормузда и Ахримана.

Из всех богатырей самым могучим и любимым для Фирдоуси и народов Ирана являлся Ростем (у Жуковского – Рустем). Его подвиги составляют содержание многих эпизодов поэмы, в том числе эпизода о Ростеме и его сыне Сохрабе (у Жуковского – Зораб). В итоге благодаря смелому Ростему Иран побеждает в борьбе с Тураном, Ахриману так и не удаётся победить богатыря.

Жуковский во многих местах своей повести значительно отходит и от оригинала Фирдоуси, и от поэмы Рюккерта. Всю поэму он разделил на десять, а не на двенадцать книг, как Рюккерт, дал этим книгам свои названия, а в заключительной книге поэмы написал два собственных эпизода, которых нет ни в "Шах-наме", ни у Рюккерта, причём оба эти эпизода можно смело отнести к лучшим творениям зрелого поэта.

Из книги царственной Ирана
Я повесть выпишу для вас
О подвигах Рустема и Зораба.
Заря едва на небе занялася,
Когда Рустем, Ирана богатырь,
Проснулся... —

так начинает свою поэму Жуковский, и проследовать за ним в мир иранской истории сегодня может каждый желающий. Персия же ещё не раз упоминалась в творениях поэта.

Немаловажно, что любовь Жуковского к истории Востока сочеталась у него с тягой в этот мир в качестве путешественника. Ещё в 1809 году в песне с названием "Путешественник" он мечтал о таком пути:

Дней моих ещё весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною —
И семейство, и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой
Я пошёл путём-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалёк.
"Странник — слышалось — терпенье!
Прямо, прямо на восток".

В 1815 году в стихотворении "Песня" звучал тот же страннический мотив:

К востоку, всё к востоку
Стремлению земли —
К востоку всё, к востоку
Летит моя душа;
Далёко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живёт.

"Восток, восток", "синие горы", "прекрасная живёт..." — эти стихи писались больше чем за сто лет до "Персидских мотивов" С. Есенина! Как всё-таки в поэзии важны сквозные темы, вдохновлявшие многие поколения поэтов, особенно если они рождались на основе их личного опыта и собственных странствий.

Вильгельм Кюхельбекер и наследие Вазир-Мухтара

Восточная тема так или иначе звучала в первой половине XIX века в творениях многих поэтов-декабристов. **Вильгельм Карлович Кюхельбекер** (1797–1846), понимая важность освоения опыта чужих культур, писал в своей статье "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие": "При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фирдоуси, Гафиз, Саади, Джами ждут русских читателей". Кюхельбекер был очень близок с Грибоедовым, с которым он познакомился ещё в 1817 году, и часто беседовал с ним в Тифлисе в 1822 году о персидской поэзии. Там Грибоедов читал своему товарищу ещё не законченные сцены из "Горя от ума".

Судьба преподнесла Кюхельбекеру самые суровые испытания: и каторжные работы, и крепостное заключение, и жизнь на поселении; его поддерживало только творчество, в котором то и дело блистали восточные мотивы. Ему

вообще была свойственна, по словам Е. А. Баратынского, "восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он всё готов принести в жертву..." И таким романтиком Кюхельбекер остался до конца своих дней.

Ему выпало в 1820–1821 годах путешествовать, и он, отправляясь на Кавказ, мечтал и о персидском мире, рассказы о котором Грибоедова не могли не завораживать впечатлительного поэта. В своём стихотворении "К Пушкину" весной 1822 года он писал о своих странствиях:

На Рейнских пышных берегах,
В Лютеции, в столице мира,
В Гесперских радостных садах,
На смежных небесам горах,
О коих сладостная лира
Поёт в златых твоих стихах,
Близ древних рубежей Персиды,
Средь томных северных степей
Я был добычей Немезиды,
Я был игралищем страстей!

Рубежи Персиды влекли Кюхельбекера, прежде всего, под влиянием Грибоедова, стихи которому он начал посвящать ещё в Тифлисе в 1821 году, когда восторгался талантами автора "Горя от ума", правда, с привкусом трагического предчувствия собственной гибели раньше своего друга (и как поэт в этом ошибся!):

Но ты, ты возлетишь над песнями толпы!
Певец, тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье тихое и светлая любовь,
Святые таинства высокого искусства
И резво-скачущая кровь!

О! если я сойду к брегам туманной Леты
Как неизвестная, немая тень, —
Пусть образ мой, душой твоей согретый,
Ещё раз узрит день! —
Я излечу на зов твой из могилы,
Развью раскованные крилы,
К златому солнцу воспарю —
И жадно погружусь в бессмертную зарю!..

Кюхельбекер посвятил своему другу также неоконченную поэму "Уже взыграл Зефир прохладный...", датируемую 1822–1823 годами. В ней он, в частности, упоминал героинь поэм Джами "Юзуф и Зулейка" и Низами Гянджеви "Хозроф и Ширин" – Зулейка, Мириамь и Ширинь. А в 1823 году в стихотворении "А. С. Грибоедову при отсылке к нему в Тифлис моих "Аргивян" (имеется в виду трагедия поэта "Аргивяне") Кюхельбекер опять рвётся к своему другу, куда-то в персидские дали. Он обращается с призывом к собственной душе:

В одежде лёгкого тумана
Предстань певцу в прозрачной тьме,
На тихом злачном том холме,
Где, может быть, он запах Гулистана
Вбирает жадною душой,
Где старец вечной молодой,
Где Музы Фаристана
Парят над вещею главой!
Уже я зрю тебя, страна златая!
Поэту я вручу камен ахейских дар:
Не он ли воспитал во мне их чистый жар?

В 1831 году Кюхля, вспоминая своего друга Грибоедова, написал обширную (более 30 страниц книжного издания) поэму "Зоровавель", пожалуй, самое

объёмное в русской поэзии "персидское произведение". Оно посвящено Дарию I Великому, персидскому царю из династии Ахеменидов, правившему 36 лет в 522–486 годах до н. э. Как мудрый и справедливый правитель, лучший из восточных деспотов, Дарий, покоривший более 30 народов, пользовался уважением даже своих врагов. Дара – так называет в своей поэме Дария Кюхельбекер, и рассказ "О Даре, прежних дней светиле, // И юных трёх его рабах" он вкладывает в уста "беловласого старца", искусного рассказчика, который – и это, несомненно, дань Грибоедову, прожившему в Тавризе более двух с половиной лет – начинает свой рассказ именно в Тавризе, покорившемся русскому оружию в 1828 году:

Над войском русского царя
В стенах Тавриза покорённых
Бледнеет поздняя заря;
На минаретах позлащённых,
Дрожа, последний луч сверкнул;
Умолк вечерней пушки гул,
Умолк протяжный глас имана,
Зовущий верных чад Курана
Окончить знойный день мольбой.
Но в сизом дыме калиана,
Безмолвной окружён толпой,
Сидит рассказчик под стеной
Полуразрушенного хана
И говорит: "Да даст Алла
Устам моим благословенье!
Да будет речь моя светла
И стройно слов моих теченье!.."

Вот так сочно и колоритно, "по-персидски" звучала поэзия Кюхли, которому не суждено было, в отличие от Грибоедова и Хлебникова, увидеть персидские просторы. Но, кажется, что он каким-то чудесным образом всё-таки перенёсся далеко за Каспий, к скалам Накше-Рустам близ Персеполя, где находится усыпальница Дария и членов его семейства. Мне посчастливилось в 2009 году прикоснуться к этим скалам, и я не мог тогда не восхититься увиденным. А Кюхельбекеру все это открылось благодаря только силе воображения. Любому, кто решит сегодня отправиться в Иран, можно лишь посоветовать обратиться к поэме Кюхельбекера и насладиться приметами персидского мира:

А серп чудесный, жнущий класы
Тех горних, тех немых полей,
В которых не бывал из века
Внимаем голос человека, —
Ладья надоблачных зыбей,
Орёл эфира среброкрылый,
Могущий вождь небесной силы,
Пастух бессмертный стад ночных —
Луна, царица звёзд златых,
Блеснула сквозь покров тумана
И в сладостный блестящий свет
Одела тёмный минарет,
Наш стан, Тавриз, поля Ирана
И дальных снежных гор хребет;
И старец к ней, лампаде ночи,
Безмолвствуя, подъемлет очи.
Но вот он вновь возвысил глас
И продолжает свой рассказ...

Эпоха Дария Великого была взлётом персидской истории, и Кюхельбекер, как никто другой, ярко и эмоционально показал это в своём описании ушедшего времени, когда народы половины мира шли на поклон к могущественному царю, что удивительно зримо изображено на стелах Персеполя:

И все без спору, без медленья
Свершают уст его веленья...
Их не страшат ни смерть, ни ад;
Бросают огнь в дрожащий град,
Свергают в прах богов святыни,
Стирают скалы и твердыни...
С стяжанья тягостных трудов,
С благих даров щедроты неба,
С ловитвы, стад, вина и хлеба,
С начатков всех земных плодов
Царю приносят приношенья...

В последние годы жизни, когда Кюхельбекер почти ослеп, он всё больше связывал свою горестную судьбу с судьбой Грибоедова, а также Пушкина ("Увы! Погиб довременно певец // Его злодейский не щадил свинец").

В 1845 году в итоговом для Кюхельбекера стихотворении "Участь русских поэтов", перечисляя те напасти, от которых гибли русские поэты – "петля", "тюрьма", "ссылка", "болезнь", "пуля", – он уже в последний раз вспоминал "персидского странника" Грибоедова:

Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвёт,
Чей блещущий перунами полёт
Сияньем бы облил страну родную.

До смерти Кюхли оставалось тогда чуть больше девяти месяцев, "болезнь" уже съедала его последние силы, но ему всё-таки суждено было на 17 с лишним лет пережить своего кумира, хотя он и предрекал свой уход в Лету раньше Грибоедова.

Фёдор Тютчев и Иран

Прожив более 20 лет в Европе, преимущественно в Мюнхене и Турине, **Фёдор Иванович Тютчев** (1803–1873), тем не менее, прекрасно знал восточную историю и лирику, и, по мнению некоторых филологов, выстраданный им жанр небольших философских стихотворений, в которых как будто сжимается до "краткого фрагмента" целая ода, вобрал в себя всё лучшее, что завещали Саади, Гафиз или Хайям. Но, конечно, сделал всё это поэт на русской почве, которая, несмотря на кажущуюся отдалённость от неё Тютчева, всегда диктовала ему свои законы. Поэт, будучи по своим взглядам славянофилом, умудрялся делать и превосходные переводы немецкой лирики, и не забывать о восточных мотивах.

Очень звонко мусульманская тематика зазвучала ещё в стихотворении Тютчева "Олегов щит":

"Аллах! Пролей на нас свой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк Твой — Магомет!

О наша крепость и оплот!
Великий Бог! Веди нас ныне,
Как некогда ты вёл в пустыне
Свой избранный народ!.."

А в конце 20-х годов Тютчев, потрясённый, как и многие другие русские поэты "Западно-Восточным диваном" – творением великого И.-В. Гёте, воссоздающим историю и культуру Персии, – написал свою стилизацию про "воздух Востока", предназначение истинной поэзии и песни Гафиза:

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, —

На Восток укройся дальний,
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..

То у пастырей под кущей,
То в оазисе цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.

Песни Гафица святые
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звёзды будит
И шаги верблюдов нудит...

В 1851 году Тютчев ещё раз обратился к Гёте, воссоздав, отталкиваясь от него, манящий мир Персии:

Ты знаешь край, где мирт и лав растёт,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветёт лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.

В этом "персидском мире" есть и "высь с стезей по крутизнам", и "в ущельях гор отродье змей", и "дом на каменных столпах", и "зал и купол весь в лучах". Поэту не дано было увидеть пёстрый Восток, но в его поэтических грёзах он всё равно появлялся...

Афанасий Фет: самый "персидский" поэт среди русских поэтов

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) вошёл в русскую литературу как один из самых ярких представителей "чистого искусства", который не затрагивал в своих произведениях животрепещущих социальных вопросов, стремился уйти от повседневной действительности в "светлое царство мечты", воспевал "вечные ценности" и "абсолютную красоту", в первую очередь, любовь и природу. Его творчество отличалось изящностью и тонкостью поэтического настроения, его стихи часто были сплетены из намёков и красивостей. Послушаем знаменитый образец такой поэзии и задумаемся, откуда она берёт свои истоки:

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

"Соловей", "ручей", "роза", "слёзы" – что это, как не типичные образы восточной поэзии, которая начиналась когда-то именно в Персии, или, точнее

сказать, в Ширазе – городе Хафиза и Саади. А вот и ещё знакомые всем строки Фета:

На заре ты её не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

Читаешь эти стихи и как будто снова попадаешь в Шираз и Исфахан. По-моему, в русской поэзии вообще нет более "восточного", "персидского" поэта, чем Афанасий Фет.

И это доказывают не единичные его стихотворения, а целая их масса, их общий настрой и порыв, причём это касается произведений самых разных периодов в жизни поэта.

Вот, к примеру, диалог из стихотворения "Соловей и роза" (1847):

Она

Ты поёшь, когда дремлю я,
Я цвету, когда ты спишь;
Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.

Но ни грусти, ни мученья
Ты обманом не зови:
Где же песни без стремленья?
Где же юность без любви?

Он

Дева-роза, доброй ночи!
Звёзды в небесах.
Две звезды горят, как очи,
В голубых лучах;

Две звезды горят приветно
Нынче, как вчера;
Сон подкрался незаметно...
Роза, спать пора!

В том же 1847 году поэт написал ещё два стихотворения в цикле "Подражания восточному", и, конечно, они о любви:

Не дивись, что я черна,
Опалённая лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами...

Розой гор меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален...

Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись — и опочий
У меня между грудями.

Откуда же у человека, который очень мало путешествовал, долгое время жил в провинции и был офицером, такая страсть к Востоку и его поэзии? Именно из любви к персидской лирике, которая диктовала и общий настрой,

и столь любимый Фетом размер восьмистиший. Часть своих стихотворений поэт прямо так и называл “Из Саади” (1847), “Подражание восточным стихотворцам” (1865):

Вселенной целой потеряв владенье,
Ты не крушись о том, оно ничто.
Стяжав вселенной целой поклоненье,
Не радуйся ему — оно ничто.
Минутно наслажденье и мученье,
Пройди ты мимо мира — он ничто.

О любви к персидской поэзии знали многие друзья и коллеги Фета по писательскому цеху. В сентябре 1859 года И. С. Тургенев по просьбе поэта привёз из-за границы собрание стихотворений Гафиза в переводе немецкого поэта и философа Георга Даумера. Фет сразу принялся за переводы. “Дело в том, – писал он Дружинину, – что я в настоящее время Гафиз, то есть читаю и перевожу эту прелестную розу Ирана”. В итоге в созданный им цикл стихотворений “Из Гафиза” вошло 27 работ. Самое любопытное, что Фет, работая с немецкими переводами, сделанными Даумером, не знал, что эти переводы были всего лишь вольными подражаниями немецкого писателя или, скорее всего, даже его оригинальными произведениями. В то время русским поэтам вообще было свойственно переводить персидских лириков не с фарси, а с немецких и французских переводов, что не могло, конечно, не сказываться на полученных результатах. Тем не менее, несмотря на это обстоятельство, мы можем сегодня снова и снова наслаждаться “персидскими подражаниями” русского образца, сделанными Фетом.

В своём предисловии к циклу Фет, “представляя на суд истинных любителей поэзии небольшой букет, связанный в моём переводе из стихотворных цветов персидского поэта”, писал: “Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей. Напротив того: если они действительно живые цветы, экзотическое их происхождение сообщает им особенную прелесть в глазах любителей. Новым подтверждением тому, что Азия – страна чудес и вопиющих противоположностей, является судьба, или, лучше сказать, странное духовное развитие нашего поэта”.

Далее Фет кратко описал биографию Гафиза и закончил своё предисловие словами: “Переведённые мной песни относятся ко второй эпохе его деятельности, и я желал бы, чтобы читатель испытал хотя часть того наслаждения, которое выпало на долю моему труду”.

Первые строки стихотворений “персидского цикла” говорят у Фета сами за себя: “Ах, как сладко, сладко дышит...”, “В доброй вести, нежный друг, не откажи...”, “В царство розы и вина приди...”, “Ветер нежный, окрылённый...”, “Гиацинт своих кудрей...”, “Грозные тени ночей...”, “Сошло дыханье свыше...” И вновь главный пульс стихов определяет любовь:

Ветер нежный, окрылённый,
Благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный
Той одной, что знаешь ты.

Расскажи ей, что со света
Унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет
Тех наград, что знаешь ты.

Любовь эта была разлита везде, в природе и в небесах, в животном мире и в мире растений:

О, если бы озером был я ночным,
А ты луною, по нём плывущей!

О, если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей!
О, если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой, на нём цветущей!
О, если бы сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!

Фет, опережая Сергея Есенина на почти 65 лет, в той же манере "персидских мотивов" ещё и ещё раз писал о смысле жизни:

Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрущу один,
Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть без кручин,
Не давай мне горьких пить лекарств:
Не терплю я этих чертовщин.
Принеси ты чашу мне вина,
С нею лютню, флейту, тамбурин.
Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.
Если ж я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шемзеддин.

Поэт постоянно вспоминал в своём "персидском цикле" и самого кудесника Гафиза:

О помыслах Гафиза
Лишь он один да Бог на свете знает.
Ему он только сердце
Греховное и пылкое вверяет.

К восточным стихам поэта можно смело отнести и 6 стихотворений, включённых Фетом в цикл "Из Рюккерта" и написанных примерно в 1865 году. Немецкий поэт Фридрих Рюккерт (1788–1866) стал известным в России благодаря его переводу части поэмы "Шах-наме" ("Шахнаме") персидского лирика Фирдоуси и переложению его стихов Василием Жуковским. Процитируем одно из стихотворений Фета из этого цикла и ещё раз убедимся в несомненной "восточной окраске" его творчества:

И улыбки, и угрозы
Мне твои — всё образ розы;
Улыбнёшься ли сквозь слёзы,
Ранний цвет я вижу розы,
А пойдут твои угрозы,
Вспомню розы я занозы;
И улыбки, и угрозы
Мне твои — всё образ розы.

Большое значение для русской литературы имели также талантливые переводы Афанасием Фетом лучших образцов западной литературы. Он перевёл всего "Фауста" Гёте, а также произведения целого ряда латинских поэтов: Горация, Ювенала, Катулла, Овидия, Вергилия и многих других. Но всё равно лично для меня он навсегда останется русским певцом, но с "восточным колоритом", вобравшим в себя и пение исфаханских соловьёв, и цветение ширазских роз... Послушаем напоследок, как изящно и чарующе звучит его "Восточный мотив" (1882), созданный уже на склоне жизни:

С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.

Аполлон Майков и его увлечение Востоком

Не обошёл персидской темы и **Аполлон Николаевич Майков** (1821–1897) с его стойким интересом к Востоку (“Молитва Бедуина”, “Вертоград”, “У Мраморного моря”, “Разрушение Иерусалима” и т. д.). Он, как и многие поэты, увлекался Гёте, а через его “Западно-восточный диван” обращал свои взоры к Персии. Так, в стихотворении “Миньон (Из Гёте)” Майкову уже воочию видятся её просторы:

Ах, есть земля, где померанец зреет,
Лимон в садах желтеет каждый год;
Таким теплом с лазури тёмной веет,
Так скромно мирт, так гордо лавр растёт!
Где этот край? Туда, туда
Уйти бы нам, мой милый, навсегда!

Поэт готов убежать в дивные края, и зовёт его туда снова бессмертный Гафиз. Как с восторгом писал Майков в своём стихотворении “Из Гафиза”:

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сетями
Ты у розы огневой,
Что ты в сети к ней попалось,
А не в сети к мудрецам,
Что не им внимать досталось
Дивным песням и слезам...

А завершает стихотворение поэт с надеждой на “пылкую смерть”, обращаясь к самому себе, к своему сердцу:

Но зато умрёшь мгновенно
Вместе с песнею своей
В самый пыл — как вдохновенный
Умирает соловей.

Владимир Соловьёв и Хафиз

Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) – русский поэт, публицист, философ и богослов, который стоял у истоков русского “духовного возрождения” начала XX века и оказал огромное влияние на поэтов Серебряного века, не мог обойти в своём творчестве “персидскую тему”. Он фактически раньше многих других понял её значимость и определил вектор движения России в сторону Востока как спасительный и одухотворяющий. В своём программном стихотворении “Ex oriente lux” (“Свет с Востока”) он описал этот вектор, рассказав о противоборстве Востока и Запада, Персии и Древнего Рима:

“С Востока свет, с Востока силы!”
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезёю славною прошёл?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орёл.

Как писал поэт, в период падения Рима “душа вселенной тосковала // О духе веры и любви!”, и Восток ответил на этот вызов, а Россия должна рано или поздно выбрать, что из восточного наследия возьмёт она с собой в будущее:

И слово вещее не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаяся широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший из Востока,
С Востоком Запад примирил.

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

Как и его предшественники, Владимир Соловьёв тоже написал свой цикл “Из Гафиза”, в который включил 10 стихов, с характерными названиями: “Всех, кто здесь в любовь не верит...”, “В мрачной келье замкнул я все думы свои...”, “Если б ведал ум, как сладко...”, “Не мани меня ты, шейх...”, “Зачем ты пьёшь? я знать желаю!..” и т. д. Послушаем, как зазвучали в переводах Соловьёва “персидские максимы”:

Языков так много, много!
И во всех звучит одно:
По-ромейски, по-фарсийски —
Верь в любовь и пей вино!

* * *

От улыбки твоей благодатной
Роз кустарник расцвёл ароматный,
А любви моей взоры горят
В ярком пурпуре этих гранат.

Вспомнил поэт и самого “волшебника” Гафиза, назвав его праотцем:

Воды, шумящие волны, — потоп угрожает!
Мудро в ковчеге себя сберегли вы —
В погребе винном, сидит там с сынами
Пра́отец наш, Га́физ благочестивый.

Здравствуй, о здравствуй, Ной нашего века!
Ты не отверг ни единой скотины, –
Только педант да ханжа нечестивый
Гибнут упрямо средь водной пучины.

Удивительно, но Соловьёв именно в Хафизе увидел в конце XIX века образ “духовного спасителя” Ноя, предвосхитив тем самым тот огромный интерес к фигуре этого поэта, который пронизывал насквозь весь Серебряный век. И этот век заставил звучать “персидскую струну” ещё громче и напевнее, о чём рассказ ещё впереди...

"...Всё для победы"

ТАМАРА КУПРИНА

БЫЛО У МАТЕРИ ПЯТЬ СЫНОВЕЙ

Она стоит посреди небольшой, чисто убранной комнаты, где ничего лишнего – только её кровать, деревянный стол, стул да шкафчик для пожитков старого человека. Напротив кровати на стене в чёрной рамке – пять фотографий.

В белом платочке и тёмном одеянье – типичном наряде пожилой русской женщины – она стоит, горестно сложив ладони на груди, и слёзы наполняют её глаза. Я смотрю на её изборождённое морщинами желтоватое лицо. Время и неоднократно пережитое горе оставили на нём свой неизгладимый след.

С любовью и тоской смотрит она на фотографии мужа и четверых сыновей в общей рамке на стене, могилы которых разбросаны в разных местах, куда она не может дойти, чтобы поплакать на них, этих могилах, ибо они ещё не найдены, кроме одной.

Она смотрит на эти дорогие сердцу фотографии и дрожащим от слёз и слабости голосом говорит:

– Вот они, мои...

Подступившие к горлу слёзы не дают ей закончить фразу...

...Жила до войны в шацком селе Тарадеи Рязанской области большая дружная семья колхозного бухгалтера Ивана Ефимовича Лёвина. У него и его жены Марфы Кузьминичны было пять сыновей: Николай, Иван, Василий, Александр и Пётр. Через каждые два года рождались у Лёвиных мальчишки. Ребята, как и родители, были весёлые, общительные, трудолюбивые. Сама Марфа Кузьминична в восемь лет осталась сиротой и была рада, что достались ей хорошие свекор со свекровью: любили они её мальчишек и жалели беспредельно. Была Марфа Кузьминична в молодости весёлой, заводной, любила петь и плясать. Видно, и ребята в неё удались – такие же шустрые, статные да красивые.

– Они у меня незряшные были, – вспоминает Марфа Кузьминична. "Незряшные" – так принято в народе говорить о толковых людях. – Не драчуны, не пьяницы. Никто никогда на них не жаловался. Все послушные были... Идёт мой весёлый Васенька, – светлая улыбка озаряет её лицо, – со всеми поздравствуется: "Здравствуйте, тётеньки! Здравствуйте, дяденьки!" Поздравствуется с любой старушкой. Возьмёт её под руку да пройдёт с ней по улице. А старушки смеются: что ты, мол, нас, старых, так ублажаешь?..

Лицо её вдруг помрачнело, и она, всхлипнув, произнесла:

– Вся улица плакала, когда погиб он...

– До войны мы хорошо жили, – продолжает свой рассказ Марфа Кузьминична. – Я в колхозе звеньевая была. Да своё хозяйство немалое. Корову держала... Скорей дома управишься: нужно помыть, покормить ребятишек –

и на работу. Когда садик открыли в селе, полегче стало: малых стала водить туда... Дом наш у реки стоял. Сад у нас был, – восхищённо загораются её сразу помолодевшие глаза, – ох, и красота! Как сад зацветёт, да сирень с черемухой... Всё – война! – оборвала она внезапно свои воспоминания. На приятные воспоминания о безмятежных вёснах довоенной жизни словно навалились чёрные тучи злых бед, причинённых войной.

– Когда Саньку, который у меня с 26-го года, забирали, – снег ещё был. Бросил он свою школьную сумку и давай сирень раскапывать да вокруг усадьбы сажать. "Приеду, – говорит, – всё зацветёт..."

Она, вновь горестно всхлипнув, упавшим голосом произносит:

– Всё цветёт, а их нет...

Все пятеро братьев Лёвиных закончили в Тарадеях семилетку: трое – до войны, двое – позднее.

– Бывало, соберёмся вечером, – продолжает мать свои воспоминания, – мой хозяин скажет: "Вот подрастут ребята – старшему дом поставим тут, второму – там, а Саньке, – мать смеётся тихо, светло и доверчиво, – Саньке дом поставим, где капуста..." – и тут же поясняет: – Он уйдёт, бывало, с балалайкой в огород, спрячется в капусте, играет да сам себе подпевает. Соседи соберутся, слушают... Весёлый был. Они у меня все весёлые были и все на инструментах играли. А вот Ваня – тот больше чертил...

Мастеровыми да ловкими были братья Лёвины. Своими руками балалайку, мандолину да гитару смастерили. Сами же на них и играли. Сами и фотоаппарат собрали да первую фотокарточку отпечатали. Я видела этот пожелтевший от времени любительский снимок, на котором запечатлён их отец. Он стал одной из самых дорогих реликвий в семье Лёвиных...

Коньки да лыжи тоже собственными руками делали.

Василий – самый ловкий и находчивый, ставший впоследствии разведчиком, – вместе со своими братьями был заводилой во всех спортивных играх.

Умели веселиться братья Лёвины, но не меньше того умели и работать. Да и было в кого: отец у них работящий. И всем сыновьям находилось дело. Колхозный сад, раскинувшийся на 40 гектарах, и питомник нуждались в рабочих руках. И братья работали в садоводческой бригаде.

Двое старших, повзрослев, покинули родительский дом.

Николай к началу войны проживал в городе Кандалакше Мурманской области, где работал строителем. И первым из большой семьи Лёвиных был призван в ряды Красной армии.

– Придёт мой хозяин, – вспоминает Марфа Кузьминична, – скажет: "Нынче Кандалакшу бомбили". А у Коли там жена и двое детишек остались. Потом они к нам приехали. А внучок-то по дороге простудился да помер. Девочка осталась, внучка моя. Сейчас в Челябинске живёт. Двое детишек у неё...

Недолго приходили в дом Лёвиных треугольные письма от старшего сына: в октябре 41-го Николай Иванович Лёвин пропал без вести. Последнее письмо от него пришло из-под Ленинграда.

И проводила мать на войну второго сына – девятнадцатилетнего Ивана. Его отправляли из Москвы, где он работал в отделе авиационного снабжения.

Потом пришёл черёд весёлого Василия, окончившего Шацкое училище механизации, затем – отца, Ивана Ефимовича. И последним проводила мать из родного дома четвёртого своего сына – балалаечника Саню. Прямо со школьной скамьи ушёл он драться с гитлеровцами.

Тихо да пусто стало в некогда шумном доме Лёвиных. Остался с матерью тринадцатилетний школьник Петя – её последний "мизинчик от всей пятерни". Вместе с матерью пережил он и голод, и холод военных лет. Вместе с матерью читал письма от братьев и отца.

Вот они, эти солдатские треугольники, пожелтевшие от времени, потёртые на сгибах. Солдатские письма, написанные наспех, простым карандашом, в короткие часы привала, в редкие промежутки между боями. Письма, полные тревоги за близких...

"...Мама, я жив и здоров, как и прежде. Мама, прошу, сообщи мне, что у вас нового. Я беспокоюсь за вас... Мама, опиши, какое Ваше здоровье...

Ваш сын Николай".

“Здравствуйте, многоуважаемая супруга Марфа Кузьминична. Шлю Вам привет и желаю Вам всего наилучшего в жизни. Ещё кланяюсь сыночкам Александру Ивановичу и Петру Ивановичу... Опишите, как ребята, где находятся, кого после меня взяли в армию. Дают ли вам хлеба из кооперации? Кто работает в конторе колхоза?

Затем до свиданья.

Жив, здоров на сегодняшний день. 6.11.42 г. И. Е. Лёвин”.

“Добрый день или вечер! Здравствуйте, многоуважаемая мамаша Марфа Кузьминична... Вам кланяется Ваш сыночек Саня и желает быть здравыми на всю жизнь... Мама, письмо я Ваше получил, за которое благодарю. Но жаль, что не узнал о Васе, где и как его ранили, – сильно или нет. Я живу хорошо...

27.1.43 г.”

Так стало в семье Лёвиных пятеро солдат. И о каждом болит материнское сердце. Ждёт – не дождётся маленьких треугольников с фронта. Проклятая война оторвала мужа от жены, детей от матери, исковеркала человеческие судьбы. Две похоронки получила в 1943 году Марфа Кузьминична: погиб муж Иван Ефимович и второй сын, старший лейтенант Иван Иванович Лёвин.

А с фронта средний брат писал четвёртому:

“Живу по-фронтовому. Был на передовой. Уничтожал немецких наглецов. Мстил за любимых братьев Колю и Ваню. В настоящий момент нахожусь на отдыхе. Готовлюсь к предстоящим боям, чтобы отомстить врагу за братьев, за любимую Родину... Саня, изучай лучше оружие и никогда не забывай о братьях. Мсти всегда и всюду Гитлеру и гитлеровским варварам...

19 октября 1943 г. Василий Лёвин”.

В 44-м погиб в районе Вильнюса Александр Лёвин, которому едва исполнилось восемнадцать. Вместе с матерью оплакивал младший сын гибель братьев и отца.

И мстил врагу за погибших средний из братьев, разведчик Василий Лёвин. И шли в село Тарадеи Шацкого района на имя Лёвиной Марфы Кузьминичны полные любви и заботы письма от среднего сына:

“Дорогая мама! Об одном прошу: я знаю, что ты сейчас сильно переживаешь, и нет у тебя минуты, чтобы ты не плакала. Но, дорогая мама, прошу, держи себя как можно спокойней. Слезами ты не поможешь, а здоровье своё потеряешь. А всё-таки, дорогая мама, в любых условиях – в трудных или хороших, – но жить Вам придётся.

А жить здоровому человеку намного лучше, чем больному. Я, мама, знаю, очень трудно перенести всё это. Перенести, можно сказать, невозможно. Но, дорогая, ведь ничего не поделаешь. Я сам переживаю... Дорогая мама, не убивайся. Может, в недалёком будущем увидимся, и глядишь – папа отыщется и придёт... Дорогая мама, я был на передовой, а сейчас нахожусь на отдыхе. Учится ли Петя? Шлите больше писем. И ты, дорогая мама, будь спокойной и за нас не переживай.

Ваш сыночек Вася”.

Последняя надежда – Василий. И он понимал это всем сердцем. Как горячо он утешал мать! Как заботился о младшем брате! Какие тёплые письма присылал в родные Тарадеи боевой командир взвода разведчиков одной из стрелковых дивизий Прибалтийского фронта Василий Иванович Лёвин, награждённый орденом Славы и трижды – медалью “За отвагу”.

В начале победного сорок пятого прислал он из далёкой Пруссии свою фотокарточку, где запечатлён бравым командиром с орденом Славы на груди. Как радовалась мать! Счастливый Петя бегал по соседям и родственникам, с гордостью показывал фотографию друзьям и знакомым... Однажды, вернувшись домой с дорогим снимком в руках, он застал мать лежащей на пороге, с зажатой в руках похоронкой, – и сразу всё понял.

Вот она – эта последняя похоронка, более чем полувековой давности, адресованная матери – Лёвиной Марфе Кузьминичне, в которой сообщалось: “Ваш сын Лёвин Василий Иванович 22 февраля 1945 года в боях за социалистическую Родину пал смертью храбрых. Воины части, где служил Ваш сын, поклялись отомстить немецким бандитам за его смерть. Майор Жежелев”.

– Как прислали похоронку на последнего, я иду – ничего не вижу, только держу голову руками. Голова болела – сил нет. Только лежать могла. Жить

не хотела. Да врач хороший попался. “Будешь жить, – сказал. – Будешь с Петенькой поживать”. – Она помолчала. Мысли её были далеко-далеко, в том прошлом, где остались жить, сражаться и умирать её сыновья: – Товарищи Василия письмо прислали с фронта. Пишут, мы отомстим за него, такого весёлого, любимого нашего товарища – Василия...

Выстояла Марфа Кузьминична. Пережила своё чёрное горе. Поднялась. Каждый день с раннего утра до позднего вечера работала в колхозе: просо полола, рожь косила, снопы вязала и убирала картофель. Да и домашние дела нужно было делать. Младший сын Петя был рядом, ради него нужно было жить...

День Победы! Как встретили его в когда-то многолюдной семье Марфы Кузьминичны Лёвиной? Вместе с сыном Петром она радовалась, что пришёл конец кровопролитной войне. Но ещё долго не могла поверить мать, что нет в живых её сыновей и мужа. Всё ждала, что кто-нибудь придёт. Всё надеялась: кто-то вернётся...

В Шацке на базаре за одним солдатом долго следом ходила. Он даже спросил: “Мать, ты чего всё за мной ходишь?” – “Уж больно ты на сына моего, Васеньку, похож”.

Шацкое село Тарадеи, как и многие другие села, отмечено горькой метой войны. Каждая семья здесь потеряла на фронте одного или нескольких мужчин. Осталось после войны в селе много солдатских вдов с ребятишками.

...Стоит в центре села памятник-обелиск, пронзительной стрелой взметнувшийся в небо, увенчанный пятиконечной звездой – символом вечной памяти о павших. У подножия памятника – плиты с именами тех, кто погиб. Жители села Тарадеи приходят сюда, чтобы почтить память 370 своих односельчан, чьи фамилии высечены на каменных плитах. Некоторые из них повторяются, словно многократное эхо – эхо минувшей войны. На одной из плит пять раз повторена фамилия Лёвиных.

...Часто снятся матери её сыновья, но почему-то маленькими.

Бегают они по цветущему саду и барахтаются в реке...

– В шинели никого из них не видела, – губы Марфы Кузьминичны горестно сжимаются. Сложенные на коленях сухие руки неподвижны. – Хорошо, что уехали оттуда. С годами боль сердечная тише.

Да, жизнь берёт своё. В первый послевоенный год в тарадеевском доме Лёвиных поселилась молодая квартирантка – учительница местной школы Елизавета Трофимовна. Вместе с Лёвиными разделила она боль их военных потерь.

Пётр после войны закончил Шацкий техникум механизации сельского хозяйства. Затем учёба во Всесоюзном заочном институте сельского хозяйства. Молодые люди приглянулись друг другу и вскоре сыграли свадьбу. А там и внучки появились у Марфы Кузьминичны: Галя, Люся, Нина. И вновь ожил дом Лёвиных, наполнился звонкими детскими голосами и смехом. Отогрели они застывшее сердце матери.

В 1957 году инженер-механик Пётр Иванович Лёвин был переведён на работу в Елатомское профтехучилище № 3. Вместе с его семьёй переехала в Елатьму и Марфа Кузьминична.

Радовал последний сын. Пётр Иванович Лёвин работал старшим мастером в системе профтехобразования. Последние годы возглавлял Елатомское СПТУ № 23. Получил звание “Заслуженный мастер профтехобразования РСФСР”. Он словно выполнял наказ своих старших братьев и отца, незримо завещанный ему погибшими. И только сожалел о том, что неизвестны места их захоронения.

И вот однажды Лёвины получили весточку из села Большая Игуменка, что в семи километрах от Белгорода. Красные следопыты местной школы сообщили, что в их селе в братской могиле покоится прах старшего лейтенанта Ивана Ивановича Лёвина, сражавшегося против гитлеровцев в составе 81-й гвардейской стрелковой дивизии и погибшего в боях за их село 11 июля 1943 года. Со слов родителей дети пересказали, как жители Большой Игуменки после боя вернулись в разрушенное село, где не осталось даже печных труб, как они хоронили в братской могиле погибших советских солдат. Это было в районе знаменитой Курской дуги.

Как же узнали ребята адрес Лёвиных?

Однажды они получили письмо из Сибири от инвалида Великой Отечественной войны, бывшего командира миномётной батареи Романа Яковлевича Лесникова. В своём письме он сообщил, что сражался за их село, и спрашивал, как школьники ухаживают за братской могилой, в которой покоится прах его боевого друга Ивана Ивановича Лёвина.

Автор письма сообщил примерный адрес погибшего друга и просил красных следопытов написать письмо его родным. Ребята выполнили наказ ветерана, и началась переписка родственников погибшего с белгородскими ребятами. И с имени Ивана Ивановича Лёвина началась летопись Большеигуменской восьмилетней школы.

В декабре 1983 года Пётр Иванович Лёвин побывал в этом белгородском селе, за которое отдал жизнь один из его братьев. Прошёл по местам боев. Перечитал летопись, составленную юными следопытами. Узнал, что в ходе битвы за их село к вечеру того дня, когда погиб старший лейтенант И. И. Лёвин, наши бойцы вывели из строя 23 вражеских танка и уничтожили 3500 немецких солдат.

И вот он с обнажённой головой стоит у братской могилы, где покоятся останки его брата.

Директор школы сделал на память снимки.

Пётр Иванович взял горстку земли, обагрённой кровью советских солдат, отдавших жизни за нашу любимую Родину, земли, за которую воевал и на которой погиб его брат — старший лейтенант И. И. Лёвин. Привёз младший сын эту землю своей матери.

Полегчало немного на её горестном сердце: горстка земли впитала и её материнские слёзы...

Не должно быть на нашей земле неоплаканных безымянных солдатских могил! Может, придут ещё весточки о могилах мужа и других сыновей Марфы Кузьминичны?.. Может быть... Жаль только, что время беспощадно. Совсем немного не дожила до светлого праздника 40-летия Победы Марфа Кузьминична Лёвина. На 86-м году жизни перестало биться многострадальное сердце Матери.

Мы проводили её в последний путь со всеми скорбными светлыми почестями, с думой о том, что изболевшаяся душа её обретёт наконец-то покой, соединившись в неведомых нам мирах с душами погибших за Родину сыновей.

Рязанская область

"...Всё для победы"

ВАДИМ ЯКУНИН
профессор

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Патриотизм в системе ценностей советского руководства накануне и в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны, когда встал вопрос о физическом выживании народов СССР и существовании государства, в национальной, как и в религиозной политике советского руководства произошёл кардинальный поворот. В связи с этим представляет интерес эволюция взглядов советского руководства, обратившегося с начала 30-х годов к государственным, национальным ценностям.

Тенденции к смене курса были очевидны ещё в предвоенные годы. 14 марта 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б) "О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении", в котором ЦК потребовал "решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке". 27 апреля 1934 года митрополиту Сергию (Страгородскому) было разрешено совершить торжественное богослужение в патриаршем соборе, на котором он был провозглашён митрополитом Московским. В богослужении приняли участие 20 епископов, 44 священника и 15 диаконов (25, с. 180). В 1934 году появилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании истории в школе. В этом документе, подготовленном Сталиным, Кировым и Ждановым, давался обзор важнейших событий отечественной истории, как отмечалось, неправильно до того оценивавшихся. В нём впервые говорилось о Великой России, её национальных героях, признавалось положительное значение Крещения Руси для развития её культуры. Последнее было особенно важно накануне 950-летия одного из важнейших событий в истории России.

В 1936 году вышло постановление ЦК партии, осуждающее антицерковную и антинациональную пьесу Демьяна Бедного "Крещение Руси". В 1937 году ведущий советский исторический журнал "Историк-марксист" опубликовал статью С. В. Бахрушина о положительном значении Крещения Руси (2, с. 40–77). Даже журнал "Безбожник" был вынужден обратить внимание на этот не столько государственный, сколько церковный юбилей (3).

В марте 1936 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории". 14 марта 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей" (32, л. 8).

Конституция 1936 года закрепляла существование Советского государства уже не как переходной формы, а как некоторой данности, этим актом реабилитировалась сама идея государства. В марте 1939 года Сталин разъяснил

на XVIII съезде партии, что в условиях социализма, победившего в одной, отдельно взятой стране, находящейся под угрозой военного нападения извне, необходимо иметь достаточно сильное государство для защиты его завоеваний (7, с. 263).

Такое сильное государство всё больше ассоциировалось с государством русским. Мощь и огромное значение прежнего русского государства отныне представлялись как позитивные факторы русской и мировой истории. Кино и официальная пропаганда стали воспевать национальных героев прошлого: Дмитрия Донского, Петра Великого, Александра Суворова, Михаила Кутузова. В 1939 году выходит фильм С. Эйзенштейна "Александр Невский" с его проникновенным призывом: "Вставайте, люди русские!" В 1937 году была широко и торжественно отмечена 125-я годовщина Бородинского сражения. Тогда же появился "Краткий курс истории СССР", где признавалась цивилизаторская роль Русского государства. Советское государство, объединившее все народы бывшей Российской империи, рассматривалось как преемник этой великой миссии (7, с. 263). В 1940 году была ликвидирована пятидневка и восстановлен выходной день в воскресенье.

В 1937 году в СССР была проведена перепись населения. В анкете переписи содержался вопрос о вероисповедании. Согласно полученным данным, 1/3 городского и 2/3 сельского населения страны продолжали считать себя православными и не скрывали своей веры от счётчиков (15, л. 95-96; 34). Перепись 1937 года показала полную несостоятельность прежней воинственно-атеистической идеологии.

В предвоенные годы, несмотря на смягчение антирелигиозной пропаганды и прекращение массовых репрессий духовенства и верующих, не произошло кардинальных перемен в отношениях Советского государства и Русской Православной Церкви. Были тенденции к смягчению антирелигиозного курса, но сам курс оставался прежним. Советское руководство начинало постепенно осознавать невозможность проведения прежней политики по отношению к религии и Православной Церкви как хранительнице русского национального самосознания.

Обстоятельства, при которых началась Великая Отечественная война, и её ход на протяжении первых двух лет сражений с достаточной ясностью выявили тот факт, что в противовес существовавшим иллюзиям водораздел между враждующими сторонами проходил не по классовому, а по национальному признаку, и разделяли их не столько интернациональные классовые интересы, сколько национальные границы. Советское правительство почти с самого начала войны стало усиленно культивировать чувство национального патриотизма среди народа, и это был не единственный факт "приспособления" к меняющейся ситуации (6, с. 461).

Во время встреч с чрезвычайным уполномоченным президента США У. И. Гарриманом на Московской конференции 29 сентября – 1 октября 1941 года И. В. Сталин откровенно признал: "Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию" (1, с. 204; 5, с. 257; 23, с. 204).

В годы войны ни одно из положений коммунистической идеологии не было отвергнуто или даже слегка пересмотрено. Но реальное содержание "идеологической работы в массах" изменилось резко и принципиально, обретя несомненные национально-патриотические черты. При этом пересмотр осуществлялся решительно и целенаправленно во всех областях: от культурно-исторической до религиозной.

Русские ценности, национальные и патриотические, частично реабилитированные государственниками в конце 30-х годов, с новой силой прозвучали в речи Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 года. Не случайно, что Сталин в этой речи избрал традиционное обращение к народу, которое на протяжении веков звало к национальному единению: "Братья и сёстры! Смертельная опасность нависла над Отечеством". Ссылки на великий русский народ "Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова" прочно заняли своё место в идеологическом контексте *священной войны*. Принимая 7 ноября 1941 года парад уходящих на фронт войск, Сталин призвал их вдохновляться в сражениях "мужественными образами наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского,

Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова" (31, с. 7, 37). В тяжелейшие дни начала войны Сталин, может быть, "инстинктивно понял", а скорее, исходя из сугубо рационалистических и прагматических соображений, пришёл к заключению, "что ни его социальная система, ни власть не удержатся под ударами немецких армий, если не обратиться к исконным стремлениям и самобытности русского народа" (22, с. 41).

Восстановление традиционных ценностей в армии, отказ от института политкомиссаров в пользу принципа единоначалия были шагами в этом направлении. Вместе с тем последовательно проводилась мысль о том, что именно русский народ – первый среди равных – несёт основную тяжесть Великой Отечественной войны. Чтобы нейтрализовать адресованную нерусским меньшинствам нацистскую пропаганду, подчёркивались исторические связи, объединявшие Россию с другими народами, прославлялись такие исторические личности, как Богдан Хмельницкий. В советских и партийных аппаратах республик в эти годы снова стали продвигаться национальные кадры.

Утверждению идеологии, сделавшей ставку на идеи патриотизма и народности, сопутствовала возрастающая персонификация высшей власти на вершине государственной иерархии, выразившаяся в концентрации всех полномочий, гражданских и военных, в руках Сталина. Выправляя сильно пошатнувшееся вначале положение (в том числе из-за собственных ошибок), Сталин сумел, благодаря победам Красной армии, особенно под Сталинградом, и росту своей популярности на международной арене, стать воплощением вновь обретённой национальной гордости. Даже зарубежные историки признают тот факт, что его личность отождествлялась с высшей ценностью – Родиной, а солдаты шли в бой "За Родину, за Сталина" (7, с. 319–322).

Обращение к славным страницам национальной истории сыграло чрезвычайно важную роль в стимулировании сопротивления захватчикам. Но теперь эта минувшая слава России становилась для Сталина одним из доводов в пользу преемственности его власти по отношению к старому Российскому государству. Этот довод становился важнее, нежели напоминание о революционных истоках нового государства, родившегося в результате разрыва с прошлым. В своём кабинете Сталин распорядился повесить рядом с фотографией Ленина портреты Суворова и Кутузова (4, с. 173). 29 июля 1942 года по его личному указанию был учреждён орден Александра Невского – князя, причисленного Русской Православной Церковью к лику святых (10, с. 72). В начале 1943 года в вооружённых силах были восстановлены мундиры и погоны старой дореволюционной армии. За этой реставрацией последовала другая: были воскрешены старые чины для разных отрядов государственной бюрократии, также облачившейся в мундиры. Меры такого рода были введены сначала для работников судебного ведомства, потом – для дипломатов (27; 28).

Для детей, потерявших на войне родителей, были учреждены специальные училища, названные в честь Суворова и Нахимова. Их задача состояла в подготовке детей к военной карьере: в учреждённом указе уточнялось, что в качестве образца им будет служить "старый кадетский корпус", ликвидированный революцией (29). 1 января 1944 года сменился также официальный гимн Советского Союза. В этот день "Интернационал", с 1918 года служивший гимном СССР, был заменён гимном во славу Родины (30).

22 мая 1943 года распускается Коминтерн, в связи с чем выходит постановление Моссовета: "Бывшую улицу Воздвиженку (в то время "имени Коминтерна") переименовать в "имени Калинина". Вскоре после этого И. В. Сталин в ответе на вопрос корреспондента агентства Рейтер признал, что роспуск Коминтерна "облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь для развёртывания борьбы против фашизма" (31, с. 99; 26). Параллельно с ослаблением Коминтерна, завершившимся его роспуском, усиление патриотических тенденций привело к оживлению идей панславизма. Россия вновь вернулась к старому и испытанному инструменту своей внешней политики – поиску друзей среди братьев по крови за рубежом.

4 сентября 1943 года Сталин принял в Кремле руководство Церкви: митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Все вопросы, которые были поставлены иерархами: о созыве архиерейского собора и выборах Патриарха, возобновлении деятельности Священного

Синода и духовных учебных заведений, возможности издания религиозной литературы, открытии храмов, об освобождении из мест заключения архиереев и священников – были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение Православной Церкви в СССР (11, л. 1–10).

Вот что говорилось в передовой английской газеты "Таймс" 17 сентября 1943 года по этому поводу: "Главное значение возрождения Патриархии и Синода надо усматривать в национальной жизни внутри России. За последние 7-8 лет советские вожди критически пересмотрели идеи, которые были приняты в качестве догмы во время революции 1917 года, подкрепив и укрепив одни из них, изменив и отказавшись от других. Идея патриотизма и преданности родине освобождена от того пренебрежения, с каким к ней относились в первые годы большевизма, теперь она глубоко почитается. Восстановлена поруганная и осмеянная в своё время святость семьи и семейных уз... Частью этого общего процесса является новое признание религии как идеи, с которой должен считаться новый политический порядок и при котором обоюдная лояльность вполне совместима. Избрание Патриарха... можно понимать как признание русскими свободы вероисповедания" (33).

Итоги "перемены курса" стали поистине впечатляющими. В СССР утроилось по сравнению с довоенным временем количество действующих православных храмов и составило к лету 1945 года 10547, открылось 8 духовных школ (17, л. 22–24; 21, л. 1, 3). Главным же итогом кремлёвской встречи стало возобновление деятельности церковных соборов. В миг смертельной опасности наши руководители вновь прибегли к единственному спасительному средству – обратились к творческой энергии русской исторической традиции, к духу соборности, единения, всенародного сплочения. Через соборность народ наш из века в век осмысливал жизнь как служение и самопожертвование, осознавал свою общность, коренящуюся в общем служении вечной правде. И наиболее ярко это выражалось в тяжёлые для Отечества годы.

В это же время русская история, русский народ и национальные культуры из объектов глумления, грязных оскорблений и нападок стали объектами почитания, вернулись на своё законное, почётное место. Учёные заговорили о том, что "обличения русского народа могут быть по вкусу лишь тем историкам, которые не сумели понять глубоких дарований, великой умственной, социальной и технической энергии, заложенных в русском народе", что "насмешки... над невежеством и варварством русского народа антинаучны", что "подобные обвинения есть злостный миф, заключающий в себе суждения большей части европейцев о России и русских людях..." Вдруг оказалось, что на подобный "обвинительный акт у России есть достойный ответ", причём "отвечает уже не только наука, а вся многообразная жизнь русского народа" (8, с. 182–185).

Знаменитый сталинский тост на победном банкете "за великий русский народ" как бы подвёл окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии.

Уже в первые месяцы войны в СССР началось стихийное движение за открытие церквей. В городах и сёлах страны созывались собрания верующих, на которых избирались исполнительные органы и уполномоченные по ходатайствам об открытии храмов (18, л. 111). Иногда такие собрания возглавлялись председателями колхозов, выступавшими ходатаями за открытие церквей, собиравшими подписи верующих, и были случаи, когда им оказывали содействие работники горисполкомов, райисполкомов и сельсоветов. Так, в Ленинградской области председатели ряда сельсоветов оказывали помощь верующим тем, что заверяли их подписи с просьбами об открытии храмов и лично направляли описки в вышестоящие инстанции для регистрации религиозных общин (18, л. 2, 149; 20, л. 23).

В военные годы многие военачальники, не говоря уже о простых солдатах, считали своим долгом присутствовать на церковных службах, участвовать в крестных ходах и молебнах. Были случаи, когда с фронтов посылались срочные телеграммы с настойчивыми просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской Православной Церкви (12, л. 14; 14, л. 193; 13, л. 114; 16, л. 45; 19, л. 93).

В 1944 году была издана небольшая, но весьма содержательная книга историка и искусствоведа Н. Н. Воронина "Памятники русской архитектуры",

в которой рассматривались проблемы сохранения русских архитектурных памятников. Автор указывал, что в "...массовой работе по пропаганде художественного и исторического значения памятников русского зодчества следует делать особый упор на разъяснение значения древних храмов и монастырей. В ряде мест антирелигиозная работа приняла совершенно ложный и вредный характер, когда памятники русского зодчества мирового значения, например, Успенский собор во Владимире, освещались в экскурсионной работе и в печати только как "очаг мракобесия". С этим вреднейшим перегибом надо повести решительную борьбу, выдвигая на первый план культурную роль церкви, художественное и национально-историческое значение того или иного памятника церковной архитектуры. Это... будет отвечать исторической правде, поставит церковные памятники на должное место и, наконец, облегчит дело их охраны" (9, с. 93).

В кинохронике начали показывать немыслимые ещё недавно кадры: в освобождённых городах жители с иконами встречают советских солдат, и некоторые из бойцов, осеняя себя крестным знамением, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих, и т. д. Так, советскую хронику, посвящённую победе Красной армии над фашистскими войсками под Москвой в декабре 1941 года, открывает звон колоколов всех московских церквей и крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами, зовущими русских людей на решительный бой за Родину (24, с. 332).

Иерархи РПЦ в годы войны не только сумели сохранить Православие, но и усилить позиции Церкви в обществе с целью его последующего духовно-нравственного возрождения. В годы Великой Отечественной войны, когда вся страна поднялась на борьбу с врагом, когда государство мобилизовало весь народ на национальную войну, на войну священную, была отброшена интернациональная идеология. Перед лицом смертельной угрозы иноземного порабощения был отвергнут лозунг 20-х годов о "проклятии патриотизма". После двадцатилетней борьбы властей с "великодержавным шовинизмом" они вдруг вспомнили, что русский народ – это великий народ, а Советский Союз – это, прежде всего, Великая Россия. Священная война востребовала национально-государственный инстинкт русского народа – основателя и стержня российской государственности – и восстановила чувство национальной солидарности, разрушенное классовым интернационализмом. Была наконец-то воссоединена разорвавшаяся нить русской и советской истории. Единодушие и сплочённость людей, обретение своих корней, своих святынь и стали залогом нашей Победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Историки мира спорят. М., 1994.
2. Бахрушин С. В. К вопросу о Крещении Руси // Историк-марксист. 1937. № 2.
3. Безбожник. 1938. № 5.
4. Боффа Д. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2.
5. Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.
6. Вернадский Г. В. Русская история. М., 1997.
7. Верт Н. История советского государства. М., 1995.
8. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. Ташкент, 1942.
9. Воронин Н. Н. Памятники русской архитектуры. М., 1944.
10. Всеволодов И. В. Беседы о фалеристике. М., 1990.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1.
12. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 11.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 13.
16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3.
17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4.

18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12.
19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. .
20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 37.
22. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
23. Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995.
24. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.
25. Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
26. Правда. 1943. 30 мая.
27. Правда. 1943. 25 сентября.
28. Правда. 1943. 8 октября.
29. Правда. 1943. 14 октября.
30. Правда. 1944. 1 января.
31. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1944.
32. Центр хранения современной документации. Ф. 89. Перечень 62. Дела 3, 8.
33. The Times. 17.09.1943.
34. The Times. 27.12.1943.

СПАСИБО ВАМ ЗА “НАШ СОВРЕМЕННИК”

* * *

Уважаемый Геннадий Андреевич!

В 6-м номере журнала “Наш Современник” с большим вниманием прочла Вашу объемную статью. Она мне очень понравилась, перечитывала раза три, подчеркивая те места, которые меня особенно заинтересовали, испещрила ее заметками. Однако каждый раз, когда уважительно упоминалось имя Ленина (целых 13 раз!), я вздрагивала. Я надеялась, что мое предложение о захоронении **Ленина** будет принято во внимание. Ведь и **Великий Сталин** поздно понял, что **Ленин** был вовсе не тем человеком, за которого его все принимали (в том числе и он сам), и какую ошибку он совершил, сделав из него “икону”, но исправить ее уже не мог, потому что поклялся на его могиле о верности “его делу” и боялся разрушить величие страны, построенной с таким трудом.

Разрушителем величия страны был Хрущев, когда в 1956 году, из мести за сына, подлым образом оклеветал на XX съезде КПСС Сталина, таким образом пошатнув авторитет страны. После него были “лихие 90-е”, и если бы Вы не проявили смелость, настойчивость и упорство, то дни Компартии были бы сочтены. Честь и Хвала Вам! И большое спасибо за это! Но Вы воспитываете молодежь в духе интернационализма и толерантности, а надо бы больше внимания уделять патриотизму и любви к своей Родине. Идея социального равенства и социальной справедливости – Великая идея, но **Ленин** не имеет к ней никакого отношения.

Пока не захороним Ленина, шлейф недосказанности и неизученной истории, так и будет тянуться за Вами. Или Вы останетесь в памяти потомков Великим **преобразователем** и спасителем Великой коммунистической идеи, или обычным политиком, который боится потерять власть лидера Компартии.

P. S. Очень бы хотелось, чтобы Вы перечислили победы под Вашим руководством в достойных делах. Порадовало, что Вы (коммунисты) отстояли портрет Сталина в новом храме ВС РФ.

Хотелось бы еще увидеть в списке Ваших побед: восстановление графы “национальность” в паспорте, успешную борьбу с пенсионной реформой, установление доплат детям войны (которые выплачиваются, например, в Израиле), переименование Волгограда обратно в Сталинград, противостояние влиянию Ельцин-центра на молодежь.

Июль 2020 г.
С уважением
Зоя Андреевна Сафрончук

* * *

Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Когда пойдёт “Бессмертный полк”, то и мы с внуком пойдём (мой брат Опарин Михаил воевал в Сталинграде. Погиб в 1945 году в Венгрии). Будет большой концерт, и опять Газманов споёт свою песню “Господа офицеры”... А где же Сталин? О нём ни слова. А какие песни пели раньше? Сердце замирало. Ликовало. Спасибо Александру Проханову! Газета “Завтра” широко отметила 140 лет И. В. Сталину, его великие дела.

С детства имя Сталина мне было дорого. Я росла в детдоме. И плакала, как и многие, когда его не стало. Дорвавшись до власти, Хрущёв своим "культом" принёс огромный вред стране, стал перестройщиком всего святого, открыл дорогу русофобам и всяким недругам страны. Знаю, что ветераны Великой Отечественной войны просили Путина вернуть Сталинграду своё имя. У поэта Владимира Гревцева есть стихи "Верните имя Сталинграду!"

Давно сказать бы людям надо,
О чём с оглядкой говорим:
"Верните имя Сталинграду!"
Ему не нужен псевдоним!

Сталина давно пора реабилитировать. О нём Владимир Карпов написал дилогию "Генералиссимус", интереснейшая книга! Я посылаю Вам книгу "Клубок" вокруг Сталина". Она открывает много неизвестного в нашей истории. Каким талантом и мужеством надо было обладать Сталину, чтобы придти к Великой Победе!

Славься, город-герой Сталинград!
Честь и слава тебе, наш солдат!
Пусть летят чередою года, —
Сталинград буду помнить всегда!

Станислав Юрьевич, спасибо Вам за "Наш современник!" Выписываю, читаю.

Доброго здоровья Вам!

Иванова Римма Ивановна
г. Москва

* * *

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

В 1946 году один из виднейших учёных того времени П. Л. Капица направил И. В. Сталину рукопись книги писателя и историка науки и техники Л. И. Гумилевского "Русские инженеры", в которой была отражена "картина развития нашей передовой техники за многие столетия".

В сопроводительной записке П. Л. Капица дал точный анализ ситуации, основанной на истории русской инженерной мысли, обрисованной в книге Л. И. Гумилевского "Русские инженеры": 1). Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас; 2). Мы сами почти никогда не умел их развивать (кроме как в области строительства); 3). Часто причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали своё и переоценивали иностранное. Всё это я прочитал в книге В. Кожинова "Правда сталинских репрессий".

Сначала меня заинтересовал автор книги "Русские инженеры", но его фамилии я не нашёл ни в Большом Энциклопедическом Словаре (1999), ни в 35-томной Большой Российской Энциклопедии (2007 г.), ни в Большой Энциклопедии России (2008 г.).

И вот уже в течение 2-х лет я пытаюсь достучаться до должностных лиц, которые в той или иной степени могли бы способствовать переизданию книги Л. И. Гумилевского "Русские инженеры".

Директор департамента информационного и цифрового развития министерства культуры В. В. Ваньков поблагодарил меня "за активную гражданскую позицию в отношении творческого наследия Л. И. Гумилевского".

Заместитель начальника управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Роспечати С. А. Дзюбинская ответила: "Роспечать рекомендует Вам, Николай Алексеевич, самостоятельно определиться с издающей организацией, которая примет решение по изданию указанной выше книги. В случае положительного решения, издающая организация может направить заявку на

получение субсидии в 2019 году на её выпуск". Станислав Юрьевич! Если Вы считаете, что книга Л. И. Гумилевского заслуживает внимания, то при случае упомяните о ней.

С уважением
Стекольщиков Николай Алексеевич
пос. Вохма Костромской обл.

* * *

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

От всей поэтической души поздравляю Вас с 60-летием выхода в свет вашей первой книги: "Землепроходцы"! (Подписана в печать 21.05.1960 г.) Меня ещё и на свете-то не было, а Вы уже входили в Литературу с большой буквы. И, как показывает жизнь, – Вы всегда шли верной дорогой, оставаясь достойным сыном своего Отечества. На Ваших книгах выросло не одно поколение как советских, так и постсоветских читателей, разделяющих с Вами одну точку зрения. Позвольте посвятить Вам своё четверостишье:

Сказал давно один поэт:
— Добро должно быть с кулаками!
С тех пор прошло немало лет,
А эта мысль — доныне с нами.

Да, действительно, без кулаков – добру не выжить. Сомнут, затопчут, оплюют. Как оплёвывают сегодня на Украине могилы своих дедов эти выкормыши "глобально-либерального" кретинизма, исходящего с Капитолийского холма. Э-э, да что о них говорить... Опомнятся, когда вся Украина станет превращаться в одну большую Мюнхенскую могилу, из которой они выкопали эту смердящую бандеровскую мумию, приволокли её на Майдан, водрузили на знамёна и попёрли по Крещатику. И пошла эта мумия сеять смерть по всей стране – от Одессы до Луганска... "Ох, времени тому..." (как сказал протопоп Аввакум в своём "Житии" о гонениях на староверов.) Конечно, цитата из другой эпохи, но суть-то одна: насилие и разрушение вековых устоев. Вы уж меня извините, что столь долго рассуждаю на эту тему, – накипело... У меня же там родня живёт, в несчастной этой Одессе; я с ними последний раз разговаривал 15 мая 2014 года, после того кошмара в Доме профсоюзов. Они просили не звонить им больше из России, сказали – сами перезвонят или письмо напишут. И с тех пор – тишина. Ни звонков, ни писем. Вот такие дела...

Будьте здоровы, Станислав Юрьевич!

С уважением
Афанасьев А. Г.
г. Калуга

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Начну сразу о Вашей книге "Терновый венец России. От Есенина до Рубцова". Ваша проза очень плотная, информативная, но в то же время слог самодостаточен и прекрасен, что чувствуешь целый поэтический мир, который вы воссоздали с такой чуткостью. Приведу в доказательство вашу мысль о Николае Рубцове из "Тернового венца России": *"Старухи, женщины и дети, затаив дыхание, слушали каждое слово своего знаменитого земляка, и я думал о том, что поэт всегда сын своего народа. Народ дал ему творческую волю, душу, понимание жизни, чувство народного идеала, а не просто один лишь язык. Язык, в конце концов, всегда можно выучить и оставаться писателем, чуждым народу, на языке которого пишешь.*

Но проходит время, и настоящий народный поэт – не по званию, а по сути – выплачивает сыновний долг народу, как выплачивают его престарелым

родителям, своеобразной заботой и уходом за народной душой, высветляя её и поддерживал в трудные времена, когда она кается, болеет, теряет опору.

Тогда приходит он и говорит:

С каждой избой и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
самую смертную связь.*

Полагаю, что данная мысль очень актуальна именно сегодня.

Спасибо за Ваш оптимизм и жизнелюбие.

С уважением
Анна Третьякова, литературовед
г. Иркутск

* * *

Уважаемая редакция!

Пишу Вам впервые. Присоединяюсь ко всем поздравлениям читателей, отзывам, пожеланиям крепкого здоровья, творческих успехов коллективу общественного совета, редакции, в котором состоят замечательные современники, как Т. В. Доронина и многие другие.

Прошу через Ваш журнал передать мою благодарность Администрации Пушкинской библиотеки за многолетнюю подписку журнала "Наш современник" с извинением задержки двух номеров (№ 11, № 12 "НС" 2019 г.) по причине переезда в другой район г. Тюмени и карантина. В районе нового места проживания, недалеко находится юношеская библиотека, где нет журнала "Наш современник". Зря! По счастливой случайности передо мной два журнала библиотечных и два собственных, где можно не спеша ставить замечания, вопросы, чего нельзя делать в библиотечных изданиях. Жаль, что № 1 за 2019 г. остается мной не прочитанным. Если есть возможность, прошу выслать наложенным платежом.

Замечательны главы будущей книги "К предательству таинственная страсть", публикующиеся в каждом номере журнала вот уже целый год. Особенно важна глава "За Родину, за Сталина" ("НС" № 12, 2019 г.). В этой главе тема величия Сталина раскрыта с таким убеждением, что вряд ли захочется это Величие кому-то опровергать. Эта правда автора подтверждается делами вождя после Октября, ВОВ и восьми послевоенных лет.

Я помню, как моего отца судили за спиленное в колхозном лесу дерево. Жестоко? Да. В разные эпохи, в разных странах за воровство наказывали. А как прекратить воровство?! В том, в чем осуждали И. Сталина после его смерти, свалили на него одного, хотя управлением огромной страны занимались все члены КПСС. Замечательное стихотворение студент МГУ Станислав Юрьевич посвятил дню похорон И. В. Сталина "МАРТ 1953-ГО..." ("НС" № 12 2019 г.). Его глава № 6 "Коммунисты, назад..." не щадит литературных приспособленцев, кто для личной выгоды менял свои убеждения и свою точку зрения. Было слово "Коммунисты, вперед!", стало наоборот. Именно такие "коммунисты" предали и себя и народ, проголосовавший за сохранение СССР. Досадно было, когда милицию переименовали в полицию, когда авторы "Дяди Степы" и "Жеглова" не защитили своих героев.

Г. А. Караваева
г. Тюмень

* * *

Станислав Юрьевич, я очень внимательно прочитал главы из Вашей книги "К предательству таинственная страсть", печатающейся в "Нашем современнике". Очень нужная книга! Спасибо Вам за Ваш титанический труд. Вы

---

* Куняев С. Ю. Терновый венец России. От Есенина до Рубцова. М., 2016. С. 157.

широко и аргументированно распахнули панораму предательства не только "избранного народа", но и бывших членов КПСС, которые, как говорится, и "вашим и нашим за пятачок спляшем". Что касается "таинственной страсти к предательству" (кстати, отличное название книги), невольно возникают ответы на таинственность и вековое постоянство этой подлой страсти. Об эмигрантах такого склада первый президент США Жорж Вашингтон (род. 22 февраля 1732 г.) писал в своей книге "Максимы Вашингтона": **"Весьма прискорбно, что ни одно государство, более старое, чем это, не смирило их, как чуму общества и величайших врагов его, присутствием которых осчастливлена Америка".**

А Генри Форд (американский автопромышленник и писатель) в "Нью-Йорк таймс" 8 марта 1925 г. писал следующее: *"Подвергните контролю 50 более богатых финансистов, которые творят войну для собственных прибылей, – и войны будут упразднены".*

Есть над чем подумать и кому предъявить вину за миллионы погибших людей в войнах XX века... Этот список высказываний известнейших представителей других народов был напечатан в № 29 газеты "Тандерболт", май 1961 года (газета издаётся в г. Бирмингем, шт. Алабама).

Мнение всемирно известных людей о причинах мировых войн, изложенное в этом списке, звучит как предупреждение всем народам мира,

Станислав Юрьевич, всего Вам доброго, но главное – спокойствия и здоровья, неиссякаемого творчества.

P. S. Буду рад приобрести Вашу книгу: "К предательству таинственная страсть".

С уважением и благодарностью
И. Охрименко
г. Екатеринбург

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

И писатели, поэты немало пишут о трудностях жизни, о добре и зле, о пороках и крови, а как обрести здоровый образ жизни – что делать?! – часто обходят стороной. В № 6 журнала Геннадий Зюганов опубликовал *"Русский стержень державы"* – как своеобразный учебник для старшеклассников – но не научил, как этот "стержень" выстроить и сохранить. Не потому ли теперь в РФ несколько коммунистических партий, которые учат, критикуя друг друга, с кем и как надо бороться и побеждать. Вроде бы, всё ясно, а, оказывается, и познание простой истины Бытия даже коммунистам недоступно.

На последней странице обложки этого же номера журнала любопытная информация: ***"В следующих номерах журнала читайте камерную прозу нашего постоянного и горячо любимого автора – Владимира Николаевича Крупина..."*.** Сам автор тут же пишет: ***"Не знаю, будут ли кому интересны мои записи, но выбросить их не поднимается рука... Думал, как назвать? ... да не всё ли равно, лишь бы прочли, и мне бы от того стало повеселее".***

Да, такое состояние присуще писателям, "много пережившим". Пусть пишет В. Н. и камерную прозу, но как-то уж очень легко представляет он свой материал, даже не определился с названием-темой. Мне же не всё равно, какова проза – хочется, чтобы в ней явно присутствовали необходимые уроки жизни, чтобы автор, да, ***"то есть как бы делал отчёт, подбивал итоги".*** И чтобы на основе прошлого автор непременно и умело, а ***"не как бы",*** предсказывал пути в будущее.

Меня страшит огромное обилие почти пустой, а то и вредной информации. Пора, пора возвращаться к краткому, но ёмкому изложению явлений, событий, правил, заветов, как в Евангелии, в "Повести временных лет", в Домострое. Искусственная художественная литература, типа романов, детективов и рекламы, годится для развлечения, а надо, чтобы оставалось время для главного дела в жизни Человека. Что есть "главное дело"? – конечно, всем разумным понятно. Ведь так??! Не совсем так – всё сложнее. Приходится упрощать до бытовых потребностей – только не заблудиться бы в страстях, играх в жизнь!

Тема разумной жизни меня давно волнует, и я написал и опубликовал в своих книжках (особенно в “Поисках простой истины”) свои вольные размышления дилетанта о конкретных примерах быта, и Бытия. Увидеть бы отзыв, пусть самый суровый! Увы! Отзывы, редкие, бывают только когда я задеваю пороки.

Решил подождать получения журнала № 7, почувствовать реакцию редакции и общественного совета журнала на ***“Историю одной публикации”***. Получил, и... не прочёл о реакции – нет её, работа журнала продолжается как обычно. Придётся о таких трудах, как ***“Гость”, “Кожинов”, “Новая ненормальность”,*** додумывать мне самому.

Станислав Юрьевич, ещё раз спасибо за решительную верную оценку пристрастия А. И. Казинцева к “Пробуждению” и ... за активный мир в журнале. А всё же, разномыслие есть и тревога не утихает: каков будет “Наш современник” завтра?!

Станислав Юрьевич, не теряйте оптимизма, размышляя о Бытии, ***“подбивая итоги, не как бы”*** и на заслуженном отдыхе – пора, без сожаления. Можете представить себя совсем вольным, без должностных обязанностей? Ведь творить, советовать, критиковать бывает важнее, чем давать указания, разрешать. Напишите, повторяю, “Домострой XXI века”, не уповая на помощь Бога, а уточняя смысл жизни, укрепляя понятия культуры, нравственности, Долга... коротко, но ёмко, листах на десяти.

Написал и издал ещё книгу **“Быть, а не казаться”**, конечно, как всегда, за свой счёт. Мучаюсь: высылать Вам или нет? За последние полгода-год я написал Вам немало своих откровений, и даже ***“злых писем”*** – они включены в книгу. Устали от моей надоедливости? Если сорвусь опять, не огорчайтесь больно-то. Для меня же любой Ваш отзыв – радость.

Желаю Вам доброго здоровья и творческих успехов.

Ваш **А. В. Ушков**
11.08.2020
г. Челябинск

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Спасибо за поддержку литературной провинции, от которой отказались верхние и нижние этажи власти. В калужских областных газетах, например, по существу, отказались от поэзии – души народа, – и если вдруг обнаружится новый Пушкин (о котором говорил Гоголь – через 200 лет), то свои шедевры он вынужден будет отправлять в стол. Разве только вспомнит, что есть на свете спасительный круг – “Наш современник”. Со слезами и улыбкой читаю в Вашем журнале провинциальных литераторов, поэтов и прозаиков. В каждом номере есть вещи, которые потрясают.

Особая благодарность за Ваших земляков. Я помню, когда местные власти изгнали из газеты блестящего журналиста Ивана Синицына, который замахнулся на первого секретаря обкома партии, окружившего себя подхалимами, то “НС” первый протянул ему руку и опубликовал его блестящую публицистику о “золотых ребятах”, о трудовом воспитании в калужских сельских школах. Эти публикации и сейчас актуальны, но, увы, нынче в школах растят потребителей. Но ведь ещё не вечер, просыпается народ, уже слышен подземный гул сдвигающихся пластов, и спящие почки, кажется, начинают пробуждаться. Помню, когда стихи поэта Николая Панченко из Калуги начал публиковать “НС”, вся страна заговорила о нём.

Эта традиция – искать и поддерживать самых даровитых – особенно усилилась с Вашим приходом в журнал в конце 80-х, и сегодня она, как глоток из родника, глоток свободы. Наш писатель Валентин Волков поднялся до вершин деревенской прозы благодаря Вашей поддержке. Сегодня его подзабыли, но верю – время его придёт. Добрым словом отзывались о нём В. Распутин, Г. Свиридов, В. Астафьев и другие известные таланты. А наши Юрий и Андрей Убогий (у Бога)? Они идут в русле классической русской прозы, и каждый из них по-своему удивляет своими творениями не только своих

земляков. А Сергей Михеенков? О нём хочется сказать, как Энгельс о Марксе: “Глубоко роет старый крот!” – хотя Сергей ещё не такой уж и старый, а душой совсем молод.

Но особенно расстрогала меня поддержка журналом невинного Игоря Кулебякина, журналиста, поэта, редактора журнала “Русич” и газеты “Московские ворота”. Его преследовали по “русской” статье (282-й) за публикацию патриотических статей. Он скрывался от “органов” почти 11 лет, и когда “НС” выступил в его защиту (№ 6 за 2018 год), его оправдали. Низко кланяюсь Вам за этот мужественный и человечный поступок.

Так держать, земляк!

Станиславу Куняеву с очередным днём рождения

Тебя ждёт, земляк, Калуга —
Город тихий у Оки.
Даже если взвоет вьюга,
Как героя и как друга
Тебя встретят земляки.
Не снимай в отеле номер,
Потому что без помех
Калужане в каждом доме,
Даже если в доме горе,
Тебя пустят на ночлег.
Многих нет из мира детства,
Многих улиц не узнать,
Но припомнить тут уместно:
Есть одно такое место,
Где, как прежде — благодать.
В Золотой аллее Пушкин
Ждёт собрата по перу,
А вокруг него старушки
Говорят прекраснодушно,
Как ты верен был ему.
Верен русскому былому,
Героическим делам,
Верен бедам, верен стону
И раздолью удалому,
И священным именам.
Ах, сегодня балаболки
Одурманили народ.
Истекут засланцев сроки,
Вспомнит мир твои уроки —
И настанет твой черёд!

Слова и музыка – народные.

Виктор Боев
г. Калуга

* * *

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Наконец-то доступными стали мне номера журнала за этот год. Время и обстоятельства внесли свои поправки в жизнь народов, населяющих Землю. Это хорошо прослеживается по публикациям журнала, в котором надо было не только освещать литературу, но и события, не имеющие прямого отношения к литературе. Журнал не отмежевался и не остался в стороне, подтверждая свое наименование – **“*Наш современник*”**,

О В. В. Кожинове я слышал много хороших отзывов, но сейчас появилась возможность узнать о нём побольше, поконкретней из опубликованных глав будущей книги Сергея Станиславовича. Представленный материал достаточ-

но ёмкий, тем и интересен, что свидетельствует о скрупулёзности выполнения поставленной перед собой непростой задачи. Но она решается и достаточно талантливо!

Для того чтобы что-то сказать и поделиться своим восприятием о повествовании Сергея Станиславовича, пришлось не перелистать, а прочитать публикации **“*Нашего современника*”** с начала текущего года, а некоторые моменты приходилось перечитывать для более углубленного понимания. После завершения Второй мировой войны для народов Союза Советских Социалистических Республик наступило напряженное время. Необходимо было восстанавливать хозяйства, экономику, воспитывать и учить детей, готовить специалистов для упрочнения государства. Тому поколению, к которому относился и Вадим Валерьянович, надо было выйти из этого времени не побеждённым, а победителем. Глава **“*Рождённые войной*”,** опубликованная на страницах январского номера **“*Нашего современника*”,** как раз касается судеб писателей, поэтов, литературных деятелей, переживших тяжелое время военной разрухи, когда складывались непростые взаимоотношения между ними и вернувшимся с фронта, побывавшими в Европе их отцами. Атмосфера войны – “*свой-чужой*” витала и не покидала общество во всех сферах его деятельности. Не обошла она и литературу.

По всей видимости, с этих пор началось зарождение “*шестидесятничества*”.

“Бахтинские” страницы повествования Сергея о Вадиме Валерьяновиче знакомят читателя с кожиновским пониманием истории прошедшего, настоящего и грядущего времени. В этой главе рассказывается о том, как творчество Достоевского шло к советскому читателю через Кожинова, вернувшего книги Бахтина читателю 60-х годов.

Из письма Кожинова Бахтину: **“*Но мы стремимся продолжать в своей работе дело Вашего поколения русской науки о литературе. Мы ясно осознаём, какое поистине всемирное культурное значение имеет научная мысль этого поколения...*”** Именно благодаря Вадиму Кожинову, вернувшему советскому читателю книгу Бахтина “Поэтика Достоевского”, в среде русских патриотов-шестидесятников сформировалось убеждение о Достоевском, как о гениальном мыслителе, о чём сокрушался А. Чубайс**: “*Я перечитывал Достоевского. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски*”**.

А вот что пишет Кожинов Бахтину в 1961 году: **“*Давно уже не было поколения, которое взрослело бы так поздно*”** и **“*В оправдание могу только сказать, что мы ещё духовно молоды, и из нас ещё может выйти что-нибудь путное*”.** Значит, Вадим Валерьянович начал замечать то движение, которое потом назвали **“*шестидесятничеством*”.** И Сергеем Станиславовичем как бы невзначай приводятся слова из ответного письма Бахтина Кожинову: **“*Меня поразили Ваши жизненное богатство и великолепная открытость Вашего сознания. С такими качествами люди растут, не старея, и никогда не предадут своего первородства за чечевичную похлебку*”.**

Каждый, кто прочитает об отношении к творчеству Ф. М. Достоевского как М. М. Бахтина, так и В. В. Кожинова, будет с радостью благодарить Сергея Станиславовича за написанное. И правильно будет привести слова В. В. Кожинова, но отнести их следует и к Сергею Станиславовичу, что он как **“*Подлинный художник творит не “как в жизни”, но “как жизнь*” (“НС”, № 4, 2020, стр.247).**

До определенного времени Вадим Валерианович Кожинов с его творчеством был мне мало известен. Проживаю в Казахстане с тех пор, как прибыл по комсомольской путёвке в ноябре шестьдесят шестого года убирать урожай – так пояснили, когда вручили путёвку. После демобилизации из рядов Советской Армии работал в геологической экспедиции на буровой установке. А это – весна-лето-осень – “*степь да степь кругом*”. Населенные пункты – это аулы и районные центры с многонациональным населением из всего Советского Союза. Были даже и чехи, и поляки. Так случалось в жизни, что приходилось общаться с людьми, имевшими непосредственно отношение к так называемым сталинским лагерям. Вопрос о репрессиях и для меня не был

праздным, поскольку мой дед, Семён Остафиевич, был репрессирован, и до сих пор мы не знаем, где нашёл он вечный покой.

Время шло. Союз распался. Развал Советского Союза привел к корректировке и уплотнению мыслей о прошедшем времени. Появилось много книг об И. В. Сталине. И *"Архипелаг Гулаг"* попал в руки. Но я его не дочитал. Может быть, вот почему.

Дж. Д. Бим, бывший посол США в Советском Союзе с 1969 по 1973 год, в своих мемуарах вспоминал: *"Когда некто с бородой принёс ворох своих неопрятных листов на тонкой бумаге, отпечатанных на машинке, мы не знали, что с ними делать. Они содержали лагерные байки, и никаких цифр там и в помине не было. И тогда я распорядился отдать весь этот хлам в ЦРУ. Наши спецы с этим текстом изрядно поработали. Так на свет появился шедевр – "Архипелаг "ГУЛАГ". Его издание было проплачено полностью ЦРУ. Часть книг, на сумму затрат на книгоиздание ЦРУ закупило у издательства, а оставшиеся экземпляры книги давали чистую прибыль. Затем ЦРУ эти книги бесплатно распространяло среди советских туристов, артистов и дипломатов, оказавшихся за границей СССР"* (voiks. livejournal.com/568919.html).

Следует отметить, что Сергеем Станиславовичем скрупулёзно проделана большая работа по освещению жизнедеятельности Вадима Валерьяновича Кожинова. При издании книги можно уверенно сказать, что она заслуженно займёт достойное место среди самых лучших книг о писателях, поэтах, критиках, историках и философах прошлого века. "Да, были люди в наше время!"

А. Шерник
г. Алма-Ата

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

"Наш современник" прочитала два раза от корки до корки. Прочитала вновь Ваши обе книги, прочитала "Зулейха открывает глаза", "Дети мои" (фильм смотреть почему-то не стала.) Прочитала книги живописца Михаила Юрьевича, вновь прочитала А. Г. Тулеева "Преодоление", и много много другого. Т. к. библиотека не работает, на огород не ходят автобусы, а дела-то делать надо. Главное – прошли дожди, лишь бы выросла картошечка...

А теперь вот что пришло мне на ум. Помню, как супруг читал "...Гулаг", "Красное колесо", где он брал, не знаю, я помню, как он сказал: "Запомни мои слова, ему дадут Нобелевскую премию". А теперь: спасибо Господу и пусть меня простит Иисус, что Новодворскую забрал с нашей планеты Земля, прости меня Иисус, прости.

Ой, Б. Окуджава – не ожидала я от него этого. Правильно сделал мужчина в Минске, поддерживаю его. Вот от Андрея Дементьева (Царствие ему небесное); недавно не помню на каком канале смотрела передачу, и слышу, что пел в Киеве, когда баллотировался Потрошенко в президенты. Такие за деньги продадут мать родну. Долго размышляла над № 1 "НС", есть очень, очень о чём подумать. И о Познере, передачи его не смотрю.

Одним словом: я всё могу простить, но только не предательство, но и предательство прощать надо, по-христиански, надо прощать, трудно себя преодолеть, но прощать надо, ибо оне не ведают, что делают.

Для меня, моим слабым умишком трудно понять, как можно покинуть Родину. Вот в 1988 году я была на своей исторической Родине, тянуло домой, в Сибирь в свой подъезд не очень чистый, в свою квартиру, за свой стол, на свой диван, на свою кровать; к друзьям, увидеть свою родную больницу, свои магазины, свой берёзки, пихточки, ёлочки, свои одуванчики, свои уличные скамеечки.

Уважаемый Станислав Юрьевич! Спасибо Вам, что нашли время прочитать моё письмо. Храни Вас Господь, Ваших родных и близких, храни Ваш состав делающих наш журнал "Наш современник"!

До свидания, с любовью
Валентина Корецкая-Захарова
Кемерово–Кузбасс

* * *

Добрый день, многоуважаемый Станислав Юрьевич!

Как всегда, надеюсь, что Вы, Ваша семья и сотрудники редакции журнала “Наш современник” здоровы и благополучны.

С нетерпением и радостью всегда жду очередного номера журнала. Сентябрьская книжка порадовала в том числе и размышлениями костромского писателя А. В. Смердова о творчестве нашего земляка, известного поэта Кострова В. А. Я закончила ту же самую Вохомскую среднюю школу Костромской области, где учился В. А. Костров. Колдовскую русскую литературу преподавала нам одна учительница с говорящей фамилией – Некрасова Валентина Павловна. Она вспомнила, что Володя Костров в школе почти все сочинения писал стихами. Я была членом школьного литературного кружка, и мы очень гордились, что В. А. Костров закончил нашу школу.

А на памятной встрече с читателями в 2010 году в Вохме Владимир Андреевич запомнился талантливым, молодым, энергичным, недалеко ушедшим от того весёлого, умного, влюблённого в жизнь юноши, который “по черёмухе план выполняет”.

Сохранились в моём читательском дневнике с той встречи слова Владимира Андреевича: “Научился я тревожить, разучился утешать, “Поиграйте, поиграйте, вы умеете играть, вы умеете расстраивать и успокаивать!”, “Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова”...

Талантливому российскому поэту, переводчику и публицисту, председателю международного Пушкинского комитета и вице-президенту международного Пушкинского фонда “Классика” Кострову В. А. недавно исполнилось 85 лет, и закономерно, что журнал “Наш современник”, поздравляя своего дорогого автора, открывает журнал его стихами. Поражает меня другое: сказать слово о юбиляре предоставлено провинциальному костромскому писателю. Внимание к человеку из глубинки, заинтересованное, трепетное отношение к нестоличному автору – вот что вызывает глубокое уважение в личности главного редактора журнала “Наш современник” Станислава Юрьевича Куняева.

...В декабре 2018 года примерно с двадцатых чисел месяца я ежедневно спрашивала на почте, не пришёл ли последний, двенадцатый номер. Ответ был: нет. Зайдя к своей знакомой, я с удивлением увидела у неё долгожданный журнал.

“Почему же у вас журнал есть, а мне по подписке не пришёл?” – спрашиваю я знакомую. “Не знаю, – был ответ. – Но я думаю, что Станислав Юрьевич, помня, что я выписывала журнал, решил порадовать меня перед Новым годом и прислал номер в качестве подарка”...

Всё было несколько иначе, но, главное, что мы обе верили, что всё обстоит именно так: Станислав Юрьевич Куняев может неоднократно позвонить обыкновенному, простому человеку, прислать ему бесплатно журналы, книги с автографом, опубликует в журнале стихи малоизвестных провинциальных талантливых поэтов, может поддержать, посоветовать помочь. Я глубоко убеждена: таких редакторов очень мало, а может быть, и вообще больше нет. Я счастлива, что на страницах журнала я могу прочесть строки моего любимого автора, не уступающего недоброжелателям наши святыни, отстаивающего наши честь и достоинство.

Поздравляя своего земляка, поэта В. А. Кострова, с прошедшим 85-летием, поздравляю с наступающим днём рождения главного редактора журнала “Наш современник” С. Ю. Куняева – вдохновителя, творца, неунывающего воина!

Желаю всем здоровья и творческого долголетия!

Извините за беспокойство.

С уважением и признательностью
Бабенко Галина Леонидовна
г. Котельнич Кировской области

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 14

Русская Идея (продолжение)

Дмитрий Урнов вспоминал, как Кожинов буквально врывался в его жилище хоть в полдень, хоть за полночь с криком: “Хватит спать! Слушай! Потом мемуары писать будешь!” И тут же заставлял пришедшего с ним Передреева читать новые стихи или представлял скромно притулившегося возле стенки Битова...

А когда в 1965-м вышла книга Бахтина “Творчество Франсуа Рабле”, Кожинов носился, как угорелый, по домам своих друзей и впихивал свежие экземпляры им в руки: “Читайте! Внимайте! Думайте!”

Уже в одном из номеров “Вопросов литературы” за 1965 год книга Бахтина стала предметом живейшего обсуждения. Борис Бурсов, отметив как “чрезвычайно современную работу” трёхтомную “Теорию литературы”, обратился к бахтинской книге:

“Большую известность получают у нас работы М. Бахтина. Его книга о Рабле, как и предшествующая книга о Достоевском, увлекает с первых страниц. И вот что удивительно: мысль излагается с математической точностью, но оставляет впечатление необычайной живости изложения. Сила М. Бахтина – в анализе взаимодействия всех частей и элементов художественного организма. Логика доказательств очень сильна. Но, может быть, в этой логике заключена и слабость всего анализа. Всё-таки художественный организм – не механизм. У М. Бахтина выпадает личность писателя, и поэтика его рассматривается как “чистая”, внеличностная система – закрытая и самодовлеющая. Она берётся вне соотношения с другими системами и возводится в абсолют. Так было в работе о Достоевском, так и в работе о Рабле...”

Смысл этого пассажа мгновенно уловил Пётр Палиевский. Обвинение Бахтина в “механистическом” подходе к литературному произведению рикошетом било в его учеников, отрицавших любой “механицистский” подход к литературному произведению. И Палиевский ответил:

“...Литературоведение не может быть целиком логическим; в нём есть сторона, не поддающаяся прямому логическому конструированию, и когда литературовед стремится быть только последовательным, строго научным, ему грозит утрата того драгоценного содержания литературы, ради которого, собственно, литература и существует в жизни общества и для каждого отдельного человека. Эта проблема является и литературной, и общественной, она затрагивает и представление о человеке, и его отношение к созданным им

Продолжение. Начало в №№1-7, 9 за 2019 год, 1-5, 7-10 за 2020 год.

инструментам; но здесь, в литературоведении, благодаря живости предмета, она стала особо неотложной...

Я не согласен поэтому с критикой Б. Бурсовым работы М. Бахтина. Погружение "в писателя" вовсе не означает отдаления от социальных проблем, скорее, напротив. Для меня эти работы как раз отличаются введением социологического измерения в существо дела – до сих пор оно слишком часто бывало только внешним. М. Бахтин делает попытку взломать внешность и открыть пути для движения в философских, социологических и других формах мысли собственно художественной концепции Достоевского, раздвигающей понятие о человеке, то есть объяснить значение его художественной идеи для общества, ответить на вопрос, что же именно в нём гениального, необходимого людям и нового... Я не хочу сказать, что метод Бахтина является обязательным, единственно преодолевающим встающие перед литературоведением трудности. Работа о Рабле своим профессорским языком может отчасти способствовать "овнешнению", против которого М. Бахтин выступает. Например, он говорит: "И бытовые пирушки не обходились без элементов смеховой организации". Но в целом для современного литературоведения книги М. Бахтина являются исключительно ценными..."

Это лишь начало тех сшибок вокруг бахтинского труда, которые в дальнейшем обретут содержание, уже не имеющее никакого отношения к книге "Творчество Франсуа Рабле"... В 1978 году в Москве выйдет книга великого Алексея Лосева "Эстетика Возрождения" – 50 000 экземпляров разойдутся в считанные месяцы, – и эта книга перевернёт у многих устойчивое представление об одной из самых ярких и противоречивых эпох в истории человечества. И, наверное, в этой книге содержалась последняя предметная критика бахтинского подхода к миру средневекового автора:

"Дело в том, что материализм подлинного Ренессанса всегда глубоко идеен, и земное самоутверждение человеческой личности в подлинном Ренессансе отнюдь не теряет своих возвышенных черт, наоборот, делает его не только идейным, но и красивым и, как мы хорошо знаем, даже артистическим. У Рабле с неподражаемой выразительностью подана как раз безыдейная, пустая, бессодержательная и далёкая от всякого артистизма телесность. Вернее даже будет сказать, что здесь мы находим не просто отсутствие всяких идей в изображении телесного мира человека, а, наоборот, имеем целое множество разного рода идей, но идеи эти – скверные, порочные, разрушающие всякую человечность, постыдные, безобразные, а порою даже просто мерзкие и беспринципно-нахальные. Историки литературы часто весьма спешат со своим термином "реализм" и рассматривают эту сторону творчества Рабле как прогресс мирового реализма. На самом же деле о реализме здесь можно говорить только в очень узком и чисто формальном смысле слова, в том смысле, что в реализме Рабле было нечто новое. Да, в этом смысле Рабле чрезвычайно прогрессивен; те пакости, о которых он с таким смаком повествует, действительно целиком отсутствовали в предыдущей литературе. Но мы, однако, никак не можем понимать реализм столь формалистически. А если брать реализм Рабле во всем его содержании, то перед нами возникает чрезвычайно гадкая и отвратительная эстетика, которая, конечно, имеет свою собственную логику, но логика эта отвратительна. Мы позволим себе привести из этой области только самое небольшое количество примеров. Часть этих примеров мы берём из известной книги М. М. Бахтина о Рабле, однако нисколько не связывая себя с теоретико-литературными построениями этого исследователя, которые часто представляются нам весьма спорными и иной раз неимоверно преувеличенными... Итак, реализм Рабле есть эстетический апофеоз всякой гадости и пакости. И если вам угодно считать такой реализм передовым, пожалуйста, считайте".

Что же Лосев считал у Бахтина "весьма спорным и иной раз неимоверно преувеличенным"? Видимо, следующие наблюдения Михаила Михайловича:

"В произведении Рабле обычно отмечают исключительное преобладание материально-телесного начала жизни: образов самого тела, еды, питья, испражнений, половой жизни. Образы эти даны к тому же в чрезмерно преувеличенном, гиперболизованном виде. Рабле провозглашали величайшим поэтом "плоти" и "чрева"... обвиняли его в "грубом физиологизме", в "биологизме", "натурализме" и т. п. ...Все эти и подобные им объяснения являются не чем иным, как различными формами модернизации материально-телесных

образов в литературе Возрождения; на эти образы переносят те суженные и измененные значения, которые “материальность”, “тело”, “телесная жизнь” (еда, питье, испражнения и др.) получили в мировоззрении последующих веков (преимущественно XIX века)... В отличие от канонов нового времени, гротескное тело не отграничено от остального мира, не замкнуто, не завершено, не готово, перерастает себя самого, выходит за свои пределы. Акценты лежат на тех частях тела, где оно либо открыто для внешнего мира, то есть где мир входит в тело или выпирает из него, либо оно само выпирает в мир, то есть на отверстиях, на выпуклостях, на всяких ответвлениях и отростках: разинутый рот, детородный орган, груди, фалл, толстый живот, нос. Тело раскрывает свою сущность как растущее и выходящее за свои пределы начало, только в таких актах, как совокупление, беременность, роды, агония, еда, питье, испражнение. Это вечно неготовое, вечно творимое и творящее тело, это звено в цепи родового развития, точнее – два звена, показанные там, где они соединяются, где они входят друг в друга...

Поэтому у Рабле нет и не может быть ни “грубого натурализма”, ни “физиологизма”, ни порнографии. Чтобы понять Рабле, надо его прочитать глазами его современников и на фоне той тысячелетней традиции, которую он представляет...”

Но полемические пассажи Лосева не ограничились “материально-телесными образами”. Наиболее жёстким сказалось его отношение к смеху у Рабле:

“Комический предмет у Рабле не просто противоречив... Дело в том, что такого рода смех не просто относится к противоречивому предмету, но, кроме того, он ещё имеет для Рабле и вполне самодовлеющее значение: он его успокаивает, он излечивает всё горе его жизни, он делает его независимым от объективного зла жизни, он даёт ему последнее утешение, и тем самым он узаконивает всю эту комическую предметность, считает её нормальной и естественной, он совершенно далёк от всяких вопросов преодоления зла в жизни. И нужно поставить последнюю точку в этой характеристике, которая заключается в том, что в результате такого смеха Рабле становится рад этому жизненному злу, т<о> е<сть> он не только его узаконивает, но ещё и считает своей последней радостью и утешением... Это, мы бы сказали, вполне сатанинский смех. И реализм Рабле в этом смысле есть сатанизм...”

А вот что писал о раблезианском смехе Бахтин:

“...Средневековый смех побеждал страх перед тем, что страшнее земли. Все неземное страшное оборачивалось землёю, она же – родная мать, поглощающая, чтобы родить сызнова, родить большее и лучшее. На земле не может быть ничего страшного, как не может его быть на материнском теле, где кормящие сосцы, где рождающий орган, где тёплая кровь. Земное страшное – это детородный орган, телесная могила, но она расцветает наслаждением и новыми рождениями...

Таким образом, недоверие к серьёзному тону и вера в правду смеха носили стихийный характер. Понимали, что за смехом никогда не таится насилие, что смех не воздвигает костров, что лицемерие и обман никогда не смеются, а надевают серьёзную маску, что смех не создает догматов и не может быть авторитарным, что смех знаменует не страх, а сознание силы, что смех связан с производительным актом, рождением, обновлением, плодородием, изобилием, едой и питьём, с земным бессмертием народа, что, наконец, смех связан с будущим, с новым, с грядущим, очищает ему дорогу. Поэтому стихийно не доверяли серьёзности и верили праздничному смеху.

Настоящий смех, амбивалентный и универсальный, не отрицает серьёзности, а очищает и восполняет её. Очищает от догматизма, односторонности, окостенелости, от фанатизма и категоричности, от элементов страха или устрашения, от дидактизма, от наивности и иллюзий, от дурной однолинейности и однозначности, от глупой истошности. Смех не даёт серьёзности застыть и оторваться от незавершимой целостности бытия. Он восстанавливает эту амбивалентную целостность...”

Лосев читал Рабле и бахтинскую работу о нём глазами человека нового времени, в пределах “суженных и изменённых значений” – и Бахтин своеобразно предвидел именно такую реакцию на свою концепцию “материального-телесного низа” в анализе “Гаргантюа и Пантагрюэля”... Пройдут ещё десятилетия – окажется (точнее, не окажется, а будет в д а л б л и в а т ь с я в голову отечественного читателя), что Бахтин “хотел быть снарядом в определённой

войне и стал им", что "снарядом "Бахтин" должно было быть поражено Идеальное. Идеальное как таковое..." Дескать, "этому служит теория смеховой культуры (смех как средство разрушения той же смысловой вертикали. Этому служит, наконец, специфическая апологетика Низа, которой Бахтин занимался, исследуя творчество Франсуа Рабле... Бахтин превращает раблезианство в универсальную технологию, в технологию на все времена..." Тут-то и впору прикрикнуть на "непонимающих", озирающихся в недоумении читателей, имеющих хотя бы приблизительное понятие об историзме: "Не для того на вас спустили с цепи Рабле и Бахтина, чтобы вы наслаждались классической религией вообще и христианством в особенности..." Кто спустил? Вадим Валерианович Кожинов! Само собой, не сам. С помощью будущего (!) председателя КГБ Ю. Андропова, который, заняв сей пост, поспособствовал переселению М. М. Бахтина из Саранска в Москву!

Это всё было написано и опубликовано через 30 с лишним лет после смерти Бахтина и почти 10 лет спустя после ухода Кожинова, который наверняка от души рассмеялся бы, прочтя нечто подобное, утверждающее его в качестве невероятно могущественной, крайне конспирологической, таинственной фигуры, осуществляющей некую "спецоперацию"... Да-да, без всяких шуток, ибо автор сего замечательного сочинения под названием "Кризис и другие" далее пишет, что, оказывается, в ИМЛИ Кожинов через Эльсберга был приобщён к некоей "спецтематике". Ибо "в 1969 году (то есть через десять лет после письма литературоведов) Бахтин при очевидной поддержке Андропова переехал из Саранска в Москву... И что? Нет никакой связи между письмом 1960 года, не повлекшим никаких последствий для подписантов, и особым интересом Андропова к Бахтину?" Ну, конечно же, есть! Ибо в "Творчестве Франсуа Рабле" Бахтин, оказывается, прокламировал "выворачивание мира наизнанку"... Утверждал образ "толпы, ОСВОБОЖДЁННОЙ с помощью смеховой культуры... от всего высокого. И в силу этого превращённой в зверя из Бездны..." Вывод, что называется, напрашивается сам собой: "Чего хотел Андропов от Бахтина?.. Может быть, того, чтобы оскал вышедшего из бездны Зверя всех ужаснул... А может быть – триумфа Зверя. Установления его всевластия, то есть Ада. Но перестройка подарила нам этот Ад..."

Другими словами, Бахтин и Кожинов – предтечи перестройки. Да и как могло быть иначе? Ведь "В. Кожинов работал в Институте мировой литературы (ИМЛИ). Конкретно – в Секторе теории литературы... В этом же Секторе работала моя мать. Она проработала в этом Секторе вместе с Кожиновым более двадцати лет... В ИМЛИ, как и в любом другом институте, была спецтематика. Кто-то (в том числе и моя мать) от неё шарахался, как от огня. А кто-то к ней охотно приобщался... Кто именно отвечал требованиям спецтематики, а кто им не отвечал – тоже было известно. Работавший в Секторе Г. Л. Абрамович не отвечал. А Я. Е. Эльсберг, руководивший Сектором с 1956 по 1964 год, – отвечал..."

Пора, наконец, назвать автора сего головокружительного опуса. Сергей Ервандович Кургинян, сын Марии Сергеевны Кургинян, действительно, работавшей в Секторе теории ИМЛИ рядом с Кожиновым и принимавшей посильное участие в трёхтомнике "Теория литературы". Пётр Васильевич Палиевский в одном из наших разговоров назвал Марию Сергеевну "ортодоксальной марксисткой".

...Думаю, не открою большого секрета, если скажу, что в этом секторе (не говоря уже об ИМЛИ в целом) отношение к Кожинову было далеко не однозначным и не единодушным. Были и персонажи (в не слишком малом количестве), которые Вадима Валериановича попросту ненавидели. Не рискну утверждать, что чувство Марии Сергеевны по отношению к нему можно определить словом "ненависть", но то, что здесь не было даже тени симпатии, едва ли подлежит сомнению... И едва ли можно сомневаться в том (сам Сергей Ервандович этого практически не скрывает), что эмоциональный запал по отношению к Кожинову перешёл к автору "Кризиса..." по наследству от его матери.

Но запала, естественно, недостаточно. Нужно подвести под свои "построения" солидную идеологическую базу... Сергей Кургинян, человек с богатой фантазией и ухватками театрального режиссёра, не пожалел сценических красок для расписанного им "действа" "диверсии" философа и литературоведа против Идеального с помощью председателя КГБ! Это не говоря уже о прямом извращении мысли Бахтина, который, говоря о "материально-телесном

низе", говорил о земле, земной жизни и обо всём, что связано с ней... "Интерпретация" же Кургиняна однозначна: "Русские, добро пожаловать в Ад!" Туда приглашает сам Кургинян, приписывая это приглашение Бахтину.

Скажем прямо, человек, углубляющийся в "специсторию", рискует не заметить течение и живые приметы реальной истории как таковой. Человек, увлечённый своими конспирологическими построениями, сплошь и рядом теряет из поля зрения течение живой жизни, перестаёт в принципе ощущать её материальное тело и духовную субстанцию... И здесь, пожалуй, самое время задать вопрос: читал ли Кургинян "Творчество Франсуа Рабле" или пользовался цитатами из книги, взятыми из трудов других авторов (в частности, того же Лосева)?

А ведь ни один из действительно читавших эту книгу не мог пройти мимо следующих основных её положений. Частично они уже приводились в нашей книге. Нелишне их напомнить.

"Все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны. (Заметьте – не антицерковны и не антирелигиозны! – **С. К.**) Они принадлежат к совершенно иной сфере бытия... Карнавал... – это особое состояние всего мира, реальная (но временная) форма самой жизни... Реальная форма жизни является здесь одновременно и её возрождённой идеальной формой... Карнавал – праздничная жизнь народа", а "празднества связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы и человека..."

"Карнавальная пародия очень далека от чисто отрицательной и формальной пародии нового времени: отрицая, карнавальная пародия одновременно возрождает и обновляет. Голое отрицание вообще совершенно чуждо народной культуре..."

"Смех – универсален и направлен на всё и на всех (в том числе и на самих участников карнавала)... Смех амбивалентен: он и отрицает, и утверждает, и хоронит, и возрождает... Народ тоже незавершён, тоже, умирая, рождается и обновляется".

"Чистый сатирик... знающий только отрицательный смех, ставит себя вне осмысливаемого явления... Фамильярный контакт в современном быту очень далёк от вольного фамильярного контакта на народной карнавальной площади. Ему не хватает главного: всенародного, праздничного, утопичного осмысления, миросозерцательной глубины... Явления эти... мерились не своей мерою, а чуждыми им мерами нового времени. Их модернизировали, и потому давали им неверное истолкование и оценку..."

"Носителем материально-телесного начала... является... не обособленная биологическая особь и не буржуазный эгоистический индивид, а народ, при том народ в своём развитии вечно растущий и обновляющийся. Все проявления... отнесены не к частному эгоистическому "экономическому" человеку... к народу, коллективному родовому телу..."

"Мы вовсе не утверждаем преимущества одного канона над другим, а устанавливаем только существенные различия между ними..."

"В романе Рабле "страх уничтожен в самом зародыше и всё обернулось весельем. Это самое бесстрашное произведение мировой литературы... В народном гротеске за маской всегда неисчерпаемость, многоликость жизни... Существующий мир оказывается вдруг чужим... именно потому, что раскрывается возможность подлинно родного мира, мира золотого века, карнавальной правды. Человек возвращается к себе самому... Утопический момент разыгрывается и переживается всем человеком, цельным человеком, и мыслью, и чувством, и телом... В гротеске – смерть входит в целое жизни как её необходимый момент, как условие её постоянного обновления и омоложения..."

"Один раз в истории (выделено мной. – **С. К.**) – на 50–60 лет – смех в его весёлой форме прорвался в большую литературу и высокую идеологию – "Декамерон", Рабле, Сервантес, Шекспир..."

Это лишь выдержки из вводной части к "Творчеству Франсуа Рабле", вехи, расставляемые Бахтиным для понимания всего последующего.

Впрочем, смотря как читать. Кургиняну наверняка пришлось бы по душе "прочтение" бахтинской книги Борисом Шрагиным, о которой последний вспоминал в следующих выражениях:

"В те годы вышла в свет и заслужила успех книга Бахтина "Творчество Франсуа Рабле". Не было уважающего себя московского интеллектуала, который бы её не прочитал... В Москве каждый прочитывал хорошую книгу,

которую удавалось протащить сквозь идеологические фильтры. Но помимо этого общего соображения, успех бахтинского исследования о Рабле объясняется ещё и нечаянной причастностью её тогдашним московским настроениям. Бахтин писал об извечной близости высокого и низкого, прекрасного и гротескного, благородных порывов и, как он выражался, "материально-телесного низа". С его лёгкой руки вошло в бытовой обиход и там закрепилось учёное словцо "амбивалентность". Так вот, эта амбивалентность как нельзя лучше определяла духовную атмосферу Москвы 60-х годов. И было приятно сознание, что не только мы таковы, но и всё великое в мировой культуре — тоже (выделено мной. — **С. К.**)".

Т а к прочитать книгу Бахтина — равнозначно тому, что не читать её вообще, пропустить мимо зрения и слуха все её основополагающие константы... Затвердить словечки "карнавальность", "материально-телесный низ", "амбивалентность", вырванные не то что из текстуального контекста — из исторического... А самое главное — ощутить при этом "приятствие" от своей "причастности" мировой культуре, вульгаризировав в своём сознании всё, еле-еле переваренное из плохо усвоенного у Бахтина.

Правда, Бахтин заранее предрёк возможность подобного "прочтения". Он сослался на "выдающегося немецкого литературоведа" Вольфганга Кайзера, увидевшего в "Гаргантюа и Пантагрюэле" "только модернистский гротеск" и охарактеризовавшего раблезианский смех как "сатанинский" (задолго до Лосева)... Был предсказан и своеобразный "Кургинян" со своим конспирологическим подходом:

"Современники понимали как явления единого большого стиля то, что люди XVII и XVIII веков стали воспринимать как странную индивидуальную идиосинкразию Рабле или какой-то шифр, криптограмму, заключающую в себе систему намёков на определённые события и на определённых лиц эпохи Рабле"...

Реальный Кургинян, человек XX-XXI века, пошёл ещё дальше. Он оценил и книгу Рабле, и труд Бахтина как "шифр" и "криптограмму", "закодировавшие" способы разрушения государства. Как иначе определить его "отмычки": якобы коллективное письмо, написанное Кожиновым Бахтину (давно забытому в столице и не питавшему никаких надежд на публикацию своих сочинений), есть всё та же "спецтематика"; что нечего кивать на дочь Андропова Ирину, работавшую в серии ЖЗЛ издательства "Молодая гвардия" — не её, якобы, стараниями Бахтин был положен в Кремлёвскую больницу на лечение, а потом получил прописку в Москве... Это Андропов с подачи Кожинова подрывал устои государства...

Пожалуй, хватит. Понятно, думаю, любому здравомыслящему человеку, что председатель КГБ и не открывал бахтинскую книгу. И удивительно, как это Кургинян пропустил в своей конспирологии Владимира Николаевича Турбина, в чьём лермонтовском семинаре училась Ирина Андропова, с которым она состояла в сердечной переписке и к которой Турбин мог обратиться напрямую, чтобы войти в кабинет её отца; с ним (по турбинским воспоминаниям) состоялся запоминающийся разговор:

"— Да мало ли, — неожиданно сказал мне Юрий Андропов, — мало ли чем нам заниматься приходится! Мы недавно тут звездочётов принимали. Астрологов...

— Гм, — сказал я, признаться, донельзя заинтригованный, ошарашенный даже, — и как, интересно было?

— Ин-те-рес-но! — загадочно сверкнул очками Андропов, и тотчас же разговор как бы сам собой перешёл на другое. Михаил Бахтин, глубина и широта его откровений, прозаический вопрос о его переезде из Мордовии, из Саранска в Москву".

Как насчёт "спецтематики" Владимира Турбина, Сергей Ервандович?

...Ну, а если серьёзно, то настоящий разговор о раблезианском смехе — его смысле — состоялся ещё до выхода книги. 12 февраля 1965 года Кожинов писал в Саранск:

"Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Посылаю Вам два (точнее, три) "материала" — письмо С. А. Лейбович и отзыв Г. А. Соловьёва на "Рабле" + одно из его замечаний к работе. Признаюсь Вам, что я сам предложил Соловьёву передать Вам отзыв (отзыв написан

3 месяца назад! – 11 ноября). Он почему-то не решался послать его Вам. Но, по-моему, будет гораздо лучше, если Вы узнаете его истинные мнения о "Рабле". Кстати сказать, Ваша вставка о проблеме "серьёзности" (точнее, соотношения смеха и серьёзности – 4 странички к 199 стр<анице> работы) в известной мере снимает его замечания. Не знаю, написали ли Вы их потому, что я передал Вам смысл замечаний Г. А.; во всяком случае, я специально показал ему эти страницы, заметив, что они сделаны в ответ на переданное мною Вам его мнение (помните, я говорил о его критике, что Вы, дескать, абсолютизируете смеховое начало).

(Замечу в скобках: не обижайтесь на мой дикий слог; вчера ко мне приехали гости из Одессы, и я почти не спал – теперь голова плохо работает).

Итак, об отзыве Г. А. Вы увидите, что критика серьёзная, принципиальная. Он противопоставляет Вам оптимистическую концепцию исторического развития известного толка. Вместе с тем, – думаю, вы увидите и это – в его критике нет ровно ничего угрожающего. Сам он – я уверен в этом – готов издать книгу без всяких изменений. Он, кстати, очень был доволен, что Вы пошли навстречу ему в упомянутой вставке. Правда, он выразил пожелание несколько развернуть эту проблему. Но это совсем не обязательно.

Да, самое главное. Отзыв этот – неофициальный, его никуда не передавали и не передадут. Он написал его в точном смысле слова для себя. Он даже не собирался (всерьёз, во всяком случае) передавать его Вам. Но так как вполне возможно, что в какой-то момент он вдруг мог решиться дать его Вам как мнение редакции, я счёл правильным послать его Вам как можно раньше (до сих пор Г. А. не хотел даже мне его показывать, это вообще человек со сложной и отчасти болезненной психикой, в частности, с несколько болезненным самолюбием). Вы можете теперь спокойно обдумать Ваше отношение к отзыву. Особенно важно, что С. Л. разделяет замечания Г. А. (об этом она, кстати, и сама пишет); при встрече с Вами она будет высказывать примерно те же пожелания.

Чтобы вся картина была ещё яснее, позволю себе изложить ситуацию шире, – хотя письмо, видимо, получится слишком длинное и утомительное. Дело в том, что Ваша работа оказала огромное, даже преобразующее воздействие на Г. А. Он прочёл её внимательнейшим образом (это явствует из его пометок на экземпляре, который он читал), и она буквально подняла на новую ступень всё его сознание. В этом убеждает, в частности, его рецензия. Если бы Вы посмотрели его предшествующие работы (статьи в "Вопр<осах> литературы" или книжку о Добролюбове, вышедшую в прошлом году), Вы не поверили бы, что этот человек мог написать столь серьёзную и по-своему даже "блестящую" статью о Вашей книге. Вы же знаете, как обычно ничтожна и бьёт мимо цели наша критика (кстати, читали ли Вы уже статью Бурсова о Вашем "Достоевском" во 2-м номере "Октября" за 1965 год? Это небезынтересно, в частности, он критикует Вас с националистической позиции, на которой он недавно утвердился – в своей книге "Национальное своеобразие русской литературы", 1964; вообще национальный вопрос приобретает сейчас невероятную остроту).

Так вот, Г. А. явно (это чувствуется в разговоре с ним всё время) испытывает громадную – хотя, быть может, неосознаваемую – благодарность и глубочайшее уважение к Вам. Я думаю, что это очень хорошо. Книга безусловно – я думаю так – выйдет в этом году...

Не могу не оговорить: не подумайте, что я не понимаю глубочайшего смысла Вашей постановки вопроса о той подлинной научной серьёзности, которая лишена догматизма (как и подлинная трагедия, и подлинный смех), ибо проблемна, самокритична и незавершима (превосходная автохарактеристика; эта вставка была необходима! – Вы ввели ею себя в мир Вашей книги)..."

Геннадий Арсеньевич Соловьёв, литературовед старшего поколения, заведовал в "Художественной литературе" редакцией критики и литературоведения и напрямую отвечал за выход книги Бахтина. Его отзыв стоит внимательно перечесть и ныне – настолько он отличается по своему смыслу и тону от многих последующих "экскурсов" в эту тему. В частности, он писал:

"Смех утверждал жизнь народа, его деятельность ради своих потребностей – ради глотки, брюха, плоти, радости общения и т. д., и это утверждение было по необходимости консервативным, так как двигаться вперёд – значило пуститься в отчуждающий мир. Смех отрицал иерархию сословий, и это

отрицание было революционным, но революция означала гибель утверждающего смеха. Наконец, эта гибель – тоже, как говорилось, амбивалентна, из гибели средневекового смеха должна родиться какая-то другая форма амбивалентного смеха, потому что отчуждение человека, его человеческая трагедия – не вечна, она – путь к высшей человечности, к возвращению человечеству человека как цели, и в этом смысле утверждающая сторона средневекового смеха, его консервативная сторона – в перспективе громадных эпох – оказывается революционной, утопическим прообразом революции, выводящей в человеческий мир. Утопия имеет свою реальность".

И 20 февраля Бахтин написал ответное письмо:

"Присланные Вами замечания Г. А. Соловьёва меня поразили: они очень интересные, умные и в высшей степени благородные по своему тону. Это действительно блестящая статья о моём "Рабле". Я их тщательно подумаю и постараюсь удовлетворить его пожеланиям с помощью вставок и некоторых изменений в формулировках (без изменения существа концепции). Надеюсь, что мне это удастся (хотя это и не так легко сделать)... С нетерпением ждём Вашего приезда (обязательно с Еленой Владимировной) в марте и тогда поговорим обо всём. Мы последнее время болели, но сейчас всё относительно благополучно..."

* * *

18 ноября 1965 года у Кожиновых родилась дочь, названная Сашенькой, – и в этот же день скончался Владимир Владимирович Ермилов.

Словно сама жизнь подтверждала слова Бахтина из "Творчества Франсуа Рабле": смерть, чреватая рождением.

Похороны же Ермилова и поминки по нему обернулись, мягко говоря, неприятными странностями. Очевидцы потом вспоминали, что возле гроба, выставленного в Центральном доме литераторов, никого не было, кроме родных, и пришлось срочно собирать служащих дома – вплоть до уборщиц... А на поминках произошёл инцидент, о котором много лет спустя написал (соответственно "творчески" его преобразовав) Андрей Битов.

В 1989 году он опубликовал в "Новом мире" "Близкое ретро, или Комментарий к общеизвестному" – своего рода примечания к отдельным реалиям романа "Пушкинский дом". Воспроизвёл он там и сцену поминок, поименовав действующих лиц фамилиями персонажей Достоевского... Только теперь отсылки шли не к "Идиоту", а к "Бесам" (с вкраплениями "Преступления и наказания"), и Кожинов (в отличие от ранней "Виньетки") теперь фигурировал не "Рогожиным", а "Шатовым", под именем же "Верховенского" нетрудно было угадать Петра Палиевского...

"В 1965 году я попал на поминки Е. (без всякого правильного смысла: я с ним не был даже знаком, не был и на похоронах... – по-достоевски, по-русски...). Это был человек страшной репутации, бандит и убийца, главарь 1949 года (ни больше, ни меньше! – **С. К.**)... По рассказам, под конец жизни он не мог читать ни одной строчки выпестованной им литературы, ушёл в затвор, читал только Чехова и Достоевского... Я застал поминки в разгаре... Были тут и Свидригайлов, и шарж на Ставрогина, и копия Верховенского, и два-три Лебядкиных... Верховенский не пил, остальные – много... О покойниках плохо не говорят, и все начинали хорошо, отмечали размах и талант (к тому же и в ораторах было мало чего кристального), но потом както вдруг скатываясь в глубокое "но" и, выкарабкиваясь из него, кончали прямым поношением. И так было с каждым... В жизни не представлял себе таких поминок!.. И тут Верховенский обнаружил пропажу тридцати рублей. Все только этого и ждали – что началось! Какая изысканность предложений и предположений... Никому не выходить, всех по очереди обыскать... Единогласно нашли жертву – ею оказалась самая молоденькая и смазливая (и бедная!) девушка, которую привёл Шатов, под неизвестной фамилией. Она – отрицать и в слёзы. Они (актив, мигом сложившаяся звёздочка, пятёрка...) – шмонать. Обсудили технику. Удалились, волоча её за собой. (Сам Шатов с выражением непреклонной образцовости подталкивал её в спину, назидательно увещевая.) Верховенский в радостном комсомольском возбуждении был впереди и всюду вокруг (он был похож и на более современного

вожака – Олега Кошевого). В общем, её раздели в специально отведённой комнате – меня там не было, – ничего не нашли. Снова было предложено шмонать. Не помню, как я вырвался, унося эту сцену в зубах, трепеща от этого подарочка по линии опыта: уж куда-нибудь у меня эта сценочка войдёт, не денется!.. И придумывать ничего не надо... Так целиком и плюхнется в роман, как в болото, разбрызгивая главы... Несколько лет держал я эту главу в запасе, да вот всё романа подходящего не писалось... И – не пришлось. Перечитал-таки "Преступление и наказание", дошёл до поминок Мармеладова, и глаза на лоб полезли: один к одному!.."

Что и говорить – инцидент пренеприятнейший. Но каков Битов! Столько лет "держать в запасе" сей сюжетец – и вывалить его в самый нужный момент! Умно, хладнокровно, с подтекстом. Помимо всего прочего – оболгать своего бывшего друга, а себя – любимого – выставить внимательным очевидцем, предусмотрительно, отстранив от самой отвратительной сцены ("меня там не было")... И, дескать, догадывайтесь сами – кто тут есть кто!

Кожинову и догадываться было нечего. И не ответить он Битову не мог, что и сделал через некоторое время на страницах журнала "Москва".

"Милостивый государь!

Вы напрасно уверяете себя и читателя... что попали на поминки Е. случайно ("без всякого правильного смысла..."). Потому что как следует из Вашего описания, Вы шли туда с намерением и целью, быть может, и скрываемой от себя: именно – заполучить "сюжетец", "картинку", которую затем можно будет "плюхнуть" в очередное из Ваших изящных творений, что – поздравляю! – Вам наконец-то и удалось (не таков ли вообще Ваш творческий принцип взаимоотношений с жизнью и людьми?). Не оттого ли и испытанный Вами трепет "от этого подарочка по линии опыта", свалившегося как с неба, впридачу с дармовой, надо думать, выпивкой?..

Полагаю, впрочем, что Вы могли и не ходить на те самые поминки. Потому что "сюжетец ", Вами поведанный, по существу был вполне готов до них – в Вашем воображении, откуда он и был почерпнут, хотя и с прискорбным для Ваших литературных успехов запозданием. Потому как возьми Вы его и впрямь из жизни, Вы, думаю, попросту не смогли бы те самые поминки так беспардонно исказить. Ведь тут что ни пункт, то неправда или полуправда, что и того хуже.

Неправда, что Вы не были "даже знакомы" с усопшим, ибо это он, тот самый Е., опубликовал незадолго до своей смерти статью, одобрявшую и защищавшую Ваше в то время гонимое творчество (в том же "Близком ретро..." Битов, правда, приписал хвалебную статью о "Большом шаре"... Эльсбергу, снабдив своё "приписывание" соответствующим комментарием: "Я ему обязан критической поддержкой. В именах, которые он хвалит, виден не утраченный в доносах литературный вкус. Хвалит он с тем же деловым цинизмом, с каким, по-видимому, когда-то ругал". – **С. К.**). Так что, по крайней мере, заочно (а это тоже знакомство) Вы друг друга неплохо знали.

Неправда, что выступавшие на поминках "кончали прямым поношением" ("и так было с каждым") покойника. Неправда хотя бы потому, что в числе "ораторов", как Вы их называете, были родная сестра Е., его жена и другие родственники. Неужели и они... шельмовали своего усопшего брата, мужа и т. д. или спокойно выслушивали нечто подобное?

Неправда, что вдруг была обнаружена "пропажа тридцати рублей" (кстати, почему не, скажем, сорока, пятидесяти? Не тридцать ли это "сребреников", столь эффектных и столь же "новых" в литературе?) Пропали (и это, увы, сущая правда!) деньги и другие вещи (в частности, часики) из сумочек нескольких женщин, так же, уверяю Вас, небогатых, пришедших помянуть покойного. И не "Верховенский" обнаружил – не пропажу, а кражу, – но одна из потерпевших, увидевшая, как "молоденькая" и смазливая... девушка, которую привёл "Шатов, под неизвестной фамилией", копается в её сумочке.

Воровка, увы, действительно была обыскана по требованию потерпевших и кем-то из них, при согласии самой виновницы, успевшей, как выяснилось через несколько дней, спрятать похищенное в ванной комнате. Как бы ни оценивать это скверное происшествие – правда (и Вы не могли её не знать) состоит в том, что оно крайне усугубило и без того подавленное состояние присутствующих на поминках. И всего более того приятеля "молоденькой"

и смазливой девушки, который, вопреки Вашему утверждению, не только не содействовал обыску, но и узнал о нём лишь день спустя. В противном случае этот человек, смею Вас заверить, сделал бы всё, чтобы не допустить отвратительной для всех акции, приняв всю ответственность за возникшую ситуацию на себя. Ведь он и ранее этого жуткого события замечал за своей "бедной" подругой подобные же поползновения, но не хотел поверить сам себе.

А теперь о Вашем "сюжетце" в целом.

Он прост до наивности и самолюбивого ребячества. Судите сами: растленные, пьяные, жрущие свидригайловы, лебядкины, ставрогины и прочая, с одной стороны, и непорочный, аки Христос, застенчивый, нравственно оскорблённый Литератор, будущий Романист – с другой...

...Что же касается того, Достоевский ли ("Преступление и наказание") предшествовал Вашей картине поминок или собственное Ваше воображение упредило Достоевского, то здесь я решительно с Вами не согласен. Боюсь, что Ваша начитанность в данном случае сыграла с Вами плохую шутку: оригинал Ваших "поминок" принадлежит не Вам, но творцу "Преступления и наказания" (см. поминание Мармеладова). Вы же только низвели его до своего уровня.

И второе. О поношениях по адресу почившего в бозе Е. Не кажется ли Вам, что совершил их, причём тиражом в полтора миллиона экземпляров, только один из присутствовавших тогда на поминках – именно Вы? А для "масштабности" пристегнули к покойнику и тех, кто собрался отдать ему приличествующую в этих печальных случаях дань.

Остаюсь
недостойный Вашей чистоты и честности
Шатов с неизвестной фамилией".

Спустя некоторое время после публикации этого письма Кожинов и Битов встретились в кулуарах Центрального дома литераторов. Битов бросил сосредоточенный взгляд на бывшего друга и молча прошёл мимо. Вадим Валерианович не стал его останавливать.

* * *

...15 декабря 1965 года Кожинов написал своему старшему сослуживцу по ИМЛИ, автору книг о Плеханове, Белинском, Чернышевском и Шевченко Николаю Фёдоровичу Бельчикову. Чрезвычайно интересно увидеть здесь, какие творческие задачи ставил в это время перед собой Вадим Валерианович.

"Глубокоуважаемый и дорогой Николай Фёдорович!..

Хочу сообщить Вам, что в тот самый день, 18 ноября, через 2 часа после смерти Владимира Владимировича родилась его внучка (то есть моя дочь) Александра. Он словно передал ей жизнь... Он умер, возвратившись из родильного дома, куда он ездил узнать о состоянии дочери...

Так странно складывается иногда жизнь... Но что же делать? Надо думать о той, которой он передал жизнь.

С большим интересом изучил книгу, посвящённую Вашей деятельности (речь идёт о книге "Н. Ф. Бельчиков. Библиография", изданной в том же году. – **С. К.**). Мне были хорошо известны только основные Ваши работы, и я открыл для себя немало нового. В частности, меня очень заинтересовали работы "Тургенев и Вяземский", "Достоевский и Тютчев", "Приёмы изучения частных фондов" и почему-то совсем не известная мне вышедшая под Вашей редакцией книга "Иностранные писатели о русской литературе" (почему она описана по корректуре? Может быть, она просто не вышла в свет? Было бы очень жаль).

Ваша работа в целом сейчас особенно важна для меня в связи с тем, что я в ближайшее время, так сказать, меняю профессию. От теории литературы, которой я занимался более десяти лет, я перехожу к истории литературы в самом строгом смысле слова. Думаю, что это вполне закономерно и правильно. Выработав какой-то взгляд на природу искусства слова, я теперь надеюсь более или менее серьёзно потрудиться над изучением истории русской литературы. Сейчас меня более всего интересуют тридцатые годы XIX века (то есть

1826–1840). Это одна из самых великих эпох в истории нашей культуры – эпоха зрелого Пушкина, Баратынского, Гоголя, Лермонтова, Языкова, первой (и лучшей, на мой взгляд) половины Тютчева, Владимира Одоевского, Ивана Киреевского ("дославянофильского"), Вяземского, Чаадаева, молодых Хомякова, Шевырёва, Погодина, эпоха Полежаева, Кольцова и т. д., и т. п.

И при всём том – эпоха почти не изученная (я берусь хотя бы это доказать), эпоха, которую приходится изучать, прежде всего, по архивным материалам и затерянным в журналах и альманахах того времени публикациям.

Сейчас я приступаю к первой работе в этой области – "Проблемы реализма в русской литературе (или даже шире – культуре) тридцатых годов". Работа пишется для сборника, издающегося в ИМЛИ под редакцией Н. Л. Степанова..."

Кожинов вспоминал, как примерно в это же время, встретившись в очередной раз с Бахтиным, он пожаловался на то, что не может в полную силу работать над изучением теории литературы (ориентированной тогда преимущественно на изучение поэтики), что эта работа ему наскучила... Бахтин ответил, что это лишь естественно, что литературоведение – вспомогательная дисциплина: "всерьёз можно отдаться лишь философии и истории либо уж самой литературе"... Кожинов вспомнил об этом разговоре в 1987 году и добавил, что "наука о литературе... должна гораздо полнее и глубже вобрать в себя философски-исторический смысл". По сути же ему стало это ясно более двадцати лет назад.

Ещё 23 февраля 1964 года он делился с Бахтиным своими планами: "Книга моя наконец-то вышла, и я высылаю её Вам вместе с этим письмом. Особого (или, вернее, какого-либо) удовлетворения я не испытываю – книга мне совершенно не нравится. Её можно рассматривать только как некое запечатление моей невероятно затянувшейся молодости (и в жизненном, и в "научном" смысле). Но через это надо было перешагнуть. Сейчас мне мерещатся какие-то серьёзные работы, но получается, что они не "печатабельны" по самой своей теме. Например, мне очень хотелось бы написать что-нибудь о русской литературе начала этого века, о её связи с тем, что Вы называете русским "мыслительством". Но это, конечно, чистая утопия. Хотелось бы мне (опять утопия) написать что-нибудь о 20–40-х годах прошлого века, о фантастическом развитии русской художественной (и вообще) культуры от любомудров до Аполлона Григорьева, понять всё это заново. Кстати сказать, на днях я взял в руки Баратынского и впервые по-настоящему понял этого совершенно гениального поэта. Его стихи последних лет – это какое-то чудо. Может быть, я увлекаюсь, но готов поставить его выше Тютчева, не говоря уж о Лермонтове. И какая невероятная судьба – никто в XIX веке Баратынского не понял, даже не прочитал. Да и в XX что-то странное. Так, Блок, восхищавшийся Полонским и воздавший должное Григорьеву, совсем прошёл мимо Баратынского – хотя, может быть, это самый близкий ему поэт...

О делах нечего говорить. В последнее время нас (теоретиков) сильно бьют с самых разных сторон, и приходится огрызаться... Работать некогда. Да и стоит ли?.."

А в письме к Бельчикову он делился ещё одним своим замыслом, одновременно прося вспомоществования:

"Кроме того, я пишу небольшую книжку популярного характера "Дочь Фёдора Толстого" – о забытой русской поэтессе Сарре Толстой, умершей в 1838 году, 17 лет отроду. Белинский ставил её "Сочинения...", изданные в 1839-1840 годах в один ряд со "Стихотворениями" Лермонтова... И в этом есть свой смысл. Я хочу воскресить – как призывал когда-то Н. Ф. Фёдоров – эту удивительную девушку.

Многое уже написано, но работа моя застопорилась из-за того, что я не могу найти ряда архивных материалов.

И вот в этой связи я осмеливаюсь обратиться к Вам за помощью. Не подумайте, что я делаю это, пользуясь, прежде всего, Вашим добрым ко мне отношением. Я обращаюсь к Вам как к крупнейшему авторитету в области архивного дела и источниковедения. К тому же, поверьте, я нисколько не буду обижен, если Вы не сможете уделить времени для моего дела, ибо Ваша занятость и Ваш возраст могут просто помешать Вам им заняться.

Итак, дело заключается в следующем. Мне необходимы любые архивные материалы, связанные с жизнью и деятельностью графа Фёдора Ивановича Толстого (Американца) (1782–1846), его дочерей Сарры Фёдоровны (1821–1838) и Прасковьи Фёдоровны (1831–1882) (в замужестве Перфильевой, жены известного друга Л. Н. Толстого), его жены Авдотьи Максимовны (1796–1861) (урождённой Тугаевой), его сестры Веры Ивановны (1783–1879, в замужестве Хлюстиной), а также учителя и издателя сочинений Сарры Толстой Михаила Николаевича Лихонина (1802–1864), известного в своё время переводчика и стихотворца.

Если бы можно было обнаружить какие-либо архивные материалы, связанные с этими лицами (мне это, несмотря на целый ряд попыток, не удаётся), я имел бы основание рассчитывать, что в этих материалах могут обнаружиться рукописи Сарры Толстой или какие-либо документы, свидетельства и т. д., проливающие свет на её жизнь и творчество (а также жизнь всей её семьи).

Нельзя не упомянуть здесь также о муже Прасковьи Фёдоровны, Василии Степановиче Перфильеве (1826–1890), который в 1878–1887 годах был московским губернатором (он, кстати, послужил прототипом образа Стивы Облонского). П. Ф. и В. С. Перфильевы были доверенными лицами Л. Н. Толстого во время его женитьбы, а на свадьбе – посаженными матерью и отцом. П. Ф. Толстая-Перфильева написала роман “Графиня Инна”, который дал Толстому материал для “Войны и мира” (роман этот остался в рукописи; местопребывание рукописи неизвестно).

С семьёй Ф. И. Толстого была тесно связана и тётка Л. Н. Толстого Александра Андреевна Толстая (1817–1894).

Несмотря на сравнительное обилие имён, мои поиски пока безрезультатны. Я имел несколько писем Ф. И. Толстого в фонде П. А. Вяземского (может быть, там есть и ещё что-нибудь, но я не знаю, как взяться...). Вообще у меня есть все основания думать, что мои неудачи обусловлены отсутствием опыта, чисто теоретическим знакомством с архивным делом...

Ваш Вадим Кожинов.

P. S.: Вы начали своё учение во Владимире. Не знали ли Вы тогдашнего инспектора мужской гимназии Василия Андреевича Пузицкого? Это мой дед, отец моей матери. Ему принадлежит популярный в те годы учебник “Отечественная история”.

К сожалению, никаких следов этой кожиновской работы разыскать не удалось. Но его письмо Бельчикову ценно, в частности, в том отношении, что вдребезги разбивает злонамеренный “миф” (в последнее время получивший широкое распространение), что Кожинов якобы никогда не работал в архивах, а пользовался в своей работе исключительно книжными источниками. Что правда – то правда: с книгой Вадим Валерианович умел работать, как мало кто, извлекая у разнообразных авторов информацию и наблюдения, на которые до него просто не обращалось пристального внимания. Но и цену работы с документами знал, даром, что жаловался на “отсутствие опыта”. 195-й фонд Петра Вяземского в ЦГАЛИ он изучил для своей книги о Сарре Толстой весьма основательно, более того, можно говорить, что этот его труд должен был стать трудом о целом роде, к которому принадлежал и Толстой-Американец... Во всяком случае, когда через много лет за книгу об этой “исторической личности” взялся основательный и проницательный исследователь жизни и творчества Пушкина Михаил Филин, он шёл по тем же следам, что и Кожинов в середине 1960-х.

* * *

В 1965 году произошло ещё одно событие, резонанс от которого прошёл по стране и особенно сильно отозвался в Институте мировой литературы.

О происшедшем Кожинов написал супругам Бахтиным в письме от 28 октября:

“У нас всё нормально... Все друзья и знакомые здравствуют и более или менее нормальны (разве только Гачева заносит). Палиевский побывал в Италии и в Париже – недели три всего, переполнен впечатлениями, очень доволен.

Не знаю, дошёл ли до Вас слух о неприятной истории. Арестован и находится под следствием Андрей Синявский, о котором я, очевидно, Вам что-либо говорил. По официальным данным, его обвиняют в том, что он печатал за рубежом произведения антисоветского характера (под псевдонимом). Он был сотрудником нашего института — отдела советской литературы...

В духовной жизни ясно обозначаются интересные явления. Есть какой-то кризис, переход, сдвиг. Но это долгий разговор..."

Андрей Синявский был арестован 8 сентября 1965 года по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде — именно так были квалифицированы его книжки, изданные в Париже и Нью-Йорке "Суд идёт", "Фантастические повести", "Любимов", "Мысли врасплох" под псевдонимом "Абрам Терц"... В советском литературном мире он был известен как автор книги о Пикассо (совместно написанной с Игорем Голомштоком) и достаточно познавательного для тех лет научного труда "Поэзия первых лет революции" (его соавтором здесь был Александр Меньшутин). Что же до его прозы, — собственно говоря, она не представляла из себя ничего мало-мальски ценного, на этом сходились многие, её читавшие. Более того, на Западе его творения появились ещё до "Доктора Живаго", но западным спецслужбам нужно было громкое имя и более или менее серьёзное произведение, а не "фантастические" фельетоны, подписанные никому не известным именем. Поэтому первая книжка была издана через год после пастернаковского романа — в 1959-м. И в общем шуме и рёве вокруг свежеиспечённого Нобелевского лауреата на неё никто не обратил внимания.

Но сама история его ареста была довольно интересно "обставлена": наши "органы" получили непосредственно от западных расшифровку псевдонима (потом утверждалось, что эта "утечка информации" была точно рассчитана: нужно было переключить внимание "Советов" с вьетнамской войны, в которую всё глубже и глубже влезали Соединённые Штаты, на собственную внутреннюю "проблему")... Любопытно было и своеобразное "умолчание" нашей воинствующей пропаганды: предисловие к одной из книг Абрама Терца писал Борис Филиппов, эмигрант "второй волны", известный в Европе и Северной Америке как поэт, прозаик, историк литературы; на него, в частности, ссылались как на матёрого антисоветчика, расхваливавшего произведения Терца и Аржака (Синявского и Даниэля) на судебном процессе. И о нём же отечественные соответствующие структуры были прекрасно осведомлены, как о Борисе Филистинском — военном преступнике, организовавшем во время войны в Великом Новгороде так называемое "русское гестапо"... Об этом в открытой печати не было сказано ни слова, хотя, казалось бы — карты в руки! Вот кто пишет восторженные статьи об "отщепенцах"!.. Но тут, судя по всему, велась своя игра.

Об этой игре ИМЛИ, естественно, не подозревал. Партийное бюро института было собрано с целью выяснить, как же ответственные товарищи (даром, что несколько лет назад громившие Синявского за работу, посвящённую Пастернаку) "не распознали" врага в добропорядочном (хотя и ошибавшемся) советском литературоведе... И ведь это был уже не первый подобный случай. Год тому назад пришлось разбирать "дело" Юлиана Оксмана в связи с его перепиской с Глебом Струве и публикациями (опять же под псевдонимом) в "Русской мысли"... И вот — опять.

Партийное бюро заседало несколько раз: 12 и 25 октября, 22 и 30 ноября. Мало... Следующее заседание пришлось на 7-8 декабря.

Основной доклад делал Владимир Иосифович Борщуков, один из твердолобых "мастодонтов" Института, тут же перекинувший мостик от Синявского к скверно поставленной идеологической работе в учреждении, а также к сомнительной научной деятельности молодых учёных отдела теории... Даром что Синявский работал в отделе советской литературы — тут уж поле для сведения счётов с "неугодными" оказывалось достаточно широким.

Но подобные обобщения устроили далеко не всех. Разговор быстро перевели на проштрафившегося — персонально.

"В. Щербина: ...В смысле перевода в старшие <научные> сотрудники мы должны признать нашу ошибку, когда дали это звание Синявскому. Дирекция была против этого, а отдел настаивал. Явление "Синявский" — это смесь "замятинщины" с блевотиной фрондёрства 1954–1956 годов. В своих работах он проводит критику очень широко: от социалистического строя до положительного героя Горького... У нас была с ним большая полемика в связи

с Демьяном Бедным, Бабелем, “Чапаевым”, Пастернаком. Он уже тогда себя выявил. Мы должны были отнестись к этому строже...

М. Яхонтова: Не нужно говорить о явлении “Синявских” – пока, к счастью, у нас этого явления нет. Есть ошибающиеся товарищи. Не нужно выставлять Синявского лидером. В докладе не чувствуется, что наш Институт работает над проблемами, которые отрицаются Синявским...

П. Балашов: ...Даже такой враг, как американский литературовед Симмонс, оценивает писания Синявского как “дерьмо”. Ведь, по существу, концепции Синявского – это перепевы Оруэлла и Замятина. Нужно больше думать об ответственности наших сотрудников, встречающихся с иностранцами...

А. Дементьев (заместитель Твардовского в “Новом мире”, где печатались статьи Синявского, не скрывал своего негодования. – **С. К.**): ...Нужно подчеркнуть, что он политический враг. Нужно больше говорить о двуличии Синявского... Он писал и о Горьком, и о поэзии первых лет революции. Чтобы нам не выглядеть совершенными идиотами, мы должны показать полностью двуличие Синявского... Относительно группы советской литературы. Она нуждается в помощи. У нас трое умерло, двое тяжело болели. Синявский нанёс преступный удар...

Л. Д. Опульская: ...Если бы А. Г. Дементьев знал, что Синявский способен думать, как Абрам Терц, он сумел бы дать отпор. Я считаю, что мы не можем проводить аналогии между Синявским и высказываниями молодых сотрудников из сектора теории. Хорошо, что там есть традиция свободных высказываний, такая атмосфера и может способствовать правильному воспитанию. Увы, в советском отделе нет такой атмосферы. Иначе члены коллектива могли бы раньше среагировать на взгляды Синявского”.

Но Александр Григорьевич Дементьев не останавливался. Он счёл необходимым выступать на каждом собрании партбюро...

“А. Г. Дементьев: О деле Синявского по поводу его сути двух мнений быть не может. Это сознательный враг, литературный и политический... В Синявском мы ошибались, и я лично. Правда, в “Новом мире” мы ошибались столько же, сколько и здесь. Дело не в том, что мы его не разоблачили. Мы не всегда давали дружный отпор, когда у него прорывались вредные идеи. Необходимо усиление партийности, так как до сих пор многие ещё этого не понимают и защищают Синявского, стремятся морально поддержать его. Только так я рассматриваю возмутительное выступление Буртина... (Автор и будущий сотрудник “Нового мира” – коллега А. Г. Дементьева – Юрий Буртин защищал в ИМЛИ диссертацию о творчестве Твардовского и на предзащите выразил мнение о необходимости оказать помощь в работе Синявскому, к тому времени уже арестованному. – **С. К.**).

Е. М. Евнина (выпускница Института красной профессуры, работавшая в ИМЛИ ещё с довоенных лет, на старости лет напишет воспоминания об Институте, где с наслаждением обольёт грязью многих своих коллег. – **С. К.**): ...Факт ареста Синявского страшен. Это наша беда. Но есть тенденция сваливать в одну кучу вопросы разные. Молодые сотрудники сектора теории и Синявский – разные явления... Кстати говоря, работы Бочарова очень интересны, человек это скромный. Зачем же ставить его на одну доску с Синявским?

М. М. Кузнецов: В нашем Институте все знали о статьях Абрама Терца. В 1959 году, когда я работал в “Литгазете”, мне дали читать статью Терца о социалистическом реализме. А Т. К. Трифонова напечатала статью против взглядов Терца. Нам и в голову не приходило, что А.Терц – это и есть Синявский. Мы много с Синявским спорили по разным его работам, но разоблачить его не смогли. Для нашей группы это большой урок. И для всего Института большая наука. Я думаю, что случай с Буртиным требует от нас, чтобы мы всем объяснили, что такое Синявский. Мы должны показывать всю вредность его идей и морального облика. Кто-то из солидных людей должен очень серьёзно объяснить молодёжи, что произошло...

А. М. Ушаков: ...С Синявским очень много спорили, и на отделе, и на дирекции, даже в присутствии немецких учёных он говорил, что Фурманов – побочная линия советской литературы, а Бабель – центральная. Покровительствовали Синявскому и думали, что долг выполнен. Отдел советской литературы, к сожалению, ограждал Синявского от критики...

А. И. Овчаренко: ...Я не мог понять, в чём талантливость Синявского. Я тоже разделял это мнение, хотя знал, что из МГУ его попросили за двоедушие. Мы на это не обратили внимание. Я читал его трактат ("Что такое социалистический реализм?" – **С. К.**) и произведения. До сих пор я не уверен, что это один человек писал. Даже в рассказах – разные художественные манеры. Сами американцы относились к трактату Терца как к очередной провокационной стряпне. В трактате чудовищное упрощение марксизма..."

И – наконец – самый старый и самый заслуженный работник Института – бывший главный редактор "Нового мира", многолетний сталинский "зек" – Иван Михайлович Гронский.

"И. М. Гронский: ...Пеньковский – крупный враг (полковник ГРУ Олег Пеньковский был приговорён в 1963 году к расстрелу за измену Родине и шпионаж в пользу США и Великобритании. Стенограмма его судебного процесса была издана 100-тысячным тиражом и обсуждалась во всех советских учреждениях, естественно, и в ИМЛИ. – **С. К.**), Синявский – мелочь. Его разоблачили, но синявские могут повториться (довольно прозорливое наблюдение. – **С. К.**). Не заболевая подозрительностью, мы должны помогать партийным организациям и другим. Никто из ораторов не назвал органы нашей безопасности. Правда, эти органы дискредитировали себя в ежовско-бериевский период, но мы преодолели это, подчинили их партии и народу... Нельзя так выступать: Дикушина не разглядела Синявского. В уме ли вы? Ведь он работал у нас на глазах, все мы его не разглядели..."

14 февраля 1966 года завершился судебный процесс над Синявским и Даниэлем. Синявский получил 7 лет заключения, Даниэль – 5. Понятно, что наказание было явно несоразмерно проступку (даже по тем временам) – и по существу, власть сама способствовала созданию так называемого "диссидентского движения", которое стало оформляться именно после этого процесса... Юлий Даниэль, в частности, в своём последнем слове отверг все попытки тенденциозного прочтения своих произведений, которые были написаны, прямо скажем, ниже среднего уровня. А в заключение он фактически признал и свою вину, и вину своего "подельника":

"Все, что я сказал, не значит, будто я считаю себя и Синявского святыми и безгрешными ангелами и что нас надо сразу после суда освободить из-под стражи и отправить домой на такси за счет суда. Мы виноваты – не в том, что мы написали, а в том, что отправили за границу свои произведения. В наших книгах много политических бестактностей, перехлёстов, оскорблений.

Но 12 лет жизни Синявского и 8 лет жизни Даниэля (такие сроки требовал прокурор. – **С. К.**) – не слишком ли это дорогая цена за легкомыслие, за непредусмотрительность, за просчёт?

Как мы оба говорили на предварительном следствии и здесь, мы глубоко сожалеем, что наши произведения использовали во вред реакционные силы, что тем самым мы причинили зло, нанесли ущерб нашей стране. Мы этого не хотели. У нас не было злого умысла, и я прошу суд это учесть.

Я хочу попросить прощения у всех близких и друзей, которым мы причинили горе.

Я хочу ещё сказать, что никакие уголовные статьи, никакие обвинения не помешают нам – Синявскому и мне – чувствовать себя людьми, любящими свою страну и свой народ".

...Уже после приговора заседания партийного бюро в ИМЛИ продолжались. Пошли внутренние разборки на тему, кто видел ранее в Синявском врага, а кто – "проглядел".

"М. М. Кузнецов: ...Обвинение не располагало ни одним свидетелем, который дал бы объективную оценку деятельности Синявского, – это всё были близкие друзья обвиняемого. Какие мы извлекаем уроки? Был молчаливый замкнутый человек, избегавший общественной работы, избегавший посещать семинары, избегавший оценивать итоги литературного года... Синявский писал о Горьком, о Багрицком, о революционной поэзии первых лет советской власти. На суде Синявский вынужден был признаться в двурушничестве. То, что писал Терц, и то, что писал Синявский, взаимоисключающе. Он обманывал,

говоря о Горьком здесь и там, о социалистическом реализме там и здесь... Я не делаю отсюда вывода, что всегда, если человек ведёт себя так, он враг. Но задуматься над этим коммунистам необходимо... Органы КГБ тоже не могли раскрыть Синявского, не только мы. В определённой группе молодёжи есть скрытое сочувствие к Синявскому. В Институте следовало бы более широко ознакомить сотрудников с его произведениями. Это было бы на пользу, ибо произведения Синявского вызывают у советских людей только чувство отвращения...

Балашов П.: Не просвечивал ли Терц в Синявском?

Кузнецов М. М.: Думаю, что нет. Конечно, он был человек своеобразный. Когда его критиковали, он соглашался и обещал исправить. Сейчас, конечно, многое кажется в ином свете...

Аллилуева С. И. (у дочери Сталина с Синявским был многолетний роман, Светлана даже попыталась увести его из семьи, прямо явившись к нему домой и потребовав от Марии Розановой – жены Андрея Донатовича – отпустить мужа к ней. Розанова – ядовитая и умная особа – отреагировала нетривиально: "Андрюша, не слишком ли далеко ты зашёл в изучении истории СССР?"... Как филолог Светлана Иосифовна была пустым местом, правда, в это же время она усиленно писала книгу "Двадцать писем к другу" – о своей жизни и об отце. "Другом" был всё тот же Синявский. – **С. К.**): Я в партийной организации с 1956 года, выступаю редко и хочу, чтобы меня поняли-таки. У меня очень сильное чувство протеста. Я не понимаю, что сегодня тут происходит. Событие с Синявским все восприняли трагически. Он нам наплевал в лицо. Весь советский сектор должен испытывать такое чувство. Это удивительно, чтобы человек был столь отвратительным двурушником. Я тоже не читала его произведений, но знаю со слов тех, кто читал. Почему он вырос в такую большую фигуру, в лидеры антибольшевизма №1? Институт должен был судить его общественным судом. Советский отдел должен был судить его. А теперь оказывается, что его вырастил советский отдел. Почему молчат Дикушина и Дементьев? Синявского всегда критиковали в отделе, а разоблачить его подпольную работу – дело следственных органов. Я протестую против того, чтобы коллектив советского отдела очернялся. Синявский не вытекает ни из партийной работы сектора, ни из научной работы. А здесь хотят доказать, что вытекает..."

Ну, как же мог Дементьев промолчать в ответ на подобную реплику! Конечно, он всколыхнулся ещё раз.

"Дементьев А. Г.: ...Увидеть в Синявском Терца нам было не дано. Увидеть концепцию, враждебную нашему историческому процессу, тоже было невозможно. Такой, как в книге Терца, – нет, не было... У Синявского шла своя подпольная жизнь, а мы ничего не знали...

Евнина Е. М.: Понятно, что дело Синявского – тяжёлое дело, но сектор в этом не виноват. В выдвижении Синявского участвовал не только отдел, но и дирекция, и Учёный Совет, который его утвердил... Выступление Кузнецова на информации меня успокоило, ибо я поняла, что это не серьёзный враг, а мелкая гнусь, которая идёт от эротики буржуазной литературы.

Дикушина Н. И.: Многие говорили, что Синявский – результат нездоровой атмосферы в отделе. Это неверно. Синявский – явление более сложное, исторически обусловленное... Если Синявский уже тогда был двурушником – почему Метченко все эти годы молчал? Я была парторгом в те годы, когда формировался Терц, – почему не спрашивают с меня, а спрашивают с Кузнецова, парторга с 1964 года?.. Дело Синявского очень сложное... Я прочла книги Терца, они – лучшая агитация против него. Нужно дать людям возможность убедиться в этом. Мы должны сейчас активно разъяснять людям, что такое Абрам Терц..."

Своеобразный промежуточный итог (в своём роде успокоительный) подвёл Борщуков, проигнорировав смысл последних выступлений: "Мы друг друга убедили, что никто в нашей среде ответственности за Синявского не несёт. Синявский пришёл в Институт уже сложившимся врагом..." (в ИМЛИ Синявский пришёл в 1952 году и, насколько можно судить, до 1955 года – до возвращения из ссылки отца, бывшего эсера, – никаких "вражеских" поползновений у него не было. – **С. К.**).

В ноябре 1966 года в “Литературной газете” появилось письмо 62-х писателей, адресованное в Президиум XXIII съезда КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР и в Президиум Верховного Совета РСФСР, в котором Александр Аникст, Павел Антокольский, Юрий Домбровский, Анатолий Жигулин, Вениамин Каверин, Лев Копелев, Юрий Левитанский, Олег Михайлов, Булат Окуджава, Леонид Пинский, Арсений Тарковский, Корней Чуковский, Варлам Шаламов, Виктор Шкловский, Илья Эренбург и другие обращались с просьбой разрешить взять на поруки Синявского и Даниэля... “Хотя мы не одобряем тех средств, к которым прибегали эти писатели, публикуя свои произведения за границей, мы не можем согласиться с тем, что в их действиях присутствовал антисоветский умысел, доказательства которого были бы необходимы для столь тяжкого наказания...” Также авторы письма подчёркивали (и в общем справедливо), что “процесс над Синявским и Даниэлем причинил уже сейчас больший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля”.

Олег Михайлов потом вспоминал: “Я тогда совершенно не знал всех кровожадных подробностей. Меня очень огорчило то, что один из самых талантливых сотрудников Института мировой литературы оказался в ситуации, когда ему ни мало ни много грозила тюрьма. Тогда я не читал “зарубежных” произведений Андрея Донатовича, но то, что всякая “осетрина второй свежести” могла оставаться в институте, а талантливый человек погибал, и подтолкнуло меня поставить свою подпись”.

Молодые теоретики (люди беспартийные) остались в стороне как от взаимовыяснения отношений в связи с “синявской историей” в стенах ИМЛИ, так и от подписывания каких бы то ни было писем “за” или “против”. Но было одно письмо, которое Вадим Кожинов (прекрасно знавший по куплетам об “Абрашке Терце”, исполняемым Синявским в приватных компаниях, кто является носителем этого псевдонима) не подписать не мог.

Свидетелем защиты на процессе был университетский учитель Синявского и Кожинова Виктор Дмитриевич Дувакин. После процесса его отстранили от преподавания и поставили вопрос об увольнении с филологического факультета. Вот одно из коллективных писем в его защиту и подписал Вадим Валерианович.

Конечно, ни одно из этих коллективных писем роли не сыграло. Синявский и Даниэль остались отбывать свои сроки, Дувакин к преподаванию не вернулся, но был зачислен на кафедру научной информации, где стал создавать фонд звуковых мемуаров по истории русской культуры первой трети XX века.

В уже упоминавшейся беседе с Михаилом Бахтиным он назвал Кожинова своим близким учеником и ...Васькой Буслаевым. Дескать “опираться на него трудно” (это он – Бахтину! – **С. К.**) “Очень способный... но довольно беспринципный. К сожалению... Он очень всегда подчёркивал, что он мой ученик и так далее, а потом фьють – и исчез. Как-то стало это не очень приятно...” И дал понять, что это связано с историей его увольнения с филфака.

Тут-то и последовало резкое возражение Бахтина: “Вы не знаете Кожинова! Он человек абсолютно бесстрашный”...

Дувакин, судя по всему, понятия не имел о том, что Кожинов в числе других подписал письмо в его защиту. И эту часть беседы с Бахтиным он, убеждённый в своей неправоте, закончил фразой: “Ну, может быть ему (Кожинову. – **С. К.**) просто неинтересно стало”. Вадим Валерианович через три десятка лет, комментируя запись этой беседы, согласился с этими словами: “Каюсь: диагноз верен. Маяковский и его мир, начиная с 1960-х годов, интересовали меня мало...”

Тот интерес, который всё больше и больше стал проявляться, интерес к литературе 1820-х – 1840-х годов, о чём он писал Бахтину и Бельчикову, стал для него определяющим. Это был новый поворот в его интеллектуальной жизни, поворот, определивший всё последующее.

Поворот, которого могло бы не случиться (или его последствия были бы иными) без живого общения с Николаем Рубцовым, Владимиром Соколовым, Анатолием Передреевым, Станиславом Куняевым.

(Продолжение следует)

МАРИНА ЛИТВИНОВА

“ЖИЗНЬ МОЯ, ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ?..”

Воспоминания о Ю. П. Казакове

1961 год. ОСЕНЬ И ЗИМА. ОПЯТЬ ПЕЧОРЫ. МОСКВА.

Жить в Москве негде, в институте я не работаю, значит, можно опять собираться в поход. В Печоры нас, как магнитом, тянуло. И вот 17 сентября опять сели в поезд Таллин–Москва, у меня до сих пор сохранились три билета до Петцери. Едем втроём: Юра, я и его мама Устинья Андреевна. Юра так ярко описывал этот прелестный городок, что и ей захотелось на него взглянуть. В тот раз мы сняли комнаты в разных домах. Мы с Юрой – у одного местного инженера, Устинья Андреевна – у какой-то богомольной старушки. Устинья Андреевна много времени проводила в монастыре. Иногда приходила к нам. Однажды спросила меня, ела ли я когда-нибудь овсяный кисель. Я знала, что есть и такой кисель, но никогда не пробовала. И Устинья Андреевна сварила нам это старинное крестьянское кушанье. Сначала замочила сухие овсяные зерна, так они стояли, наверное, сутки, пока не прокисли. Затем отжала их и поставила полученную кислую жижу варить. И получился крутой кисель. Мы его ели с молоком. С молоком есть можно, а так он невкусен.

В тот раз в Печорах я впервые заметила, что Юра как будто слишком привержен к вину. Он опять что-то писал, наверное, повесть “Нестор и Кир”. Но утром, перед тем, как сесть за машинку, до завтрака, до прихода мамы, обязательно выпивал стакан вина. И мне показалось, что без этой выпивки начать свой рабочий день он не может. А за ужином, после прогулки, опять возлияние. Мама сердилась, он отшучивался. И однажды я сказала ему: “Юрочка, давай проверим, сможешь ли ты не пить. Ведь если тебя тянет выпить, это может перейти в болезнь. Попробуй одну неделю не пить. Сможешь выдержать, значит, всё прекрасно, беспокоиться не о чем”. Я говорила очень мягко, по-доброму озабоченно, и Юра не рассердился. Даже пошёл на этот эксперимент, и всю неделю капли в рот не брал. В субботу куда-то отлучился, я стала мыть в нашей комнате пол. Кровать, на которой он спал, была лёгкая, отодвинув её, я увидела целую батарею бутылок, пустых и полных. Когда он вернулся, я показала ему бутылки. Он не рассердился, не расстроился. Засмеялся и говорит: “Не волнуйся, со мной всё в порядке, я не алкоголик.

Окончание. Начало в №10 за 2020 год.

Хочется выпить – пью, не хочется – не пью". И дальше продолжал пить, уже не таясь. Тогда я не знала, что это обычное объяснение пьющих людей.

Почему-то среди архивных бумаг я нашла билет на поезд № 34 Москва–Таллин, на котором число – 16 октября 1961 года. Значит, кто-то из нас уехал почему-то в Москву и вернулся. Гадай теперь, откуда взялся этот билет. Есть ещё один билет на ленинградский поезд. Из него явствует, что 27 октября, оставив маму в Печорах, мы отправились через Псков со станции Петцери в Ленинград. Точнее, это не билет, а квитанция о доплате к билетам 0762 и 0763 "за купе на двоих". Доплата 2 рубля 80 копеек.

Была поздняя осень. В Ленинград приехали вечером в тот же день и поспешили в "Октябрьскую" гостиницу, сняли на одну ночь два номера. (Есть два счёта, вот как выглядит первый: "Получено в счёт расчётов за комнату от гр. Белосельской МД / Дата 27/X / № комнаты 578 / К-во суток 1 / Сумма 3 / Сумма прописью Три руб."). Затем поехали в Союз писателей. Там Юру встретили друзья с распростёртыми объятиями и сразу сели пить. Пили долго и крепко, так что в гостиницу в тот вечер мы не поехали, нас пригласил переночевать незнакомый человек, у которого была большая квартира. Наутро пошли ходить по городу. Поздней осенью, когда листья опали, и кроны сквозят, любоваться Ленинградом особое удовольствие. Юра водил меня по местам, которые хорошо знал и любил: Невский, Казанский собор, мосты. Зашли просто так в огромный универсальный магазин, пили кофе в какой-то исторической кофейне. Настроение у меня было скверное. Юра был накануне до неприличия пьян, и вид у него был хмурый. Ночевали ту ночь в гостинице, в разных номерах. Пасмурным холодным утром поехали на Московский вокзал. А приехав в Москву, опять разъехались по своим домам.

Я опять в Покровском-Стрешневе, перевожу Томаса Гарди. А Юра уехал в голицынский Дом творчества. Голицыно всегда действовало на него угнетающе, он пил, ему вспоминался Иосиф Герасимов, Домбровский – алкогольный бред, а может быть, и осенняя хандра. И он писал мне горькие и обидные письма. От этого времени осталось только два его письма и несколько моих, не отосланных. Наверное, какое-то моё письмо всё же было послано, но у меня его нет.

18 ноября Юра пишет мне такое письмо:

"Во-первых, не пиши мне, что я замечательный писатель.

Во-вторых, не пиши мне исторических писем.

Вчера ночью шёл у нас снег. А сегодня утром было солнце, и на всех ёлках и вообще ветках – на каждой было по шапке снега. А ещё: "Ореон" пишется так: "Орион" <"и" подчеркнуто>. Это только пеон скотовод пишется через "е". Я просил у ОПХ денег. Но она, зануда, не дала. Когда я её вижу, мне хочется ей сказать: ти-ти-ти-ти-ти... У меня в комнате так жарко, что я нынче ночью просыпался несколько раз мокрый, как мышь. Как будто я выпил пять таблеток аспирину.

Компания здесь тухлая, одни евреи, невыразительные и скучные, как я, когда просыпаюсь утром с похмелья.

Но приехал я сюда не напрасно, тут снег, а в Москве нету. Тут воздух, а в Москве нету. Тут скука, и рано или поздно я начну что-нибудь писать.

Если тебе в декабре нечего будет переводить, я тебе дам работу. На этот раз твёрдо. Меня приглашал на этот счёт один Акоп <замредактора "Дружбы народов">, у него есть какая-то повесть листов на восемь. Я возьму и дам тебе.

Не робей!

Хоть я тебя и не люблю больше, но работёнку буду иногда подбрасывать.

Ты мне не звони, а то, как говорит Коринец, я "травмируюсь". Мне сразу хочется выпить и т. д.

Писать тебе я буду каждое первое число нового месяца. А проживу я тут до лета.

Вот так.

Будь здорова, не пей водки. Пей коньяк.

Голицыно. 18 ноября.

<дальше ручкой> Юрий

Конверт я так и быть твой использую на тебя, раз ты его надписала. А бумага пойдёт на любовную записку какой-нибудь женщине. Очень хорошая бумага" (Орфография и пунктуация Ю. Казакова).

Вот такое письмо получила я в конце ноября. Судя по почерку, Юра, когда писал, был в сильном подпитии – буквы прыгают вкривь и вкось. На него всё давило: осень, нет хорошей компании, безденежье и отсутствие хоть какой-то радужной перспективы. До лета в Голицыне на казённых харчах... Хотя кормили в Голицыне неплохо, но это всё же не домашняя пища. Раздражение против меня в какой-то мере и оттого, что мы, бездомные, опять врозь. Словом, впереди тьма. Я не обиделась на это письмо, понимала: скверное настроение пройдет, и жизнь вернётся в свою колею. А 30 ноября он пишет ещё одно письмо. Совсем плохое.

"Марина!

Я только что был во второй комнате на втором этаже. Я там сидел у Юрика-старичка <Коринец>.

Поэтому я тебя очень буду просить не писать мне сюда и не звонить. Как-то мне это не доставляет удовольствия, понимаешь? Кроме того, здесь Домбровский, который не раз вспоминал тебя в пьяном виде. Как он тебя вспоминал – тебе, надеюсь, понятно.

Несмотря ни на что, я всё же рад, что твоя работа подвигается к концу, и вообще желаю тебе самого лучшего.

Итак, давай сделаем некоторый перерыв в нашем знакомстве.

Привет!

<От руки> Юрий
Голицыно 30 ноября 61" (Орфография и пунктуация Ю. Казакова).

Это письмо было для меня шоком. И всё же, несмотря на резкий, оскорбительный тон, который должен был бы привести к разрыву, и в этом письме был лучик надежды для меня и лазейка для Юры. Был в нём посыл, что не всё ещё кончено. Я это поняла, и меня больше расстроили не слова "я тебя больше не люблю", а самый факт написания такого письма очень близкому человеку. Я тут же села писать ответ. Написала три письма, но не послала, потому что ни на одном конверте нет почтового штампа. Наверное, было и четвертое, отосланное, но ко мне оно не попало. Вот последнее письмо:

"Юра! Я знала, что твоё водворение в Голицыно не принесёт ничего хорошего. Но я думала, что это не так плохо. Вот какие мои соображения: либо тебе надо немедленно уехать из Голицына, либо мы с тобой расстанемся, и не до мая, а на всю жизнь. Мы с тобой прожили как муж и жена около (3 декабря – ровно) полутора лет. Ты считаешь, меньше, потому что ты не с самого начала относился ко мне, как стал относиться потом. И вот что я скажу. Всё это время я была тебе преданным другом, любила тебя так, как редко бывает. И ты сам это знаешь. Не было ни одного случая, чтобы я оказалась для тебя занятой, нездоровой, взамен не требуя решительного ничего; и эти такие насыщенные прекрасным месяцы оказались для тебя ничем по сравнению с одной неделей в Голицыно! Здесь можно сделать один вывод: ты человек больной. И только этим можно оправдать твоё злопамятство и неджентльменское поведение, когда ты позволяешь пьянице <имеется в виду Домбровский> чернить меня в своём присутствии (а интересно знать, что он говорит насчёт той оплеухи, что я закатила ему за его некорректность). Ни один здравомыслящий человек не станет корить любимую женщину прошлым, если её настоящее в течение долгого времени безукоризненно. И все твои рассуждения об идеальной женщине, прости меня, бред. Тебе пора понять, что такое идеалы и для чего они служат, их силу, целесообразность. Я не боюсь того, что ты болен. Я люблю тебя. Но поскольку общение со мной доставляет тебе такие муки, то из чистого человеколюбия говорю: мы должны с тобой расстаться. Мне ужасно плохо сейчас. И писать тебе подобное я решилась только потому, что представила себе, как скверно должно быть тебе, если ты решился написать мне подобное письмо в разгар моей работы, зная, что это здорово выбьет меня из колеи.

Вот и всё. Реши сам, как лучше, и дай мне знать.

Марина
12. 61".

Письмо это, как и два предыдущих, было запечатано в конверт, на этом конверте даже есть марка. Нет только штемпеля. Конечно, такое резкое письмо я просто не могла Юре послать. Посланное, наверное, было гораздо мягче, ничего не было, наверное, про болезнь.

А в самом начале января 1962 года получаю новогоднюю открытку из Голицына, на которой шагает Буратино, держит за руку медвежонка, на плече у него ёлка, в небе звёзды, ели в снегу, на сучке – две белки, а впереди летит, распластав крылья, птичка. И вот что на другой стороне написано:

"Марина!

Пусть Новый Год будет для тебя годом радостей, пусть мы с тобой, как эти два хмыря на обороте, пойдём куда-нибудь широкими шагами!

Пусть у тебя будет много переводов, денег, времени, здоровья и пусть у тебя никогда не болит голова.

Будь счастлива, милая старуха и не поминай меня лихом! Твой Ю. К." (Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Кончилась чёрная осень, за окном побелело, вылетел из головы хмель, и Юра стал опять моим дорогим любящим и любимым человеком.

Печатаю я сейчас это Юрино послание, и по щекам текут слёзы. Меня отделяют от него полвека. И всё ещё больно, что не получилось у нас "широкими шагами" идти вместе до конца жизни.

Столько хорошего было в 1961 году, что оно вымарало горечь последних полутора месяцев. Начался год 1962-й, и он весь был очень, очень счастливый.

1962 год. ТАРУСА, ЗИМА–ВЕСНА

Вернувшись из Голицына, Юра решил конец зимы и весну жить и работать в Тарусе. Был, наверное, конец января. И он стал искать какое-нибудь жильё. Он уже бывал в этом милом городке на Оке, где осели по разным причинам люди из тогда ещё не очень далёкого царского прошлого. С Тарусой его познакомил Ф. Д. Поленов, внук знаменитого русского художника второй половины XIX века Василия Дмитриевича Поленова. Юра гостил в Поленово осенью 1960 года, и Фёдор Поленов, поехав как-то по делам в Тарусу, взял с собой Юру, о чём пишет в своих воспоминаниях Михаил Михайлович Мелентьев, человек удивительной судьбы. О нём можно прочитать в интернете, там же есть его воспоминания, очень интересные, – "Мой час и моё время".

Зимой дом пустовал, зимовала в нём его домработница, кроткая старушка по имени Настасья Филипповна. Вот что он пишет в своих воспоминаниях: "(1960 г<од>. 25 октября) Днём зашёл попрощаться молодой писатель Юрий Казаков. Его книжка "Манька" с 8 небольшими рассказами очень мне понравилась. Осень он прожил где-то в глуши. Обслуживал сам себя и работал над второю своею книжкою. Кряжист. Некрасив. Ласковые близорукие глаза. Заикается. Учился музыке. Его в конце лета привёл ко мне Федя Поленов. Он же принёс мне для прочтения его книгу. Признанья и денег у Казакова ещё нет, но я верю, что читать его будут" (с. 614). Вот таким виделся Ю. П. Казаков в свои 32 года старому русскому интеллигенту. Думаю, что Фёдор Поленов попросил М. М. Мелентьева дать пристанище на зиму молодому писателю Юрию Казакову. М. М. охотно согласился, пустил нас жить у него в доме бесплатно, попросил только платить зарплату его домработнице. Мы были счастливы, осенняя размолвка забыта.

Начались сборы. Зима в самом разгаре. Значит, можно ходить на лыжах. Юра даёт мне задание купить ему и себе лыжи с ботинками. Покупаю в спортивном магазине на Кировской отличные – деревянные, длинные, лёгкие – лыжи, ботинки к ним и лыжную мазь. К тёплой куртке пришиваю серый каракулевый воротничок, не столько для тепла, сколько для красоты. Лыжные брюки есть, ещё тёплый свитер, голубой фланелевый халат, обшитый по воротнику белой каймой и подчёркивающий талию, и, конечно, толстые шерстяные носки. У Юры тоже есть всё для лыжных прогулок и для жизни зимой в загородном доме с печным отоплением. Едем в электричке, на плечах – рюкзаки, в руках – лыжи и сумки. Едем надолго, но на этот раз в город, пусть и небольшой, – в нём можно купить и еду, и курево, и водку.

Этого дома, к сожалению, сейчас нет. Его снесли в восьмидесятые годы местные власти. Я очень хорошо помню мелентьевский дом-музей. Он находился в центре города, на площади в более высокой части Тарусы; при нём

был фруктовый сад и огород. Доехали на электричке до Серпухова, сели в автобус, идущий в Тарусу, и часа через полтора были на месте. В доме было уютно и тепло. Михаил Михайлович письмом сообщил Настасье Филипповне дату нашего проезда. Мы заняли две комнаты – большую, где стоял рояль, на котором играл Игумнов, и поменьше – спальню. Была ещё комната-музей, кабинет Михаила Михайловича. В ней камелёк, в глубине слева – старинный книжный шкаф с застеклёнными дверцами, полный редких книг дореволюционного издания. На одной из полок – бесценная фарфоровая статуэтка балерины Анны Павловой. Ещё там были обитый штофом диван на гнутых ножках и красного дерева небольшой стол со столами-вкладышами мал-мала меньше, замечательная коллекция миниатюр. Как поднимешься со двора по ступенькам, справа – веранда, а войдёшь в дом – длинный коридор. Слева – вешалка для верхней одежды, затем дверь в уборную – удобства в доме, хотя канализации нет. Это маленький чулан, в нём к дальней стене примыкают два деревянных ящика с откидывающимися крышками. В левом – ведро с золой и небольшим совком, в доме несколько печей и золы предостаточно. Была и мансарда, крошечная тёмная комната, зимой нежилая. В кухне – плита, окно выходит в заснеженный сад. На ветках – красногрудые снегири; в маленькую всегда открытую форточку возвращается с гулянья желтовато-бурый пушистый кот, глаза у него зелёные, точно такого цвета, как стволы осин, особенно когда их заливает солнце.

Солнечным морозным утром Юра иногда решал, что сегодня едем на лыжах. Надевали лыжное обмундирование – лыжные ботики, тёплые носки, брюки, свитер, куртку, натирали лыжи мазью. И шли вверх, за город, и через поле к лесной опушке. У меня есть фотография, где мы сидим на поваленном дереве, зима, край леса. Юра хорошо ходил на лыжах, после него лыжня оставалась ровная, а после меня виляла. Идёшь, пахнет снегом, хвоей, тихо, на еловых лапах – снежные шапки, и кругом ни души.

Потом мы жили на другой квартире. Михаил Михайлович сам собирался весной обосноваться в Тарусе. Приехал, посмотрел, как мы живём, и очень расстроился. Чтобы брать книги, стоявшие в шкафу, я убрала с полки статуэтку балерины и бережно поставила её на стол. Оказывается, этого категорически нельзя было делать. Вдруг бы статуэтка разбилась, а ей цены нет. Ну, словом, пришлось искать другую квартиру, но с Михаилом Михайловичем мы не поссорились. И летом не раз пили у него на веранде чай.

Новое жильё занимало одну половину дома. У нас был отдельный вход, большая веранда, большая комната, и был даже свой двор, где весной Юра сделал небольшую грядку, и мы посеяли редиску, укроп и салат. Редиска вся пошла в стебель, а укроп и салат получились хорошие. Хозяева дали нам кое-какую посуду, Александровы – примус и тоже что-то из посуды. Мы обзавелись полотенцами, постельным бельём. И зажили не хуже, чем в доме М. М. Мелентьева.

В те годы в Тарусе доживали свой век или наезжали окунуться в провинциальную тишь последние могикане дореволюционной России. Единокровная сестра Марины Цветаевой Валерия Ивановна Цветаева, дочь Марины Цветаевой Ариадна, скульптор Надежда Васильевна Файдыш-Крандиевская, сестра Натальи Васильевны Крандиевской, второй жены Алексея Толстого; Нашатырь, бывший политзаключённый, человек очень добрый и очень образованный. Были ещё две старые дамы, они жили в верхней части Тарусы в собственном двухэтажном доме. Занимали внизу две комнаты – не было дров, чтобы топить весь дом. Мы как-то пили у них чай. В комнате полусумрак, тёмная старинная мебель – шкаф, буфет, стол, стулья, дедовский чайный сервиз. Бедность, от которой щемит сердце, одиночество, но старые дамы веселы и приветливы, угощали нас печеньем, которое испекли сами.

Заходили мы и к Валерии Ивановне с кем-то из её друзей. Это была маленькая милая старушка, лицо со следами былой красоты (мать у неё была красавицей), приветливая и гостеприимная. А с Ариадной Сергеевной Цветаевой мы познакомились в доме писателя Н. В. Богданова. Ариадна Сергеевна – высокая, молчаливая женщина с мужскими чертами лица, на котором никогда не появлялась улыбка. Что мы тогда о ней знали? Это теперь, прочитав дневники и письма Марины Цветаевой, воспоминания других эмигрантов, я представляю её мученическую жизнь и силюсь вспомнить хоть какие-то её слова. И не могу вспомнить. Она только что издала первый в России поэтический

сборник матери – небольшую книжку – и подарила одну нам с Юрой. Я подарила эту книгу моей американской подруге Шарлоте Сайковски, о чём жалею сейчас.

Частыми гостями были мы в доме Николая Владимировича Богданова. Его жена Вера Дмитриевна была одной из первых московских красавиц. Она вспоминала: "Когда мы с моим первым мужем, комкором (командир корпуса), ходили в Большой театр и сидели в ложе, муж говорил мне, "Верочка, занавесь лицо, чтобы люди смотрели на сцену, а не на тебя". Она была кузиной известных сестёр Синяковых, одна из которых была замужем за поэтом Асеевым, другая – ещё за каким-то видным лицом. В шестидесятые годы Вере Дмитриевне было уже за семьдесят. Но лицо её всё ещё было красиво: открытый чистый лоб, точёный носик, соболиные брови, большие карие глаза. В Москве Богдановы жили в том же, что и Ольга Петровна, писательском доме на улице Черняховского. Большая трёхкомнатная квартира, огромный кабинет Николая Владимировича, над его письменным столом – портрет Веры Дмитриевны работы художника Корина. Все стены затянуты книжными застеклёнными полками. Вера Дмитриевна собирала русские журналы восемнадцатого и девятнадцатого века и первые издания русских писателей.

Однажды Вера Дмитриевна спросила Юру при мне:

– Почему, Юра, вы не женитесь на Марине?

Юра ответил:

– Спросите лучше у Марины, на мне так легко жениться. – На этом разговор был окончен.

В самом деле, почему? Если женщина хочет выйти замуж за кого-то, она, как правило, умеет добиться своего, не мытьём, так катаньем. И вот теперь я думаю, хотела ли я в самой последней глубине души стать женой Юрия Казакова? Помню, жена Евтушенко Галя в разговоре о наших с Юрой отношениях сказала как-то: "Вам ни в коем случае нельзя расставаться. Живя с известным писателем, привыкаешь к такой жизни, к его друзьям, окружению. Нет, расставаться никак нельзя". У меня этого привыкания не было. А жена Смелякова советовала пить с Юрой, чтобы упрочить отношения. Но жизнь моя и за пределами оазиса "Юрий Казаков" была полнокровна. Мои творческие, научные, семейные интересы лежали вне его. Не знаю, что тогда сидело в моём подсознании, какое понятие руководило именно таким устройством жизни. Была любовь, то есть полное созвучие разнообразных желаний, иногда только огорчали ссоры по причине Юриного пития.

Перед домом в Тарусе росли высокие липы, в апреле весна зримо заявила о себе – чёрные ветви лип зарозовели. Почки набухали и стали красными. Юра вскопал грядку, граблями разрыхлил, и мы посеяли редиску, укроп, салат. С наступлением тёплых дней начались дальние прогулки. Наш дом находился на верхней террасе, несколько шагов – и мы в поле, повернёшь налево – и просёлок убегает в лес. Ходили далеко, дышали весенними запахами. И всё же не так далеко, жалели, что надо возвращаться, манили дальние окрестности Тарусы. Однажды спугнули греющуюся на солнце гадюку. Гадюки не нападают на человека, они боятся его, надо только не наступить.

Открылся сезон охоты. Под Тарусой никаких экзотических птиц вроде глухарей, только вальдшнепы. Вышли на охоту часов около пяти. Довольно холодно, одеты в куртки. Нашли большую поляну, кругом осины, берёзы, орешник, лес только-только начинает зеленеть. Юра поставил меня на краю поляны и велел стоять тихо, не шевелиться и не двигаться с места, а сам углубился в заросли. Эта охота потом отразится в рассказе "Плачу и рыдаю". На моих глазах постепенно густеют сумерки, сначала ясно вижу на той стороне поляны каждую ветку в кронах деревьев. Очень тихо, ни ветерка. Стою неподвижно полчаса, час, тени удлиняются, воздух становится сизым, начинают гомонить птицы. Заметно темнеет, кроны дальних деревьев перестают сквозить. У меня чувство полного единения с природой, будто я дерево или куст. Вдруг слышу – выстрел, шорох веток, хруст валежника. Из лесу, наконец, появляется Юра, ружьё наперевес. Попал в вальдшнепа, тот упал, но затерялся в кустарнике, так Юра его и не нашёл. Молча идём обратно, в душе покой. Опять поляна. Справа вижу какую-то перекладину на довольно высоких столбах, пригляделись, а это лосиха, высокая, с большой головой, повёрнутой в нашу сторону, а рядом с ней перекладина пониже – лосёнок. Юра тихо говорит: "Уносим ноги, старуха. Лосиха, если с лосёнком, может напасть". Припустились чуть не

бегом, и скоро деревья скрыли нас от коренных лесных обитателей. Больше меня Юра на охоту в Тарусе не брал.

У меня сохранились конверт от письма из Москвы, полученного 14 марта, от кого-то с Ленинского проспекта, адрес напечатан на машинке мелкими буквами: "Таруса, Калужск. обл., Пушкинская ул. 1. Юрию Павловичу Казакову" и клочок бумаги, исписанный Юрой. На конверте, на обратной стороне, список того, что надо купить, написано моей рукой: "Лук 3 кг. Сахар 2 кг. Картошка 5 кг. Аптека, лекарство (викалин). Почта, конверты 10 шт. Чернила для авторучки. Чай 2 пачки. Мыло хоз. и туалетное, масло постное, кислая капуста, хлеб, соль". Ходил за товаром Юра со своим рюкзаком – магазины в центре, а мы жили наверху, на окраине.

А на клочке бумаги слева колонка с надписью "сделано", справа – "надо сделать".

Сделано	Надо сделать
Очерк о Закопане	Калевала
Статья о Паустовском	Март
Перевод с якутского	Оттаяв. земля
Рассказ "Двое в дек."	Про щенка
	Возраст

Трудно теперь сказать, что было тогда в Юриных замыслах, во что вылились эти названия: "Март", "Оттаявшая земля" (это, скорее всего, про Север), "Про щенка" (Юра всегда хотел завести собаку. Очень любил стихотворение Бунина, в котором последняя строка "Хорошо бы собаку купить"), "Возраст". Перечитываю начатое им и не конченное, и не нахожу ничего, что соответствовало бы этим названиям. Не очень много начатого, но всё прекрасно. Вот хотя бы "Смерть, где жало твоё?" Помню, Юру очень волновали эти слова. Но рассказ, мысли, настроение не соответствуют ни одному году из наших пяти. Хотя, возможно, "Возраст" – условное название для антивоенной повести, которую Юра задумал тогда писать. Ему тридцать четыре года. Он пишет Конецкому из Тарусы, что повесть "очень выходит необычная – с философией, прошлым, настоящим и будущим и называется так: "Возраст Иисуса Христа". Герою теперь тридцать три года, герой этот, – признавался Казаков, – в большой мере – я. О ком же писать кроме?" Хорошо помню куски, которые Юра давал мне читать. Но написал он тогда только зачин – о тринадцатилетнем мальчике Коле, который дальше в повести – солидный мужчина тридцати трёх лет: "Теперь Колю все зовут Николаем Петровичем. Ему тридцать три года, и когда его спрашивают, сколько ему лет, и он отвечает, то почти всегда он слышит одно и то же: "О! Возраст Иисуса Христа!" Я помню, как Юра читал этот кусок, хорошо помню интонацию, когда он произносил последние, в кавычках, слова.

Почему Юра перестал писать эту повесть? Наверное, не было ещё продолжения жизни. Он вернулся к ней, когда жизнь обрела покой и остойчивость, когда он мог искренне и сердечно написать: "Он не один в этой жизни. Рядом с ним жена, ровно и постоянно любимая им женщина, и его сын, в котором он с острой нежностью угадывает свои и её черты, потом его друзья и родные, потом его работа, его детали из стали, бронзы и меди, простых и сложных конфигураций, которые, наверное, уже миллионами разошлись по всему свету и составляют различные чудесные машины, потом небо, земля и трава, и ветер". Вот и всё. Это написано уже в семидесятые годы. Николай Петрович назван Николаем Ивановичем. Продолжения нет, наверное, потому что пока ещё опять нет будущего. Будущего не было и у его семейной жизни. Могу только догадываться, что его жене Тамаре было с ним нелегко, она моложе, с ребёнком. Конечно, она тоже без памяти его любила, но и этот союз, оформленный официально и скреплённый дорогим сыном Алешёй, всё же, в конце концов, распался. И Юра последние лет десять жил в Абрамцево одиноко, с матерью, единственной женщиной, оказавшейся верной ему до конца его дней.

Уже третий месяц живём мы вдали от московских соблазнов. Юра получает много писем, приходят они и на домашний адрес, и на почту, до востребования. Вот письмо из "Пионерской правды". Литсотрудник Людмила Григорьевна Савоненкова пишет 4 апреля: "Уважаемый Юрий Павлович! Мы

обращаемся к Вам с большой просьбой. Как-то Вы выступили у нас с рассказом в газете. И мы очень просим сделать что-нибудь для нас. Может быть, у Вас есть уже готовые рассказы. Будем рады получить от Вас ответ. Мы звонили Вам по московскому адресу, и нам посоветовали написать в Тарусу. С уважением / Литсотрудник / Л. Савоненкова". Это письмо хранится в моём архиве, оно на специальном бланке газеты "Пионерская правда" со всеми его атрибутами, который сам по себе – интересный документ эпохи.

Вот ещё письмо из "Дружбы народов" (14 апреля 1952 года). Редактор Акоп Салахян пишет: "Дорогой Юрки! Получил Ваш очерк – закалевалился! Очень здорово, очень песенно, не знаю, можно ли об этом написать ещё подругому. Большое, большое спасибо! С ходу решили – даём в № 6! А "Белый поток" – в № 7". Есть письмо из Рима от переводчика, и очень интересное, длинное из Всесоюзного объединения "Международная книга". Ю. Н. Градов сообщил в нём, что в Италии и ФРГ вышла Юрина книга "На полустанке" в переводе соответственно на итальянский и английский. Итальянскую книжку мы уже держали в руках в Марфино. Есть два письма от Александра Лазаревича Лесса из журнала "Вопросы литературы". Вот первое. "Москва 1952 г<од>. Дорогой Юрий Павлович! Обращаюсь к Вам с огромной просьбой – срочно заполнить предлагаемую "Литературную анкету" и выслать мне её обратно. Анкета будет опубликована в ближайшем номере журнала "Вопросы литературы", целиком посвящаемом молодым писателям. Кроме Вас, в анкете участвуют Р. Рождественский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Ю. Семёнов. Буду Вам бесконечно признателен, если Вы откликнетесь на мою просьбу.

Желаю Вам доброго здоровья и всяческих успехов.

Искренне уважающий Вас

Ал. Лесс

(на обороте)

P. S.: Журнал "Край рад" опубликовал вашу статью о Паустовском, а я иллюстрировал её портретом Константина Георгиевича. Нужен ли Вам этот журнал? Могу Вам его выслать. Напоминаю адрес: Москва – центр, улица Забелина № 3, кв. 8. Александру Лазаревичу Лесс.

Ал. Л."

Юра тут же отстучал на машинке ответы и послал их Лессу. Значит, к этому времени написана уже и статья о Паустовском. 16 июня Лесс отвечает:

"Дорогой Юрий Павлович1

Во-первых, позвольте поблагодарить Вас за быстрое исполнение моей просьбы. Ответы Ваши умны и интересны – материал уже сдал в набор без каких-либо поправок, переделок, сокращений. Во-вторых, посылаю Вам Ваш портрет и журнал. Полагаю, что теперь я перед Вами чист и безгрешен.

Хочется мне от всего сердца пожелать Вам бодрости, сил и уверенности в себе.

Уважающий Вас

А. Лесс.

P. S.: Не понимаю, как вы можете жить на даче в такую мерзопакостную погоду?!

Ал. Л.

<На полях> P. P. S.: Пожалуйста, подтвердите открыткой получение этого пакета, чтобы я не волновался. Ал. Л."

Вот ответ Юры на второй вопрос анкеты. Вопрос: "Какие проблемы, характеры, конфликты современности Вы считаете актуальными? Как Вы изучаете жизнь, как собираете материал для своих произведений?" Ответ: "Счастье и его природа, страдания и преодоление их, нравственный долг перед народом, любовь, осмысление самого себя, отношение к труду, живучесть грязных инстинктов – вот некоторые проблемы, которые меня занимают. Эти же проблемы, по-разному поставленные, я постоянно встречаю в произведениях наших прозаиков и поэтов. Жизнь специально я не изучаю и материалов не собираю, кроме тех случаев, когда едешь по заданию редакции. Я вообще не понимаю этого термина – "изучение жизни". Жизнь можно осмысливать, о ней можно размышлять, но "изучать" её незачем – нужно просто жить.

Я много езжу, и после каждой поездки выходит у меня рассказ, а то и два – иногда много времени спустя после поездки. Но это выходит как-то само собой".

Перечисленные темы отражают состояние души Юры в тот год, что видно из рассказов “Осень в дубовых лесах”, “Двое в декабре” и “Зависть”, написанного годом позже. И особенно в его письмах. Они искренние, и в них чувствуется происходящие в его душе борения.

Были письма от друзей и поклонников его творчества. В апреле пришло письмо от молодого писателя Эдуарда Шима, приятеля Юры. Какое-то оно, говоря Юриным словом, “деланное”, искусственное. Вот из него кусок: “На будущее – пожалуйста – пусть присылает месяца за два раньше <речь идёт о маленьких рассказиках – природных зарисовках Ю. М. Александрова, о котором хлопотал Юра>. Вот такие рассказики, думаю, пройдут, и получит он нечто, и возрадуется, и приумножит живота своего. / И ты написал бы чего. А? Ведь не пропадёт. Сначала – радио, после – “Мурзилка”, под конец – книжечка в “Детгизе”. Незаметно, незаметно, ан – и куш. / Пришли! / Объявим тебя уважительно. Толстым голосом”. Есть ещё одно его письмо, по письмам можно представить себе человека. Тогда же пришло доброе, искреннее письмо Георгия Семёнова об “Осени в дубовых лесах”. В мае было длинное, содержательное письмо от Юриного друга Василия Андреева, редактора какого-то журнала. Вот какой наказ он ему даёт: “Я рад за тебя, что ты сидишь в тихом милом уголке и потихоньку пишешь, делаешь своё святое дело. А здесь, в Москве, ваш брат пишет со скрипом. Мешают приятели, попойки. Многие вообще запивают. Ой, какие дураки! Смотри у меня, ты там не увлекайся этим грязным делом. Пойдёшь по пути Светловых, Асеевых, Нагибиных, как пить дать загубишь свой талант. Молю тебя как твой искренний друг – береги свой талант, если тебе дал его Бог, отметай от себя всё абсолютно, что ослабляет, истощает твой талант. Юра, это очень, очень важно. Запомни: вино и бабы воруют твой талант. Назови меня самым последним дураком, если я не прав”.

Известность, восхищение читателей обрушились на него, как снег на голову. Огромный, бесспорный талант. Один мой друг, инженер по образованию, вдруг бросил свою работу и стал писать. Не мог не писать, в голове роились мысли, сюжеты. Писал рассказ за рассказом, носил по журналам. Почти нигде не брали. И он как-то сказал мне: “Думаешь, я не понимаю, что мои рассказы не очень хороши? Вот если бы я писал, как Толстой, принёс бы рассказ в журнал – у меня вырвали бы его из рук. А мне приходится просить, уговаривать”. А вот у Юры газеты и журналы настойчиво и почтительно просили рассказы.

В тот год был ещё один телефонный звонок, на арбатской квартире. Говорил с Юрой заведующий отделом культуры центральной газеты Коммунистической партии “Правда” Абалкин. Он, по словам Юры, удивлённо спросил его, почему Юра не несёт в “Правду” свои рассказы. Они будут с радостью их печатать. Нет ли уже готового рассказа? Это шестидесятые годы. Оттепель. Высокие инстанции дают людям понять, что наступают новые времена. Можно писать, что думаешь, критиковать, и только одно требование – талант и соответствие эпохальным ценностям. У Юры как раз был готовый рассказ – “Лёгкая жизнь”, который ни один журнал, ни одна газета не брали. Этот рассказ и повёз Юра на другой день в “Правду”. Абалкин пригласил Юру сесть, прочитал рассказ и говорит: “Превосходный рассказ, надо только в конце дать нравственную оценку герою”. Юра протянул руку за рассказом, говорит, дома постарается что-то придумать.

– Зачем дома, напишите несколько строчек прямо сейчас, – велит, улыбаясь, редактор. – Для вас это пустяк. И мы пустим рассказ в следующий номер.

Так и появились строчки, написанные прямо в его кабинете: “Лёгкая жизнь! Мчится по Земле, спешит, не оглядывается, всегда весел, всегда шумен, всегда самодоволен. Но пуста его весёлость, и жалко самодовольство, потому что не человек он ещё, а так – перекати-поле”. И рассказ был действительно опубликован в “Правде”. То-то было смеху и радости! Интересно, что эта концовка почему-то печатается не во всех изданиях Юриных рассказов. Она есть в сборнике “Осень в дубовых лесах” (М.: Современник, 1983), а в сборнике “Юрий Казаков. Избранное”, вышедшем в серии “Российская проза на рубеже XX–XXI веков (М.: ИТРК, 2004), её нет.

Тем временем пришла пора собираться в Москву. Почти за полгода жизни в Тарусе мы обросли вещами, надо как-то добираться домой. Я позвони-

ла отцу – в семье была машина "Победа", – чтобы он приехал за нами. Он ни в какую. В отличие от мамы, он плохо относился к Юре, именно потому, что мы жили в незарегистрированном браке. Мама наши отношения воспринимала как житейский факт, от которого никому нет вреда. Два свободных, уважаемых человека избрали удобный для себя образ жизни, оба творческие натуры, оба работают. Мать и отец были комсомольцами двадцатых годов, учились на рабфаке и поженились, не расписавшись в загсе, согласно революционным убеждениям. Родителям пришлось зарегистрировать брак, так как Архип Григорьевич Литвинов, усыновивший моего отца в гражданскую войну, послал им деньги на имя моей матери – Нине Васильевне Литвиновой. В общем, отец покорился доводам мамы и моим просьбам, и приехал за нами. Нагрузили полную машину: палатка, байдарка, одеяла, посуда, бельё и, конечно, книги, словари и рукописи. Отец был не очень любезен.

Приехали в Москву, и "...оба почувствовали, что их поездки как бы и не было <...>, что им нужно сейчас прощаться, разъезжаться каждому к себе и встретиться придётся, может быть, дня через два или три".

ТАЛЛИН

Вернулись мы в Москву в конце июня. Юра тут же уехал с каким-то заданием в Таллин. А 1 июля шлёт мне письмо-телеграмму:

"Мариночка приезжай скорее не можешь ли выехать в пятницу ведь поезд идёт в шесть вечера телеграфируй мне так Таллин общежитие ЦК партии очень тебя жду пошли телеграмму сегодня вечером я получу её завтра утром приезжай скорее целую= Юрий–".

Отправляю 2 июля следующую телеграмму по адресу "Таллин общежитие ЦК Казакову": "Юрочка вчера была у врача настроение бодрое сегодня шесть утра с дачи проводила наших папу маму Володю Димку и Степку приехала Москву от тебя телеграмма если сегодня успею с билетами еду сегодня если нет завтра обязательно получила большую работу интересную о севере целую=Марина–". И 2-го же шлю ещё телеграмму: "Выезжаю пятницу вагон 4 целую=Марина–"

Юра встретил меня 3-го днём. Жили мы в общежитии ЦК компартии Эстонии, в нашу там бытность общежитие пустовало. Жизнь в Таллине была великолепна. После прекрасной, но глубоко провинциальной Тарусы начала шестидесятых, Таллин – его средневековые улочки, ещё не выдохшийся европейский дух, рестораны и магазины с не русского кроя одеждой – пленил наши сердца. Обедали мы в кафе, ужинали в ресторанах, ничего вкуснее угря горячего копчения я не едала. Моя мама дала мне денег, чтобы я купила что-нибудь европейское для моей комнаты в квартире Ольги Петровны. Кооператив Андрея Сергеева был готов, и меня ждала комната на шестом этаже в писательском доме № 4 по улице Черняховского, в угловом подъезде слева от поликлиники Литфонда. А мы потратили эти деньги на "сладкую жизнь" в эстонской столице. Правда, купили мне бирюзового цвета пальто, идеально сшитое из ткани букле, и светлую юбку из махровой шерсти. И то, и другое я носила лет десять.

Утром, попив чаю, садились работать. Лёгкий обед в кафе и прогулки, близкие и далёкие. Однажды мы забрели невесть куда. Спрашиваем у прохожих, как идти в центр. Русский язык не понимает никто, а ведь это 1962 год, до развала Союза ещё добрых тридцать лет. Наконец, одна девушка – к ней на этот раз обратился, заикаясь, Юра, – тоже заикаясь, объяснила, как идти. Мы с Юрой потом смеялись: один человек нашёлся, готовый показать дорогу, да и тот заика.

В Таллине жили недолго. Наверное, недели две. Поезд Таллин–Москва останавливается в Петцери, говоря по-русски, в Печорах. И мы решили на обратном пути заехать туда. Вышли из вагона утром, такси на станции нет. До города всего два километра, и мы решили пройтись пешком. Теперь, когда почти у каждого русского есть машина, они лишены удовольствий "пешего хода", которому Марина Цветаева даже сложила гимн. А ещё была когда-то песенка туриста с таким началом:

Крутыми тропинками в горы,
Вдоль быстрых и медленных рек,

Минуя большие озёра,
Весёлый шагал человек.
Четырнадцать лет ему было...

Вот так и мы с Юрой шагали по псковской земле под эту песню. Весёлые, тридцатилетние.

В Печорах первым делом двинулись к Михал Михалычу, на Рабочую улицу. Жена огорчила нас: Михал Михалыч недавно умер. И мы побрели на кладбище. Тихое, поросшее кустами — вот где хорошо обрести вечный покой... Нашли могилку. На ней, как на многих, яблоко. Положили цветы, постояли, вспоминая доброго, кроткого страстотерпца. Потом проголосовали и на попутке доехали до вокзала. Ехали мы незнакомым городом. Для нас Печоры всегда были уютным городком — в садах, с красными островерхими крышами, как описал его Юра. А сейчас ехали мимо унылых промышленных предприятий, на противоположном берегу какой-то речушки не то брошенный завод, не то электростанция: грязно-бурый кирпич, большие, тусклые, в частых переплётах окна. И кругом ни души. Я заметила, что повторное посещение любимого места, если подумать, печально, в нём человек не бывает счастлив так, как счастлив был первый раз. Два раза в одну реку не войдёшь...

ЗИМА, ВЕСНА 1962-1963

Снова приехали мы в Тарусу поздней осенью. Кто-то подыскал нам жильё в доме одинокой — весёлой и пьющей — вдовы лет под пятьдесят, которая работала на тарусской пристани. У неё был высокий, просторный дом на берегу, несколько комнат, сообщающихся друг с другом, большие окна, кухня, туалет. Отведённая нам комната, большая, светлая, хоть и не была проходной, но расположена так, что Клавдия Александровна то и дело, проходя по коридору, заглядывала к нам. Она любила пьяную беседу и тем частенько нам докучала. Стали думать о другом жилье. У Юры был довольно большой флакон мужского одеколона, он стоял на платяном шкафу. Как-то Юра брился и попросил принести одеколон. А флакона-то на шкафу и нет! Стали искать, думали, что поставили ещё куда-то. Одеколон как в воду канул. И Юра догадался — Клавдия его выпила. Я никогда прежде не слыхала, что одеколон пьют. "Пьют, ещё как пьют, когда выпить нечего", — пояснил Юра. А у К. А. перед получкой как раз не было денег, мы это от неё самой знали. Надо срочно менять квартиру, тем более что и Юра стал с ней выпивать вечерами.

Юрий Михайлович Александров наконец-то подыскал для нас новое жильё. Это был совсем новый бревенчатый дом, только что построенный. В нём пахло сосной, и была всего одна большая комната с печкой, диваном, кроватью, столом и несколькими стульями. Александровы снабдили нас ложками, вилками, ножами, тарелками и чашками, кастрюлей и сковородой. Хозяйские были только гранёные стаканы числом двадцать штук. Нам было строго-настрого наказано стаканы не бить, мы один разбили, и, хотя возместили его стоимость, от квартиры нам отказали.

Большой, долгое время пустовавший дом, чёрный с рыжинкой приземистый пёсик, который любил греться на тёплой от солнечных лучей скамейке, занесённой до самой доски снегом. Он приходил к нам иногда в гости, и мы давали ему кусочки сахара. Но дружба наша была недолгой, нам пришлось из-за разбитого стакана с ним расстаться.

Следующее наше жильё было совсем кратковременное. Его нашла Елена Михайловна Голышева. Приютила нас на два-три дня в маленькой тёплой избушке одинокая, молчаливая женщина. Ночевать у неё было где, а жить втроём тесновато. Встанет она рано утром, протопит большую русскую печь, сварит борщ и идёт на работу. Борщ варился и на нашу долю. Она пустила нас только по доброте душевной — мы, конечно, создавали ей неудобство. Тем временем друзья продолжали искать нам жильё. И кто-то скоро нашёл замечательный дом, недавно построенный на современный городской (конечно, провинциальный) лад. Дом принадлежал бывшему министру кинематографии, а может, замминистра, кажется, его фамилия Большаков. Пустили нас до мая. Дом стоял на самом берегу Оки.

Начались уже лютые морозы, до 30°. Дом был просторный. Как войдёшь — большая застеклённая веранда. Сразу налево — вход в дом. Как

удивительно работает память! Садилась писать, и кроме высокой, круглой, железной печки в комнате ничего не помнила. А вернулась в то время, стали всплывать в памяти подробности, к сожалению, не все. На кухне – шведская плита, это значит, на ней можно готовить, и у неё есть изразцовое зеркало, выходящее в смежную комнату, так что и в ней тепло. Почему-то мы спали в большой комнате на полу. Но зато в этой комнате от одной стены до другой был узкий длинный стол, сделанный из длинных, ровно пригнанных не то сосновых, не то дубовых брусьев. Скорее, из дубовых, потому что он был шоколадного цвета, не очень тёмного. Юра любил за этим столом работать. Большие окна, под которыми он тянулся, выходили на Оку. На нём можно было разложить всё что угодно: справочники, словари, другие книги, бумаги. Спустя годы, в своей избе во Владимирской области в деревне Юрцово, я пыталась соорудить что-то вроде такого стола. А потом напрочь о нём забыла, я ведь и в Юрцове не живу уже двадцать лет. Сменила его на Зарайск.

Это была зима 1962-1963 года. Мы уже так сжились друг с другом и так привыкли к кочевому образу жизни, что и думать забыли о какой-нибудь перемене. А у меня чуть поостыла безоглядная влюблённость в Юру. Нам было хорошо вдвоём, успешно работалось. Мы часто ходили в гости к Елене Михайловне и к Александровым. Приехала Устинья Андреевна, в доме нашлась комната и для неё. Она нам готовила, я штопала её шерстяную кофту. Потом она уехала, и мы опять остались одни.

И вот в последних числах зимы случилось то, что должно было случиться. Терпенье моё лопнуло. Юра ночью разбушевался, как никогда. Буянил почти всю ночь. Ненадолго заснул, а утром проснулся и тут же пошёл в город за водкой. Мы жили далеко от центра, в самом низу. И я, стиснув зубы, приняла решение – уехать немедленно в Москву и поставить на этом точку. Поспешно оделась, быстро собрала свои вещи, их было немного. И вышла из дома. За ночь намело снегу, по двору на улицу шли Юрины шаги, мои отпечатывались рядом. Серпуховского автобуса в ближайшие часы не было. И я пошла к знакомым, те приняли меня тепло и деликатно. Не уговаривали вернуться. Предложили переночевать. Я осталась и утром с первым же автобусом уехала.

И вот я дома, в своей уютной комнате у Ольги Петровны. Говорю ей, что мы с Юрой расстались. “Свежо предание”, – говорит Ольга Петровна. Приняла душ, поужинали. И меня охватило чувство великого душевного освобождения. Нет тёмной Тарусы, пьяного и бесконечно грубого Юры, нет нелёгкого, почти деревенского быта. Я опять в цивилизованном мире добрых, умных, предсказуемых людей. На другой день еду к сыну, к маме с папой, сестре и брату. Как будто сбросила шкуру, из которой выросла. И на третий день позвонила в институт, что готова вернуться преподавать перевод. В ответ услышала:

– В понедельник можешь выйти?

– Могу, конечно.

Так после почти двухлетнего перерыва я вернулась в свой институт, чтобы уж больше никогда не покидать его.

Конечно, я всё время думала, как там Юра, как отнёсся к моему уходу, но ничего пока не предпринимала. Характер у меня отходчивый, и спустя несколько дней я уже всерьёз беспокоилась, позвонила в Тарусу Елене Михайловне. Юра приходил к ней, жаловался, что я его бросила, когда ему стало так хорошо писаться. Он погрузился в военную повесть, а надо вести хозяйство – в тарусских условиях это не так легко. (Вскоре к нему опять приехала мама. И он продолжил писать, не заботясь о хозяйстве.)

Услыхав это, я написала Юре такое письмо:

“Здравствуй, Юрочка! Как ты живёшь? Я хотела вчера тебе позвонить, но линия с Калужской областью не работала. Вероятно, от заносов.

По-моему, нам не надо злиться друг на друга. Ты можешь говорить другим, что я бросила тебя в самую тяжёлую минуту. Но ведь я не хотела тебя бросать. Ты меня к этому вынудил. Мы-то оба знаем, как всё произошло. Помнишь субботу – ночь? Когда ты плюнул в моё лицо? И потом воскресенье. Я видела, что тебе стыдно, и мне так было жалко тебя. И я была так ласкова тогда с тобой, чтобы тебе не было неудобно. А в понедельник ещё хуже. Ты можешь говорить маме, что вёл себя хорошо, но ведь сам-то ты всё помнишь.

Ты говоришь (это я узнала от его мамы, которая позвонила мне), что я всем рассказываю о тебе плохое, нет, я всегда только хорошее о тебе говорю.

И ты не беспокойся, подробностей никто не знает. Я понимаю, ты настраиваешь себя, чтобы чувствовать невиноватым или чтобы доказать себе, что я не стою твоей любви. Но это самообман. И долго он продолжаться не может. Согласись, милый, что дело обстоит так: ты не мог со мной по ряду причин мнимых и действительных – тебе <"тебе" подчеркнуто> они все представлялись действительными, такой у тебя характер, но и вместе тебе было хорошо со мной. И это противоречие должно было разрешиться. Ты, руководствуясь подсознательным (потому что когда бывал пьян), делал всё, чтобы я ушла. Помнишь, как ты мне сказал, я испытываю, до какой степени можно ещё тебя унизить, и ты будешь унижаться и говорить, что любишь меня. Ну, что-то такое в этом роде, точно не помню.

Я люблю тебя по-прежнему. А может быть, даже теперь уже и больше. Но унижаться больше не буду. Я не прошу, чтобы ты меня любил. Чего чел <"Чего чел" зачеркнуто одной линией>. Вот этого сделать над собой нельзя. Ты всегда меня не любил, но старался. И, конечно, кроме раздражения, у тебя ничего не получалось. Так что ты абсолютно ни в чём не виноват. Но, Юрочка, друзьями-то мы должны быть, хотя бы только потому, что более преданного человека (из не кровно родных) у тебя нет.

Дела мои такие. Сейчас идём с ОПХ в милицию насчёт прописки. С понедельника иду на работу в институт. По вечерам, три дня в неделю. В этом году – почасовая. Перевожу Томаса Гарди и пишу рассказы <"Двое">. В Лужники ходила со своей Иркой. Смотрели "Пожнёшь бурю". Со здоровьем плоховато, но ещё ничего. Нарывы из горла перешли на десны. Ольга Ивановна – знакомая Ю. М. – лечит, колет алоэ и пенициллин. В голове опять небольшое давление, на той неделе обещали хорошего врача. И ещё я здорово похудела. Ну, вот и всё пока. Пиши. Марина". И справа на полях: "Маме большой, большой привет".

Это письмо показывает, до какой степени я не понимала тогда, что действительно происходит в душе у Юры. Потом поняла, прочитав рассказ "Зависть". Не только я любила его, но и он очень любил. Боялся, что я уйду от него, – знал, что с ним трудно. Конечно, мать его постоянно твердила, что я не пара ему, "разведёнка", да ещё у меня ребёнок. Что против этого скажешь? Ведь и сам он хотел повести в загс чистую девушку, которая родит ему первого своего ребёнка. Всё так, но любовь-то была. И любили всё одинаково – природу, русский язык, русскую классику, музыку. И дело почти общее – день-деньской корпеть над текстами изящной словесности. И душевные – умные и согласные – разговоры. И плотью близки. Неразрешимое противоречие.

Получив моё письмо, Юра пишет ответное (буквы пляшут, писано во хмелю):

"Привет, милая, приветик!

Зачем это тебе доказывать, что я плохой? Ну, плохой и плохой, ну, не любил тебя и не любил – что ж такого и зачем вновь поднимать этот вопрос? Тут уж нечего после драки кулаками махать, раз кончено, так кончено. А то мы с тобой можем до бесконечности упрекать друг друга – ведь у меня тоже к тебе есть претензии, и немалые. А мы просто давай не вспоминать плохого, тем более, что всякие воспоминания кровь портят. Я не хотел тебе отвечать, а думал, что приеду в Москву, позвоню и всё скажу, но обстоятельства переменились, я буду сидеть тут, и вот поэтому пишу.

Значит, ты устроилась на работу? Уж сразу чтобы отрезать себе все пути назад – так, да? Ну, что ж, поработай. Повесть моя после твоего ухода прекратилась, но теперь опять пошла, хотя и плохо, и я ничего в ней не понимаю. Наверное, дерьмо выйдет, но я всё-таки кончу, а если будет плохо, то никуда не отдам – и всё. Слава Богу, у меня есть одно качество, которое мне нашёптывает, что плохо у меня и что хорошо, и поэтому я не публикую плохих вещей. Бывают лучше и хуже, а если плохо выйдет, то я не печатаю.

Ожидается в Тарусе небывалый разлив, нашей с тобой Клавдии Александровне вручили повестку о выселении, и многим тоже, говорят, что вода зальёт город (площадь, где стоит Ленин).

Приезжала ко мне одна девочка (пианистка), я её повёл в дом М. М. – и наш рояль вдруг заиграл – так хорошо было, я послушал. Наст. Фил. ничего не знает, и очень удивилась что я пришёл с другой, а тебя не было.

Дёсны твои не коли, не лечи, а лопай чеснок – всё пройдёт.

Е. М. меня замучила тобой, но я мужественно сопротивляюсь. Я ведь стоик.

А Нашатырь-то помер. Мама его почему-то именует Штопором. А ведь приглашал нас с тобой жить у себя. И помер.

Ну, будь здорова, не болей.

Юрий

IV 63". (Орфография и пунктуация Ю. Казакова)

Сохранилось моё ответное письмо:

"Здравствуй, Юрочка!

Получила твоё письмо. Пришло оно вечером, около 8 часов. А сейчас 12. Ты пишешь, наш рояль, наша Кл. Алекс. Конечно, всё наше. Очень многое наше. Таруса, Дунай, Печоры, Таллин, Судак, Кольский полуостров, Кемь, Кандалакша. И при чём здесь какие-то девочки-пианистки, и вообще, какое отношение к нам, к нашей любви, имеет всё, что вокруг? Я, конечно, первое письмо написала глупое. Да я ведь глупею, когда пишу тебе, или говорю (не всегда).

Я очень-очень тоскую по тебе. Мне почему-то казалось, что и ты, когда ложишься спать на нашу тахту под двуцветный торшер и смотришь на отсвет от лампы приёмника на стене, и слушаешь музыку, то ты куришь, сминая папиросы в пепельницу на полу и думаешь, вспоминаешь обо мне. А ты пригласил пианистку. (Это та, что писала тебе? Видишь, я была права, просто деловых переписок не бывает.)

Но только я верю, что это не то. Потому что *то* — это наше. Если выбросить те часы, когда ты был пьян, у нас были необыкновенные отношения. Это было настоящее. Это была жизнь, невозможная друг без друга. Я не знаю, как ты, но я оценила это, отойдя на расстояние. Мы так должны ценить то, что нам выпало. Помнишь Тарусу? То наше любимое место на высоком берегу. Деревня на другом. И как я ходила за водой и там была длинная хворостина, сломанная вдвое, чтобы держать котелок. А какой был ветер, это уже на другой год.

Милый, если можно, приезжай скорей. Я так хочу, чтобы ты был рядом. Или я приеду.

Я вчера провожала днём в Таллин Ольгу Петровну. Она поедет мимо Петцери. Ох, как мне хочется всё снова с тобой увидеть, пройти от станции до города. Почему мы шли тогда ночью? Там ещё слева на холме деревья высокие, призрачные от луны. А как мы уезжали в Ленинград? А могила Михаила Михайловича — это ведь наша святыня. Крепко тебя целую. Господи, почему мы должны укладываться спать порознь?

Ты пишешь, что то, что ты написал, наверное, дерьмо. Ты не пишешь плохо повесть или рассказ, когда не спешишь и не ради обязательства — вернулся, например, из командировки. У тебя истинный талант словесный. И ты умный человек. И последние годы, как и предыдущие, ты много читал, думал, видел и пережил. Это всё сплавилось в тебе и сейчас, оживлённое твоим талантом, ложится на бумагу. То, что тобой написано, необходимо должно быть хорошо.

Юрочка! Я очень хочу побыть с тобой в лесу в конце апреля, когда земля просохла, уже лезут зелёные, свитые в трубочку травы. Но ещё нет зелени на деревьях и лес сквозит весенним солнцем. И чтобы пахло дымом. Не сердись на меня, родной мой, я очень тебя люблю и не могу без тебя.

Целую, Марина".

Письмо это Юра получил 16 апреля. Из Москве оно ушло по авиапочте 14.

Подтекст моего первого "глупого" письма, на самом деле повинного и растерянного, — "Я зря уехала, прости, если можешь". Подтекст Юриного письма: "Конечно зря, очень плохой поступок. Но всё же прощаю". Этот посыл мной понят, и написано второе письмо, в котором уже нет сомнения, что Юра сердцем откликнется на моё послание, и мы скоро опять будем вместе. Так что Ольга Петровна была права, сказав: "Свежо предание..." — о нашем разрыве.

Не помню, было ли ответное письмо, в архиве моём его нет. Наверное, всё же письма не было. Юра продолжал какое-то время писать в Тарусе. В мае зачем-то приехал в Москву. Пошёл в поликлинику Литфонда, которая находилась рядом с моим шестым подъездом. Вышел из неё, а я откуда-то

спешила домой. И мы столкнулись на подходе к метро нос к носу. А мир между нами, несмотря на письмо, не был ещё восстановлен. Секунду мы стояли, оторопев. Вдруг обнялись и как приклеились. И уже не могли расстаться. Поднялись ко мне на шестой этаж. И оба не стеснялись показать, как мы счастливы...

ЗИМА 1963-1964

Ольга Петровна на зиму опять перебралась в Голицыно, и Юра теперь почти всегда жил у меня. Мы никуда не поехали, у Юры было в Москве много дел, за границей печатались его книги, постоянно приходили письма из Франции, Англии, Италии. Сохранилась у меня страничка – черновик письма художнику по имени Малат с приглашением в Москву. Писалось оно 5 декабря 1963-го Е. Евтушенко и Ю. Казаковым. Чем это кончилось, я не знаю. Приходили письма от простых людей, взволнованных Юриными рассказами.

Вечера Юра проводил в Доме литераторов, возвращался домой пьяный. У него уже были деньги от иностранных издательств, на которые можно купить вещи и продукты в магазинах "Берёзка", где продавались на валюту иностранные товары. Однажды Юра принёс большой картонный ящик, я обрадовалась, думала, в нём еда – мясо, рыба, сыр. Человек ведь каждый день должен питаться. А в нём – несколько бутылок рому и лимонного сока, с которым, оказывается, иностранцы пьют ром. Иногда ходили в гости: к Жене Евтушенко в соседний дом, к Юрию Трифонову. Тогда ещё жива была жена Трифонова, молодая красивая женщина, до замужества – певица Большого театра. Она показала мне свою дочь, прелестную девочку – та уже спала в маленькой тёмной спаленке. Квартира была просторная, с большой кухней, но в ней, помнится, была какая-то странность, и Трифоновы опять находились в процессе обмена квартиры. В гостях у писателя Рыбакова я перелистала замечательную книгу на английском языке: "Десять великих религий мира". И в ней прочитала, что все эти религии объединяет одно правило: "Никогда не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе" (Ветхий Завет).

За три с половиной года любви, путешествий, прочитанных книг, знакомств с самыми разными людьми моё романтическое мировосприятие слегка потускнело. Писательский мир утратил очарование Олимпа. Правда, в шестидесятые годы были живы Паустовский, Твардовский, Некрасов, и в нашем доме на улице Черняховского жили очень достойные люди: Волков, Арсений Тарковский, переводчики М. Ф. Лорие и Е. Д. Калашникова, и многие другие. Но Юрино окружение было иного свойства: тщеславны, любили выпить, большим умом и образованием не отличались, да и нравственностью тоже. Обычная человеческая суета сует. Кого из этих писателей сейчас помнят? Кто из них остался в литературе? Были, конечно, и среди них исключения – Георгий Семёнов, Виктор Лихоносов, Виктор Конецкий.

В ЦДЛ я и сама не хотела ходить, и Юра меня не брал. Это сейчас у меня болит сердце, что не выдюжила я тогда. Что, находясь в те годы рядом с Юрой, не сумела отвадить его от пьянства. Мне просто тяжело с ним тогда жилось, и я мучилась собственным мучением, не сознавая, что на моих глазах, рядом со мной гибнет очень талантливый и очень несчастный человек.

И всё же тогда, читая его очерки и рассказы, его письма ко мне, я умом и сердцем чуяла и его талант, и любовь ко мне, и сама не переставала его любить. Все те месяцы я не сомневалась, надеялась, что всё как-то само собой наладится. Юра перестанет пить. И мы всегда будем вместе.

Не помню, когда Юра уехал на Север и куда точно. Но у меня есть его письмо от 24 марта 1964 года, написанное от руки:

"Ах, старушка! Ах, да и не люблю же я твоих писем! Ну, вот, погляди, до чего я естественен в своих! Ты естественна, когда языком мне в нос лезешь, когда хихикаешь, когда опять же языком своим болтаешь с кем попало. Даже когда переводишь. Немножко фальшь есть у тебя, когда говоришь в обществе. И 100% "нет тебя", когда пишешь умные письма. Отучал я тебя, да уж могила исправит.

А я в Мурманске. И уже проехал мимо пельменной, где мы ели, уже был (прошёл) мимо кафе, где ты травилась, был в гастрономе где мы покупали мясо. Живу в "Арктике", куда нас не пустили. Окна мои – на залив! Все эти дни днём – солнце, ночью – звёзды и полярное сияние. Точно такое, как на

этикетках. А не такое, как я описывал. (Неграмотно написал, скажешь? Это-то и есть моя естественность). Прости, очень фиговая ручка, шариковая, рука заплетается и устаёт. Теперь я понимаю, почему мне её подарили!

Эти дни перерыва я хочу использовать для поездки на рыбозавод, сегодня пойду в редакцию, узнаю, где тут поблизости есть рыбозаводы. И вообще я как-то растерялся малость и надоело уже шляться, хочу в Москву, там машина, ты и всё такое. А дело в том, что тут самая интересная зверобойка начинается в апреле (со стрельбой по взрослому зверю), а то всё били маленьких баграми. Но всё неясно, т. к. они уходят в море до 10 мая. Я бы с ними пошёл, но мне надо раньше выбраться. А как? А болтаться до 10 мая немыслимо. Вдруг всё-таки я поеду в Чехословакию? Во всяком случае, командировка у меня до 7 апреля, посижу ещё здесь. Я пока добрался до гостиницы голенький, все мои шмотки на "Моряне", там и машинка. Сегодня шхуну перегонят в торговый порт, и я попробую засесть за работу прямо здесь.

Будь здорова, не греши (как у Шекспира) — ведь ты жена моряка. Вот летом я поплыву в Карское море на охоту за белухой. Там будут гуси, олени, белые медведи, Диксон и прочие полярности. А до того мы с тобой скатаем куда-нибудь на машине. И после того скатаем.

Пиши мне быстро. Авиапочтой.

24 III 64

Мурманск

Письма твои всё-таки приятно получать". (Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Моего ответного письма нет. Но сохранился билет на самолёт. Я вылетела в Мурманск, получив телеграмму — прилетай немедленно. Юра встречал меня в аэропорту. Я увидала его ещё из окна самолёта, когда самолёт заходил на посадку. На нём было просторное, серое в елочку, пальто-реглан, на голове — большая заячья шапка-треух. Остановилась я в той же гостинице, на площади Пяти углов. Юра только что вернулся из плаванья. Плавал он на шхуне "Моряна", подробности я узнала, внимательно перечитав очерк "Отход", описывающий летнее плавание 1965 года в северных водах и отнесённый в "Северном дневнике" к 1967 году. Юра пишет: "Две недели провёл я на этой шхуне зимой <март 1964, на севере ещё зима>, и трюм тогда был забит просоленными тюленьими шкурами, корма была заколочена досками, и на корме горой — тюленьи красные туши для зверофермы. Планшир обледенел, на снастях — сосульки, посвист ветра, позёмка в торосах, ранние сумерки и поздние рассветы, мартовские зеленоватые закаты, сходящиеся и расходящиеся разводья возле бортов, треск льда по ночам, скрип и треск переборок...". В очерке Юра, Женя Евтушенко и кто-то третий прощаются в ресторане с Архангельском, они уходят на той же шхуне "Моряна" бить крупного морского зверя:

"Белая ночь за окном, и наша шхуна, наша "Моряна", которая вот уже пятнадцатый раз пойдёт надолго во льды. <...> Но я спокоен — она не уйдёт без нас, потому что рядом со мной, вот я его сейчас по плечу хлопну, рядом со мной капитан Саша, а напротив — Илья Николаевич, стармех, потом Алёша, старший помощник, чиф, все начальство с нами и Володя-моторист, рыжий, розовый лицом <...>" Мне тогда хорошо запомнился молодой, румяный Володя-моторист. И старший помощник Алёша, тоже молодой, невысокий, с приятным русским лицом, во всех чертах — твёрдость.

Евтушенко говорит стармеху: "Илья Николаевич, шампанского, а? Меня два человека спасли в прошлом году. Вот Юра спас... На Север увёз, давайте, давайте... Саша! Илья Николаевич! Давайте... Алёша! За Север!"

А капитан шхуны вспоминает:

"— Вот Копытов мне по радио говорит с ледокола, тебе, говорит, на шхуну писателя с вертолёта ссадят! Нет, говорю, товарищ Копылов, пускай его высаживают на "Нерпу", там ребята передовые. А ты, говорит Копытов, тоже передовой, принимай гостя. Да у меня, говорю, вал погнут и всё такое, а сам думаю: "Без писателя-то, — думаю, — оно веселее, на черта он нам сдался!"

— А помнишь, потом как нас буксировали?

— А в Мурманске-то помнишь, как прощались?"

Через несколько дней по возвращении тогда в Мурманск моряки устроили в ресторане гостиницы прощальный ужин. Я уже приехала и была его

участницей. Потом все поднялись в Юрин номер, продолжили прощание. Сдвинули столы, и в разгаре пирушки старпом, молодой крепкий парень, швырнул через стол бутылку с вином в своего друга, моториста, тот, к счастью, успел отклониться. Старпом был очень пьян, его увели – поступок его был необъясним для всех.

Весной Юра уехал в Ялту, в дом творчества. Потом поездка в Чехословакию. Потом мы вместе отправились в Судак, в Гагры. Потом Алма-Ата. Возвращение в Москву, Таруса, где Юрина мама сломала ногу. Звенигород. И там, в июне, закончилась наша пятилетняя жизнь. А летом он всё же поплыл "в Карское море на охоту за белухой".

Помню, когда мы вернулись в Москву из Мурманска, Юрина мама дала ему письмо, посланное из журнала "Вопросы литературы" от 17 марта 1964 г. Вот что в нём было:

"Дорогой Юрий Павлович!

В нынешнем году исполняется 150 лет со дня рождения Лермонтова. Редакция журнала "Вопросы литературы" обращается к ряду виднейших деятелей советского искусства с просьбой принять участие в нашей анкете:

1. Какое место, по Вашему мнению, принадлежит Лермонтову в судьбах нашей национальной культуры?

2. Как Вы расцениваете значение литературного наследия Лермонтова для нашей современности?

3. Какую роль сыграл Лермонтов в Вашей собственной творческой биографии?

Примерный объём материала – 4–6 машинописных стр.

Мы очень просим Вас, дорогой Юрий Павлович, принять участие в этом разговоре на страницах нашего журнала.

Редакция будет Вам весьма признательна, если вы пришлёте нам материал до 5 апреля.

ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ [Подпись]

С. Машинский".

В своём архиве я нашла надиктованные мне Юрой его мысли о Пушкине и Лермонтове. К сожалению, только три странички. Под действием этого письма Юра задумался о смерти Лермонтова, Пушкина, Толстого. Записывая, я сокращала слова, опускала иногда знаки препинания. Привожу запись в расшифрованном виде:

"Что я хочу тебе сказать – я говорил тебе это неоднократно: величайшая трагедия для России XIX века – смерть Пушкина. Одни – мало спустя, другие – много времени спустя поняли, что дуэль Пушкина могли предотвратить. Я говорю тебе это ещё раз для разгона. У меня ассоциаций и говна всякого! Когда умирал Лев Николаевич Толстой, история его побега была загадочна, непонятна, взбудоражила весь мир. Умирал писатель и мыслитель. К тому времени наша литература успела возвыситься, смерть нашего интернационального, национального писателя имела национальное значение. Но смерть Толстого не была удивительной, неожиданной смертью. Есть смерти другие, смерть Кеннеди, например. Он был ещё здоров, он был молодой, он ещё бог знает что мог бы сделать. Такой же была смерть Пушкина в России. Поэтому мне кажется, что русская нация, самая разумная её часть, испытывает вековую вину перед Александром Сергеевичем Пушкиным. Поэтому его смерть и все подробности его смерти до сих пор занимают наше воображение. И поэтому смерть Пушкина ужасна не только тем, что она насильственна, но и преждевременна, мы понимаем, что бы мог сделать Пушкин, останься он жив ещё на несколько лет, если взять его последние произведения за образец. "Моцарт и Сальери". И последние стихи – "На свете счастья нет..." и "Памятник".

Мне кажется странной непонятная вещь – Николаю I, государю-императору всероссийскому, досталось очень много: начало царствования было омрачено разными неожиданными штуками, декабристами, за время его царствования умерли Гоголь, Белинский, Пушкин. Неприятностей хоть отбавляй. И если Николай по отношению к Пушкину проявлял лояльность и даже любовь – искренне или нет? Николай прислал своего лейб-медика, обещал устроить его семью (Жуковский очень любил Пушкина, может, он подстроил его письмо к Николаю, некоторые наши историки считают, что Жуковский наврал последние слова. Жуковский хотел бы, чтобы Пушкин сказал такие слова,

не потому что был подонок, а хотел издать его стихи). Смерть Лермонтова не произвела такого впечатления на общество, как смерть Пушкина. Между тем как Лермонтов был, несомненно, крупнейшим и величайшим поэтом после Пушкина. Мало того, что она не произвела впечатления, я не помню точно, где – в письме или на резолюции – Николай якобы написал "собаке собачья смерть". Чем вызваны слова Николая? А Николай вообще был (и гордился тем), что является знатоком и меценатом поэтов российских. Николай Пушкина уважал, пусть внешне.

Характер Лермонтова – ужасен и отвратителен...".

На этом Юра кончил диктовать – четвёртая страница (оборот третьей) пустая. Это как бы разгон для написания ответа "Вопросам литературы", который был опубликован в № 10 этого журнала. В опубликованном материале есть отголоски продиктованного. В целом, это не повтор, а развитие сказанных мыслей и рождение новых, которые созревают на уже подготовленной почве. Имеются и общие мысли: "У всех русских есть какое-то горькое, вековое сожаление, даже вроде бы чувство вины... Пушкина убили, а он был молод, около тридцати восьми лет – это ли возраст для писателя! Тридцать восемь лет ему было, вот что страшно, вот что нас мучит и сейчас". Повторяются слова Николая I "Собаке собачья смерть". По-иному, более точно, сказано об отношении Николая к Пушкину: "Не любил царь и Пушкина, но тому он многое спускал". Мысль о преждевременной смерти перенесена на Лермонтова и развивается: "Это о нём с восхищённым испугом говорил долго спустя Лев Толстой: "Если б жив был Лермонтов, то не нужны были бы ни я, ни Достоевский". Всё это хорошо известно, и я лишний раз напоминаю об этом, потому что действительно страшно подумать, что ещё написал бы этот изжелта-смуглый поэт с сумрачными глазами". Рассуждение о смерти Толстого выпущено, зато даны подробности смерти Пушкина.

Надиктованное Юрой заканчивается словами "Характер Лермонтова – ужасен и отвратителен..." Их нет в опубликованном материале, это была только наметка, что сказать дальше. Рассказ о смерти Лермонтова начинается так: "Но какой бес сидел в нём, какой рок, какая судьба гнала его всё ближе, ближе к обрыву на Машуке?" Диктуя, Юра фокусировал свои мысли, проговаривал то, что потом могло бы войти в написанный вариант. В итоге получилось яркое, точное по мысли и ясное по изложению, безукоризненное повествование.

Из Ялты у меня, кажется, нет ни одного письма. А из Праги есть открытка, сухая, написанная 22 мая 1964 года:

"Привет из Праги! Тут Беатриса Элькина знает твоего Димку <брата>, и от неё тебе привет Очень здорово, что я в Праге. Ю. Казаков. И меня тут любят Пью Fernet". (Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Что происходило дальше, не помню. Конечно, я работала в институте, что-то переводила. В июне, наверное, Юра вернулся. И мы собрались на юг, в Судак. В Судаке мы задержались недолго. Поехали на Кавказ. Из этой поездки сохранились в памяти всего несколько эпизодов.

Едем куда-то в плацкартном вагоне. Тут же едет молодая женщина с годовалым ребёнком. Когда она уходит по своим делам, оставляет малыша со мной. Я сижу с ним, гуляю по вагону, он играет с моими бусами – у меня на шее нитка жёлтого янтаря. Играл он, играл, и нитка вдруг порвалась. Янтарь рассыпался по всему проходу. Собрали, конечно, но Юра осердился. Не из-за янтаря, а из-за того, что я так нежно нянчила чужого ребёнка. У него было к малышу даже какое-то брезгливое чувство.

И опять мы в вагоне. Опять куда-то едем, на этот раз точно на Кавказе. Почему-то вагон наш должен стоять часа два. Кажется, в Гаграх. Юра откуда-то узнал, что здесь сейчас находится Василий Аксёнов, связался с ним (наверное, Аксёнов жил в Доме творчества) и позвал его посетить нас в вагоне. Аксёнов пришёл. Встретились они с Юрой тепло. Говорили о своих делах. А потом Аксёнов рассказал нам, что неподалёку есть птицесовхоз, где можно отведать вкуснейшее кушанье "хачи-мачи". Это куриные потроха, тушённые с луком и помидорами. Ехать туда на автобусе. Мы махнули рукой на наш поезд, сели в автобус, идущий в птицесовхоз. Там, действительно, была большая столовая, куда ездили вкусно пообедать местные и приезжие гурманы. Нам не повезло. Не было ещё накоплено достаточно потрохов, чтобы приготовить "хачи-мачи". Интересно знать, всё ещё там готовят

это замечательное, по мнению Аксёнова, кушанье? Или хачи-мачи вместе с совхозом и столовой погибли под обломками СССР?

Но зато мы попали в реликтовый сосновый бор тоже где-то под Гаграми. Высокие, мачтовые сосны, сумрачно, нет южной яркости, солнца. Нет и заведений общественного питания. Есть только маленький магазинчик. Женщина, у которой мы остановились на сутки-другие, посоветовала купить бычьи хвосты и сварить суп, бычий хвост, говорит, очень вкусен. В магазинчике только они и были, да ещё хлеб и рыбные консервы. Хозяйка дала мне лук, соль, морковку, картошку, и я сварила суп. Он оказался ничего, а вот хвосты подкачали. Есть в них было нечего.

Вот и всё, что я помню о нашем летнем путешествии по югам.

ОСЕНЬ–ЗИМА 1964-1965

Вернулись в Москву к первому сентября. У меня опять институт и очередной перевод. А Юра в конце сентября или в начале октября улетел в Одессу вместе с Виктором Конецким и режиссёром Данелией. Оттуда он пишет мне в ответ на моё письмо:

“Слушай миленькая,

если тебя одолевают воспоминания, то меня вовсе нет: когда мы были в Одессе в конце октября, тут было тепло так, что даже купались раз, а тот мальчишка, который был нашим хозяином в некотором смысле <наверное, сын или сосед Воскобойникова, друга моего отца> купался всё время, хотя и синел после таких купаний.

А теперь тут холодно, дует пронизывающий ветер.

Я успел пожить в гостинице Одесса, бывшей Ленинградской.

Я успел поспать в люксе. Потом меня выселили в более скромный номер. Потом нас всех, т. е. Конецкого, Данелия и меня, вообще выселили из гостиницы. И нам стоило с Конецким многих хлопот и унижений достать себе двойной номер в гостинице Пассаж, гнуснее которой труднее себе что-либо представить.

Когда мы с Конецким молили в горисполкоме о гостинице — Данелия летел в Херсон к своей жене Любе, а Аксёнова вообще не было. Аксёнов наслаждался жизнью в Москве. Теперь у нас с Конецким гнусный номер на двоих, а Аксёнов прилетел из Москвы, и Данелия вернулся из Херсона. И мест нигде нет. И теперь мы наслаждаемся, а они бегают по городу, как очумелые, и ищут пристанища. Выдающиеся писатели и режиссёры... А это им не хрен собачий, а Одесса. И мест для них нету. Гнусно и противно.

А наша гостиница называется Пассаж. И окна выходят в универмаг. Т. е. во внутреннюю его сторону. И целый день за окном гул от множества покупателей. Вообрази ГУМ.

Вообще-то я зря поехал сюда, зря связался с этой компанией, и даже не в том смысле, что компания плоха, а в том, что не надо писать компанией. Ну, да чёрт с ним.

Я эти дни совсем не пил, но после всяких пертурбаций начал опять, т. е. сегодня, но это временно, потому что с завтрашнего дня я опять не буду.

Сегодня, я слышал, в Москве шёл снег. Я хотел тебе звонить сегодня, но меня заперли в номере. Дело в том, что я заснул часов в семь вечера. Дежурная, зайдя ко мне, увидав меня спящим, решила меня запереть. Я проснулся в десять. Толкнулся: заперто! В 11 меня открыли. И звонить идти было уже поздно. Позвоню тебе завтра. А пока два поручения.

1. Пойди в “Правду” к Абалкину (или к его секретарше) — это отдел литературы и искусства — и возьми у него назад “Нестора и Кира”, и отдай его перепечатать в 4-х экземплярах.

2. Поезжай немедля в ГУМ и там купи две зажигалки австрийских, таких, как была у меня. Именно две. Они стоят, кажется, 3-60 или 3-80. Купи, не откладывая, в день получения этого письма.

Вот и всё.

Я по тебе скучаю. Ты верь мне, я исправлюсь. Т. е. настанет такой момент, что я не буду никому ничего обязан, не стану писать никаких сценариев и тому подобного, не буду переводить, а буду писать рассказы и очень стараться при этом. И сдам на права. И мы поедем в Печоры даже зимой; кстати, Печоры, пишется через “о” — а запятая после слова Печоры — моя ошибка.

Пуще зеницы ока храни “Нестора и Кира” – это последний экземпляр. Я приеду 16-го. А 17-го уеду. Ты будь эти дни у ОПХ. Между прочим, я всё время, т. е. во время писания письма слушал Баха. Данелия взял с собой “Спидолу”. Всё-таки это изумительный приёмник!

На Черноморской улице я не был, но обязательно побываю!

Целую тебя и люблю. Скоро напишу ещё. <Дальше от руки:>

4 X 64 Ю. Казаков”.

(Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Вот надо было мне ухватиться за это: “Ты верь мне, я исправлюсь”. Первое условие, чтобы “исправиться” и писать рассказы, а не сценарии и переводы, – перестать пить. Он и сам всё время касается этой своей губительной склонности. Но события уже завертелись в другую сторону, что не только не способствовало его исправлению, а, напротив, всё очень сильно ухудшило.

17 октября Юра собирался лететь в Алма-Ату, где ему предстояло переводить с подстрочника роман казахского писателя Абдижамила Нурпеисова “Сумерки”. Прошлой зимой Нурпеисов не один раз звонил Юре, умолял перевести роман. Он понимал, что, написанный по-русски Юриной рукой, роман будет прекрасно читаться, станет событием в советской литературе. И даже будут переводить его на иностранные языки. Юра долго упирался, но, в конце концов, всё же уступил. Жить-то надо было на что-то. “Нестора и Кира” все очень хвалили, а печатать боялись.

Юра вернулся 16 октября, но на другой день в Алма-Ату не улетел, пожил сколько-то в Москве. У меня есть конверт с письмом из Алма-Аты, отправленным 3 ноября. И ещё есть письмо от 4 ноября, полученное немного позже. Письма, посланные по авиапочте из Алма-Аты, приходили в Москву на другой день. Значит, первое письмо было написано, наверное, 1 или 2 ноября. Так что, видимо, в Москве Юра побыл неделю. К 4 ноября он уже успел поездить по югу Казахстана. Поездка заняла дня три-четыре. Похоже, что письмо это написано в первые дни. Вот оно:

“Дорогая Мариночка, спасибо тебе за письмо и телеграммы. Устроился я хорошо, но с приездом тебе придётся пока погодить. Есть две причины. Первая, что, м. б., я получу телеграмму об Америке и мне придётся срочно срываться, и ты не успеешь как следует отдохнуть, напрасно только войдёшь в расходы. Вторая причина, что я живу в Доме отдыха ЦК КПК, и тут надо сперва нажать на моего казаха, чтобы он организовал твоё пребывание здесь, понимаешь? Я хочу, чтобы ты спокойно пожила вместе со мной, а не где-то.

Я думаю, что всё это (с Америкой) выяснится в течение недели или десяти дней, и тогда ты уже соберёшься ко мне на вторую половину ноября, и не на десять дней, побольше. Тут уж ляжет снег, будем кататься на лыжах и домой поедем вместе в конце ноября или в начале декабря. А пока спокойно работай и обо мне не беспокойся.

Забрался я высоко, близко от нас снежные горы, тут сейчас прохладно, несколько дней назад выпал снег и растаял только местами. Воздух чистый, шумят горные речушки, тебе здесь понравится, кормят сносно, только я за все эти дни соскучился по русской еде, по картошке отварной, по капусте и тому подобному. А тут всё баранина.

“Нестора и Кира” ты мне пришли авиапочтой, покажу я его в здешнем “Просторе”, авось примут. Писать или телеграфировать теперь ты мне можешь по такому адресу: “Алма-Ата, п/о 20, Дом отдыха ЦК КП Казахстана”. Можешь также и звонить. У нас тут два телефона, один – внизу: 2-81-66, другой – на втором этаже: 2-77-81. Мне бы удобнее говорить со своего этажа, но внизу больше вероятности, что кто-нибудь подойдёт, там и дежурные болтаются. Ты на всякий случай давай два этих телефона, какой скорее откликнется. Только учти разницу во времени. Когда у вас в Москве 12 часов ночи, тут ещё 9 вечера, мы от вас отстаём на три часа. Звони с таким расчётом, чтобы у нас было семь часов вечера, т. е. в 10 по моск. времени, у нас тут как раз ужин.

Съездил я хорошо, ездил по Южному Казахстану, приходилось мне выступать каждый раз, что меня, конечно, угнетало, а так всё остальное было в порядке, нагляделся на степи, на верблюдов и на ишаков. Я тебе потом расскажу. Пил я мало, хотя возможность имел неограниченную, но был всё время на глазах у народа и неловко было, да и выступать приходилось часто.

Подарили мне халат с тюбетейкой.

Денег у меня нет, т. е. относительно нет, никаких авансов мне тут не дают, а за путёвку заплатил мой автор. Ну, да мне пока и не надо, а потом авось дадут рублей двести, на обратную дорогу хватит, и ладно. Страниц сто переведу и тогда выпишут аванс. А как ты? Хотя бы у тебя было хорошо с деньгами.

Ну — целую крепко во все места и скучаю очень. Будь здорова, привет всем твоим.

4 ноября <и от руки> твой Юра"

(Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Мо′ предыдущее письмо не сохранилось. По-видимому, я в нём сообщала о "Несторе и Кире". Что за телеграммы — не помню. Юра хотел как можно скорее покончить с переводом и вернуться в Москву. А завяз он в Алма-Ате на четыре месяца.

До отъезда в Казахстан Юра не успел ничего сделать с "Нестором и Киром". Полученное письмо меня обрадовало — не только потому что Юра написал, что пил мало, но и по тону письма. Он явно писал его трезвым. Такие письма пишут любимой жене и помощнице. За плечами у нас было больше четырёх лет жизни. Кажется, всё шло к тому, чтобы быть нам вместе до конца дней.

Но я-то уже начала уставать от Юриного пьянства. Особенно тяжела была прошлая московская зима. У меня сохранилось пять Юриных алма-атинских писем и две телеграммы. Первое, от 4 ноября, я привела выше. В первой телеграмме то же распоряжение — не приезжать: "Пока не вылетай не устроим позвоню через несколько дней целую Юрий". Работала я в институте в том семестре на полной ставке, значит, занята четыре дня в неделю. Но недели на две меня бы, наверное, отпустили, с условием, что я сама обеспечу замену. Следующее письмо написано от руки 11 ноября:

"Дорогая старушка! Сегодня я проснулся и увидел в окне первый пасмурный день в горах. Потом я ещё больше выглянул и увидел, что день не только пасмурный, а что ещё и снежок идёт — сыплется такая мелкая крупка и тает на асфальтовых дорожках, а на траве не тает, и трава уже белая.

Это было утром. Потом весь день сыпал снег, то крупный, то мелкий, и всё засыпало так густо, как на Новый год. Теперь снегу по колени, яблони стоят толстые и тополи тоже...

И между белых берегов шумит тёмная речка, и над ней идёт пар. Он, как и вода, стекает вниз в долину, только медленнее, чем вода.

Примерно в пяти километрах от нашего дома начинаются горы, и там растут ели по 40 метров высотой.

А за этими горами — ещё горы, уже совсем высокие, и там ничего не растёт.

Я работаю, но медленно, очень мне вредит, что я не умею халтурить, а стараюсь сделать получше, а получше-то оно и медленно. Ну, будь здорова, целую. Скоро ещё напишу.

Юра

11 ноября, вечером.

А ты не балуешься там? А то смотри, тут есть казашки, а меня давно тянет на восток.

<На обороте страницы> Слушай, знаешь, что я решил? Мы с тобой объедем в августе будущего года всё побережье Чёрного моря — от Овидиополя до Феодосии и Таганрога — и будем есть креветок и бычков, охотиться под водой и собирать монеты генуэзцев и прочих римлян, и пить кислое вино, и любить друг друга ночью и утром, и днём, и вечером, и слушать турецкие джазы по "Спидоле" — и тогда будет пять лет нашей жизни. А потом мы можем бросить друг друга, приехав в пресную и скучную Москву.

А ездить мы будем на моём чудесном автомобилишке, потому что здесь, в Алма-Ате, мне обещают сделать права.

Вот и всё.

Сегодня был солнечный день, и весь снег сиял, и было больно глазам, потому что это в горах и воздух чистый. И пахло снегом очень свежо и колко. Это я тебе пишу 12-го вечером. Пока я тут сижу анахоретом, ты мотаешься по гостям, пьянствуешь и кокетничаешь! Завтра же приглашаю к себе казашку. Поеду в город, постригусь побреюсь, надену чистую рубашку и привезу казашку. "Отца его Нуака убил Абралы" — это из моего романа, перевёл 20 стр.

Я делаю страниц по пять в день. Я погрузился в негу востока, и даже если меня позовут ехать в Америку — не поеду. Серьёзно. Я очень рад, что один. Белый снег, и я один. Или сплю, или работаю. А иногда пойду немного вниз, там харчевня и жарят на улице шашлык. Погложу шашлык и опять домой.

Ну, будь здорова. Что-то рассказа нет. Письма авиапочтой доходят на другой день. 2-е письмо сюда, которое ты опустила 10 XI, пришло 11 XI. А "Нестора" всё нет.

Скоро ещё напишу".

(Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

В одном из следующих писем к нему я пыталась объяснить, что мне не удастся вырваться из института до конца семестра. Письма этого у меня нет, но вот на него Юрино ответное (начало не сохранилось):

"17-го ноября, вечер.

Я продолжаю неотправленное тебе письмо, я завтра всё отправлю. Я получил сегодня от тебя письмо, где ты пишешь, что не можешь ко мне приехать. Это, конечно, чепуха. Ты приедешь, как только я тебя позову. Причём приедешь на много дней. То, что тебе дают доцента, ничего не значит. Ты когда-нибудь станешь профессором. А Алма-Аты ты можешь не увидеть никогда. Кроме того, тебе здесь дадут работу, переведёшь рассказ, получишь рублей 100–150, и дорога покрыта.

Я сегодня получил перевод на 25 руб. Если это ты прислала, то большое спасибо. И мне совестно.

Я перешёл в другую комнату, потому что та комната, где я жил, выходила окнами на ту сторону, где шло строительство (прости эту фиговую фразу) Так же, как и ты, я соскучился, но дело в том, что мне будет очень плохо, если ты приедешь и уедешь, а я останусь. И я не хочу так. А я хочу, чтобы ты приехала, и мы с тобой пожили, а потом бы поехали вместе домой.

И поэтому я оттягиваю твой приезд. Я сделал пока очень мало. Скорее всего, ты приедешь сюда в начале декабря. Потому что я должен, наконец, покончить с переводом, а это дело длинное.

Завтра уезжает Домбровский, он тут жил почти 3 месяца, а завтра уезжает. Я очень рад, потому что Домбровский меня любит, а его любовь всегда выражается в выпивке, и мне надоело. Мой "Нестор и Кир" произвёл здесь большой шум. Редактор "Простора" сказал, что он прочёл его с "трепетным волнением", но — всегда "но"! — говорит, что нужно "смягчить" что-то. Старушечка, мне очень плохо, вообще плохо, потому что, с одной стороны, мне надо пить-есть, мне и моим близким, и для этого нужны гроши, а с другой стороны, нужно писать, что я хочу и что повелевает мне моё глупое, но правдивое сердце. И вот если я слушаю сердце своё, я пишу "Нестора", которого не печатают, зато все хвалят, а если мне надо пить-есть, то я печатаю "Плачу и рыдаю" или тому подобную ерунду, где ничего такого нет, и всем приятно.

Как мне быть?

Миленькая, я понимаю, как тебе трудно и сложно уехать, но всё-таки, когда я тебя позову, — приезжай. Потому что я тебя всё-таки люблю. И ещё потому, что God is love — и я с тобой обручён навсегда, сколько бы ни было на земле красивых баб. Я в "Адаме и Еве" написал, что у него и неё есть история. Так вот, у нас с тобой есть история, ты мне своя, и хотя ты такая же стерва, в общем, как и все бабы, я к тебе прикипел. И мне очень грустно без тебя.

Целую тебя и обнимаю, и как-нибудь я тебе позвоню и закричу жалким голосом, чтобы ты немедленно прилетела, и ты должна прилететь, или я тут буду не человек, ясно? Миленькая, думай обо мне! А я тебе в ответ напишу гениальное. Тут все плачут от "Осени в дуб. лесах". А это мы с тобой. Дура, люби меня!"

Нашла ещё один листок, наверное, это вторая страница какого-то ещё потерянного письма:

"Откуда ты взяла, что я пьянствую? Денег нет, а то бы я не против, а даже совсем наоборот. А денег нет серьёзно, получил 25 рублей, из них 15 осталось, и всё. Ну, да фиг с ней, хочу домой, в Тарусу, куда угодно, к себе, в Бескудники. Очень надоело мне здесь, но держит роман. Я, может быть, пришлю тебе копчёной рыбы с Аральского моря. А потом пришлю яблок. Алма-атинского апорта. Вышел ли твой Уэллс и получила ли ты за него? — не думай, я не к тому, чтобы мне прислать, а хотя бы ты хорошо жила. Ты так давно без денег. А мне не надо, мне дадут, в крайнем случае. Если ехать тебе ко

мне – так не скоро, в конце декабря. Я, наверное, тут встречу и Новый год, а потом домой. Ты что-нибудь придумай, возьми "творческий" отпуск за свой счёт. Или забюллетень. Ну, будь здорова сегодня голова болит, простужаюсь я здесь, болел уже дня 4.

Потом ещё напишу. Ты бы хоть позвонила мне (по нижнему телефону)

Целую Юра

24 XI 64".

(Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Это был конец ноября. Оба письма Юра писал в сильном подпитии, буквы так и пляшут, запятых часто нет. Но что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Юра никогда так горько не жаловался на тяжесть своего душевного и материального положения. А я не видела трагедии, денег нам с Юрой хватало. Одежду он кое-какую купил в Польше, так что ходил теперь прилично одетый. Но я тогда не ощущала всей глубины его творческих метаний и мук. Не считала ерундой его "Плачу и рыдаю". Хорошо помню, с каким наслаждением он описывал природу в этом рассказе и с каким удовольствием впитывал в себя красоту весенней, пробуждающейся земли, когда на закате охотился под Тарусой.

12 декабря Юра пишет на машинке ещё одно письмо, самое последнее в той жизни:

"Дорогая, сядем рядом, поглядим в глаза друг другу...

Над Алма-Атой висит дым. Там затопили тысячи печек. У нас в горах солнечно и чисто. И белый снег везде.

Значит, ты приезжаешь, вернее, прилетаешь 25-го – ориентировочно – плюс-минус один день. Но постарайся точно. Когда будешь покупать билет, узнай, когда самолёт прибывает в А-А по местному времени, ну и, конечно, номер рейса. И дай телеграмму. Билет купи дня за четыре и телеграмму дай. Я тут организую машину, и встречу тебя и привезу, и денег найду, чтобы заплатить в доме отдыха за тебя.

Теперь – что нужно взять с собой. Купи мандаринов. Купи мне бутылки "Столичной" водки. А то здесь неважная. Особенно тепло одеваться не надо, тут морозы небольшие. Возьми две пары туфель, лёгкие – для дома, и тёплые. Соответственно и чулки. Ну – кофту. Пару платьев. И ладно.

Прихвати из Москвы чего-нибудь вкусненького. Икорки, там... Огурчиков солёных, крепеньких. М. б., грибков... Мясного ничего не надо. Я мясо зрить не могу. Как только приехал сюда, всё время меня кормят мясом, на завтрак, обед и ужин. И во время декады тоже кормили мясом. Бешбармак, казы (конская колбаса), манты – наподобие пельменей. Только мясо баранье, рубленое и лук рубленый, и приготовляется не в воде, а в пару. Такая кастрюлька, внизу вода, посерёдке решётка, на решётку складываются манты, вода кипит, пар шумит и обваривает эти самые казы*. Ты вот любишь делать пельмени, так мы тут купим эту штуку. Или нам её подарят. А мы возьмём, не погребаем. Знаешь ли ты, что такое "гребать"? Это то же, что брезгать.

Захвати с собой какую-нибудь работёнку, чтобы время не проходило. Нас, видимо, поселят в такой комнате, где будет два стола, чтобы можно было работать одновременно. А я тебе пока добуду рассказик, который сразу пойдёт. Ибо у казахов есть противная черта – не платят вперёд денег, покарай их аллах!

Побываем в Аральске. В местах, о которых я "пишу" роман.

Попостись ты, ради бога! Похудей, ибо я не людоед, и мне не нужен твой вес, а – стройность. Какая ты была в Печорах. И Марфине. Сделай <"З" рукой исправлено на "С"> себе дня три разгрузочных. Рыбу не ешь, ну её на фик, отдай своим, если осталось что-нибудь. Мы тут её наедимся и ещё с собой привезём. Копчёных лещей. Я из своего казаха все жилы вымотаю. Будет знать потом, как переводиться.

Я тут не пью совсем уже дней десять. Сам даже удивляюсь. И не хочется даже. Решил погодить до Нового года. Но, конечно, с тобой выпью.

В общем, нам остаётся до встречи 2 недели, точнее, 13 дней, а когда ты получишь это письмо, будет и того меньше.

---

* не казы, а манты.

Ну, до свиданья, моя радость. Целую.

12 дек. 64 <от руки> Юрий

(Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Вылетела я 30 декабря. 29 декабря получила телеграмму: "Ждём будем встречать ничего не забудь целую Юра". Я с особым старанием собиралась в Алма-Ату. Ехала я не в деревню, как частное лицо, не в новые места, как любитель путешествий. А как жена писателя, в столицу республики, где предстоит видеться с важными лицами, писателями, местной интеллигенцией. Летели, кажется, пять часов. Приземлились в восемь утра по местному времени. Вылетели мы по Москве в час ночи. В самолёте темно, неуютно, я взяла с собой таблетки барбамила, чтобы спать всю дорогу. Рядом со мной сидел красивый суровой мужеской красотой мужчина лет сорока пяти. Он был членом ЦК партии Казахстана, ведал в том числе и культурой. Мы разговорились. Узнав, что я еду к Юрию Казакову, он стал мне в сердцах выговаривать, почему я так долго не ехала. Юрий Павлович переводит капитальный исторический роман о революции в Казахстане, книга имеет большую идеологическую ценность, он должен работать в спокойных условиях, а он весь извёлся, что не едет жена. Я рассказывала ему о своей преподавательской работе, про Юрины рассказы, как он их пишет, а он мне про Алма-Ату. Так я и не заметила, как мы прилетели, не заснула, хотя всё же выпила таблетку.

Юра меня встретил на машине с казённым шофером. Приехали в дом отдыха ЦК партии, расположенный на берегу реки Алма-Атинки, у подножья тамошних гор. Зимой в доме никто не отдыхал, пусто, темно, два-три человека обслуги. Юра обнадёжил, что скоро нам дадут комнату в санатории Совета министров, выше в горах, и тоже на Алма-Атинке. Домбровский уже уехал, Юра показал мне счёт – шестьсот рублей. При том, что моя зарплата в институте была 180 рублей. Я так и ахнула, но Юра меня успокоил, сказал, что уже печатаются готовые главы в журналах "Простор" и "Дружба народов", это даст хорошие деньги, и он сможет расплатиться. Столько напили за два месяца замечательные русские писатели, друзья по несчастью, Домбровский и Казаков.

Новый год встретили в каком-то учреждении. Там были официальные лица, писатели, актёры, автор Абдижамил Нурпеисов с женой. Оба оказались приятными, интеллигентными людьми, жена – научный сотрудник научно-исследовательского института. У них много детей. Вообще, в казахских интеллигентных кругах было тогда принято заводить большие семьи. Это было не то чтобы модно. Абдижамил объяснил, что это необходимо по соображениям культурным и политическим – казахская нация должна умножаться за счёт хорошо воспитанных, образованных людей.

Дня через три мы переехали в санаторий, он действовал вовсю, отдыхающих было много. Находился он в горах, внизу шумела Алма-Атинка. На её берегу стояли юрты-кафе, где с утра до вечера готовили шашлыки и поблизости всегда пахло дымком. Скоро наша жизнь вошла в колею. У нас была большая светлая комната на втором этаже с двумя столами, двумя кроватями и даже с умывальником.

Наступил февраль. Южные склоны гор уже сильно припекало солнце, и на каменистых склонах стали выползать из неудобной для растений почвы толстые, как гусеницы, зеленовато-серые побеги. На северных склонах – белый чистый снег, на южных, на пригреве, – сочная травка, правда, для русского глаза довольно странная.

Мне пора было подумывать о возвращении в Москву, 7 февраля начинался второй семестр. Работа у Юры шла споро, но, чтобы её закончить, требовался ещё месяц. Юра категорически воспротивился моему отъезду в Москву. И сообща придумали такой выход: Союз писателей Казахстана сочинил официальную бумагу (отпечатано было на красивом, меловой бумаги бланке) для дирекции нашего института с просьбой дать мне месячный отпуск за свой счёт, так как моё присутствие необходимо в Алма-Ате "для укрепления культурных связей между Россией и Казахстаном". Бумага был отправлена заказным письмом с уведомлением о вручении, и скоро я получила из Москвы разрешение вернуться к работе 1 марта.

Эти два месяца Юра был кроток со мной, тих, не был груб даже в сильном подпитии. Зато Нурпеисову доставалось. Работа подходила к концу, скоро

уезжать, и Юре были нужны права. У Абдижамила всюду были большие связи, но и ему трудно было сделать для московского писателя права без экзаменов и взяток. И всё же это ему удалось – Юра очень на него давил.

И вот работа окончена, и пришло время уезжать...

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

Обратно решили ехать поездом. Нам на троих купили четырёхместное купе. Мы с Юрой спали наверху, мама внизу. За четыре с лишним месяца у Юры набралось много друзей и поклонников. Чтобы избежать многолюдства на проводах, придумали сесть в поезд не на городском вокзале, а на товарной станции, в пригороде. Кажется, она называлась Алма-Ата–вторая. Приехали, поезд уже был подан и почему-то стоял довольно долго. Но и туда приехало много народу. Привезли всякой снеди и несчётное количество бутылок вина, к нашему с Устиньей Андреевной огорчению. Багажа у нас получилось много: чемоданы, картонные коробки с яблоками "алма-атинский апорт", подарки. Ехали мы пять дней, долгое время за окнами пробегали только бесконечные пустынные степи с глиняными мазанками. Проехали Аральск, куда я так и не попала. В России пошли леса, ехать стало повеселее. Юра всё время пил, Устинья Андреевна пыталась протестовать, я целыми днями лежала наверху, читала или смотрела в окно. В Москве меня встретил мой отец, Юра с мамой взяли такси и уехали в Бескудниково, а мы покатили в Покровское-Стрешнево, везли подарки – яблоки и рыбу.

Устинья Андреевна в Москве закручинилась, и они с Юрой сразу же уехали в Тарусу, сняли там дом. В конце марта – звонок из Тарусы. Мама сломала ногу, перелом тяжёлый, я должна взять такси до Тарусы и немедленно ехать, убраться в доме и помочь вернуться в Москву, мать придётся положить в больницу. Приехала к вечеру. Вся комната заляпана белым гипсом, Устинья Андреевна держится молодцом, Юра расстроен. Он только что втянулся в своё писание. Вымыла я полы, стол, стулья, посуду. Сложили вещи, и Юра пошёл за такси. Ехали мы в этот раз через Калугу, хотелось повидать незнакомые места. Дорога оказалась значительно длиннее. Юра ехал с шофёром, мы – на заднем сиденье, Устинья Андреевна дремала. Я смотрела в окно, снег на полях был уже не пушистый, в солнечный день подтаивал, ночью вода замерзала, и на солнце поля переливались всеми цветами радуги.

Устинью Андреевну положили в Пятую городскую больницу, что на Ленинском проспекте, там она пролежала месяц. К счастью, больница была недалеко по московским масштабам от моего института, на метро всего одна остановка. Апрель был солнечный, тёплый. Я ездила в больницу через день-два, возила еду – творог, кефир, домашние котлеты. Юра писал и хлопотал маме и себе путёвку в Малеевку на май и июнь. Это было трудно, начался сезон, желающих среди писателей и их жён было много. Пришлось ждать. Устинью Андреевну уже выписывали из больницы, а везти её было некуда: в Бескудникове – однокомнатная квартира, на Арбате – комната в коммуналке. И у меня на Черняховского – одна пятнадцатиметровая комната. А нужен уход, питание, значит, только в Малеевку. Юра послал меня к главному врачу, просить, чтобы маму не выписывали ещё неделю, пока не дадут путёвку. Врач сочувственно отнёсся к моей просьбе, я подарила ему Юрину книгу – не как подношение, а свидетельство того, что Юра – замечательный писатель. Купила Устинье Андреевне костыли, и она стала учиться с ними ходить. Юра всё время был ласков, заботлив, жил то на Черняховского, то в Бескудниках. Наконец, наверное, в конце апреля Юра с мамой уехали в Малеевку.

О лете, пока он был в Москве, мы ни разу не заговаривали. Что́ было странно, но это я только теперь заметила. Ведь мы каждый год с самой зимы начинали думать, куда денемся летом. И прошедшей зимой Юра писал мне из Алма-Аты, что поедем на его машине по всем югам. В Алма-Ате было не до лета. А после того, как мама сломала ногу, о лете и совсем забылось. Может, потому, что Юре, как он полагал, предстоит всё лето ухаживать за ней. Но не в Малеевке же – туда на всё лето путёвку не получить! Значит, опять Подмосковье, но речи ни о чём пока не было.

Май начался с того, что Ира Смелли пригласила праздновать у неё Первое мая. Было приглашено всё моё семейство: мама, папа, сестра Таня, сын Дима, Юра, наши общие друзья Витя Тамохин и Юра Денисенко, заведующий

кафедрой (с ним мы учились с разницей в полгода на переводческом факультете). Вот мы и собрались все в её гостеприимном доме. Юра Казаков и Юра Денисенко, русские парни, оба не дураки выпить, сразу почувствовали друг к другу симпатию. Юра, зав. кафедрой, сказал: "Я всё думал, что ты миф, а ты, оказывается, и правда, есть". Оба обнялись и смеялись. Что касается моих родителей, они уже давно принимали Юру как неизбывную данность. О том, что он пьёт, я им не говорила.

В тот же вечер у Иры мама с папой пригласили всех приехать к ним второго мая в Покровское-Стрешнево продолжать праздник.

И вот что произошло. Не помню, какая тогда у Юры была машина. Мне кажется, что "Москвич", но сын мой, которому тогда было 13 лет, говорит, что "Запорожец", потому что, как он помнит, именно из-за машины учинился скандал. Я сама не помню причины, но сын уверяет, что моя сестра Татьяна вдруг спросила у Юры:

— Почему это у вас, великого писателя, такая плохая машина?

И Юра, который был уже, как говорил один плотник, "хорошо хватя", рассвирепел и стал площадно ругаться, чего в доме моих родителей никогда не было. Потом встал и, продолжая осыпать всех и вся бранью, нетвёрдой походкой двинулся к двери. Я пошла за ним. Мы были не на машине, пошли к автобусной остановке, и Юра всю дорогу не закрывал рта. Я жалела его, Таня затронула самое больное его место. Он действительно был великий писатель, талантливый, как никто, а у него такая хилая машинка, и вся писательская администрация относится к нему, как к третьесортному писателю, не способному подняться до великих социальных тем. Вот и сейчас еле-еле путёвку выпросил для больной матери. По-видимому, это было для Юры потрясением. Потому что сохранилось его письмо из Малеевки Виктору Конецкому:

"И спраздновал я тут 9 мая лучше всех, потому что был один... Потому что, когда ты один, есть возможность подумать... Ведь всё-таки мы существа мыслящие в некотором роде. И сидел я один на один с пол-литром "Московской", изготовленной в пресветлом граде Калуге, и думал о фашизме. Не о фашистах, которые жгли, стреляли, тащили женщин к себе в постель, пили, сходили с ума, потом сами стрелялись, которые были потом убиты и разбиты и которые ещё сейчас многие живы во всех частях света, — нет, я думал о самом высшем фашизме, о средоточии его, о человеке, который, достигнув власти, всё подчиняет себе. Это не бесчисленные серо-зелёные солдаты шли на нас, это он их гнал, угрожая расстрелом. Это не генералы и штурмбанфюреры творили зло — зло творил он, потому что, дорвавшись до власти, он обожествил себя и стал над нацией, над человечеством. Ничто не делалось помимо его воли, и никто ничего не мог решить за него. Как бы ни были крупны остальные фашисты, они могли в лучшем случае советовать ему, соглашаться с ним, подсказывать ему и исполнять его волю. И чем лучше они советовали и исполняли, тем всё более возвышались в его глазах и в собственных. Они даже становились, наконец, более фашистами, чем сам он, но всё равно он был главный. Но всё-таки не он был главное зло, а самое главное зло была система. Та система, при которой он мог зародиться, этот человек, этот вождь, диктатор, фюрер, мог подняться и существовать вопреки всему, во веки веков, пока он сам жив, потому что никаких демократий, никаких ограничителей при этой системе уже не было, и он не мог быть смещён..." (Орфография и пунктуация Ю. Казакова.)

Это письмо точно указывает, что он продолжал писать какие-то куски той повести, о которой начал думать зимой в Тарусе ещё в 1962 году, когда ему было тридцать три года — возраст Иисуса Христа. Как-то у него это всё переплеталось. Возраст Иисуса Христа обязывал, он вспоминал своё отрочество, оно пришлось на войну. Воспоминания у него всегда были яркие, подробные, с годами они не выцветали. В этом особенность его прозы. Виденные им люди с их внешностью, характером, их поступки, события, происшествия оставались в кладовых его памяти на всю жизнь. Его рассказы истинное — картинное и поэтическое — свидетельство эпохи. Ему незачем было вводить в них исторические или социальные оценки, они дают достоверный материал для будущих историков, психологов, социологов.

И ещё: читая это письмо, чувствуешь, что настроение у него не такое, как было летом 1961 и 1962 годов. Взять для сравнения "Двое в декабре": он опять ощущал себя одиноким.

Юра уехал в Малеевку, а я в конце мая – в Звенигород. Разговоров о лете всё ещё не было. Юра обещал приехать туда ко мне в первых числах июня. Не помню числа, когда это произошло, но точно до моего дня рождения. Значит, возможно, 5-6 июня. Юра приехал вечером, не сообщив точного дня приезда. Привёз водку и свежих огурцов, тогда их ещё не было (это ведь не наше время, когда огурцы круглый год). У меня был приготовлен какой-то ужин. Он сразу сел пить, стал быстро пьянеть. И посыпались пьяные обвинения, ругань, чего я не слыхала уже год. Мне трудно изложить Юрин пьяный бред, на самом деле, слова, которые изрыгались из его рта, – хрестоматийны. Они есть во всех книгах про алкоголизм. Он вставал, ходил, ложился и всё сетовал, что он такой несчастный, что у него такая скверная баба, у неё сын от другого. Пора ложиться спать, уже за полночь, а он совсем разошёлся. И тут, первый раз за пять лет, мне в голову пришло жестокое обвинение: "Ведь мог же Юра быть человеком, даже пьяный, когда я так была нужна его маме, без меня он сам ни с чем бы не справился. Я была нужна, и он мог управлять собой. А теперь, когда всё устроено, мама под присмотром в Малеевке, можно опять распуститься до бесчувствия". Это меня потрясло. Это была не обида, а осознание какой-то чудовищной, несправедливой и непобедимой распущенности. Я очень хорошо это помню, потому что много раз возвращалась памятью к тому вечеру, ночи, утру. Я взяла раскладушку, поставила в коридоре и легла. Юра никогда не поднимал на меня руки. А тут подошёл, взялся за раскладушку и стал её опрокидывать. И тогда я сказала:

– Если ты не перестанешь безобразничать, я вызову милицию.

Юра ушёл в комнату. Лёг, часа два поспал. Потом вышел одетый в коридор и сказал:

– Прощай, старушка, я ухожу.

И пошёл к двери. Я вдогонку позвала его:

– Юра! – Он обернулся. И я прибавила: – Тебе будет стыдно.

Это были мои последние слова, сказанные ему в той жизни. Юра ничего не ответил и ушёл. А я легла поуютнее на раскладушке и заснула.

Проснулась часов в одиннадцать, вышла в сад. Был яркий июньский день. Всё сияло в лучах солнца: листья яблонь, белые венчики нарциссов, серебрились плакучие ветви большой ивы, благоухал расцветший куст розы-ругозы. Я оглядела весь этот благостный мир, высокое бледно-голубое небо над головой, вздохнула полной грудью. И вдруг ощутила, что во мне больше нет ни капли этой болезни – любви к прекрасному русскому писателю Юрию Павловичу Казакову. Как будто её выключили. В этом было чей-то промысел, на моё счастье.

Уйдя в воспоминания, я сознаю, что, описывая те годы, я излагаю мысли, чувства и внешние события только одной стороны – свои собственные. Я не знаю, что думал и чувствовал Юра, что делал, когда, вернувшись в Москву, мы разъезжались по своим домам. И, конечно, я не знала, что делал Юра той весной и летом в Москве и Малеевке. Я просто об этом не думала. Сейчас же могу кое-что предположить. Когда мы вернулись из Алма-Аты, Юра не раз виделся с Ильей Ильичом Толстым, внуком или правнуком Льва Толстого. А у него, я знала из его письма, посланного в Алма-Ату, была уготована для Юры невеста, аспирантка филфака МГУ. Это была достойная невеста, по всем статьям: молодая красивая девушка из состоятельной минской семьи, отец – крупный общественный деятель. Она была сильно влюблена в Юру, да и сватал её не кто-нибудь, а потомок великого русского писателя Льва Толстого. Но тогда-то я ничего этого не знала. Юрину грубость отнесла только на счёт его пристрастия к алкоголю. А теперь думаю, что, познакомившись с этой девушкой и всё оценив, Юра оказался перед выбором. Очень непростым. Пять лет любви так просто не выбросить. Но пора остепениться, завести семью, своих детей. Более подходящую пару трудно найти, мать с отцом будут счастливы. Да и деньги теперь есть: можно купить в Подмосковье дом и зачинать семью. Но вот он приехал в Звенигород, увидел меня, близкое и дорогое существо, почувствовал прилив любви и вместе ненависти, ведь оно стояло сейчас на его дороге к полному человеческому счастью. И Юра сорвался. Но это я сейчас так думаю, возможно, никаких таких мыслей у него не было, а был он по привычке бессмысленно и тяжело пьян.

Но к его и моему счастью, моя любовь кончилась, и он мог не бояться, что я стану ему помехой. Вернувшись в Москву, я тут же купила себе и сыну

железнодорожные билеты, и мы уехали в Алушту, о чём Юра узнал, позвонив Ольге Петровне. Подумал, что я уехала с любовником, и решил, что моё терпенье, наконец, лопнуло. В трезвые минуты он сознавал, как нелегко с ним жить и что когда-нибудь эта жизнь может стать нестерпимой. Юра сам мне это рассказал, когда позвонил в августе, и мы поехали на два дня в Ростов Ярославский.

Поняв по-своему мой отъезд, Юра вздохнул свободно. Что было с нами дальше? Про себя хорошо знаю. Что делал Юра, знаю от него самого и его матери, с которой я впоследствии несколько раз виделась. Два раза случайно, а после Юриной смерти ездила к ней по её приглашению.

Весь май и июнь Юра жил в Малеевке, и к нему туда приезжала его невеста. Устинья Андреевна говорила, что она предупреждала её: у Юры есть Марина. Наверное, предупреждала. Но у Юры занимались новая жизнь и любовь, и пять предыдущих лет, казалось, канули в прошлое.

Тем не менее, в августе или в конце июля он позвонил мне и позвал в Ростов Ярославский. Мы поехали. В Ростове, как раньше, стали искать место ночлега. Постучались в один дом, в другой, нам посоветовали толкнуться в соседний. Там живёт одинокая женщина и может пустить. Было уже темно, мы постучали, вышла немолодая худощавая женщина, мы ей представились, и она пустила нас.

В Ростове я поведала Юре, что ездила в Крым с сыном и подругами. А он рассказал, что чувствовал, покидая тогда Звенигород. Когда я его позвала, и он обернулся, он ожидал увидеть ласковое лицо и услышать слова примирения, ведь он приехал ко мне из Малеевки, привёз огурцы, хотел сделать салат. А у меня были ненавидящие глаза, таких моих глаз он никогда не видел. И такие же неожиданные были слова, поэтому он и ушёл. Так оно, наверное, и было. В чём, в чём, а в лукавстве Юру нельзя заподозрить. Говорил, что думал и чувствовал. Но ненависти в моих глазах не было, а было неописуемое возмущение, которое он истолковал по-своему. Значит, всё же где-то в подсознании у него сидело, что я могла бы его возненавидеть.

Всю поездку Юра был трезвый, и у нас опять были родные и любовные отношения, как прежде. Только я больше не чувствовала от него зависимости, боязни потерять. Пошли в собор, хотели послушать колокольный звон. Звонарей не было, и мы только полюбовались белокаменной русской православной святыней. Потом сели на катер и поплыли на другую сторону озера Неро. Воздух был наполнен бледно-зеленоватыми подёнками, крошечными не то бабочками, не то стрекозами, которые живут всего один день, ими усыпана была и водяная гладь озера. Где-то пообедали, вернулись к хозяйке, попрощались и пошли на станцию. Было уже темно. Мы шли узкими одноэтажными улочками крошечного провинциального городка, и в темноте Юра рассказал мне, что у него уже есть женщина. Ещё он рассказал мне, что лежал в больнице. И я почему-то подумала, что эта девушка — какая-нибудь медсестра. Он не назвал её имени и говорил таким тоном, каким о невестах не говорят. А это была его невеста, Тамара, о которой в Алма-Ату писал Илья Ильич Толстой. Я это не почувствовала, но всё же отметила, что это не случайная связь. И сказала Юре: а что, если я найду её и расскажу об этой нашей поездке? Юра явно испугался.

— Не смей этого делать! — жёстко сказал он.

Я заверила его, что, конечно, и не подумаю её искать. В Москве, как всегда, разъехались каждый к себе домой. Ни о каких будущих встречах разговору не было.

А в середине ноября, может быть, в начале (помню только, что была холодная сырая погода), Юра опять позвонил, заехал за мной, и мы поехали куда-то поговорить. Юра выбрал Сокольники, там есть кафе, в тот час наверняка полупустое, то, что нам нужно. Было часов пять пополудни, холодно, капал дождь. Нашли это кафе — большое, дощатое строение, тёмное и пустое, работает последний день. Юра на машине, пить нельзя, заказали кофе, бутерброды, начался разговор. Юра сказал, что думает жениться, и перед ним вопрос, кого всё же выбрать: меня или ту девушку, с которой он сейчас живёт как с женой. Говорил, что наши пять лет зачеркнуть ему всё же трудно, но у этой его девушки много достоинств, в том числе — он у неё первый. Подробностей Юра не касался. Я слушала его и взвешивала: так вот взять и отказаться от него я не могу, потому что я за него всё же в ответе. Он пьёт,

от этого никуда не денешься. Наверное, его новая подруга не подозревает истинного положения дел. А я-то знаю. И я сказала Юре, что готова начать всё сначала при одном условии: он завтра же начнёт лечиться от пьянства. На что Юра ответил, поморщившись:

— Вот ты как заговорила!

На том наша беседа и кончилась.

Вскоре после этого Юра женился, а через год вышла замуж и я. За годы до его смерти мы встретились случайно всего два раза — в ЦДЛ. Была и ещё одна встреча — летом 1967 года. Юра позвонил мне — он ходил в поликлинику Литфонда, что в соседнем с моим подъездом. Я вышла, он предложил покататься по Москве. И мы поехали. У него был с собой кулёк конфет "Мишка". Он угостил меня одной. Едем, он говорит: можно я тебя поцелую? Я ответила отказом. Сказала, что это будет ударом для моего мужа.

— Но ведь он не узнает, — сказал Юра.

— Это всё равно, — ответила я.

— Тогда можно понюхать твои волосы?

— Это можно.

Я потому так подробно всё это рассказываю, что мне самой важно исследовать, почему, действительно, мы с Юрой расстались. Пьянство тому виной, Юрина мать, которая, как все матери, хотела Юре крепкого семейного счастья? У меня нет ответа. Я поняла только одно. Если есть настоящая любовь, — по сердцу, по уму, по общим склонностям и устремлениям, — то её надо беречь, как зеницу ока. Она превыше и преважней всего. Моя к Юре любовь погибла, как гибнет от мороза цветок. Юрина любовь ко мне не погибла, она только ушла под землю, а когда схлынул наносный слой, она ожила и сидела в Юре всю жизнь.

В июне 1966 года я получила такое письмо:

"Здравствуй, старушка!

Я вдруг вспомнил, что у тебя 14-го июня день рождения. Хороший, хороший у тебя день! Июнь в разгаре, светлые ночи. В лесу фиалки. Поспела земляника. Вообще этот год весь ранний. Ранняя весна. Ранняя Пасха. Ранняя Троица. 31 мая мы нашли первые белые грибы — 10 штук.

Отличный у тебя день рождения!

А я сижу снова в Тарусе. Но я как-то потерял вкус к этим местам. Не то чтобы мне здесь разонравилось, но исчезла прелесть первого узнавания. Надо бы, конечно, поискать нового места, но некогда было.

А хорошо всегда — новое место! Всё незнакомое и прекрасно своей неизвестностью.

У меня новость — собака. Купил я его двухнедельным щенком. Белый с рыжими усами, с рыжим пятнышком на спине, с рыжим хвостиком и веснушками на ногах и на морде. Только три чёрные точки. Нос и глаза. Спаниель. Королевских кровей. Когда я его купил и получил родословную, то с удивлением обнаружил, что его прабабка — "Штука", а владелец — И. И. Толстой. Я сразу — к Толстому. Оказывается, эта Штука была вывезена югославским послом из королевского питомника и подарена потом Толстому. От неё произошёл потом мой сукин сын. Сейчас ему три месяца на днях стукнет. Вся жизнь его прошла на моих глазах. И вот теперь, бросив все свои дела, я принимаюсь за книжку о нём для детей. Весёлая будет книжка! А зовут его Чиф. Это так старших помощников капитанов зовут моряки.

Ну, будь здорова и счастлива в твой день. 37 — прекрасный возраст. Чудный возраст. Это как благоухающий фиалками июньский лес. Это не апрель, не май и не июнь. Июнь, старуха! Нет, ты не июнь, ты земляника.

Вот съешь это земляничное поздравление и прощай.

Ю. К.

Таруса.

Подарок тебе заказан, и если ты не уедешь на лето, ты его получишь. Из Архангельска".

Вот такое письмо. Сдержанное, с лёгким воспоминанием о нашем походе в тарусские леса, по ночам благоухающие ночными фиалками. С признанием, что новое всегда хорошо. Это или о том, каким новым всё было для нас

вокруг Тарусы, или намёк на то, что ему сейчас хорошо, потому что всё новое (другая женщина) прекрасно своей неизвестностью. Как хочешь, так и понимай. Я всё же склоняюсь к первому пониманию, Юра один из тех редких людей, у которых нет задних мыслей. Я на это письмо ничего не ответила и подарка не получила. В то лето мы с моим будущим мужем уехали под Новороссийск, где жили в палатке на берегу моря. Рядом со мной был молодой здоровый мужчина, который легко взял на себя все дорожные и бытовые заботы. Он окончил МИФИ, факультет теоретической физики. И сказал однажды, что ему нужна умная жена, а до сих пор по-настоящему умные женщины ему не встречались. Теперь он встретил и готов быть для меня всем, хоть секретарём, хоть мужем. Так мы и поженились, хотя нам пришлось в загсе выдержать испытание – собеседование на предмет выяснения истинности наших чувств. Две милые пожилые женщины, убедившись, что Саша, спокойный, твёрдый, уверенный в себе человек долга – на нём это написано, – и правда меня любит, напутствовали его словами "берегите её". И даже дали пригласительные билеты в магазин для новобрачных, хотя у меня это был второй брак, а таким новобрачным дешёвый подарочный магазин не полагался. И мы купили наручные часы, которые потом долго-долго мне служили. Думаю, что Юра такого собеседования не проходил, хотя он был старше своей невесты примерно на столько же лет, на сколько я старше моего мужа.

Судя по тому письму, Юра был счастлив и доволен семейной жизнью. Из подписи исчезло "твой". Его новая жизнь, на самом деле, началась прекрасно. Это мне рассказала Устинья Андреевна, когда мы случайно встретились с ней в электричке. Она ехала в свой загородный дом, который Юра купил на деньги, полученные за различные публикации романа Нурпеисова "Кровь и пот". Дом этот был в Абрамцево, в дачном посёлке академиков. А я ехала к себе в деревенский дом, купленный за перевод "Знака четырёх" Конана Дойла. У меня была бревенчатая изба под Александровом, по той же Ярославской дороге, на краю деревеньки Юрцово, при ней – пятнадцать соток земли, все засаженные картофелем. Это был, наверное, 1976 год. И из слов Устиньи Андреевны я поняла, что Юра к этому времени уже расстался с семьёй и жил в абрамцевском доме один. Вот что я от неё узнала.

Сначала всё шло хорошо. Тамара разобрала сразу все Юрины рукописи, бумаги. В Абрамцево посадили розы, Юра сделал овощные грядки. Жили дружно и счастливо, Союз писателей дал Юре хорошую квартиру. И вот однажды Юра вернулся с дачи домой, жены нет, и он спросил сына, которому было, наверное, года четыре, как мама. А тот говорит:

– Мама хорошо, к ней дядя Вася приходит.

– Что они делают? – спрашивает Юра.

– Обнимаются и целуются, – отвечает мальчик.

Надо знать Юру, чтобы догадаться, что́ могло произойти после таких слов. Он был болезненно ревнив. И он тут же, не сказав ни слова, уехал обратно в Абрамцево. Тамара за ним. Все уговоры – и её, и матери – оказались напрасны. Так объяснила мне причину развода Устинья Андреевна и рассказала ещё подробность. В тот день она сварила курицу. И когда Тамара приехала, она стала звать Юру всем вместе обедать. Юра не вышел и ничего не стал есть. "Они забрали сына и не дают ему видеться с ним, а Юра очень любит мальчика", – прибавила ещё Устинья Андреевна. Я возмутилась: да мало ли что мог сказать ребёнок! Друзья ведь при встрече могут обняться и поцеловаться. Устинья Андреевна кивнула: "Мы ему то же самое говорили, а он ни в какую". Потом она спросила, как я живу с мужем. Вздохнув, сказала: "И от четверых уходят, и с двумя берут". И ещё попросила познакомить Юру с какой-нибудь молодой, добропорядочной женщиной, лет тридцати. Вышла она в Абрамцево, а я поехала дальше, в Александров.

Я подумала: сочинить эту историю Устинья Андреевна не могла, зачем? Наверное, что-то похожее в жизни было. Но не могло оно стать причиной развала хорошей семьи. Ревность ревностью, но главная беда, думаю, была в том, что Юра всё сильнее втягивался в пьянство, иначе просто не могло быть. Процесс обычный, описанный во всех исследованиях. 23 февраля 1964 года в письме английскому редактору, пожелавшему включить в сборник Юриных рассказов его автобиографию, Юра говорит: "Все годы я много ездил. Вообще мне кажется, что я хорошо жил, что так и надо жить писателю. Тогда я почти не пил (теперь я выпиваю, но хочу бросить, это мешает, когда

много пьёшь, и вообще писателю нужно быть здоровым) <...>" Судя по этим словам, Юра отдавал себе отчёт в том, что происходит. Его семейная жизнь началась года через два после того февраля. А в тот промежуток времени было четыре месяца Алма-Аты с почти ежедневными возлияниями до положения риз. Нас постоянно приглашали то в один богатый гостеприимный дом, то в другой. Может, какое-то затишье в первые семейные годы и было. Из того, что я знаю, с женой ему действительно повезло. Именно такой должна быть жена писателя: знать толк в литературе, держать в порядке все его рукописи, архив, родить сына, заниматься огородом и садом, быть всегда рядом с ним — всё это было в Юриной семейной жизни. И, думаю, не он рассердился и ушёл, а ей с маленьким сыном стало невыносимо жить с ним под одной крышей. Возможно, и Юрина мать не была подарком в семейной жизни.

Помню, в 70-е годы начал вдруг работать семинар художественных переводчиков, занятия проходили в ЦДЛ. Однажды иду через ресторанный зал и вижу за столиком Юру и Николая Владимировича Богданова, детского писателя, — с ним и его женой Верой Дмитриевной мы с Юрой дружили в Тарусе и в Москве. Я подошла к ним, Николай Владимирович тотчас встал и ушёл. В первый миг нас с Юрой захлестнула волна радости, как будто не было ушедших пятнадцати лет. Я села. Юра был уже сильно пьян. Поговорили немного, я сказала, почему я здесь. Должна признаться, что всякий раз, как мы выходили из комнаты, где заседал семинар, я, глядя сверху, искала в ресторане глазами Юру, и вот мы встретились. Юра повёз меня на такси домой. По дороге сказал те самые слова: "Я должен был на тебе жениться, твоя мама любила меня. А тёща, когда мы разводились, сказала, что даже стул пополам поделит". Это единственное, что я помню из того разговора в такси. И это был наш с Юрой самый последний разговор. Вид у него был обрюзгший, говорил он, как говорят очень пьяные люди. И у меня не было сожаления, что мы тогда, в июне 65-го, расстались.

Так продолжалось семнадцать лет, до смерти Юры.

И только, услыхав в автобусе, который вёз нас на кладбище, слова: "Была бы жизнь, была бы со мной Марина", — я как будто очнулась. Подумала: а если бы у меня хватило "терпения и любви" (слова из молитвы Ефрема Сирина), и мы с Устиньей Андреевной справились бы с губительной страстью, неужели и правда Юра продолжал бы писать свои великолепные рассказы и не ушёл бы из жизни так рано? Мы опять возвращаемся к главной загадке бытия, которая мучила Гамлета, так и не нашедшего на неё ответа. Верна ли мысль: "Наш замысел — исход его не наш", — и ещё: "Так божество наш замысел вершит // своею волей, нам наперекор". Я как-то рассказала об этом мучительном сомнении моей внучке Лизе, она всплеснула руками: "Бабушка, да ведь нас бы не было, если бы вы не расстались!" Да, это утешение: "Наш замысел — исход его не наш"...

ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ

ПРЕДСТОЯНИЕ

К 95-летию Учителя

“Духовность – это то, что отозвалось в душе порывами милосердия”, – так сказал незадолго до ухода Михаил Петрович Лобанов. Мне передала эти слова его супруга, наперсница и друг, хранитель огромного наследия – лобановского достояния – Татьяна Николаевна Окулова (Лобанова). Эти трагически правдивые слова девяностолетнего старца, как слова молитвы, проникновенной музыкой и тайной подсказкой для жизни звучали, не отпускали всю долгую дорогу в ночи из Екшура до самой Москвы, до метро “Котельники”. И даже в ночном московском метро я всё связывал с ними, вспоминал, процеживал сквозь сито этих слов воспоминания о нём. Его улыбку, жесты. Ненавязчивые, но всегда глубочайшие напутствия и советы при прощании.

Вот и теперь, даже покинув этот мир, он давал мне совет. Теперь уже через близкого и дорогого человека. Супругу. Так что же такое жизнь? В самом деле, “луковка” Достоевского? Но как же сурово, жёстко и безжалостно противостоит нынешний мир всем им, классикам нашим: и Достоевскому, и Лобанову, и Астафьеву, и Абрамову, и Распутину... И Бунину, и Куприну. И Льву Толстому даже! Этот “новый мир” противостоит всей нашей русской культуре. Той русской культуре, которая объединяла наши малые народы воедино. И в СССР, и раньше. И весь мир читал на русском Гамзатова и Айтматова, Лесю Украинку и Шоту Руставели. Мир осиротел, съежился. Теперь эти республики, кажется, овдовели... Значит, не только “порывами милосердия” по отношению ко всем людям, к читателю была “та литература”. Любовью. И все писания Лобанова как редчайшего её представителя. И вовсе даже и не “луковичкой” они оказались, а чем-то гораздо более важным. Большим. И для мира, и для “малых народов”. Но вот уже стали забывать имена великих писателей и принимать навязанные привычки и правила. И вот, в этой беспросветной тьме – как яркая лампочка зажглась, как чудо: Дворец культуры в Екшуре имени М. П. Лобанова!

Может быть, он сам, уйдя из земной жизни ровно три года назад, почти день в день, молится о нас. И праведной молитвой его о своей земле и Родине, в его родном селе близ Спас-Клепиков случился этот подарок, это напоминание о том, что мы люди. Что у нас много обязанностей, а не только права. И о том, что нужно видеть во всяком человеке, даже незнакомом прохожем – замысел Божий. По слову Достоевского. И любить именно этот Замысел о человеке. Любить человека несмотря ни на что, даже если “по делам его” – любить ну никак невозможно!

И мне всё никак не верилось, что в России даже теперь можно назвать район, улицу, Дом культуры именем не либерального болвана или банкира, проворовавшегося мэра или чиновника, который всю жизнь свою “празднует

блистательно", а именем героя, фронтовика, почвенника ("русофил" – поганое слово, "русолюб" лучше). Именем человека, вся жизнь которого – Предстояние. Служение Отечеству и культуре. Учительство, литература и нравственное делание. Передача опыта жизненного и литературного. Бескорыстие и молитва.

Как радостно за эту победу среди бесконечной череды поражений и раздора, неприятия друг друга, мести, упреков в рядах наших. Когда прощались в Екшуре с Татьяной Николаевной, я с тайной радостью (не был прежде знаком с ней лично) любовался ею. Знать, "и один в поле воин, коли ладно скроен!" Дочь фронтовика, участника обороны Сталинграда, – она, конечно, знает, что почём в этой жизни. И трогательная забота её о каждом из нас, обрадовавшихся возможности встречи и участию в освящении, открытии мемориальной доски имени Михаила Петровича, празднику и молитве за "благоденствие и чистоту" екшурского недавно отстроенного ДК...

Родные черты рязанцев, музыка хорошего чистого слова, добросердечие принимавших нашу делегацию в Екшуре... Видишь, слышишь, угадываешь в человеке своего. Глава района Николай Владимирович Крейтин встретил нас с нескрываемой радостью, как дорогих гостей. И эта предупредительная заботливость обо всех и каждом большого, богатырского сложения человека была особенно мила и трогательна.

И вот Дом культуры в Екшуре имени Михаила Петровича Лобанова открыт. Дело сделано. Памятная доска (к которой в скором времени добавится мемориальная, с барельефом писателя) гласит: "Муниципальное учреждение культуры "Районный Дом культуры муниципального образования – Клепиковский муниципальный район, филиал №15, Екшурский сельский дом культуры имени М. П. Лобанова 391022, Рязанская область, Клепиковский район, Екшур, ул. Красный Октябрь, д. 15/6".

Открытие памятной доски на новом ДК освятил и благословил священник отец Геннадий, один из лучших учеников Лобанова. Есть в этом глубокий смысл, нечто провиденциальное: ученик-писатель освящает Дом культуры имени своего учителя. О. Геннадий Рязанцев-Седогин – член Союза писателей России, Председатель Правления Липецкой писательской организации "Союз писателей России", действительный член Петровской Академии наук и искусств, член-корреспондент Академии Российской поэзии, лауреат литературной премии имени Евгения Замятина, протоиерей. Я время от времени открывал в полутьме автобуса подаренную им книгу, читал первое, что открывала рука, читал из его нового романа: "Становящийся смысл" – это строящийся храм, место на земле, через которое проходит ось мироздания. Вся полнота жизни и земной, и небесной вращается вокруг этого таинственного сооружения, а между тем люди, душой и телом привязанные только к земному, не замечают присутствия глубины, которая, впрочем, не умаляется от этого". Такая перекличка с книгой "Внутреннее и внешнее" Лобанова поразила меня. Рукоположенный священник, протоиерей, настоятель храма Михаила Архангела в Липецке (который построил он помощью Божией и тщанием прихожан) взял груз со всей тяжестью его. И вот – несёт опыт учителя. Дальше, в будущее.

"По делам их узнаете их". По делам учеников познаётся величие учителя. И тотчас вспомнилась давняя, начала 2000-х годов переписка Лобанова, опубликованная в его книге "Твердыня духа", с отцом Фёдором, монахом Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, который теперь уже и сам наставник. С каким уважением, даже почтением в этой переписке Лобанов-учитель обращается в ученику-монаху. Как высоко ставил он веру, духовный сан! Переписка их исповедальна.

А нам на семинарах, уже в 1991-м он разъяснял суть атак времени. На священников, на военных-офицеров в ту "пригорбачёвскую" бытность. Нападки на церковь и храмы в прессе. Он говорил так: "Во-первых, необходимо отделять саму веру от персоналий (и в героическом строю попадаются неважные воины). Во-вторых, они, священники, рукоположены. А это значит, что те, кто оступился (из священноначалия) по иному счёту сами за своё ответят перед Богом. Ответят на суровом суде иначе, чем миряне. И, наконец, ещё одно, и главное – даже из ржавого крана течёт святая вода".

...Вечер памяти Лобанова в Спас-Клепиках открыл глава Екшурского сельского поселения Олег Викторович Закалюкин. На вечере выступил глава

администрации Клепиковского муниципального района Николай Владимирович Крейтин и многие другие. Много и хорошо говорили, тревожа аудиторию самыми насущными проблемами писателей и читателей.

Николай Дорошенко говорил об эстафете поколений, которая так много значила для Лобанова. От "Русского леса" Леонова и первой работы о нём Михаила Петровича до последнего леоновского романа "Пирамида". Вспоминал Михаила Петровича и Александр Евсюков, молодой, но давно уже крепко, уверенно пишущий автор. Он вспоминал учителя, его *опыты духовной биографии* "В сражении и любви". Прочёл свой рассказ "Один", посвящённый соловецкому острову Анзер. Подписал книгу в фонд музея Екшура при ДК. А вслед за ним легко и свободно выступала и читала свои рассказы Софья Гуськова, актриса Театра Российской Армии и тоже ученица Лобанова. Выступали и многие другие. Читали стихи и исполняли песни на стихи Сергея Есенина. Русские сарафаны, замечательные светлые лица. Праздник, даже при многочисленности приглашённых и присутствовавших в зале, получился камерным, уютным, почти семейным. Из родных в зале присутствовали брат по материнской линии Николай Агапов, дочь Михаила Петровича Марина Могутина и его внук Глеб, сказавший много хороших слов об открытии Дома культуры.

Впечатления остались самые добрые. И не только потому, что здание ДК на родине Лобанова так ново, так чисто и уютно. Построен и оборудован корпус на перспективу для встреч с писателями от СП России, желающими поехать в Екшур. С будущими посланниками, которые пойдут теми же дорогами от ДК Лобанова к храму. Теми путями, где хаживал Михаил Петрович. Сердце утешалось в Екшуре этим милым мягким гласным рязанским протяжным наречием. Так много "е" и "а". Округляют, бегут словеса, катятся. Освежают интонациями. Удобряют речь рязанцы метким народным словечком. Метафорой, пословицей. Щедро, даже с избытком порой. Так заметны, памятны мне эти говоры с детства. Особенно в присказках и поговорках.

Я впервые в Спас-Клепиках. Припомнились записи Михаила Петровича, где он говорит о своей родине из поездок, с чужбины. Записывает он из какой-то азиатской страны примерно так: дождь, дождь и дождь. Несколько дней. Включил телевизор. Там прыгающая цветная обезьяна. Скорее выключить. Почему так просится душа домой, на родину, в чём дело? А дело в том, что память здесь, на чужбине – пуста. Не цепляется, не может ухватиться за события. На родине всё узнаваемо. Увидел куст – там бегал в детстве босиком. Там всегда помнится сокровенное: как вон у тех кустов мама обморозила ноги, когда рубили дрова в лесу. Всё цепляет, всё тревожит и наполняет воспоминаниями душу. За границей же, среди пальм нет родовой памяти. Оттого и тянет так домой, к полноте сердца.

...Теперь и я побывал в тех местах его родных, о которых он говорил с такой любовью. Здесь он родился, здесь жил. К этой земле так сердечно был привязан. "На родной сторонушке рад своей воронушке", – метко замечали в народе. Даже и вороне-"воронушке", и то рад. Михаил Петрович если и отъезжал за границу, то всегда ненадолго, и стремился скорее вернуться домой.

Уверен, что рано или поздно Россия вернётся к подлинному осмыслению и переосмыслению наследия писателя, критика, публициста Михаила Петровича Лобанова. Переписка его с В. И. Беловым, В. П. Астафьевым, В. Г. Распутиным часто цитируется и издаётся. "Капитан Тушин", "боец на передовой" – по слову Юрия Павлова. Так жил, таковым и ушёл. Последние годы были особенно тяжелы. Быть может, если бы он продолжил преподавание в Литинституте и дальше, то и дни жизни продлились бы. Уверен, дело всей его жизни – обучение, воспитание (*воспитание* духовное) молодёжи – было прервано намеренно. Кто, по чьему замыслу и умыслу вынудил его, профессора, руководителя творческого семинара кафедры творчества Литературного института с 51-летним стажем, заслуженного работника Высшей школы России, почётного работника культуры города Москвы, написать в августе 2014 года это "заявление" на имя и. о. ректора? Эту "просьбу" "в связи со сложившимися обстоятельствами" *освободить его от занимаемой должности руководителя творческого семинара* "по собственному желанию". "Просьбу", ознаменовавшую наступление для Литинститута *новых* времён после ухода с поста ректора Б. Н. Тарасова и так дорого стоившую ему – фронтовику, наставнику с более чем полувековым преподавательским служением. С любовью

к делу, к своим "семинаристам" и – их любовью к нему, с его абсолютным литературным слухом... Горько.

Я часто беру его книги с дарственными надписями и разговариваю с ним через его строки. С живым. "Василию Килякову, который собирался впопыхах, а оказался на Олимпе. г. Владимир 2 апреля 1996 года. Приём в СП России". Такая вот, с юмором, дарственная надпись на его книге "В сражении и любви". Вся жизнь его – сражение и любовь. Оставалось ощущение, что он отдаёт всего себя, без остатка. Не соотносил себя с людьми, как теперешние "волчата-писатели" "с их плебейской, мутной и безотрадной прозой" (его выражение), а именно жил, проживал судьбу каждого ученика. Он набирал семинары, искал талантливых. Талант был главным критерием его оценки. О его всепрощении ходили легенды. Никогда не забыть, как он здоровался. Крепко, внимательно брал за руку. Глядел прямо в душу. Не выспрашивал, но каждое слово он видел. Именно видел, а не только слышал... Или такая дарственная запись на книге "Твердыня духа": "Дорогому Василию Килякову с сердечной благодарностью за внимание к моей литературной работе, что меня и трогает, и воодушевляет. Ваш Михаил Лобанов 21 апреля 2011 года. Литинститут".

Он был твёрд. Не "умел быть твёрдым", а именно был таковым. Мягким же казался только от любви, даже нежности к людям. Но жесткость была для него не характерна. Помню, как он подписывал мне "Оболганную империю" с некоторой застенчивостью умудрённого человека, для которого борьба – всё-таки не самое главное в жизни. А главное – Литература (Литература, которую ещё во время дискуссии "Классика и мы" в 1977 году он, единственный из писателей, по словам Юрия Павлова, трактовал через категорию тайны как высшей потребности души). Культура. Творчество. Чувство родины. Принимать Человека как "сколок" образа Божьего – вот что было важным в его жизни. Понять эту тайну Божью – Человека. Разоблачив, преодолеть эту пропасть между величием и низостью человеческой. Да разве же разоблачению этой тайны не стоит посвятить жизнь и в самом деле?! Величие человека – в его мечте, в стремлениях сердца.

...Что за тайна – он сам? Откуда вообще в русском народе эти вспышки-явления великих праведников и святых? Эти таланты из недр народных? Эти явления Духа? Среди нищеты, кромешного голода рождается в селе Иншаково в рязанской глуши мальчик. Под крышей из дырявой щепы или соломы, продуваемой всеми ветрами. Мальчик, который сам находит и выбирает, что ему прочесть, чтобы сформировать и "огранить" характер. Пишет первые рассказы в четырнадцать лет. А после войны, фронта, уже студентом, посылает последнюю краюху хлеба родным, матери и малолетним сводным братьям. В пять лет он остался без отца (мать, имея двоих детей, вышла замуж ещё раз – за вдовца, у которого было и своих пятеро, чтобы родить ему ещё четверых). По свидетельству родных, он сам, младо-воин, еле-еле стоял на ногах от постоянного недоедания. А средний сводный брат Валентин, иногда, путаясь, называл его папой. В письмах ему он так и писал: "Остаюсь, твой сын Валя..."

Что и как он читал в то время, о чём размышлял? И что это было за время, дальнее, почти былинное, когда к семерым – среди беспросветного труда и недорода, голода – рождали ещё четверых? И жили! И при этом – гордость его, Лобанова, за нацию, за "цементирующую все народы и республики" силу. Любимое слово его и высшая похвала поступка или писателя: "Настоящий русак!" С 90-х годов я слышал эту его похвалу подвигу того или иного человека, писателя, совсем нечасто. Мало кого он удостаивал таким званием, произнося эти слова. И как же оскорбляло его нынешнее засилье и эта дикарская "игра" – война на литературном поле – ныне живущих, повторяю, молодых "волчат" в литературе и в жизни. Помню, с каким недоумением – может же такое вообще случиться! – передал он мне однажды книгу "Десятка", в которой разве только Захар Прилепин не выпустил матерный рассказ, избежал этого. Как он, мастер литературного слова, был поражён, изумлён! Будто при нём поругали его святыню.

Литература была для него на втором месте среди святынь. И вдруг такое... Что же оставалось? Ему самому написать разгром на этих "волчат", тем самым давая им рекламу своим именем? Он выбрал другой путь – в противовес выпустил сборник своих выпускников "В шесть часов вечера каждый

вторник". В этом сборнике под эгидой Литинститута он собрал прозу многих своих дипломников. В июле 2013 года книга вышла в свет (помощницей в литературной работе была супруга Татьяна Николаевна). Ответ был достойный. Сверх того – явная, "чистая" победа через книгу в этом споре о нравственности. Не заочно, а делом – в этом весь М. П. Лобанов. Ответить, дать отпор, но ответить нравственно, достойно. Сопротивляться всячески "просвещённому мещанству" и особенно – непросвещённому.

Продолжим вспоминать под мемориальной доской в Екшуре. Первые рассказы Лобанов публикует в четырнадцать лет в газете "Колхозная постройка" (эти рассказы 1940-1941-го годов были представлены в лобановской экспозиции в фойе ДК. Их разыскала, как я узнал, старейшая сотрудница Спас-Клепиковской районной библиотеки Г. Н. Ликий). В 1943-м – спецкурсы под Уфой и отправка из пулемётного училища стрелком на фронт. Август того же 43-го, Брянский фронт. Курская дуга. Разрыв мины и тяжелейшее ранение при наступлении. По его собственным воспоминаниям, правую руку он, едва живой после атаки, "нёс, как ребёнка", от нестерпимой боли прижимая к груди. С трудом выбрался – повреждена кость. В конце войны, после увольнения из армии, этот мальчик из Иншаково девятнадцати лет поступает на филфак МГУ, который окончит с отличием. Однако в 1949-м он выберет не литературоведческие штудии, а совершенно иной путь. Получит назначение в ростовскую газету "Молот" – этого он и добивался.

Ростов. Вёшенская. Михаил Шолохов. Первая супруга с младенцем отказывается следовать за Лобановым и съезжать от матери "на пустую кочку".

Потрясённый "Тихим Доном", он собирает материалы для исследования о великом романе. Встречается с Шолоховым, которому напоминает, что тот по матери – тоже рязанский. "Не, – ответил гордо Михаил Александрович, – нет, я казак! Во мне нет мужицкой крови". И смешно, и трогательно... И ростовские степи, и Дон очаровали Лобанова совершенно. С трепетом из окна поезда разглядывал он те места, где Гришка Мелехов сажал хлеб и воевал. И там, в Ростове, происходит главное событие его жизни, о котором он напишет в книге "В сражении и любви". В одиночестве, обессиленный голодом и ослабленный ранением, переживает он тяжёлую форму туберкулёза. Не было сил пройти насквозь маленькую съёмную комнату, просто пройти от стены до стены. Из редакции его изредка посещали, приносили немного еды. Кровь шла горлом. Необычайная слабость из-за голода, едва ли не исход. И вдруг открываются высшие, непостижимые сферы. Об этом он говорил мне и писал гораздо позже, переосмысляя произошедшее, в той же книге – "В сражении и любви". "Благодать", – изречёт, вспоминая об этой грани жизни и смерти. И навсегда это чувство останется с ним, станет его путеводной звездой.

В самое жестокое для страны время 1991–1996 годов студенты учились у него стойкости, "непробиваемой" выдержке, стоической в православном понимании. Самое суровое время, если отсчитывать от окончания прошлой войны, – это 1996 год. Из далекого пригорода, из самой Электростали я ехал, шёл по метро по этим улицам великого града Московского, превращённого в помойку, мимо угрюмого памятника Пушкину, с немым укором склонившего голову, шёл к Литинституту. Каждый вторник, в шесть вечера. К Лобанову. На семинары. В душе – смятение. Столько ропота и недовольства... А главное – зачем жить?! "Василий, пиши". "Ты должен, обязан писать, несмотря ни на что. Пиши из себя, своё". Он словно отмывал, отстирывал и бережно отжимал наши души. И они снова вспыхивали, как ландыши, по есенинскому слову... Духовная баня. Этот жест его искалеченной на фронте правой руки, жест вперёд, как бы отдающий всего себя, – разве его забудешь?! Он как будто отдавал нам, отнимая что-то от себя, быть может, снова последнее. Как прежде, мальчишкой, инвалидом Отечественной войны, посылал свой паёк младшим братьям, так теперь он делился с нами хлебом своим духовным. Как и прежде, в военное и послевоенное время, отдавал последнее сводным братьям, так и теперь – ученику-"семинаристу" Василию Килякову.

Вижу его, как держит он очки за дужку. Плечистый серый рябенький пиджачок. Отеческий взгляд с таким порой состраданием, от которого сжималось сердце, – таким, что и не передать словом. Всех выслушает, а затем взвешенно, с высоты огромного опыта, даст своё заключение. И тогда такие тончайшие пружины жизни становились отчётливо скрипучи, слышны и зримы. И оторопь брала: как же я-то этого не заметил? И вроде бы знал и видел

то же, что и Лобанов. Но – не так цепко смотрел, что ли... Акцентировать, обобщать не умел? Прошёл мимо. И за "пустяки" почёл многое, за что-то, не достойное внимания. А вот он, Лобанов, посмотрел и – увидел. Он словно с другой стороны показывал предмет, со стороны совсем неожиданной. И тогда мы, ученики, обмирали от внутренней радости, от понятого, раскрытого нам во всей полноте Предмета.

"Предмет, предметность". Он любил это слово – Предмет. Предмет как Божье изделие. Предмет как фактура – не выдуманное, а пережитое. Божье попущение или же веление. Пережитое, обдуманное, внутренним жаром опалённое. Высказанное на бумаге становится полновесным и только твоим. Слово благодатное, лобановское, слово *большого художника*. Любое, грубое и тонкое, он чувствовал. Надо возвращаться, возвращаться как можно чаще к его наследию. Бывать на его родине, непременно. Строг он был и к себе, и к "писательскому цеху" необычайно. Как тонко и со знанием дела, как пристально наблюдал он – до самых мелочей. И слова, и поступки оценивал. И как же русские писатели дорожили его мнением!

В. П. Астафьев просил его написать предисловие к своей книге "Последний поклон". Его переписки с В. Г. Распутиным, В. И. Беловым – бесценны... Уверен, не было писателя, который не желал бы, чтобы о нём написал сам Михаил Петрович Лобанов. С содроганием думаю, сколько потеряла литература оттого, что он был загнан в "ЖЗЛ". Но вот – написал "А. Н. Островского", "С. Т. Аксакова" – и опять промыслительный подарок. Это не просто биографии "русофилов", любимых писателей. Они связаны, навечно стянуты с насущным временем, через "идеологическую борьбу между либералами, западниками и почвенниками". Издавна тлела эта война и необычайно ярко вспыхнула в начале 90-х. И всё же – литература превыше этого... Выше только сам Христос...

Лобанов выслушивал нас. Он знал, что в августе 1992-го радиостанцией "Немецкая волна" за литературный конкурс, объявленный "Дойче Велле" в газете "Труд", я был приглашён в Германию и два месяца учился языку в Гёте-институте. Такая была объявлена мне "награда". Интересный "подход" у немцев: обучить лауреата-писателя своему языку, показать свою культуру русскому молодому писателю. Это же не просто посыл. Тут всё с дальним прицелом: влюбить в себя, очаровать... А мы свой язык в школах и вузах сокращаем. Может быть, мы уже завоеваны? "Как же ты выдержал, – спросил Лобанов при первой встрече. – Я и двух недель там не прожил бы, в этом "погружении в чужбину"...

И попал в самую точку. Пришлось признаться, как я был поражён обилием пищи и вещей, особенно в западной части. Обилием совершенно ненужным. Излишеством, которое некуда деть. Сорок пар носков одного размера и всяческой раскраски. В это же время в нашей стране – крупа была по карточкам, по два кило в руки, мыло по куску в месяц. Водка и табак – только у спекулянтов с шестизначными астрономическими ценниками. А там – сияющие бронзовым и золотым отливом здания. Блистающие машины на промытых с шампунем шоссе.

А затем я поделился наблюдением, что при всей их сытости... Глаза у них пустые. Как пластмассовые пуговицы на пальто. Улыбки натянутые. Доброжелательность фальшивая. И я так соскучился по родине, что нашёл уголок на Хайденбергштрассе с берёзкой и небом. Снимал ботинки и садился босиком на траву у берёзки, чтобы не было видно небоскрёбов, чтобы сердце отошло. Ах, Рязань, Рязань моя... Как же я заболел ностальгией. Эта ностальгия тяжелее всех болезней, даже и с COVID-19, вместе взятых. Я купил приёмник и держал его под подушкой. Частушки Трухиной меня лечили, помогали хотя бы заснуть.

Никогда не забыть тот взгляд, с которым он слушал. Он был чуток к людям. К ученикам в особенности. И это тот человек, который нашёл и выбрал для учёбы в своём мастер-классе даже Виктора Пелевина! Разве это не демократизм? Подлинный, честный. Казалось бы, что у них общего? В его духовных теплицах росли и согревались всякие, даже самые причудливые и необычные цветы. Лишь бы жила теплица среди мороза. Пусть и по-гаршински с "Attalea princeps"! Лишь бы был плод. Думаю, мы увидели бы совсем иного Пелевина, если бы он доучился у Лобанова. Ярче, содержательней, глубже.

Михаил Петрович был скромен удивительно. Никаких подношений не терпел, не брал. Однажды один из нас, дипломников, "просачковал", не принёс преддипломную работу, что было обязательным. Тогда студент догадался: купил дорогой японский кассетник-магнитофон, записал беседу трёх старух в электричке. Переписал-переложил их диалог, чуть подредактировал и принёс Михаилу Петровичу, выдав за "эксклюзив". Я никогда не видел прежде учителя таким рассерженным. "Что это? – спрашивал он, возмущаясь. – Это что?" – "Повесть", – робея, отвечал студент. "У Вас защита на носу, а вы приносите мне запись какого-то обывательского партсобрания!" Тогда студент не нашёл ничего лучше, как предложить: "Михаил Петрович, а можно я Вам свой дорогой кассетник принесу. Чудо, что за магнитофон! Настоящий японец!" Взрыв ещё большего негодования потряс стены аудитории: "Конечно, несите, да поторапливайтесь. Ваш магнитофон. Но в бумаге, в виде хорошей повести или – рассказами! Вот ещё выдумал! Магнитофон!"

Однажды был я свидетелем, как заочники, собравшись во вторник, разложили ужин. Сухую колбасу, хлеб... Удивительно совпало. Все работали и учились заочно. Один привёз горячие батоны с пекарни на Новослободской. Другой – колбасу сухую черкизовскую. Третий – молоко лианозовское. Пир горой. Я с удовольствием кусал, ломал, резал и жевал с моими гостеприимными друзьями. Михаил Петрович, в очках, лицом к нам, просматривал рассказы и повести к предстоящему обсуждению. Снедь была до того вкусна, что я не удержался, нарезал бутерброд, налил чаю из термоса, принёс и поставил перед ним. Он молча посмотрел на меня и вновь углубился в чтение. Ребята поняли мой жест доброй воли по-своему. И вот уже угощением был заставлен первый стол, и мы с радостью ждали похвалы. Как же, поделиться – первое дело. Не тому ли учил он нас всегда? Каково же было наше удивление, когда, дочитав рукописи, глядя пристально нам в лица, он несколько рассерженно и деловито сказал: "Так, всё? Всех присутствующих переписать в журнал. И убрать всё это! Какое-то паломничество, честное слово!" Это его точное "паломничество" никогда не забыть.

Позже приходил к нам на семинары о. Дмитрий Дудко. Невысокий, необычайной крепости и энергии священник... В широкой, в пол, епитрахили. Семинар в день первой нашей встречи длился часа четыре... О. Дмитрий пытливо и молодо переходил, почти перебегал от парты к парте к каждому студенту в аудитории Литинститута, отдельно каждого спрашивал сам. И отвечал на вопросы с шутками, чем всех нас сразу очаровал. Вразумлял нас, молодых остолопов. Реагировал мгновенно. Это в его-то годы, которые принято называть "преклонными".

М. П. однажды рассказывал, как в конце 80-х годов оказался с выпускником своего семинара Женей Булиным (ныне протоиерей отец Евгений, настоятель храма Михаила Архангела в селе Загорново в Подмосковье) и Николаем Тетеновым из США в подмосковном Черкизово, где служил в храме и проводил беседы с молодыми прихожанами священник Дмитрий Дудко. "Устали в тот день смертельно, – рассказывал Михаил Петрович, – после долгого ночного разговора лёг я на диван в небольшой комнатке батюшки, за тонкой дощатой переборкой, отделявшей нас. Так устали от переездов и выступлений, – словом, "вряд до места", как говорят, до кровати добраться бы. Проснулся вдруг от какого-то еле уловимого движения, шёпота. Отец Дмитрий подождал, пока все заснут, утомлённые заботами и хлопотами дня. Встал и – молится, молится, молится...".

Затем я прочитал об этом эпизоде в его книге "Твердыня Духа". И здесь он уже не говорит про усталость. Сколько скромности в этом эпизоде о "недосягаемости" священника нам, мирянам, в духовном надмирном плане. Священник, который, молясь, как бы перемещается в высшие сферы – в сферы Духа. Как непритворно уважал он сан иерейский, монашество, благоговел перед подлинным старчеством. И как чужд был сам всякой гордыни, превозношения. Вот эти строки – сосредоточенная "внутренняя" сокровенная интонация его, которую, конечно, почувствует и читатель: *"Уже в конце 80-х годов мы втроем – выпускник Литературного института Женя Булин (ныне отец Евгений), Николай Тетенов из США, редактор журнала "Русское самосознание", – и я приехали в подмосковное Черкизово, где служил в храме Димитрий Дудко. После вечернего богослужения, трапезы с участием большой группы молодёжи – духовных детей батюшки – мы отправились на ночлег.*

Я лежал на диване, а за перегородкой стоял отец Димитрий и полушёпотом читал молитвы. Днём мы прогуливались с ним по берегу Москвы-реки, удивительно широкой здесь, разговаривали на разные мирские темы, для меня он был Дмитрием Сергеевичем, чуть ли не коллегой по литературе. И вот теперь, слушая за перегородкой молитвы отца Димитрия, я почувствовал недосягаемость его для меня, и все наши недавние дневные разговоры были как будто с другим человеком. Было уже за полночь, глаза мои слипались, одолевал сон, я со всё меньшим вниманием прислушивался, а он всё молился, молился, молился..." ("Твердыня Духа". С. 940)

Творческий конкурс в Литинститут в 91-м был, к моему удивлению, пройден сразу на два потока: к Евгению Сидорову на критику и к Лобанову на прозу. Собеседование было последним из пяти. И решающим – мастер сам выбирал учеников. "...Так у кого же ты желаешь учиться?" – был задан вопрос на этом экзамене. По результатам творческого конкурса и этого последнего экзамена преподаватели, включая "оппонентов", пытливо присматривались к каждому студенту. В ту пору литература и сами писатели были в большой цене. Писатели были интересны, ценимы, уважаемы, они задавали тон и направление мысли, к ним прислушивались. На них настраивались. А. Б. Чаковский – и тот собирал огромные залы. Теперь его вряд ли кто вспомнит, а тогда...

Пройдя творческий конкурс, сдав экзамены, я задумался. А подумать было о чём. Вспомнил "синтез", синтетику Сидорова, какое-то многословие, от которого в душе ничего не осталось. И полнокровные, полные энергии и жизни книги Лобанова. Конечно, я мечтал печататься. И ясно было, что Сидоров (в случае поступления к нему) может открыть широкие врата в издательства. А Лобанов? Лобанов научит писать. И тебя не напечатают, наверное... И, конечно, ты будешь сам биться в редакции. Такому человеку не скажешь: помоги, устрой рукопись.

– У Лобанова. Только у Лобанова, – сказал я приёмной комиссии.

"Оппоненты" Мариетта Чудакова и Анатолий Приставкин недовольно переглянулись, заёрзали за широким столом, крытым зелёным сукном:

– А почему?

– Я хочу быть плотником. Учеником плотника (я намекал на Писание).

– А столяром? – парировал Приставкин.

– Столяр – это иное... Не о столярном рубанке и клее речь...

И я увидел, как он, Михаил Петрович Лобанов, сидя с краю и улыбаясь, подмигивает мне, но так, чтобы никто не мог увидеть. Тем глазом, который обращен ко мне, в мою сторону... Но так скрыто и задорно, что и мне самому стало весело. Подмигнул мне, чтобы никто не заметил! Было в этом нечто от пушкинской шутки и от есенинского озорства... Какая-то забота отца была в этом забавном подмигивании. Теперь-то понимаю, что я волновался перед столь представительной комиссией, в которой не знал и половины докторов наук и профессоров... И запомнил его заключительные слова, сразу снявшие напряжение:

– Хороший плотник, он же и столяр. И критику не оставим, и прозу подтянем. Берём!

Он учил, что литература – не забава, а сама жизнь. Точнее, ток этой жизни, её кровь – Литература (именно так, с большой буквы. Не игра в "сюр" и "пост", поиск самого фермента, наблюдение, способность убеждать образами). Литература – то, на чём воспитываются поколения. Как на его любимом "Тихом Доне", не случайно он и перед самым своим уходом вернулся именно к этой книге. Отними у нас классику: музыку, поэзию, прозу – и мы никто. Не нация. Не оттого ли немцы рассеивают по всему миру свои языковые центры, "Гёте-институты", перевербовывают в свою веру, добиваются поклонения своей культуре?..

...Однажды он пришёл на семинар чернее тучи. Из лазарета больничного. Было это так. Семинар во вторник накануне отменили, случай – редчайший. Лобанов был во вторник всегда, вёл семинары, что называется "без дураков". Приди я один или любой из нас. Он два-три часа, как по обыкновению, вёл бы семинар, не считаясь со временем, для одного. И вот – семинар отменён. Это случилось в канун дня и ночи расстрелов октября 93-го. Мобильных телефонов тогда не было, а оповещали студенты друг друга по стационарным. И вот известие, горькое: Михаил Петрович

лежит в клинике с серьёзным диагнозом. Лёгкие. Он периодически ложился на диспансеризацию, но тут открывшиеся каверны. Ноябрь, снова затемнение лёгкого. И вот атака на Белый Дом – и объявление из деканата: "Лобановцам-семинаристам собраться во вторник на семинар. Непременно". Конечно, тайная радость сначала. "Значит, подлечили..."

И вот вошёл. Высокий. Голова по обыкновению чуть закинута назад, но в тот день более обычного, что значило: он внутренне напряжён. Повесил гороховый плащик на вешалку в аудитории. "Все собрались?" – "Все". И вдруг – вскинув брови, стоя: "Стрельба. В столице! И это – в самом центре Европы! В Москве! По своим. По народу! Я никак не мог понять, что это... – взволнованно говорил он нам. – Какой позор на весь мир! Как в какой-нибудь Замбии или Бангладеш! Что происходит?!"

Оказалось, что там, в больнице (куда он периодически ложился и подлечивал лёгкие, с той давней болезнью, что он болел в Ростове, переросшей в хроническое недомогание, мучавшее его), он по окончании процедур вышел в зал клиники. В стационаре смотрели "Новости". Он никак не мог понять, отказывался верить, что это будни Москвы октября 1993-го. В тот же день он покинул больницу, не долечившись. Просто ушёл, кашляя и задыхаясь... Он и с нами говорил в тот день, подкашливая... Бледный. Серый лицом.

Но об этом мы узнали лишь спустя годы. После стрельбы по Дому Советов (он не переносил слов "Белый Дом" – этакого реверанса Америке). И я через годы снова переживаю, вспоминая об этом. В этом он весь: ушёл из клиники, не завершив поправку своего здоровья, чтобы успокоить нас, своих учеников.

Не все разделяли его убеждения. Даже не так: разделяли немногие. Не всё было гладко в преподавании, периодически слышались провокационные вопросы от студентов. И как же было стыдно за вопрошающих "с подтекстом". И жаль было его. Он отвечал им порой смущённо, но всегда взвешенно и доходчиво. Очень сдержанно и корректно, явно жалея их самолюбие. Конечно, он мог ответить – отбрить так, что только держись. Но не уничтожал. Но тогда собеседник был бы осмеян, взбешён, затаил бы ярость. И носил бы камень за пазухой. Он вообще никогда не давил, не навязывал своего мнения. Каждый шёл своим путём...

"За всю жизнь мне так и не пришлось встретить человека, который бы с таким чутким вниманием, граничащим с отцовской любовью, относился бы к творчеству своих подопечных. Для него все мы, невзирая на лица и возраст, национальность, убеждения и на меру таланта – были учениками, его студентами, по-родственному близкими, за которых – и это ощущал каждый – он нёс какую-то высшую ответственность, своим собственным примером являя нам исполнение нравственного закона. В то безбожное, полное политического лицемерия время он был для нас евангельским самарянином, который врачевал наши души, возливая на их немощи вино своей мудрости и елей любви". Прочитал недавно в журнале "Славянка" (2018, № 1) эти слова выпускника семинара Михаила Петровича 80-х годов Сергея Тимченко из его статьи "Лобановская твердь" – предисловие главного редактора к открывавшейся в журнале новой рубрике – "Лобановские чтения". Как это верно! Нёс какую-то высшую ответственность, всем примером своим являя её исполнение. "Нравственный закон" – как это точно сказано! Мудрость и такт Лобанова были как будто не от мира сего.

И вот – Екшур, Дом культуры в его родовом селе. Неужели что-то меняется? Неужели мы выбираемся, выходим, выдираем ноги из этого, дольше четверти века сдерживавшего нас болота невежества и халтуры? Но попытки выдраться были и раньше. Я знаю, что Президент наградил его высокой наградой. Но, наградив, вылетел в Екатеринбург... открывать Ельцин-центр.

Тайна жизни всякого человека "велика есть". А Михаила Петровича Лобанова – втройне... Всё пытался найти, объяснить себе, в чём кроется эта тайна? Тайна его избранничества. В тяжкой боли и последствиях военного ранения? В туберкулёзе? Откуда ему этот дар и наказание – боль русской души за весь свой народ? Эти мука и благодать... За тяжко прожитую жизнь. От стены до стены в нанятой ростовской квартирке – дистанция длиною в жизнь. Оттуда "Твердыни духа", оттуда "В сражении и Любви". Бессребреник. Избранник Божий через страдания. Его сила, его корневая система помогли ему вынести то, что творилось и со страной, и с отдельными людьми. Выдержать то,

чего иные и не поняли, протерпели, как терпит растение или животное... Четверть века после той пресловутой "перестройки". Чтобы учеников вытащить и образовать. Не "образованцами" отпустить в жизнь, не "просвещёнными мещанами".

Скольких он вывел из окружения, сохранив и знамя, и честь?! Сколько их было, спасённых им душ, за пятьдесят один год его преподавания в Литинституте! Из того страшного времени "озверения", окружения он вывел нас за руки, под руки. Никто не сел. Кто не научился писать, тот не пропал. Порукой тому – одно из последних его интервью, с крепким и недвусмысленным названием: "Наш народ попал в талмудистскую западню" (газета "Русский вестник" в № 5 за 2015 год – отрывок из большого интервью выдающегося писателя). Поистине, *ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы.*

Иногда живу так, как жил он. Точнее, пробую так жить. Пытаюсь... Так, чтобы, совершив тот или иной поступок в жизни или в писании, Видеть и Слышать сквозь тусклое стекло... Так, чтобы никогда не было стыдно за содеянное, за сделанное, сказанное или написанное. И тогда я думаю: если здесь и сейчас я поступлю именно так, а не иначе, одобрил бы меня Лобанов? И как же трудно жить без компромиссов! Тогда не жизнь, а Предстояние, служение. Окопная земляная правда под высоким небом, под звёздами. И нет укрытия ни для одной мысли, ни для одного деяния, ни для одного движения души. Очень непросто жить так. Даже если – только временами. В этом вечном движении и кружении жизни забываешь и отпускаешь момент, как монах порой забывает о чётках. Как сложно, как архисложно жить не минутными потребностями, а вечностью, дыханием вечности. Это как стоять в морозную ночь на камне и молиться. Не отпускают обязанности, привязанности и дела. А как же он? А он?..

А он жил так всегда.

К 95-летию М. П. Лобанова

МИХАИЛ ЛОБАНОВ

БЛАГОСЛОВЕННО ВСЁ ДОБРОЕ НА ЗЕМЛЕ, ВСЁ СОСТРАДАЮЩЕЕ И МИЛОСЕРДНОЕ

Из последней автобиографической книги[1]

Убеждение

Как в жизни, так и в литературе больше всего хранится в памяти людей то, что затрагивает сокровеннейшие чувства человека, связано с тем, что принято называть "нравственным законом в сердце человека". В данном случае, с чувством жалости. Ведь Сам Христос "увидел множество людей и сжалился над ними, и исцелил больных их" (От Матфея, 14, 14). В рассказе Толстого "Смерть Ивана Ильича" весь пафос обличения (прожитая фальшивая жизнь героя-чиновника; лицемерный траур чиновников при похоронах сослуживца; раздражение больного отца цветущим здоровьем дочери, пришедшей к нему со своим женихом) – всё это затмевается пронзительной жалостью-любовью умирающего к своему маленькому сыну-гимназистику.

Свойственная русской классической литературе этическая чуткость одухотворяла и лучшие книги литературы советского периода, рождённые в грозовое время эпохи. Как пароль своего революционного времени, была такая популярная песня:

Наш паровоз, вперёд лети,
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

Но какой простенькой агиткой выглядит этот паровоз в сравнении с тем паровозом в рассказе Андрея Платонова "В прекрасном и яростном мире", который мчится сквозь объятое грозой пространство: "Мы теперь шли навстречу мощной туче, появившейся из-за горизонта. С нашей стороны тучу освещало солнце, а внутри её рвали свирепые, раздражённые молнии, и мы видели, как мечи молний вертикально вонзались в безмолвную дальнюю землю, и мы бешено мчались к той дальней земле, словно спеша на её защиту. Александра Васильевича, видимо, увлекло это зрелище: он далеко высунулся в окно, глядя вперёд, и глаза его, привыкшие к дыму, огню и пространству, блестели сейчас воодушевлением. Он понимал, что работа и мощность нашей

машины могли идти в сравнение с работой грозы, и, может быть, гордился этой мыслью".

Такова и была революционная советская эпоха, яростная – в своём героическом порыве "к той дальней земле, словно спеша на её защиту", и "прекрасная" – в своей глубинной человечности. Машинист Мальцев, управляя паровозом курьерского поезда, в грозу от удара молнии теряет зрение; не замечая предупреждающих сигналов, случайно избегает катастрофы. На другой день он снова стал видеть, и как виновника за возможное крушение с гибелью сотен людей его судят и сажают в тюрьму. Помощник Мальцева Костя, свидетель его внезапной слепоты от удара молнии, уговаривает следователя провести экспертизу над зрением Александра Васильевича в специальной физической лаборатории. В результате опыта он опять стал слепым. Оба тяжело переживают случившееся. "Я не знал, что мне придётся доказать невиновность человека посредством его несчастья, – сказал следователь. – Это слишком дорогая цена". Костя, у которого при известии о беде "мгновенно сгорела душа", думает о Мальцеве: "...я хотел защитить его от горя судьбы, я был ожесточён против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека <...> я видел, что происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни гибельных обстоятельств, и эти гибельные силы сокрушают избранных, возвышенных людей <...>. И я пришёл в ожесточение и решил воспротивиться, сам ещё не зная, как это нужно сделать".

Первым шагом в этом делании стало то, что Костя, ставший сам машинистом, берёт своего бывшего учителя в рейс. "Когда мы тронулись вперёд, я посадил Александра Васильевича на своё место машиниста, я положил одну его руку на реверс и другую на тормозной автомат и поверх его рук положил свои руки. Я водил своими руками, как надо, и его руки тоже работали. Мальцев сидел молчаливо и слушался меня, наслаждаясь движением машины, ветром в лицо и работой. Он сосредоточился, забыл своё горе слепца, и кроткая радость осветила измождённое лицо этого человека, для которого ощущение машины было блаженством".

Читатель, знающий, что значит для платоновских героев паровоз, работа машиниста, не сочтёт за фантастику, литературный эффект то, что в конце рейса Мальцев начинает видеть свет, – от прикосновения к тому, что сам писатель в "Одухотворённых людях" назвал "высшей жизнью".

Андрея Платонова надо перечитывать. Он даёт то, чего нет в современной литературе, погрязшей, за редкими исключениями, в житейской мелкотравчатости, пошлости, безнравственности. Как Есенин – противоядие мертвящей рационалистичности, рассудочности, космополитичности сознания, так Платонов – защита, утверждение таких основополагающих христианских качеств, как любовь, сострадание, жалость. В его рассказе "Возвращение" говорится о перевороте в герое под влиянием сострадания: "Он узнал вдруг всё, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся её обнажившимся сердцем". Обнажённая боль на человеческое страдание[2]. Особенно болезненна реакция писателя на детские беды. Прошка из "Происхождения мастера" и Петрушка из "Возвращения" похожи друг на друга, обоим – по двенадцать лет, но у каждого "разум выше его детства", павшего у одного на голодные годы, у другого – на Отечественную войну. Оба – уже маленькие мужички, рассудительные и хозяйственные, освоившие роль хозяина в семье без отца. Встреча и разговор машиниста Захара Павловича с "побирушкой" Прошкой завершилась для него разочарованием в своём прежнем убеждении "в драгоценности машин выше любого человека"[3]. Мальчик при всей своей бойкости, бесцеремонном попрошайничестве уязвил его душу словами всё о том же хлебе, о младших братишках-"нахлебниках", которых он должен кормить сортировкой подаяния, из которого для себя откладывает худшее. Нерадостной думой провожает он уходящего в свой путь мальчика.

"Прошка уходил всё дальше, и всё жалостней становилось его мелкое тело в окружении улегшейся огромной природы. <...> Прошка пропал на закруглении линий – один, маленький и без всякой защиты. Захар Павлович хотел вернуть его к себе навсегда, но далеко было догонять. <...> Захар Павлович никак не мог забыть маленькое худое тело Прошки, бредущего по линии в даль, загроможденную крупной, будто обвалившейся природой. <...> Он видел жалобность Прошки, который сам не знал, что ему худо, видел железную

дорогу, работающую отдельно от Прошки и от его хитрой жизни, и никак не мог понять, что здесь отчего, только скорбел без имени своему горю. <...>

Тот тёплый туман любви к машинам, в котором покойно и надёжно жил Захар Павлович, сейчас был разнесён чистым ветром, и перед Захаром Павловичем открылась беззащитная, одинокая жизнь людей, живших голыми, без всякого обмана себя верой в помощь машин".

* * *

"Все мы одинаки", – сказано где-то Толстым. Но о том же Толстом известный протоиерей Иоанн Восторгов (расстрелянный после Октябрьской революции троцкистами за свои русские патриотические убеждения), отмечая "несомненный великий дар художественного творчества" писателя, говорил, какая пропасть лежит между двумя людьми – тем же Толстым и Иоанном Кронштадтским. "Какая разница жизни и деятельности" "двух пророков": "одного слугу Христова, другого – антихристова, одного – как служителя духовного созидания, другого – как мрачного гения отрицания и разрушения" (Святые черносотенцы. М., Институт русской цивилизации, 2011. С. 703).

Из своего опыта долгой жизни я вывел три принципа, по которым можно разделять людей: совесть, благодарность, убеждение. Во всей своей жизни я не знал примера совести более показательного, сильного, чем поведение моей бабушки по матери – бабушки Анны (это было в 30-х годах прошлого столетия), которая, узнав, что нашей матери с её кучей детей предлагают переселиться из барака в большой, раскулаченный дом, сказала строго: "Не смей, это не твой дом. На чужом горе не жди добра". Так и осталась мать ютиться в барачной комнате с оравой детей.

Совесть, как глас Божий, руководила русским народом в его исторической жизни, была опорой его моральных сил в противодействии неправде, социальной несправедливости, была грозным знаком возмездия своим поработителям. Митрополит Антоний (Храповицкий), необычайно высоко ставивший Достоевского как христианского писателя, говорит о нём (в статье "В день памяти Достоевского"), что он "учил нас прежде всяких теорий слушать голос своей совести", был убеждён, что "у русского человека преимущественно пред всеми народами развито чувство милосердия и сострадания", чувство "жалостливости" (Митрополит Антоний (Храповицкий). Сила Православия. М., Институт русской цивилизации, 2012. С. 360, 444).

В повести В. Астафьева "Где-то гремит война" женщина-сибирячка получила похоронную на мужа (время действия – 1942 год). Молит семнадцатилетнего племянника навестить её. И вот между ними происходит знобящий душу разговор. Она "надумала удавиться". Её маленьких детей "приберут в детдом, кормить, одевать станут. А то и мне смерть, и им смерть". Потрясённый тёткиной мыслью о самоубийстве, племянник надрывным криком хочет перебить безумие несчастной, но сам вместе с нею мается в ставшей общей беде. Вот оно, пронзительное чувство русского сострадания, жалости.

В другой повести В. Астафьева "Кража" говорится: "Мальчишка, конечно, и не подозревал, что сейчас в нём пробудилась и заговорила российская жалость, та ни с чем не сравнимая жалость, которая много вредила русским людям, но и помогала сохранить душу, оставаться людьми".

Чувство жалости у меня было с раннего детства. Жалость к гусям, которых разводили в доме бабушки Анны, где мы тогда жили с матерью после смерти отца[4]. Я пас гусей неподалёку от дома, на лугу (называли его стариной), и дядя Федя, занимавший с женой и маленькой дочкой отгороженную перегородкой комнату в пятистенной избе, странно шутил: вот скоро твоих гусей будем резать. Я злился, как-то ответил ему безобразной глупостью: "Зарежь свою Нинку" (эта дочка его рано умерла). Дядя страшно рассердился, назвал меня дураком, но после уже не повторял свою шутку.

Жалел мать, когда она вышла замуж за мужа своей подруги, просившей её перед своей смертью не оставлять сиротами пятерых её детей (и мать исполнила её просьбу, и все они, Агаповы, называли её матерью). Долго я не хотел уходить из бабушкиного дома, но зная, как переживает это мать, всё-таки перебрался в барак. Помню, как однажды, выйдя на улицу, я обернулся и посмотрел на окно и, видя открытую форточку, возвратился в комнату,

боялся, что мать простудится, может заболеть и умереть. Это был какой-то приступ страха, что мать может умереть.

Вообще, с матерью в моей жизни связаны какие-то особенные, почти мистические переживания. Когда-то (кажется, в 60-е годы) дочка моего двоюродного брата по матери Бориса Конкина, учившаяся в музыкальной школе, записала на плёнке пение моей мамой русских старинных народных песен, и вот приехавший ко мне её отец, желая порадовать меня, включает запись, что-то пискнуло, и меня как током ударило! "Перестань!" Голос мамы, а её нет! Жутко! Не только слушать, но и не мог держать эту запись у себя. Передал её самому младшему брату Александру, который и хранит её у себя дома.

Когда я после ранения на фронте и госпиталя уезжал в 1944 году в Москву учиться в МГУ, дед по матери Анисим Иванович Конкин, работавший машинистом на местной ватной фабрике, провожал меня сердитыми словами: "Учиться поехал, а кто матери помогать будет? Посмотри на неё, почернела вся". Мать молчала, понуро опустив голову. С нею оставалась куча детей. И эта мелкота, и сама она больно пощипывали мою душу все пять лет моей университетской жизни, и, бывало, когда я приезжал к ним на каникулы со сбереженными белыми батонами (иногда их давали нам как инвалидам Отечественной войны по талонам вместо чёрного хлеба), все получали по куску невиданной еды, и нельзя было без щемящего чувства смотреть на изголодавшуюся малолетнюю братву. И они не только выжили в военную и послевоенную пору (под печальные угрозы матери: "Ребята, не будете меня слушаться – я умру"), но и каждому нашлось место в жизни по его способностям. Трое окончили институт, четвёртый – техникум. Разъехались по разным городам страны, у всех была налаженная семейная жизнь, работа. Когда собирались все вместе у матери – вспоминали прошлое, забавные истории, скудные радости нищего детства, а хлопотавшая у застолья мать, помня их голодные глаза за пустым столом в те военные, послевоенные времена, говорила как бы в возмещение тех лишений: "Ешьте, ребята".

Судьба хранила, возможно, по её молитвам, жизнь, благополучие её детей, их семей, но вот незадолго до её смерти грянула "перестройка-революция", взорвавшая страну, обрекшая народ на неисчислимые страдания, на вымирание. На тех заводах, в конструкторских бюро, где работали мои братья по матери, пошли сокращения, увольнения, переводы с "оборонки" на выпуск "кастрюль" (в чём признавался сам Горбачёв). Открывался зловещий смысл слов "безработица", "вымирание народа". В середине девяностых (1997) умер от инсульта живший в г. Энгельс (Саратовская область) старший из агаповских братьев Борис. На похоронах было много людей, но таких молчаливых поминок я не видел в своей жизни, ведь это был пик людского мора в России. О происходившем в России ужасается, чуть ли не плачет от жалости даже известная исполнительница роли "интердевочки" в одноименном фильме Елена Яковлева: "Жизнь за окном? Не дай Бог, я начну её понимать. Если я открою это окно и целиком окунусь в эту жизнь, то я сдохну. От жалости к людям, от того, что с ними делают... вокруг столько нищеты и запредельного".

Я не мог воочию видеть положение моих братьев, далековатых от Москвы (Череповец, Горький), но Николай (Коля – по привычке с детства называли друг друга уменьшительными именами) жил ближе к Москве – три часа на электричке, и вся его жизнь в проклятых девяностых, можно сказать, проходила на моих глазах. Оказавшись безработным, он нашёл в Калуге поставщика тележек и занялся тем, что, закупая у него эти тележки, перепродавал их подороже в Москве, приезжая сюда регулярно дважды в неделю и останавливаясь у меня. Моя московская малогабаритная квартирка стала единственным пристанищем, где он мог отдохнуть от своих изнурительных поездок. Сам я тогда был в крайней нужде, немалые деньги от изданных книг, других литературных гонораров были уничтожены "гайдаровскими реформами"[5], мизерная зарплата в Литинституте, пенсия (да и то надо было выбрать что-то одно из них), но при всём этом, кто же, кроме меня, мог помочь несчастному брату? И в течение десяти с лишним лет ежемесячно посильно деньгами помогал ему. И жена Татьяна, жалея его, всегда встречала как члена семьи.

Однажды я с братом Дмитрием (Лобановым), возвратившись в Москву из Жмеринки, где он в молодости долго служил офицером в армии, в ракетных частях, и куда уговорил меня поехать погостить к жившему там брату жены, так вот, однажды, сойдя с поезда, идя по перрону Киевского вокзала, я вдруг

в толпе слышу голос: “Тележка не нужна?” Коля! Стоит с двумя тележками в руках, смотрит и не видит, будто не узнаёт меня. Усталый, измученный вид от трёхчасовой дороги, часто на ногах в тамбуре, от бродяжничества по вокзалу в поиске покупателя. Эти поездки могли стоить жизни. Как-то он не появился у меня в обычный для него день, а когда пришёл на следующей неделе, я вскрикнул: “Коля, что с тобой?” Лицо в кровоподтеках, жалкая улыбка. Рассказал, как в вагоне электрички к нему подошёл неизвестный человек, потребовал документы, у Коли их с собой не оказалось, тогда на остановке тот вывел его из вагона, чтобы отвести в милицию, пошли в сторону от платформы, и далее Коля не помнит, что произошло с ним, – очнулся лежащим на земле без тележек, никого рядом. Видно, мнимый “контролёр” брызнул ему в лицо чем-то снотворным, и упавшему головой на каменную дорогу злосчастному торговцу оставалось только благодарить судьбу, что остался жив.

Самое страшное ожидало бедного Колю впереди. Бесследно пропала его молодая дочь Оля. Кажется, он обезумел в неотвязных своих мыслях о ней. Где его дочь? Калужская милиция скрывает правду о ней! Не подействовало на него и то, что связавшийся с калужской милицией по моей просьбе Александр Андреевич Проханов получил объективную информацию о ходе следствия. Бедный отец исходил всю Калугу, расспрашивая людей, осматривал пруды на окраине города, приходил в храмы, монастырь, думая, что дочь могла “уйти в религию”. Ходил по моргам. Но, как говорят в народе, беда не ходит в одиночку. Пропала дочь, а тут ещё болезнь жены – с нервными, психическими припадками, с бегством из больницы, и никогда в жизни я не воспринимал так реально смысл слова “трагедия”, как в телефонном звонке Коли: “Миша, произошла трагедия. Валя умерла”. А до этого в очередной приезд Коли ко мне услышал его телефонный разговор с женой о пропавшей дочери: “Валя, дорогая, не плачь, будем с тобой держаться, ведь правда?”[6]

А однажды у него вырвалось: “Только мама меня бы поняла”. Так и любимый мой дядя по матери Алексей Анисимович Конкин, повидавший такое на войне, что при воспоминании пережитого тогда лицо его искажалось судорогой желваков, даже такой человек в предсмертном бреду от обширного инфаркта звал мать на помощь себе.

Но закончу о Коле. Как-то зашёл у нас с ним разговор о математике, и я заслушался. Не мудрёной терминологией (не доступной мне, профану), а самим его голосом с нотой торжественности, какой-то даже задушевности. И само лицо его оживилось отсветом внутреннего огонька. Ба! Да ведь я по-настоящему не знал брата! Не знал, можно сказать, скрытого поэта от математики. И кольнуло меня – сколько же творческого сокровища таится в русских людях, так и оставаясь нереализованным “по чужой и по нашей вине”, говоря словами поэта[7]. А ведь многие ли из “успешных” способны на подвиг моего брата? Закончив калужский педагогический институт и отслужив два года в армии, он несколько лет работал в школе, затем, перейдя на работу программиста столичного вычислительного центра, за три года (вместо пяти лет) окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (учился у академика Тихонова), совмещая работу с учёбой, при ежедневных поездках на электричке в Москву и обратно в Подольск (где он тогда жил), получил полноценный диплом. Как-то он признался мне, что от перенапряжения боялся сойти с ума.

* * *

Что остаётся у нас к концу нашей жизни? Бродил я по этой призрачной жизни почти целый век и теперь вот, как дитя, приползаю душой к могиле матери (на московском Хованском кладбище), где и мне скоро рядом с ней лежать. “Что всем – то и нам”, – слышал я от неё. Конечно, по-русски это “что всем” – то есть всему простому русскому люду, вот уж поистине избранному судьбины-лиходейки, не знающему соперников в мире по всему пережитому, жестокости испытаний. И вот теперь, в этих бесконечных рядах могил, крестах те же “что всем – то и нам”. И для тех, кто приходят сюда и в своё время поселятся здесь в безмолвии. И странно, что я сам будто пришёл к самому себе, увидел себя со стороны, как когда-то, в том загадочном сне, где будто я умер, стою вместе с пришедшими хоронить меня, кто-то называет мою

фамилию, странно мне это слышать, но я ничего не могу ни сказать, ни подойти к ним[8].

Совместный путь

Ничего в жизни случайного действительно не бывает, как не случайной стала и возникшая между нами необходимость друг для друга, несмотря на большую разницу в годах. Начало нашей совместной жизни с Татьяной совпало с кануном ельцинского кровавого переворота, "шоковой терапии", невиданного ограбления, мора народа. Как говорила моя мать (умершая незадолго до гибели Советского Союза): "Что всем, то и нам". Всем – это о народе, выпавших на его долю испытаниях, жертвенности, когда людей объединяла общая судьба ("быть или не быть Отечеству", как в годы Великой Отечественной войны). Но теперь, при новоявленных "демократах", то, что относится ко "всем", народу – это уже не общность в тех же бедствиях ради высокой цели, а общенародное чувство безысходности от поистине людоедства внутреннего врага.

И как образец новой "демократической власти" в "свободной России" – кровавое побоище у Дома Советов, расстрел его из танков 3-4 октября 1993 года. Я приехал туда впервые 21 сентября, когда появился указ Ельцина о роспуске Верховного Совета, органов советской власти по стране, видел, как выходили из метро Краснопресненская люди с красными флагами, направляясь к недалёкому отсюда Дому Советов. Здесь, на его площади, что-то возбуждающее было в гуле всё прибывающей массы людей. Приходил я сюда и в последующие дни. С балкона здания выступали известные по печати депутаты Верховного Совета, возмущались незаконностью ельцинского указа, призывали к защите Конституции, к объединению, к борьбе против наглого узурпаторства власти Ельциным. Из писательской братии повстречавшийся в толпе Владимир Крупин бросил мне на ходу: "Многовато красного цвета". Действительно, преобладали в этом движущемся многолюдии "красные", "советские", и они-то стали главной мишенью погромщиков, видевших в них своих ненавистных врагов, "быдло", "совков", стоящих на пути захвата ими власти, народной, государственной собственности, разбойной капитализации страны, продажи её мировому капиталу.

Мои походы к Дому Советов закончились 26 сентября 1993 года, когда, заболев воспалением лёгких, я попал в больницу Литфонда. Но Татьяна продолжала приходить к Дому Советов. И когда возвращалась ранним утром домой (на недалёкой отсюда улице Заморёнова), услышала с балкона квартиры на одиннадцатом этаже крик тринадцатилетней дочери Гали: "Мама, танки!" Это шли бронетранспортёры (БТР) по улице мимо школы, на набережную, к Дому Советов. По рассказу жены, только что успела она прийти домой, как люди в военной форме запретили жильцам выходить из дома. Вскоре началась пальба, задрожали стёкла, пули попадали в окна. Приходилось скрываться в коридоре, сжавшись от страха на полу. Было непонятно, что происходит. (Позже шли разговоры, что на крыше дома были вооружённые люди).

Здесь я перевожу рассказ жены на собственные воспоминания о той телепередаче, которую, находясь в больнице, я случайно увидел уже в конце дня четвёртого октября, как стоявшие у Дома Советов под деловитое комментирование американского телевизионщика наводят орудия на здание и вслед за залпами из этажей вырываются чёрные клубы дыма. Меня буквально парализовало ощущение какой-то ирреальности происходящего. Только потом я понял, что это заранее подготовленное зловещее шоу было демонстрацией на весь мир расстрела России, сопротивляющейся "мировой демократии".

Вечером восьмого октября, уйдя на время из больницы, я приехал на Краснопресненскую и вместе с Татьяной, ожидавшей меня здесь, мы пошли к месту побоища. Оцепленный автоматчиками скверик Павлика Морозова. Горящие свечи на земле, иконы, фотографии убитых. Цементные плиты у квасного ларька, на месте, где лежали убитые. На асфальте ещё бурые разводы крови. Женщина рассказывает, как у двоих из погибших лица были закрыты задранными краями курток, носок весь в крови, часы на обнажённом животе. На стене стадиона – проклятия убийцам (впоследствии эту стену снесут). На земле лежала большая амбарная книга с объявлениями о розыске пропавших после расстрела людей. Со стены стадиона Татьяна стала переписывать

свидетельства очевидцев. Впоследствии я воспроизвёл эти записи в своих заметках “Русские люди, проснитесь!” (“Литературная Россия”, октябрь 1993. Вошли в мою книгу “Память войны”, 2006). Мы оказались рядом с железной глыбой, на верху её застыла фигура солдата с характерной азиатской физиономией. Жена читала, что-то записывала, а меня ожгла мысль, что неподвижный азиат сейчас вскинет автомат (рядом никого не было, кроме нас двоих) и полоснёт по записывающей Татьяне (после недавнего кровавого разгула это было бы обычным делом). Да и самой её здесь могло не быть, задержись она тогда на площади всего на полчаса до начала расстрела, но сейчас она как ни в чём не бывало стояла спиной к автоматчику и спокойно записывала. И осталось во мне это знобящее ощущение человеческой беззащитности перед автоматом насильника.

Увиденное и пережитое в дни октябрьского переворота побудило Татьяну обратиться к исследованию скрытых, потаённых сил, которые, как “древоточцы”, точили государственный ствол и готовили его разрушение. В 1998 году вышла с предисловием известного священника, отца Димитрия Дудко книга Татьяны Окуловой-Микешиной “Бесовщина под прикрытием утопий” (до этого сокращённый вариант под названием “За реформы – всегда, за утопии – никогда!” был опубликован в “Нашем современнике” (1998) и получил премию журнала за 1998 год). В этом фундаментальном исследовании впервые показана разрушительная роль проникших в центральный аппарат диссидентов. Будучи советниками, помощниками, референтами, консультантами “вождей” от Хрущёва до Горбачёва, Ельцина, эти западники-космополиты, по словам одного из них, получили возможность реально воздействовать на власть, “разрыхлять спрессованный монолит системы, вносить в политический организм “бактерии перемен”. Они точили систему изнутри, действовали как “агенты влияния”, “пятая колонна”, подрывная деятельность этой нечисти стала одной из причин падения государства. <...>

* * *

В её родословной по матери то, что называется кровью, – и русская, и французская, и немецкая, и польская. Один из её предков – француз, граф Шамборант, воевал с Наполеоном на стороне русских, награждён орденом...[9]

Отец её, Николай Павлович Микешин, из коренных, ярославских русаков, участник Сталинградской битвы. Последние два обстоятельства – преданность далёкого предка-француза к своей новой родине России и причастность отца к Сталинградской победе – стали определяющими в её патриотическом сознании. Но вот духовное влияние было иное – со стороны дочери на родителей. Сама воцерковлённая, она и их привела в Церковь, убедила венчаться незадолго до их смерти. Часто приводила знакомого батюшку на дом, в больницу причащать их. О себе могу сказать, что для меня бесценным приобретением смирения стало понимание того, что хотя и хожу в церковь, но насколько я далёк от серьёзности жены, не пропускающей ни одной воскресной службы в храме. И как подкрепляет меня в это страшное русофобское время её до наивности любовь ко всему русскому, к русскому характеру, к России. <...>

* * *

Откровением для меня стало долгое знакомство, встречи с венчавшим нас с женой отцом Владимиром (Лукавецким). Он рассказывал о своём сыне, занимающемся самбо, дочке, живущей в Италии, и только потом, после его внезапной кончины в 52 года мы узнали, что это были его духовные дети: своей семьи у него не было, жил он где-то в полуподвале. На отпевании его в церкви Державной Божией Матери было море народа, люди плакали, говорили о его помощи им. Ежегодно в ноябре на его могилу под Москвой в Крекшино ездят автобусы, выделяемые его прихожанами-военными. Кажется, что он был святым. (Прочитав одну из моих книг, говорил, что понравилось, что в ней всё, как в жизни).

* * *

Стоит мне заболеть, как она тут же бежит, договаривается с нужными врачами – или об оптимальном для меня лечении. Если даже и уговариваю её не идти со мною в поликлинику на приём к врачу, иду один, а через несколько минут влетает в кабинет врача и начинает скрупулёзно записывать каждое его слово. Кладут меня в подмосковную больницу, медицинского полиса со мной нет, дают два-три часа, чтобы привезти его из Москвы, и вот вижу в коридоре – влетает за полчаса до окончания срока моя Таня – радостная: успела – со всеми бумагами.

Не любит жена об этом (воцерковлённости) говорить, а только знаю, в воскресенье и в праздничные дни торопится в церковь, радуется, когда идём вместе. Знаю, как посильно она старается что-нибудь сделать для нуждающихся в помощи церковных старушек. Не говоря уже о собственной матери и отце, которым она помогала с Божией помощью войти в церковную жизнь и уйти по-христиански[10].

* * *

Кажется, всегда и во всём сговорчивая. Скажет одно, и тут же: "Ну, не важно".

А здесь зная, как она устала за вчерашний день, попросить: "Не ходи сегодня в церковь, отдохни, мы же позавчера были. – Сегодня же воскресенье, как я могу не пойти". И каким же ничтожеством я себя в это время чувствую. А ещё говорим: жена слаба[11].

* * *

17 июля 2011. Входит быстро в комнату Таня, радостно говорит: "Дождь! Идёт Андреевский дождь! (Андрея Критского). Какая прекрасная жизнь, когда идёт Андреевский дождь!" Таня ходит по комнате, поднятыми вверх руками приветствуя дождь. За окном шум дождя. Гремит гром. Прыгают от радости веточки рябины за окном.

* * *

Видел сон. Стоим с женой Татьяной у какого-то здания с массой людей, подходит ко мне некий мужчина без возраста, не раз уж приходивший ко мне в других снах. Говорит со мной, как давний знакомый, перед которым я чувствую себя заложником смутного обязательства, долга перед ним. В какой-то момент мы с женой отделяемся от него и уходим по дороге вниз, в глубокую лощину. Оттуда видно, как наверху по дороге мелькают фигурки людей, кажется, что наших преследователей. Мы стоим с женой рядом, но вдруг я оказываюсь один, её не видно. "Таня, Таня!" – кричу я, и меня обдаёт ужас молчания, беспредельность охватившего меня вдруг одиночества, неизвестности этой окружающей меня земли. И я проснулся с таким тяжёлым, угнетённым состоянием духа, что не сразу освободился от этого в чём-то реального наваждения (14 сентября 2015).

Перед операцией

Это было место, самое подходящее для меня в больнице. Узкая площадка за углом отсека коридора напротив дверей лифта, у большого окна с видимым отсюда вечерним затухающим городом. В голове застыла ледяная мысль: видно, настало для меня то в жизни, о чём я мог не раз думать как об ожидающей меня неизбежности, но тут было уже и другое. Страшно обнажилась несомненная для меня реальность Того, Кто только и может услышать меня в этот смертный час. У меня нет голоса для пения, хотя я люблю музыку, и в моей душе, можно сказать, живёт, звучит для меня возвышенная музыка вроде моцартовской "Лакримозы" из "Реквиема" и "трепет слезы" из

баховских духовных кантат, “Сказание о граде Китеже” Римского-Корсакова, “Колокола” Рахманинова. Да и самые псалмы пелись. Почему-то вдруг я запел. Я медленно ходил по отсеку коридора и тихо-тихо пел. Слова были самые простые, но единственно необходимые для меня: “Слава Богу за всё, слава Богу за всё”. Я выпевал эти слова, обращаясь к Богу, прося у Него помилования, зная, что я весь отдаюсь Его воле, и как в долгой моей жизни был смысл в страданиях, приведших меня к Нему, так да будет по воле Его и то, что ожидает меня после операции.

А на другой день, в такое же вечернее время, неподалёку от вчерашнего места, мы с женой Татьяной допоздна сидели в коридоре на диване, и оба понимали, что это, может быть, наш последний разговор. Мы держали друг друга за руки, я видел в её глазах слёзы и чувствовал нестерпимую к ней жалость. “Боже мой, Боже, – молил я мысленно, – продли мне жизнь ради Тани, ей будет после меня очень одиноко”.

Жена просила молиться за меня дорогих для нас людей. Постоянно молились за меня протоиерей (замечательный писатель) Ярослав Шипов, монах Александро-Свирского монастыря отец Феодор (бывший студент моего Литинститутского семинара), священник Евгений Булин (также учившийся в Литинституте). Молились многие мои студенты.

Благословенно всё доброе на земле, всё сострадающее и милосердное.

Подготовка к печати и примечания Т. Н. Окуловой, кандидата исторических наук, ст. научного сотрудника ИМЛИ им. М. Горького РАН, вдовы М. П. Лобанова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первая статья из новой автобиографической книги М. П. Лобанова была опубликована к 90-летию со дня его рождения в “Нашем современнике”. В 2015 году Михаилу Петровичу Лобанову была присуждена премия имени В. В. Кожинова “за статью “Убеждение” (2015, № 11), а также за активную нравственную позицию в литературе и в жизни” (“НС”, 2016, № 1). Помню, уже после вручения премии, когда Михаил Петрович достал с полки одну из давних книг Кожинова “Статьи о современной литературе” (М.: Современник, 1982), меня как-то особенно тронули слова Вадима Валериановича, адресованные ему (дарственная надпись на книге), с таинственным упоминанием о вечности: “Дорогому и милому Михаилу Петровичу с безграничным уважением и любовью навечно. Вадим Кожинов. 8.12.1982”.
Сегодня, предваряя новую, юбилейную публикацию М. П. Лобанова, уместно вспомнить и знаменательные слова от редакции журнала “Наш современник” (членом общественного совета которого писатель являлся с 1998 года), сказанные ещё при жизни писателя, в год его 85-летнего юбилея (включённые, кстати, им и в последнюю книгу, в раздел “Писатели о М. П. Лобанове): “Вот уже полвека статьи и книги Михаила Лобанова будоражат не только литературную общественность, но и сильных мира сего. Его публикации в журнале “Молодая гвардия” заставили бесноваться небезызвестного А. Яковлева, а знаменитая статья “Освобождение” (1982) вызвала негодование генсека Ю. Андропова. О нём восторженно отзывались Л. Леонов и А. Солженицын, Ю. Бондарев и А. Проханов. Его многократно подвергали проработке. Но и любили!
“...Статья Михаила Лобанова, – писал об “Освобождении” выдающийся русский мыслитель Вадим Кожинов, – одно из самых важных духовных событий за двадцатилетие “застоя”... Читая семь лет назад статью Михаила Лобанова, я испытывал, помимо всего прочего, чувство великой радости оттого, что честь отечественной культуры спасена, что открыто звучит её полный смысла бескомпромиссный голос”.
Солдат Великой Отечественной, Михаил Лобанов и в мирное время продолжает сражение за торжество Правды и Добра...” (“НС”, 2010, № 5).
Суть этого вечного сражения за торжество Любви, Сострадания, Милосердия воин духа Михаил Лобанов в конце своей жизни (в той же последней автобиографической книге, в статье “Цена убеждения”) сформулировал так: “Если коротко сказать, в чём выразилось моё убеждение, которому я никогда не изменял, то определяющим словом здесь будет русскость. Причём не та крикливая, горлопановская, невежественная псевдорусскость, а та русскость, о которой говорит В. В. Кожинов в своём автографе мне (в своей книге “Судьба России: вчера, сегодня, завтра”), воспроизведённом в моей книге “В шесть часов вечера каждый

вторник. Семинар Михаила Лобанова в Литературном институте": "Михаилу Петровичу Лобанову, наиболее полнокровно – из всех известных мне моих современников – воплотившему в себе русскую духовную стихию – с наилучшими пожеланиями. Вадим Кожинов. 23.III.1998". Именно такая, неосознаваемая мной тогда русскость и вошла в духовную стихию моей первой книги "Роман Л. Леонова "Русский лес" (1958), вышедшей благодаря этому за пределы своего времени, о чём говорит, например, современный популярный молодой писатель, именуя её "доныне небезынтересной книгой" (Захар Прилепин. "Леонид Леонов: "его игра была огромна". М.: Молодая гвардия, "ЖЗЛ", 2010. С. 398). Думаю, что интерес к книге более чем полувековой давности может быть вызван тем запасом внутренней энергии, которая обычно исходит именно из творческого "однодумья" автора. Для меня таким "однодумьем" была и остаётся Россия, русский народ с его героической, трагической историей, со всеми его несчастьями, падениями и Святой Русью".

[2] На полях рукописи карандашная помета рукой М. П. Лобанова: "Писать "обнажившимся сердцем"; "художник – сострадание, жалостливость". – Именно так, с обнажённой болью на человеческое страдание писал и так жил М. П. Лобанов. Воистину – "от избытка сердца уста глаголют" (Мф. 12, 34). Каждое слово писателя было оплачено самой его жизнью. И вся его жизнь – начиная с участия в 1943 году в Курской битве (единственный из писателей – пехотинец, с двумя боевыми орденами) – до самых последних дней прошла "в сражении и любви" (название одной из итоговых его книг (2003), журнальный вариант которой печатался в "Нашем современнике").

[3] На полях рассказа А. П. Платонова "Происхождение мастера" (в кн.: Платонов А. П. Повести, рассказы / Составитель М. А. Платонова. Кемерово, 1977) помета рукой М. П. Лобанова: "Жалость Платонова к детям, особенно 12-летним подросткам из нищих семей (жалость "покрывается" "грубым языком" детей, "трезвостью" авторской речи").

[4] Чувство жалости ко всему живому оставалось в М. П. Лобанове до самых последних дней жизни. Например, к бездомной собачке-хромоножке, любимице жильцов нашего дома, которая однажды неожиданно лизнула его руку на автобусной остановке, и с тех пор он её больше не видел, исчезла она из этого мира (говорили, её раздавила машина), но осталась жить в одной из *замет духовных* Михаила Петровича "Из памятного" последних лет. А персонаж ещё одной такой удивительной его *заметы* – "Божья тварь" (из книги "В сражении и любви"), собачка наша, Пепик, долгие годы уже бегает по просторам интернета, стал темой (вместе со своим хозяином) для школьных сочинений. "Какая-то чуткая учительница, наверно, нашла мою книгу", – улыбался Михаил Петрович, читая такую, например, просьбу одного из подростков, помещённую на учебном сайте: "Помогите найти "Божью тварь" (текст по М. П. Лобанову, из художественной литературы про собаку)" (см., напр.: Форум о русском языке (Ваши сочинения); ЕГЭтека и т. д.). Когда однажды я принесла мужу очередную порцию распечатанных из интернета отзывов о "Божьей твари", он, как всегда улыбаясь в этом случае, сказал: "У меня нет расстояния между мной и собачкой. У меня душа ложится на бумагу". Рискуя нарушить наказ Михаила Петровича "перерабатывать эмоциональное в духовное" (лобановские "семинаристы" меня поймут!), всё же не могу не вспомнить, как радовало нас, когда, например, за городом с соседнего дуба спускалась и забегала к нам в гости на летнюю веранду любопытная белочка и, бывало, по нескольку часов сидела тихо, почти не двигаясь, под столом, у ног погружённого в чтение и свои мысли доброго мудрого человека. Было, видимо, что-то милосердное в его отношении к "братьям нашим меньшим". Потому-то М. П. Лобанову не могла не быть близкой, конечно, и легенда о Франциске Ассизском, как этот святой разговаривал на одном языке с птицами, сострадая (как написал когда-то Михаил Петрович) неразумной твари, "желая, чтобы они радовались, что одарены всем, в чём нуждаются; птицы внимательно слушали и только после благословения его улетали" (статья "Больше чем поэзия", 1985). Один из снимков Михаила Петровича с рыженькой лесной гостьей, сидящей у его руки (и между ними, кажется, "не было расстояния"), – не удержалась, послала вместе с другими лобановскими фотографиями, военными справками, документами, книгами и статьями в Краснодар строгому и взыскательному критику Ю. М. Павлову, который читает в университете лекции по творчеству М. П. Лобанова – писателя, у которого всё подлинное, пережитое, живое, "природное" ("природа", а не "синтетика", говоря его собственными словами).

[5] Из статьи М. П. Лобанова, члена Союза писателей с 1959 года, профессора Литературного института с 1963 года, инвалида Отечественной войны II группы "В шесть часов вечера накануне победы": "Ельцинско-гайдаровское ворьё

в начале января 1992 года ограбило меня дочиста, я лишился всех своих трудовых сбережений – многих десятков тысяч рублей, которые десятилетиями поступали в сберкассу от многих книг, работ. На этом не успокоилось ворьё – доконало всех нас "августовским обвалом" (газ. "Завтра", 1999, июнь). Михаил Петрович просил меня сохранить эти сберкнижки, *спалённые в один миг,* по его словам, *никому не ведомым ранее дебилом Гайдаром, как и все трудовые сбережения десятков миллионов людей,* и даже, возможно, опубликовать их, чтобы и будущие читатели полистали эти наглядные свидетельства "реформ" 90-х годов – с их невиданными темпами убыли людского "балласта".

[6] В другой рукописной редакции далее: "Держится, держится и после смерти жены, но в разговоре все его мысли, вопросы в глазах – только о дочери и жене, только о них".

[7] В один из ноябрьских дней 2016 года – последнего в жизни мужа моего, Михаила Петровича Лобанова, когда я должна была выехать на работу, – попросила его брата Николая Агапова посидеть с ним несколько часов, поддержать его. Он приехал из Калуги и, видно, снова рассказывал брату Мише увлечённо что-то радостное, удивительное и о своей любимой науке – математике... Когда же я вернулась домой, муж сказал мне с осветившей его усталое лицо улыбкой: "Я просто очарован Колей".

[8] "Сколько в памяти, как во сне, таится болезненного, что лучше бы и не прикасаться, не затрагивать этого", – замечал М. П. Лобанов в другом варианте к статье. О вышеприведённом "загадочном сне" он упоминает и в одной из своих замет духовных "Из памятного" – "Поступают сигналы" (от 24 февраля 2013 г.):
"Недавно мне снился сон: я умер, лежу и вижу вокруг себя людей. Слышны голоса: такой-то умер. Было жутко слышать свою фамилию. Проснулся и продолжал чётко видеть эту картину, в отличие от других снов – когда после пробуждения всё смывается, никак нельзя вспомнить, что видел. А сегодня (24 февраля 2013) – ночью вдруг проснулся от странного, никогда ранее не испытанного состояния с пронзительной мыслью: вот она, та самая последняя минута, которая неизбежно должна была наступить. И также внезапно эта остро пугающая мысль отступила. И острая жалость к жене, на которую падёт главная ноша прощания.
Наступает для каждого человека жизнь, когда каждый день ощущается как ниточка, которая может в любое время оборваться". Читаешь сегодня всё это сокровенное, выстраданное, и думаешь, сколько же было в этой его пронзительной любви-жалости к близкому человеку от материнского чувства, материнской заботы... Недаром вспоминал не раз Михаил Петрович запавшие ему в душу с детства рассказы матери-праведницы Екатерины Анисимовны о том, как, например, тяжелобольная старушка беспокоилась о своей хворой дочери, напутствовала её: "Ты надень сапоги, когда хоронить меня будешь, а то простудишься, опять заболеешь". (см.: Лобанов М. П. В сражении и любви. М., 2003. С. 23). (Такие "дикости", как давно заметил Михаил Петрович Лобанов, хорошо понимали Достоевский, Толстой, в отличие от "просвещённых" умников, не говоря уже о нынешних "интеллектуалах". Да ещё с особой, хочется добавить, вирусной, в последние времена патологической "брезгливостью к жалости".)

[9] Граф Виктор Иванович де Шамборант (1784–1861) принимал участие (в рядах 14-й артиллерийской бригады) в Отечественной войне 1812 года и освободительном Заграничном походе русской армии 1813-1814 годов, стал Георгиевским кавалером (награждён также орденами св. Владимира 4 ст. с бантом, св. Анны 2 ст.; впоследствии за русско-турецкую войну 1828-1829 годов получил Императорскую корону на орден св. Анны и орден св. Станислава II ст. с Императорской короной; вышел в отставку в 1848 году в чине генерал-майора) (см., напр.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: Биобиблиографический справочник. М.: Русский миръ. Федеральное архивное агентство. Российский военно-исторический архив, 2004. С. 226. Дворянский календарь. Справочная родословная российского дворянства. Тетрадь 15. М.: Старая Басманная. 2010). Окулова Т. Н. "Чтоб составить для России ожерелье славы..." (По страницам "Сына Отечества" – журнала, рождённого Отечественной войной 1812 года): Светлой памяти моего мужа, писателя, фронтовика-орденоносца Михаила Петровича Лобанова // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 323-471).

[10] М. П. Лобанов со свойственным ему великодушием пишет о "воцерковлении Татьяны" (то есть автора этих строк), но тут необходимо сегодня существенное уточнение: если это и начало в какой-то степени происходить с Божией помощью, то потому, что судьба опять же послала в спутники жизни человека редкой породы, особого духовного аристократизма, подвижника – одного их тех, кто умел читать Библию не по касательной (говоря лесковским языком), а "до Самого до Христа дошёл".

[11] В рукописи – под заглавием: "О Тане. Убеждение".

К 200-летию со дня рождения А. А. Фета

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

ВСЕВЛАСТИЕ ОГНЯ

Огню — благословение.
"Упанишады"

Всех и вся, нагрянув внезапно,
Будет Огонь судить и схватит.
Гераклит

1. Был ли Афанасий Фет шопенгауэровцем?

Философское содержание фетовской лирики оказалась недоступным восприятию его современников, не видевших в нём "поэта какого-либо глубокомысленного воззрения" и ценивших его стихотворчество за выражение "эфирных оттенков чувства"[1], "отдельно взятых настроений души или даже минутных, быстро проходящих впечатлений"[2]. Наблюдения верные. В самом деле, Фет вошёл в историю литературы как новатор, предтеча импрессионизма в поэзии, и только одно это обстоятельство не позволяет нам согласиться на включение его в разряд "второстепенных поэтов". Не говорим же мы о второстепенности Ф. Гёльдерлина или Р.-М. Рильке в сравнении с И.-В. Гёте. Несомненно, и мимолетные чувства, и смутно сознаваемые настроения как "эманации жизни" будили продуктивное воображение поэта, служа материалом или поводом для поэтических высказываний, заключавших в себе иное, "сверхчувственное", ноуменальное содержание: какую-то "вечную думу", "думу страстную"[3]. Вот этого иного, метафизического подтекста и не смог увидеть в творениях Фета *наблюдающий разум,* ограниченные возможности которого были хорошо известны поэту по гегелевской "Феноменологии духа", которую он проработал в студенческие годы *на мирных антресолях* в доме своего друга – "искателя Абсолюта", восторженного "гегельянца чистой воды" (Н. П. Колюпанов) – Аполлона Григорьева. С точки зрения наблюдающего разума снисходительно-покровительственно судил о произведениях Фета и И. С. Тургенев, не доживший до выпуска "Вечерних огней", полагавший, что через сто лет будут ценить около двадцати фетовских стихотворений. Удивительно, что и близкие друзья Фета – Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов и

ВОДОЛАГИН Александр Валерьевич — доктор философских наук, профессор. Член Союза писателей России. Автор книг "Метафизика воли" (2012), "Собирание духа. Пути и беспутство русской мысли" (2013), "Русское познание Бога. Философия духа в России" (2019), сборника рассказов "Оливема" (2000), романа "Ворох, или Играющий с огнём" (2010, 2020).

В. С. Соловьёв – не признавали его самостоятельным мыслителем, хотя и нахваливали как "усердного переводчика" Артура Шопенгауэра. Мастерски выполненный Фетом в 1879–1882 годах перевод "Мира как воли и представления" надолго затмил для почитателей поэта его собственную, выстраданную им и поэтически оформленную философию жизни, так что даже Андрей Белый, понимавший, что в творчестве Фета "поэзия и философия нераздельны"[4], утверждал: "Фет заслоняет всех прочих поэтов; он открывается вместе с миром философии Шопенгауэра; он – шопенгауэровец..."[5] Для большинства исследователей стихотворного наследия Фета такая констатация – аксиома, не подлежащая оспариванию: ведь и сам пятидесятивосьмилетний Фет указывал на главную книгу Шопенгауэра как на источник своих "последних стихов", явно преувеличивая влияние создателя волюнтаристической метафизики, которого ценил, прежде всего, как писателя – и умалчивал о более глубоких, "шеллингианских" основаниях своего миросозерцания, сложившихся не без воздействия московских славянофилов (в частности, М. П. Погодина, в доме которого жил до поступления в университет, и С. П. Шевырёва) и перешедшего от гегелевского панлогизма к "шеллингизму" Аполлона Григорьева.

Главное, уверял Фет Льва Толстого, – "приобрести миросозерцание, которое отразится в стиле...", "при котором бы не надо было сердиться на глупость людскую"[6]. Это важнейшее приобретение – свидетельство "духовной зрелости" личности – было сделано поэтом ещё в годы обучения на юридическом и философском факультетах Московском университета – "университета таинственного гегелизма" (А. Григорьев) – в доме "Аполлоши" на Малой Полянке, ставшем для Фета *колыбелью его истинного "Я",* местом **встречи с "людьми трансцендентальной закваски"**, где каждый участник философского кружка[7] мог ощутить "могучее веяние" гегелевской мысли и испытать на себе "лихую пагубу" шеллингианства. О Шопенгауэре тогда никто из них ещё ничего не слышал, зато сходили с ума от байроновского "Каина", с упоением погружались в творения Шиллера, Гёте и Лермонтова, усвоившего идеи гениев германского идеализма и разработавшего задолго до Фридриха Ницше свою собственную теорию "воли к могуществу". В конце жизни Фет вспоминал о "могучем впечатлении", произведённом на него романом "Герой нашего времени" – этим символическим воплощением лермонтовской метафизики[8]. Занявшись в феврале 1879 года переводом Шопенгауэра, видевшим в мире объективацию иррациональной, тёмной и злой воли, поэт так разъяснял Льву Толстому отличие своего миросозерцания от шопенгауэровского: "Целесообразность мира и мой человеческий инстинкт не позволяют мне остановиться на пустой форме мира как слепой *беспричинной* воле... Высшая, разумная, по-своему, – для меня непостижимая воля, с непостижимым началом и самодержанием – ближе моему человеческому уму, противящемуся пантеистическим фразам без всякого содержания"[9]. Фету как выпускнику философского факультета, знакомому с толкованиями феномена воли в шеллинговой "Системе трансцендентального идеализма" и гегелевской философии права, было понятно основное заблуждение Шопенгауэра, отождествлявшего волю с бессознательным влечением *(=хотением)*, исключавшего из рассмотрения такие сущностные моменты воли, как целеполагание, выбор и решение. Не принимая во внимание приведённое выше признание Фета, некоторые филологи и историки философии упорно воспроизводят ошибочное суждение Андрея Белого о "пессимистическом пантеизме" Фета (как правило, без ссылки на первоисточник), сводя философское содержание его лирических произведений к "комплексу мотивов", заимствованных у Шопенгауэра, к его "пессимистической доктрине"[10]. Принимая во внимание мировоззренческие заявления Фета, следует признать, что он не был ни пессимистом, ни пантеистом, хотя и позволял себе на старости лет *помаленьку шопенгауэрить*[11]. При этом он продолжал иногда философствовать на усвоенном в юности искусственном языке "абсолютного идеализма", забыв на время естественный "язык любви, цветов, ночных лучей"[12], напоминая, к примеру, Тургеневу (также прошедшему в юности школу гегелевской философии и к тому же открывшему в 1860-е годы для России Шопенгауэра)[13], что красота – "единственное окно, через которое *der grosse Weltgeist* смотрится в человека", что "не вещь дорога, а её первообраз"[14]. В этом утверждении нет ничего от субъективного идеализма Шопенгауэра. Так формулировал свою жизненную позицию объективный идеалист, сторонник шеллинговско-гегелевской версии

неоплатонизма, зафиксировавший себя на стадии *эстетического существования*. Сердцевиной сформировавшегося в 1840-е годы в атмосфере коллективных поисков Абсолюта "всестороннего миросозерцания"[15] Фета-неоплатоника – *певца русской женщины*[16] и платонической любви к ней – стала идея *победы над смертью*, продуманная Шеллингом и Гегелем в ходе осмысления христианского гнозиса и пифагорейско-платонической традиции, вобравшей в себя эзотерические элементы египетской мифологии и "индийского сознания", наметившей **путь к абсолютному бытию и блаженству через самоотрицание исполненной иллюзий и страданий убогой человеческой жизни**[17]. Вот этот "Восток умственный" и подпитывал утончённо-аскетическое умонастроение поэта, принципиального противника "культа страстей" в литературе[18]. Что касается некоторых мыслей Шопенгауэра, то они легко вписались в его ранее сложившееся *стоическое самосознание* – в качестве теоретических подкреплений главного *прозренья* поэта-космиста: человек – *существо, родственное Мировому огню*[19], отблеск и подобие "солнца мира"[20].

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим метущимся сознаньем,
Что в звёздный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажёг над мирозданьем. ...
Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной...

Очевидно, речь здесь не о "вечернем огне", ассоциирующемся с сумерками жалкой мирской жизни. Огонь – *шифр Трансценденции*[21], внезапное приобщение к которой позволяет каждому из нас почувствовать себя *смертным богом* и согласиться с Гераклитом: "Человек – свет в ночи: вспыхивает утром, угаснув вечером. Он вспыхивает к жизни, умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию, уснув"[22]. Так, умерев, вспыхнула к вечной жизни возлюбленная Фета Мария Лазич:

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звёзд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

Могла ли девушка в блаженные минуты общения с боготворившим её поэтом предполагать, что станет в его судьбе *подношением* "вечно живому Огню"?

2. "Дверь в темноту" и "свет божественного знания"[23]

Поэтическое творчество было для Фета спасением от мучившей его с четырнадцати лет тоски – экзистенциальной реакции на беспросветный и, казалось бы, непреодолимый "мрак жизни вседневной", сводящейся, по сути, к омерзительной возне теснящих и пожирающих друг друга индивидов. Поэт не дорожил жизнью как мнимой "высшей ценностью" и не испытывал патологического страха смерти, который изводил его лучшего друга – неистового жизнелюба Льва Толстого. "Вы говорите, жизнь – бездна премудрости, а я говорю, жизнь – бездна несообразной чепухи, и мы оба правы"[24], – успокаивал его Фет. И ещё более выразительно о том же:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет уходя.

О каком же огне речь? Не об одном ли из "пяти огней", упоминаемых в "Упанишадах", где и "женщина – это огонь"[25]? Возможно, и так: ведь в жертвенном самосожжении возлюбленной Фета Марии Лазич была некая зловещая мифологическая заданность, и её последние слова: "Он не виноват,

а я...” – звучали в его “метущемся сознанье” до конца жизни, как и “тёмная формула Гераклита” (М. Хайдеггер): *одни живут смертью других...* Или же поэт – русский немец по крови и духу (как полагал Тургенев) – имел в виду один из десяти видов “Вечного Огня”, описанных Якобом Бёме? Не склонный к сентиментальной идеализации земной жизни, Фет понимал, что выпадающее из Большой космической мистерии тусклое человеческое существование как *бытие-между-рождением-и-смертью* не заключает в себе никакой чарующей загадки. Загадка в том, что связывает наше страдающее и мыслящее “Я” с бытием-до-рождения и с бытием-после-смерти, что позволяет нам “трансцендировать к Трансцендентному” (Н. А. Бердяев), переживая *экстазы времени* и обретая “свет божественного знания” о смысле смерти, об исцеляющей и преображающей мощи “огня негации” (А. И. Герцен). Загадка – в искре той “звёздной субстанции” (Гераклит), которая заключена в эфемерном, как *дым,* теле в виде имматериальной и, значит, неуничтожимой, “немой и тайной силы” – *всезрящей* “воли души” (Я. Бёме), свободной от страха смерти и всегда готовой к прыжку в небытие:

Очей тех нет, — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твоё,
И не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твоё небытиё.

Имманентный жизни страх мешает разгадке её главной тайны, обнаруживающейся в ностальгии, в тоске по утраченному человеком в результате *падения* центральному “положению в космосе”: ведь он как существо, одарённое свободной волей есть (на языке Шеллинга) *зародыш Бога,* космическая потенция чистой духовности – той “первой любви”, о которой говорил Иоанн Богослов (Отк. 2, 4). “Страх жизни, – разъяснял Шеллинг, – изгоняет человека из центра, в котором он некогда был сотворён, ибо этот центр как чистейшая сущность каждой особенной воли есть огонь поедающий для всякой особенной воли; и для того, чтобы жить в нём, человек должен умертвить собственную индивидуальность, поэтому почти необходимо передвинуться из центра на периферию и обрести там покой для своей самости”[26]. Уточним, следуя логике самого Шеллинга: иллюзию покоя. Но периферия – это объемлющая сверхвременное средоточие “вечно живого Огня” *темнота,* мировая ночь, воспетая ещё в орфической теологии *бездна туманная,* а смерть самости – “дверь в темноту” (А. А. Фет), переход в Небытие, которое тоже есть, существует, правда, не как круговорот времени (= колесо Бытия), а в качестве вневременной, хаотичной основы существования Бога, “мощи тёмного начала” в Боге, первоистока слепого своеволия твари. Метафизика Шопенгауэра стала апологией того, что Шеллинг называл поднимающейся из исконного мрака “волей основы”, проявляющейся в неодухотворенном “тёмном желании человека”. О том, как Фет теоретически корректировал Шопенгауэрову трактовку мировой воли, уже было сказано выше. Символически же его видение духа в “модусе падения”, то есть в добровольном подчинении бессознательной “воле основы” (к чему и призывал сатана, искушая Иисуса в пустыне), выражена так:

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли и дай мне превозмочь
Весь этот тлен, бездушный и унылый. ...
Мой дух, о ночь! Как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной,
И, окрылён дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

Отвечая на *дикое*, исповедальное письмо Льва Толстого, признававшегося в январе 1873 года ему – своему *духовному брату*-единомышленнику – в том, какой *религиозный ужас* он испытывает перед “величайшим в жизни каждого человека событием” смерти, падением в нирвану, в *ничто*, Фет напоминал Толстому, что тот сам в “Войне и мире” пришёл к пониманию смерти как *пробуждения* и перехода не в ничто, а в инобытие: ведь смерть – это

возвращение в “серебряную ночь”, в “тайную бездну”, из которой ты на какое-то мгновение был выброшен в мир и с которой никогда не терял смутно сознаваемой, волнующей связи. Недоумевая по поводу тургеневского отношения к смерти, Фет определял и свою позицию: “Никогда не мог понять его сравнения смерти с большим, но бегающим студнем. Дверь в темноту, словом, отрицательная нирвана – я понимаю. Но студень – непонятно. Должно быть, и моя дверь недалеко. Боюсь мучительной жизни, а не небытия. Я его помню. Ничего. Покойно”. **Память о небытии?** Такого не найти даже у Платона, но можно поискать у неоплатоников, усвоивших мотивы восточной мистики. Вот и для Фета небытие – не *ноль*, как для Толстого, не “пучина бездонного ничто” (Ф. Шеллинг), а скорее, индуистское “Великое Непроявленное”, каббалистическое *Эйн Соф* (=Небытие), добытийная **возможность бытия** – некий скрытый, покоящийся в себе огонь *неволения*, без которого, согласно Шеллингу, не могло бы возникнуть и само “воление – *воспламенившййся* огонь”[27], “огонь, который внутри человека”[28]. Именно эта целеустремленная, творческая, времяобразующая “огненная воля” Якоба Бёме и Шеллинга, напоминающая гераклитовскую стихию “умного огня”-*логоса* (а не шопенгауэрова слепая и тёмная “вожделеющая воля”), была увековечена Фетом в лучших стихотворениях-философемах “Вечерних огней”.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Боткин В. П. Стихотворения А. А. Фета. / В кн.: Русская эстетика и критика 40–50-х годов XX века. М., 1982. С. 476, 482.

[2] Страхов Н. Н. Заметки о Фете. / В кн.: Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Т. 1. СПб, 1912. С. 14.

[3] Фет А. А. Вечерние огни. 2-е издание. М., 1981. С. 16, 32.

[4] Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 414. Это давно ставшее для нас привычным представление о Фете как “шопенгауэровце” было закреплено и в статье о нём в политиздатовском словаре “Русская философия” (1995).

[5] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб, 1998. С. 428.

[6] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. В 2-х томах. Т. 2. М., 1978. С. 82, 21.

[7] Участниками григорьевского кружка были Я. П. Полонский, *православные гегельянцы* И. С. Аксаков и С. М. Соловьёв – будущий автор “Истории России с древнейших времён”, отец Владимира Соловьёва, продолжившего художественно-философскую разработку фетовской версии “вечно-женственного” и передавшего эстафету Андрею Белому и Александру Блоку.

[8] Подробнее об этом в кн.: Водолагин А. В. Русское познание Бога. Философия духа в России. М., 2019. С.44–49.

[9] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. В 2-х томах. Т. 2. С. 51.

[10] Белый А. Символизм как миропонимание. С. 414.

[11] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. В 2-х томах. Т. 2. С. 66.

[12] Фет А. А. Вечерние огни. С. 10.

[13] “Шопенгауэра, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауэра”, – рекомендовал И. С. Тургенев А. И. Герцену, который, как ему казалось, не вполне освободился от гегельянского доктринёрства (см.: Письма К. Д Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. Женева, 1892. С. 170).

[14] Фет А. А. Стихи. Проза. Письма. М., 1988. С. 334.

[15] Там же. С. 335.

[16] “Подобно Тютчеву, и даже более, чем Тютчев, я певец русской женщины”, – говорил Фет в письме Софье Владимировне Энгельгардт 25 июля 1888 года (там же. С. 394). В отличие от пошедшего по его стопам Александра Блока, Фет сохранил абсолютную преданность архетипу вечной женственности – *Софии* – без падения в “балаганчик” земной эротики, без разочарования в Прекрасной Даме *(гностической Прекрасной Деве),* воплощениями которой для Фета были Мария Лазич, А. Л. Брежская и Софья Андреевна Толстая.

[17] Шеллинг Ф. В. Й. Философия откровения. В 2-х томах. Т. 1. СПб, 2000. С. 487–489; Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х томах. Т. 1. М., 1975. С. 514; Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. В 3-х книгах. Книга первая. СПб, 1993. С. 166–182.

[18] Фет А. А. Стихи. Проза. Письма. С. 381. Артур Шопенгауэр в прибавлениях к книге “Мир как воля и представление” также отмечал, что вера в реинкарнации бессмертной души (метемпсихоз) была эзотерической основой учений Древней Индии и египтян, от которых она “с воодушевлением была принята Орфеем, Пифагором и Платоном” и позднее - гностиками (Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung. Bd. 2. Stuttgart, 2005. S. 656, 658).

[19] “Умный огонь” Гераклита – огненный Логос – в натурфилософии стоиков – символизировал непреодолимую силу космического рока, принцип развития через катастрофу, самоуничтожение, смерть. Стоическое самосознание в интерпретации Гегеля – это равнодушное к лишённому мысли “естественному существованию”, покинувшее мнимую “самостоятельность вещей” *мыслящее сознание,* “отталкивающееся от самого себя”, ставшее для себя самоценной “в-себе-сущей стихией”, дорожащее более всего внутренней невозмутимостью и “простой существенностью мысли”. Оно формируется в “эпоху всеобщего страха и рабства” (Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes. Nach dem Texte der Originalausgabe. Berlin, 1975. S. 152, 153), когда социальная активность теряет для индивида какой-либо смысл и он уходит из внешнего мира в себя. “Пора концентрироваться и жить для себя”, – призывал Фет Льва Толстого в октябре 1876 года” (Переписка Л. Н. Толстого с русским писателями. Т. 2. – С. 453). Защищая стоическую установку на жизнь “в согласии с природой”, сообразно космическому Уму-Логосу, Фет говорил: “Там, где в основу миросозерцания не положена *гранитная скала* необходимости, там один бедлам” (Там же. Т. 1. С. 470). И в этой формуле использована фразеология римских стоиков, которую актуализировал Шопенгауэр в дополнениях к своей главной книге, где развивал свою любимую мысль о “незатронутости человека смертью” (Шопенгауэр А. Соб. соч. в пяти тт. Т. 1. Мир как воля и представление. М., 1992. С. 275).

[20] Фет А. А. Вечерние огни. С. 14-15.

[21] Термин К. Ясперса.

[22] Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., 1989. – С. 216.

[23] “Свет божественного знания”, согласно “Упанишадам”, открывается подвижнику, оказавшемуся на границе небытия и открывшему для себя “природу смерти”. Обретая это сокровенное знание, человек становится бесстрашным и “сверкающим”.

[24] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 419. Герменевтический анализ санскритского слова ″нирвана″ позволил Шопенгауэру утверждать, что оно означает ″затухание″ воли к жизни, связанное с отказом от индивидуальности и освобождением от вожделений, обманов чувств и скорби, что не равнозначно полной аннигиляции самости, способной к перевоплощению (Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung. Bd. 2. S. 661).

[25] “Женщина – это огонь, – читаем в “Упанишадах”. – ...Её лоно – жертвенный алтарь” (Упанишады. 3-е изд. М., 2003. С. 148, 153).

[26] Schelling F. W. J. Über das Wesen der menschlichen Freiheit. Stuttgart, 2011. S. 98. Об *априорном страхе смерти* как “оборотной стороне воли к жизни” позднее рассуждал Шопенгауэр в дополнениях к четвёртой книге “Мира как воли и представления” (Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung. Bd. 2. Stuttgart, 2005. S. 603).

[27] Шеллинг Ф. В. Й. Философия откровения. Т. 1. С. 265.

[28] Упанишады. С. 140.

Поздравляем нашего дорогого друга и автора со славным 65-летием!

Редакция

ВИКТОР БОЧЕНКОВ

“МЯТЕЖНЫЙ ПАСТЫРЬ, КНИЖНИК ДИКИЙ”

К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума

Два пророка

Перевернув последнюю страницу книги Юрия Селезнёва “В мире Достоевского”, обнаруживаю не совсем обычное соседство: протопоп Аввакум и автор “Братьев Карамазовых” сопоставляются, когда заходит речь о самых последних днях человека. Описание предсмертных минут не такая уж редкая вещь для литературы – художественной ли, мемуарной, документальной... Но филолог хочет передать это предельно достоверно. Ему требуется “другой пророк” (так он отзывается об Аввакуме), едва ли не единственный, которому дано было пройти через ещё большие страдания, чем Достоевскому.

Оставаясь до последнего предела верным себе, Аввакум обретал особое право свидетельствовать: “Он умирал не однажды, и только нечеловеческая сила духа, таившаяся в его тщедушном теле, возвращала его к жизни”. Дальше следует прозрение из его “Жития...”: “Бог вместил в меня небо и землю, и всю тварь... Так добро мне на земле лежати и светом одеянну, и небом прикрыту быти; небо моё, земля моя, свет мой”. Раз оба человека с одинаковой болью выстрадали право на слово, стало быть, и перед смертью должны ощущать и пережить одну и ту же сопричастность собственной судьбы к неизмеримым вселенским пространствам, которые их не отторгают. Так эта тайна – страдания и его смысла – совмещает вроде бы несовместимое. Двух столетий, разделяющих этих людей, будто не бывало. Пророки живут вне времени.

Откуда-то, может быть, из школьного учебника, помню рисунок: площадь с деревянным помостом, люди в балахонах, привязанные к столбам, шеренга солдат с поднятыми ружьями или винтовками. Они в шинелях, зима. У каждого на голове кивер с султаном. Офицер поднял саблю, сейчас последует сигнал. Вдали – контуры домов и храма. Купола – как чёрные свечные огоньки. Семёновский плац. Казнят петрашевцев. Что произойдёт дальше, известно. Залп не прозвучит. Прискачет “вовремя” гонец, и будет оглашён указ об отмене смертного приговора.

Дотошные историки литературы докопались, что рисунок появился где-то в двадцатых или тридцатых годах XX века и вовсе не сделан с натуры кем-то из очевидцев. Использовался он для книги Леонида Гроссмана “Достоевский”. Его правили. Какой-то знаток подметил, что солдатская форма скорее

соответствует эпохе наполеоновских войн, а в 1849 году она была уже другой. “Установили” перила на эшафоте. Он, по свидетельству петрашевца Николая Кашкина, был “обнесён решёткой”. Сам Петрашевский в то зимнее утро сбросил колпак с головы. Значит, и на рисунке кто-то из приговоренных должен прямо смотреть в чёрные зрачки ружей. Это добавляет героики. В толпе возле эшафота появился священник с крестом. На одних иллюстрациях он есть, на других — нет...

Достоевского, как известно, не привязывали. Ожидая очереди, всё происходящее он наблюдал со стороны.

Художник Григорий Григорьевич Мясоедов пренебрёг исторической правдой, когда Аввакума и его соузников, как петрашевцев, тоже привязал к столбам. На его картине “Сожжение протопопа Аввакума” (1897), конечно, нет эшафота. На заднем плане — тоже купола деревянной пустозерской церквушки, обнесённой неровным частоколом, дощатые крыши изб. В толпе выделяется боярин в рыжей шубе: видать, самый главный сановник. С ним рядом, по правую его руку, — поп, читающий молитву, а слева — дьяк с бумажным свитком, царским указом. Тут же стрелец в красном кафтане с тяжёлой пищалью на плече, опирающийся на тонкую палку старик, какой-то пустозерец, спрятавший руки за спину, мол, не причастен, не виноват я... Люди самые разные, но все будто дымка, тени, их лиц почти не различить. Столбы, как на рисунке с петрашевцами, тоже справа. К ним привязаны два человека. Обмотанные верёвками ниже груди, они могут согнуться, словно кланяясь народу. Самый дальний — совсем седой и старый, измождённый, а другой, с чёрной бородой и длинными волосами, моложе и сильнее. Он устремил взгляд на женщину, которая с поднятой, как для объятия, рукой рванулась к нему в огонь, охватывающий поленницу. Её, не оборачиваясь лицом, отталкивает от костра другой стрелец, держащий копьё.

Зачем потребовались эти “петрашевские” столбы? Что Аввакума сожгли в срубе, художник не мог не знать. Или всё-таки это случайность: ну, захотелось ему так! Каприз творческой натуры...

Не знаю... Может быть, тут, на мясоедовской картине, и нет никакой переклички с событиями на Семёновском плацу. Наверняка нет. И всё-таки два пророка “перекликаются”, пусть и опосредованно, благодаря творческому поиску пытливого русского филолога советских лет.

Аввакумовские “ещё бóльшие” страдания и каторжный путь Достоевского были мукой за великую цель и за великую идею — за ту правду, которая выше всякой земной относительной правды и цена которой не укладывается в прокрустово ложе земных терминов, формулировок, определений. По большому счёту, на земле имеет смысл только то, что созидает человечество в единую братскую семью, где каждому отводятся своя задача, цель и предназначение.

В “Дневнике писателя” имя протопопа Аввакума встречается один раз. Вот в каком контексте: “Пушкин тоже во многом непереводим. Я думаю, если б перевесть такую вещь, как сказание протопопа Аввакума, то вышла бы тоже галиматья или, лучше сказать, ровно ничего бы не вышло. Почему это так? Ведь страшно сказать, что европейский дух, может быть, не так многоразличен и более замкнуто-своеобразен, чем наш, несмотря даже на то, что уже несомненно законченнее и отчётливее выразился, чем наш. Но если это страшно сказать, то по крайней мере нельзя не признать, с надеждой и с веселием духа, что нашего-то языка дух — бесспорно многоразличен, богат, всесторонен и всеобъемлющ, ибо в неустроенных ещё формах своих, а уже мог передать драгоценности и сокровища мысли европейской, и мы чувствуем, что переданы они точно и верно. И вот этакого “материала” мы сами лишаем своих детей — для чего? Чтоб сделать их несчастными, бесспорно. Мы презираем этот материал, считаем грубым подкопытным языком, на котором неприлично выразить великосветское чувство или великосветскую мысль”. Это глава “На каком языке говорить отцу Отечества” за июль и август 1876 года.

В словах Достоевского отзывается философская теория Гумбольдта: дух народа, творящий и созидающий, живущий в его языке, непередаваемый и теряющийся при переводе, язык как деятельность духовных сил, тождество и взаимосвязь понятий “дух народа” и “дух языка”... Недаром, отмечает писатель, “язык” и “народ” у славян — синонимы.

Все остальные упоминания об Аввакуме остались в записных книжках. В набросках за 1867–1870 годы есть запись одного сюжета под названием “Смерть поэта (идея)”, упомянут “попик”, твёрдо ратующий за Православие и этим похожий на старообрядческого протопопа[1]. В записных тетрадях за 1872–1875 годы набросано одной строкой: “Аввакум: задача женщины не в красивом виде”. То есть не в том, чтобы наряжаться и красиво выглядеть. Комментаторы полагают, что Достоевский читал послания к боярыне Морозовой, Урусовой, Марии Даниловой в “Русском архиве” за 1864 год. Любопытны мысли писателя, записанные тут же чуть выше. Они, а также строчка об Аввакуме объединены общим заголовком “Шелопуты”. Это название сектантского течения, введённое в оборот полемистами официальной церкви. К старообрядчеству оно не имеет никакого отношения, но Достоевский, в духе своего времени, не отделяет одно от другого. “Что, если он посмотрит на священника единственно как на чиновника от правительства”. Дальше с абзаца: “Что, если это движение имеет именно мысль самоспасания от растления, тогда возможно, что охватит всю Россию. Шелопутинское может умереть и нейти, но другое может подобное явиться”[2].

Тема русского религиозного разномыслия увязана у писателя, как несложно заметить, с будущими судьбами России.

Стараясь осознать русский путь и русское предназначение, обойти стороной старообрядческую историю – историю церкви, оставшейся верной дониконовским чинам и последованиям, той идее, которую всегда выражает обряд, эта видимая “одежда догмы”, – нельзя и невозможно. Это, например, почувствовал далёкий от религиозности, по крайней мере внешней, Ярослав Смеляков – человек совсем другой эпохи. У него “русская суть языка”, подобно мозаике, сложена из многочисленных “цветных стёклышек”, и каждое само по себе самоценно: убери – общая картина рассыплется, цельный образ исчезнет, смысл исказится. В стихотворении “Русский язык” своё место занимает и песня – колыбельная, кабацкая, трудовая, и литературная классика, и “перемолотые” заимствования, и “костры староверов”. Как без них?

Поэта не подвело умение схватить весь образ и всю суть в их целостности.

У бедной твоей колыбели,
ещё еле слышно сперва,
рязанские женщины пели,
роняя, как жемчуг, слова. <...>

Под лампой кабацкой неяркой
на стол деревянный поник
у полной нетронутой чарки,
как раненый сокол, ямщик.

Ты шёл на разбитых копытах,
в кострах староверов горел,
стирался в бадьях и корытах,
сверчком на печи свиристел. <...>

Вы, прадеды наши, в неволе,
мукóю запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.

Вы взяли немецкого малость,
хотя бы и больше могли,
чтоб им не одним доставалась
учёная важность земли. <...>

Достоевский пишет об Аввакуме и “подкопытном”, то есть сыром и живом, языке, который имеет полное право быть в литературе. Если дети его не знают, то они обделены, лишены богатого “материала”, особенно значимого наследства. И Смеляков упоминает: “Ты шёл на разбитых копытах”, – а в следующей строке говорит о “кострах староверов”. Это так совпало?

Возможно. Других совпадений и параллелей по ключевым словам с “Дневником писателя” почти нет. Не упоминаются у Достоевского рязанские женщины, колыбель, кабак, ямщик с чаркой, Кольцов и Курбский, татарский и немецкий языки... Но говорится о том, что не надо бояться языка простонародья, что со школы нужно “заучивать наизусть памятники нашего слова, с наших древних времён – из летописей, из былин и даже из церковнославянского языка, – и именно наизусть, невзирая даже на ретроградство заучивания наизусть”. Язык “надо непременно ещё с детства перенимать... от русских нянек, по примеру Арины Родионовны”. Только потом переходить к иностранному. А оттуда уже “мы невидимо возьмём тогда несколько чуждых нашему языку форм и согласим их, тоже невидимо и невольно, с формами нашей мысли – и тем расширим её”. “Существует один знаменательный факт, – продолжает Достоевский, – мы, на нашем ещё не устроенном и молодом языке, можем передавать глубочайшие формы духа и мысли европейских языков: европейские поэты и мыслители все переводимы и передаваемы по-русски, а иные переведены уже в совершенстве”. А вот перевести Гоголя, Пушкина, Аввакума с русского на иностранный едва ли возможно без потерь именно того духовного пласта, стоящего за словом. И далее следует та цитата, с которой я и начал говорить об этой статье из “Дневника писателя”, о переводе именно Аввакума, о всеобъемлющем духе языка, который считается “подкопытным”...

У Достоевского и Смелякова – одна идея о языке, его живом духе и характере, народных истоках, о его восприимчивости к иноземным заимствованиям и способности верно и точно передать чужую мысль, о необходимости именно с детства, с колыбели, впитать и осознать ту живую суть, что стоит за словесной формой, “телом” мысли, её “оболочкой”, как выразился писатель. Она изложена разными средствами. Поэт, и это естественно, упоминает о недавней войне. Я не дерзну заявить с уверенностью, что “Русский язык” навеян именно “Дневником писателя” и конкретной его статьёй. В 1958 году Ярослав Смеляков “с тайной жаждой новых строк” приехал по писательской командировке в Сибирь. По дощатым ещё тротуарам старой части города Братска он вышел к башне старого острога, где был когда-то заточён протопоп Аввакум.

В её узилище студёном,
двуперстно осеняя лоб,
ещё тогда, во время оно,
молился ссыльный протопоп.

Эта встреча с прошлым снова навела поэта на раздумья о языке как выражении человеческого и национального духа. “Русский язык” был начат в 1945-м, завершён окончательно в 1966-м, как и только что процитированное стихотворение “Один день”. Оно состоит из нескольких частей, вторая целиком посвящена Аввакуму. Поэт словно бы ощутил себя его современником:

Мятежный пастырь, книжник дикий,
он не умел послушным быть,
и не могли его владыки
ни обломать, ни улестить. <...>

В своей истории подробной
другой какой-нибудь народ
полупохожих и подобных
средь прародителей найдёт.

Но этот — крест на грязной шее,
в обносках мерзостно худых —
мне и дороже, и страшнее
иноязычных, не своих.

Ведь он оставил русской речи
и прямоту, и срамоту,
язык мятежного предтечи,
светившийся, как уголь во рту.

Удивительно близки сами мысли разных произведений – статьи Фёдора Достоевского и стихотворений Ярослава Смелякова.

* * *

Рассказ Юрия Нагибина "Огненный протопоп" завершается эпизодом казни Аввакума и авторским обобщением: "С этого пустозерского пламени возжёгся костёр великой русской прозы". Это красивая метафора, которая выражает огромное значение аввакумовского "Жития..." для отечественной литературы и культуры.

Литературоведы втискивают это произведение в свои хронологические рамки и, отталкиваясь от времени создания, относят его к русскому барокко (что бы сказал сам Аввакум, услышав такое слово?), к ранней автобиографической прозе... На деле "Житие..." стоит вне времени и тем более вне литературных канонов. "Костёр великой русской прозы" загорелся без него – иными неисповедимыми путями. Аввакумовского жизнеописания не знали и не читали ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь. Как литературный памятник, как памятник человеческого духа, а в этом редком сочетании и заключается его огромная сила, – оно без малого на два столетия выпало из русского самосознания и отечественной словесности. Точно так же исчезло до времени "Слово о полку Игореве" подобно затерянному в плодородной земле зерну, чтобы потом, по Далю, "прозябнуть" – ожить, приняться, "пустить корешок и стебелёк".

"Житие...", как и целый ряд других старообрядческих и дораскольных памятников (например, постановления "Стоглавого собора"), издал только в 1861 году археограф и филолог Николай Саввич Тихонравов при поддержке книготорговца Дмитрия Кожанчикова. Отсветы "староверских костров" стали беспристрастно изучаться лишь со второй половины XIX столетия. Русское общество наконец "доросло" до понимания, что старая рукопись – имеющий полное право на жизнь литературный пласт, национальное богатство.

"Из колена Аввакумова"

В марте 1960 года настоятель Покровского кафедрального собора, что на Рогожском кладбище в Москве, Василий Королёв получил по почте обыкновенный серовато-голубой конверт с напечатанной на нём маркой в правом верхнем углу и красным советским гербом в левом. Обратного адреса не было. Он вскрыл его, отрезав ножницами края. Из конверта выпал двойной лист обычной тетрадной бумаги в клетку. Вверху стояло: "В Московскую старообрядческую архиепископию, г. Москва, Рогожский пос., Королёву В.". Значит, прямо ему.

Протоиерей Василий служил на Рогожском с 1922 года без перерыва, у него было огромное число духовных детей. Письма ему шли со всех концов страны: кто церковный календарь просил выслать, кто делился своими бедами, кто спрашивал совета насчёт венчаний, погребений, крещения и прочих духовных треб. На конверте чётко отпечатался штемпель с надписью "Нерехта" – местом отправления. Это Костромская область.

Почерк везде был одинаковым, "с" почти всегда превращалось в "е", "о" в середине слов писалось отдельно от других букв, "ж" походило на сдвоенное "ии", "и" почти не отличалось от "н", "ш" иногда писалось с одной отдельно стоящей палочкой-крючком, а "в" смахивало на крендель. Цвет чернил и в письме, и на конверте тоже был одним – синим.

Маститый протоиерей стал читать: "30 января 1960 г. в газете "Совет<ская> Россия" была помещена статья "Сохранить память о Пустозерске", в этой статье упоминается, что Пустозерск был местом ссылки, в местном остроге томились восставшие монахи Соловецкого монастыря, лица, обвиняемые в ереси и безбожии. Что в земляной тюрьме-остроге провел 15 лет выдающийся писатель XVII века протопоп Аввакум. Здесь он написал большую часть своих произведений, в том числе всемирно известное "Житие", автобиографию, а потом был сожжён..."

"Сожжён" было выведено с двумя "с" и одним "ж".

"...сожжён на костре в 1682 г. У вас в настоящей старообряд<ческой> церкви ничего нет, это Вы сами сообщали, даже очень плохо, что о таком поборнике старообряд<ческой> церкви у Вас нет ничего, или вы умышленно не желаете получить это литературное достояние, а это можно, если Вы желаете, или Вас обуздало одно материальное увлечение – деньги..."

Наверное, автор обижался на то, что архиепископия не приобрела для своей библиотеки или для кинешемского жителя по его просьбе только что вышедшее в 1960-м "Житие...". Предыдущее увидело свет в 1934-м с примечаниями Н. К. Гудзия.

Следующим грехом кроме денег было, похоже, "обрядоверие", но слово, разорванное пополам, читалось совсем несуразно: "обрядневерие".

"Это Вас губит, – заключал дальше автор, – и погубит, дело не в обрядах, а дело в вере, в чистой вере. Вы должны проявить заботу достать в магазинах гор. Москвы, должна быть выпущена книга Главлитиздатом, но Вы и этого не хотите, не спасет Вас и не поможет Вам Ваше протоиерейство. Вот протопоп Аввакум, это был человек своего времени, грамотный. Его сочинения не устарели по сие время, а Вы очень устарели. Простите за откровенность и за напутствие. Я думал, у Вас лучше, чем в патриаршей церкви, а оказывается, не лучше. Меня Ваш ответ удивил, что "книги у нас нет"".

Книгу выпустил не Главлитиздат, а Гослитиздат. Автор обозначил себя лишь двумя буквами А. П., добавив перед ними расхожую фразу: "С почтением к Вам". Местоимение "Вы" всюду писалось с заглавной буквы. После подписи следовала дата: 17.03.1960 г. Но автору как будто было мало всего того, что он наговорил. "Обленились Вы, попы, даже готовый материал в газете, и то не хотите прочитать. Прочитайте эту газету".

Откуда автор из Нерехты мог знать, что отец Василий не читал "Советскую Россию" и что вообще читает этот знаток и собиратель старопечатных книг, редких дореволюционных изданий? Тут его, как говорится, понесло... Священник сделал на конверте пометку: "Прочитать владыке Флавиану". Архиепископ обмакнул перо в зелёные чернила и вывел внизу: "Кому отвечать? Нет обратного адреса".

Письмо и конверт прокололи скрепкой и отложили в сторону. Минуло пятьдесят лет, и оно попало мне в руки, когда я разбирал архив Московской старообрядческой митрополии.

Я отыскал этот номер "Советской России". Статья, о которой сообщал неизвестный "А. П.", оказалась на второй странице газеты вверху. Всего четыре абзаца. Подпись меня не удивила. "Старший научный сотрудник Пушкинского дома Академии наук СССР В. Малышев" поддерживал переписку с архиепископией, и здесь его знали. Владимир Иванович был известным исследователем древнерусской литературы. Автор сотен научных работ, он опубликовал в том числе многие не известные ранее сочинения протопопа Аввакума. Кому, как не ему, было озаботиться судьбой Пустозерска.

Это поселение стало первым русским городом за Полярным кругом. Он контролировал экономику края, промысловую и торговую деятельность, добычу пушнины и рыбы, отражал набеги воинственных зауральских ненцев. Основан город был по указу Ивана III в 1499 году.

"Примерно с середины XVIII века Пустозерск, потеряв значение главного транзитного пункта на Север и в Сибирь, стал хиреть. К началу XX века "городок", как называют по традиции жители Печоры Пустозерск и сейчас, представлял собой деревушку в 15 домов. В последующие годы население Пустозерска ещё более сократилось. А совсем недавно в связи с укрупнением колхозов немногие оставшиеся жители "городка" переехали в соседнее село Устье. Сейчас на территории Пустозерска осталось всего лишь три нежилых дома, которые также должны быть отсюда в ближайшее время перевезены", – писал Малышев.

Предсмертное пророчество Аввакума окончательно сбылось.

Учёный ставил в своей статье вопрос о сооружении памятника на месте древней столицы Печорского края. По его мысли, на нём следовало бы перечислить важнейшие события из истории исчезнувшего города. "Это необходимая мера, чтобы в будущем не затерялось место замечательного северного русского поселения. А такой исход не исключен".

Этими словами заканчивалась статья.

Слева от статьи стоял большой портрет слесаря-гвоздильщика Вячеслава Назарова с хабаровского завода "Металлист". У него широкая улыбка, обнажающая ровные зубы, широкий лоб, зачёсанные назад волосы, густые брови, искрящиеся глаза. По подсказке опытного фотографа передовик, недавно закончивший военную службу на флоте, – герой не нашего, увы, времени – смотрит куда-то в сторону. Ниже стояло сверстанное в узкий столбик стихотворение "Ветер с востока" калмыцкого поэта Бема Джимбинова. И мне, и многим поколениям студентов Литературного института запомнились лекции по "зарубежке" его сына, необычайно эрудированного и обаятельного человека, профессора Станислава Бемовича Джимбинова... Под Пустозерском редакция разместила статью о лесных пожарах, уже с другой тревогой. Вся остальная площадь отдана статье о XV партийной конференции в Москве с лозунговым названием "Все силы – великому делу строительства коммунизма". На соседней, третьей полосе – материалы о жизни Ленина, о положении в Америке, в Индии, куда приехал с визитом Ворошилов, во Франции. На четвёртой – всякая мелкая всячина: заметка о "безграничных возможностях золотого кукурузного зёрнышка", сообщения из разных городов, отрывки из писем, и для филателистов – несколько строк о выпуске марок и конверта с памятным гашением к столетию со дня рождения Чехова с портретом писателя.

Пустозерск заносило песком беспамятства. Разве вспомнишь о нём в этом круговороте событий? Как осмыслишь значимость этой памяти о нём? Владимир Малышев был прав, и его тревога отозвалась у неизвестного автора из Нерехты... Наверное, он был резок, но архиепископу Флавиану нашлось бы что ответить, оставь он адрес...

Малышев сумел сделать всё, что было в его силах, не ограничившись одной статьёй. В 1964 году на месте "городка" был установлен из камней разобранной пустозерской церкви Преображения небольшой обелиск, или стела. В 1982-м его акварельный рисунок, похожий в чёрно-белой печати на фотографию, опубликовал старообрядческий церковный календарь, издаваемый Московской архиепископией. То был особый год – исполнилось ровно 300 лет со дня мученической кончины Аввакума. Ниже была помещена памятная доска с текстом. "На этом месте находился г. Пустозерск, основанный в 1449 г. (ныне указывается 1499 г. – **В. Б.**), экономический и культурный центр Печорского края, сыгравший важную роль в освоении крайнего Севера и в развитии арктического мореплавания. Отсюда выходили промышленники на освоение Новой Земли, Шпицбергена и сибирских рек. Пустозерск был местом ссылки борцов против крепостнического гнёта и царского самодержавия – участников восстаний Кондратия Булавина, Степана Разина, Емельяна Пугачёва и др. Здесь в XVII в. находились в заключении писатель протопоп Аввакум Петров (сожжён в 1682 г. за "великие на царский дом хулы") и дипломат Артамон Матвеев. На мысе Виселичном казнили ненцев, восставших против пустозерских воевод".

Уже в "перестройку" неравнодушные жители Нарьян-Мара воздвигли здесь небольшой деревянный памятник. Его автор, Михаил Фещук, стал потом директором пустозерского музея. В 1991 году был образован Пустозерский комплексный историко-природный музей, ныне Историко-культурный и ландшафтный музей-заповедник "Пустозерск". 27 апреля 2012 года старообрядцы поморского согласия освятили рядом с памятным крестом часовню и трапезную в память пустозерских мучеников.

И всё-таки, всё-таки...

Есть ведь и другая, нематериальная, память.

Старообрядцы давно обсуждали памятник протопопу Аввакуму в Пустозерске. Что это могло бы быть? По православной традиции, часовня или крест. Не человеческое изваяние, конечно...

Как-то раз, выбравшись в Химки, я посмотрел в зале газет Российской государственной библиотеки "Старообрядческую жизнь". Под таким заголовком газета "Народное благо" решила выпускать в 1906 году два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям, особое приложение. С января выходила "Народная газета", и приложение к ней называлось "Голос старообрядца" – один лист, как сейчас определяют, опираясь на современный стандарт, формата А3, всего две страницы. Тематика понятна уже по названиям. Но "Голос..." закрыли. На смену и пришла "Жизнь". Просуществовала газета недолго, в свет вышло всего три номера. В первом на самой первой полосе по

центру был помещён большой восьмиконечный крест, исписанный славянскими буквами. Так, что свободного места нет. Эти символы с титлами нельзя прочесть без особого навыка и знаний. От краёв средней перекладины, как опущенные вниз человеческие руки, шли на рисунке столбики букв, расположенных в два ряда – текст, вырезанный на обратной стороне. На основном вертикальном столбе под греческой надписью "НИКА" (победа) буквы жались друг другу тремя рядами:

ККТ
ХВВ
ККЦ
КЦД
КВЧ
КАС
КБѦ
ИКѠ
КПЯ
ТКИ
ѢБЄ

Этот "шифр" досужие ученые мужи в сопроводительной статье раскрывали следующим образом: "Како крест Твой, Христе, всех возвесели! Крест – крепость церковная, крест – царям держава, крест – возстание человека, крест – Адама спасение. Крест – бесам язва и крепких одоление. Крест – пагуба язычества. Такой крест истинныи, яко Божий есть". В других местах буквы написаны были неискусно, не соответствуя ни греческой, ни славянской орфографии. Где-то, например, на верхней дощечке, вместо ѡ следовало писать "о", вместо "восьмеричного" "И" "десятеричное" "І". Последнее "Я" в девятой строке сверху написало было как S, соединённое с І.

Статья называлась "Крест на месте сожжения Аввакума". О нём самом сообщалось лишь, что он находится в одном из храмов Пустозерска. Публикуется только снимок. Больше ничего.

Пустозерск давно притягивал к себе паломников. Кем и когда был установлен здесь памятный поклонный крест, сложно сказать. У самих старообрядцев уже не осталось о том памяти. Но тот крест, о котором писала газета, не простоял слишком долго. Кто-то перенёс его за ограду храма официальной, синодской, церкви, который тогда был в Пустозерске. По сути, этот памятный знак был снесён и доступ к нему ограничен. Газета известила об этом факте крайне аккуратно, разве что читая между строк поймёшь.

На Всероссийских съездах старообрядцев после 1906 года снова зазвучала мысль восстановить крест. В "городок" был командирован начётчик Иван Степанович Жмаев. Он же потом подал в Министерство внутренних дел прошение, чтобы на предполагаемом месте сожжения Аввакума поставить деревянный крест с металлической дощечкой, где будет вырезана пояснительная надпись. Последовал отказ. Аввакум-де сожжён за политическое преступление, "за великие на царский дом хулы". В переводе на современный язык, "за экстремизм".

Образец дощечки был возвращён Жмаеву разбитым на несколько частей.

Вопрос поднялся с новой остротой после 19 июля 1914 года, когда Германия объявила России войну.

В 1915 году на Четырнадцатом Всероссийском съезде старообрядцев с докладом о памятнике в Пустозерске выступил публицист Иван Кириллов. Он говорил красивые и правильные слова. О том, что значение подвига Аввакума и иже с ним пострадавших неизмеримо глубоко. О том, что в пламени аввакумовского костра зародилась для всего русского народа надежда снова воскреснуть для самобытной и полной, свободной творческой жизни. О том, что в непоколебимом стремлении подвижника стоять за правду-истину, за правду-справедливость звучат высшие христианские мотивы...

Этическое понятие "правда" неохватно, поэтому Кириллов, публикуя свою речь в журнале "Слово Церкви", не сумел обойтись без уточняющих слов, присоединяемых через дефис.

Спустя сто лет можно снова повторить и то, что смущало его тогда: "Когда оглядываюсь на наше время, на себя самих, горькое, острое чувство стыда

схватывает сердце, и мучительно встаёт вопрос: достойны ли мы протопопа Аввакума? Где в нас твёрдость его веры? Его божественный порыв, ревность по чистоте Церкви Христовой? Ощутим ли мы в своём сердце святую аввакумовскую нетерпимость к врагам Церкви Христовой и всего русского народа?"

Кириллов не дал ответа. Он был понятен. Этой аввакумовской ревности не было тогда, нет и сейчас... Оратор сказал, что лучшим памятником Аввакуму будет продолжение его дела – быть верными исконному русскому Православию и национальным началам общественной жизни. Это звучало общо, но у Кириллова не было времени развить мысль. Осознай, что ты русский, – уже этим сказано многое. Научись самостоятельно мыслить по-русски. Не бойся быть русским... Материальный памятник – только дань сыновнего долга, исполнение пятой заповеди. Тем не менее Кириллов предложил построить в Пустозерске часовню. Он верил, что она станет близкой и родной старообрядцам всех согласий.

– В будущем, возможно, около часовни возникнет старообрядческий монастырь со специальной библиотекой, где найдут пристанище молодые силы старообрядчества, направленные на благую цель служения заветам наших прадедов. И, кто знает, может быть, далёкий теперь городок Пустозерск в будущем явится для всего старообрядчества центром религиозно-духовной жизни и мысли. Сам протопоп Аввакум пророчески говорил, что из каждой золинки сгоревших на кострах ради правды Христовой восстанут миллионы верующих.

События 14 апреля 1682 года стали одной из ключевых вех отечественной истории, но прошли мимо отечественной историософии. Двуперстие стало символом русской самостоятельности и духовной свободы.

И в советские годы уже другие люди всё равно пытались сохранить память об аввакумовском костре. Малышев воплотил свою идею, которую высказал в короткой статье в "Советской России". Не стало Пустозерска, занесло его песком, а небольшой обелиск был всё-таки установлен. "Городок" обрёл сакральное значение. Люди продолжали сюда идти. Не памятник притягивал их, но само это место, освящённое страданием праведников.

Нравится мне один рассказ у Фёдора Абрамова, он называется "Из колена Аввакумова". Рассказчик попадает в Койду, поморское село в Архангельской области, за которым водится недобрая слава. Мол, живут здесь "икотницы", способные насылать порчу. Ему встречается древняя старуха, сидящая на бревне у дороги. Они знакомятся. Её зовут Соломея, или, поместному, Соломида. И она повествует приезжему, как жила. Перед нами обычный для Абрамова ход и ещё один тип русской праведницы. В юности у неё отнялись ноги, помог только совет односельчанки: "сходить в Пустозерье к святому великомученику Аббакуму, кресту евонному поклониться". Шесть дней нужно молиться без отдыха, с понедельника до субботы, потом выспаться, а наутро – в дорогу. Ради такого подвига даст Бог ноги. Добиралась она зимой с обозами, сначала до Пинеги, где есть ярмарка, там кто-нибудь из приезжих авось да подскажет дальше путь в Пустозерск. "Мужики звёзды в небе ищут, по звёздам едут, а я крестом себе дорогу освещаю. Пальцы в рукавице в крест двуперстный зажала, да так с крестом истинным и прошла взад-вперёд". Добрела Соломида до Пустозерска, поклонилась кресту и вернулась назад. По сюжету это двадцатые годы. Потом она вышла замуж, родила дочь, чудом спасла от смерти мужа. И за ней закрепилась дурная слава, дескать, ведьма она. Затем её упекли в лагеря, поскольку "ведьма" отказывалась работать в колхозе по воскресеньям. Но и неволя её не сломила. Ей было у кого просить о помощи: "Попервости в погреб (карцер. – **В. Б.**) этот впихнут – зуб на зуб не попадает. Руки коченеют. О, думаешь, хоть бы щепиночку какую дали, я бы и то обогрелась. А потом раздумаю: а слово-то Божье мне зачем дадено? Помолюсь, раскалю себя молитвой, вспомню про праведника Аббакума, как его в яме-то, в подземелье гноили да холодами пытали, голой сидел, мне и теплее станет. Словом, словом Божьим обогревалась".

Кончилось тем, что Соломиду отпустили на все четыре стороны досрочно. Выходя из карцера, она каждый раз благодарила начальника лагеря и каждый раз кланялась в ноги: "А то, говорю, улыбаюсь, что страданье дал, дозволил мне с Господом Богом наедине побыть". Настал день, когда он махнул рукой: "Доконала ты меня, бабка. Не хочу, чтобы ты от моих рук смерть приняла.

Убирайся с глаз долой. Чтобы духу твоего здесь не было". "Да, бабушка, – подытоживает рассказчик, – не жизнь у тебя, а целое житие".

Соломида опирается на очень "простую" житейскую философию: "Нет греха спать со своим мужиком. Грешно прелюбы творить да в страстные дни сходиться, а в остатнее время Божий мир любовью держится. Всё Божьим словом да верой держится. Божьим словом людей на ноги ставят, со смертного одра поднимают"; "Молитва – первое дело. Изо всех работ работа. Сила да разум каждый день человеку нужны, а без молитвы откуль их взять?" У неё одно желание и одна просьба к Богу – чтобы не дал умереть "с коростой клеветы бесовской". Икотницы перед смертью целыми днями кричат. Она же отошла тихо, на глазах у знакомых старух. "Святая меж нас жила", – только тогда поняли они...

Долг памяти ведёт рассказчика на могилу Соломиды в Койде: "...И я долго стоял у песчаной могилы со свежим, ещё не обветренным сосновым столбиком, на котором не было ни единой буквы, ни единого знака". Но только ли долг памяти? Кроме него – что-то ещё иное, святое и невыразимое...

В 1914 году во втором, январском номере старообрядческий журнал "Церковь" напечатал заметку об этом селе. Минувшим летом на здешний храм подняли кресты, совершили по этому случаю молебен. "Народу на торжестве было очень много, особенно никониан, которые очень интересовались как службой, так и чином поднятия крестов". В Койду приехал из Нижегородской губернии овдовевший священник Хрисанф Кардюков. Журнал опубликовал его портрет: на нём мужчина в подряснике лет пятидесяти с длинными волосами, падающими на плечи, расчёсанными прямым пробором по центру, с не очень длинной чёрной бородой, высоким лбом. Черты лица немного грубые, я бы сказал, крестьянские, без семинарского лоска. Пройдёт пятьдесят лет, в Койде будет жить Соломида и её сверстницы, а потомки разъедутся по городам. Но и ныне старинное это село на берегу Мезенского залива не исчезло с карт, и всезнающий интернет говорит, что по переписи 2010 года здесь живут 427 человек...

Старовер Ломоносов

Старообрядчество и русская литература – тема неохватная; начинаясь с аввакумовского "Жития...", с соловецких челобитных, она идёт, не прерываясь, дальше, вплетаясь в литературу чисто светскую. Старообрядческая тема не слишком звонкой нотой, однако звучит вскользь у Кантемира, у Ломоносова, у Радищева... В XIX веке она будет раскрыта другими писателями куда шире.

Сближение Ломоносова, ещё отрока, со старообрядцами было, и этот факт отмечен многими его биографами, но, как заметил в своё время замечательный филолог Евгений Лебедев, "мы не знаем, как далеко и насколько глубоко оно распространялось"[3]. Можем только предполагать.

Старообрядцами были ближайшие родственники Ломоносова, его отец – нет. Есть гипотеза, что знакомство с виднейшим старообрядческим деятелем Андреем Денисовым, учеником Киево-Могилянской академии, автором "Поморских ответов", привлекло его на какое-то время в монастырь на Выг. Это было в отроческом возрасте, когда будущий основатель Московского университета с особой остротой тянулся к знаниям. Указываются разные даты: в тринадцать лет, в пятнадцать лет. В монастыре Ломоносов пробыл года два. Он отошёл от старообрядчества, высказывался о нём весьма нелестно. Есть у него, например, "Слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года". В нём в духе тогдашних идеологических установок старообрядцы выставлены врагами государства наравне со шведами, турками и поляками: "Таковыя противности воспящали Герою нашему в славных подвигах! Коль многими отвсюду окружён был неприятелями! Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта, извнутрь – стрельцы, раскольники, козаки, разбойники"[4].

В 1986 году, обобщая всё, написанное по этой теме, питерский историк и археограф Николай Юрьевич Бубнов предпринял попытку обосновать мысль о том, что окончательный разрыв Ломоносова со старообрядцами произошёл

уже в Москве, что именно выговские жители снарядили его учиться, надеясь, что светское образование не повредит, как не повредило оно Андрею Денисову, а, напротив, даст им ещё одного незаменимого человека: “Не будет слишком смело предположить, что “впавший в жестокий раскол” молодой Ломоносов был рекомендован и послан своими новыми друзьями-старообрядцами на учёбу в заиконоспасские школы с тем, чтобы по возвращении на родину во всеоружии знаний войти в число руководителей местного старообрядчества. Такое предположение помогает удовлетворительно объяснить уклонение юного Михайлы от церковного брака (федосеевцы, как известно, отвергали институт брака), добровольный уход с родины без родительского благословения и нужных документов. Вполне вероятно также, что старообрядцы снабдили посланного ими на учёбу юношу не только деньгами на первое время жизни в Москве, но и фальшивыми документами, позволившими ему выдать себя за поповского сына или даже за дворянина”[5].

Но, как часто бывает, “что-то пошло не так”. Ломоносов не вернулся назад. Всё, что связано со старообрядчеством, он старательно скрывал, как будто вымарывая этот короткий период в пару лет из своей биографии, чтобы и следа не осталось.

Отроческие годы русского учёного в Выговском монастыре отображены в романе М. К. Попова “Ломоносов: Поступь Титана” (“Роман-газета”, № 19 за 2011 год). С первых строк здесь появляется белица, которая тонкой кисточкой рисует что-то “разноцветной вапой” (краской) на листе пергамена. “Лицо её по брови повязано льняным повойником”. Повойник, как правило, носили замужние женщины, это шапочка, “повязать” её “по брови” невозможно, можно только надеть. Иногда повойник подвязывается сзади двумя лентами, которых не видно из-под платка. В мужской Выговский монастырь был категорически запрещён вход женщинам, и каким бы исключительным художественным даром эта белица ни обладала, она могла бы сюда прийти разве что для свидания с братом или отцом. Поморскую орнаментальную заставку сделал бы любой инок, труженик выгорецкого скриптория... У юного Михайлы в романе губа отнюдь не дура: он так возле этой белицы и вертится, растирает краски, сам пытается листочек разрисовать. А едва оказавшись за стенами монастыря, собирая с Офонасием “красовитые камушки” для получения краски, гоняется за голой саамкой, ломая кусты, “ровно топтыгин”. Малый он уже опытный, “девок деревенских, бывало, щупал, и они валяли его”. Но сюжет в итоге сводится к глупой современной песне: “А когда я её обнимаю, всё равно о тебе вспоминаю”. Всё Текуса, та самая белица, ему мерещится. А её, как выясняется после возвращения в монастырь, подальше на Лексу отправили, “доступ туда особам другого пола заказан, и пути назад оттуда нет” (это почему же?). Тут как на грех ещё лубок подвернулся Ломоносову на глаза: картинка, как мыши кота хоронят, с намёком на Петра Первого. Кот, понятно, император. И Михайла вскипел: лист разорвал, ругаться стал, да дёру из монастыря. И всё то ли из-за бабы, то ли из-за кота — поди разбери.

Хорош у нас “титан”! За девками гоняться — нормально. Но “срамная” картинка вызывает приступ такой бешеной ярости, что Ломоносов бежит прочь сломя голову. Лишь под конец первой главы мы узнаём, что Выговский монастырь — “раскольный”. Если кто не в курсе, не поймёт. И уж если придавать такое внимание словесному узорочью — “синь-лазорь”, “черниловка”, “вапа”, “закодолить”, “блазниться”, “лепо”, “потай”, “зеленастей” (вместо “зеленее”) и пр. — не худо бы помнить, что не говорят старообрядцы “Псалтирь”, а только “Псалтырь”, и иного не принято... К примеру, Фёдор Гладков уж на что коммунист-атеист, но это знает, у него и в “Повести о детстве” и в “Вольнице” это слово всегда одинаково через “ы” пишется. Сразу видно, из староверческой семьи вышел человек. Странно или нет, но и корректоры это не правят.

Молодой Ломоносов предстаёт в странном, искорёженном водевильном виде. Это не будущий учёный, а похотливый юнец, которого вынудил оставить монастырь случайный импульсивный поступок. Культурное, экономическое, духовное значение Выга для Поморья и вовсе прошло мимо автора, характеры выговских насельников не заинтересовали, само пребывание Ломоносова здесь не оказывает никакого влияния на его становление. Ну, разве что тут, на Выге, впервые заинтересовали его минералогия и живопись... Через несколько страниц он точно так же будет “строить куры” фройлен Лизхен в Марбурге. О выговской белице уж не осталось и памяти.

В такого рода прозе нет или же недостаёт главного, ради чего она в общем-то и пишется: нет анализа жизни, минувшей или настоящей, и человеческих отношений. Нет того русского характера, который, не гнушаясь, не отбрасывая впитанный с детства, с отрочества, с коротких монастырских лет тот самый "подкопытный" язык, затем вплетает его в собственную теорию "трёх штилей", берёт свободно и властно "немецкого малость", осваивает европейскую учёность и остаётся самим собой, нет объяснения, какими силами, благодаря чему это поморскому юноше удаётся...

"Наших прадедов Бог по-иному ковал..."

В нижегородском журнале "Старообрядец" за 1907 год в апрельском, четвёртом номере появилось любительское стихотворение Петра Ивановича Власова. Кто он такой, скажу чуть ниже. Оно было приурочено к 225-й годовщине гибели Аввакума.

Он погиб за великое дело —
За преданья родной старины,
Защищая свободно и смело
Веру праотцев русской земли.

Повинуясь законам лишь Бога,
Отступникам карой грозил,
И в силу великого долга
Их могучею речью разбил.

Не боясь ни богатых, ни сильных,
Он за веру Христову стоял,
Он в речах своих, верой обильных,
На духовную жизнь призывал.

И за эту глубокую веру,
За большую любовь к старине
Уподоблен он был изуверу
И врагами сожжён на костре.

Так погиб этот славный подвижник,
Постоявший за совесть людей,
И погиб, как великий защитник,
Кончив жизнь от руки палачей.

В 1932 году небольшой листок бумаги со столбиком этих четверостиший будет изъят сотрудниками ОГПУ при обыске у старообрядческого епископа Викентия (Никитина). Имя автора не всплывёт. Его забыли. Стихотворение стало песней. Рукопись, с которой довелось мне ознакомиться несколько лет назад, отличается от опубликованного текста, но не слишком сильно: "он страдал" вместо "он погиб", "могучею речью язвил" вместо "разбил". Это естественно: авторское стихотворение перешло в область фольклора, а фольклор вариативен. Последние две строки в каждой строфе должны повторяться два раза, в рукописном тексте сделана соответствующая пометка. Эти стихи пели.

Пётр Иванович Власов — сын священника Иоанна Власова, хранителя книжного собрания Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища, большого знатока старой книги, умершего обидно рано, в 1910-м в пятьдесят лет. Ныне оно, это собрание, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Этот стихотворный опыт был у его сына, тогда четырнадцатилетнего подроста, едва ли не единственным. Пётр Власов публиковал в старообрядческой периодике исторические документы, кое-что успел до революции выпустить отдельными сборниками. Окончив школу и реальное училище, он поступил в 1911 году в Московский коммерческий институт (в советские годы — Институт народного хозяйства им. Плеханова), но не окончил

его. Увлёкшись древностями, редкими книжными памятниками, работал в антикварном книжном магазине библиографом. Затем, уже после революции, сменил несколько работ, но главной его профессией стало библиотечное дело. В январе 1930 года Власов устроился в Центральную библиотеку Наркомречфлота. Во время Отечественной войны вместе с книжным фондом был эвакуирован в Ульяновск. В декабре 1942 года был назначен директором Центральной научно-технической библиотеки. После переименования Наркомречфлота в Министерство речного флота остался в прежней должности, в июле 1948-го ему было присвоено звание старшего лейтенанта административной службы. На позднем фотоснимке он изображён гладко выбритым, с короткой щёточкой усиков между носом и верхней губой, в круглых очках на широкой переносице...

С 1940 года и до самой смерти Пётр Власов переписывался с Владимиром Малышевым. Отдельные его письма опубликовала историк-любитель Вера Анисимова на страницах сборника "Старообрядчество: история, культура, современность" в 2011 году.

В десятом выпуске "Трудов Отдела древнерусской литературы", который вышел в 1954 году, Владимир Малышев напечатал "Библиографию сочинений протопопа Аввакума и литературы о нём 1917–1953 годов" и упомянул о Власове: "Во время работы над этим указателем в Москве (Рогожская застава) умер персональный пенсионер Пётр Иванович Власов (24.I.1893–16.X.1953), большой знаток старообрядческой литературы, много помогавший мне при собирании сведений об Аввакуме и, в частности, при составлении этого библиографического обзора"[6].

Удивительная судьба выпала робким, простым, нескладным, однако искренним строкам подростка-старообрядца! В литературоведческих работах по XIX веку встречаешь иногда клише: "ходили в списках". Речь о стихах или статьях, не пропущенных, запрещённых цензурой. "Ходило в списках" письмо Белинского к Гоголю, пушкинская ода "Вольность", его же "Деревня". Власов так и не узнал, что где-то в Ессентуках сидел, склонившись над письменным столом, следователь ОГПУ и читал его мальчишеские вирши, которые тоже стали "ходить в списках". В контексте того антирелигиозного времени они обретали особенный смысл, задавая образец поведения.

Своеобразие дилетантских строк Власова с его неточными и глагольными рифмами и совсем ненужной последней строфой в том, что они эмблематичны, выглядят, как развёрнутый текст, который словно бы сопровождает и поясняет некое изображение: портрет Аввакума, репродукцию картины, где он изображён, и т. п. Старообрядческий автор полностью абстрагируется от "Жития...". Профессиональные поэты – Дмитрий Мережковский, Максимилиан Волошин, Варлам Шаламов, Арсений Несмелов, Николай Новиков, Виталий Гриханов – отталкиваются в той или иной степени именно от литературного памятника, перерабатывают и по-своему трактуют его образы, сюжеты. Но все они, и Власов тоже, стремятся дать оценку тем ценностям, ради которых жил и погиб мятежный протопоп...

Епископ Викентий получил в 1932-м десять лет. Он обвинялся в "создании и руководстве Северо-Кавказским филиалом Всесоюзной контрреволюционной организации старообрядцев", подготовке антисоветского восстания, шпионской деятельности в пользу Румынии, в распространении антисоветской литературы, агитации против вступления в комсомол и колхозы. Через год его по болезни освободили досрочно. Второй раз арестовали в 1938-м в Москве и до смерти забили при допросе.

То была эпоха, когда снова потребовалась аввакумовская воля и аввакумовская непреклонность. Не случайно созданное в Ленинграде в середине 1920-х годов старообрядческое братство названо было именем протопопа Аввакума. Его непосредственный организатор и руководитель епископ Геронтий (Лакомкин) арестован был тоже в 1932-м в один день с Викентием. Тогда ему исполнилось шестьдесят. Свои десять лет он отбыл в лагерях полностью, причём ни разу не нарушив постов, и на свободу вышел в самый разгар войны...

Отечественная художественная литература, где отражён образ мятежного протопопа, – это объёмный, практически неподъёмный пласт, его не так просто "взрыхлить" литературоведческим "плугом". Даниил Мордовцев, старообрядческий епископ Михаил (Семёнов), Алексей Чапыгин, Всеволод Никано-

рович Иванов, Фёдор Абрамов, Владимир Личутин, Владислав Бахревский, Дмитрий Жуков, Елизар Мальцев, Николай Коняев, Глеб Пакулов, едва не погибший вместе с Александром Вампиловым на Байкале, когда их лодка напоролась на топляк... В череде больших произведений вспомню ещё затерянную ныне на страницах сборника "Ока" 1990 года маленькую и очень симпатичную миниатюру калужского писателя Александра Козловского "Паучина"... Поэзию не беру нарочно. Сопоставлять всех авторов в одной статье я, конечно, не ставлю своей целью. Коротко коснусь эмигрантской литературы – только двух авторов, оказавшихся в изгнании. Их сблизило с Аввакумом собственное страдание и утрата.

Иван Лукаш написал небольшие, удивительно проникновенные очерки "Потерянное слово" об Аввакуме и "Боярыня Морозова", и, мне кажется, вряд ли ему бы это удалось, останься он на родине, когда всё вокруг благополучно и собственная жизнь вполне удалась: "В Аввакуме, в боярыне Феодосии Морозовой и в других мучениках раскола не их тёмные ошибки, не исступлённость, даже не железное их упорство в страданиях поражает потомка, а именно это чуяние гибели Руси, невымоленного Дома" ("Потерянное слово"). То же самое ощущал тогда и он сам, и многие другие, когда после 1917 года ушла навсегда былая императорская Россия – в историю, в глубокую память, в "тёмные аллеи" дорогого прошлого... Лукаш подметил одну важную особенность "Жития...": "Как-то не замечали, что простая повесть Аввакума о невыносимых страданиях, застенках, пытках и ссылках – улыбающаяся повесть". Аввакум как будто посмеивается над своими испытаниями. "Он – выше их. Он с ними шутит". Тем же светом светел рассказ Фёдора Абрамова "Из колена Аввакумова" и жизнь его героини. Это потому, что люди знают, ради чего жить и ради чего умирать.

Арсений Несмелов сравнивает два разных поколения, уже не детей и отцов, а внуков и дедов. Образцом человеческой цельности становится для него именно Аввакум. Она оказалась особенно востребованной, да и всегда будет самым востребованным человеческим качеством в эпоху, когда распадается связь времён.

Он перечитывает "Житие...". Я – его "Протопопицу".

Наших прадедов Бог по-иному ковал,
Отливал без единой без трещины, —
Видно, лучший металл Он для этого брал,
Но их целостность нам не завещана.

Их потомки — не медь и железо, а жесть
В тусклой ржавчине века угрюмого,
И не в сотый ли раз я берусь перечесть
Старый том "Жития..." Аввакумова.

Чтобы остаться самим собой, необходимо отыскать веру и идею, ценность которой была бы выше любых земных благ, тот смысл бытия, который не завершается со смертью в отмеренных каждому человеку земных координатах. Именно здесь откроется тогда загадка и значимость человеческой цельности. У Несмелова целое поколение её лишено. Она "не завещана", что-то разомкнулось в преемственной цепочке времён и поколений. Что и почему? Какое звено выпало? В поисках ответа брали в руки "старый том" не только авторы, оказавшиеся на чужбине, но и те, кого с Аввакумом объединил один страдальческий путь, одно родство "хождения по мукам"...

Наш спор — не духовный
О возрасте книг.
Наш спор — не церковный
О пользе вериг.

Наш спор — о свободе,
О праве дышать,
О воле Господней
Вязать и решать.

Конечно, Варлам Шаламов, “Аввакум в Пустозерске”.

Предметный ряд первого четверостишия со всем материальным (книги, вериги) отрицается и сменяется во втором целым комплексом идейных постулатов.

Удивительно и с другой стороны совершенно неудивительно, как этот Аввакумовский путь – до самого костра – объединил столь разных русских людей, изгнанников и оставшихся на родине мучеников. Объединил потому именно, что не был пустым результатом упрямства. Фанатизм – феномен последних атеистических столетий. Он несвойственен ни древнеримским мученикам, ни русским страдальцам за веру. Как подчёркивал уже на излёте советских лет академик Александр Панченко, “древнерусский человек, в отличие от человека просветительской культуры, жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он “окормлялся” верой, как насущным хлебом. В Древней Руси было сколько угодно еретиков и вероотступников, но не было атеистов, а значит, и фанатизм выглядел иначе” (“Боярыня Морозова – символ и личность”).

Но к Богу дорога
Извечно одна:
По дальним острогам
Проходит она.

Пустозерский костёр превращается в экзистенциальный символ, за которым возникают вопросы о смысле жизни и предназначении человека. О выборе пути. Надо ли идти этой дорогой, если в конце будет огненная точка, а за ней небытие? И что в результате, если пройдёшь и претерпишь?

Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца.

Обычный человек из кожи и костей, с желудком, печенью и селезёнкой – всё как у всех – становится вдруг человеком-идеей.

Пусть стучит этот пепел.

В этой способности отзываться в поколениях – секрет памяти и залог её бессмертия.

В кривом зеркале отвлечённой философии

Аввакум и старообрядцы отстаивали идею преемственности русского взгляда на церковное устройство, освящённое Стоглавым Собором. Отсюда совершенно особое место в русской историософии обретает это событие 1551 года, отринутое церковными реформаторами. “Ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков”. Что протопоп Аввакум проявил себя как последовательный русский националист, обратил внимание уже в советские годы писатель Всеволод Никанорович Иванов. Тоже, как и Арсений Несмелов, эмигрант (впрочем, вернувшийся потом из Китая; есть версия, что разведчик). Его очерк “Оправданный Аввакум” входит в сборник “Огни в тумане: Думы о русском опыте”, увидевший впервые свет в Харбине в 1932-м. В нём такие слова: “Причина этого двухсотпятидесятилетнего пренебрежения к страданиям протопопа Аввакума со стороны русского общества лежит в том, что протопоп Аввакум не был революционером. Более того. Он был страстным убеждённым русским националистом (разрядка Вс. Н. Иванова. – **В. Б.**). Вот почему имя его отсутствовало до сих пор в синодиках русской общественной истории”. Потрясения всегда заставляют обернуться назад. Смотреть не в будущее, а в прошлое: “Мы видим, что, в противность настоящему, в прошлом мы имели крепкое, сильное слаженное государство, и это преисполняет нас уважением к тем деятелям этого государства, которые его создали, и тем, кто держал тогда высоко стяг русского национального дела”.

В относительно недавние годы литературоведы старались разрешить вопрос: русская советская и русская эмигрантская литература – две разных литературы или одна? Бравурный ответ – конечно, одна! И он правильный. Только с оговоркой. Как уточняет филолог Алексей Чагин, "достаточно полным ответом, учитывающим всю непростую диалектику взаимодействия двух потоков русской литературы в 1920–1930-е годы, могла бы стать "формула": *одна литература и два литературных процесса*"[7]. Можно назвать нескольких писателей, так или иначе причастных к старообрядческой среде, из неё вышедших (и, несмотря на это, совершенно не похожих друг на друга): Михаил Пришвин (мать старообрядка), Николай Клюев, Сергей Клычков, Пимен Карпов, Фёдор Гладков, Афанасий Коптелов, Елизар Мальцев, Борис Шергин, Исай Калашников, драматург Степан Лобозёров... Между ними нет никакого родства "по старообрядческой линии" – ни мировоззренческого, ни художественного. И собственно старообрядческой, обособленной художественной литературы в современном понимании тоже нет, если не считать отдельных любительских, даже вполне удачных рассказов и стихотворений на страницах старообрядческой периодики начала XX столетия. Есть духовная литература: апологетика, есть сатирические стихи в жанре райка, фольклор: духовные песни, стихи, канты, есть церковно-общественная публицистика. Есть труды выговских насельников, "Поморские ответы", богословские работы святителя Арсения (Швецова), Илариона Кабанова, огромный корпус статей епископа Михаила (Семёнова), Фёдора Мельникова, Никифора Зенина, Ивана Кириллова... Но здесь уместен тот же вопрос: что это, русская духовная литература или уже литература какого-то другого, особого народа?

Это тоже часть единой литературы, её особый поток. Она должна изучаться наравне и в параллели с другими видами апологетической и духовной литературы.

Что такое старообрядческая история? Это история отдельного народа? Нет же, единая русская. Но в то же время особый и отдельный "исторический процесс", текущий где-то в стороне от магистрального "казённого" Православия, а потому не изучаемый как следует, отброшенный на научные задворки, почти маргинальный. Но если мы ещё русские, для нас в нашей истории не должно быть несущественных записей на её полях. Оба процесса – литературный или исторический – нужно изучать параллельно в их сопоставлении. А это означает необходимость нового методологического подхода к истории отечественного Православия.

Один пример, что получается, если делать наоборот. Представим: сидит у себя в редакции газеты "Русь" Иван Сергеевич Аксаков. Он видится мне таким, каким изображён на фотографии А. И. Деньера: очки в тонкой оправе, окладистая борода, от нижнего края жилетки куда-то в боковой карман спускается цепочка, – должно быть, часы. Редактор склонился над рукописью, стол завален бумагами. Фотограф запечатлел его, наверное, в домашней обстановке, и в рабочем кабинете не было того круглого журнального столика с высокими ажурными ножками, на который Иван Сергеевич положил левую руку, не было кресла с длинными тесёмками бахромы и низкой спинкой, с короткими подлокотниками и свисающими вниз кисточками. Это парадный "антураж". Представим ещё книжный шкаф, как на заднем плане снимка. Почему бы ему не быть и в редакции московской газеты.

Открывается дверь.

Входит "юноша бледный со взором горящим".

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! Я принёс вам статью.

– Что у вас, Владимир Сергеевич, на сей раз?

– "О церкви и расколе". Вот.

– Ого!

Конечно, наверняка всё было вовсе не так. Но Аксакова настолько воодушевил новый труд начинающего философа, способного в свои неполных тридцать лет оригинально и самостоятельно мыслить, что он написал к его статье пространное послесловие.

В сентябре 1882 года в "Руси" был опубликован цикл В. С. Соловьёва "О церкви и расколе". Позднее он был переработан им в статью "О расколе в русском народе и обществе". Последняя часть увидела свет 2 октября, и в том же номере И. С. Аксаков поместил свой отклик "По поводу статьи В. С. Соловьёва "О церкви и расколе".

Эта соловьёвская статья примечательна.

Она начинается словами о том, что истинная сущность Церкви связана с её вселенским характером. Тут не поспоришь. Соловьёву особенно дорого понятие "кафоличность" (т. е. вселенский, надвременной и наднациональный характер Церкви). "Раскол" якобы подменяет кафоличность размытыми понятиями старины или "отеческого предания", удаляясь от "божественного содержания, растворяя широкие врата всякому человеческому произволу и мудрованию". Но что такое "раскол"? Понятие, которым публицист постоянно оперирует, размыто и неопределённо. В "расколе" Соловьёв видит два "основных разветвления": староверие с "поповщиной" и "беспоповщиной" и, как он пишет, "свободное сектантство". Церковную кафоличность отрицают и те, и другие, каждый по-своему. Староверие распространялось в умственно неразвитой среде, а потому неизбежно должно было принять "грубые и невежественные формы". Избитый миссионерско-охранительный взгляд, ничего нового. Если с ним согласиться, получится, что дониконовская русская Церковь не обладала никакой кафоличностью, так как там национальное начало взяло верх над вселенским, и никонианская реформа, получается, как раз внедряла эту самую кафоличность, а значит, была несомненным благом. И "свободное сектантство", и старообрядцы сходятся у Соловьёва при всех различиях в том, что для них "совсем не существует Церковь как целое, Вселенская Церковь, независимая ни от места, ни от времени, не исчерпываемая ни настоящим, ни прошедшим". Соловьёв перечисляет эти сущностные признаки кафоличности, и ему кажется, что национальная традиция стирает, уничтожает, нивелирует их. (Что одно другому не мешает, как раз подчёркивал в 1914 году старообрядческий писатель и публицист Ф. Е. Мельников на диспуте "О сущности старообрядчества" в Политехническом музее.)

Отличительная особенность соловьёвской статьи – полное игнорирование старообрядческой литературы. Она не упускала из виду понятие о кафоличности, для этого достаточно обратиться хотя бы к некоторым старообрядческим сочинениям. Люди другой эпохи, авторы "Поморских ответов", заявляли в своё время прямо противоположное русскому философу: "Как древлеправославные россияне, прадеды и отцы наши и святые российские чудотворцы, пребывая с теми же древлецерковными уставами, служили Богу по староцерковным книгам, *пребывая во святой православной кафолической Церкви*, так и мы, с тем же древлецерковным святоотеческим содержанием оставаясь, пребывать надеемся в той же святой *древлеправославнокафолической* Церкви" (курсив мой. – **В. Б.**)[8]. Кто же здесь подменяет кафоличность стариной? Кто же утверждает приоритет национального или, по Соловьеву, "человеческого начала", которое доминирует над Божией правдой? Старообрядческая апологетика, неведомая философу, отстаивает эту кафоличность как великую ценность. Сущностная особенность старообрядческого мировоззрения именно в том и заключается: не мы, сторонники дониконовских чинов и последований, старого церковного уклада, откололись от Церкви, мы, напротив, остались прежними. Мы никуда не ушли. И доказательству этого тезиса посвящено всё содержание "Поморских ответов".

Соловьёв умаляет значение церковного предания, сводит его к "местным русским обычаям", которые, по его мнению, закрепил Стоглавый Собор.

"Вселенская истина исчезла здесь перед народным обычаем, который выдавался за вселенскую истину, – пишет он, – важно то, что на место Божьего и всемирного вдруг явилось своё, отдельное". Это было "началом болезни", её вызвали суровые действия церковных властей. "Но если правители церковные иногда неправо действовали, то раскольники неправо мыслили"[9]. Во как завернул! А что тут лучше, что хуже, действовать или мыслить, и разве не мысль определяет действие? Утверждаясь на отеческом предании, старообрядцы-де забывали, что "отцы их были такие же люди, как и они, и что, следовательно, отеческое предание *само по себе* есть лишь *человеческое* предание и, как такое, не может иметь высшего божественного авторитета"[10]. Божественное значение, по Соловьёву, имеет не "частное предание" (национальный обычай), а предание "вселенское, или кафолическое", которое "священно не по временной старине и не по человеческому обычаю, а по своему божественному происхождению и вечному значению"[11]. Дело не в предании, а в его кафолическом характере, заключает он.

Но в том-то и суть, что старообрядцы, Аввакум, в частности, и его соузники отстаивали как раз не народный, не национальный церковный обычай или обряд, а *апостольское* (выделю это) предание, каким было, например, двуперстное крестное знамение. Это подчёркивали старообрядческие апологеты разных, далёких друг от друга времён. Эта мысль красной нитью проходит и в "Поморских ответах", и, например, у епископа Арсения (Швецова) Уральского и Оренбургского в его книге "Оправдание старообрядствующей Христовой Церкви". Преданию у него посвящена здесь отдельная глава. Церковь – не только иерархия, это ещё верный и благочестивый народ, пишет он. Отменять апостольские предания ни народ, ни иерархия, никакой Собор не имеют права. В том и дело, что апостольское предание несёт в себе вселенскую (кафолическую) истину.

"Оправдание..." сошло с типографского станка за границей, нелегально, на пять лет позже соловьёвской статьи. Но это всё равно произведения одной (подчеркну) эпохи. "Поморские ответы" издал отдельной книгой епископ Арсений в 1885-м, но при желании можно было изучить их по старинной рукописи, обратившись к сведущим людям. Аксаков обзавёлся ими в своё время, потом подарил Хомякову, так толком и не прочитав. Проблема публикации старообрядческих памятников была уже обозначена, и работы первых апологетов XVII века издавал Н. И. Субботин. Соловьёв не упоминает, повторюсь, ни одного старообрядческого сочинения, ни посланий, ни челобитных, ничего... Он их и не знал. Он нашёл особый историософский ракурс, но опирался на избитые и расхожие миссионерские охранительские клише (одно из них – априорная виновность старообрядцев- "раскольников"), не сумел от них уйти.

Ложная методология повела в тупик и Соловьёва, и Аксакова. А это не второстепенные публицисты и тот, и другой. Ошибкой было заданное идеологическое устремление обличить одних, обелить других.

Чтобы понять русское Православие, трагическое разделение единого народа, церковную трагедию XVII столетия, необходим надёжный компас. Без него нельзя ориентироваться в русском океане, невозможно его измерить. Я повторю слова о необходимости параллельного, сопоставительного изучения русской церковной истории, ново- и старообрядческой. Всё это наше.

Не бойся быть русским

Мне вспоминаются слова одного второстепенного героя из "Жизни Клима Самгина", Безбедова: "И не воспитывайте меня анархистом, – анархизм воспитывается именно бессилием власти, да-с! Только гимназисты верят, что воспитывают идеи. Чепуха! Церковь две тысячи лет внушает: "Возлюбите друг друга", "да единомыслием исповемы", – как там она поёт? Чёрта два – единомыслие, когда у меня дом – в один этаж, а у соседа – в три!" А ведь он прав.

Меня однажды спросили: какие перспективы у старообрядчества? Я не знаю. А какие "перспективы" у христианства вообще, играет ли оно в обществе, в конфликте бедных и богатых какую-то роль?..

Перспективы у того, кто сгладит эти социальные противоречия. Кто поставит себе целью преодоление человеческого небратства. И, как хотите, эта задача, её решение лежит в том числе через преодоление материального неравенства. Чтобы вступить в общину, первые христиане продавали земли и клали вырученные деньги к ногам апостолов. Вспомним историю из пятой главы "Деяний" об Анании и Сапфире, утаивших часть имущества для себя. Они внезапно умерли. Их поступок толкуется как грех лжи по отношению к Богу. Иоанн Златоуст добавляет к нему сребролюбие и "принятие сатанинских желаний", увеличивая тем самым его тяжесть втрое. Но почему-то понятие это – небратство, небратолюбие – всегда куда-то ускользает из церковного лексикона. Пока Церковь служит кесарю, а кесарь – своим "друзьям", не Богу и не России, а "суете своей", никаких перспектив у неё нет.

– Ну, ладно. Братство. Да. Об этой абстрактной идее можно рассуждать очень долго и пространно. А что сейчас-то делать, вот прямо здесь и сейчас?

Я тоже задаю себе этот вопрос.

Есть одно дело, которое по силам всякому.

Повествуя о своих мытарствах и ссылках, Владимир Короленко написал рассказ “Яшка”. В коридорах очередной тюрьмы герой видит на дверях несколько табличек с надписью “умалишённый”. Ему отводят камеру по соседству с одним таким безумцем. Как только в коридоре слышатся шаги надзирателя, а тем более начальства повыше, он начинает стучать. Рассказчик знакомится со своим странным соседом по имени Яшка. Старообрядцем он прямо не назван, “он был сектант, приверженец “старого прав-закону”. В неволе он оказался не за веру, не за отказ креститься щепотью, а за неуплату земских повинностей. Он считал, что платить земству всё равно, что воздавать антихристу: подчиняться надлежит только государю, больше никому. “С шестьдесят первого года, – поясняет Короленко, – мир резко раскололся на два начала: одно государственное, другое – гражданское, земское. Первое Яшка признавал, второе отрицал всецело без всяких уступок. Над первым он водрузил осьмиконечный крест и приурочил его к истинному прав-закону. Второе назвал царством грядущего антихриста”. В его взглядах на устроение власти на земле всё спутано, но остаётся одна непреложная истина и мерило – царь, святость монархического начала.

Однако дело в другом. Яшка одержим особым служением – обличать неправедных начальников, чиновников, “антихристовых слуг”, как он их называет, от обычного надзирателя до губернатора, и способ один – стучать в тюремную дверь. Он видит в своём стуке особую миссию и торжество над “беззаконниками”. И вроде бы нет в нём никакого смысла, в этом грохоте. Но для Яшки есть. “Не подвержен я антихристу”. “За великого государя стою...” За олицетворенную в монархической идее высшую правду... Яшка при этом даже и не знает, как этого государя по имени зовут. Важнее, что он есть, что существует это сакральное начало на земле. Для рассказчика он не безумец, он подвижник. В конечном счёте, его увозят из острога в дом сумасшедших, но при появлении тюремного начальства другие заключённые начинают точно так же колотить в двери...

Подобное свидетельствование о неправде, которое в рассказе “делегируется” странному “сектанту”, и есть, по-моему, одна из задач Церкви в земных делах. Яшка потому и берёт и, главное, справляется со своей миссией, что поставлен вне церковно-этатических отношений. Пустозерский колокол, подвешенный на памятном поклонном кресте на стыке вертикальных и горизонтальных его перекладин, над символическим срубом из нескольких коротких брёвен, должен звонить в обличение творящихся на земле беззаконий. И не только он один.

Другая задача – утверждение русского самосознания. Мелкими делами, везде и всюду. “Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах” (Аввакум)... Хватит унижать себя. Неудивительно, что такие стихи, как “Не бойся быть русским – не трусь, паренёк”, пишет поэт со старообрядческими корнями и со “знаковой”, как принято говорить, фамилией – Мария Аввакумова:

За этим не заговор и не намёк,
За этим — желанье Господне.
Он нас породил. Он один и убьёт.
А прочие все — самозванцы.
Да их ли бояться! Не трусь, паренёк,
На русский призыв отзываться.

Старообрядчеству семнадцатого и восемнадцатого веков учёные отводят особую роль в русификации и освоении российских пограничных земель. Селились, молились, сживались с другими народами, работали, пахали, сеяли... Теперь изменилось всё. Нужно русифицировать самих русских, и вовсе не на окраинах, а в больших городах.

Я, однако, далёк от мысли, тем более от убеждения, что старообрядчество, каким оно сложилось ныне, всё это выполнит. Оно даже не ставит себе таких задач, не предлагает подобных приоритетов. Оно сегодня слишком упорно стремится стать частицей, пусть маленькой, пусть едва заметной, современной государственной системы, играть по её “буржуйским” правилам, обрести в ней себя, надеясь на подачки, на милость, на “брошенную кость”. В нём нет того мощного мирянского движения, какое было в начале XX века,

с регулярным проведением съездов, с постановкой стратегических задач. Наиболее крупных конфессиональных ответвлений это касается в полной мере, другие слишком малочисленны, чтобы что-то менять. Проповедь против непомерного обогащения и вовсе не слышна. Это дело какого-нибудь уже современного одинокого Яшки.

Пустозерский костёр – как таинственная точка истории Православия на Руси. Оно сгорело и превратилось в пепел. Что-то иное пришло на смену, подделка, "иное мерило", говоря словами Ивана Аксакова. Началась иная Россия. Я пока не добрался до Пустозерска, а один мой знакомый, побывавший там, поведал, что его охватило странное ощущение вечности: ходишь, смотришь вокруг, и кажется, что прошло только двадцать минут, а на самом деле – четыре часа. Как будто остановилось время. Или идёт, но медленней, незаметно. Так, кажется, стоит в реке вода, отражая неподвижные кучевые облака, а на деле течёт, и нельзя в неё войти дважды...

Остановилось время, и значит, сруб ещё горит.

Современное старообрядчество не осознаёт, каким сокровищем оно обладает, – особым опытом сбережения родовой памяти, подорванным у русских. Именно её, эту родовую память, пытается отыскать и обрести в романе "Белые гуси на белом снегу", вышедшем на излёте советских лет, почти забытый сегодня прозаик Елизар Мальцев. Немало написавший о колхозной деревне, он задумался о собственных семейных истоках. На стене сельского дома в комнате он видит "прикнопленные" репродукции из "Огонька". Среди них – "Боярыня Морозова" Сурикова. "Сколько раз в жизни – и мальчиком, и юношей, и совсем недавно – я задерживался перед этой картиной в Третьяковке, но ни разу мне не подумалось, что боярыня Морозова имела отношение к жизни моих далёких предков, а значит, и ко мне". Он понимает вдруг, что без исторической памяти нет и народа, и ему самому предстоит "держать экзамен перед этой непреложной истиной". Филолог окрестит этот художественный приём мудрёным словом "введение экфрастического сюжета". Толпа вокруг саней с жидкой соломенной подстилкой, где сидит опальная старообрядка, раньше писателю казалась безликой. Но теперь он замечает, что в ней нет равнодушных лиц. Какой-то попик глумливо похохатывает, лицезрея чужое унижение, кто-то зубоскалит, слегка хихикает, просто ухмыляется, но больше сочувствующих: застыл на месте странник с котомкой, всплеснула руками барышня, а рядом, прижав ладони к груди, склонилась в молчаливой скорби её подружка, "и уж совсем не случайно оказался здесь босоногий юродивый... он единственный из всей толпы отвечал боярыне двуперстным крещением". За розвальнями бежит мальчишка, оставляя глубокие следы в снегу. Он изображён спиной к зрителю.

Последний абзац первой части "Белых гусей..." мне хочется выписать: "Я жадно смотрел на этого подростка, месившего валенками снег, на левый рукав его полушубка, слишком великий для его малой руки, и мне уже казалось, что это я сам бегу за санями, пытаясь хоть одним словом выразить свою жалость опальной боярыне, бегу в своё прошлое, чтобы отыскать потерянный след нашего древнего старообрядческого рода. Ведь если без памяти о прошлом нет памяти о настоящем, то кому в блужданиях и потёмках откроется истина?"

Герой осознаёт, сколь значима родовая память, которая вмещает в себя нераздельно не только собственную историю с её личной оценкой, но всю историю народа. Так каждый должен представить себя этим мальчишкой, бегущим за собственной Историей, которую увозят на санях, отыскать и осмыслить созидательное чувство родства с событиями далёких уже веков. Этот путь в прошлое у каждого свой, он начинается с чувства, с осмысленного переживания, с сердца. Лишь через это открывается правда и таинственное сродство ушедших и будущих поколений. Не бойся быть русским, ты у себя дома.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины не только ты один мне поддержка и опора, великий и могучий русский язык, но и мученики "Винограда российского", но ещё – как великая ценность, через унисонное пение и гуслицкую заставку, где каждая буква похожа на распустившийся райский цветок, через меднолитое распятие в почерневшей доске, когда-то запрещённое Синодом, через поблёкшую страницу подпольно изданного старообрядческого гектографа – ощущение неразрывной нити,

связующей меня с моими русскими предками, которых я не знаю и не могу знать, но верую, что здесь, именно здесь и где-то рядом, тенью восставая из небытия, они направляют меня по жизни, они всегда живут и незримо присутствуют рядом. Всякий путь времён, каким бы длинным он ни был, лежит через человеческое сердце. Моя история – моя опора и защита. Со мною мой язык и память, и честное писательское слово...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 тт. Л., 1974. Т. 9. С. 120.

[2] Достоевский Ф. М. Указ. соч. Л., 1980. Т. 21. С. 255.

[3] Лебедев Е. Н. Ломоносов. М., 1990. С. 26.

[4] Ломоносов М. В. Слово Похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 тт. М.–СПб, 2011. – Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. С. 543.

[5] Бубнов Н. Ю. Ломоносов: первые шаги в науку // Ломоносов и книга. // Сб. научных трудов. Л., 1986. С. 33.

[6] Малышев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нём 1917–1953 годов // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1954. Т. 10. С. 435.

[7] Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М., 2008. С. 27. Курсив автора.

[8] Поморские ответы: В 2-х кн. М., 2016. – Кн. 2. Переложение на современный русский язык. С. 23-24.

[9] Соловьёв В. С. Собрание сочинений (1877–1884). СПб, 1901–1907. Т. 3. С. 227.

[10] Там же. Курсив В. С. Соловьёва.

[11] Там же.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

“ИЗ ГЛУБИН БЫТИЯ ДО ГОРЯЩЕЙ ЗВЕЗДЫ ДОСТАВАЯ...”

(О поэзии Николая Коновского)

“Но попадаются глубины, // В которых сразу тонет взгляд, // Не достигая половины // Той бездны, где слова молчат”. Так прозорливо и кратко русский классик Юрий Кузнецов охарактеризовал лучшее, что ему приходилось читать в современной русской поэзии. На мой взгляд, относится эта характеристика и к стихам Николая Коновского – глубокого и тонкого лирика, лауреата премии Александро-Невской лавры им. св. кн. Александра Невского, верного последователя самых плодоносных ветвей русской поэзии – “любомудров” и “тихой лирики” – Ф. Тютчева, Ф. Глинки, А. Фета, П. Вяземского, А. Хомякова, Н. Рубцова, А. Прасолова... Из напряжённой тишины “бездны, где слова молчат” наплывает на читателя со страниц книг Николая Коновского среднерусская равнина – безмолвием, веяньем дыхания, светом, мерцанием, ветром, шумом крон, глубиной веков и бесконечной, не вмещающейся в душу ширью: “Над равниною русской, как веющий ветер – века, // Жаворонок, как солнце певучее, в небе трепещет; // Да склоняется рожь, да тягуче и огненно блещет, // Напоённая светом, в полуденной дали река. // ...То ли гром снизойдёт, то ль в мятущихся дебрях дубрав, // Из кореньев исшед, гул таинственный зашевелится, // Но превысит покой... Сон? Иль жизнь потаённая длится, // На великом просторе себя так и не осознав”. Русская равнина Николая Коновского живёт своей внутренней, обособленной от человека и одновременно распахнутой ему жизнью. Это огромное мыслящее пространство с глубинной памятью людей, веков, событий, существующее по своим законам и пребывающее в постоянной молитве, обращённой к Творцу. Современный человек, потомок предков-пахарей, безотрывно связанный с русской равниной, живёт между небом и землёй в пространстве огромной молитвы-мысли, огромного многовекового разговора, простирающегося от земли до небес:

Завтра снова косить, и сушить, и сбирать, и полоть —
Утомилась душа, и река двигать воды устала.
И, тревожно-тяжка, отдыхает горящая плоть
На высоком, пахучем, безгрешном одре сеновала.

Тусклым беглым огнём рассекая тяжёлую высь,
На живое мгновенье зарница блеснёт огневая, —

И, Вселенной страшась, дерзновенно смиряется мысль,
Из глубин бытия до горящей звезды доставая.

Внешне Николая Коновского трудно заподозрить в особой привязанности к фольклору – поэтика его явно тяготеет к Тютчеву и Фету, – но внутренняя космогония его поэтического мира глубоко народна и близка, скорее, космогонии Клюева, конкретнее – духовных стихов, в которых человек всегда существует между живым Небом, живым космосом и живой землёй: "Мать земля – это, прежде всего, чёрное, рождающее лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный её эпитет "мать – земля сырая"... Но ей же принадлежит и растительный покров, наброшенный на её лоно. Он сообщает её рождающей глубине одеяние софийной красоты... она же является хранительницей нравственного закона, – прежде всего, закона родовой жизни" (Г. Федотов. "Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам"). Русская равнина Н. Коновского – живое продолжение народной души, она определяет характер и обычаи живущего на ней народа, формирует его характер и постоянно участвует в его жизни: "Теплом и благостью дыша, // Глядится в медленные воды // Родная кроткая природа – // Народа русского душа"... "Слышишь ли во поле, в роще, // Заиндевелой уже, // Голос равнины продрогшей, // Равновеликий душе?.."

Этим глубоким единством, кровной соприродностью живущему на ней народу русская равнина Николая Коновского в чём-то напоминает *вмещающий ландшафт* Льва Гумилёва, во многом определяющий национальный характер, культуру и мировоззрение порождённого им этноса. Но если у Льва Гумилёва это обезличенное природное пространство, то у Николая Коновского русская равнина – живая, думающая, любящая персонифицированная мать сыра земля русского фольклора. Голос матери-земли, её мысль, её молитва – диалог с тварным небом, небом-космосом: "Солнце, месяц, звёзды и зори – ближе к Богу: они происходят от Божия Лица... Греческое Православие знало персонификацию мира: царя-космоса, который изображается в короне под апостолами на иконе Пятидесятницы" (Г. Федотов. Там же). В пространстве этой огромной, простершейся от Неба до земли мысли всегда горит звёздный космос, а в нём – не только тютчевская – светящая из стихов почти всех крупных поэтов и возвещающая судьбу народа с особым присущим ему космизмом русская звезда: "Говоришь: всему виною – горе, // Но в России горе – не беда. // До небес, гляди, простерлось поле, // А над полем – русская звезда!.. // Здравствуй, поле, русское раздолье, // Дольний зной и холод высоты, // Двуединство воли и неволи, // Двуединство счастья и беды!"

Русскую природу Николай Коновской пишет подробно, во всех её движениях, проявлениях и состояниях. В чём-то он – последователь тех же "любомудров" и "тихих лириков", в чём-то – последователь русских пейзажистов: Саврасова, Поленова, Левитана, Куинджи, Федотова, но, прежде всего, Михаила Нестерова. "Под веянье широколиственных глав – // Забыться в свечении полдня!.. // О, пышное великолепие трав – // Цветущая щедрость Господня! // Как будто бы дальние горы и лес, // Нависший над водною гладью, – // Весь мир поднебесный, простёртый окрест, // Пронизан Твоей благодатью!" Чарующий, бесконечно живой мир природы, сотворённый Творцом и отпавший от него, и мучительно стремится быть обожжённым, и, беспрерывно пребывая в мысли-молитве, горько переживает своё нынешнее состояние, и беспрестанно радуется бытию, в горечи грехопадения не переставая быть сущим: "В яви же или обмане, // Впрочем, – не все ли равно, – // Сердце в хмельном океане // Канет на самое дно... // Светится крона, ярится, // Как белопенный прибой... Дивная, не насладиться, // Не надышаться тобой!" ("Черёмуха").

Между родной равниной, родным космосом и родной природой с их безбрежным напряжённым разговором от неба до земли – грешный человеческий мир, плавящийся в огромной мысли-любви. Николай Коновской – глубокий и трепетный лирик, умеющий задеть потаённые струны души и заставить их трепетать в ответном волнении. Если смотреть на вектор его поэтического развития от юности к зрелости, можно сказать, что это движение от Тютчева к Фету – от духа к душе, от философской лирики, воздействующей на ум и дух человека, к тончайшим лирическим движениям, трогающим душу

и сердце, к всеобъемлющей Любви Божьей, к совершенству которой всегда стремится любовь человеческая.

Было всё — безгрозие и грозы,
Был обжитый непокоем дом,
Где встречали белые берёзы,
Три берёзы под твоим окном.

На каком-то неземном пределе,
В поздний вечер или поутру —
Как они плескались и шумели,
Как листвой стелились на ветру!

Как они незаходящим летом
В сердце, преисполненном тобой,
Влажным шумом и зелёным светом,
Певчей негой пеленали боль!..

Есть ли для русского человека что-то более привычное, чем этот мгновенно узнаваемый пейзаж? На первый взгляд – здесь всё тривиально. Но как получается, что душа, подчиняясь властной волне лирического чувства, отзывается мгновенно, а тихий разговор с женщиной вырастает в сокровенный разговор о жизни каждого русского человека, мгновенно проникающий в сердце, в разговор о самом главном и родном, остаётся тайной поэта: "Из безмолвья выпадают лица. // Все нашёл, а счастье потерял... // Помнишь, как перед тобой излиться // Я берёзам передоверял?.. // Холод века иссушает слёзы... // Но тревожным лишь забудусь сном, – // Всё шумят высокие берёзы, // Три берёзы под твоим окном!"

Главные герои лирики Николая Коновского – две любящие души, мужчина и женщина – вечные Адам и Ева, живущие в огромном напряжении мысли-любви, струящейся между небом и землёй. "Поэтический мир Николая Коновского не назовёшь перенаселённым. Это мир человека, сознающего свою изначальную одинокость, но при этом ощущающего родство со всем миром" (Э. Анашкин. "Голос равнины продрогшей". Сайт "День литературы"). Любовь у Коновского имеет и не имеет конкретного адресата – разговор с женщиной в стихах постоянно переходит за свои границы, перерастает во что-то иное. Видимо, виновато в этом стремящееся стать всеобъемлющим чувство любви, а три берёзы – символ Пресвятой Троицы и символ России – своим зелёным шумом только помогают бессловесно, безмолвно вылить любовь на весь мир, на всё пространство среднерусской равнины, невольно подражая огромному разговору-любви матери-земли и космоса-неба. Часто читаешь стихи и не понимаешь – о любви к природе это? о любви к женщине? о любви к миру? "Старинные сосны, старинный покой сторожа, // Застыли недвижно – и что им, заснеженным, снится? // И только одна во всём мире живая душа // Безмолвье тревожит – ах, малая эта синица! // Взлетит, непоседа, исчезнет, – хлопот полон рот, // И вновь замелькает в глуби ледяного просвета; // И льётся незримо, – не зная сама, что поёт // Во славу Господнего незаходящего лета".

"Мир, божественный в космогонии, освящённый кровью Христа и слезами Богородицы, весь пронизан Святым Духом или "святыми духами", посланными Христом... Живущий в природе святой дух ощущается народом в дыхании воздуха, ветре и благовониях земли..." (Г. Федотов). И русская равнина, и тварный космос с русской звездой, и русская природа, и живущий на равнине человек во всех своих проявлениях стремятся к Богу и молятся Творцу соборной молитвой земли, космоса, природы и человека. Это уже другой, самый высокий, поднимающий мир из праха и рождающий в Духе разговор. Несмотря на то, что по своему мироощущению Николай Коновской во всех проявлениях – поэт очень русский, понятие "Россия" возникает у него именно в общей устремлённости тварного мира к Небу – это Святая Русь с пейзажами, близкими нестеровским, населёнными святыми, ангелами, религиозными философами, паломниками, каликами перехожими:

И время само замедляет стремительный ход
Под кровом, где медленно-медленно-медленно служба плывёт
Дыханьем надмирным,
Где ветры поклоны за стенами истово бьют,
И кроткие сёстры хваленье Творцу воздают
Распевом старинным...

Храм здесь – корона, венчающая русскую равнину: "Тоньше текучие звоны, // Ближе монашеский скит, // Где над рекой, как корона, // Оптина пустынь слепит". "Имена светской политической географии перебиваются с географией религиозной, по которой Русь там, где истинная вера. Конечно, эта идеальная Русь имеет определённый исторический центр в Москве... это полное слияние Церкви и государства в народном сознании, при котором эпитет "святая"... прилагаемый к русской земле, по существу, относится к христианской Церкви... "И то было у нас на сырой земле, // На сырой земле, на святой Руси" (Г. Федотов). Только в Литургии русская равнина приобретает конкретные очертания России с её городами, историей и государственностью: "Туманится, слезится взор: // В распахнутости безначальной – // Какое небо и простор, // Сияющий простор пасхальный! // И на ладони вся Москва // В наитье голосов былинных!.. // Что там за дивные слова // Таятся в медных исполинах!.."; "О, леденящая нега, // Русской зимы волшебство: // Столько слепящего снега // Выпало на Рождество! //...Мира распахнутым схроном, // Преображающим явь, – // Храмов серебряным звоном // Встретил нас Переяславль"; "Крошатся дни. Мелеют реки. // Но верую: в грядущем веке // Предстанет – дивным бликом – мне // Спас яблочный: встаёт из праха // Россия; солнечная птаха // Звенит в небесной вышине!" Только Литургия делает народом насельников русской равнины. Малонаселённое поэтическое пространство в Святой Руси мгновенно обживается огромным многоголосым героем по имени "русский народ". Это – *один* герой с *одним* Богом, *одной* Родиной, *одной* душой, *одной* молитвой и *одной* верой. Так молчаливая молящаяся многокилометровая очередь к мощам Святителя Николая Мирликийского, медленно движущаяся по улицам Москвы, в *едином* порыве и *единой* молитве на глазах изумлённого наблюдателя за несколько часов из *толпы* становится *народом*: "...Но сколько русских лиц – // Без хищного вкрапленья инородца! – // Давно не видел я; такой любви, // Живой взаимопомощи, заботы..."

Сам Николай Коновской в этом нестеровском пейзаже – отрок, подобно Варфоломею получивший дивный дар поэтического видения, невидимый слушатель Сергия Булгакова и Павла Флоренского, незаметно притаившийся в уголке "Философов", один из многочисленных калик перехожих, бредущих по дорогам Святой Руси. Н. Коновской – и в реальности неутомимый паломник и поэтический летописец современной православной жизни. В стихах его постоянно возникают монастыри, праздники, лица не так давно ушедших от нас старцев. Это и оптинская старица Сепфора: "...Смиренный угол, где она сидела, // На палочку склонившись, озарялся // Каким-то тайным несказанным светом // И тонким ароматом благодати..."; и Николай Гурьянов "Отец // Гурьянов Николай благословил // На творчество, помазав пред иконой // Священным маслом Иерусалима...", и архимандрит Кирилл Павлов, который, в противоположность Николаю Гурьянову, "...Сказал: "Что людям невозможно – // Возможно Богу то, и что стихи // Писать не надо – зряшное то дело..." Николай Коновской много занимается поэтическими переложениями святых отцов, русских святых, псалмов Давида. Одна из его поэтических книг так и называется "Келья". Это вторая – если не первая и главная – грань его творчества, ибо из этой "кельи", "поэтической пустыни" проистекают все удивительные качества Коновского-поэта – они *стяжаются* им в скромную меру мирской молитвы.

Поэтический мир Николая Коновского выплывает к нам из-за дверей "кельи" именно как продолжение молитвы – это мир тихий, светящийся, мерцающий, благоухающий, веющий. Чем дольше читаешь Н. Коновского, тем очевиднее: для того, чтобы разобраться, *о чём* он пишет, надо разобраться, *как* он пишет, поскольку особенности его поэтики и его тонкие тихие благо-

ухающие смыслы – это почти одно и то же. Мысль здесь порою – совсем не мысль. Образы – не образы. Мир зыбок, словно не приобрёл реальных очертаний и форм. Лексика, как сказал бы взыскательный зоил, временами – тяжеловата, временами – архаична. А читаешь – и оторваться нельзя! Из чего он пишет? Из бликов, веяний, шорохов, тишины. Вечное фетовское "Шёпот, робкое дыханье...", вечное цветаевское: "Ах" с Эмпиреев и "ох" вдоль пахот, // И повинись, поэт, // Что ничего, кроме этих "ахов", // "Охов" – у Музы нет". "Безглагольность", несказанность – совсем не бальмонтовского, а чисто коновского свойства, тютчевское "Мысль изреченная есть ложь", подслушанное безмолвие, пытающееся сказать себя словом. Особенности эти, в разной мере присущие всей классической русской поэзии, – Божьи Дары, земные проявления Святого Духа, попытка вырваться за пределы земного слова, заговорить языками горнего мира.

Интересны и точны в чём-то взаимно дополняющие друг друга высказывания о поэзии Н. Коновского Сергея Куняева и Владимира Кострова: "Когда я читаю книгу Николая Коновского "В отблеске горнем"... – пишет Сергей Куняев в статье "Мы сами – музыка и боль..." ("Наш современник", 2018, № 6), – вспоминаю классическое стихотворение Евгения Боратынского: "Все мысль да мысль! Художник бедный слова! // О жрец её! Тебе забвенья нет; // Всё тут да тут, и человек, и свет, // И смерть, и жизнь, и правда без покрова". И в стихах Коновского превалирует именно мысль. Он поэт, сдержанно думающий, сосредоточенный, стих его... сам по себе побуждает к спокойному созерцанию и неторопливому размышлению... жажда жизни превалирует в спокойных, по видимости, строках, когда красота земного мира, от которого тянется незримая вертикаль в мир горний, сама по себе служит спасением от ужасов земной жизни... И каждое явление жизни, запечатлённое точным и выверенным глазом, Коновской стремится уложить в течение мысли о человеческой судьбе, о мирозданье, о Боге..." Владимир Костров замечает: "Автор как бы тушует свою индивидуальность, выдвигая на первый план глас самой жизни, голос сияющей природы. Несомненно, на работу и стиль Н. Коновского решающее влияние оказал Ф. Тютчев. Зрительный и музыкальный ряд тяготеют к обобщению, более метафизическому, чем конкретно-философскому". (Предисловие к книге Николая Коновского "Лирика". М., 2018.) Мне кажется, что в двух этих равно справедливых высказываниях и кроется ключ к поэтическому миру Коновского. Верный последователь Тютчева и "любомудров", Коновской по самой глубинной природе своей поэт мысли – напряжённой, глубокой, стремящейся объять мир от неба до земли. И всё же акта мышления в привычном понимании слова тут нет, как нет здесь и пушкинского гимна человеческому разуму, безоговорочного приятия солнца "бессмертного ума". Коновской не производит мысль сам. Напряжённо думая, он слушает молчание, из которого рождается мысль, слушает мысли, существующие в природе вне его и без него. Мысль здесь соприродна миру, она существует в нём, именно поэтому сам пейзаж, весь окружающий мир в его поэзии – мысль. Но мысль эта настолько инака человеку, настолько глубока, что для того чтобы её выразить, не хватает простых слов – тут уместны молчание, ощущение, настроение, мерцание, недосказанность, намёк. "Простор – суглинок да ковыль, // Да тучи низкие нависли... // И нет ни думы в нём, ни мысли, // Являющем собою – мысль". "Представление о познании и всей великой многословности нашей духовной жизни, которое даётся нам Священным Писанием, совершенно несовместимо с интеллектуализмом, философской доктриной, утверждающей, что всякая действительность познаваема, и что доступна она лишь познавательной способности разума", – так, следуя двухтысячелетней христианской традиции, замечает святитель Лука Войно-Ясенецкий ("Дух, Душа и Тело").

Мысль рождается из безмолвия: "Сонного бора вещанье, // Птицы рассерженной крик... // Кто-то сказал, что молчанье – // Будущей жизни язык". Из русской поэзии плывёт на нас названная и не названная, присущая ей тишина: "Молчи, скрывайся и таи..." (Ф. Тютчев), "Когда мечтательно я предан тишине..." (А. Фет), "Здесь тишина цветёт и движет // Тяжёлым кораблём души" (А. Блок), "Глубокая тишь. Безглагольность покоя..." (К. Бальмонт), "Обозвал тишину глухоманью, // Надругался над белым "молчи" (Н. Клюев). И всё же тишина, названная словом, – ещё не тишина. Настоящая тишина неназванной таится в самой ткани стиха. Так лебедь выплы-

вает на серую гладь пруда: сначала плывёт тишина – осязаемая, густая, вещественная, а потом, изогнув шею, появляется царственная птица. Вокруг пруда громоздятся высотки, неистовствуют митинги, гудят машины, сменяются эпохи, но оглушающий шум сходящего с ума, а в данном контексте уместнее сказать – сходящего с тишины мира – этой тишины разрушить не может. Тут есть носитель тишины – лебедь. Так и Николай Коновской вслед за лучшими русскими поэтами – тишину несёт. Он копил её всю жизнь, собирал по крупицам, чтобы вложить в стихи и отдать нам: "Как лебедь дивный с высоты, // Где вечность торжествует, // Две бездны – неба и воды – // Своим крылом связует. // И мир, просвеченный до дна, – // Как затаил дыханье: // Так полнозвучна тишина! // Так глубоко молчанье!"

Светоносность – одно из глубинных свойств русской поэзии. Неизбежно вспоминается один из древнейших христианских гимнов: "Свете Тихий святыя Славы Безсмертнаго Отца Небеснаго..." Сияние Христово растворено в русской жизни, русской природе, русской культуре. Русская поэзия – и гимн Нетварному Свету, и его сосуд. Таинственное сияние Божье кроется в самой глубине русского стиха. "Себя собою составляя, // Собою из себя сияя, // Ты свет, откуда свет истёк" (Г. Державин), "Спит земля в сиянье голубом..." (М. Лермонтов), "Сияньем хладным солнце блещет..." (Е. Боратынский), "Сияет солнце, воды блещут" (Ф. Тютчев). Русская поэзия второй половины двадцатого века явила светоносность по-новому. Это и светоносный Николай Рубцов, и Николай Заболоцкий, просвеченный *огнём, мерцающим в сосуде*, и Юрий Кузнецов с хлынувшим из его "Рая" ослепительным сиянием. Но ярче всех о таинственном Нетварном Свете, пронизывающем мир, написали, пожалуй, Николай Тряпкин ("Свет ты мой тихий, застенчивый свет! // Облачных стай пропадающий след. // Вечер не вечер, ни тьмы, ни огня. // Молча стою у закатного дня") и забытый в последнее время один из интереснейших поэтов конца XX столетия Геннадий Ступин ("Свет мой безмерный, свет мой бессмертный, // Льющийся тихо и быстро летящий, // В вёдро прямой, а в ненастье неверный, // Мёдом целящий, стрелою разящий"). Стихи Коновского – прямое продолжение этой традиции: "Свет нарождается, брезжит едва на востоке. // В горнице убранной – тишь, забытьё и потёмки. // Не шелохнётся к окну подступившее поле. // Сухо-старательно мышь заскребётся в подполье... // Оборони этот мир, – роковой и блаженный, // Свете таинственный, сладостный, неизреченный..." Но светоносность тоже, прежде всего, несказанна, она бессловесно кроется в самой глубине стиха. У Коновского сияет вода, сияет листва, сияет воздух, и сияние это ясно чувствуется, хотя о нём не говорится. Я не применяла бы к этому явлению понятия суггестивности – дело тут совсем не во внушении: читатель ощущает свет именно потому, что свет в стихах есть. Следуя традиции русских иконописцев, Коновской пишет "на свету".

И ещё – запах, запах! В стихах Николая Коновского постоянно присутствуют запахи! То полынь, то чабрец, то дурманящая липа. Русская поэзия благоуханна. "Жарче роз благоуханье, // Резче голос стрекозы..." (Ф. Тютчев), "Две капли брызнули в стекло, // От лип душистым мёдом тянет..." (А. Фет), "Наш аромат смолист и едок, // Мы освежительней зимы" (Н. Клюев), "Пахнет яблоком и мёдом // По церквам твой кроткий Спас" (С. Есенин), "Крепки, желтоволосы дети, // Тяжёлый мёд расплёскан в лете..." (П. Васильев). Неизреченное благоухание – один из языков Бога. Бог говорит с миром благоуханием – и мир отвечает Богу запахами. "Благоухание цветов – это фимиам Богу" (Св. Лука Войно-Ясенецкий). Мир Коновского переполнен запахами: "Солнце палящее. В царственной девственной сини // Время теряется и очертания гор. // Горькой усладою – запахом крымской полыни – // Воздух напитан и весь поднебесный простор..."; "Нежно – до изнеможенья! // – Пахнет на взгорках чабрец..."; "В воздухе дело к ненастью. // Молнии брызнул изгиб. // Сердце наполнено страстью // Юных дурманящих лип"; "Так же смеркается запад, // Так же, вне горя и лет, // Льётся божественный запах, // Пахнет божественный свет".

Интересно, что при всей точности стиха, размытый, стремящийся к "безвидности" мир Коновского приобретает очертания именно на пути от Тютчева к Фету, от мысли к любви. Будто в оптике фокус навели – в лирике последних лет мир становится вещным, образным, живописным, он проявляется к бытию не в духе, а в душе, не в мысли, а в любви – так замысел Бо-

жий обретает плоть и способность к полнокровной жизни именно в Божественной Любви. “Келья” же, молитва расширяют мировосприятие поэта и неуклонно возвращают его в лоно русской поэтической традиции, кровно связанной с Православием, где для каждого творца важна не внешняя красота, но “огонь, мерцающий в сосуде” (Н. Заболоцкий), где перед каждым поэтом стоит сверхзадача выйти за грань познаваемого, увидеть в творении Божьем отблеск Неба, преодолеть немую косность земного слова, трагическую замкнутость человеческого грехопадения, попытаться заговорить на языках горнего мира.

На русской равнине Николая Коновского, в “келье-пустыни” цветёт сад. “Красота пустыни безгрешна... она сродни ангельскому миру... Недаром пустыня и отвечает “Архангельским гласом”. Святая красота, утешая путника, настраивает на тихие, светлые думы: “Есть частые древа – // Со мной будут думу думати... // Прилетят птицы райския // Станут распевати” (Г. Федотов). Безгрешная красота цветущей пустыни в народных стихах – это безгрешная красота Эдемского сада. В мировой символике сад – символ Христа, Богородицы, Небесного Рая, цветущего земного сада-кельи, в котором возделываются человеческие души. Вслед за богатейшей мировой поэтической традицией русская поэзия (особенно поэзия Серебряного века) наплывает на читателя бесчисленными цветущими садами: “Не доносятся жизни проклятья // В этот сад, обнесённый стеной, // В синем сумраке белое платье // За решёткой мелькает резной...” (А. Блок). “Он идёт путём жемчужным // По садам береговым, // Люди заняты ненужным, // Люди заняты земным” (Н. Гумилёв). “Крона играла цветами. Они волновали // Красным, оранжевым, жёлтым отливом в начале, // А фиолетовым, синим, зелёным – потом. // Каждый узор выступал то цветком, то плодом. // Древо познанья – таинственный ключ мирозданья!” (Ю. Кузнецов). Название поэтического цикла Николая Коновского “Обрезка плодовых деревьев весной”, явно взятое из тривиального справочника садовода-любителя, отсылает к забредшему на продрогшую среднерусскую равнину и мгновенно обрусевшему Вергилию: “Вот что ещё: какие б кусты на полях ни сажал ты, // Больше навоза клади да прикрой хорошенько землёю...” (Вергилий “Георгики”. Пер. С. Шервинского). Диву даёшься, как хорошо Вергилий приживается на народных кормилицах – оставшихся от советской власти шести дачных сотках с ветхим дачным домишкой, садиком, теплицей и тремя вечными берёзами под окном. Вергилий в “Божественной комедии” – проводник Данта по аду и чистилищу. Вход в рай, к небесной Розе – месту пребывания Создателя, Богородицы и блаженных – ему как язычнику запрещён. Но и речь ведь – о земной келье-пустыни. Мерные античные ритмы, звучащие в стихах Коновского, неожиданно отзываются родным в строках о русских саврасовских грачах: “Земля обнажилась от всюду лежавшего снега // (в тени за сараем осталась лишь мерзлая глыба); // И первые гости – // Грачи прилетели, – на кронах, // Пока ещё голых, // Они хлопотливо расселись...” Тайна возделывания сада – тайна кельи, молитвы, возделывания человеческой души. О ней говорится иносказательно: “Важен подбор инструментов для должной обрезки: // Будем работать садовым ножом заострённым; // Можно работать и острой пилою садовой... // Так или иначе, следует, выбрав, отсечь все // Ветки больные, нежизнеспособные, даже // Те, что широкую плодоносящую крону // Нам заглушают и портят...” С неизбежными скептиками, которые назовут этот цикл Николая Коновского стилизацией, не соглашусь: на мой взгляд, это удивительно ёмкое смысловое попадание в самое сердце мировой поэтической традиции. “В русском коробе, в эллинской вазе, // Брезжат сполохи, полюсный щит, // И сапфир самоедского князя // На халдейском тюрбане горит” (Н. Клюев). Да и античный гекзаметр воистину соприроден русской равнине. Широкий, привольный, неспешный, как русские дали. Гекзаметр – давно русский. Я бы сказала, со времён Гомера, но пусть будет – со времён Гнедича. Точности ради замечу, что у Коновского стихотворения написаны всё же не гекзаметром, а пентаметром, вернее, соответствующим ему в русском языке пятистопным дактилем. Но всё ещё впереди. Не мешайте нашей всемирной отзывчивости!

А поэтическое повествование подходит к своей высшей точке:

Господи Боже,
Ведь есть и над нами Садовник,
Зрящий с недреманной ревностью за чистотою,
Плодоношением Им насаждённого сада.
Далее — даже подумать и вымолвить страшно...

В Евангелии от Иоанна Мария Магдалина утром приходит ко гробу Господа и не узнает стоящего за её спиной Христа: "Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне..." Общепринятое в мировой христианской традиции обращение к Христу "Божественный Садовник" происходит из этих слов – Вседержитель, Пантократор, возделыватель человеческих душ, насадивший все сады мира и правящий ими. И душа человека, и окружающий мир, чтобы вернуться в Эдемский сад, должны уподобиться этому саду, подвергнуться возделыванию, покориться Божественному Садовнику.

Но земной человек не может вечно жить в пустыни. Как и герой "Соловьиного сада", лирический герой Николая Коновского, заслышав призывный рокот прибоя, выходит навстречу распахнутой земной жизни: "Пусть укрыла от дольнего горя // Утонувшая в розах стена, – // Заглушить рокотание моря // Соловьиная песнь не вольна!" (А. Блок). Божий мир после кельи-сада пьянит, как вино. Невольно вспоминается "Одиссея" Гомера: "Остров есть Крит посреди виноцветного моря..." Только у Коновского не Крит, а Крым. Вокруг давно православной Тавриды, совсем недавно вернувшейся в родную Россию, пенится виноцветным прибоем море, даруя хмель бытия, хмель поэзии и хмель любви. О пещерных винных подвалах Инкермана Коновской пишет по-гомеровски подробно и вещно: "Замру в изумленье, окину лишь взглядом подвалы, – // Как тут же с тобой подружиться спешит "Севастополь", // Мускат "Инкерман", "Бастардо", "Совиньон", "Ркацители"..." Символика вина здесь античная, языческая: воспоминание о священном безумии Диониса, о хмеле солнечных лоз Аполлона: "Порой громыхало, – там кто-то небес синеву // Рвал молний клинками, и виделись, как наяву, // Шторма Айвазовского, слышались строфы Гомера; // Был грот знаменитый и хрупкая тонкость стекла, // В которую медленно, переливаясь, текла // Янтарного цвета, со вкусом ореха, мадера".

Но море темнеет, и цвет вина уже напоминает цвет крови. Над морскими волнами у Памятника затопленным кораблям в Севастополе торжественно звучит совсем другой – трагически горький список: "Пилад"... "Сизополь"... "Гавриил"... // "Мессемврия"... "Селафиил"... // О, эта бесконечность // Защитников родной земли, // что не в морскую глубь ушли, // А в воинскую вечность!" Наше море напоено человеческой кровью. И список кораблей, ушедших на морское дно в боях за Россию, куда поболее гомеровского. Но всё грешное и тленное давно преодолено Христом. Вода в земном сосуде океан-моря, как в Кане Галилейской, давно превращена в вино – символ Крови Христовой. Драгоценная Кровь Христа вином Причастия течёт в жилах мира и в морских волнах. "Очищение русской земли, её космиургическое воссоздание... совершается путём утверждения истинной веры... "Богу молись за синё море" (Г. Федотов). Да, за синё Чёрное море, поглотившее столько русских героев и кораблей, необходимо молиться. Греческая языческая Таврида давно искуплена правильной верой: "...море... первоначально связано со святым Климентом. Память о греческой Корсуни и о мощах святого Климента, папы Римского, обретённых на дне морском и высоко чтимых в Киевской Руси, лежит в основе этой дедикации. "Окиян-море всем морям мати... // Что во той во церкви во соборныя // Почивают мощи Папы Римского, // Папы Римского, слава Клементьева"..." (Г. Федотов). Из глубины морской встаёт Инкерманский пещерный монастырь св. Климента с его потрясающим, происходившим в прошедшие века чудом: "Громадное, // За пядью пядь, // В послушной мощи // Откатывалось море вспять, // Являя мощи. // Для страждущей Тавриды всей, – // Как свет во мраке... // И вновь скрывало их в своей // Бездонной раке..." Море, сомкнувшееся над русскими кораблями, раскрывает свои глубины перед святым, напоминая о том, что когда-то по воле Христа эти пучины разомкнутся вновь, чтобы под-

нять с морского дна живыми всех утонувших героев, все погибшие в неравных боях корабли.

Но пока мир лежит во грехе, в хмеле бытия всегда есть капля горечи. “Это мгновенное благословенное лето, // Прикосновенье прощальное влажной щеки!.. // Слышно, как плачет бессильно и тягостно где-то // Горлица, горлинка – голос щемящей тоски... // Тайна бесстрастная, чья-то судьбина чужая, // Чем мне утешить тебя и в несчастье помочь?... // Мукой отчаянья сердце мое надрывая, – // Горлица, горлинка спать не даёт мне всю ночь”. Есть эта капля горечи и в природе, и в земной любви. И опять, как всегда у Коновского, не поймёшь – к женщине? к природе? к миру? – обращено стихотворение. Но мерный рокот волн несёт успокоение и примирение: “Духом, врачующим ожесточенье и горе... // Ветер сгущается, гибкую клонит лозу. // Мир – словно вымер, и только бескрайнее море, // Вещее море шумит неустанно внизу”. Горькое усталое человеческое примирение с ударом волны о скалу, брызгами пены, невидимым прикосновением Сущего внезапно превращается в свободную песню нескончаемого благодарения. Бога? любимой? – огромной, как море, разлитой в мире Любви:

За долгие годы боренья — спасибо тебе.
За кров, и тебя, и науку — спасибо судьбе,
По грани смертельной, на свет выводящей из мрака...
Волна изумрудная лижет горячий песок,
И я, благодарный, улёгся у сладостных ног,
У вечности вещей — большая незлая собака...

В победной песне благодарения уходит извечное memento mori, превращаясь в открытую морскую даль, в песню жизни и воскрешения, в жизнеутверждающее цветаевское “Уже не memento, а просто – *море!”*. Море, по тёмным волнам которого, протягивая нам руку, вечно идёт Христос: “Вскипает море пеной, // Волной о берег бьёт... // Нет мрака – есть мгновенный // К сиянью переход... // На роковом просторе // В передрассветный час // Есть вечность, мы и море... // И милующий нас”.

ЯНА САФРОНОВА

МУЗЕЙ ЖУРНАЛА “НАШ СОВРЕМЕННИК”

В ноябре состоится событие беспрецедентной важности: в городе Белозерске Вологодской области по адресу: улица Дзержинского, дом 1, – открывается музей нашего журнала. На фоне последовательного уменьшения тиражей литературно-художественных печатных изданий это кажется почти невероятным, но вот же она, реальность: первый музей “толстого” литературного журнала в России создан! И это музей “Нашего современника”.

Благодаря чему (и кому) это стало возможным? Главный идейный вдохновитель и деятельный создатель музея – Полина Сергеевна Викулова, дочь Сергея Васильевича Викулова, поэта и главного редактора журнала с 1969-го по 1989 годы. Журналом до Викулова талантливо руководили его предшественники: В. В. Полторацкий (с 1956 по 1958), Б. М. Зубавин (с 1958 по 1968), но всё же “викуловский” период руководства журналом был наиболее значимым советским периодом: именно при Сергее Васильевиче журнал обрёл свой неповторимый облик, стал таким, какой он есть и сейчас. В 1970–1980-х годах на страницах нашего журнала вышли великие произведения Василия Шукшина, Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Юрия Казакова, Евгения Носова и других не менее значимых прозаиков. В поэтической рубрике публиковались Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Владимир Соколов, Николай Тряпкин, Анатолий Передреев – плеяда современных классиков. На журнальные публикации активно отзывались критики, поднимали важнейшие для страны проблемы и предлагали пути их решения публицисты, – словом, журнал жил активной полнокровной жизнью. При Викулове тираж издания вырос до 313 тысяч экземпляров.

Музей начнёт свою работу на базе Культурного центра им. С. В. Викулова. Полина Сергеевна так рассказывает об истории создания центра: “Когда началась приватизация, недвижимость в Белозерске оказалась в частных руках. Один наш знакомый купил здание, возведённое в 1846 году во время строительства Обводного канала, – дом начальника дистанции Мариинской водной системы, но не смог его восстановить и предложил купить дом мне. Мысль о сохранении памяти отца обсуждалась в нашей семье давно, и предложение о покупке дома легло на подготовленную почву. Но здание много лет не эксплуатировалось и находилось в аварийном состоянии. Поэтому год ушёл на ремонтно-восстановительные работы, которые выполняли местные строители-белозёры под руководством моего двоюродного брата – Сергея Валентиновича Викулова. Теперь это здание и стало музеем.

В экспозиции музея многое из московской квартиры С. В. Викулова: книги, часть мебели, фотографии, афиши. Сейчас в музее почти вся отцовская библиотека, его письменный стол, пишущая машинка, гармонь. Моя мама

Галина Васильевна Викулова и брат Александр Сергеевич Викулов оформили первоначальную экспозицию мемориальной комнаты. В 2012 году, к юбилею Белозерска, его 1050-летию, культурный центр имени С. В. Викулова принял первых гостей. На открытии были заместитель главного редактора журнала А. И. Казинцев, вологодские поэты, представители администрации города. Жители Белозерска с интересом осматривали экспонаты, выставленные в мемориальной комнате. Многие узнавали на фотографиях себя и своих близких. В прошедшие с того времени годы Культурный центр влился в творческую и культурную жизнь города. Здесь проводились выставки местных художников и фотохудожников, творческие вечера Белозерского литературного объединения, мероприятия с участием ветеранов, детские ёлки, молодёжные балы и многое другое. Нашу инициативу высоко оценили губернатор Вологодской области О. А. Кувшинников и администрация города. Организационную помощь оказывали глава района Е. В. Шашкин, начальник управления культуры Е. Г. Копылова, педагоги и воспитатели дошкольных учреждений. Творческие порывы работников центра сдерживались ограниченным бюджетом. В 2018 году мы решили попробовать подать заявку на Президентский грант. И получили его. При финансовой поддержке Фонда президентских грантов в Центре был реализован проект "Музыкальный ренессанс" – цикл концертов классической музыки для младших школьников и детей старшей группы детского сада. Московские музыканты познакомили маленьких слушателей с прекрасной музыкой в живом исполнении. В организации концертов участвовала моя дочь Ольга Сергеевна, преподаватель музыкальной школы по классу скрипки. Концерты понравилось детям, а музыканты были в восторге как от города, так и от отзывчивости слушателей. Понравились концерты и взрослой аудитории. В следующем году мы получили ещё два президентских гранта, в том числе один – на создание литературного музея. Другой грант, находящийся сейчас в работе, направлен на популяризацию творчества Сергея Васильевича Викулова среди детей и юношества. Программа его разнообразна: это занятия со школьниками рисованием и художественным чтением, конкурсы чтецов и конкурсы на лучшую иллюстрацию произведений Сергея Васильевича, литературные спектакли.

Почему музей был создан в Белозерске? Потому что это родина отца. Я, как и мой отец, люблю этот тихий, древний русский город. Можно напомнить, что Белозерск – один из семи городов, объединившихся под названием Русь".

В личном разговоре Полина Сергеевна скромно отмечает, что её биография не представляет интереса: по образованию она врач-терапевт, но жизнь сложилась так, что основной заботой стала семья, затем была работа бухгалтером. Но это-то как раз и интересно... Человек, связанный с литературой кровным родством, а не профессиональным призванием, делает для неё, быть может, больше, чем сами литераторы. Полина Сергеевна Викулова считает своё подвижничество совершенно естественным: "Почему музей журнала? Потому, что журнал – это дело всей жизни моего отца. Как я помню, у нас в доме были разговоры в основном о литературе, обсуждались журнальные публикации, препятствия на пути печатания отдельных произведений, таких, например, как "У последней черты" Валентина Пикуля. Я была знакома со многими авторами журнала, многие бывали у нас в гостях, помню их разговоры о творчестве, о проблемах русского народа, о будущем страны, о Великой Отечественной войне... Отец считал, что, работая в журнале, он работает ДЛЯ НАРОДА. Свою работу он любил, деньги его мало интересовали.

В наше время, к великому сожалению, молодое поколение практически не имеет информации о литературных журналах того времени, их авторах и публикациях. А если что-то и прочитает в интернете, то многого может и не понять, так как не чувствует той эпохи. Поэтому я считаю, что надо сохранять память о великих авторах, о великих произведениях, о подвигах отдельных людей и всего народа в Великой Отечественной войне и послевоенном восстановлении страны. Для начала хотя бы показать молодёжи, какая у страны была великая литература, какие великие люди жили и работали на благо родины, о чём писали в журналах, какие проблемы обсуждали, как искали пути к лучшему будущему и т. д. И показать преемственность литературных и нравственных традиций на примере издающегося сейчас журнала".

Смысловой акцент в последнем предложении особенно важен: сохранить натянутой нить времени, учтя исторический опыт, прийти к настоящему, а из

настоящего шагнуть в будущее. Поэтому одна из главных экспозиций в музее, которая встречает нас на входе, называется “Связь времён”. Она отражает путь журнала, который берёт своё начало ещё от пушкинского “Современника”, наследуя ему идейно и художественно. Рубежная точка пути – настоящее время – отражена на стендах “С. Ю. Куняев – редактор журнала в настоящее время” и “Наш молодой современник”.

Несмотря на то, что мне повезло работать над материалами и стендами в составе команды, создававшей экспозицию музея, из-за сложившейся эпидемиологической ситуации у меня ещё не было возможности увидеть музей воочию. Поэтому кратко опишу основные его помещения издалека, по фотографиям и отчётам, с надеждой на скорую нашу встречу.

Согласно концепции музея, посетитель имеет доступ к библиотеке Сергея Васильевича: в ней, помимо всех номеров журналов “Наш современник”, изданных в 1969–1989 годах, есть книги, подаренные ему авторами, почти все – с дарственными надписями. Посетитель может полистать их, удобно устроившись в “читательском уголке”. На редакторском столе С. В. Викулова находится его пишущая машинка, рукопись, ручка, которой он пользовался. В витрине представлены поэтические сборники Сергея Викулова, афиши творческих вечеров журнала.

На стендах и в витринах “Деревенская проза”, “Лирическая проза” и “Лейтенантская проза” представлены материалы об авторах “Нашего современника” эпохи С. В. Викулова. Это Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев, Фёдор Абрамов, Евгений Носов, Владимир Крупин, Юрий Бондарев, Юрий Казаков, Георгий Семёнов, Виктор Лихоносов и многие другие. Отдельный зал в музее посвящён вологодским поэтам. Отдавая дань месту рождения Сергея Васильевича и литературной плодовитости вологодской земли, работники музея представили здесь поэтические сборники Александра Яшина, Сергея Орлова, Николая Рубцова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Виктора Коротаева, Леонида Беляева, Алексея Шадринова. На стендах и в витринах зала “Литературная критика” – материалы, посвящённые Петру Палиевскому, Вадиму Кожинову, Юрию Селезнёву, Михаилу Лобанову, Татьяне Глушковой.

Есть в музее зал для творческих встреч с авторами и редакцией журнала “Наш современник”, которые, мы надеемся, состоятся в скором времени и станут постоянными.

Это далеко не исчерпывающее описание музея, а лишь краткие сведения о тематических зонах. На самом деле широта охвата экспозиции гораздо больше, она не заканчивается описанием отдельных литературных направлений, но перечислять всех упомянутых и увековеченных писателей здесь не будет уместно: слишком большой получится список.

Работа не ограничивается только наполнением помещений музея и их представлением посетителям в будущем. С самого начала работы над музеем ведётся оцифровка 252 номеров журнала с 1969–1989 годы. До настоящего момента архив “Нашего современника” невозможно было найти в открытом доступе, он хранился (и хранится) в редакции, в специальной комнате, а использовать его могли с большой осторожностью только сотрудники журнала. И это справедливо: ведь многие выпуски сохранились в единственном экземпляре. Но теперь на сайте *центр-викулова.рф* во вкладке “Литературный музей” вы можете ознакомиться с викуловским “Нашим современником” совершенно свободно и бесплатно. Оцифровка – процесс долгий, нужно отсканировать каждую страницу вручную, поэтому на данный момент на сайте доступны ещё не все номера за обозначенный исторический период, но электронный архив регулярно пополняется и обновляется. Обеспечение свободного доступа к наследию “Нашего современника” – важная часть работы музея, мы прекрасно понимаем, что в современном мире журналы сами должны идти к читателю, вести за собой в мир литературы, предлагать руку помощи.

П. С. Викулова всегда делает акцент на работе с подрастающим поколением, первостепенную задачу музея она формулирует следующим образом: “Задачей музея я ставлю, в первую очередь, работу со школьниками и молодёжью. Считаю литературу важнейшим воспитательным инструментом”. На материалах музея планируется создавать тематические лекции, учебные фильмы, спектакли для детей и юношества. В работе уже принимает участие Белозерский народный театр “Свеча” под руководством Л. А. Голубковой.

Ну, а дальше – осмыслять творческое наследие “Нашего современника”, вводить литературу в пространство повседневной жизни, находить новые способы взаимодействия с читательской аудиторией.

Открытие музея состоится в ноябре этого года, на нём с видеообращениями выступят наши авторы со всей страны. В городе на Белом озере для его жителей прозвучат писательские голоса из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Анапы, Омска, Кургана, Тамбова, Калуги. Мы от всей души поздравляем читателя с праздником – открытием музея журнала “Наш современник”. Ведь это ваш праздник настолько же, насколько и наш. Заходите в гости, если будете неподалёку, или даже приезжайте специально. Теперь двери музея для вас открыты!